ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

2026 Том 17 № 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics
Научный журнал
Издается с 2010 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Новоспасская Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Лазарева Олеся Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия
Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация
Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан
Евграфова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Российская Федерация
Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, Республика Беларусь
Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь
Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания
Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь
Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан
Цзюй Юнь Шэн, доктор филологических наук, доцент, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китайская Народная Республика

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)
4 выпуска в год (ежеквартально).
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics
Языки: русский, английский.
Индексируется Белом списке РЦНИ, РИНЦ Научной электронной библиотеки, Scopus, RSCI, DOAJ, Google Scholar, WorldCat.
Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory: http://www.ulrichsweb.com).
Материалы журнала размещаются на платформе Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цель и тематика

Журнал *«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика»* издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в Перечень рецензируемых журналов ВАК РФ по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки). Журнал ориентирован на широкую международную аудиторию.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей теории языка; теории речевой деятельности; семиотических характеристик знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотики и поэтики художественных текстов; функциональной семантики лексических и грамматических единиц. Журнал предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование категорий и единиц языка. Общие цели и задачи издания включают интегральную характеристику символической и коммуникативной парадигм филологического и гуманитарного знания. В прикладном аспекте разрабатываются методология и комплексные методики теоретических исследований языка и социума, системной лингвистики; осуществляется языковое моделирование. В журнале также есть разделы «Рецензии», «Научные обзоры», «Научная хроника». Издание адресовано филологам и другим представителям гуманитарного знания. Его авторы — доктора и кандидаты филологических наук, аспиранты, докторанты России, ближнего и дальнего зарубежья.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Редактор англоязычных текстов *О.Н. Колышева*
Компьютерная верстка: *Н.А. Ясько*

Адрес редакции:
Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 15.03.2026. Выход в свет 30.03.2026. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 33,43. Тираж 500 экз. Заказ № 20. Цена свободная.
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3,
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2026

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2026 VOLUME 17 No. 1

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1

http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

Founded in 2010

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF
Vladimir N. Denisenko
RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY EDITOR
Natalia V. Novospasskaya
RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY
Olesya V. Lazareva
RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Klaudia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovak Republic
Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation
Tatyana E. Vladimirova, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan
Yulia A. Evgrafova, Moscow Power Engineering Institute, Moscow, Russian Federation
Evgeny E. Ivanov, Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Republic of Belarus
Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation
Valentina A. Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain
Marina L. Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Tatiana V. Poplavskaya, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus
Vladimir P. Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation
Zifa K. Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan
Yunsheng Ju, Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-2299 (Print); ISSN 2411-1236 (Online)
Publication frequency: quarterly.
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics
Languages: Russian, English.
Indexing: White List RCSI, Russian Index of Science Citation, Scopus, RSCI, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory.
Electronic Journals Library CyberLeninka.

Aims and Scope

Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics deepens and develops aspects of general theory of language; theories of speech activity; semiotic characteristics of sign systems, language units of different levels and text; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units. The journal draws a reader's attention to a comprehensive and comparative study of the language categories and units. The general goals and objectives of the journal include an integral characteristic of symbolic and communicative paradigms of philological and humanitarian knowledge. The articles cover methodology and complex methods of theoretical studies of language and society, develop system linguistics and carry out language modeling. The journal introduces sections Reviews and Events. The journal is addressed to philologists and other representatives of the humanities. Our author are Russian and international scientists and postgraduate students.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor ***K.V. Zenkin***
English Text Editor ***O.N. Kolysheva***
Computer Design ***N.A. Yasko***

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze st., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
10 Miklukho-Maklaya st., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze st., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМИОТИКА И СЕМАНТИКА

Маркелова Т.В. (*Москва, Российская Федерация*). Семиотика НАРРАТИВА в современном медиапространстве ……. 9

Герасимова С.В., Пак Е.С., Пищулина И.А. (*Москва, Российская Федерация*). Трапеза в семиотической системе культуры: трансформация логосов в мифологемы …… 26

Алюнина Ю.М. (*Москва, Российская Федерация*). История одного слова: потенциал цифровых следов в изучении семантики заимствований ……. 44

Жаналина Л.К., Котлярова И.В. (*Алматы, Республика Казахстан*). Номинативный потенциал слова тоска …….. 59

Pesina S.A. (*Magnitigorsk, Russian Federation*), Sanzharova O.N. (*Moscow, Russian Federation*), Sakharova N.S., Tomin V.V. (*Orenburg, Russian Federation*), Faibushevskii M.V. (*Saint Petersburg, Russian Federation*), Tsytsarkina N.N. (*Kurgan, Russian Federation*). Polysemous Word Semantic Integrity: General Significance Formation (Семантическая целостность многосемного слова: формирование общего значения) ….. 85

Ван Шихао, Лазарева О.В., Баров С.А., Цзинь Лянь (*Москва, Российская Федерация*). Особенности нейминга салонов свадебной моды в русской и китайской лингвокультуре …….. 101

Suiyerkul B.M., Kydyrbayev K.A., Mustafayeva A.A. (*Almaty, the Republic of Kazakhstan*), Kulakhmetova M.S. (*Pavlodar, the Republic of Kazakhstan*). The Influence of Medieval Ornithonyms on the Kazakh People's Culture and Language (Влияние средневековых орнитонимов на культуру и язык казахского народа) …… 115

Тао Цзинь (*Москва, Российская Федерация*). Поворот к человеку в исследованиях содержания языка: результаты, проблемы и перспективы …… 133

Seitkazy E.A. (*Almaty, the Republic of Kazakhstan*), Valikova O.A. *(Moscow, Russian Federation)*, Sarsekeeeva N.K., Yedrenova N.T. (*Almaty, the Republic of Kazakhstan*). Ethnopoetic Constants as Semiotic Structures: Functioning in Literary Text (Этнопоэтические константы как семиотические структуры: функционирование в художественном тексте) ……... 161

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Feng Dongli (*Jinan, The People's Republic of China*), Ju Yunsheng (*Shanghai, The People's Republic of China*). From Energy Giant to Ecological Partner: Discursive Strategies and Semantic Prosody in the Construction of Russia's Climate Image (От энергетического гиганта к экологическому партнеру: дискурсивные стратегии и семантическая просодия в построении климатического образа России) …… 175

Derki N. (*Mascara, People's Democratic Republic of Algeria*). A Generic Structure Analysis of Arabic and English Response Letters to Complaints (Структурный анализ типичных ответных писем на жалобы на арабском и английском языках) …….. 186

Григорьева М.В., Соколова Е.Н., Смирнов А.Г. (*Москва, Российская Федерация*). Риторические стратегии и языковые особенности репрезентации «справедливости» в российских социальных сетях …….. 205

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Горобец Е.А. (*Казань, Российская Федерация*). Лингвистические аспекты исследования алекситимии …….. 221

Фурс Л.А., Финаев К.А. (*Тамбов, Российская Федерация*). Уровни глагольной репрезентации бенефактивности ……. 236

Лутфуллина Г.Ф. (*Казань, Российская Федерация*). Внешняя детерминанта как показатель дифференциации системы времен разноструктурных языков …… 250

Romanenko A.A., Zhikulina Ch.P., Rybakov M.A., Vasilyuk I.P. (*Moscow, Russian Federation*). Analysis of the Educational Form of Academic Style Based on School Physics Textbooks (Анализ учебной разновидности научного стиля на материале школьных учебников по физике) …… 266

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Pathan H. (*Sohar, Sultanate of Oman*), Aleksandrova O.I. (*Moscow, Russian Federation*). Populist Discourse versus Democratic Appeals: An Analysis of the Rhetorical Strategies of Trump and Harris (Популистский политический дискурс vs демократические призывы: анализ риторических стратегий Д. Трампа и К. Харрис) ……. 281

Амелькин С.А. (*Москва, Российская Федерация*), Шапиро Б.И. (*Берлин, Федеративная Республика Германия*), Горожанов А.И., Писарик О.И. (*Москва, Российская Федерация*). Парадигмы развития дискурса в социокоммуникативных группах: макросистемная модель …… 303

Дугалич Н.М., Ермолаева С.П., Куприянова А.М., Никонов Н.М. (*Москва, Российская Федерация*). Жанровые характеристики поликодового текста медицинского дискурса на материале медицинского плаката и карикатуры …… 322

Замалетдинов Р.Р., Вагапова А.А. (*Казань, Российская Федерация*). Специфика перевода медицинских опросников на татарский язык ……. 336

Шевченко В.Д. (*Самара, Российская Федерация*), Ашраф М. (*Самара, Российская Федерация; Джамшоро, Пакистан*), Ахмед Х.А. (*Самара, Российская Федерация; Пасрур, Пакистан*). Полидискурсивность и семантические категории …… 351

Куриленко В.Б., Просвиркина И.И. (*Москва, Российская Федерация*), Дмитриева Н.М. (*Оренбург, Российская Федерация*), Майгельдиева Ж.М. (*Кызылорда, Республика Казахстан*). Национальная специфика концептов ТУЫСҚАН / РОДСТВЕННИК в казахской и русской картинах мира …… 361

CONTENTS

SEMIOTICS AND SEMANTICS

Markelova T.V. (*Moscow, Russian Federation*). Semiotics of Narrative in the Modern Media Space 9

Gerasimova S.V., Pak E.S., Pishchulina I.A. (*Moscow, Russian Federation*). Meal in the Semiotic System of Culture: Transformation of Logos into Mythologemes 26

Alyunina Yu.M. (*Moscow, Russian Federation*). The Story of One Word: Studying the Semantics of Loanwords Through Digital Footprints 44

Zhanalina L.K., Kotlyarova I.V. (*Almaty, the Republic of Kazakhstan*). Nominative Potential of the Word Anguish 59

Pesina S.A. (*Magnitigorsk, Russian Federation*), Sanzharova O.N. (*Moscow, Russian Federation*), Sakharova N.S., Tomin V.V. (*Orenburg, Russian Federation*), Faibushevskii M.V. (*Saint Petersburg, Russian Federation*), Tsytsarkina N.N. (*Kurgan, Russian Federation*). Polysemous Word Semantic Integrity: General Significance Formation 85

Van Shihao, Lazareva O.V., Barov S.A., Jin Lian (*Moscow, Russian Federation*). The Peculiarities of Naming Wedding Fashion Salons in Russian and Chinese Linguoculture 101

Suiyerkul B.M., Kydyrbayev K.A., Mustafayeva A.A. (*Almaty, the Republic of Kazakhstan*), Kulakhmetova M.S. (*Pavlodar, the Republic of Kazakhstan*). The Influence of Medieval Ornithonyms on the Kazakh People's Culture and Language 115

Tao Tszin (*Moscow, Russian Federation).* Turning Towards a Human Being in Language Content Research: Outcomes, Problems and Prospects 133

Seitkazy E.A. (*Almaty, the Republic of Kazakhstan*), Valikova O.A. *(Moscow, Russian Federation*), Sarsekeeeva N.K., Yedrenova N.T. (*Almaty, the Republic of Kazakhstan*). Ethnopoetic Constants as Semiotic Structures: Functioning in Literary Text 161

CORPUS STUDIES

Feng Dongli (*Jinan, The People's Republic of China*), Ju Yunsheng (*Shanghai, The People's Republic of China*). From Energy Giant to Ecological Partner: Discursive Strategies and Semantic Prosody in the Construction of Russia's Climate Image 175

Derki N. (*Mascara, People's Democratic Republic of Algeria*). A Generic Structure Analysis of Arabic and English Response Letters to Complaints 186

Grigorieva M.V., Sokolova E.N., Smirnov A.G. (*Moscow, Russian Federation*). Criteria of Conflictogenic World-Modeling in Anonymous Political Discourse of Telegram 205

LANGUAGE STUDIES

Gorobets E.A. (*Kazan, Russian Federation*). Linguistic Aspects of Alexithymia Research …….. 221

Furs L.A., Fineev K.A. (*Tambov, Russian Federation*). Levels of Benefaction Verb Representation …….. 236

Lutfullina G.F. (*Kazan, Russian Federation*). The Role of External Determinants in the Differentiation of Tense Systems Across Language Types …… 250

Romanenko A.A., Zhikulina Ch.P., Rybakov M.A., Vasilyuk I.P. (*Moscow, Russian Federation*). Analysis of the Educational Form of Academic Style Based on School Physics Textbooks …… 266

DISCOURSES STUDIES

Pathan H. (*Sohar, Sultanate of Oman*), Aleksandrova O.I. (*Moscow, Russian Federation*). Populist Discourse versus Democratic Appeals: An Analysis of the Rhetorical Strategies of Trump and Harris …… 281

Amelkin B.I. (*Moscow, Russian Federation*), Shapiro S.A. Berlin, the Federal Republic of Germany, Gorozhanov A.I., Pisarik O.I. (*Moscow, Russian Federation*). Paradigms of Discourse Development in Socio-Communicative Groups: Macrosystemic Model …… 303

Dugalich N.M., Ermolaeva S.P., Kupriyanova A.M., Nikonov N.M. (*Moscow, Russian Federation*). Genre Characteristics of Polycode Texts in Medical Discourse an Analysis of Posters and Cartoons …….. 322

Zamaletdinov R.R., Vagapova A.A. (*Kazan, Russian Federation*). Specifics of Translating Medical Questionnaires into Tatar Language …….. 336

Shevchenko V.D. (*Samara, Russian Federation*), Ashraf M. (*Samara, Russian Federation; Jamshoro, Pakistan*), Ahmad H.A. (*Samara, Russian Federation; Pasrur, Pakistan*). Poly-Discursiveness and Semantic Categories …… 351

Kurylenko V.B., Prosvirkina I.I. (*Moscow, Russian Federation*), Dmitrieva N.M. (*Orenburg, Russian Federation*), Maygeldieva J.M. (*Kyzylorda, the Republic of Kazakhstan*). National Specifics of the Concepts РОДСТВЕННИК ‘RELATIVE’ / TUYSҚAN in Kazakh and Russian Worldview …….. 361

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 9–25
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

СЕМИОТИКА И СЕМАНТИКА

SEMIOTICS AND SEMANTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-9-25
EDN: GWZTIE

Научная статья / Research Article

Семиотика НАРРАТИВА в современном медиапространстве

Т.В. Маркелова

Институт современного искусства, *Москва, Российская Федерация*
✉ tvmarkelova@mail.ru

Аннотация. Изменение лингвокультурной ситуации ведет к трансформации значений лексической единицы, которая получает новые смыслы и новое восприятие. Цель исследования — анализ функционирования лексической единицы *нарратив*, которая является ментальным продуктом, воспроизводимым человеком посредством дискурсивной деятельности, и рассматривается как заменитель слова *риторика* (как аналог речедействия); множественность обозначаемых данного слова (*риторика* как *рассказ*, *история*, *текст*, *дискурс*, *точка зрения*, *ракурс*) основывается на ее восприятии как языкового инструмента с широкими возможностями, особого семиозиса культурно-языковой картины мира в корреляции *язык — культура — коммуникация*. Рассмотрена семантика и прагматика семиотического знака *нарратив* в медийном тексте, отмечена реализация прагматики ценностного (положительного или отрицательного) отношения; а также типы десигнатов в слове-знаке нарратив и их интерпретация в контексте.

Ключевые слова: дискурс, языковое развитие, ценности

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Маркелова Т.В.* Семиотика НАРРАТИВА в современном медиапространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 9–25. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-9-25 EDN GWZTIE

© Маркелова Т.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Semiotics of Narrative in the Modern Media Space

Tatiana V. Markelova

Institute of Modern Arts, *Moscow, Russian Federation*
✉ tvmarkelova@mail.ru

Abstract. This study investigates the evolution of lexical meanings within changing linguocultural contexts, focusing on the acquisition of new senses and perceptions by linguistic units. The aim of the study is to analyze the functioning of the lexical unit narrative, which is a mental product reproduced by the human being through discursive activity and considered as a substitute for the word rhetoric as an analogue of speech act. The multiplicity of designations of this word (rhetoric as an analogue of story, history, text, discourse, point of view, perspective) is based on its perception as a linguistic tool with broad capabilities, a special semiosis of the cultural-linguistic picture of the world in the correlation between language, culture, and communication. The analysis explores the semantics and pragmatics of narrative as a semiotic sign within media texts. It highlights the implementation of its pragmatics to convey axiological (positive or negative) evaluations. Furthermore, the study identifies and interprets the various types of designata associated with this word-sign in contextual usage.

Keywords: discourse, language development, values

Conflict of interests: the authors stated that there were no conflicts of interest.

Article history: received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Markelova, T.V. (2026). Semiotics of Narrative in the Modern Media Space. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 9–25. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-9-25 EDN GWZTIE

Введение

Развитие искусства речи в медиапространстве, постоянное изменение медиакартины мира, влияющее на восприятие гражданами политики государства и на сам ментальный вектор этой политики, регулярно вовлекает в лексическую систему слова ограниченного употребления — термины (*риторика, нарратив*), профессионализмы (*власть, реформа, модернизация*), варваризмы (*аккаунт, мануал, трек*), начинающие «жить» новой жизнью как в языке средств массовой информации, так и в языке социума. В основе этого развития лежит лингвокультурная ситуация как «возбудитель» трансформации значений слова — одного или нескольких — в условиях контекстов нового времени, нового пространства, новых смыслов объективной действительности и ее восприятия.

Среди таких трансформированных слов, в нашей метафорической трактовке «обновленных», были исследованы слова ***элита, власть, модернизация, цифра*** и др., демонстрирующие часто «вспышку» аксиологической семантики как причину распространения в медиапространстве: *Власть закона и произвол власти* (ЛГ); *Цифра без хайпа* (АиФ); *Милитаристская риторика Санду напугала население* (НГ); *Конечно, российскую финансово-промышленную элиту можно назвать сверхэффективной в части личного обогащения и агрессивной экспансии* (НИ). Однако в лингвистическом поле и на его

горизонте регулярно появляются «модные маркеры», реализующие новую прагматику речевого общения, «погруженную» в медиадискурс различных форматов: мультимедийности, креализованности, поликодовости, которые отличаются увеличением точек зрения, подходов, траектории взглядов в рамках мультиплексов, подкастов, «сжимающихся» печатных медиа и находящихся в динамике становления новых медиа. Таким маркером стало в последнее время слово ***нарратив***, с одной стороны, в части контекстов, заменившего собой слово ***риторика*** как аналог речедействия: ***нарратив Трампа*** — ***риторика Трампа***, с другой, «настроенного» на новый ракурс отражения злободневной действительности: ***стратегический нарратив, аккредитивный нарратив*** и на новые смыслы аксиологического контекста: ***ложные нарративы, война нарративов, фальшивые нарративы.*** Факт вовлечения в широкий дискурсивный процесс слова, лишенного лексикографической характеристики в авторитетных современных и традиционных толковых словарях, в большинстве словарей иностранных слов, в аспектных словарях и энциклопедических тезаурусах, в словарях новых слов[1] нуждается в исследовании его когнитивной, коммуникативной, экспрессивной, креативной динамики, обеспечившей употребительность в медиапространстве и рецепцию социума. Лингвистические наблюдения за эмпирикой ***нарратива*** отправляют на поиск причин потребности медиаличностей и медиапотребителей в таких новых маркерах «старого» происхождения, в выходе на поверхность вербального общения трансформированных лексических единиц, в которых строго научное содержание полипарадигмального характера переходит в плоскость дискурсивного маркера и развивается в речи социума: «Вербальное общение связано с использованием информации или знаний трех видов — лингвистических (языковых), энциклопедических и интерактивных» [1. С. 10].

Феноменальная специфика семиосферы нарратива

По отношению к ***нарративу*** позволим себе применить понятие Р. Барта «культурно-семиотический феномен» [2]: слово как знак естественного языка и естественной семиотики в «сопряжении» с психологической, социальной, дискурсивной деятельностью сознания. Множественность обозначаемых этого знака — *рассказ*, *история*, *текст*, *дискурс*, «*точка зрения*», *ракурс* — располагаются под символом одного обозначающего — ***нарратив***. Эта множественность детерминирует разные возможности интерпретации исходно терминологической лексемы «нарратив» — представление о **междисциплинарном концепте** как передаче опыта в разных языковых картинах мира — психологической, социальной [3], культурной (в разных видах искусства) [4] с помощью слова-лексемы как языкового инструмента с широкими возможностями, в развитии языковой семантики в слове как компоненте текста,

[1] Новые слова и словари новых слов 2020 : сб. научных статей / отв. ред. Н.В. Козловская. СПб. : ИЛИ РАН, 2020.

который, по определению Ю.М. Лотмана, «...обладает семиотической неоднородностью и, как следствие этого, способностью генерировать новые сообщения. Роль его отличается активностью: он всегда «знает больше», чем исходное сообщение» [5. С. 27]: *На макроуровне речь идет о формировании более сбалансированного информационного поля, где наряду с историями успеха присутствуют* ***реалистичные и поддерживающие нарративы*** *о ценности труда, карьерного роста и семейной стабильности* (РГ); *Нарратив в мультимедийной журналистике: анализ российских и зарубежных медиапроектов* (Матч-ТВ); представление о **понятии** в корреляции с деятельностью мышления в контексте национально-культурной специфики, где слово выступает как идентификатор говорящего — представителя лингвокультурной общности, как коммуникативно-познавательная единица: *В своем Telegram-канале настоятель Винницкой епархии как церковнослужитель также распространял «прокремлевские» нарративы во время службы и в личном общении с прихожанами* (РБК).

Осмысление слова ***нарратив*** как особого семиозиса культурно-языковой картины мира в корреляции *язык — культура — коммуникация* заставляет искать роль коммуникантов как человеческого фактора в общении, реализуемого отношениями пропозиции и ситуации в высказывании. Расширение сферы лингвистики обогащает речевой портрет говорящего в медиасфере, актуализирующей значение слов с **особенной феноменальной знаковой природой,** к которым принадлежит слово ***нарратив***: «Поэтому речевой портрет человека — это и портрет его ума» [1. С. 32]. Можно предположить, что включение подобных слов в **«портрет ума»** появилось в процессе защиты человека от наступления искусственного интеллекта: нарратив как ментальный продукт, воспроизводимый человеком посредством дискурсивной деятельности (последовательность высказываний, естественные и придуманные истории, фокус зрения, текст как совокупность знаков акта рассказывания и др.) «очеловечивает» коммуникацию, не дает цифре «наступить на слово», развивая в актуализированном слове **иконичность, символичность, дейктичность** Ч. Пирса [6] и **прагматичность** в корреляции с **семантикой и синтактикой** Ч. Морриса [7. С.70–77].

Включенность слова ***нарратив*** в знаковую природу разных семиотик определяется архисемой «текст», объединяющей **типы текста**: миф, легенда, басня, сказка, новелла, витраж, кинематограф, бытовой разговор; **структуры текста**: сюжет и фабула, система персонажей, время, модальность, иронизация; **смыслы текста**: «история не рассказывается, а проживается» [8. С. 85], «дискурсивная гегемония» привлекательного опыта и его «навязывания» (***нарратив*** идентичности, сообщества единой судьбы); **научную природу текста** в логике, гносеологии, литературоведении, риторике, лингвистике, эстетике.

Образование слова от лат. narrare — «рассказывать» — породило не только имя ***нарратив***, вошедшее в широкое употребление в последние годы,

но и название литературоведческой дисциплины «нарратология» — «теория повествования», появление и развитие которой в 60-е гг. XX столетия отличается промежуточным положением «между структурализмом, с одной стороны, и рецептивной эстетикой и «критикой читательской реакции», — с другой»[2]. Каждое положение находит место при трансформации исходного значения термина в процессе употребления: *Кроме того, министр Сийярто подчеркнул, что «не ведет переговоры* в ***соответствии с брюссельскими нарративами и не высказывает брюссельские тезисы. а представляет национальные интересы***» (ТАСС).

Появление учебников с одноименным названием «Нарратология» и монографий как научного сегмента в области коммуникативного аспекта литературных произведений, соотношения нарратологии и дискурсологии, глубинной структуры текста в восприятии читателя и др.; построение **семиотической модели *«нарратива»*** как «общего в единичном» — для повествования любого формата, жанра и функции (см., например [9; 10]) — доказывает **прагматическое содержание** лексемы, демонстрирующее отношение говорящего к знаку, который он выбирает для реализации своей **интенции** в процессе достижения цели речевого общения. Знак ***нарратив*** выполняет при этом языковую функцию изображения: *Выступление президента США Дональда трампа в Кнессете* (*израильском парламенте*) *было призвано изменить сложившийся* ***глобальный негативный нарратив*** *о действиях Израиля в секторе Газа...* (ТАСС); экспрессии: *Атака НАТО на Белград. В 1999 году действительно не было разрешения Совбеза ООН на военное вторжение в Югославию, но* ***нарратив бомбардировки*** *определяли СМИ, которые утверждали, что это было единственное средство для решения большой гуманитарной катастрофы* (ТАСС), апеллятива: *«Все ведущие европейские страны продолжают использовать* ***военный нарратив.****.. Они могут и дальше пытаться взбесить Россию, но это ее не остановит», — вынес приговор эксперт.*

Именно ***интенциональность*** при реализации семантики слова ***нарратив*** проецирует феноменологическую и философскую точку зрения на лингвистическое знание, реализует направленность сознания на объект в процессе речевого общения, формулирует коммуникативное намерение и формирует семантическую категорию как «класс однородных в смысловом отношении языковых феноменов» [11. С. 14] (*повествование, рассказ, история*). Мультинаучность интенциональности — психологическое, логико-философское, лингвистическое знание — детерминирует когнитивную сложность знака ***нарратив*** в его интерпретации лексемой. Факты деятельности сознания определяют пропозициональный уровень слова-знака, реализуя в нем «свернутое» суждение-высказывание с внутренним **интенсиональным** содержанием

[2] Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2003. С. 609.

субъективного предъявления информации коммуникантом в речевом общении, то есть демонстрируя его прагматику: *Дмитриев считает, что эра «фальшивых нарративов» подходит к концу* (ТАСС); *Как сохранить разум в мире черно-белых нарративов? Важный разговор с Александром Асмоловым* (НГ). Модусная рамка высказывания и его субъективность как отношение к смыслам повествования развивает метафорическую природу слова, основанную на сравнении с действиями человека как объекта-участника ментального процесса: ***война нарративов*** (война мнений, мыслей, предписаний, точек зрения?, но вряд ли «война повествований, рассказов»); ср. также: ***продажа нарративов*** (ценностных взглядов, мыслей, мнений, предписаний, историй? — но вряд ли продажа текстов, историй, повествований?); ***власть нарративов, нарратив идентичности*** и многие другие метафоры.

Прагматический объем содержания ***нарратива*** очень широк. Опираясь на предельно обобщенное понимание феномена знака в теории Р. Якобсона, представителя «золотого века» нарратологии, процитируем определение, лежащее, на наш взгляд, в основе палитры значений исследуемого слова и его актуализации в современном медиапространстве и новых медиа: «знак не нуждается ни в чем, кроме возможности быть интерпретированным, даже при отсутствующем адресанте» [12. С. 147]. Сложность **знака-объекта** как ментального продукта, воспроизводимого человеком посредством дискурсивной деятельности, дает возможность интерпретировать ***нарратив*** в корреляции с социокультурным контекстом деятельности человека и его мышлением как когнитивной деятельностью. Особенность отношений в трех цепочках Л.А. Новикова раскрывает обозначенный выше тезис:

1) знак — интерпретанта (смысл, значение) — десигнат/объект;

2) знак — интерпретанта (смысл, значение) — десигнат/#;

3) знак — интерпретанта (смысл, значение) —# / объект

и позволяет анализировать на его основе семантику, синтактику и прагматику сложного знака, включая в них человека-интерпретатора: «Отношение «знак — объект (денотат) неизбежно рождает мыслительное содержание (интерпретанту, смысл, значение)» [13. С. 28].

Семантика знака-лексемы *нарратив* в медийном тексте: социокогнитивный аспект

Смена риторической парадигмы современника, развитие понятия риторическая личность, динамика экстралингвистической ситуации в динамике появления новых медиа, «переход» межличностной коммуникации в виртуальную реальность, изменяющаяся геополитическая и экономическая ситуации неизбежно влекут за собой трансформацию семантической интерпретации отдельных явлений в языковой картине мира. Превращаются в актуалемы[3] слова, ранее не важные (*риторика, власть*), осваиваются

[3] *Черникова Н.В.* Словарь актуалем : словарь-справочник. М. : МГОУ; Мичуринск : МГПИ, 2008.

варваризмы (*Трамп — настоящий девелопер и организатор производства*), изменяется не только стилистика медийного пространства, но и способ трансляции ценностей: (***Нарративы креативных индустрий; нарратив развития; нарратив победы в СВО***). Семиотика языкового знака усложняется, отражая развитие объекта, изменение структуры десигната в корреляции с «движущейся» ситуацией, многослойность десигната во взаимодействии с пропозицией. Слово становится актуальным в силу такой семиотической многомерности и готово «выпрыгнуть» на дорогу языковой картины мира как «суперновый» механизм, вытесняя механизмы старые.

Сдвиг семантических смыслов пережило слова *риторика*, практически утратив главное значение «красноречие» и перейдя в парадигму дискурсивных слов — *речь, высказывание, аргумент*: *риторика Трампа, риторика насилия, политическая риторика* и др. Особенным «модным маркером» стало слово *цифра* (цифровой), переосмыслив значение числа как базы информации: *цифровой зоопарк, Толстой «в цифре», «цифра наступает на слово»* и др. ***Преображение семантики знака*** как отражение его языковой репрезентации в когниции особенно характерно для медийного пространства. Медиаречь, заполнившая медиатекстами 90 процентов окружающего пространства, «настроена» на широкий охват публики, являясь инструментом влияния на социум и отражая его мировоззрение и языковую картину мира.

Глобализация ценностного подхода к любому объекту, субъективизация взгляда на десигнат, развитие множественности мотиваций как отражение социального контекста жизни, стремление к индивидуализации выражения и одновременно привычка к «модным словам» обрели **новую тенденцию** в последние годы. Она состоит в том, чтобы слово несло в себе принцип **необычности, оригинальности, иногда даже странности.** Основой этого принципа для **актуалем становится представление о слове как семиотическом знаке**, в нашем случае вбирающем в себя знаковую природу других систем — социальной, медийной, когнитивной, логической, психологической, филологической и др.

Необычное как основа трансформации слова-знака регулярно проявляется в социальной картине мира как одной из составляющих медийной картины мира и реализуется в медиатексте, «настроенном» на современный слову-знаку социальный контекст. В этом отношении в социальном контексте реализуется взаимодействие актуального событийного ряда с системой ценностей, в первую очередь, духовно-нравственных, что, несомненно, оказывает влияние на коммуникантов, интерпретирующих содержание медиатекста в рамках своего социального, интеллектуального, эмоционального и коммуникативного опыта: *Современное искусство все чаще отходит от **линейного нарратива,** предлагая зрителю не историю, а опыт, который он должен пережить самостоятельно* (***Нарратив*** в современном искусстве: от повествования к экспириенсу // «Искусство»). Знак-интерпретанта в условиях зависимости от социолингвистического контекста становится **транслятором** не только событийного потока в медиадискурсе, но и одновременно

выразителем отношения медиаличности (индивидуальной или коллективной). Медиа фиксируют смену социальных оценок, например, в 90-е гг. XX в. и в 2000-е (появление у лексем *элита, оптимизация и модернизация* отрицательной оценочной семантики), отражают смену монопарадигмальной науки на полипарадигмальную, переосмысливают форму воздействия на общество, закрепляя в сознании людей нравственно-эстетические и поведенческие эталоны в отношении к культуре и политике не только внутренней, но и внешней: *Настоящий социальный омут для модернизации и оптимизации; Элита русская больна* (Слово, 2007, № 8), *Наша коррумпированная элита вытягивает из страны последние соки* (НГ) *и др.*

Масштабирование социального использования медиадискурса приводит к **масштабной смене структуры когнитивно-прагматического бытия актуальной лексемы в рамках ее роли в построении информационной картины мира в медиапространстве.** Лингвокогнитивный подход к интерпретационным свойствам медиатекстов и их «модным маркерам», реализующим знак-интерпретанту, позволяет представить актуальное содержание объекта и десигната как основу **трансформации исходной семантики и прагматики слова-знака**, превращающегося тем самым в образ–стереотип, в образ-оценку, развивающую множественные смыслы в контекстах различного типа. Изменение аксиологического отношения к событиям, фиксируемое в современных медиа, отражают приспособление основной и главной единицы языка — слова — к новым реалиям.

Изменение прагматического содержания в рамках семантической структуры лексемы ***нарратив*** и ее трансформация происходят в **процессе актуализации ее семем,** обусловленных публицистическим контекстом.

Специфика семантики слова ***нарратив*** как междисциплинарного концепта создает предпосылки для реализации различных контекстов — не только демонстрирующих известные внутренние смыслы — «повествование», «рассказ», «история», «текст», «дискурс», «точка зрения», но и ранее не характерные для данной лексемы, интерпретирующие особенности десигната (денотата — объекта) — обозначаемого семиотического знака ***нарратив***.

Контекстуальное окружение лексемы ***нарратив*** свидетельствует о способности его десигната — ментального содержания, свойственного **объекту речемышления**, к выражению аксиологической семантики, с одной стороны, формируемой контекстом, а с другой стороны, подтверждающей его возможности. **Синтактика** анализируемого текста зависит от структуры ***нарратива*** в прямом значении слова: **совокупность истории, лежащей в основе события, текста и наррации как акта рассказывания**. **Прагматика** как отношение коммуникантов к выбору знака включает особые смыслы интерпретационных компонентов, основанные на понимании оценки как умственного акта («умственный мостик»). Умственный акт оценки участвует в выборе **семантики** слова ***нарратив*** в процессе употребления и одновременно в трансформации этого значения.

Прагматика семиотического знака *нарратив*

При выражении интенции говорящего в прагматическом контексте семиотический знак ***нарратив*** несет три типа информации: **когнитивную** — результат умственного акта, позиция в ментальном поле: *хорошо — нормально — плохо;* **коммуникативную** — характер речевого акта: *похвала — одобрение — порицание;* **эмотивную** — *удовольствие — неудовольствие — презрение* и др. Широкий объем информации коррелирует с широким функционалом языкового знака, реализующего **интенцию**: изображение, экспрессия, апелляция. Данное обстоятельство — источник и реализатор трансформации слова ***нарратив*** в контексте. В процессе трансформации также активно участвует набор семем в семантической структуре слова-знака. Их содержание делает **означаемое** (денотат, десигнат, объект) не только богатым структурным образованием, — *повествование, рассказ, история, текст, дискурс, точка зрения*, но и обогащенным семами внутри полисемичных семем: например, *рассказ* включает две семы, *история* — семь, *текст* — три, *дискурс* — четыре. Прагматическая составляющая, формирующая и усиливающая оценочную семантику ***нарратива,*** определяется следующими шагами прагмасемантического анализа: поиском иерархии сем в семеме с целью постепенного «нахождения» такой, которая демонстрирует ценностное отношение говорящего не явно, с помощью «средней» или «слабой» прагмемы, близкой к «коннотации». Ряд сем в лексеме *повествование* — «связный рассказ о каком-либо событии»[4], базовой для нарратива, несет в себе прагматическое содержание на втором шаге анализа: *связный* — «***хорошо*** изложенный, логически стройный»[5]; *событие* — «то, что произошло, то или иное ***значительное*** явление, факт общественной или личной жизни»[6] — *значительный* — «большой по размерам, силе», **«важный»**, — «выразительный»[7] — на третьем шаге анализа.

Данный факт детерминирует специфику «**необычного»** в знаке-интерпретанте, побуждая интерпретатора выбирать прагматическую составляющую в процессе когниции и на этой основе **трансформировать** семантику знака: ***нарратив*** *— важная, значимая информация, хороший или плохой тезис, значимая мысль, хорошее изложение, важный ход развития, движения, взаимосвязь с нелингвистической информацией.* Таким образом, **семиотика слова нарратив** оказывается подверженной **прагматическим преображениям аксиологического характера**, в которых экстралингвистический фактор влияния социокультурного, социокогнитивного, психологического контекста детерминирует появление в слове ***нарратив*** новых смыслов — отрицательно и положительно оценочных, эмоциональных или безэмоциональных, либо вообще не связанных с повествованием: *война нарративов,*

[4] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1998. С. 528.
[5] Там же. С. 705.
[6] Там же. С. 740.
[7] Там же. С. 232.

агрессивные нарративы, антимусульманский нарратив, укрепляющий нарратив и др. Глобализация оценочного отношения к любому событию, свойственная медиатекстам и в целом медиапространству последних лет, вызывает актуализацию семантики нарратива и динамику его употребления, как бы противоречащие его научности, сложности, терминологичности, нелексикографированности в толковых словарях, «непонятности» для широкого массового читателя.

Типы десигнатов в слове-знаке *нарратив* и их интерпретации в контексте

Означаемое — **«ценность»**, формируемая прагматическим контекстом отношения к ситуации в знаке-интерпретанте: ***отрицательное ценностное отношение к ситуации, реализуемое словом нарратив*:**

Демократам (и европейским элитам) через закрытие своего информационного пространства удалось навязать ***ложный нарратив*** *украинского конфликта (Риа новости)* — интерпретанта «отрицательные ценности», «неправильное отношение» формируется взаимодействием составляющих обозначаемого (десигната) — «связный рассказ» о свершившемся событии с его большим размером и силой с отрицательной прагматикой контекста — выбором трех отрицательных контекстуальных компонентов — «элита» (с трансформированной отрицательной семантикой), «закрытие» — непрозрачность, непроницаемость, смутность, порождающие «ложную оценку» — «мнимый, намеренно выдаваемый за истину»[8] — вторая семема многозначного атрибута *ложный (нарратив).* Ср. также —*Так, финансист, работающий в иностранной компании, считает, что правительство Нарендры Моди намеренно разжигает* ***антимусульманский нарратив*** *среди индуистов, как бы рисуя образ «общего» врага* (Изд. дом.ру) — приписывание отрицательного отношения в рамках десигната создается «сильными» прагмемами с военной семантикой «дойти до высокой степени», «усилиться» в *разжигать* — «заставить гореть», «противник» в «общий «враг» и в атрибуте «антимусульманский», психоэмоциональной характеристики «намеренно», приписываемой автору нарратива вторым коммуникантом — автором мнения.

Отрицательные компоненты социокультурного и социокогнитивного контекста присущи также высказываниям с «сильными» прагмемами–атрибутами, где отрицательный смысл **обозначаемого** трансформирует «безоценочный» первично смысл **означающего** — ***нарратива*** : *Захарова назвала приоритетом Берлина* ***агрессивные нарративы*** *из-за поставок Taurus* (Газета.ru); *На* ***пропагандистские нарративы*** *западным демократиям ответить нечем..; ...западные страны цинично продвигают* ***ложные нарративы*** *о якобы растущей «китайской угрозе» в Арктике, но в реальности из всех неарктических государств именно внерегиональные страны-члены*

[8] *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1998. С. 331.

НАТО и, прежде всего, Великобритания, вносят наибольшую напряженность в высокие широты», — сказал господин Корчунов «РИА Новости» (Коммерсант); *В Министерстве культуры Украины считают, что программа должна «усилить защиту от* ***враждебных нарративов*** *и создать украинскую альтернативу российскому культурному влиянию» (противопоставленные смыслы в означающем); «Для биткоина критичной опорой остается широкий диапазон $ 80–90 тыс.: его пробой при повышенных объемах при* ***жестком нарративе ФРС*** *и возможном новом витке обострения торговых конфликтов повысит риск более глубокого ухода в область $ 75 тыс., где спрос могут поддержать долгосрочные холдеры и новые институционалы»* (РБК.ru) — в этом конкретном примере отрицательная ментальная оценка в десигнате как опасной ситуации расширяет смысл знака-интерпретанты до значения **«запрет», «императивное послание»**, доказывая способность обозначающего знака ***нарратив*** к трансформации в экономическом дискурсе с широким описанием экстралингвистической ситуации.

Знак-интерпретанта реализует функционал высокой степени выразительности и экспрессии в синтактике неатрибутивного плана, когда слово-знак ***нарратив*** занимает синтаксическую позицию субъекта: ***Нарративы Дальнего Востока*** *попали в фокус экспертов «Амур Экспо»* (Федеральная пресса), предиката: *Это* ***нарратив русских****, что я не могу начать говорить с Путиным* (РенТВ), именительного темы: *Нарратив в мультимедийной журналистике* (Вестник МГУ), ***Нарратив*** *в современном искусстве: от повествования к экспириенсу;* объекта, где усиливает тем самым свою денотативную сущность: ***Война нарративов****. Почему российская пропаганда испугалась сериала «Чернобыль»* (Гарнье интернациональ). Развитая синтактика коррелирует с развитой семантикой, предоставляя слову-знаку ***нарратив*** практически безграничную возможность совершенствования ментальной деятельности в процессе его употребления.

«Изобретательность» ума в процессе интерпретации слова с ментальным наполнением «раздвигает» рамки возможного и рождает явление противопоставления вне лексической антонимии, вводя в антитетическое послание новые смыслы означающей лексемы: *Мы также обратили внимание на слова главы министерства культуры Молдавии о том, что Русский дом якобы стал инструментом распространения* ***вредных, как было сказано, нарративов****, и угрозой для национальной безопасности, — продолжила Захарова. Они что-то, наверное, перепутали. Вообще мы* ***нарративы*** *не распространяем. Мы, если что-то и распространяем, то это* ***мысли, а нарративами*** *забита голова не у нас»* (ТАСС.ру). Противопоставления *мысли — нарративу*, с одной стороны, подчеркивает ментальное содержание десигната — в рамках ложных ценностей, носителей отрицательных смыслов, с другой стороны, символизирует это ментальное значение, вводит ***нарррратив*** в систему единиц мышления — не только расширяя его семантическую структуру, но и подчеркивая его отрицательную экспрессию и эмоциональное содержание, обусловленные мнением и трактовкой автора. Такая же ситуация

противопоставленности смыслов, как бы внутренней энантиосемии в качестве одного из средств трансформации значения знака, содержится в ироническом высказывании: ***Нарратив*** *про слабо развитую страну-бензоколонку, с разорванной в клочья экономикой и разоренными арсеналами, одновременно угрожающую стереть с лица земли Запад своей военной мощью и уникальным сверхсовременным оружием — как раз про это* (РИА Новости).

Означаемое — «ценность», формируемая прагматическим контекстом отношения к ситуации в знаке-интерпретанте: ***положительное ценностное отношение к ситуации, реализуемое словом нарратив:***

Цель — не просто пересказать факты, а создать ***богатый, многослойный нарратив****, который максимально полно вовлекает аудиторию, используя сильные стороны каждого медиума* (Ведомости.ру). Сохраняя базовый смысл истории, текста и наррации, слово-знак в данном социокультурном контексте приобретает смысл **ценностного послания,** основанного на движении сюжета во времени и в пространстве. Значение интерпретанты расширяется до проникновения в теорию повествования, не просто объединения ее элементов, но успешного воздействия на аудиторию. Когнитивно–коммуникативное содержание одобрения–похвалы реализуется в следующих контекстах: *Это* ***замечательный нарратив*** *укрепления власти* (РБК), *Это* ***основной нарратив*** *власти —* ***борьба*** *с бедностью* (Газета.ру). Устойчивая, общеязыковая (ингерентная) оценка наиболее свойственна десигнату — «слабой» прагмеме *национальный: Нужно понимать, что в целом празднование исторических дат — это элемент* ***национального нарратива*** *любой страны. Его цель — создание и поддержание коллективной гражданской идентичности* (РБК). ***Нарратив*** в этом социально-культурном контексте приобретает значение ценностного предписания, императива, построенного на ценности *нации* как исторически сложившейся устойчивой общности людей. Адгерентная оценка, связанная с актуализацией смысла положительных ценностей, присутствует в выражениях ***новые нарративы:*** *И тем не менее российской внешней политике по крайней мере нелишне задуматься о* ***новых нарративах*** (Коммерсант); *По сути, участники* (Московской школы управления СКОЛКОВО — выделено М.Т.) *оттачивают важнейший навык стратега — концептуализацию, умение создавать новое знание,* ***новые нарративы****. Это и делает программу продвинутой, сильно отличающейся от традиционных подходов в бизнес-образовании* (Школа Сколково). «Новое» как «измененное» опирается на социокогнитивный контекст необходимости внесения положительных смыслов **перспективной удовлетворенности**, неуспокоенности на достигнутом (*новые знания* как новые смыслы). В этом контексте и подобных слово-знак ***нарратив*** несет в своем десигнате семантику «текста», конструирующего активность сознания, совмещенного с активностью «дискурса» как «речи, погруженной в жизнь»[9]. Знак-интерпретанта превращается тем самым в опорный концепт, как бы структурирующий

[9] *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 136.

ментальные изменения **означаемого, реализуемого означающим.** Косвенная информация о последовательности событий, также расширяющая семантику нарратива и диктующая ее динамизацию в употреблении, создается спецификой контекстуальных атрибутивов и оценочной лексикой: *Фундаментальный* ***исторический нарратив*** *последних 200 лет связан с кризисом религиозного представления о мире* (Бумага). Соединение положительных сем «основательный», «прочный», «глубокий», «главный» как элементов «сильной» прагмемы определяют ход развития и движения событий в интерпретанте, вовлекая ее в обозначение широких когнитивных процессов мышления, обозначая смысл «рассказ о ценностях» («кризис», «религия» и др. компоненты контекста). Когнитивное содержание социокультурного контекста расширяет смысл знака-интерпретанты ***нарратив*** до значения «сознание», «память» (культура памяти), демонстрируя адгерентную оценку в широком контексте, вовлекающем в семантическую структуру знака-лексемы его составляющее «дискурс»: *В свою очередь* ***исторический нарратив*** *или* ***культура памяти*** *имеют различную типологию, изученную и описанную исследователями. Так, например, США культивируют героически–мессианский тип* ***исторического сознания****, героический национальный миф характерен для Китая, Великобритании, большинства стран Ближнего Востока. К героическому типу относится и российский* ***исторический дискурс****. Речь идет о гордости за национальные достижения, апелляции к великим страницам истории, военным победам и научным прорывам* (Евгения Пименова). Национальные «скрипты» и событийность истории реализуют через дискурс ценностную составляющую знака ***нарратива.***

На пути преображения семантики слова-знака *нарратив* располагаются и внешне «безоценочные» территориально-географические контексты и пространственные характеристики:

российские нарративы, пророссийские нарративы, нарративы русских, западный нарратив, антизападный нарратив, антимусульманский нарратив, кремлевские нарративы, прокремлевский нарратив, брюссельские нарративы, китайский нарратив, американский нарратив, проамериканский нарратив; телевизионный нарратив и др.;

контексты общественного-политического и финансового устройства: *политический нарратив, деловой нарратив, военный нарратив, общественный нарратив, национальный нарратив, аккредитивный нарратив* и др.;

контексты количественных характеристик: *глобальный нарратив, масштабный нарратив; имперский нарратив*;

контексты личного имени — ономастикона: *сталинские наративы, нарратив Трампа, путинские нарративы.*

Совершенно очевидные «актуальные ситуации» и «свершившиеся» события как компоненты основной семантики слова ***нарратив*** — повествовательной, ***нарративность*** как инструмент формирования и отражения («переживания») человеческого опыта — оказываются в основе развития знака–интерпретанты, определяющего масштаб и объем его семантики, в том

числе аксиологической. Свой вклад в эту семантику вносят деривационные компоненты ***анти- и про-***, ***-фоб-***, реализующие отрицание либо поддержку смыслов окружающего контекста, формирующего аксиологический ореол «позиции» у знака-интерпретанты и подчеркнутую семантику «точки зрения», фокулизации.: *Словацкие медиа, распространяющие* ***пророссийские нарративы****, получают субсидии от правительства Роберта Фицо* (Таймс.ру): ***Антироссийский нарратив*** *письма вызывает естественное возмущение, но уже не удивляет.* ***Русофобские нарративы*** *прочно вошли в повседневный обиход германских политичсеких и медийных кругов при одновременном активном отрицании альтернативных мнений», — отметил посол РФ Сергей Нечаев* (ТАСС). Контексты с прагматической семантикой «устройство» активно реализуют сему «опыт» как отражение «переживания» «истории» как семемы ***нарратива*** и «присвоение» ее смыслов: ***Деловой, личный и общественный нарратив*** *формирует линзу, через которую мы четче воспринимаем свой опыт и развитие* (Ведомости).

Особую роль играет актуальное выражение ***стратегический нарратив***, отражающее коммуникативный контекст призыва к достижению интенции цели. Отличие стратегического нарратива от дискурса состоит в том, что он имеет стратегическую цель, направленную на семиотическую палитру значения и употребления слова. Находясь в широком поле медиапространства, ***стратегический нарратив*** преображается в привлекательную идею «рассказа о будущем: *Клифф Олбрайт, соучредитель группы BLAK VOTERS MATTER, призывающей чернокожих голосовать, сказал, что манипулируемые изображения продвигают* ***«стратегический нарратив»****, призванный продемонстрировать популярность Трампа среди афроамериканцев — BBC NEWS* (bbc.com), в ценность нормы и в эффективную задачу преобразования человеческой жизни. Особую актуальность приобрело выражение «***китайский нарратив»***, в содержание которого входят конкретные семиотические знаки: национальная цель: Китай — великая держава нового типа; Китай — часть мировой системы; Китай — нацелен на изменение несправедливой и конфликтогенной мировой системы; Китай — хранитель национальной идентичности. *Отсюда смена нарративов:* ***нарратив прошлого****: Китай — униженная страдающая страна;* ***нарратив настоящего****: Китай — страна-победитель.*

Представляет интерес и психологический контекст, изменяющий значение ***нарратива***, превращая его в вариант социального мифа, идеал веры в хорошую историю, происходящую в мире: *В ООН заявили об отсутствии* ***«нарратива»*** *возвращения Киеву ядерного оружия: Замгенсека ООН Изуми Накамицу в интервью РБК оценила, насколько вероятно появление у Украины ядерного оружия: Не думаю, что такой* ***нарратив*** *есть* (РБК); *Честность и реализм освобождают Вашингтон от вводящих в заблуждение нарративов администрации экс-президента США Джо Байдена* (Ведомости). Психологический нарратив приводит к присоединению человека к определенному нарративу в коммуникации: *Такер Карлсон заявил. что американцы верят*

в нарративы Запада про Украину (Лента.ру). Получая социальный знак — конкретный нарратив, побуждение-призыв, человек пытается выйти из состояния неопределенности, критически отнестись к внушенным смыслам в апеллятивной функции семиотического знака: *История России активно переписывалась в 90-е годы: под видом модернизации образования россиянам навязывались* ***чуждые нарративы.*** *Об этом заявила председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко в эфире первого канала. «Под видом модернизации образования, конечно же, переписывалась история, навязывались* ***чуждые нам нарративы****. Перепрошивка мозгов — главная их цель* (Новости ТАСС). Знаковый характер слова в данном контексте отражает отрицательную оценку предписаний, формирующих когнитивную составляющую его интерпретанты, на которую опирается интерпретатор высказывания в коммуникации.

Выводы

Различные аспекты «социальной когниции», обусловленные «комплексным характером природы социальных явлений» [11. С. 1089], расширяют функционал семиотического знака-слова, их реализующего. Можно предположить, что в этом отношении оно коррелирует с лингвокультуремой — комплексной единицей языка, объединяющей языковой знак с его значением и внеязыковым культурным содержанием. Представляя понятие, предмет или реалию, соотносимые с десигнатом — означаемым, знак–интерпретанта реализует смыслы означающего в его изобразительной, экспрессивной, апеллятивной функциях. Внеязыковое культурное содержание обеспечивает означающему ***нарратив*** с помощью аспектов социальной когниции прагматическое содержание, реализующее прагматику ценностного отношения — положительного или отрицательного — в форме дискурса, точки зрения, «текста как совокупности знаков, акта рассказывания как речевого действия» [12. С. 18]. Специфика ментального содержания означаемого — десигната — реализует его богатейшие возможности — присутствовать в коммуникации в значении интерпретанты — **ценность (положительная или отрицательная оценка), мысль, сознание, тезис, послание, приказ, посыл, убеждение.** Эта палитра заложенных в интерпретанте и реализуемых ею значений обусловливает стремительный «прорыв» слова-знака ***нарратив*** из академического пространства теории повествования в широкое публицистическое пространство СМИ, особенно в интернет-коммуникации. Однако существуют и критически настроенные интерпретаторы-коммуниканты, иронизирующие над высокой степенью употребительности «модных» слов. Один из аспектных авторских словарей при лексикографической характеристике *нарратива* как «искусства рассказывать» с пометой «лингв.» иллюстрирует употребление ироническим контекстом: *Ну как, касаясь современной культурной ситуации, не употребить вместо громоздко-посконных: «рассуждений об искусстве»... — энергично-упругое: «арт-дискурс»? или вместо дрябло-размазанного «повествование» — радостно осклабленное: «нарратив»* (Нева, 1997, 189).

Репрезентативность коммуникативного пространства в Интернете определяет перспективность исследования контент-ресурса, языка блогеров-нарраторов в контексте взаимодействия лингвистики **нарратива** как теории и семиотики слова ***нарратив*** как средства расширения ресурсной базы коммуникации в русском языке, развития языковой семантики в слове как компоненте текста, который, по определению Ю.М. Лотмана, «...обладает семиотической неоднородностью и, как следствие этого, способностью генерировать новые сообщения. Роль его отличается активностью: он всегда «знает больше», чем исходное сообщение» [13. С. 27].

Заключение

Анализ функционирования лексической единицы **нарратив** показал, что нарратив ментальный продукт, который воспроизводится человеком в дискурсивной деятельности, может выступать в контексте речедействия как заменитель слова **риторика**. Рассматриваемая лексическая единица характеризуется множественностью обозначаемых и имеет значение рассказ, история, текст, дискурс, точка зрения, ракурс, что основывается на ее восприятии как языкового инструмента с широкими возможностями, особого семиозиса культурно-языковой картины мира в корреляции язык — культура — коммуникация.

Список литературы

1. *Богданов В.В.* Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Ленинград : ЛГУ, 1990.
2. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М. : Прогресс, Универс, Рея, 1989.
3. *Фурс Л.А., Коломлина И.В.* Репрезентация властных отношений в английском языке: когнитивный подход // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1087–1099. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1087-1099 EDN: EWMRBQ
4. *Моштылева Е.С.* Модели наррации в современной русскоязычной интернет-коммуникации : лингвопрагматический и лингвостилистический анализ : дисс. ... д-ра филол. н. Нижний Новгород, 2021.
5. *Лотман Ю.М.* Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Избранные статьи в трех томах. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры: Таллинн : Александра, 1992. С. 25–34.
6. *Пирс Ч.С.* Элементы логики. Grammatica speculativa / пер. с англ. Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева // Семиотика / под ред. Ю.С. Степанова. М. : Радуга, 1983. С. 151–210.
7. *Morris C.D.W.* Varieties of human value. Chicago : University of Chicago Press, 1956.
8. *Рикер П.* Время и рассказ. Т. 2. Конфигурации в вымышленном рассказе. М., СПб. : Университетская книга, 2000. EDN: SNDSLB
9. *Шмид В.* Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2008. EDN: SUQJGP
10. *Маслов Е.С.* Что такое нарратив. Казань : Изд-во Казанского университета, 2020.
11. *Воронина Л.В.* Текстовые единицы с семантикой цели в современной русской языковой коммуникации: автореферат дисс. ... д-ра филол. н. Тамбов, 2024. EDN: GWWMWQ
12. *Якобсон Р.О.* Язык и бессознательное. М. : Гнозис, 1996.

13. *Новиков Л.А.* Семиотика как наука о знаковых системах и общая лингвистика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2003. № 4. С. 61–66. EDN: ILAFLJ

References

1. Bogdanov, V.V. (1990). *Speech communication. Pragmatic and Semantic Aspects.* Leningrad: Leningrad State University publ. (In Russ.).
2. Barthes, R. (1989). *Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress, Univers, Reya. (In Russ.).
3. Furs, L.A., & Kolomlina, I.V (2024). Representation of Power Relations in English: a Cognitive Approach. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, *15*(4), 1087–1099. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1087-1099 EDN: EWMRBQ
4. Moshtyleva, E.S. (2021). *Models of Narration in Modern Russian-Language Internet Communication: Linguopragmatic and Linguostylistic Analysis* [PhD Thesis]. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
5. Lotman, Yu.M. (1992). Brain — Text — Culture — Artificial Intelligence. In: *Selected Articles in Three Volumes.* Vol. 1. Articles on Semiotics and Typology of Culture (pp. 25–34). Tallinn: Aleksandra. (In Russ.).
6. Peirce, C.S. (1983). Elements of Logic. Grammatica. In: Yu.S. Stepanov (Ed.) *Semiotics* (pp. 151—210). Moscow: Raduga. (In Russ.).
7. Morris, C.D.W. (1956). *Varieties of Human Value*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Ricoeur, P. (2000). *Time and Narrative*. Vol. 2. Configuration in Fictional Narrative Saint Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.). EDN: SNDSLB
9. Shmid, V. (2008). *Narratology*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.). EDN: SUQJGP
10. Maslov, E.S. (2020). *What is a Narrative*. Kazan: Kazan University publ. (In Russ.).
11. Voroshina, L.V. (2024). *Text Units with Purpose Semantics in Modern Russian language Communication* [PhD Thesis]. Tambov. (In Russ.). EDN: GWWMWQ
12. Jakobson, R.O. (1996). *Language and the Unconscious*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
13. Novikov, L.A. (2003). Taxonomy of the Metonymy in the Russian Language. Adjectives. Verbs. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 61–66. (In Russ.). EDN: ILAFLJ

Сведения об авторе:

Маркелова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, первый проректор — проректор по учебной работе, Институт современного искусства (121309, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новозаводская, д. 27а); *сфера научных интересов*: аксиологическая лингвистика, прагмакоммуникация, синтаксическая семантика, лингвокультурология; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4400-6175; SPIN-код: 4862-5769, AuthorID: 946099.

Information about the author:

Tatiana V. Markelova, Dr. Sc. (Philology), Professor, the First Vice—Rector — the Vice—Rector responsible for the educational process, Institute of Modern Arts (27a Novozavodskaya str., Moscow, Russian Federation, 121309); *Research interests*: axiological linguistics, pragmacommunication, syntactic semantics, linguocultural studies; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4400-6175; SPIN-code: 4862-5769, AuthorID: 946099.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 26–43
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-26-43
EDN: HENDZW

Научная статья / Research Article

Трапеза в семиотической системе культуры: трансформация логосов в мифологемы

С.В. Герасимова[1,2], Е.С. Пак[1], И.А. Пищулина[1,2]

[1]Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, (Технологии. Дизайн. Искусство), *Москва*, *Российская Федерация*
[2]Московский политехнический университет, *Москва*, *Российская Федерация*
✉ metanoik@gmail.com

Аннотация. Актуальность исследования *трапезы* как семиотического явления определяется современным интересом к гастике как части семиотики невербальной культуры. Цель исследования — анализ семиотического знака «трапеза» в рамках логоса и мифологемы в вербальной фикасации в различных текстах: в мифах, литературе, богословии, в Библии и в невербальных знаках трапезы как предмета гастики, которые вписаны в семиотику культуры человека именно как их вербальные проекции. Материалом исследования являются языковые фиксации феноменологического ряда гастики. Новизна работы заключается в подходе к истории как к тексту, структурные закономерности которого подвергаются анализу. Выводы носят характер систематизации отражений феномена трапезы в культуре, в которой ничто само собой не зарождается; человеческая культура оплодотворена сакральными логосами, которые могли быть почерпнуты как из созерцания законов мироздания — такова естественная проповедь, так и из Первообетования, о котором рассказывается в первой книге Бытия. Авторы статьи принимают библейские свидетельства за истинные, то есть отражающие истинную историю культуры. Этот методологический подход позволяет разрешить многие культурные парадоксы. В истории культуры сакральные логосы трансформируются в мифологемы, которые в большей мере отражают тип мышления древнего и современного человека. В истории культуры выделяются три периода, которые оплодотворены тремя типами логосов, характерных трем типам богословия. Апофатическому типу богословия соответствует хтоническая древность. Логос Тайны перенесен с Творца на мир, стихии которого обожествлены. Трапеза представлена ритуальным жертвоприношением, для которого характерен синкретизм жертвы, жреца и принимающего жертву божества. За этой мифологемой стоит логос христианской жертвы на кресте с ее сакральным синкретизмом и тайной. На следующем этапе истории логосы катафатического богословия оплодотворили культуру героического патриархата, создав мифологему жизнетворного пира. Протестом против аполлонизма и космизма патриархальной героики становится дионисийская культура, за которой стоят логосы кенозиса.

Ключевые слова: мифологема, хтоническое, героическое, дионисийское, пир, пост

© Герасимова С.В., Пак Е.С., Пищулина И.А., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Герасимова С.В., Пак Е.С., Пищулина И.А.* Трапеза в семиотической системе культуры: трансформация логосов в мифологемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 26–43. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-26-43 EDN HENDZW

Meal in the Semiotic System of Culture: Transformation of Logos into Mythologemes

Svetlana V. Gerasimova[1,2] ✉, Elena S. Pak[1], Inga A. Pishchulina[1,2]

[1]The Kosygin State University of Russia, *Moscow*, *Russian Federation*
[2]Moscow Politechnical University, *Moscow*, *Russian Federation*
✉ metanoik@gmail.com

Abstract. The relevance of the study of food as a semiotic phenomenon is determined by the current interest in gastics as part of semiotic nonverbal culture. The purpose of the study is to analyze the semiotic sign of the *meal* within the context of the *logos* and mythologeme as verbally fixed in various texts: in myths, literature, theology, in the Bible and in nonverbal signs of the meal as a subject of gastics, which are inscribed in the semiotics of human culture precisely as their verbal projections. The material of the study is the language fixations of the phenomenological series of gastics. The novelty of the work lies in the approach to history as a text, the structural patterns of which are analyzed. The conclusions serve to systematize the reflections of the phenomenon of the meal in a culture in which nothing arises by itself; human culture is fertilized by sacred logoi, which could be gleaned both from the contemplation of the laws of the universe — such is the natural preaching, and from the First Promise, which is described in the first book of Genesis. The authors of the article accept biblical evidence as true, that is, reflecting the true history of culture. This methodological approach allows us to resolve many cultural paradoxes. In the history of culture, sacred logoi are transformed into mythologems, which to a greater extent reflect the type of thinking of ancient and modern man. Three periods are distinguished in the history of culture, which are fertilized by three types of logoi, characteristic of three types of theology. The apophatic type of theology corresponds to chthonic antiquity. The Logos of the Mystery is transferred from the Creator to the world, the elements of which are deified. The meal is represented by a ritual sacrifice, which is characterized by the syncretism of the victim, the priest and the deity receiving the sacrifice. Behind this mythologeme stands the logoi of the Christian sacrifice on the cross with its sacred syncretism and mystery. At the next stage of history, the logoi of kataphatic theology fertilized the culture of the heroic patriarchy, creating the mythologeme of a life-giving feast. A protest against the Apollonism and cosmism of patriarchal heroics is the Dionysian culture, behind which stand the logos of kenosis.

Key words: mythologeme, chthonic, heroic, Dionysian, feast, fasting

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: the authors stated that there were no conflicts of interest.

Article history: received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Gerasimova, S.V., Pak, E.S., & Pishchulina, I.A. (2026). Meal in the Semiotic System of Culture: Transformation of Logos into Mythologemes. Part Two. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 26–43. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-26-43 EDN HENDZW

Введение

Данная статья развивает идеи, связанные с логосами культуры, лежащими в основе феномена трапезы, и обладает единой с ней методологической базой, целями и задачами исследования. В работе история культуры представлена как текст, подчиняющийся законам культурного развития. Опираясь на мифы, использованные в трудах А.Ф. Лосева и К. Леви-Стросса, выстраивается единая логика развития мифологической системы, возникающей в результате трансформации логосов в мифологемы.

Цель работы — проанализировать принципы взаимодействия в семиотической системе культуры трапезы ее сакральных логосов и мифологем. Задачи исследования — указать, какие именно логосы лежат в основе мифологем трапезы, характерных для различных этапов развития культуры, таких как хтонический матриархат, героический этап развития мифологической системы, период доминирования страдающего героя типа Диониса.

Плодотворным оказалось сопоставление логосов апофатического богословия с мифологемами хтонического матриархата и едой как частью круговорота жизни и смерти. Пир на этом этапе развития человека еще не явлен, ибо пир архетипически связан с распределением еды, а не с борьбой за нее. На следующем этапе становления культуры логосы катафатического богословия соотнесены с мифологемами героического периода и пиром излияния благ; логосы кенозиса — с мифологемами дионисизма и трапезой сострадающих.

История культуры представлена как история доминирования определенных мифологем, опирающихся на логосы-символы. «Языковая картина мира, в которой „рисуется“ отношение человека к окружающей его действительности, — одновременно общенациональная и индивидуальная. Она наполнена ключевыми идеями и ключевыми словами, среди которых есть слова-ориентиры, структурирующие человеческую жизнь от рождения и до смерти» [1. С. 851] — в данном случае такими словами-ориентирами будут «пир» и «трапеза».

Трапеза хтонического круговорота жизни и смерти

Евангельскому логосу-символу неявленной пищи соответствует хтоническая древность матриархата и титанизма, с ее переживанием мира как враждебной человеку ужасающей тайны. Мир движим «какими-то непонятными слепыми силами»[1], беспорядочен и хаотичен до уродства. Мир полон тайн, поэтому от этого периода остался тип героя, разгадывающего загадки, причем

[1] *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957. С. 35.

само разгадывание воспринимается как сакральное служение. Так проявляется архаическое мышление, для которого характерен синкретизм символа и реальности; слово загадки неотделимо от загаданной сущности, так что отгадавший обретает над ней власть, как Эдип, восстающий на демонов матриархата и побеждающий Сфинкса — женское губящее начало. Земля на этом этапе — общая могила, порождающая смерть — то есть войну и воинов[2]. Земля всех порождает и всех поглощает, не только питает, но и питается, и устрашает, и жаждет крови, что служит мифологическим истоком событий, описанных в «Илиаде», где земля устала носить размножившийся род людской — поэтому нужна война, губительная для героев. В мифологии героического периода всепорождающим и всепоглощающим началом будет Крон, так как в древней мифологии «мужское и женское смешаны в одно нераздельное целое»[3]. Возможно также синкретическое единство приносимого в жертву и принимающего ее: «это идея отождествления божества, которому приносится жертва, и самой жертвы (т.е. божество тут есть одновременно и жертва)»[4].

Следует согласиться с Лосевым, что нам никогда не узнать, что символизирует двойной топорик в голове жертвенного быка-Зевса, однако если следовать логике культурных доминант и кода культуры матриархата с его синкретизмом, то символика становится более понятной: удар, наносимый лезвием, обращенным вниз и нацеленным на быка, приравнивается к удару, наносимому лезвием, обращенным вверх и нацеленным на божество. «Он умерщвляет быка, ибо торчит у него во лбу, и он же превращает этого быка в божество, подающее людям жизнь»[5], жрец и жертва также едины[6]. Топорик символизирует единство божественного и жертвенного, небесного и земного, бессмертного и смертного; наносится один удар, но открываются две раны. Земное освящается через причастность небесному. Языческое жертвоприношение как важнейший элемент кода древней культуры немыслим без христианского логоса единства Жертвы и Жертвователя. Даже в логосе, пережившем вместе с человеком «грехопадение» и ставшем мифологемой, угадывается живительное знание, полученное Адамом. **Лабр**ис, или двойной топор, в христианское время преображается в **Лаба**р**ум**[7].

Лабиринт, лабрис и Лабарум близки не только этимологически, но и мистически. Их роднит логос пути, то есть таинство перехода от смертного к бессмертному в результате испытания. Логос испытания — Крест и победа над смертью. Его мифологический двойник — инициация и новое рождение, но данные в контексте хтонической атмосферы ужасного.

Весь этот материал хорошо согласуется с гипотезой трансформации Первоевангелия в миф в результате «грехопадения» логосов: «По существу

[2] *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957. С. 63.
[3] Там же. С. 94.
[4] Там же. С. 121.
[5] Там же. С. 11.
[6] Там же. С. 150.
[7] Там же. С. 120.

своему евхаристическая жертва тождественна с жертвой крестной. На жертвеннике крестном И. Христос Сам был и Первосвященником, приносящим жертву, и исключительной жертвой Богу Отцу за весь род человеческий. То же на жертвеннике бескровного жертвоприношения: и здесь приносит жертву Сам И. Христос, как вечный Первосвященник, и приносится то же истинное тело И. Христа, которое страдало и умерло на кресте, та же пречистая кровь Его, которая пролита за нас, — тот же Агнец непорочный. Как тогда, так и теперь, один и тот же и приносяй и приносимый, и жертва и архиерей»[8].

На языке апофатического богословия эта мысль, выраженная в духе кодификатора этого типа мышления — св. Дионисия Ареопагита, прозвучала бы так: Господь не жрец и не жертва, Он полностью не вместим ни в одну сущность. И первобытный синкретизм — оборотная сторона апофатического мышления. Если Господь Все во Всем — и Жрец, и Жертва, то Он не сводится ни к чему в отдельности.

В культуре хтонического матриархата Евангельские логосы увидены сквозь призму тайны и мистического ужаса. Примеры хтонического матриархата встречаем у Леви-Стросса во многих мифах: это враждебно настроенная к приемному сыну и не желающая делиться пищей жена ягуара[9], которая иногда становится доброжелательным медиатором, или посредником, между божественным началом, то есть культурным героем-ягуаром, и людьми[10], как бы дозревая до медиатора последующих культурных эпох; это и разные варианты злых прожорливых, всех поедающих жен[11]. К. Леви-Стросс указывает, что женщина в первобытных культурах всегда на стороне природы, а мужчина — культуры. Это совпадает с представлением Лосева о хтоническом происхождении богов матриархата.

Вячеслав Иванов был одним из первых, кто в работе «Эллинская религия страдающего бога» воссоздавал мифологию матриархата, предполагая, что люди поклонялись женскому губящему началу, вошедшему в культуру патриархата в образе Эринний, а также вакханок, в экстазе разрывающих Вакха, губящих мужское страдающее начало — Протодиониса.

Миф помнит, что историю породила женщина, вкусив от запретного плода; из-за ее инициативы изгнан из рая Ветхий Адам и призван к страданию Адам Новый. Мифы этого периода рассказывают не о культурном герое, приносящем пищу, а о злом пожирающем женском начале. Отношение к страданию имеет ключевое значение для формирования семиотической системы культуры. На данном этапе страдающий воспринимается как виновный в своем страдании.

---

[8] *Малиновский Н., прот.* Очерк Православного догматического богословия. 1910. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Malinovskij/ocherk-pravoslavnogo-dogmaticheskogo-bogoslovija/ (дата обращения: 21.09.2022).

[9] *Леви-Стросс К.* Мифологики : в 4 т. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб. : Университетская книга, 1999. С. 68, 70 и др.

[10] Там же. С. 82.

[11] Там же. С. 98.

Оправдывается сила, как мы видим на примере «Арии разорителя гнезд»[12] — индейской вариации мифа о царе Эдипе, ее смыслового антипода, где Жеригуигуиатуго (Геригуигуиатуго) матриархата — это анти-Эдип патриархата. Имя героя переводится как «ягуар, обладающий дровами»[13] или указывает на созвездия Ворона или Ориона[14], обладающие противоположными функциями[15]. В мифах северного полушарии Ворон также обречен на жажду из-за недостатка земной воды, как в мифе об Аполлоне[16], хотя часто он является в роли кормильца. Здесь наблюдения Леви-Стросса коррелируют с идеями Лосева, указывающего, что двойная функция героя, например, быть кормильцем и страдать от голода или жажды, свидетельствует о хтонических корнях и нерасчлененном мышлении матриархата, породившего в более позднее время героев-антиподов. Как отмечает Е.М. Мелетинский, у Эдипа нет «эдипова комплекса»: «попытки извести героя связаны не только с естественной ритуальной ролью испытателя, патрона инициации, но также со сменой власти в связи со сменой поколений. Здесь ритуальным прообразом оказывается уже не инициация, а ритуальное умерщвление царя-мага. Как отмечалось, возникающий при этом инцестуальный мотив — знак одряхления старого вождя и гипертрофически выраженной зрелости молодого. Именно такой смысл мотив инцеста имеет в мифах навахо, тлинкитов и бороро, в знаменитом греческом мифе об Эдипе, ставшем царем после убийства отца и женитьбы на матери» [2. С. 23], герой борется за шанс прокормиться при женщине-первопредке, которая проецируется на мифологический образ матери. Герою необходимо пропитание и выживание, даруемые царицей. Кодом этого мифа, согласно терминологии К. Леви-Стросса, будет противопоставление жизни и еды, с одной стороны, смерти и голоду — с другой. Жеригуигуиатуго не чувствует вины перед отцом, бороться с которым ему помогает бабушка — индейский аналог женщины-первопредка, похожей на доброго помощника сказок и дальнюю родственницу эринний или вакханок, не впадающих в экстаз.

Мифологема женщины-первопредка, требующей жертв, активно повлияла на литературу, начиная с «Илиады», где представлена параллель между землей Илиона и Еленой Троянской, за которых сражаются мужи, принося себя им в жертву; кончая рыцарскими романами, где рыцари приносят себя в жертву прекрасной даме, и другими произведениями, где этот хтонический культ воскресает и приспосабливается к культуре нового времени.

Важным культурным кодом является также проекция Отца Небесного на отца земного. Культура до наших дней сохранила этот древнейший тип синкретизма, то есть единства земного и небесного в интерпретации образа отца.

[12] *Леви-Стросс К.* Мифологики : в 4 т. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб. : Университетская книга, 1999. С. 41.
[13] Там же. 136.
[14] Там же. 216.
[15] Там же. 225.
[16] Там же. 226.

Кто же виноват в гибели отца? В мифе К. Леви-Стросса — сам отец, поскольку за свою жену, то есть за источник пропитания и жизненных сил, он боролся с сыном, героем, за которым будущее. В греческом мифе, наоборот, сын виноват перед отцом, и Эдип в аналогичной ситуации берет вину на себя, понимая, что в изгнании из рая, то есть в том своем состоянии, при котором Отец стал невидим, недоступен для общения и, с точки зрения мифа, умер, виноват он сам — Эдип, а Жеригуигуиатуго осознанно губит отца, а затем и мать, и миф оправдывает его поступки, поскольку женщина-первопредок ассоциируется с бабушкой, а не с матерью. Язычество матриархата всегда на стороне сильного и оправдывает героя, восходящего к Ветхому Адаму, в его конфликте с Отцом, принимает сторону губителя, а не гибнущего и страдающего начала. Отец отрицается. Поскольку причина исчезновения Отца из поля зрения сына – сыновний грех, то он оправдывается, а сам герой, Жеригуигуиатуго, воспринимается мифом как более активное, сильное, а следовательно, прогрессивное начало. Греческая патриархальная героика, наоборот, осмысляет эту ситуацию с позиций отца. В мифе патриархата судьба на стороне отца, в мифе матриархата — на стороне сына. В древнем варианте мифа при женщине-первопредке был умирающий и воскресающий мужской персонаж, в мифе К. Леви-Стросса и в греческом мифе он умирает в форме отца — воскресает в образе сына, образуя круговорот поколений, не нарушающий устойчивости вечно молодой Иокасты.

Мифы матриархата развивают мотивы отрицания отца — так далеко от смысла отрицательного апофатического богословия ушел миф, подменив апофатическую благодать — хтоническим демонизмом, но сохранив саму форму постижения Отца через отрицание и чувство ужасающей тайны мироздания. Греки называли духовные мистические сущности демонами, в этом смысле демонические мифы часто оставляют благодатную форму, наполняя ее прямо противоположным смыслом. Здесь срабатывает тот же механизм, который проявляет себя в том, что трикстер часто оказывается пародией на культурного героя, демон — обезьяной Бога, а Антихрист — двойником Самого Христа.

Культуры как семиотической системы еще нет, но все во все перетекает. Трапеза имеет «кроваво-оргиастические черты культа Великой матери»[17], включающего человеческие жертвоприношения; еда сопоставлена не с явленным космосом как с источником пропитания — а со страшными тайнами стихийного бытия земли и женского начала. Земной опыт и трансформировавшаяся в миф первопамять о евангельских логосах определяют тип культуры и сознания человека этого периода. Жестокость объясняется верой в воскресение жертвы. Но эта вера не оправдывает жестокость и не облагораживает культуру, а делает ее безответственной и нечувствительной перед лицом смерти в ритуалах, связанных с убийством и жертвоприношением.

Семиотическая модель культуры будет обладать внутренней логикой и прогностической способностью, если предположить, что, развиваясь от

[17] *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957. С. 11, 64.

фетишизма к анимизму, матриархат на древнейшем этапе развития большую семиотическую значимость придавал мертвому — вещи-фетишу, которому живое приносилось в жертву, отчего обретало полноту бытия в смерти и «возрождалось» в химеричный и неустойчивый мир жизни. Если семиотической доминантой фетишизма является мертвое, то быть мертвым и съеденным — это нормально. Но человек поедающий живет в паре с человеком смеющимся. В культурную нишу смеха периода фетишизма хорошо вписывается умерщвляющий смех: смех над врагом на поле брани, оскорбительный и непристойный, который, смягчаясь, порождает сатиру или сарказм нового времени. На пути к анимизму в культуре постепенно складывается семиотическая доминанта жизни, когда ценность живого становится выше ценности мертвого. В эту культурную нишу хорошо вписывается юмористический, жизнеутверждающий смех.

Между полюсами доминантного предпочтения смерти и доминантного выбора жизни, видимо, был наиболее важный этап синкретизма, на котором живое и мертвое, женское и мужское, божественное и приносимое ему в жертву уравнивалось или перетекало друг в друга, претерпевая метаморфозы и образуя круговорот разных форм бытия.

Именно о структурных особенностях культуры этого периода в целом и культуры еды в частности свидетельствуют многие исследователи. Так, О.М. Фрейденберг указывает на связь «акта еды с моментами рождения, соединения полов и смерти» [3. С. 56], К. Леви-Стросс относится к пище как к медиатору, соединяющему крайности и миры; Бахтин постулирует амбивалентность смеховой культуры, возводящей чрево в культ, в котором переплетаются жизнь и смерть; Лотман отмечает цикличность ритуала и мифа, основанного на круговороте умирания и преодоления смерти.

В культурную нишу синкретического матриархата хорошо вписывается иронический смех, выражающий двойное видение мира и хаотическое перетекание сущностей друг в друга, и ритуальный смех над телом усопшего, призванный его воскресить и воспринимающийся на языке нашей культуры как черный юмор, который, видимо, и возник под воздействием ритуального смеха как части погребального обряда. К этому корню восходит бурлеск и смех ироикомический, связанный с перетеканием низкого в высокое — и наоборот. В терминологии Бахтина бурлеск изображающий тело «оплодотворяющее-оплодотворяемое, рожающее-рожаемое, пожирающее-пожираемое, пьющее, испражняющееся, больное, умирающее»[18]. В античности была своя типология смеха: «„Сарданский“ смех был поговоркой, подобно тому как в древности говорили о смехе ионийском, хиосском и тиринфском»[19].

Все эти феномены нельзя назвать априорно присущими культуре, они задают доминанты, их синкретизм и взаимообратимость именно ключевого периода культуры хтонического и титанического матриархата, который входит

[18] *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Художественная литература, 1990. С. 353.
[19] *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957. С. 128.

как рудимент в последующие культурные эпохи и преодолевается ими — сначала культурой героического патриархата, а затем, еще более радикально, — христианской культурой. Однако искаженной природе человека миф часто оказывается ближе, он вторгается в христианское пространство. Так, образ Кабанихи из «Грозы» Островского, которая ест Екатерину поедом, — явный отсвет хтонического язычества. Кабаниха — рудимент матриархата: она обладает функцией хранить жизненные устои и уничтожать тех, кто им не следует; она, как земля, порождает и пожирает. Трагедия произошла в доме не потому, что он живет по канонам «Домостроя», а потому, что не живет по ним, и архетипы матриархата вырываются наружу из-под слоя почти тысячелетней христианской культуры. К этому же типу культуры восходят характеры типа Азефа — в отличие от волка в овечьей шкуре, в нем нет лицемерия, но хтонический синкретизм. Он — хтоническая загадка, и нужен новый Эдип, чтобы ее разгадать.

Древнейший синкретизм жизни и смерти отрицает возможность медиатора в этой системе культуры. Если крайности тождественны, то медиатор между ними либо невозможен, либо расценивается как зло и наделяется отрицательными коннотациями. Леви-Стросс указывает на такой важный медиатор, как радуга. Радуга в индоевропейской культуре помогает преодолеть пропасть между земным и небесным и может восприниматься как добрый (библейская традиция) и злой (красная радуга гомеровской Греции) знак, опосредованно свидетельствуя об отношении культуры к медиатору, за которым стоит логос Христа, примиряющий небо и землю. В первой половине XX в. в Зарайской деревне Кишкины (Тишкины) бытовало фольклорное предание о радуге, пьющей воду и потому дающей надежду, что второго всемирного потопа больше не будет, рассказанное Марией Михайловной Захаровой, бабушкой одного из авторов. Вода как причина всемирного потопа символизирует грех, поэтому Христос, взявший на себя грех мира, может быть осмыслен как сакральный логос, которому соответствует мифологема радуги: радуга вбирает воду, Спаситель — берет на себя грех мира; радуга препятствует потопу и гневу Творца на творение; Христос примиряет человека с Богом. Радуга, пьющая воду, появляется у Вергилия в «Георгиках» [4].

Радуга может быть негативно воспринимаемым знаком лишь в одном из двух случаев. Во-первых, она может находиться в отношениях дополнительной дистрибуции с медиатором данной культуры. Леви-Стросс приводит пример радуги, свидетельствующей о разъединении неба и земли, так как радуга — знак окончания дождя, соединявшего небо и землю, следовательно, она может быть вредоносной, подменяющей благодатное их единение при помощи воды или дождя. Во-вторых, она может быть вписана в хтоническую культуру, отрицающую саму возможность медиатора, становясь дурным знаком. К. Леви-Стросс упоминает о радуге как о причине потопа[20], как о воплощении подводных демонов — обладателей рыбы и земли для гончарных

[20] *Леви-Стросс К.* Мифологики : в 4 т. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб. : Университетская книга, 1999. С. 234.

изделий, то есть глины, которая вызывает у людей болезни, поэтому ее можно добывать только в первую ночь новолуния[21], но и как о небесной печи для хлеба[22].

Пища у К. Леви-Стросса тоже медиатор, и мы видим, что пересказанные им мифы матриархата свидетельствуют об ужасной пище для ужасной женщины-первопредка. Культура выстроена так, что медиатор в ней в принципе невозможен, а значит, невозможна интерпретация логоса Христа. От древних логосов осталась лишь форма, наполненная прямо противоположным демоническим содержанием.

Медиатор у К. Леви-Стросса в целом оказывается важнейшим структурным элементом мифа, но, учитывая теоретический посыл Лотмана о необходимости осмыслить структуру универсального текста культуры, вбирающего все конкретные тексты, можно сказать, что базовым элементом современной культуры будет именно медиатор. И современный тип культуры начинает складываться именно с момента разложения хтонической мифологии матриархата.

Важнейшим вариантом реализации медиатора в культуре будет трапеза как символ, соотнесенный с логосом Евхаристии, и путь, за которым стоит логос Христа, назвавшего Себя Путем и Истиной (Ин., 14:6). Со словом «путь» этимологически связаны названия **Пасхи**, ветхозаветной и новозаветной, поэтому идея пути определяет христианскую сакральную культуру, слышится в названии **перипетии,** лежащей в основе сюжета и текстов художественной литературы как важнейшей части культуры в целом. Чувство пути ценили русские писатели.

ПИР ЖИЗНЕУТВЕРЖДЕНИЯ, или «EDO ERGO SUM»

Следующий этап развития культуры является мифологической трансформацией логосов катафатического богословия, их мифологического грехопадения, и представлен героическим периодом в развитии греческой культуры и мифологии, которая сложна по своей структуре и содержит множество рудиментов предшествующих эпох, поэтому мы условно назовем его Аполлоническим и космическим периодом. Внутри него будет существовать дионисийский миф, соотносимый с богословием кенозиса.

Важнейшим достижением этого периода будет разрушение хтонического синкретизма. Начинает складываться современная иерархия ценностей, в которой добро и зло, жизнь и смерть, вкушение и эрос — жестко противопоставлены как полюса иерархической системы культуры. Например, печь для приготовления пищи воспринималась как священное место, на котором не допускалось супружеское общение.

[21] *Леви-Стросс К.* Мифологики : в 4 т. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб. : Университетская книга, 1999. С. 236.
[22] Там же. С. 234.

Космичности мировосприятия этого периода соответствует космичность и структурированность культуры, которая начинает обретать форму семиотической системы. Складывается культурный космос, в котором пища теряет свою изначальную связь с оргией, с миром ужасного, запретного, сырого.

Афиней, отметив умеренность героев Гомера в пище, указывает, что «трапеза и стала называться пиром <…> от глагола делить <…>, то есть разделять на равные порции»[23]. Афиней также свидетельствует, что греки не использовали слово «пир» в связи с животными, которые всегда стихийны. Пир упорядочен, на нем пища делится честно и поровну, в этом смысле он всегда космичен.

Пища становится дозволенным даром человеку и вступает в ассоциативную связь с жизнью, благом, космической упорядоченностью бытия, которые противопоставлены смерти, насилию, стихийности, хаосу и хтонической иррациональности. Циклический культ Персефоны остается, но освобождается от хтонических ритуалов.

Символ питающего дерева жизни наиболее полно выражает промыслительную функцию Творца о творении. Библейское сказание о грехопадении угадываются в мифе о дереве жизни, зафиксированном Леви-Строссом: «Миф о дереве с растущей на нем пищей, напротив, широко представлен на территории проживания Араваков и Карибов из Гайаны — и вплоть до Колумбии; некогда только тапир или агути знали тайну этого дерева, но они отказались поделиться ею с человеком. Люди с помощью белки, крысы или двуутробки выследили их. А обнаружив местонахождение дерева, решили его срубить. Из пня хлынула вода»[24]. «Мировое древо» было на Крите[25], два древа — в Парфеноне в греческих Афинах; мы знаем его по мифу о яблоках Гесперид; по «Младшей Эдде» с яблоками Идунн, дарующими молодость богам; известен и ясень Иггдрасиль, и дерево Бояна из «Слова о полку Игореве», древо из русских сказок и их пушкинских обработок; воцерковленный и переосмысленный его вариант входит в наш быт рождественской елкой; а в быту японцев появляется бонсай — японский аналог древа жизни. На способность мифа указывать на внемифологическое грехопадение указывает Е.М. Мелетинский [2. С. 10].

К самым ярким примерам застолья этого периода можно отнести пир олимпийцев, вкушающих амброзию и нектар в первой песне «Илиады», которые соотносимы с живой и мертвой водой сказок, дарующей полноценное бытие и бессмертие; а также пир у феаков во дворце Алкиноя в седьмой песне «Одиссеи». Преодолевается хтонический архетип войны как кровавого пира. В «Илиаде» он не упоминается. Война сравнивается с жатвой колосьев, то есть мирный быт, а не война лежат в основе описанной Гомером культуры.

[23] *Афиней.* Пир мудрецов. Т. 1. М. : Наука, 2004. С. 2.
[24] *Леви-Стросс К.* Мифологики : в 4 т. Т. 1. Сырое и приготовленное. М.; СПб. : Университетская книга, 1999. С. 177.
[25] *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957. С. 121.

«Слово о полку Игореве» по образному строю оказывается архаичней «Илиады», так как сохраняет память о войне как о кровавом пире, имеющем хтоническое происхождение. Пир становится метафорой войны, так как кровь льется, как вино; в результате воин хмелеет, то есть впадает в воинский азарт. Однако с врагами не пируют, поэтому половцы сравниваются со сватами, которых русичи напоили, а сами полегли за Русскую землю. По-видимому, речь идет о браке князя Владимира, сына Игоря, с Кончаковной. Этот брак воспринимается как недостойный русского князя, поэтому вместо Владимира в конце «Слова о полку Игореве» упоминается Олег, малолетний сын Игоря, не способный еще участвовать в битве. Словом, хотя половцы названы сватами, но они остаются врагами, и даже общий пир не позволяет примириться с ними, поскольку этот пир — война. Перед нами яркий пример хтонического синкретизма, когда сотрапезник на пиру оказывается врагом, а пир, необходимый для подкрепления жизненных сил, обретает форму смертоносной войны. Этот образ отражает хтонический круговорот жизни и смерти, в котором друг и враг, жизнь и смерть образуют неразрывное целое. У Гомера пир разрывает этот круг, друг и враг преодолевают синкретическое единство и образуют семиотически значимую культурную оппозицию, поэтому оказывается возможным преображение врага в друга и примирение поссорившихся олимпийцев. В «Одиссее» чужак, то есть Одиссей, роком заброшенный на земли царя Алкиноя, на пиру преображается в дорогого гостя. Итак, хтонический пир основан на синкретизме и совпадении полюсов, которые позже разойдутся и будут задавать основу семиотической структуры культуры. Патриархальный пир героического типа культуры, как он представлен у Гомера, включен в структурированное семиотическое пространство, поэтому враг и друг — несовпадающие величины, а пир властен преобразить врага или чужака в друга и сотрапезника. Культура не отменяет доминантные оппозиции, лежащие в основе ее семиотической структуры, но утверждает ситуации, например пир, в которых совершается преображение зла в добро, и само преображение осмысляется как благо, поэтому пир тоже благо. Гомеровский пир становится тенью и предчувствием таинства Евхаристии, преображающей смертное в бессмертное. Повторим, что олимпийцы вкушают амброзию и нектар, словно и они нуждаются в сказочной живой и мертвой воде ради бессмертия. Торжество мира над враждой и жизни над смертью выражает также гомерический хохот небожителей.

Пир олимпийцев у Гомера — мифологема, восходящая к логосу Тайной Вечери, ее мифологический двойник, часть падшего знания, обретенного Адамом.

В период патриархата пища тесно связана с жертвоприношениями, дающими смертным причастность к бессмертным. Искусство повара восходит к миссии приносящего жертвы жреца. Эта связь актуальна в древности и в новое время: в трагикомедии «Владимир» Феофан Прокопович обыгрывает этимологическое родство выражений «приносить в жертву»

и «пожирать»[26]. Культура XX в. проделала обратный путь от печи как места приготовления пищи к печи как орудию массовых человеческих жертвоприношений, точнее, происходит возврат к хтоническому ужасу матриархата с сохранением патриархального огня, или самоотрицание культуры, поскольку, начиная с патриархата, пища отрывается от культа сырого и оргиастического и начинает восприниматься как божественное благо.

Признавая, что в мире царит рок, а рок для Гомера — это смерть; и что небожители требуют жертв, культура патриархата оправдывает убийство животных, предназначенных человеку в пищу. «Шведский ученый Э. Хеден подсчитал, что в „Илиаде“ moira в 31 тексте из 48 обозначает „смерть“ или „гибель“, в „Одиссее“ же из 61 текста с этим значением только 10»[27]. Рок царит над людьми и животными, поэтому человек, совершающий жертвоприношение, просто следует роковой закономерности мира. У Гомера богов почитают гекатомбами. Стадо в сто голов ведут на заклание. Зарождается идеал изобилия, несовместимый с реальным развитием сельского хозяйства. Складывается культ и культура еды. К этому этапу относится сказочное представление о молочных реках и кисельных берегах. Сырое окончательно заменяется вареным и приготовленным, оргиастическое — космически упорядоченным и оправданным. Это мир упорядоченного довольства, смерть вносит трагизм в него, но не разрушает гармонии. И эту своеобразную черту греческого космизма воспроизводит Есенин[28], благословляющий смерть наравне с жизнью в заключительных строках стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу…»:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь…
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

Однако отметим, что сам термин «Аполлонический» этап — условен, он ориентирован на современное восприятие Аполлона. Для грека его имя ассоциировалось с глаголом «губить»[29]. Р.Г. Назиров указывает на его «выдающуюся жестокость» [5. С. 91, 186], вспомнив его атрибут «мышиный» и сопоставив с Гамельнским крысоловом. В хтонический период он был губительно-целительным началом[30]. Ему приносились человеческие жертвоприношения[31]. У Софокла он ассоциировался с Судьбой[32].

В героический период патриархата формируется представление об Аполлоне как о покровителе искусств и воплощении юности. Аполлона

[26] Этимологический словарь современного русского языка / сост. А.К. Шапошников : в 2 т. Т. 1. М. : Флинта : Наука, 2010. С. 275.
[27] *Лосев А.Ф.* Гомер. М. : Молодая гвардия, 2006. С. 389.
[28] *Есенин С.А.* Собрание сочинений : в 3 т. [сост. и коммент. Ю.Л. Прокушева]. Т. 1. М. : Правда, 1983. С. 153.
[29] *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957. С. 343.
[30] Там же. С. 271.
[31] Там же. С. 425–426.
[32] Там же. С. 450.

прославляет Еврипид[33]. Аполлон предстает как божество, персонифицирующее принцип оформления и организации[34], заведующее космической музыкой[35].

Хтоническое единство Аполлона и Диониса в дальнейшем восстанавливается в дельфийском культе на Парнасе. Аполлон получает части растерзанного тела Диониса и сам становится воскресшим Дионисом[36]. Вариация мифа: Зевс отдает Аполлону для погребения останки растерзанного Диониса[37]. Наконец Аполлон и Дионис породнились[38] и стали одним лицом. Но это вторичное единство реконструирует хтоническую древность. Эти божества восходят к синкретическому единству жертвы и принимающего жертву божества. Аполлон представлен как губитель Пифона, то есть Диониса, «поскольку Пифон мало отличим от древнего хтонического Диониса»[39] и является носителем пророческого дара. «Аполлон выступает как убийца дракона Пифона; но ему же посвящены змеи в Эпире, например, где они считались порождением Пифона»[40]. В Дельфах Аполлону посвящались волки[41]. Следуя логике универсального мифа К. Леви-Стросса, Аполлон и покровительствует волкам и змеям и бьет их. Словом, и К. Леви-Стросс, и А.Ф. Лосев свидетельствуют о хтонической нерасчлененности, синкретизме древнего героя, который в героический век распадается на двойников-антагонистов или героев отпочковавшихся мифов, совершающих в них взаимоисключающие поступки. Аполлон выступает также как убийца Адониса[42], имя которого имеет этимологическое родство с библейским Адонаем, свидетельствуя о праязыке, породившем языковые группы. Слово «мама», например, в русском и китайском языках звучит, если не учитывать интонации, одинаково. Родство Адоная и Адониса подтверждается и этимологическим единством этих имен, восходящих к понятию «господин», «Господь». Здесь греческий миф ближе всего подступает к логосам Библии и Первоевангелия, повествуя о евангельских событиях от лица творения, распявшего Творца на кресте и оправдывающего свою жестокость тем, что видит в Распятом змея. Образ змея на кресте появляется в Библейском повествовании. Этому событию св. Иоанн Златоуст посвящает «Слово о змее, повешенном на кресте Моисеем в пустыне, и о Божественной Троице».

Аполлоническая культура в целом становится оправданием жертвоприношения либо в результате смещения точки зрения к полюсу антагониста Жертвы, либо в результате языческого преломления логосов катафатического

[33] *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957.С. 45.
[34] Там же. С. 46.
[35] Там же. С. 158.
[36] Там же. С. 278.
[37] Там же. С. 278.
[38] Там же. С. 397.
[39] Там же. С. 324.
[40] Там же. С. 277–278.
[41] Там же. С. 281.
[42] Там же. С. 391.

богословия, воспринимающего пищевое изобилие мира как излияние божественной энергии. В аполлонизме происходит соединение несоединимого — контаминация мифологем, в основе которых лежат логосы катафатического богословия, с мифологемами, связанными с видением Евангельской истории от лица антагониста.

Единство Аполлона и Диониса подтверждается также тем, что Аполлон, погубив Пифона--Диониса, получает в результате связь с безумием, которым сопровождается пророческий дар. В мифах губитель не освобождается от погубленного, но, замещая его, становится его двойником. Змей искушает человека, становящегося смертным, чтобы вместо человека получить дар обновления и омоложения [6. С. 34]. Этот сюжет встречается и в литературе, например, в романе «Чапаев и пустота» В. Пелевина Петька на какое-то время замещает собой убитого им фон Эрнена, играет его роль. Оргиастическое безумие Диониса смещается в сферу Аполлона, а гибнущий наделяется отрицательными свойствами и заменяется хтоническим чудовищем Пифоном, который, однако, наделен даром пророчества. Эта архетипическая связь пророческого дара и хтонической сущности характеров будет указана Данте при описании казнимых в аду, которые обладают даром предвидения. Культ Диониса и Аполлона был реализован в Дельфах по принципу дополнительной дистрибуции.

В понимании Плутарха Аполлон — неделимый и незапятнанный, пребывающий во всем огонь мира, условие его единства; а телесные воплощения этого огня — следствие его растерзания, расчленения — именуются Дионисом. На закате античной цивилизации Аполлон и Дионис, Гелиос — одно целое[43]. Божества объединяются, образуя языческий монотеизм в противовес христианскому.

Итак, Аполлон — губитель, но тип культуры, которую он символизирует, вносит в языческий космос меру и упорядоченность, а приводимые на заклание жертвенные животные начинают восприниматься как погибшие в соответствии с волей космического рока. Аполлона подчинила себе космическая упорядоченность греческой культуры, и его функция губителя преодолевается. Человек, губя животное, не навлекает на себя рока, персонификацией которого были Эриннии и сам Аполлон, стремившиеся защитить космос от расшатывающих его сил зла, но поступает согласно промышляющей о человеке функции космических законов. В аполлонизме есть оправдание зла, которое не почитается злом, но оправдывается роком и законами космоса.

В семиотической системе культуры появляется новое явление — человек, легитимно потребляющий, оправданно убивающий и приносящий в жертву. Складывается культ потребления, вписанный в традицию культовых жертвоприношений. Хотя формируется космический оправданный тип потребителя и поедателя, но в целом патриархат — это все еще культура полуголодного человечества. Культура опережает темпы развития сельского хозяйства и древней экономики. Тип потребителя сложился, а потреблять пока

[43] *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М. : Учпедгиз, 1957. С. 483, 521.

еще нечего. Греки живут аскетично, поэтому пир обретает смысл духовного торжества, интеллектуального общения, как в диалоге Платона «Пир». В Риме пир становится средством преодолеть чревоугодием страх смерти, как мы видим на примере пира Трималхиона в «Сатириконе» Петрония, который знаком с христианством и дает травестийный аналог Причастия, пришедший на ум Трималхиону, борющемуся со смертью. Еще Тит Лукреций Кар в трактате «О природе вещей» указывал, что алчность, чревоугодие и честолюбие терзают Рим, помогая избавиться от суеверного страха смерти и ведя Рим к упадку. Хтоническая первозданность матриархата проступает сквозь дикие пороки и страсти героев Петрония, путешествовать по земле становится смертельно опасно, как в мифологической древности, но не из-за обитающих на суше демонов, а из-за населяющих ее людей.

Принципы катафатического богословия до неузнаваемости искажены, но даже в таком виде они продолжают питать и одухотворять античную культуру, воспринимающую космос как начало доброе и изливающее на человека свои блага — в том числе в виде еды, ставшей частью культуры и занявшей в ее семиотической системе прочное место, ассоциирующееся с благом. Однако к этому благу культурный герой патриархата часто идет через преступление.

Пища начинает восприниматься как дозволенное утешение, как промысел явленных космических сил о человеке. Пища отрывается от хтонического мира ужасного и запретного, она входит в культурный космос и обретает место в культурной нише, ассоциирующейся с жизнью и добром. В мире царят рок и смерть, без которой не было бы и пищи, поэтому смерть, и жертва, и еда вписываются в гармоничный космос. И сама личность космична, она еще не ощущает ужаса личной смерти, ибо включена в космические ритмы, мыслит себя их частью. В Древнем Риме этим вариантом пира, воспроизводящего космическую обустроенность общества, стали сатурналии, обновляющие жизнь.

Заключение

Место мифологемы в античной и христианской семиотической системе культуры различно. Если в античности мифологема могла наполняться призывающей благодатью, выражать естественную проповедь о Христе — вспомним, что христианство приняли народы, у которых был развит культ умирающего и воскресающего бога, а китайская и японская цивилизации, не имевшие его, не стали христианскими, — то в рамках христианской цивилизации мифологема обладает апостасийной энергетикой и ведет от времен земной жизни Христа и полноты логосов к апокалиптическому торжеству мифологем.

История дохристианской культуры обладает внутренней логикой и цельностью, каждый ее этап соотносим с определенным типом логосов, оплодотворивших и смоделировавших этапы ее становления. Апофатические логосы, восприятие креста как тайны, символ неявленной трапезы лежат в основе переживания мира как ужасающей тайны матриархата с его не-пиром и

круговоротом смерти и рождения, отрицающим необходимость медиатора. Женское начало представлено как все порождающее и пожирающее. Современная семиотическая система начинает формироваться в период героизма, или патриархата, — она заимствует хтонические образы, но дает им иное место в семиотической системе культуры. В основе пира, изливающего на человека блага, лежит катафатическое богословие, символ Хлеба Насущного на Тайной Вечере, логос Креста как основы культуры и мироздания. На позднем этапе формирования культуры актуализуется тип страдающего бога, порожденного логосами кенозиса, восприятием Креста как знака рабства и поругания, богословием Божественного истощевания.

Культура во времени движется по спирали, образуя историю как текст, в котором на новом витке развития, отрицающем предшествующий, семиотическая система культуры моделирует свой новый тип, соотносимый с прежде отринутым по закону «отрицания отрицания». Отрицание и возврат к прежде отринутому становятся механизмами, задающими спиральное движение культуры. Сам тип страдающего божества становится новым этапом развития одного из божеств хтноического матриархата, противопоставленного героическому периоду в мифологии. В таких же отношениях друг с другом находятся породившие мифологию богословские логосы: апофатическая неявленность Творца дополняется полнотой явленности катафатического богословия и, преодолевая полноту явленности в силе и славе, умаляется до кенотического божественного истощевания и самоумаления.

Список литературы

1. *Маркелова Т.В., Новикова М.Л.* Концептосфера «здоровье — болезнь»: культурный код // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 841–874. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874 EDN: UQYQWO
2. *Мелетинский Е.М.* О литературных архетипах. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1994. EDN: WZUDXL
3. *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. EDN: QZNKEL
4. *Данилов Е.С.* Восприятие радуги в античной культуре // Метаморфозы истории. 2018. № 11. С. 9–24. EDN: WDLMAP
5. *Назиров Р.Г.* Превращения сюжетов // Назировский архив. 2020. № 2(28). С. 59–215. EDN: CKZGOV
6. *Фрейзер Дж.* Фольклор в Ветхом завете. М. : Издательство политической литературы, 1989.

References

1. Markelova, T.V., & Novikova, M.L. (2021). "HEALTH — DISEASE" Conceptual Sphere: Cultural Code. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *12*(3), 841–874. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874 EDN: UQYQWO
2. Meletinskij, E.M. (1994). *About the Literary Archetypes*. Moscow: Russian State Humanitarian University. (In Russ.). EDN: WZUDXL
3. Frejdenberg, O.M. (1997). *The Poetics of the Plot and Genre*. Moscow: Labirint. (In Russ.). EDN: QZNKEL
4. Danilov, E.S. (2018). Rainbow Perception in Classical Culture. *Metamorphoses of History*, 11, 9–24. (In Russ.). EDN: WDLMAP

5. Nazirov, R. G. (2020). Transforming Stories. *Nazirovsky Archive*, 2(28), 59–215. (In Russ.). EDN: CKZGOV
6. Fraser, J. (1989). *Folklore in the Old Testament*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Герасимова Светлана Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и иностранных языков Института славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (115035, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33); доцент кафедры русского языка и истории литературы Высшей школы печати и медиаиндустрии, Московский политехнический университет (107023, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Семеновская, д. 38); *сфера научных интересов*: история литературы; *e-mail*: metanoik@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6150-5155, Scopus ID: 58159808500; ResearcherID: AAY-2626-2020, SPIN-код: 4006-9266, AuthorID: 797395.

Пак Елена Сергеевна, кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и иностранных языков Института славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (115035, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33); *сфера научных интересов*: история литературы; *e-mail*: pak-es@rguk.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9361-0390; SPIN-код: 8969-4302, AuthorID: 1016781.

Пищулина Инга Александровна, аспирант Московского политехнического университета, старший преподаватель кафедры лингвистики и иностранных языков Института славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (115035, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33); *сфера научных интересов:* история детской литературы, испанская культура и литература, семиотика культуры; *e-mail:* ingapishulina@yandex.ru
SPIN-код: 2139-9750, AuthorID: 1219653

Information about the authors:

Svetlana V. Gerasimova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Foreign Languages, Institute of Slavic Culture, The Kosygin State University of Russia (33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 115035); Associate Professor of the Department of Russian Language and History of Literature, Higher School of Printing and Media Industry, Moscow Polytechnic University (38 Bolshaya Semenovskaya St., Moscow, Russian Federation,107023); *Research interests*: history of literature; *e-mail*: metanoik@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6150-5155, Scopus ID: 58159808500; ResearcherID: AAY-2626-2020, SPIN code: 4006-9266, AuthorID: 797395.

Elena S. Pak, PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Linguistics and Foreign Languages, Institute of Slavic Culture, The Kosygin State University of Russia (33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 115035); *Research interests*: history of literature; *e-mail*: pak-es@rguk.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9361-0390; SPIN-code: 8969-4302, AuthorID: 1016781.

Inga A. Pishchulina, Postgraduate Student at Moscow Polytechnic University, Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Foreign Languages, Institute of Slavic Culture, The Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art) (33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, 115035, Russian Federation). Research interests: history of children's literature, Spanish culture and literature, semiotics of culture, e-mail: ingapishulina@yandex.ru
SPIN-code: 2139-9750, AuthorID: 1219653

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 44–58
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-44-58
EDN: HFFLZK

Научная статья / Research Article

История одного слова: потенциал цифровых следов в изучении семантики заимствований

Ю.М. Алюнина

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ alyunina-yum@rudn.ru

Аннотация. Описание потенциала цифровых следов для изучения динамики семантических изменений у англицизмов в русском языке с помощью инструмента *Google Ngram* было проведено на материалах электронной библиотеки *Google Books*. Цель исследования — предложить алгоритм работы с русскоязычным сегментом библиотеки *Google Books* для изучения динамики семантических изменений заимствованного слова. На примере лексемы *лофер(ы)* предлагается методология работы с помощью инструмента *Google Ngram* для определения статуса иноязычного слова в языке-реципиенте в разных значениях на разных этапах развития языка. Апробированная методология позволяет сделать вывод о том, что статус единицы *лофер(ы)* изменился в русском языке от экзотизма в значении *бездельник* до англицизма в значении *обувь*. При этом первичное вхождение заимствования *лофер* в значении *бездельник* в русский язык XIX в. не повлияло на формальную устойчивость англицизма *лоферы/лоуферы* в значении *обувь* в современном русском языке. Предложенная процедура анализа заимствованной лексики на материале цифровых следов может быть использована в лексикологии, лексикографии, а также этимологии, поскольку позволяет решить спорные случаи о периоде вхождения лексемы в язык-реципиент, ее значении и статусе в принимающем языке.
Ключевые слова: англицизм, лексическое заимствование, лексическая семантика, цифровой след

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта № 050751-0-000 Системы грантовой поддержки РУДН.

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Алюнина Ю.М.* История одного слова: потенциал цифровых следов в изучении семантики заимствований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 44–58. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-44-58 EDN HFFLZK

© Алюнина Ю.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

The Story of One Word: Studying the Semantics of Loanwords Through Digital Footprints

Yulia M. Alyunina ✉

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉ alyunina-yum@rudn.ru

Abstract. Description of the potential of digital traces for studying the dynamics of semantic changes in Anglicisms in the Russian language using the tool *Google Ngram* was conducted on the material of the electronic library G*oogle Books*. The aim of the study is to propose an algorithm for working with the Russian-language segment of the *Google Books* library in order to study the dynamics of semantic changes of the borrowed word. The example of the lexeme *лофер(ы)* proposes a methodology of work using the tool *Google Ngram* to determine the status of a foreign word in the language-recipient across its different meanings at different stages of development of the language. The tested methodology allows to conclude that the status of the unit *лофер(ы)* has changed in Russian from an exoticism in the meaning of *idler, loafer* to an Anglicism in the meaning of *shoes*. At the same time, the initial borrowing of the word *лофер* in the meaning of *idler, loafer* into Russian in the 19th century did not affect the formal stability of the Anglicism *лоферы/лоуферы* in the meaning of *shoes* in modern Russian. The proposed procedure for analyzing borrowed vocabulary based on digital traces can be used in lexicology, lexicography, and etymology, as it allows resolving disputed cases regarding the period of a lexeme's entry into the recipient language, its meaning, and status in the receiving language.

Keywords: anglicisms, lexical borrowings, lexical semantics, digital footprint

Funding: This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 050751-0-000.

Conflict of interests: The author stated that there were no conflicts of interest.

Article history: Received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Alyunina, Yu.M. (2026). The Story of One Word: Studying the Semantics of Loanwords Through Digital Footprints. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 44–58. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-44-58 EDN HFFLZK

Введение

Одним из активно развивающихся процессов в современных языках является освоение англицизмов. Эта проблема уже более века обращает на себя внимание лингвистов, что подтверждают труды, посвященные изучению заимствований во многих языках и в разных сферах коммуникации.

Под заимствованием понимается «элемент чужого языка <…>, перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс» такого перехода[1]. При изучении заимствованной лексики традиционно во внимание принимаются такие аспекты, как причины и каналы заимствования, периодизация и классификация заимствований, сферы их

[1] Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 158.

функционирования и способы адаптации к языку-реципиенту[2]. Сегодня основным языком-источником заимствований является английский, что обычно связывают с распространением Интернета [1. P. 8]. С одной стороны, Интернет действительно можно назвать катализатором информационного обмена, за счет которого в том числе активизируется и заимствование иностранных слов. С другой стороны, в этом контексте справедливым видится вопрос о роли Интернета в открытии всеобщего доступа к информации, за счет чего может складываться не вполне верное впечатление о критичном увеличении количества англицизмов. Допустимым видится, что некоторые англицизмы или их производные, кажущиеся сегодня новыми и современными, появились в языке достаточно давно, но использовались в других значениях или в рамках определенного дискурса, доступ к которому открылся благодаря Интернету.

Сложившееся противоречие о «вкладе» Интернета в глобальное распространение англицизмов может быть отчасти решено благодаря самому Интернету, который сегодня является своеобразной летописью языка, покрывающей определенный период его развития и предоставляющей возможность изучать его единицы в диахронии на материале цифровых следов. Под цифровым следом в данном случае понимается фиксация лексической единицы в цифровом пространстве: не только в текстах, создаваемых в Интернете — *born digital*[3] (сетература, блоги, соцсети и др.)., но и в текстах, для которых электронная среда вторична, как оцифрованные издания, например, библиотека *Google Books*[4]. Материал последней видится особенно ценным, так как представляет собой коллекцию, содержащую издания в том числе на русском языке от 1800 г. Какие-то из этих изданий уникальны, а их некоторые русскоязычные оригиналы хранятся в зарубежных библиотеках. Благодаря *Google Books* и его поисковому сервису *Google Books Ngram Viewer* (далее — *Google Ngram*)[5] становится возможным анализ уникальных источников и поиск ответов на некоторые вопросы об истории языка, в частности, об истории развития семантики заимствований и их статуса в языке-реципиенте.

Целью настоящей статьи является описать возможности использования цифровых следов для изучения динамики семантических изменений у англицизма в русском языке с помощью *Google Ngram* на материале *Google Books*.

[2] Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 158–159; The Routledge Linguistics Encyclopedia / ed. K Malmkjær. New York : Routledge, 2010. P. 212–243.

[3] Born digital [Электронный ресурс] Режим доступа: https://dictionary.archivists.org/entry/born-digital.html (дата обращения: 09.12.2022); Defining “Born Digital” [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.oclc.org/content/dam/research/activities/hiddencollections/borndigital.pdf (дата обращения: 09.12.2022).

[4] Google Books [Электронный ресурс] Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023).

[5] Google Ngram Viewer [Электронный ресурс] Режим доступа: https://books.google.com/ngrams (дата обращения: 04.03.2023).

Исследование носит методологический характер, поэтому его **задачами** являются: 1) уточнить лингвистические причины заимствования; 2) охарактеризовать *Google Books* как языковой корпус; 3) определить понятие цифрового следа и область его применения к заимствованию; 4) описать методологию работы с *Google Ngram* для выявления значений заимствования на примере цифровых следов англицизма *лоферы*[6].

Обращение к одному заимствованию в рамках статьи мотивировано методологическим фокусом исследования — его направленностью на описание предлагаемой методики анализа семантических изменений у заимствования на материале цифровых следов. Выбор англицизма *лоферы* или, точнее, его семантической структуры в качестве объекта исследования обусловлен характерным для этой лексемы семантическим сдвигом [2. P. 633], заметным в диахронии и свидетельствующим в пользу того, что Интернет является не только каналом проникновения заимствований [3. С. 44], но и инструментом обнаружения их устаревших значений.

Теоретико-методологический аппарат исследования

Среди причин заимствования слов принято выделять две макрогруппы: лингвистические и экстралингвистические. В соответствии с целью исследования кратко рассмотрим первые.

К лингвистическим причинам заимствования обычно относят:

- необходимость в номинации новых понятий и объектов (*геймпад, летсплей, митап*);
- необходимость в использовании международного термина [4. С. 48] (англ. *doping* → русс. *допинг*, венг. *dopping*, фин. *doping*, пол. *doping*);
- устранение полисемии (*бежевый — нюд — айвори*; *синий — нэви*);
- выделение особенностей иной культуры посредством экзотизмов [5. С. 463] (*ковбой, мистер, лорд, сэр*);
- потребность в «симметризации отношений между означаемым и означающим» [6. С. 7] (*деск-реджект* – отказ редактора научного издания в отправлении статьи на рецензирование) [3. С. 50];
- эстетизация речи [4. С. 49] (*уборщица* → *офис-клинер* ← англ. *office cleaner*).

Можно сказать, что точкой соприкосновения у всех перечисленных лингвистических причин заимствования является внутреннее содержание – семантика, имеющая ценность для языка-реципиента. Иногда введение в язык нового содержания обусловлено появлением во внеязыковой действительности нового объекта, который должен получить знаковое выражение в принимающем языке. Иногда существующие значения (содержания) переосмысляются

[6] Форма заимствования не является устоявшейся. В некоторых словарях лексема зафиксирована как *лоферы*, а в некоторых — как *лоуферы*. В статье за основу взята форма *лоферы*, однако при непосредственном анализе семантики лексемы и обращении к ее лексикографической фиксации будут использоваться обе формы.

носителями языка и требуют новой формы. В некоторых случаях содержательная сторона слова перемещается из одной языковой оболочки в другую. Проследить динамику таких семантических перемещений возможно только в диахронии на материале текстов, зафиксировавших значение в определенном формальном выражении. Они позволяют восстановить «понятийное содержание» лексической единицы[7] на определенном этапе развития языка.

Для изучения семантики лексической единицы в диахронии требуется ее анализ в разные периоды развития языка на материале больших данных. Доступ к ним может быть обеспечен посредством корпусов, на базе которых выполняются в том числе исследования по анализу лексической семантики [3]. Однако материал корпуса не всегда содержит необходимую лексему. Также корпус может обладать не достаточным объемом текстов или покрывать недостаточный для диахронического анализа период.

В качестве альтернативного источника материала могут использоваться интернет-сервисы, предоставляющие доступ к оцифрованным и электронным изданиям. Одним из них является *Google Books*, хранящий тексты XIX–XXI вв. и позволяющий их использовать как корпус благодаря поисковому инструменту *Google Ngram*.

Для использования библиотеки *Google Books* в качестве **альтернативы корпуса** необходимо представление о ее составе и об особенностях работы с ней.

История *Google Books* началась в 1996 г. в Стенфорде со студенческого проекта по созданию механизма поиска по содержанию книг для анализа цитируемости[8]. Со временем проект заинтересовал многие библиотеки и университеты, которые стали предоставлять свои издания для перевода в цифровой формат. Сейчас электронная библиотека насчитывает более миллиона книг XIX в. на разных языках, в том числе на русском, и включает издания, предоставленные Мичиганским, Оксфордским, Чикагским и другими университетами, а также Библиотекой Конгресса США, Библиотекой университета Лозанны, Национальной библиотекой Каталонии и др. С развитием цифровой печати в *Google Books* стали поступать электронные издания, что ускорило процесс обновления библиотеки. Сегодня ее каталог превышает 40 млн изданий.

Для использования *Google Books* в качестве языкового корпуса предназначен инструмент *Google Ngram* [7. С. 6, 19]. Он позволяет осуществлять поиск по библиотеке в рамках предустановленных коллекций в рамках определенного временно́го периода и языка. Результат запроса выдается в виде графика с динамикой «изменения частотности» искомой лексемы [7. С. 6] и ссылками на контексты ее употребления. *Google Books* не дает полнотекстового доступа, но интерфейс позволяет изучать открытые фрагменты книги,

[7] Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 409.

[8] О поиске книг Google [Электронный ресурс] Режим доступа: https://books.google.com/intl/ru//googlebooks/history.html (дата обращения: 09.01.2023).

демонстрирующие контекст искомой единицы. Этих фрагментов достаточно для понимания контекстуального значения лексемы.

Как у многих инструментов, позволяющих автоматизировать анализ языка, у *Google-сервисов* есть свои достоинства и недостатки. Достоинствами сервисов являются: бесплатный и неограниченный доступ к их функционалу; открытый доступ к фрагментам текстов; наличие редких и уникальных источников; покрытие широкого культурно-исторического контекста от XVIII в. до наших дней.

Общие преимущества *Google-сервисов* подробно описаны [7], поэтому в данном исследовании внимание на них не заостряется. Более значимым видится обращение к отдельным недостаткам, которые необходимо учитывать в методологии анализа семантики иноязычной лексики. Среди них необходимо разъяснить следующие.

Во-первых, ошибки в распознавании отсканированных документов, которые приводят к неверному определению частотности лексемы. Например, идентификация англицизма *свитшот* в словосочетании *свитшот Богородицы* (рис. 1), которое якобы встречается в источнике *Историко-литературные исследования и материалы: из истории развития русской поэзии XVIII в.* 1900 г.[9] Данная ошибка обусловлена низким качеством печати, которое сказалось на качестве цифрового распознавания текста.

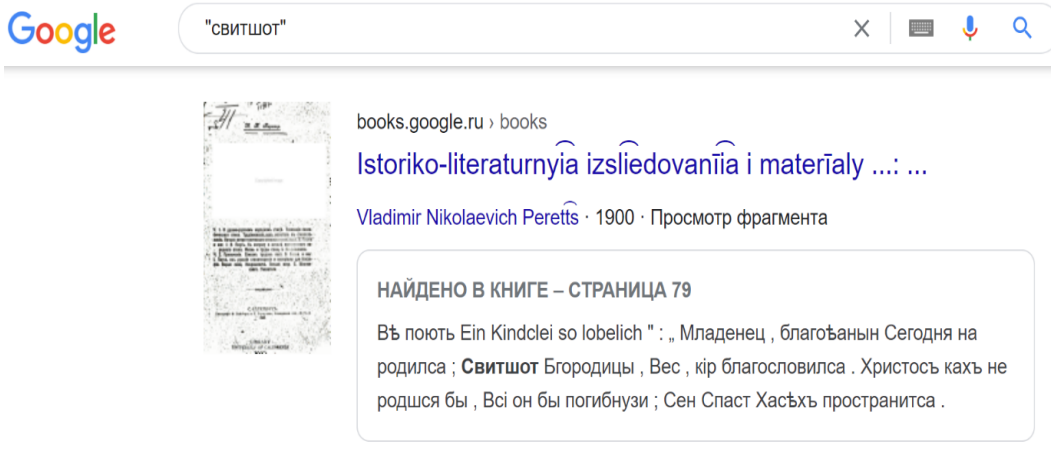

Рис. 1. Пример ошибочного распознавания лексемы «свитшот» в русскоязычном сегменте Google Books
Источник: исследование Ю.М. Алюниной.
Figure 1. Example of misrecognition of the word «свитшот» in Russian Google Books collection
Source: compiled by Yu. M. Alyunina/

Во-вторых, невозможность решения проблемы омонимии является недостатком *Google-сервисов*, что обусловлено их автоматизированной работой и отсутствием ручной разметки. Так при поиске лексемы *лук* в результате

[9] Google Books [Электронный ресурс] Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023).

запроса будут отображаться частотность и контексты для этой единицы в значениях *растение*, *стрелковое оружие* и *внешность* (от англ. *look*). Как следствие, требуется ручное снятие омонимии, что может значительно увеличить временны́е затраты на обработку материала. Этот недостаток не уникален для *Google Books*. На сегодняшний день вопрос омонимии является общей проблемой NLP при создании корпусов и работе с корпусными менеджерами.

В-третьих, неверное установление источниковых метаданных, к которым относится дата публикации. Неверное датирование источника может быть связано с путаницей в автоматическом установлении даты публикации, которая выбирается алгоритмом *Google Books* из нескольких вариантов: дата первой публикации, дата повторной публикации, дата оцифровки и загрузки издания в библиотеку. Так книгу *Библія Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, канонически* можно встретить в трех вариантах датировки: 1894, 1915 и 2021 гг.[10]

Названные особенности *Google-сервисов* важно учитывать при работе с поисковыми запросами для анализа семантики лексем на материале их цифровых следов.

Под **цифровым следом** обычно понимается «совокупность информации о пользователе и его действиях в Сети, которую можно каким-либо способом отследить»[11]. В англоязычной терминологии этому понятию соответствуют термины *digital footprints* (*цифровой след*), *digital records* (*цифровые записи*), *digital traces* (*цифровые отпечатки*) [8. P. 110], которые применяются к таким данным, как персональные данные (пол, возраст, место жительства, образование и др.) и выполняемые пользователем операции в Интернете [8. P. 110; 9. P. 150]. Сегодня цифровые следы являются объектом интереса различных областей: менеджмент, социология, психоинформатика, цифровая экономика и др. [8. P. 110; 9. P. 150]. Релевантность определенного типа цифровых следов зависит от цели исследования. Обращение к конкретному типу цифровых следов в свою очередь влечет выбор методов и приемов их анализа.

В данном исследовании термин *цифровой след* используется применительно к письменной фиксации лексической единицы в текстах, находящихся в Интернете: оцифрованных и цифровых изданиях. В частности, термин применяется к письменной фиксации англицизма в изданиях, присутствующих в библиотеке *Google Books*: анализируемая лексема рассматривается как след, который был оставлен автором текста в Интернете. Безусловно, не все тексты были созданы в виртуальном пространстве. В связи с этим необходимо пояснить, что применительно к лексемам можно выделить первичные и вторичные *цифровые следы* на основании того, что для некоторых из них цифровая среда является первичной (сетература, электронные книги, газеты, журналы — тексты *born digital*), а для некоторых — вторичной (оцифрованные издания, загруженные в Сеть).

[10] Google Books [Электронный ресурс] Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023).

[11] Цифровой след [Электронный ресурс] Режим доступа: https://encyclopedia.kaspersky.ru/glossary/digital-footprint/ (дата обращения: 09.01.2023).

Поскольку целью исследования является описать возможности использования цифровых следов для анализа семантики англицизмов в русском языке на материале *Google Books*, далее мы будем говорить только о русскоязычном сегменте библиотеки.

В ходе исследования внимание обращалось на такие метаданные, как заглавие издания, в котором зафиксирована искомая единица, и дата его публикации. Также учитывались вышеназванные особенности *Google-сервисов*.

Анализ и результаты

Поскольку статья носит методологический характер, в ней приводится алгоритм изучения изменений в семантике заимствования на примере одной лексемы *лофер(ы)*, пришедшей в русский язык из английского. Безусловно, результаты анализа одной единицы не позволяют сделать выводы, экстраполируемые на язык в целом, однако результаты анализа семантических изменений в англицизме можно рассматривать как некую модель развития семантики иноязычной лексемы (одну из многих потенциальных моделей), а методология изучения семантических преобразований может быть применена к более обширному материалу.

Предлагаемая процедура анализа включает два этапа: 1) анализ семантики заимствования в сопоставлении с семантикой его английского этимона на материале словарей для выявления фрагмента исконного значения, который получил лексикографическую фиксацию; 2) контекстуальный анализ лексемы на материале корпуса *Google Books* для выявления фрагмента исконного значения, который зафиксировался в узусе.

На первом этапе исследуется семантика заимствования на материале словарных дефиниций. Поскольку в статье изучается значение заимствования только в русском языке, закономерным видится его анализ в сопоставлении со значением английского этимона *loafer*. Такое сопоставление позволит выявить сегмент семантической структуры этимона, заимствованный в русский язык с соответствующей лексемой.

Рассмотрим несколько определений слова *loafer*:

- *Cambridge Dictionary*: 1) «a type of leather **shoe** without a fastening, that a person's foot slides into»; 2) «someone who **avoids** doing any **work**»[12];
- *Macmillian Dictionary*: 1) «a low leather **shoe** that you slip on and do not need to tie»; 2) «someone who **loafs** around»[13];
- *Merriam Webster Dictionary*: 1) «one that **loafs**»; 2) «a low step-in **shoe**»[14];

[12] Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения: 07.01.2023).

[13] Macmillan Dictionary. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 07.01.2023).

[14] Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 07.01.2023).

• *Oxford English Dictionary*: 1) «a person who **avoids work** and spends their time idly»; 2) «a leather **shoe** shaped like a moccasin, with a flat heel»[15].

Согласно дефинициям в лексеме *loafer* выделяются два значения: бездельник (*who avoids work — кто избегает работы, who loafs — кто бездельничает*) и ботинок (*shoe*). Если анализировать эти значения безотносительно их этимологии, то в контексте исследования важно отметить, что приведенные дефиниции даны в онлайн-словарях, содержание которых легко модерируется в соответствии с узусом. Поскольку в двух словарях значение *ботинок* стоит на первом месте[16], а в двух — на втором[17], можно предположить, что в современном английском языке лексема *loafer* употребляется в значениях *ботинок* и *бездельник* с сопоставимой регулярностью.

Тем не менее, этимологически лексема *loafer* — производное от *loaf*: 1) *сущ.* булка хлеба; 2) *гл.* бездельничать[18]. По одной из версий формирования значения *бездельник*, *loafer* — это тот, кто ест хлеб своего хозяина[19], то есть бездельничает, нахлебничает. Значение *ботинок* как вид неформальной обуви («a type of shoe for informal occasions»[20]) впервые зафиксировано у лексемы *loafer* в 1937 г. как семантический дериват от *бездельник*. То есть *loafers* — это туфли, которые подходят для отдыха — проведения времени без дела.

Перейдем к анализу семантики заимствования *лофер/лоуфер(-ы)* в русском языке на материале словарей иноязычной лексики и этимологических исследований:

• *30 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык*: лофер – «сперва нищий **бродяга**, теперь в больших северо-американских городах: **тунеядец**»[21];

---

[15] Oxford English Dictionaries. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://en.oxforddictionaries.com/ (дата обращения: 07.01.2023).

[16] Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения: 07.01.2023); Macmillan Dictionary. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 07.01.2023).

[17] Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 07.01.2023); Oxford English Dictionaries. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://en.oxforddictionaries.com/ (дата обращения: 07.01.2023).

[18] Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org/ru/ (дата обращения: 07.01.2023); Macmillan Dictionary. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.macmillandictionary.com/ (дата обращения: 07.01.2023); Merriam-Webster Dictionary. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 07.01.2023); Oxford English Dictionaries. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://en.oxforddictionaries.com/ (дата обращения: 07.01.2023).

[19] «By coincidence Old English had *hlaf-aeta* “household servant”, literally “loaf-eater;” *one who eats the bread of his master*, suggesting the Anglo-Saxons might have still felt the etymological sense of lord as “loaf-guard.” [22].

[20] Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.etymonline.com/ (дата обращения: 07.01.2023).

[21] *Михельсон А.Д.* 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М. : Собственное издание автора, 1866. С. 371.

• *Словарь английских заимствований русского языка*: лоуферы — «легкие кожаные **туфли** типа мокасин» [10. С. 259];

• *Иллюстрированный словарь английских заимствований в русском языке последних лет*: лоферы/лоуферы – «вид обуви; **туфли** без шнурков на жесткой подошве с невысоким каблуком» [11. С. 87].

Согласно приведенным определениям ни один из рассмотренных словарей не фиксирует у англицизма *лофер/лоуфер* оба значения, присущие его этимону *loafer*. Более того, значение *бездельник* встречается только в одном – первом словаре, изданном в XIX в.[22], а значение *обувь, туфли* зафиксировано в современных словарных источниках XXI в. [10—11]. Действительно, лексема *лоферы/лоуферы* используется в современном русском языке как название обуви и, по данным опроса, воспринимается таковым носителями русского языка [3. С. 372], а само заимствование в этом значении является новым с точки зрения его корпусной представленности в НКРЯ [3. С. 171]. Об этом же говорит и неустоявшаяся графическая форма слова в современном русском языке: *лоферы* или *лоуферы*. Как видно из словарных источников, эта новизна в большей степени обусловлена семантикой лексемы, а не фактом ее формального появления в языке. Более того, проникновение формы *лофер* в русский язык XVIII в. с семантикой *бездельник* не повлияло на устойчивость формы *лофер* в современном русском языке в значении *обувь, туфли*, хотя соответствующему этимону в английском языке присущи оба эти значения.

На уровне морфологии тоже прослеживается разница между заимствованием с семантикой *бездельник* и заимствованием в значении *туфли*. В первом случае, отраженном в словаре 1866 г., англицизм зафиксирован как *лофер* в форме ед.ч., что соответствует значению *бездельник*. Во втором, представленном в двух словарях 2000-х гг., англицизм приведен во мн.ч., что указывает на обувь как на парный объект.

Также можно отметить, что в русском языке естественным образом утрачивается этимологическая связь лексемы *лофер* с праздным временем препровождения и значением *булка хлеба,* первичным у мотивирующей основы *loaf* для английского *loafer*.

Таким образом, на основании первого этапа анализа можно заключить, что заимствование *лоферы/лоуферы* употребляется в современном русском языке с семантикой *обувь*, на что указывают дефиниции англицизма в лексикографических источниках и форма мн.ч., характерная для наименований предметов обуви в русском языке. Неустойчивая графическая форма заимствования говорит о ее недавнем вхождении в русский язык, что должно противоречить факту лексикографической фиксации лексемы *лофер* в словаре 1866 г. Разрешению этого противоречия способствует второй этап анализа иноязычной лексемы на материале ее цифровых следов.

[22] *Михельсон А.Д.* 30000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. М. : Собственное издание автора, 1866. С. 371.

На втором этапе анализа был исследован контекст заимствования, что позволило проследить значения, в которых оно использовалось в русском языке в диахронии.

Этот этап анализа был выполнен с опорой на цифровые следы лексемы *лоферы/лоуферы* в *Google Books* с помощью *Google Ngram*. Распределение искомой единицы по годам выглядит следующим образом (рис. 2).

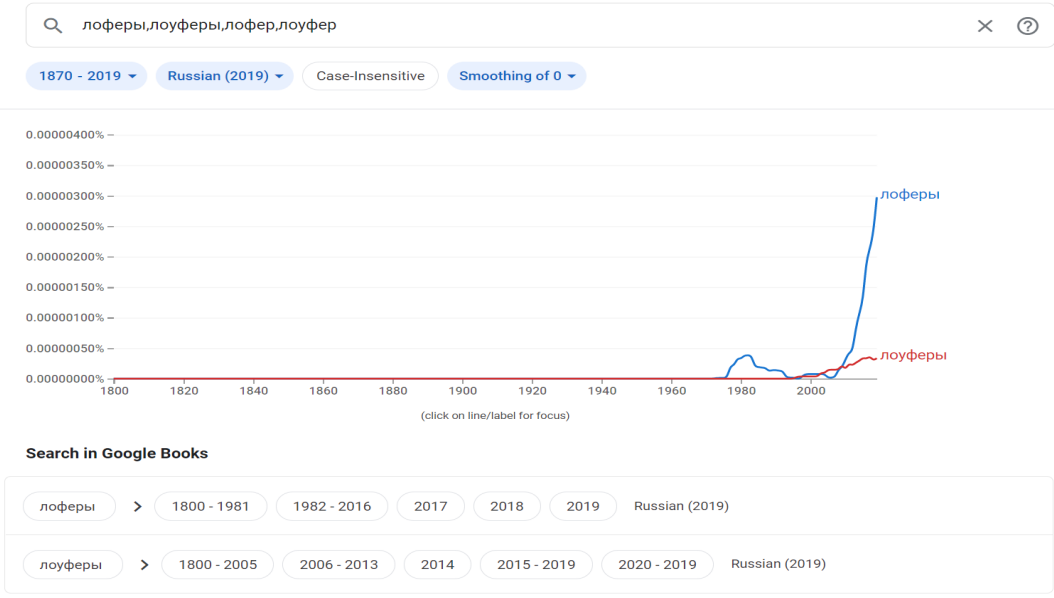

Рис. 2. Динамика частотности лексемы «лоферы/лоуферы» в русскоязычном сегменте Google Books
Источник: исследование Ю.М. Алюниной.
Figure 2. Frequency Dynamics of the Word «лоферы/лоуферы» in Russian Google Books Collection
Source: compiled by Yu. M. Alyunina/

Поисковый запрос (рис. 2) был сформулирован как *лоферы, лоуферы, лофер, лоуфер*. Это было сделано по двум причинам. Во-первых, в зависимости от формы ед. и мн.ч. могут быть разные результаты поиска, которые будут соотноситься с разными значениями искомой единицы, а снятие омонимии *Google Ngram* не проводится. Во-вторых, лексема в значении *обувь* пока не имеет устоявшейся графической формы в русском языке. Хотя поисковый запрос состоял из четырех единиц, на графике отображена частотность только для двух из них: *лоферы* и *лоуферы*. Это значит, что единицы *лофер* и *лоуфер* не были обнаружены *Google Ngram*.

Для изучения контекстов слов *лоферы* и *лоуферы* были проанализированы доступные фрагменты электронной библиотеки, сгруппированные по годам под графиком (рис. 2). Эти фрагменты были рассмотрены в рамках четырех диахронических срезов, выделенных эмпирическим путем: до 70-х гг. (условно нулевая или низкая частотность форм *лоферы* и *лоуферы*); 70–80-гг. (увеличение частотности формы *лоферы*); конец 90-х — начало 2000-х (конкуренция форм *лоферы* и *лоуферы*); 2000-е гг. (увеличение

частотности форм *лоферы* и *лоуферы* с преобладанием первой). Анализ соответствующих контекстов позволил выявить следующее.

Несмотря на то, что до 70-х гг. частотность формы *лоферы* равна нулю (синий график – рис. 2), она все же имеет низкую, неотображаемую на графике представленность в *Google Books* с семантикой *бездельник*[23]. В контекстах 1800–1981 гг. эта лексема употребляется как экзотизм, так как характеризует реалию, свойственную иностранной, американской культуре. Об этом говорят не только контексты и лексическая сочетаемость, но и названия источников[3]. Форма *лоуферы* (красный график — рис. 2) тоже зафиксирована в *Google Books* до 70-х гг., хотя и не отображается на графике в этот период. Она встречается как имя собственное для названия гор[24] в Австрии, омонимичное с искомой единицей. Далее это значение не повторяется, а в современном русском языке выражается через топоним *Лоферер* от нем. *Die Loferer Steinberge*[25].

В период увеличения частотности формы *лоферы* в 70–80-гг. лексема все еще употребляется как экзотизм, но уже в значении *обувь*[26]. На это указывают названия источников[5] и контексты, в которых единица *лоферы* используется в качестве наименования элемента гардероба наряду с соответствующими лексемами: *пальто, костюм, рубаха, ботинки, мокасины* и др. Форма мн.ч., в которой во взятый период начинает встречаться иноязычное слово, также указывает на его употребление в значении *обувь* — парного объекта.

В момент конкуренции форм *лоуферы*[27] и *лоферы*[28] в конце 90-х – начале 2000-х гг. они используются в значении *обувь* в статусе заимствования,

---

[23] *Циммерманн Э.* Путешествие по Америке в 1869-1870 годах: «Они здесь известны под именем лоферов (loafers), что можно перевести нашим словом жулик» (1872 г.) Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023). *Циммерманн Э.* Соединенные Штаты Северной Америки: из путешествий 1857–58 и 1869–70 годах: «Предосторожность необходима тем более, что наглые лоферы не раз пытались проникнуть даже в спасительныя залы Кестл-Гардена <…>». (1873 г.). Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023).

[24] *Сперанский М.Н.* Древности. Труды славянской комиссии Императорского Московского археологического общества: «…есть у нас иная страна, в ней горы Лоуферы, и с тех гор огонь». (1985 г.) Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023).

[25] Google Books [Электронный ресурс] Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023).

[26] *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции: «Мне известно, что для Вас уже лежат: пальто драповое, синий костюм летний, рубахи, что-то еще из белья и ботинки (как Вы любите без завязок, к черту завязки, это здесь называется „лоферы“), галстуки». (1981 г.) Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023). *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции: «В ней рыжие лоферы и мокасины (для неграмотных — легкие туфли индейского стиля, носимые в Соединенных Штатах Америки <…>)». (1982 г.) Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023).

[27] *Минаев С.* Духless: «Хорохорится, носит такие <…> молодежненькие желтые галстуки со зверушками и отвратительные коричневые лоуферы. Он типичный французский старпер вэкэкэшник <…>» (2006 г.) [6].

[28] Журнал Звезда, № 1–3: «Американские студенты шляются здесь в кофтах всех цветов радуги – если что такое, то очень идет, чтобы спать в них. Лоферы прекрасные» (1999 г.) Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023).

однако соотнесение соответствующего объекта внеязыковой действительности с западным образом жизни еще сохраняется. Об этом говорит встречаемость лексемы в контекстах с такими сочетаниями, как *французский старпер вэкэкэшник*[6] (окказионализм)*; американские студенты*[7].

Позже в 2000-е гг. частотности форм *лоуферы*[29] и *лоферы*[30] демонстрируют рост и в обоих случаях используются только в значении *обувь* в статусе англицизма. На это указывает, во-первых, встречаемость заимствования в контексте с лексемами, которые являются наименованиями объектов моды, как *кеды, мокасины, каблук, стиль бохо-шик, лодочки, ботильоны* и др.; во-вторых, употребление заимствования исключительно в форме парного объекта — *лоуферы* и *лоферы*. При этом, согласно графику (рис. 2), частотность последней формы в пять раз превышает частотность первой, что говорит о высокой вероятности закрепления графической формы *лоферы* для этого англицизма в русском языке. Данный факт в свою очередь может говорить о независимости формально-семантического освоения англицизма от первичного вхождения иноязычной лексемы в язык в статусе экзотизма.

Таким образом, анализ цифровых следов лексемы *лоферы/лоуферы* обнаружил, что первичное вхождение иноязычного слова в русский язык было с семантикой *бездельник*. Со временем это значение отошло на второй план, и у лексемы появилась семантика *обувь*. Значение *бездельник* выражалось в заимствовании через форму ед.ч. *лофер*, а значение *обувь* — через форму мн.ч. *лоферы/лоуферы*, что соответствует наименованию обуви как парного объекта. В 70–80-ее гг. иноязычная лексема в русском языке находилась в состоянии, которое можно назвать пограничным между экзотизмом и англицизмом, так как объект внеязыковой действительности все еще ассоциировался с западной культурой. В конце XX в. лексема стала обозначать предмет обуви и полностью перешла в статус заимствования. При этом, согласно *Google Books*, к настоящему моменту формальная адаптация англицизма еще не завершилась: встречается как форма *лоферы*, так и *лоуферы*.

Заключение

Предложенная в статье методология позволяет сделать вывод о том, что цифровые следы могут использоваться как материал для изучения семантики иноязычной лексемы и ее статуса в языке-реципиенте. Важно отметить, что

[29] Газета Комсомольская Правда. Москва, № 75: «Модные кеды, лоуферы, мокасины без каблука тоже опасны для здоровья» (2014 г.) Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023); Журнал Отдохни, № 14: «Главные акценты коллекции: квадратный каблук из 70-х в стиле бохо-шик, женственные лодочки и удобные *лоуферы* в пудровых тонах» (2016 г.) Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023).

[30] Журнал Burda, № 12: «К такому фасону брюк подходят непринужденные *лоферы* или босоножки, но лучший вариант — изящные ботильоны» (2014 г.) Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023); Газета КоммерсантЪ Weekend, № 3: «Главная обувь круизной коллекции тоже подчеркнуто практична и рассчитана на долгие прогулки — основу обувной линии составляют лоферы и сандалии на плоской подошве» (2014 г.) Режим доступа: https://books.google.ru/ (дата обращения: 06.02.2023).

на сегодняшний день обращение к цифровым следам для изучения лексической семантики возможно лишь при наличии достаточного количества оцифрованных источников. В настоящий момент *Google Books* располагает источниками от XVIII в., и далеко не все из них приемлемого качества. Однако развитие сферы Digital Humanities, одной из задач которой является сохранение культурного наследия в электронном формате, позволяет сделать вывод о том, что предложенная в статье методология имеет перспективы к масштабированию, а описанные возможности и ограничения Google-сервисов могут быть учтены при создании цифровых копий документов, их аннотировании и присвоении им метаданных.

Таким образом, продемонстрированная процедура анализа семантических преобразований может быть использована в лексикологии и лексикографии, а также этимологии, поскольку способствует решению спорных случаев о периоде вхождения лексемы в язык-реципиент, ее значении и статусе в принимающем языке. Перспективы исследования видятся в применении описанной процедуры анализа к более обширному материалу для изучения семантических сдвигов в лексике цифровой эпохи и лексике, письменно закрепившей свое присутствие в языке в виде цифровых следов.

Список литературы

1. *Fischer R.* Introduction. Studying Anglicisms // Anglicisms in Europe linguistic diversity in a global context / ed. R. Fischer, H. Pulaczewska. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2008. P. 1–15.
2. *Zalizniak A.A., Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M.* The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // Linguistics. 2012. Vol. 50. № 3. P. 633–669. https://doi.org/10.1515/ling-2012-0020 EDN: PDRQFN
3. *Алюнина Ю.М.* Семантико-прагматические функции англицизмов в русских и французских блогах о моде: дисс. … канд. филол. н. М., 2021. EDN: QBCKMP
4. *Виноградов В.В.* Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М. : Наука, 1977. С. 47–68.
5. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань : Пилигрим, 2010. EDN: RUSOUC
6. *Москвичева С.А.* Формальная дифференциация лексико-семантических вариантов слова в русском языке: дисс. … канд. филол. н. М., 2001. EDN: QDOFAL
7. *Тимофеева М.К.* Компьютерные технологии в филологии. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т., 2018.
8. *Marengo D., Settanni M.* Mining Facebook Data for Personality Prediction: An Overview // Digital Phenotyping and Mobile Sensing. Cham : Springer, 2019. P. 109–124.
9. *Azucar D., Marengo D., Settanni M.* Predicting the Big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // Personality and Individual Differences. 2018. № 124. P. 150–159.
10. *Дьяков А.И.* Словарь английских заимствований русского языка. Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2010. EDN: RWOACT
11. *Ходжагельдыев Б.Д., Шурупова О.С.* Иллюстрированный словарь английских заимствований в русском языке последних лет. М. : ФЛИНТА, 2020.

References

1. Fischer, R. (2008). Introduction. Studying Anglicisms. In: *Anglicisms in Europe linguistic diversity in a global context* (pp. 1–15). Cambridge: Cambridge Scholars Publ.
2. Zalizniak, A.A., Bulakh, M., Ganenkov, D., Gruntov, I., Maisak, T., & Russo, M. (2012). The Catalogue of Semantic Shifts as a Database for Lexical Semantic Typology. *Linguistics*, *50*(3), 633–669. https://doi.org/10.1515/ling-2012-0020 EDN: PDRQFN
3. Alyunina, Yu.M. (2021). *Semantic and Pragmatic Functions of English Loanwords in Russian and French Fashion Blogs* [PhD Thesis]. Moscow. (In Russ.).
4. Vinogradov, V.V. (1977). On the Basic Vocabulary and its Word-Forming Role in the History of Language. In: *Selected Works. Lexicology and Lexicography* (pp. 47–68). Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Žerebilo, T.V. (2010). *The Vocabulary of Linguistic Terms*. Nazran': Piligrim. (In Russ.). EDN: RUSOUC
6. Moskvičëva, S.A. (2001). *Formal Differentiation of Lexical-Semantic Variants of a Word in Russian* [PhD Thesis]. Moscow. (In Russ.). EDN: QDOFAL
7. Timofeeva, M.K. (2018). *Computer Technologies in Philology*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t. (In Russ.).
8. Marengo, D., & Settanni, M. (2019). Mining Facebook Data for Personality Prediction: An Overview. In: *Digital Phenotyping and Mobile Sensing* (pp. 109–124). Cham: Springer.
9. Azucar, D., Marengo, D., & Settanni, M. (2018). Predicting the Big 5 Personality Traits from Digital Footprints on Social Media: A meta-analysis. *Personality and Individual Differences*, 124, 150–159.
10. Djakov, A.I. (2010). *The Dictionary of English Loanwords in the Russian Language*. Novosibirsk: Novosibirskoe knižnoe izdatel′stvo. (In Russ.).
11. Hodžagel′dyev, B.D., & Šurupova, O.S. (2020). *Illustrated Dictionary of English Loanwords in the Russian Language of Recent Years*. Moscow: FLINTA. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Алюнина Юлия Матвеевна, кандидат филологических наук, Ph.D. in Lexicology and Multilingual Terminology and Translation, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета, специалист Научно-образовательного Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: лексическое заимствование, лексическая семантика, цифровая лингвистика; *e-mail*: alyunina-yum@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-4970-5584, SPIN-код 1972-7723, Scopus 57217070423.

Information about the author:

Yulia M. Alyunina, PhD in Philology, Ph.D. in Lexicology and Multilingual Terminology and Translation, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Specialist at the Scientific and Educational Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: lexical borrowing, lexical semantics, digital linguistics; *e-mail*: alyunina-yum@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-4970-5584, SPIN-code 1972-7723, Scopus 57217070423.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 59–84
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-59-84
EDN: HMGKYL

Научная статья / Research Article

Номинативный потенциал слова *тоска*

Л.К. Жаналина, И.В. Котлярова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая, *Алматы*, *Республика Казахстан*
✉ kotlyarova_1984@mail.ru

Аннотация. Предпосылкой для решения вопроса о номинативной системе становится признание номинативной деятельности в качестве предмета лингвистической науки. Функция номинативной деятельности, заключающаяся в производстве номинативных единиц, вербализирующих и сохраняющих знания, полученные в ходе предметно-познавательной, эмоциональной активности человека, демонстрирует движущую силу филогенеза языка и языковой картины мира. Целью статьи является представление в синхронном срезе траектории развития отдельного участка языка в системе номинативных единиц, составляющих номинативную парадигму слова *тоска*, которая раскрывает его филогенетический номинативный и когнитивный потенциал: развертывание производящего слова *тоска* и его когнитивного аналога — концепта ТОСКА на материале лексикографических источников, а также текстов художественной литературы. На первой ступени номинативные единицы объединяются внутри парадигмы в зоны: лексическую, фразеологическую, словообразовательную, синтаксическую. Вторую ступень образуют области, в которых значения номинативных единиц демонстрируют изменение концепта ТОСКА, выраженного исходным словом *тоска*. Методы исследования: метод когнитивно-номинативной парадигматизации при упорядочении номинативных единиц, результатом использования которого является номинативная парадигма; семантический анализ на этапе определения признаков; концептуальный анализ при описании когнитивных областей; сравнительный анализ семантических отношений; метод количественных характеристик данных лексической, фразеологической, словообразовательной и синтаксической зон. В результате исследования выявлены высокая продуктивность фразообразования; когнитивный неполный изоморфизм разных зон парадигмы слова *тоска*, а также концептуальные признаки, участвующие в развитии концепта ТОСКА: концепты-расширители со структурой «признак + эмоция»; концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами; концепты-синкреты, представленные номинативными единицами-словосочетаниями; метафорические образы-репрезентанты концепта, отмеченные номинативными единицами-словосочетаниями; внеязыковые концепты на основе оппозиции-энантиосемии, отражаемые номинативными единицами-словосочетаниями; языковые концепты, маркируемые метаязыком, выражаемые номинативными единицами-словосочетаниями и номинативными единицами-предложениями. Результаты номинативной деятельности выступают как основной механизм филогенетического развития языка в союзе с эволюцией познания.

© Жаналина Л.К., Котлярова И.В., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Представляется, что полученные результаты исследования будут способствовать значительному расширению традиционного представления о номинативной системе и внесут определенный вклад в изучение теории номинации.

Ключевые слова: теория номинации, номинативная деятельность, номинативная парадигма, номинативная единица, способы номинации, концепт ТОСКА

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Жаналина Л.К., Котлярова И.В.* Номинативный потенциал слова *тоска* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 59–84. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-59-84 EDN HMGKYL

Nominative Potential of the Word *Anguish*

Lazzat K. Zhanalina, Irina V. Kotlyarova ✉

Abai Kazakh National Pedagogical University, *Almaty*, *the Republic of Kazakhstan*
✉ kotlyarova_1984@mail.ru

Abstract. The prerequisite for resolving the question of the nominative system is the recognition of nominative activity as a subject of linguistic science. The function of nominative activity, which consists of producing nominative units that verbalize and preserve knowledge acquired through human cognitive and emotional activity, demonstrates the driving force behind the phylogenesis of language and linguistic worldview. The aim of the article is to present, in a synchronic cross-section, the trajectory of development of a separate part of the language in the system of nominative units that make up the nominative paradigm of the word *anguish*. The nominative paradigm of the word *anguish* reveals its phylogenetic nominative and cognitive potential: the deployment of the producing word *anguish* and its cognitive analogue — the concept of ANGUISH based on lexicographic sources, as well as texts of fiction. At the first stage, nominative units are combined within the paradigm into zones: lexical, phraseological, derivational, syntactic. The second stage is formed by areas in which the meanings of nominative units demonstrate a change in the concept of ANGUISH, expressed by the original word *anguish*. Research methods: the method of cognitive-nominative paradigmatization when ordering nominative units, the result of which is the nominative paradigm; semantic analysis at the stage of identifying features; conceptual analysis when describing cognitive domains; comparative analysis of semantic relations; the method of qualitative analysis of the data of the lexical, phraseological, derivational and syntactic zones. The study reveals high productivity in phraseological formation; cognitive incomplete isomorphism of different zones of the paradigm of the word *anguish*, as well as conceptual signs involved in the development of the concept of ANGUISH: expander concepts with the structure “sign + emotion”; concepts-“targets” expressed by predicative phraseological units; syncretic concepts, represented by phrasal nominative units; metaphorical images-representations of the concept, marked by nominative units-phrases; extra-linguistic concepts based on opposition-enantiosemy, reflected by nominative units-phrases; linguistic concepts marked with a metalanguage, expressed by nominative units-phrases and nominative units-sentences. The results of nominative activity act as the main mechanism of phylogenetic development of language in conjunction with the evolution of cognition. It seems that the obtained research results will contribute to a significant expansion of the traditional understanding of the nominative system and contribute to the study of nomination theory.

Keywords: nomination theory, nominative activity, nominative paradigm, nominative unit, способы номинации methods of nomination, concept ANGUISH

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text**.**

Conflict of interests: the authors stated that there were no conflicts of interest.

Article history: received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Zhanalina, L.K., & Kotlyarova, I.V. (2026). Nominative Potential of the Word *Anguish*. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 59–84. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-59-84 EDN HMGKYL

Введение

Многоликая картина современной лингвистики продолжает осложняться, благодаря разрастанию теорий, усилению междисциплинарного контекста в науке и связанной с ними неустойчивости понятийно-терминологического аппарата. Это касается и теории номинации, ономасиологии. Причем разногласия возникают еще на уровне наименований самих научных дисциплин. Их истоки, как представляется, были заложены в истории разработки вопроса о факторах появления имен.

Таким образом, в разработке науки о наименованиях прослеживаются две основные линии. Первая линия, восходящая к объяснению того, как «вещь» связывается со словом, закрепляется авторитетом Ф. де Соссюра, разделившего «означаемое» и «означающее» и наделившего их связь в языковом знаке признаками мотивированности и произвольности [1. С. 35–285]. Л. Ельмслев продолжает разграничение «плана содержания» и «плана выражения» [2. С. 14]. Понимание языковых знаков как результатов техники соединения содержания с формой сближается с разработкой ономасиологического подхода, происхождение которого трактуется по-разному. Также различно интерпретируется его формула. Во-первых, она варьирует состав участников, входящих в связь. Или это, как сформулировал Ф. де Соссюр, означающие и означаемые, вступающие в соотношение в знаках языка, или это языковой знак и предмет [3. С. 204].

Во-вторых, отсутствует единообразие в метаязыке формулы ономасиологического подхода: «от функции к языковому знаку» [2. С. 71]; «от понятия /замысла/ мыслительного содержания к языковой единице» [4–6]; «от языкового значения к языковой форме» [7; 8]. Данные терминологические расхождения не являются принципиальными, если признать наличие семантических функций [4], с одной стороны, и если принять во внимание мнение о единой природе понятия как когнитивной единицы и языкового значения. Так, Е.С. Кубрякова отмечает, что языковое значение представляет собой вербализованную когницию: «Мы обозначаем не вещь, не отдельный объект, а совокупность ощущений и впечатлений от этого объекта» [5. С. 16]. Г.В. Колшанский считает: «Семантика слова по существу совпадает с понятием» [9. С. 28]. Признание единой природы когнитивного содержания

и языкового значения закреплено и терминологически. Такой подход сформулирован в рамках субстанциональных теорий семантики и называется «концептуалистским» [10. С. 27], «идеационным» [11. С. 55]. Таким образом, наблюдается терминологический разброс в представлении формулы не общности в понимании ономасиологического подхода.

Ономасиология, вооруженная ономасиологическим подходом, сохраняет приобретенную ею в самом начале лексикоцентрированность и в то же время расширяет свой объект за счет грамматики. К ономасиологическим грамматикам относится первая версия классификации частей речи Е.С. Кубряковой [12]. Активно разрабатывается история и теория ономасиологических грамматик [13. С. 108–131; 14].

Ориентированность ономасиологии на ономасиологический подход обусловливает ее выход на соотношение содержания и выражения в динамическом и статическом аспектах и с позиций говорящего. Динамика выбора формы с целью передачи определенного значения представляет собой этап речевой деятельности, для реализации которого требуется наличие в памяти носителя языка статической картины корреляции понятийных категорий с классами языковых единиц: части речи как ономасиологические категории [12]; функционально-семантические поля и понятийные/семантические категории в категориально-системной концепции функциональной грамматики [4]. Таким образом, ономасиологический подход, примененный к статическому аспекту языка, обусловливает пересечение ономасиологии с функциональной грамматикой. Полному их наложению препятствует отраженная в названии последней ядерность понятия функции, которое несет информацию о деятельностном (динамическом) характере языка.

Ядерное положение о технике связи содержания и выражения связывает ономасиологию с семасиологией и семантикой. Соотношение ономасиологии и семасиологии определяет утвердившееся в науке разграничение их подходов, а также конкуренцию терминов *семасиология* и *семантика*. *Семантика* с 60-х гг. XX в. заменяет *семасиологию* и получает ее широкий объект, становясь лингвистической дисциплиной, изучающей план содержания языка в целом, значение различных языковых единиц, их функционирование в языке и речи. При этом объект *семасиологии* сужается, она изучает переход от формы языковой единицы к значению или к предмету и становится разделом *семантики* наряду с ономасиологией [15. С. 5–6].

Одной из успешно разрабатываемых теорий в ономасиологии является мотивология в рамках научной школы О.И. Блиновой [16]. Ограничение ономасиологии отношением между содержанием и формой представляет собой научную редукцию, направленную на выделение фокусов исследования, выхода мышления на язык.

Ономасиология продолжает развиваться не только в рамках обращения к связи означаемого с означающим, но и выходит на функциональный и деятельностный аспекты этой операции. См. характеристику функций частей

речи в теории Е.С. Кубряковой [12]. Примером выхода на процесс является «разграничение в нем двух видов подбора слов… словотворческого и словоупотребительного», номинации и узуса [17. С. 94–101]. Первая линия, идущая из античности, сближается со второй, восходящей к пражцам, в которой признаки функции и деятельности становятся ядерными, лидирующими[1]. В центре интереса ученых оказывается не установление в готовых языковых знаках мотивационной связи между их содержательной и формальной (звуковой) сторонами, а выявление механизмов создания нового наименования для нового знания, приобретенного в познавательной деятельности. В соответствии с этимологией, высвечивающей динамичный, деятельностный характер соединения мысли с языковой формой, для подобного объекта подходит термин *номинация*, а изучающая ее дисциплина получает название *теория номинации*. В пользу подобного разграничения ономасиологии и теории номинации, несмотря на мнение об их синонимии[2], свидетельствует распространение употребления термина *теория номинации*, что соответствует рассмотрению номинации как деятельности в ее связи с познанием (мышлением)[3]. Фокусированность именно на генерирование наименований, а не на их выборе для передачи определенного содержания, была заложена в теории номинации с самого начала. Не случайно она началась со словообразования, утвердившего деятельностный подход к номинации. Как известно, это системно-функциональная теория словообразования М. Докулила, который был представителем пражского функционализма. Термины, которые он вводит в первую концепцию чешского словообразования, эксплицируют ее обращенность к деятельности по производству однословных и многословных имен. Результаты словообразования воплощают ономасиологические категории как концептуальные классы, имеют ономасиологическую структуру, состоящую из ономасиологической базы и ономасиологического признака [18. P. 205–211]. Взгляд на словообразование как на деятельность в русистике лежит в основе развития словообразовательной теории Е.А. Земской [19].

Связь номинативной деятельности с познавательной (познавательной и эмоциональной) деятельностью обусловила внедрение теории номинации в когнитивную лингвистику, в ее когнитивно-семантическое направление

[1] Ими «было выдвинуто положение о том, что слово, с точки зрения выполняемой им назывной функции, следует рассматривать как результат номинативной деятельности языка, последняя же считалась осуществляющей классификацию в процессах познания и обеспечивающей создание системы номинации конкретного языка»: *Кубрякова Е.С.* Ономасиология // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 345–346.

[2] *Кубрякова Е.С.* Ономасиология // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 345–346.

[3] «Предметом теории номинации как особой лингвистической дисциплины является изучение и описание общих закономерностей образования языковых единиц, взаимодействия мышления, языка и действительности в этих процессах…»: *Телия В.Н.* Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 336–337.

[5; 20]. Актуальность разработки данной дисциплины, отмеченная ее включением в современную лингвистическую парадигму [21. С. 17–33], объясняется и действием изучаемой ею деятельности по принципу «вечного двигателя». Постоянное внимание к номинации дополняет неустойчивость, многозначность метаязыка, вызываемая как различными взглядами, разными углами зрения, так и эволюцией самой науки. Недостаточную четкость и очерченность основных понятий отмечают многие ученые. О расхождениях в понимании терминов *номинация, принципы, способы, система, средства номинации, виды номинации* пишут О.И. Блинова [22. С. 92–104], Н.Д. Голев [23. С. 94–99], И.С. Торопцев [6] и др.

Не вдаваясь в дискуссии по поводу метаязыка теории номинации, также не касаясь всех проблем, поднимаемых в ней в связи с изучением номинативной деятельности и номинативной функции языковых единиц, обратимся к вопросу о номинативной системе, состоящей из результатов процессов номинации. Так как номинативная деятельность эксплицирует когнитивную (познавательную) деятельность, то в ней происходит встреча мысли (знания) с вербальной оболочкой. Условием подобной встречи является рожденная в познании когниция и создание для нее вербальной оболочки. Последняя выражает мысль и обозначает стоящий за ним объект, т.е. выполняет номинативную функцию и выступает как номинативная единица. Вместо употребления, в котором восстанавливается связь значения с формой, номинативная деятельность производит свой продукт. Теория номинации, как и ономасиология, расширила свою территорию, так что в качестве номинативных единиц выступают слова, в том числе производные, фразеологизмы, словосочетания, предложения, тексты [7; 19; 24; 25; 26] и др.

Постоянный процесс познавательно-предметной, эмоционально-оценочной деятельности, накопления опыта диктует беспрерывную готовность языка к номинативной деятельности. Созданные и генерируемые номинативные единицы формируют языковую картину мира, с одной стороны, а с другой — рождаются по образцам, задаваемым ею.

Разработанные в номинативных теориях модели номинативных систем раскрывают таксономию знания о мире (языковую картину мира), проявляя лингвоцентрическую [7; 27] или когнитивноцентрическую ориентированность при общей функциональной отмеченности [5; 28].

В современной лингвокогнитологии выделяются основные направления концептуальных исследований: 1) *лингвокультурологическое* — изучение концептов как элементов национальной лингвокультуры (С.Г. Воркачев [29], В.В. Воробьев [30], В.А. Маслова [31], Ю.С. Степанов [32], В.Н. Телия [25] и др.); 2) *семантико-когнитивное* — исследование «от семантики языка к концептосфере» (Н.Н. Болдырев [20], А. Вежбицкая [33], Е.С. Кубрякова [5], З.Д. Попова, И.А. Стернин [34] и др.); 3) *психолингвистическое* — исследование речевой деятельности в соотнесенности с языковой системой (А.А. Залевская [35], В.В. Красных [36] и др.); 4) *лингвофилософское* — изучение русской

ментальности в единстве психологического и социокультурного на основе синтеза основных признаков концепта «от языка к философии» (В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов [37], В.В. Колесов [38]); 5) *когнитивно-номинативное* — изучение речевой деятельности, производящей номинативные единицы для вербализации новой информации, полученной в познании, и сохраняющейся в виде отпечатков в их структуре и значениях после образования (Н.Н. Болдырев [20], Л.К. Жаналина [39], Е.С. Кубрякова [5], В.Н. Телия [25]).

Наиболее последовательно когнитивно-номинативное направление разрабатывается Л.К. Жаналиной в методике когнитивно-номинативной парадигматизации результатов номинативной деятельности, которая отражает синхронный срез филогенетического номинативного и когнитивного развертывания производящего слова и его когнитивного аналога — концепта. Внутренняя сторона номинативной деятельности протекает как акты познания, включающие категоризацию и концептуализацию, а внешняя сторона как номинативные акты с использованием разных способов номинации: семантической деривации, фразеобразования, словообразовательной деривации, фразообразования, создающие номинативные единицы: переносные значения, фразеологизмы, производные слова, словосочетания, предложения, тексты. На первой ступени номинативные единицы объединяются внутри парадигмы в зоны: лексическую, фразеологическую, словообразовательную, синтаксическую, текстовую. Вторую ступень образуют области, в которых объединяются номинативные единицы, созданные для расширения исходного концепта общими признаками и новые интегрированные концепты [39]. В результате когнитивные процессы категоризации и концептуализации получают закрепляемые за ними в номинативной деятельности имена.

Актуальными на данный момент являются работы по исследованию концептов внутреннего мира человека — эмоциональные концепты *в когнитивно-семантическом аспекте* изучают В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян [40], Е.Н. Белая [41], Н.А. Красавский [42], А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз [43], М.В. Пименова [44], В.И. Шаховский [45]; *в сопоставительном аспекте* представлены концепты ТОСКА, ГРУСТЬ, ПЕЧАЛЬ в русской, польской и чешской языковой картине мира [46]; концепт ТОСКА в русском и французском языках [47] и др.; *на материале художественной литературы* рассматривают концепт ТОСКА в лирике М.И. Цветаевой [48]; в произведениях И.А. Бунина, Ф. Сологуба, И.Ф. Анненского [49] и др.; *в лингвокультурологическом аспекте* описывают концепт ГОРЕ в русской культуре [50]; концепт печаль в русской и французской лингвокультуре [51]; концепт ТОСКА в татарской лингвокультуре [52] и др.

В данной статье сделана попытка предложить новый вариант видения номинативной системы, состоящей из номинативных единиц — результатов номинативной деятельности, согласно методике когнитивно-номинативной парадигматизации Л.К. Жаналиной, что определяет актуальность исследования

[39]. На основе методики Л.К. Жаналиной построена и описана номинативная парадигма исходного слова *тоска*, демонстрирующая синхронный срез его филогенетического *номинативного* и *когнитивного развития*: развертывание производящего слова *тоска* и его когнитивного аналога — концепта ТОСКА. Выявлены высокая продуктивность фразообразования, создающего номинативные единицы-словосочетания и номинативные единицы-предложения; когнитивный неполный изоморфизм разных зон номинативной парадигмы слова *тоска*, а также разные концептуальные признаки, закрепленные за областями в зонах номинативной парадигмы, которые участвуют в развитии концепта ТОСКА: 1) концепты-расширители со структурой «признак + эмоция»; 2) концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами; 3) концепты-синкреты, представленные номинативными единицами-словосочетаниями; 4) метафорические образы-репрезентанты концепта, отмеченные номинативными единицами-словосочетаниями. Показаны случаи концептуальной интеграции внеязыковых концептов на основе оппозиции-энантиосемии, отражаемые номинативными единицами-словосочетаниями, а также языковые концепты, маркируемые метаязыком, выражаемые номинативными единицами-словосочетаниями и номинативными единицами-предложениями.

Выход на номинативную парадигму подготовлен тенденцией расширения областей языка, организация которых подводится под парадигмы. Это коснулось и номинативных теорий, в которых результаты номинативной деятельности заключаются последовательно в словообразовательную [19], лексико-грамматическую парадигму [25], парадигму предложения[4], мотивационную парадигму [53]. Особое место среди них занимает последняя. Мотивационная парадигма объединяет разноуровневые единицы (слова, словосочетания, предложения) на основе общего смыслового признака в их мотивационных значениях [53]. Она фиксирует только мотивационный этап номинативной деятельности. Остальные парадигмы отражают действие номинативной деятельности в полном объеме, но только с использованием моделей и средств одного языкового уровня. Номинативная же парадигма объединяет результаты номинативной деятельности с участием не отдельных уровней языка, а всех его областей, раскрывая креативные возможности отдельных слов включаться в создание разноуровневых номинативных единиц для закрепления и сохранения полученных в предметно-познавательной деятельности.

Номинативной парадигме присущи следующие особенности: 1) номинативная парадигма состоит из элементарных номинативных единиц, выполняющих номинативную функцию; 2) номинативные единицы объединяются одним общим исходным (производящим) словом; 3) номинативные единицы образуются по способам номинации, располагающим своими специфическими языковыми средствами; 4) номинативные единицы находятся

[4] Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980.

в парадигматических отношениях, т.е. имеют общие (за счет общего исходного слова) и несовпадающие части (за счет разных способов номинации и их языковых средств); 5) парадигматические отношения в номинативной парадигме — это отношения «и», а не «или», поэтому номинативная парадигма открыта для пополнения; 6) номинативная парадигма представляет системную единицу, являющуюся фрагментом номинативной системы; 7) номинативная парадигма, как лексическая единица, участвует в филогенезе языка, в накоплении его номинативных ресурсов; 8) состав номинативных единиц актуализирует роль исходного слова как канала расширения концептуальной сферы языка.

Таким образом, номинативная парадигма — это сетка участия конкретного слова в лингвокреативной деятельности в соответствии с его номинативной активностью, проявляющейся в его валентности, способности участвовать в разных способах номинации, а также в соответствии с ценностью заключенной в нем информации. Как системная единица номинативная парадигма имеет иерархическую организацию. На первой ступени систематизации выделяются зоны — самые крупные разделы номинативной парадигмы, соответствующие использованным способам номинации в виде семантической деривации, фразеобразования, словообразования, фразообразования, текстообразования, заимствования. Выделяются лексическая, фразеологическая, словообразовательная, синтаксическая и текстовая зоны [39]. В каждую из них входит количество номинативных единиц, отражающее степень продуктивности соответствующего способа номинации.

Мотивируется рождение номинативных единиц, составляющих номинативную парадигму, выражаемым исходным именем концепта. Активность номинативной деятельности усиливается при его вхождении в область центральных, ключевых, ценностных когниций, о чем свидетельствует частотность функционирования исходного слова. Значения номинативных единиц отражают расширение, углубление, дополнение, трансформацию концепта, передаваемого исходным словом. В этом отличие номинативной парадигмы от номинативного поля[5]. Если номинативное поле концепта выстраивается познанием и вовлечением в него концепта, то номинативная парадигма формируется при действии *лингвистических* и *когнитивных факторов*.

Лексическая зона

В статье построена конкретная номинативная парадигма исходного слова *тоска*, представляющая его номинативное развитие, которое через значения номинативных единиц отражает концептуальные изменения. Для составления номинативной парадигмы используются материалы толковых,

[5] «Совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества, определяется нами как номинативное поле концепта» [34. С. 56].

фразеологических, семантических, словообразовательных, энциклопедических словарей, а также текстов из художественной литературы, которые представляют лингвокреативные возможности исходного слова *тоска*. Структура номинативной парадигмы слова *тоска* включает: 1) ***лексическую зону*** (семантическая деривация): 2 значения; 2) ***фразеологическую зону*** (фразеобразование): 8 когнитивных признаков; 3) ***словообразовательную зону*** (словопроизводство): 3 словообразовательных значения; 4) ***синтаксическую зону*** (фразообразование): в первой части 9 признаков, во второй части 6 признаков. По составу зон номинативная парадигма слова *тоска* является полной. В статье описаны все зоны, кроме текстовой. Данное ограничение определяется, во-первых, практической невозможностью «объять необъятное» в виде текстов со словом *тоска*, которые находятся, как отмечает Е.С. Кубрякова, в режиме постоянного пополнения, во-вторых, наличием общности между предложенческой частью номинативной парадигмы и текстовой зоной.

Анализ номинативного потенциала исходного слова тоска выявил активность только одного лексического значения, концептуальный аналог которого развертывается в номинативной парадигме, имеющей следующую структуру.

Лексическая зона представлена двумя значениями, которые образуют ***2 области***.

1. Душевное томление, тревога в соединении с грустью, унынием.

2. *Безл. сказ*. О скуке, унынии, царящих где-либо; о состоянии тоски у кого-либо[6].

Первое значение раскрывает концепт ТОСКА, который состоит из совокупности признаков: категориального признака «эмоция»; понятийных признаков «томление», «тревога», «грусть», «уныние». Второе значение демонстрирует *пропозицию*, которая включает предицирующий компонент «состояние тоски», актант «субъект», сирконстант «время».

Фразеологическая зона

Во ***фразеологической зоне*** концепты распределены по ***8 областям*** на основе обнаруженных в них 8 общих признаков:

1. Признак «***сила*** (+ эмоция)»: *вавилонская тоска* (книжн.)[7]; *зеленая тоска* (разг.)[8]; *черная тоска, давящая тоска (гнетущая)*, *щемящая тоска*[9]; *тоски не прибрать кому*[10].

---

[6] Словарь современного русского литературного языка. Т. 15 / под ред. Г.А. Качевской, Е.Н. Толикиной. М.–Л.: Академия Наук СССР, 1963. Т. 15. С. 705–708.

[7] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. С. 571.

[8] Там же. С. 90.

[9] Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН. ИРЯ, 2003. Т. 3. С. 632.

[10] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : Олма Медиа Групп, 2007. С. 667.

2. Признак «***источник*** (+ эмоция)»: *тоска по родине* (иноск.)[11]; *наводить (вызывать) тоску* (неодобр.)[12]; *нагнать тоску* (разг.)[13].

3. Признак «***субъект*** (+ эмоция)»: *чувствовать тоску*[14].

4. Признак «***длительность*** (+ эмоция)» в разновидностях: «постоянство» — *тоска заела кого (разг.)*[15]; «начало» — *тоска напала на кого (что), тоска накатила на кого-нибудь*[16]; *пасть в тоску*[17]; «завершение» — *тоска приглушилась, тоска примолкла (разг.), тоска развеялась, тоска рассеялась, тоска отлегла от сердца (разг.), размыкать тоску (устар., разг.), разогнать тоску (разг.), прогнать тоску, излить тоску*[18].

5. Признак «***лишение*** (+ эмоция)»: *размыкать тоску (устар., разг.), разогнать тоску (разг.), прогнать тоску, излить тоску*[19]; *отлить тоску*[20]. Признак («лишение – отсутствие») противопоставляет данный концепт-дериват всем другим концептам, признаки которых отмечены обобщающим признаком («наличие»). С этой областью сближается область «длительность» в разновидности «завершение» с перспективой утраты эмоции.

6. Синкретичный признак «***субъект-объект*** (+ эмоция)»: *тоска заела **кого**, тоска извела **кого**, тоска истомила **кого**, тоска одолела **кого-нибудь**, тоска напала **на кого (что)**, тоска накатила **на кого-нибудь**, тоска взяла **кого-нибудь**, тоска завладела **кем-нибудь**, тоска проняла **кого**, тоска гнетет **кого (что)**, тоска снедает **кого**, тоска крушит **кого**, тоска гонит **кого-нибудь**, тоска бьет **кого*** [21].

7. Признак «***место*** (+ эмоция)»: *тоска теснит **грудь (сердце)**, тоска гложет **сердце** (разг.), тоска раздирает **сердце**, тоска сдавила **грудь**, тоска сжала **сердце**, тоска навалилась **на сердце**, тоска налегла **на сердце***[22]. Данный признак часто дополняется признаком «сила».

8. Признаки «***сила***» + синкретичный «***субъект-объект*** (+ эмоция)»: *тоска заела **кого** (разг.), тоска извела **кого** (разг.), тоска истомила **кого***

---

[11] *Михельсон М.И.* Большой толково-фразеологический словарь. М. : ETS Publishing house, 2004. С. 1885.

[12] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : Олма Медиа Групп, 2007. С. 667.

[13] Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН. ИРЯ, 2003. Т. 4. С. 727.

[14] Там же. С. 730.

[15] Там же. С. 724.

[16] Там же. С. 724, 727.

[17] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : Олма Медиа Групп, 2007. С. 667.

[18] Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН. ИРЯ, 2003. Т. 4. С. 723, 727–729.

[19] Там же. С. 723, 727—729.

[20] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : Олма Медиа Групп, 2007. С. 667.

[21] Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН. ИРЯ, 2003. Т. 4. С. 723, 727–729.

[22] Там же. С. 724, 730.

(прост., обл.), тоска одолела ***кого-нибудь****, тоска напала* ***на кого (что)****, тоска накатила* ***на кого-нибудь****, тоска взяла* ***кого-нибудь****, тоска завладела* ***кем-нибудь****, тоска проняла* ***кого*** *(разг.), тоска гнетет* ***кого (что)****, тоска снедает* ***кого*** *(высок.), тоска гонит* ***кого-нибудь***[23]; *тоски не прибрать* ***кому***[24].

Контрагент (роль возможного участника ситуации, по Ю.Д. Апресяну, второго активного участника ситуации при несовпадении действий двух субъектов: предикат полностью охватывает действие только субъекта) — *тоски не прибрать* ***кому*** [54. С. 125–126]. Основными маркерами разграничения концептов в этой зоне являются номинативные единицы-фразеологизмы, демонстрирующие валентностный потенциал слова *тоска*, согласно методике анализа Ю.Д. Апресяна [54. С. 125–126]. Приведенные концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами, раздвигают концепт-«область» не только за счет дополнительных признаков, но и пропозиции, включающей актанты-трансформы.

Словообразовательная зона

Словообразовательная зона парадигмы также имеет два плана: языковой и когнитивный. Языковой план представлен производными словами[25], значения которых формируются при дополнении первого значения исходного слова словообразовательными значениями:

1. *Тощ-ищ-а* «разг. увелич. к *тоска* (в 1-м значении): невыносимая тоска, скука»[26]. Суффикс *-ищ-* имеет модификационное значение: субъективно-оценочное (увеличительное значение) «намного превышающий обычное проявление»[27].

2. *Тоск-лив-ый* «исполненный тоски, склонный испытывать тоску»[28]. Производное значение имеет структуру: «характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом» с оттенком «склонный к тому, что названо мотивирующим словом», в которое входит словообразовательное значение суффикса *-лив-* «обладающий характерным отличительным признаком, названным мотивирующим существительным» с оттенком, вносимым частным словообразовательным значением «содержащий в качестве составной части то, что названо мотивирующим словом»[29].

---

[23] Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 3 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН. ИРЯ, 2003. Т. 4. С. 724–727.

[24] *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М. : Олма Медиа Групп, 2007. С. 667.

[25] *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. 2. М. : Астрель»: АСТ, 2003. С. 248.

[26] Словарь современного русского литературного языка. Т. 15 / под ред. Г.А. Качевской, Е.Н. Толикиной. М.–Л.: Академия Наук СССР, 1963. Т. 15. С. 764.

[27] Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. С. 267.

[28] Словарь современного русского литературного языка. Т. 15 / под ред. Г.А. Качевской, Е.Н. Толикиной. М.–Л.: Академия Наук СССР, 1963. Т. 15. С. 708.

[29] Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. С. 288, 326.

3. *Тоск-ова-ть* «испытывать тоску»[30]. Производное значение имеет структуру: «действие, имеющее отношение к тому, что названо мотивирующим существительным». В него входит словообразовательное значение суффикса *-ова-* «совершать действия, свойственные тому, что названо мотивирующим существительным»[31].

Значения концептов представляют структуру распространенного признаком понятийного концепта или структуру пропозиции, которые распределяются по ***3 когнитивным областям***: 1) Тоска + ***выше нормы***; 2) Субъект + тоска-***признак*** / склонный + тоска; 3) Субъект + ***состояние*** + тоска-содержание.

Словообразовательная зона парадигмы отражает низкую продуктивность исходного слова *тоска* и, следовательно, незначительный вклад способа словопроизводства в состав номинативных ресурсов.

Синтаксическая зона

Синтаксическая зона демонстрирует большую активность. Фразообразование, создающее первую форму упаковки для нового знания, экономит языковые усилия носителей языка за счет предельного сокращения количества языковых операций по созданию номинативных единиц. При фразообразовании поиски языкового знака ограничиваются первым шагом в оформлении порожденного познанием суждения — построением синтаксической конструкции. Дальнейшие операции по сворачиванию первичной синтаксической формы в компактную словную форму, например, в производное слово [6. С. 55—56] являются трудоемкими и могут сталкиваться с различными ограничениями, связанными с номинативным потенциалом исходного слова, с предоставляемыми языком ресурсами, правилами, моделями для лингвокреативной деятельности. Поэтому фразообразование, как наиболее удобный и наименее требовательный способ создания номинативных единиц, оказалось более приспособленным к фиксации возрастающих по скорости и объему знаний в век информационных технологий, в эпоху ускорения и расширения масштабов политических и экономических процессов.

Синтаксическая зона, как отмечалось в общей характеристике номинативной парадигмы, по операциям фразообразования делится на две части. Первую часть составляют номинативные словосочетания, вторую часть — номинативные предложения (предложения, выполняющие номинативную функцию). В.М. Никитевич называет их деривационными сочетаниями и делит их на «детерминирующие» и «предицирующие» [7. С. 130–137].

Факторами наполнения данной зоны являются: 1. Свободные синтаксические связи слов, по сравнению с ограничениями, которые накладываются в

[30] Словарь современного русского литературного языка. Т. 15 / под ред. Г.А. Качевской, Е.Н. Толикиной. М.–Л.: Академия Наук СССР, 1963. Т. 15. С. 710.
[31] Русская грамматика. Т. 1 / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. С. 335.

словообразовании словообразовательными моделями и самими средствами. Языковой материал широко вовлекается в словную дистрибуцию, чем в окружение морфемы. 2. Признаваемое большинством ученых усиление тенденции к развитию аналитизма в русском языке, который проявляется не только в грамматических аномалиях в виде сокращения сферы употребления флексий [56. P. 69–86], но и в активном создании расчлененных номинативных единиц, которые маркируют развитие категории и концептов. При этом синтаксические номинативные единицы наиболее близки к мыслительному содержанию, выступая как их первичные формы [8. С. 25—26]. Первая и вторая части синтаксической зоны неравнозначны по количественным показателям, функциональной нацеленности.

Словосочетания, выполняющие номинативную функцию и закрепляющие в языковом сознании результаты эмоционального опыта в виде значимых для носителей языка и ориентированных на «сильные», универсальные признаки концептов в вербальной коммуникации, становятся строительным материалом для высказываний, выполняющих коммуникативную функцию. Предложения, выполняющие номинативную функцию и фиксирующие генерализованные знания, будучи воспроизведенными в речевой деятельности, не подключаются к реализации коммуникативной функции, создавая эффект двойного кодирования путем отсылки к знаниям о мире и к конкретной ситуации. Ср.: 1. *Мне удалось справиться с* ***безумной /мучительной тоской***. 2. Долго ли нам видеть его таким унылым? – ***Дни тоски долги, часы еще дольше*** (М. Фриш).

Так как ведущей силой развития языка является познание (оно развивает язык и знания о мире), то в первую часть синтаксической зоны анализируемой номинативной парадигмы слова «тоска» включены номинативные единицы-словосочетания, которые входят в общий язык благодаря отнесенности к результатам номинативно-познавательной деятельности. Кроме них есть словосочетания, в которых связь с познанием незначительно доминирует состояние докоммуникативной единицы [56. С. 47]. Эти словосочетания являются функциональными *синкретами*. Близость номинативных единиц-словосочетаний и словосочетаний-синкретов отражает аналогия в их когнитивных модификациях, которые представляют добавляемые признаки. По их количеству выделяются ***9 областей***:

1. Признак «***сила*** + ***степень*** (+ эмоция)»: *адская т.* (разг.), *безбрежная т.*, *безвыходная т.*, *безграничная т.*, *бездонная т.*, *безмерная т.*, *безумная т.*, *безутешная т.*, *безысходная т.*, *бесконечная т.*, *беспощадная т.*, *беспредельная т.*, *беспросветная т.*, *бешеная т.*, *великая т., волчья т.*, *глубокая т.*, *громадная т.*, *дикая т.* (разг.), *жгучая т.*, *жуткая т.*, *звериная т.*, *зловещая т.*, *лютая т.*, *мучительная т.*, *мушиная т.*, *невероятная т.*, *невыносимая т.*, *невыразимая т.*, *неизбывная т.*, *неизлечимая т.*, *неизъяснимая т.*, *необъятная т.*, *непереносимая т.*, *непереносная т.* (прост.), *несказанная т.* (разг.), *нестерпимая т.*, *неутешная т.*, *острая т.*, *отравная т.*, *отчаянная т.*,

пронзительная т., сильная т., *смертельная т.*, *смертная т.* (разг.), *страшная т.*, *сырая т.*, *тяжелая т.*, *тяжкая т.*, *убийственная т.*, *чугунная т.*

2. Признак «***неуправляемость*** (+ эмоция)»: *животная т.*, *звериная т.*, *неистребимая т.*, *необоримая т.*, *неодолимая т.*, *неотвязная т.*, *неукротимая т.*

3. Признак «***длительность*** (+ эмоция)»: *вековая т.*, *вечная т.*, *вседневная т.* (устар.), *застарелая т.*, *непрестанная т.*, *непроходящая т.*, *неутолимая т.*, *низменная т.*, *предпенсионная т.*

4. Признак «***характер*** (+ эмоция)», который определяется сопровождающими эмоцию психологическими процессами. При выражении концептов реализуется многозначность компонентов сочетания, развертывающих опорное слово «т.»:

– прямое значение: *безотчетная т.*, *беспокойная т.*, *внутренняя т.*, *нутряная т. (*разг.), *тайная т.*, *тоскливая т.*, *угрюмая т.*, *унылая т.*, *цепенящая т.*, *удалая т., упрямая т.*;

– переносное значение: *веселая т.*, *гордая т.*, *горделивая т.*, *грызущая т.*, *задушевная т.*, *саднящая т.*, *сладкая т.*, *сосущая т.*, *пасмурная т.*, *ледяная т.*, *лихорадочная т.*, *мертвая т.*, *молчаливая т.*, *мрачная т.*, *мятежная т.* (устар., поэт.), *ноющая т.*, *назойливая т.*, *немая т.*, *нудная т.*, *ревнивая т.*, *слепая т.*

Характер эмоций подчеркивается образами метафорических значений. В опредмечивании эмоции участвуют:

А) ***«Цвет (источник)»***: *серая т.*, *темная т.*

В) ***«Животные / птицы / материалы (типы носителей)»***: *волчья т.*, *собачья т.* (разг.), *коровья т.*, *журавлиная т.*, *железная т.*, *свинцовая т.*, *виолончельная т.*, *волоокая т.*, *мушиная т.*, *чугунная т.* Образные трансформации могут осложняться признаком «сила» (см.: последние два словосочетания-синкрета).

С) ***«Место как источник»***: *дорожная т.*

5. Признак «***неидентифицируемость*** (+ эмоция)»: *неопределенная т.*, *мутная т.*, *неясная т.*, *странная т.* Данная область противопоставлена всем остальным областям. Наличие у них общих признаков служит и для их дифференциации.

6. Признак «***оценка*** (+ эмоция)»:

– отрицательная: *злая т.*, *злобная т.*, *поддельная т.*, *притворная т.*, *ядовитая т.*, *язвительная т.* (устар.);

– положительная: *волшебная т.*

7. Признак «***источник / каузатор*** (+ эмоция)»: *гордая т.*, *горделивая т.*, *душевная т.*, *задушевная т.*, *ревнивая т.*, *роковая т.*, *суеверная т.*, *тревожная т.*, *канцелярская т.*, *подколодная т.*, *сердечная т.*, *счастливая т.* Данная область, в которой исходный концепт осложняется психологическими признаками, сближается с областью «характер».

Вариантом данного признака является признак «***отсутствие антикаузатора***», который мог бы при наличии устранить эмоцию: *безнадежная т.*, *безотрадная т.*, *безрадостная т.*, *беспредметная т.*, *беспричинная т.*, *беззвездная т.*

8. Признак «***проявление*** (+ эмоция)»: *безмолвная т.*, *бесплодная т.*, *бессильная т.*, *боязливая т.*, *вялая т.*, *глухая т.*, *горькая т.*, *горючая т.* (разг.), *густая т.*, *жадная т.*, *жестокая т.*, *затаенная т.*, *тихая т.*, *томительная т.*, *трудная т.*, *тупая т.*, *тягостная т.*, *тягучая т.*, *хладная т.* (устар.), *холодная т.*, *душная т.*, *чарующая т.*

9. Признак «***влияние*** (+ эмоция–субъект)»: *себябуравящая т.*[32]

Большинство концептов в рассмотренных областях образованы по принципу расширения, аддитивному типу, который адекватно отражает естественную эволюцию в понимании эмоций. Сравнение эмоций с мыслями (знаниями) показывает, что единицы их измерения отличаются. Первые имеют силу, шкалой для вторых служат метафорические образы границы, объема и глубины. Признаки, отражающие параметры измерения эмоций, знаний, являются внутренними. Поэтому не случайно внутренний признак «сила» порождает бóльшую часть концептов в разных зонах. Если рассмотреть внешние признаки, добавляемые к *концепту «т.»*, оказывается, что они демонстрируют: 1) отношение эмоции к его носителю: «***источник***», который каузирует тоску; принадлежность носителю; неуправляемость носителем; идентификация; источник; оценка; 2) способы проявления эмоции: ***результат, физические (перцептивные и образные), ментальные признаки*** и т.п.: бесплодность, затаенность, трудность, длительность, цвет и др.

Таксономия концептов осложняется структурами самих концептов, образованных по инферентному типу. Есть случаи интеграции, происходящей не на основе синтеза концептов, выражаемых компонентами словосочетания, а на основе их оппозиции-энантиосемии: *веселая т., счастливая т., удалая т.* К подобным внеязыковым концептам примыкают языковые концепты, маркируемые метаязыком: *невыразимая т., неизъяснимая т., несказанная т.* (разг.)[33].

Синкретические значения номинативных единиц-словосочетаний раздвигают концепт-«область» за счет ***6 признаков***:

1. Признак «***сила*** + ***неуправляемость*** (+ эмоция)»: *звериная т.*

2. Признак «***сила*** + ***характер*** (+ эмоция)»: *волчья т.*, *мушиная т.*, *чугунная т.*

3. Признак «***сила*** (+ эмоция) + метаязык»: *невыразимая т., неизъяснимая т., несказанная т.* (разг.).

4. Признак «***характер*** + ***источник / каузатор*** (+ эмоция)»: *гордая т.*, *горделивая т.*, *задушевная т.*, *ревнивая т.*

[32] *Горбачевич К.С.* Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2002. С. 185.

[33] Там же.

5. Признак «***характер*** (+ эмоция) + энантиосемия»: *веселая т.*, *удалая т.*

6. Признак «***источник / каузатор*** (+ эмоция) + энантиосемия»: *счастливая т.*

Итак, ***первую часть синтаксической зоны*** составляют номинативные единицы-словосочетания и словосочетания-синкреты. К номинативным единицам относятся словосочетания, которыми обозначаются устойчивые, универсальные признаки: *безутешная т.*, *безысходная т.* Словосочетания-синкреты выделяют концепты на основе случайных, ситуативных признаков: *предпенсионная т.*, *канцелярская т.*

Вторая часть синтаксической зоны фиксирует результаты типичной номинативной деятельности. Зона объективно не может полностью охватить все номинативные единицы-предложения со словом *тоска*, которые не лексикографированы и рассыпаны по бесконечному пространству текста и дискурса, отражающему склонность людей строить генерализованные предложения — один из продуктивных способов упаковки знания. Так как значения номинативных единиц-предложений (их ядро) несут знания о знаниях, т.е. уже обобщают, а стоящие за ними концепты пропозициональны, то категоризация последних — это обобщение пропозиций по отдельным их компонентам — признакам. К признакам, дополняющим концепт ТОСКА и образующим когнитивные области во второй части синтаксической зоны, относятся:

1. Признак «***сила*** (источник), которая обладает высокой степенью за счет множества источников тоски»: *Тоска западает на сердце глазами, ушами и устами* (*от взгляда, от речей, от беседы*)[34].

Другой вариант этого признака «сила (непреодолимость) как каузация способа избавления от тоски»: *Такая припала тоска, что не выпустил бы из рук куска*[35]. *Счастливы те, у кого тоска пролилась прозрачной слезой* (Ж. Маритен).

2. Признак «(эмоция +) ***следствие–результат*** (+ условие)». Данный концепт образуется при интеграции исходного концепта ТОСКА с другими концептами, который суммируется в ключевом признаке — связи концептов. В следующих номинативных единицах это признак «следствие-результат», который дается в эксплицитном и имплицитном вариантах: *Хлеба ни куска — везде тоска* (вариант номинативных единиц с использованием номинативного способа распространения: *а хлеба край — и под елью рай*); *Как хлеба край, так и под елью рай* (распространение: *а хлеба ни куска, так и в тереме тоска*)[36].

Признак «следствие–результат» может связываться с признаком «условие–среда», который имеет образную экспликацию в вариантных формах

[34] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 739.
[35] Там же. С. 152.
[36] Там же. С. 92, 106.

номинативных единиц: *Живет в тоске, а спит на голой доске. Спи в тосках на голых досках*[37].

Этот же признак может осложняться указанием на его обязательность при наличии условия (причины): *Тоска и печаль не приходят без причины и без причины не проходят* (Гиппократ).

3. Признак «***инструмент***»: а) мешающий совершению действия: *С тоски вольного свету не видим*; б) не способный выполнять свою функцию: *Тоскою горю не поможешь*[38].

4. Признак «***разрушение*** (+ объект: положительные эмоции/ способности)»: *Нередко тоска по одной утраченной радости может омрачить все прочие услады мира* (Д. Дефо); *Тоска на сердце человека подавляет его, а доброе слово развеселяет его* (Библия); *Все мои способности убила тоска* (Э. Чоран).

Наряду с дополнением исходного концепта ТОСКА ключевыми признаками, которые сохраняют в себе следы актантных связей, есть номинативные единицы-предложения, эксплицирующие когнитивные акты.

5. Категоризация (отнесение исходного концепта ТОСКА к более крупной категории): *Тоска — самое бесплодное из всех человеческих* ***переживаний*** (Д. Леопарди); *Кто-то замечательно назвал тоску «сумерками* ***страдания****»* (Э. Чоран).

6. Отождествление-концептуализация: *Тоска по любви есть сама* ***любовь*** (Ж. Рихтер); *Тоска — это* ***желание*** *или* ***влечение*** *к обладанию какой-либо вещью, поддерживаемое памятью об этой вещи и вместе с тем ограничиваемое памятью о других вещах, исключающих существование желаемой вещи* (Б. Спиноза); *Тоска — это когда* ***жаждешь*** *увидеть что-то, сам не знаешь что. Оно существует, это* ***неведомое*** *и* ***желанное****, но его не высказать словом* (А. Сент-Экзюпери); *Тоска — это* ***грусть*** *без любви. Грустить могут все…* (Н. Фосколо).

Акты отождествления в основном опираются на доминирующее сходство концептов, которое выражается синонимами, квазисинонимами, именами близких по содержанию эмоций, использованием описательных оборотов: *Кто-то замечательно назвал тоску «сумерками страдания»* (Э. Чоран); *Тоска — это грусть без любви. Грустить могут все…* (Н. Фосколо). Встречается единичный случай отождествления, в который вовлекаются противоположные эмоции: *Тоска по любви есть сама любовь* (Ж. Рихтер).

Таким образом, номинативные единицы-предложения образуют ***6 когнитивных областей***, объединенных общими признаками или общими когнитивными процессами. Предложенческая часть зоны также содержит лингвистическую рефлексию: номинативные единицы-предложения, относящиеся к метаязыку, несущие знания о языке, а именно о номинативной деятельности:

[37] *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 89, 142.
[38] Там же. С. 143.

Кто-то замечательно назвал тоску «сумерками страдания» (Э. Чоран); *О тоске можно рассказать теми же словами, что и о море* (Э. Чоран).

Части синтаксической зоны различаются не только формальными операциями конструирования номинативных единиц (непредикативное синтагмирование / предикативное синтагмирование), но и их участием в формах речевой деятельности. В первой части доминирует синкретическая форма речевой деятельности, в которой совмещены номинативная и коммуникативная деятельность и которая представляет переходную область между ними. Во вторую часть входят результаты номинативной деятельности.

Таким образом, исследована конкретная номинативная парадигма слова *тоска*, в которой в связи с объемом статьи не представлена только текстовая зона. Методика когнитивно-номинативной парадигматизации Л.К. Жаналиной применительно к результатам номинативной деятельности, объединяемым одним исходным словом *тоска*, представляет филогенез языка как участие отдельных слов в расширении его номинативных ресурсов. В языковом плане номинативную активность слова *тоска* представляет система произведенных от него с помощью способов номинации разноуровневых номинативных единиц. Способы номинации формируют первую ступень структурирования номинативной парадигмы слова *тоска*, на которой выделяются лексическая, фразеологическая, словообразовательная и синтаксическая зоны. Их сравнение в номинативной парадигме слова *тоска* показывает наиболее высокую продуктивность фразообразования, создающего номинативные единицы-словосочетания и номинативные единицы-предложения, несмотря на сложность и практическую невозможность достижения полноты их привлечения, вследствие активного участия в непрерывном процессе познания. Тем не менее, представление синтаксической зоны имеет достаточную степень репрезентативности: оно охватывает ядро, особенности которого экстраполируются на саму зону, в том числе на ее будущих членов.

Семантическая реконструкция значений номинативных единиц, представляющих изменения концепта ТОСКА, выраженного исходным словом *тоска*, обнаруживает выделение его универсальных признаков, а также компонентов пропозиции, репрезентирующих симптоматику эмоции [57. P. 59–68]. Интерпретация эмоции в номинативных единицах представлена в виде высвечивания разных ракурсов, ее типичных связей и осмысления, которые входят в устойчивые, повторяющиеся симптомы.

В заключение сформулируем следующие выводы:

1. На состав номинативной парадигмы влияет номинативная активность только одного из двух значений слова *тоска*.

2. Зоны номинативной парадигмы эксплицируют степень активности участия исходного слова *тоска* в разных способах номинации. По количеству на первом месте находятся результаты фразообразования, на втором — фразеобразования, на третьем — словообразования, на четвертом лексической деривации и смешанного способа, в котором совмещены фразеобразование и

семантическая деривация (две области во фразеологической зоне, где действует метафоризация).

3. Признаками / актантами, которые демонстрируют развитие концепта ТОСКА, заключенные в значениях номинативных единиц, являются: «*сила*» (в словообразовательной зоне в варианте «*интенсивность*»), «*источник*», «*длительность*», «*обладатель*», «*субъект–объект*», «*место*», «*инструмент*», «*результат*» (в широком смысле или как «*разрушение*»). Есть также концепты, в которых эмоция вступает в отношения с носителем: «*склонность*», «*неуправляемость*», «*проявление*», имеет «*характер*», «*содержание*», анализируется «*отождествление*», «*категоризация*», «*неидентифицируемость*».

4. Выявлены концепты-расширители со структурой «признак + эмоция», которые участвуют в развитии концепта ТОСКА:

– во фразеологической зоне: «*сила* (+ эмоция)», «*источник* (+ эмоция)», «*субъект* (+ эмоция)», «*длительность* (+ эмоция)», «*лишение* (+ эмоция)», «*место* (+ эмоция)»;

– в словообразовательной зоне: эмоция + *выше нормы*, субъект + эмоция-*признак* / склонный + эмоция, субъект + *состояние* + эмоция-содержание;

– в первой части синтаксической зоны: «*сила* + *степень* (+ эмоция)», «*неуправляемость* (+ эмоция)», «*длительность* (+ эмоция)», «*характер* (+ эмоция)», «*неидентифицируемость* (+ эмоция)», «*оценка* (+ эмоция)», «*источник / каузатор* (+ эмоция)», «*проявление* (+ эмоция)», «*влияние* (+ эмоция–субъект)»;

– во второй части синтаксической зоны: «*сила* (*источник*) (+ эмоция)», «(эмоция +) *следствие–результат* (+ *условие* / *причина*)», «*инструмент* (+ эмоция)», «*разрушение* (+ объект: положительные эмоции / способности)».

5. Концепты-«мишени», выражаемые предикативными фразеологизмами, раздвигают концепт-«область» за счет дополнительных признаков и пропозиции, включающей актанты-трансформы: синкретичный «*субъект–объект*», *контрагент*.

6. Концепты-синкреты, обозначенные номинативными единицами-словосочетаниями, раздвигают концепт–«область» за счет 6 дополнительных признаков: 1) «*сила* + *неуправляемость* (+ эмоция)»; 2) «*сила* + *характер* (+ эмоция)»; 3) «*сила* (+ эмоция) + метаязык»; 4) «*характер* + *источник / каузатор* (+ эмоция)»; 5) «*характер* (+ эмоция) + энантиосемия»; 6) «*источник / каузатор* (+ эмоция) + энантиосемия».

7. Вследствие концептуального и семантического методов анализа выделены 3 вида метафорических образов-репрезентантов концепта ТОСКА, отмеченные номинативными единицами-словосочетаниями: 1) «*цвет (источник)*»; 2) «*животные / птицы / материалы (типы носителей)*»; 3) «*место как источник*».

8. Определены 3 случая концептуальной интеграции внеязыковых концептов на основе оппозиции-энантиосемии, выражаемые номинативными

единицами-словосочетаниями, а также языковые концепты, маркируемые метаязыком, в количестве 3 номинативных единиц-словосочетаний и 2 номинативных единиц-предложений.

9. Установлено, что внутренний признак «*сила*» является доминирующим в развитии концепта ТОСКА, так как порождает бóльшую часть концептов в зонах, представляя параметры эмоций носителей языка.

10. Выявлен когнитивный неполный изоморфизм в зонах номинативной парадигмы слова *тоска*. Совпадающие области зафиксированы в разных зонах номинативной парадигмы слова *тоска*: «*сила* (+ эмоция)», «*источник* (+ эмоция)», «*длительность* (+ эмоция)» во фразеологической и синтаксической зонах.

Заключение

Подводя итоги описанию номинативных воплощений эмоции *тоска*, рождение которых инициировано не только обобщением эмоционального опыта людей, их интроспекций, но и реализацией номинативного потенциала слова *тоска*, отметим, что оно не претендует на полноту и главным образом отражает один из путей развертывания номинативной деятельности, в котором получает лексикоцентрированную траекторию.

Список литературы

1. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977.
2. *Ельмслев Л.* Пролегомены к теории. М. : URSS, 2006.
3. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностранной литературы, 1955.
4. *Бондарко А.В.* Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. : Наука, 1987.
5. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. EDN: SUQHIP
6. *Торопцев И.С.* Словопроизводственная модель. Воронеж : Воронежский государственный университет, 1980.
7. *Никитевич В.М.* Основы номинативной деривации. Минск: Вышэйшая школа, 1985.
8. *Сахарный Л.В.* Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л. : ЛГУ, 1985. EDN: WYZGPR
9. *Колшанский Г.В.* Логика и структура языка. М. : Наука, 1965.
10. *Левицкий В.В.* Семасиология: монография для молодых исследователей. Винница : Нова Книга, 2012. EDN: QXFBVX
11. *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика: Введение. М. : Языки славянской культуры, 2003.
12. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономасиологическом освещении. М. : Наука, 1978.
13. *Даниленко В.П.* Ономасиологическое направление в истории грамматики // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 108–131.
14. *Даниленко В.П.* Ономасиологическое направление в грамматике. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1990.
15. *Кронгауз М.А.* Семантика. М. : Академия, 2005.

16. *Блинова О.И.* Мотивология и ее аспекты. Томск: Томский государственный университет, 2007.
17. *Голев Н.Д.* Стихийная узуализация номинативных единиц // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 21. С. 94–101. EDN: SDOSDN
18. *Vachek J.* První česká teorie odvozování slov // Slovo a Slovesnost. 1962. № 23 (3). P. 205–211.
19. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М. : Наука, 1992. EDN: SIRWQD
20. *Болдырев Н.Н., Федяева Е.В.* Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 686–703. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703 EDN: LVSSMM
21. *Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке. М. : Флинта: Наука, 2009. EDN: QTWDBN
22. *Блинова О.И.* Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров: Диалектная лексика. Л. : Наука, 1972. С. 92–104. EDN: YQVVRP
23. *Голев Н.Д.* О принципах номинации и методе их исследования // Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. 1972. № 5. С. 94–99. EDN: RVYNLN
24. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. EDN: YLAWAR
25. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки славянской культуры, 1996. EDN: SUMHNJ
26. *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М. : РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1996.
27. *Бацевич Ф.С., Космеда Т.А.* Очерки по функциональной лексикологии. Львов : Свит, 1997.
28. *Араева Л.А.* Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1994.
29. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград : ВолГУ, 2007. EDN: RIVGLV
30. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология: теория и методы. М. : РУДН, 1997.
31. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. EDN: UKCOEJ
32. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. EDN: QOFIUL
33. *Вежбицкая А.* «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 503–525.
34. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. EDN: RUFSVD
35. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М. : РГГУ, 1999.
36. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. М. : Гнозис, 2001.
37. *Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А.* Словарь русской ментальности. Т. 1–2. СПб. : Златоуст, 2014.
38. *Колесов В.В.* Основы концептологии. СПб. : Златоуст, 2019.
39. *Жаналина Л.К.* Интегративное словообразование. Алматы : КазНПУ им. Абая, 2011.
40. *Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35. EDN: PVNQQN
41. *Белая Е.Н.* Концептуализация эмоции в русской языковой картине мира: некоторые аспекты // Ethnohermeneutik und Antropologie. Landau: Empirische Padagogik, 2004. P. 175–183.
42. *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М. : Гнозис, 2008. EDN: TZVHDJ

43. *Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А.* Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. М. : Прогресс, 1995. С. 314–384.
44. *Пименова М.В.* Метаязык описания способов категоризации эмоций в языке // Исследование познавательных процессов в языке: сб. научных трудов. М. : ИЯ РАН, Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 177–187. EDN: OGBPZS
45. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М. : URSS, 2008.
46. *Стефанский Е.Е.* Русские концепты «печаль», «грусть» и «тоска» на фоне польской и чешской лингвокультур // Przegląd Wschodnioeuropejski 2. Olsztynie: Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, 2011. P. 329–345.
47. *Димитрова Е.В.* Тоска // Антология концептов. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 268–273.
48. *Старостина С.А.* Эмоциональный концепт «тоска» в современных филологических теориях // Проблемы дискурсивного анализа: сб. научных трудов молодых филологов. Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 224–227.
49. *Шмугурова К.В.* Концепт «тоска» в поэтической картине мира И.Ф. Анненского // Русская речевая культура и текст: материалы VI Международной научной конференции. Томск : ЦНТИ, 2010. С. 216–222.
50. *Базылев В.Н.* Горе: к языковой форме концепта в русской культуре // Семантика и прагматика языковых единиц: межвузовский сб. научных трудов. Уфа : БГПИ, 1999. С. 161–171.
51. *Волостных И.А.* Антропоморфная метафора как основной способ экспликации эмоциональных концептов «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2006. Т. 12. № 2. С. 534–537. EDN: KDYXLX
52. *Василова А.Ш.* Лингвокультурный концепт «сагыш» (тоска) в лексико-деривационных структурах татарского языка // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2007. № 3. С. 48–50. EDN: PEIREL
53. *Демешкина Т.А.* Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск : Томский государственный университет, 2000.
54. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Языки русской культуры, 1995.
55. *Зеленин А.* Аналитизм: необходимость или/и неизбежность? (проявление аналитизма в русской послереволюционной эмигрантской прессе) // Anuari de Filologia. Llengües i Literatures Modernes. 2013. № 3. P. 69–86. https://doi.org/10.1344/AFLM2013.3.5
56. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М. : МГУ, 1998. EDN: PWOOKJ
57. *Бочкарев А.Е.* О способах и средствах выражения гнева в русской языковой картине мира // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 2017. № 62 (1). P. 59–68. https://doi.org/10.1556/060.2017.62.1.5 EDN: XPFJSX

References

1. Sossyur, F.de. (1977). *Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
2. Elmslev, L. (2006). *Prolegomes to the Theory of Language.* Moscow: URSS. (In Russ.).
3. Balli, Sh. (1955). *General Linguistics and Questions of the French Language*. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury. (In Russ.).
4. Bondarko, A.V. (1987). *Functional Grammar Theory: Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
5. Kubryakova, E.S. (2004). *Language and Knowledge: On the Way of Learning about the Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.). EDN: SUQHIP

6. Toroptsev, I.S. (1980). *Word Production Model*. Voronezh: Voronezh State University publ. (In Russ.).
7. Nikitevich, V.M. (1985). *Basics of Nominative Derivation*. Minsk: Vysheishaya shkola. (In Russ.).
8. Sakharnyy, L.V. (1985). *Psycholinguistic Aspects of the Theory of Word Formation*. Leningrad: Leningrad State University publ. (In Russ.). EDN: WYZGPR
9. Kolshansky, G.V. (1965). *The Logic and Structure of the Language*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
10. Levitsky, V.V. (2012). *Semasiology: a Monograph for Young Researchers*. Vinnytsia: Nova Kniga. (In Russ.). EDN: QXFBVX
11. Layonz, Dzh. (2003). *Linguistic Semantics: Introduction*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.).
12. Kubryakova, E.S. (1978). *Parts of Speech in Onomasiological Coverage*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
13. Danilenko, V.P. (1988). Onomasiological Direction in the History of Grammar. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 108–131. (In Russ.).
14. Danilenko, V.P. (1990). *Onomasiological Direction in Grammar*. Irkutsk: Irkutsk State University publ. (In Russ.).
15. Krongauz, M.A. (2005). *Semantics*. Moscow: Akademiya. (In Russ.).
16. Blinova, O.I. (2007). *Motivology and its Aspects*. Tomsk: Tomsk State University publ. (In Russ.).
17. Golev, N.D. (2001). Spontaneous Usualization of Nominative Units. *Izvestiya Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 21, 94–101. (In Russ.). EDN: SDOSDN
18. Vachek, J. (1962). První česká teorie odvozování slov. *Slovo a Slovesnost*, 23(3), 205–211.
19. Zemskaya, E.A. (1992). *Word Formation as an Activity*. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: SIRWQD
20. Boldyrev, N.N., & Fedyaeva, E.V. (2023). Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *14*(3), 686–703. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703 EDN: LVSSMM
21. Alefirenko, N.F. (2009). *Modern Problems of the Science of Language*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.). EDN: QTWDBN
22. Blinova, O.I. (1972). Lexical Motivation and Some Problems of Regional Lexicology. In: *Questions of studying the vocabulary of Russian folk dialects: Dialectal vocabulary* (pp. 92—104). Leningrad: Nauka. (In Russ.). EDN: YQVVRP
23. Golev, N.D. (1972). On the Principles of Nomination and the Method of their Research. *Lingvistika. Teoreticheskie voprosy russkogo yazyka i ego govorov*, 5, 94–99. (In Russ.). EDN: RVYNLN
24. Arutyunova, N.D. (1999). *Language and Human World*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.). EDN: YLAWAR
25. Telia, V.N. (1996). *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.). EDN: SUMHNJ
26. Ulukhanov, I.S. (1996). *Units of the Word-Formation System of the Russian Language and their Lexical Implementation*. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov publ. (In Russ.).
27. Batsevich, F.S., & Kosmeda, T.A. (1997). *Essays on Functional Lexicology*. Lviv: Svit. (In Russ.).
28. Araeva, L.A. (1994). *Word-formation Type as a Semantic Microsystem. Suffixing substances*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. (In Russ.).
29. Vorkachev, S.G. (2007). *Linguistic-cultural Concept: a Typology and the Field of Existence: monograph*. Volgograd: Volgograd State University publ. (In Russ.). EDN: RIVGLV

30. Vorobiev, V.V. (1997). *Linguoculturology: Theory and Methods*. Moscow: RUDN University publ. (In Russ.).
31. Maslova, V.A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Akademiya. (In Russ.). EDN: UKCOEJ
32. Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.). EDN: QOFIUL
33. Wierzbicka, A. (1999). "Sadness" and "Anger" in Russian: The Non-universality of the so-called "basic human emotions". In: *Semantic universals and the description of languages* (pp. 503–525). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.).
34. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Cognitive Linguistics*. Moscow: AST: Vostok–Zapad. (In Russ.). EDN: RUFSVD
35. Zalevskaya, A.A. (1999). *Introduction to Psycholinguistics*. Moscow: Russian State University for the Humanities publ. (In Russ.).
36. Krasnykh, V.V. (2001). *Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory*. Moscow: Gnozis. (In Russ.).
37. Kolesov, V.V., Kolesova, D.V., & Kharitonov, A.A. (2014). *Dictionary of Russian Mentality*. Vols. 1—2. Saint Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).
38. Kolesov, V.V. (2019). *Basics Conceptology*. Saint Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).
39. Zhanalina, L.K. (2011). *Integrative word formation*. Almaty: Abai Kazakh National Pedagogical University publ. (In Russ.).
40. Apresyan, V.Yu., & Apresyan, Yu.D. (1993). Metaphor in the Semantic Representation of Emotions. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 27–35. (In Russ.). EDN: PVNQQN
41. Belaya, E.N. (2004). Conceptualization of emotion in the Russian Language Picture of the World: Some Aspects. In: *Ethnohermeneutik und Antropologie* (pp. 175–183). Landau: Empirische Padagogik. (In Russ.).
42. Krasavsky, N.A. (2008). *Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures*. Moscow: Gnozis. (In Russ.). EDN: TZVHDJ
43. Ortony, A., Clore, G., & Collins, A. (1995). The Cognitive Structure of Emotions. In: *Language and Intellect* (pp. 314–384). Moscow: Progress. (In Russ.).
44. Pimenova, M.V. (2009). A Metalanguage of the Description of Methods for Categorizing Emotions in a Language. In: *Research of cognitive processes in language: collection of scientific papers* (pp. 177–187). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin publ. (In Russ.). EDN: OGBPZS
45. Shakhovsky, V.I. (2008). *Categorization of Emotions in the Lexico-Semantic System of Language*. Moscow: URSS. (In Russ.).
46. Stefanski, E.E. (2011). Russian Concepts «печаль», «грусть» (sadness) and «тоска» (yearning) Compared to Polish and Czech Linguistic Cultures. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski 2* (pp. 329–345). Olsztyn: University of Warmia and Mazury publ. (In Russ.).
47. Dimitrova, E.V. (2005). Anguish. In: *Anthology of Concepts* (Vol. 1, pp. 268–273). Volgograd: Paradigma. (In Russ.).
48. Starostina, S.A. (2008). The Emotional Concept of "anguish" in Modern Philological Theories. In: *Problems of discourse analysis: collection of scientific works of young philologists* (pp. 224–227). Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin publ. (In Russ.).
49. Shmugurova, K.V. (2010). Concept of "melancholy" in the Poetic Picture of the World I.F. Annensky. In: *Russian speech culture and text: Materials of the VI International Scientific Conference* (pp. 216–222). Tomsk: TSNTI. (In Russ.).
50. Bazylev, V.N. (1999). Woe: to the Linguistic form of the Concept in Russian Culture. In: *Semantics and pragmatics of linguistic units: interuniversity collection of scientific works* (pp. 161–171). Ufa: Bashkir State Pedagogical Institute publ. (In Russ.).

51. Volostnykh, I.A. (2006). Anthropomorphic Metaphor as the Main Way of Explication of Emotional Concepts “Fear” and “Sorrow” in Russian and French Linguistic World Pictures. *Transactions of the Tambov State Technical University*, *12*(2), 534–537. (In Russ.). EDN: KDYXLX
52. Vasilova, A.Sh. (2007). Linguocultural Concept “sagysh” (anguish) in the Lexical-Derivational Structures of the Tatar language. *Almanac of Modern Science and Education*, 3, 48–50. (In Russ.). EDN: PEIREL
53. Demeshkina, T.A. (2000). *The Theory of Dialect Utterance. Aspects of Semantics*. Tomsk: Tomsk State University publ. (In Russ.).
54. Apresyan, Yu.D. (1995). *Selected Works, volume I. Lexical Semantics. Synonymous means of language*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ.).
55. Zelenin, A. (2013). Analyticism: Necessity and / or Inevitability? (a Manifestation of Analyticism in the Russian Post-Revolutionary Emigrant Press). *Anuari de Filologia. Llengües i Literatures Modernes*, 3, 69–86. https://doi.org/10.1344/AFLM2013.3.5. (In Russ.).
56. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorova, M.Yu. (1998). *Communicative Grammar of the Russian Language*. Moscow: Moscow State University named after M.V. Lomonosov publ. (In Russ.). EDN: PWOOKJ
57. Gorbachevich, K.S. (2002). *Dictionary of epithets of the Russian literary language*. Saint Petersburg: Norint. (In Russ.).
58. Bochkarev, A.E. (2017). On The Ways and Means of Expressing Anger in the Russian Language Picture of the World. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 62(1), 59—68. https://doi.org/10.1556/060.2017.62.1.5 (In Russ.). EDN: XPFJSX

Сведения об авторах:

Жаналина Лаззат Кабылдашевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (050010, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, д. 13); *сфера научных интересов*: теория номинации, когнитивная лингвистика; *e-mail*: zhanalina@gmail.com

Котлярова Ирина Васильевна, PhD, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (050010, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Достык, д. 13); *сфера научных интересов*: теория номинации, когнитивная лингвистика, лингвистическая семантика; *e-mail*: kotlyarova_1984@mail.ru
ORCID: 0009-0002-2850-9338, Author ID: 58055946400.

Information about the authors:

Lazzat K. Zhanalina, PhD of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Abai Kazakh National Pedagogical University (13 Dostyk ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050010); *Research interests:* nomination theory, cognitive linguistics; *e-mail*: zhanalina@gmail.com

Irina V. Kotlyarova, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian Language and Literature, Abai Kazakh National Pedagogical University (050010, Republic of Kazakhstan, Almaty, Dostyk ave., 13); *Research interests*: nomination theory, cognitive linguistics, linguistic semantics; *e-mail*: kotlyarova_1984@mail.ru
ORCID: 0009-0002-2850-9338, Author ID: 58055946400.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 85–100
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-85-100
EDN: HOETWJ

Research Article / Научная статья

Polysemous Word Semantic Integrity: General Significance Formation

Svetlana A. Pesina[1], Olga N. Sanzharova[2], Natalia S. Sakharova[3], Vitaly V. Tomin[3], Maxim V. Faibushevskii[4], Natalia N. Tsytsarkina[5]

[1]Nosov Magnitogorsk State Technical University, *Magnitogorsk*, *Russian Federation*
[2]The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, *Moscow, Russian Federation*
[3]Orenburg State University, *Orenburg*, *Russian Federation*
[4]Saint Petersburg State University of Economics, *Saint Petersburg*, *Russian Federation*
[5]Kurgan State University, *Kurgan*, *Russian Federation*
✉ a.publ1@profpubl.com

Abstract. Hypotheses in the field of polysemous words functioning in the lexicon attract the attention of modern researchers. Currently, there is widespread support for the "checklist" theory of their meanings functioning as unconnected units. The introduced in the article hypothesis reflects the connectionist approach to the problem. A justification for the concepts of "General significance" and "Lexical invariant" is proposed. The aim of the study is to create a lexical invariant model of a polysemous word based on its empirical invariant-component analysis. Lexical invariant is represented as a set of basic dominant components that form the word semantic core. Based on the methods of comparative and component analysis, the concept of "General significance" is verified. A long-standing debate about its existence is presented. The empirical invariant-component method was used to analyze the semantics of a polysemous word *key*. The correlated dominant metaphorical clusters proved the semantic integrity of a word structure. The proposed hypothesis has a number of advantages over the "checklist" theory. It explains the reasons for lexical meanings boundaries uncertainty, revealing the patterns of schematization in lexical networks. In the process of decoding polysemous words, the communicator does not consider all semantic components of a word. The obtained results can be applied in compiling dictionaries. Lexical invariants can serve didactic purposes in vocabulary expansion.

Keywords: general significance, mental and speech lexicon, polysemous word, lexical cluster, lexical invariant

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: the authors stated that there were no conflicts of interest.

© Pesina S.A., Sanzharova O.N., Sakharova N.S., Tomin V.V., Faibushevskii M.V., Tsytsarkina N.N., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Funding: Russian Science Foundation, “Cognitive-pragmatic and invariant approaches to the study of modern culturally and territorially marked words used by residents of the Chelyabinsk region, with the creation of a Russian-English dictionary of the South Ural realities”, https://rscf.ru/en/project/22-18-20022/

Article history: received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Pesina, S.A., Sanzharova, O.N., Sakharova, N.S., Tomin, V.V., Faibushevskii, M.V., & Tsytsarkina, N.N. (2026). Polysemous Word Semantic Integrity: General Significance Formation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 85–100. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-85-100 EDN HOETWJ

Семантическая целостность многосемного слова: формирование общего значения

С.А. Песина[1], О.Н. Санжарова[2], Н.С. Сахарова[3], В.В. Томин[3], М.В. Файбушевский[4], Н.Н. Цыцаркина[5]

[1]Магнитогорский государственный технический университет имени Носова, *Магнитогорск*, *Российская Федерация*
[2]Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, *Москва*, *Российская Федерация*
[3]Оренбургский государственный университет, *Оренбург*, *Российская Федерация*
[4]Санкт-Петербургский государственный экономический университет, *Санкт-Петербург*, *Российская Федерация*
[5]Курганский государственный университет, *Курган*, *Российская Федерация*
✉ a.publ1@profpubl.com

Аннотация. Гипотезы в области функционирования многозначных слов в лексиконе привлекают внимание современных исследователей. В настоящее время широко распространена теория «контрольного списка», согласно которой их значения функционируют как несвязанные единицы. Представленная в статье гипотеза отражает коннекционистский подход к проблеме. Предложено обоснование понятий «общая значимость» и «лексический инвариант». Цель исследования — создание лексической инвариантной модели многосемного слова на основе его эмпирического инвариантно-компонентного анализа. Лексический инвариант представлен как совокупность основных доминантных компонентов, образующих семантическое ядро слова. На основе методов сравнительного и компонентного анализа проверено понятие «общая значимость». Представлена многолетняя дискуссия о его существовании. Для анализа семантики многозначного слова «ключ» использован эмпирический метод инвариантных компонент. Коррелированные доминантные метафорические кластеры доказывали семантическую целостность структуры слова. Предложенная гипотеза имеет ряд преимуществ перед теорией «контрольного списка». Объясняются причины неопределенности границ лексических значений, выявляются закономерности схематизации в лексических сетях. В процессе декодирования многозначных слов коммуникант не учитывает все смысловые компоненты слова. Полученные результаты могут быть применимы при составлении словарей. Лексические инварианты могут служить в дидактических целях при расширении словарного запаса.

Ключевые слова: семантика, общее значение, ментально-речевая лексика, многозначное слово, лексический кластер, лексический инвариант

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

Финансирование: Российский научный фонд, проект «Когнитивно-прагматический и инвариантный подходы к изучению современных культурно-территориально маркированных слов, используемых жителями Челябинской области, с созданием русско-английского словаря реалий Южного Урала», https://rscf.ru/en/project/22-18-20022/

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Pesina S.A., Sanzharova O.N., Sakharova N.S., Tomin V.V., Faibushevskii M.V., Tsytsarkina N.N.* Polysemous Word Semantic Integrity: General Significance Formation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 85–100. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-85-100 EDN HOETWJ

Introduction

The process of polysemous words decoding comes down to selecting meanings from a list of representations associated with a given acoustic or graphic form. For a century and a half, there have been disputes over the existence of General Significance that unites the structure of a polysemous word. Proponents of the semantic integration of polysemous words (I.L. Falcum, A. Vicente [1], V.V. Tur [2], etc.) identified the first or some vague central meaning with a General Significance. Around the latter, the remaining co-meanings are grouped. The nature of this "general meaning" remained uncertain. The results of this interesting discussion will be presented below. Unfortunately, there is not enough practical verification material to prove the hypothesis.

Later, within the framework of cognitive linguistics, another terminological apparatus is used to describe the semantic integrity within the semantic structure of a word: "content core", "semantic center", "invariant", etc. Currently, attempts are being made to describe the semantics of polysemous words at different levels. Today, followers of this theory adhere to the principles of semantic connectivity of polysemous words structures. Linguists deal with issues of completeness of semantic description [3]. There are studies on the multiplicity of levels of abstraction at which the structure of meanings can be described [2].

The alternative contemporary hypothesis presupposes that different meanings of the same polysemous word are stored in the mental lexicon in the form of a simple list of non-connected meanings. It was highly criticized in the 1980s and 1990s, though, in recent years, the "sense enumeration lexicon" idea has unexpectedly received support. Thus, as a result of five experiments, psycholinguists [4] claimed that it does not matter whether the meanings of the same word share any semantic components.

Their experiments showed that there is no clear boundary between polysemy and homonymy. This is confirmed by the fact that the time spent on determining the required meaning is approximately the same both within the structure of a polysemous word and among homonymous variants. Despite the lack of a common component in terms of content, the difference in the storage and processing of this lexical information is not of serious importance. One form in a native

speaker's lexicon is associated with all the meanings known to the native speaker [5. P. 266–276].

In our opinion, the "list theory" still cannot answer the question of how the selection of meanings occurs in the communication process. Very often there is a choice from several dozens, or even hundreds of meanings (the word "head" has 103 meanings). As follows from the authors' comments, some meanings in the selection process accelerated the selection of subsequent ones, while others, on the contrary, slowed them down.

The meanings of a polysemous word "highlight" each other in the process of operating with them, while a single word does not have this possibility. If meanings "illuminate each other" or influence each other, is it possible to unconditionally accept the "list theory" and assert that meanings are not connected in the linguistic consciousness?

There is no doubt that meanings that differ from each other in only one component (like a huge number of synonyms or metaphors of one word) must be semantically related.

Our experimental data show that respondents cannot remember and reproduce even half of the available meanings of polysemous words, which are represented in corpora and dictionaries. Informants were offered not specific little-known terms, but well-known and frequent meanings (metaphors of the lexical category "Plants": *leaf*, *root*, *grain*, *tree*) [6; 7].

The results obtained are quite expected and we, apparently, do not store words in the form of lists in filing cabinets. The structural and semantic unity of a word is determined by many factors, representing a flexible system with many outputs. The effective forms of meanings representation include semantic networks, frames, modules, logical models, etc.

The invariant-cluster hypothesis, proposed in this work, is only one of the possible hypotheses. The invariant theory is based on the thesis that a word semantic core (its semantic formula) is formed over time. It is "applied" to the objects of the surrounding reality, providing effective semiosis. This content core is dynamic in nature: over time, it is specified depending on contextual usage.

Materials and Methods

Supporters of the connectivity theory intuitively feel that the meaningful core of a polysemous word contributes to successful communication. It allows operating with invariants instead of internally scanning all figurative meanings in the lexicon.

The concept of "Lexical invariant", which we propose as the meaningful core of a polysemous word, is not equated to the first meaning. Neither it stands for the semantics of all figurative meanings, as metonymy or phraseological units can be successfully explained by means of the first meaning. We understand Lexical invariant as *an abstract linguistic entity, a cluster of semantic components, which in one of their configurations underlie metaphorical meanings of a polysemous word in accordance with the intuition of a speaker*. Lexical invariant is contrasted

with the term "variant", which functions at the speech level as a contextual implementation of the invariant. This opposition reflects the language-speech dichotomy.

Lexical invariant includes the most significant integral and differential semantic components. It functions at the level of the language system through numerous contextual implementations of metaphorical meanings. On the contextual level, Lexical invariant is realized in one of its combinatorial variants. It is derived from internal "intuitive contemplation" with the use of the corresponding innate brain algorithms, conveying the essence and outlining the boundaries of the semantic structure of the word [8; 9]. At the linguistic level, we are dealing with semantic components bundles or clusters, and it is a model of words functioning in the lexicon at the cognitive level. Such model has presumably an innate character, due to the ability to generalize word semantics along with the categorization and conceptualization processes. Words semantics generalization corresponds to the principle of linguistic economy. Our consciousness bypasses the internal time-consuming scanning of all figurative meanings of polysemous words before choosing the correct one.

The ability to successfully recognize figurative contextual meanings is essential for computational and applied linguistics. Invariant cores would eliminate problems in translating metaphors as modern neural translators often interpret metaphors literally. Compilers of computer translator software could rely on invariant components when translating metaphors.

Unlike today's electronic translators, our linguistic consciousness functions quite efficiently: by picking up signals from the context, it quickly recognizes the presence of a figurative meaning. The human conceptual system operates as a complex multi-level system of connections (cause-and-effect, associative, hierarchical). They allow quickly navigating the environment and adapting to it.

Performing an invariant-component analysis of each figurative meaning (metaphors), we compare the resulting components with the semantics of the first meaning. Then we leave the most dominant and frequent semantic components which underlie each metaphor. The next step is the lexical invariant formulation. It includes core basic semantic components, which in any of the configurations underlie the word meanings.

The following postulates follow from the hypothesis about the Lexical Invariant functioning:

- Lexical Invariant unites the meanings of a polysemous word and provides effective communication in accordance with the economical nature of language (without treating meanings like bricks in a warehouse – found, took, returned);
- the cluster invariant structure is a flexible and open system; it is capable of developing due to the formation of a new configuration of features: a combination of invariant components with non-invariant ones (contextual, subjective, etc.);
- semantic components are closely related to each other; in case of a communication problems, the entire network of components is "extracted"; this

indicates both the compact nature of the components and the effective functioning of polysemous structures;

- the most frequent semantic components, such as *important, upper, lower, big, small, large,* are accessed in the lexicon more quickly; they have strongest semantic (synoptic) connections.

The semantic structure of a word represents a network. It is a flexible formation that easily adapts to the needs of the speaker. Invariant components of meaning, combining with identifying and subjective ones, form a contextual word meaning. Thanks to the dominant components of Lexical Invariant, a quick understanding of the general meaning of phrases and sentences is achieved.

Results

To illustrate the functioning of the proposed lexical invariant model, we present an empirical invariant-component analysis of the polysemous word *key*. The empirical component-invariant analysis aims to identify invariant clusters of polysemous words. Explicit and implicit semantic components of all available meanings of the word will be determined. In the process of analysis, all components of trivial nature will be "bracketed" and reduced to pure abstraction. This gives knowledge not only of what the meaning is in its pure form, but also allows us to obtain the semantic "formula" of the entire word. The analysis will be performed considering the cognitive images that stand behind each metaphor.

The first nominative-non-derivative meaning of this word is the following: "a metal object having a specific shape, used to open or close a lock." The results obtained during the analysis of the rest meanings are presented in the form of a table (within the framework of the article only part of the analysis can be presented).

Table 1. **The obtained semantic components of metaphorical meanings of the polysemous word *key***

Metaphorical meanings	**Basis for transfers**	**Semantic components underlying meanings of a word *a key***
key of a maple, ash-key (key fruit)[1]	varieties of maple and ash seeds resembling a key in shape (similarity is based on a cognitive image)	a seed of a tree, small, elongated, rounded at one end, with a winglike extension
key (as a pin/bolt/ wedge, etc.)[2]	cognitive image: cotter pin, wedge, key, etc. used for fastening parts, since they fit exactly (like a key) into the required hole (transfer by function)	a detail (pin/ bolt/ wedge, etc.), small, thin, stiff, elongated, made of metal/wood, fitting into hole, locks parts together, preventing from moving

[1] Longman Dictionary of Contemporary English (2005). Pearson Education Limited.
[2] Longman Dictionary of Contemporary English (2005). Pearson Education Limited.

End of Table 1

Metaphorical meanings	**Basis for transfers**	**Semantic components underlying meanings of a word *a key***
key of a valve/ clock winding mechanism, etc. [3]	assimilation by the function: the meaning nominates a clock mechanism, valve, etc., which are the main driving parts of the devices, like a key, turning of which provides access to the room	part of a valve, winding mechanism, movable, initiates work
key (as a passphrase)[4]	like a key that gives access to a room, a password (de)encodes important information from outsiders (similarity in function)	a piece of information, important, secret, providing or preventing access, enables to encode/decode information
key — a sign, colour etc.[5]	similitude by function: just as it is impossible to open a lock without a key, so without a list of symbols (icons, colors, etc.) it is impossible to understand a map or drawing (the legend to the map explains the meaning of the symbols used)	a list of signs, used in a map/drawing, of primary importance, enables to encode/decode information, providing explanation
key to the success (One key to the store's success has been consistent customer service)[6]	assimilation by function: to the extent that key (1) is a verbalizer of the cognitive image of unlocking the lock and thereby a symbol of what leads to the goal, to the same extent any event or condition is the main factor of success	a factor, determining, in accomplishing or achieving something, providing access, initiating success
keystone in an arch[7]	– the top stone or brick of the arch gives stability to the entire structure, like a key fitting tightly into a keyhole – (similarity by its function);	a stone/brick, stiff, elongated, fitting into hole, joints parts together, preventing from moving
key — characteristic style or tone; the tone or pitch of a voice[8]	– just as key (1) serves as a verbalizer of the cognitive image of the most important tool for unlocking or locking, the characteristic style or tone of voice is its most important characteristic – (similarity by its function)	characteristic style or tone/ pitch of a voice, important

Source: compiled by Svetlana A. Pesina, Olga N. Sanzharova, Natalia S. Sakharova, Vitaly V. Tomin, Maxim V. Faibushevskii, Natalia N. Tsytsarkina

Based on the basic dominant invariant component, all metaphors can be divided into five clusters:

- something of primary importance, that prevents from moving (e.g. *keystone in an arch*);

[3] Longman Dictionary of Contemporary English (2005). Pearson Education Limited.
[4] Longman Dictionary of Contemporary English (2005). Pearson Education Limited.
[5] Longman Dictionary of Contemporary English (2005). Pearson Education Limited.
[6] Longman Dictionary of Contemporary English (2005). Pearson Education Limited.
[7] Webster's Third New International Dictionary (1961). Springfield (Mass) Merriam co. (In Russ.).
[8] Webster's Third New International Dictionary (1961). Springfield (Mass) Merriam co. (In Russ.).

- something of primary importance, that initiates functioning (e.g. *key of a valve*/ clock winding mechanism);
- something of primary importance, that provides explanation / getting information (e.g. keys – signs, colours);
- something of primary importance, that provides explanation / understanding (e.g. *the key to a riddle*);
- something of primary importance, that provides access to something (to the success, to a riddle, to a good voice).

As a result of the analysis of 19 meanings of the polysemous word *a key*, it is possible to identify invariant components that hold together the semantics of the entire word: *something of primary importance that can resemble a key in shape or function: can initiate functioning, provide or prevent from / movement / explanation / getting information / understanding / access to something.*

The analysis shows that the invariant component *something of primary importance* has the status of extra strong. The obtained lexical invariant has a dynamic character: not all invariant components will be simultaneously represented in one meaning or another. The corresponding cluster of components will be activated in accordance with the contextual situation, while the rest will fade into the background, not participating in semiosis. The combination of cluster invariant and component analyzes allows to work with large polysemous words.

The noun key often serves in textbooks as a classic example of homonymy. The presented analysis confirms the conclusion that we have a polysemous word.

Meanings represent a combination of dominant and peripheral semantic components, which in one order or another configuration are connected with the image of an object. Therefore, in addition to the need to have a "bank of meanings," the individual has the need to "quickly assemble" meanings from semantic components, images, feelings, which we call "ability to think and analyze". L.S. Vygotsky characterized it as "the word is made in speech" [10].

Under conditions of communicative time pressure, the speed of lexical material processing is, as a rule, high. Thus, not all combinations of semantic components are recognized and considered. To "grasp" the contextual meaning, sometimes consideration of one or two invariant components of general character is sufficient [11]. If understanding fails, the remaining components are activated, including the subjective ones. In order to preserve the semantic boundaries of the word, the number of new meanings must remain within the limits of the main invariant features.

J. Taylor in the context of R. Lenaker's theory about the multi-level representation of a polysemous word claimed that it seemed quite likely that a native speaker can simultaneously store in memory a set of specific uses of a word, and more abstract representations common to these uses. Indeed, there is no inherent reason why a native speaker could not store in memory the meanings of different levels of abstraction [12. P. 283].

Cognitive psychologist E. Treisman, in his theory of feature integration, argues that initially, when analyzing the visual field, the brain relies on individual features, not on combinations of features. Analysis of features anticipates their synthesis, which is performed automatically. Such trivial characteristics as color, shape, orientation is processed automatically simultaneously with the search for information essential for discrimination [13].

Interestingly, the hypothesis of an analogy between semantic and neural networks is confirmed by neuroscientists. There is a theory that the human brain contains neurons that are sensitive to certain semantic properties and take part in the formation of more than one semantic network [14]. Neuroscientists believe that in the parietal visual cortex of the brain there is a large number of highly differentiated neurons, each of which responds to a single component of the perceived object [15–18]. These data indicate, at a minimum, in favor of a semantic connection between the individual meanings of a word.

Discussion

Since there are at least two mutually exclusive opinions regarding "solving the problem of polysemy," it makes sense to understand the problem of the functioning of a polysemous word in the lexicon. In fact, the importance of this issue can hardly be overestimated and we will need to look at this problem from the perspective of related sciences.

An obvious supporter of the semantic integration of polysemous words was R. Jakobson, who equated General Significance with the first meaning and contrasted it with the figurative ones [19]. S. Bally wrote about a virtual concept, defined by a limited number of components compared to "the real one", which seemed to be individualized and contained "countless numbers of features that no practical experience could exhaust" [20. P. 87–88].

Russian linguists pointed out that the unity of a word is organized by its lexical-semantic core: "if in the glosses "we do not find such a "core" <...> in this case we get homonyms" [21. P. 23]. The same ideas were reinforced by Yu.N. Tynyanov, who used the poetic genre material. He wrote about the lexical unity of a word and the implementation of several semantic overtones in one word meaning [22].

General Significance has been postulated in full and partial form. Among the adherents of the first point of view is V.A. Zvegintsev, who believes that "a single semantic line always breaks through a random accumulation of meanings" [23. P. 70–77]. Yu.D. Apresyan, a supporter of the soft form of general meaning postulating, points out the possibility of isolating general meaning only in conditions of radial polysemy, when meanings are in relations of direct semantic derivativeness [24].

Opponents of the General Significance functioning in the lexicon interpreted the meanings of polysemous words as separate words, reducing them to speech implementations. Thus, using the term "monophony" instead of "polysemy" and "homonymy," E. Kurilovich believed that the notion of General Significance is an

abstraction, the usefulness and applicability of which to specific linguistic problems will be decided by the future. “Our personal objection to the introduction of this concept is based on the impossibility of integrating qualitatively different elements, namely, communicative content and affective (stylistic) shades” [25. P. 246].

Unfortunately for supporters of General Significance, it never received a reliable substantiation: its nature was not fully revealed, there was no consensus on its essence. The level of its functioning was not determined convincingly enough, and a clear algorithm for its determination was not proposed. If any components were selected as general or basic for the structure of a particular word, no justification for the reasons for the choice was provided.

The few attempts to define General Significance are interesting, but, unfortunately, not very convincing. Thus, V.A. Zvegintsev defines the General Significance of the English substantive *a hand* as ‘a human organ that carries out activities, communication with a specific person’ [23. P. 158]. The reason for these components choosing is not justified: such components can “cover” the semantics of the words *a leg*, *an arm* and *a head*.

Another attempt to demonstrate the connection between the meanings of a polysemous word is based on the dominance of the first meaning. Thus, comparing the main meaning of the substantive a key (*a metal device for unlocking a lock*) and one of its metaphors (*a means*, *an opportunity for a solution*), D.N. Shmelev points out that the latter directly develops an essential element of the original meaning ‘something with which you can unlock’. He points out that the word is “freed from specific features”. Only the main feature of the functional purpose of the object retains [26. P. 90]. This observation stands as supportive for General Significance, nevertheless, the first meaning does not cover the semantics of other meanings, such as ‘a key springing from the ground’, ‘treble clef’, ‘key to success’, etc.

The problem of the semantic generality of the substantive key also remained unresolved for F.R. Palmer, who postulated the extreme difficulty of such research. Thus, for the meaning “key for opening the door” and “key of the staff” the author could not identify the common components [27. P. 48].

Within the framework of this article, using the material of this particular polysemous word *a key*, it has been demonstrated that the meanings of this word represent the interaction of two mental spaces — the systemic invariant meaning space and the meanings functioning in the speech context (speech level). The English word contains about two dozen metaphors, including such as *key of an arch*, *a piano key*, *a key zone in basketball*, etc. Such “far away” from the first meaning metaphors complicate the task of determining the semantic core of all meanings, but the more interesting the task.

There is an attempt of L.A. Novikov’s establishment of the General Significance of the word *an earth*: “the third planet from the sun, considered in a certain quantitative and qualitative sense in everything that relates to it” [28. P. 545]. However, it is unlikely that we think of the earth as a planet, precisely as the “third planet from the sun.” In another example of his, the general meaning

of the word *water* was formulated as "a H_2O substance". It is not clear how this general meaning can interpret semantics of the meaning "empty meaningless phrases." In such definitions, the General Significance is not fully general, since it does not reflect the semantics of metaphorical meanings included in the structure of the word. The fact that the word functions at the level of an average native speaker is also not considered.

A.A. Ufimtseva's attempt to identify a "semantic thread" that unites the meanings of the polysemous word *an earth* looks, in our opinion, more fruitful: "a characteristic of the earth in terms of its spatial extent" [29. P. 113]. She defined three semantic centers — land holding, country and land (she considered the Russian word *земля* that embraces the semantics of English *an earth*, *a land* and *a ground*). Still, her general meaning hardly justifies such metaphors as *the salt of the earth*.

Yu.N. Karaulov believes that the existence of General Significance directly depends on the strength of internal semantic connections between meanings [30. P. 131]. E.G. Belyaevskaya represents the semantic center of the English verb *to jump* as 'a movement by jumping and overcoming an obstacle'. The obstacle includes 'a part of the text (to jump a paragraph)' or 'a queue for something (to jump the queue)' [31. P. 87–89].

Table 2 reflects the terminology used by linguists in studies of word structure integrity (General Significance).

Table 2. **Typology of semantic integrity of polysemous meanings**

Name of the semantic integrity of polysemous meanings	The authors, representatives of semantic schools
general meaning	K. Baldinger, F.A. Litvin, Yu.N. Karaulov [30]
virtual concept	Ch. Bally [20]
first meaning	R. Jacobson [19]
lexical-semantic core	V.V. Vinogradov
semantic core	A.I. Smirnitsky [21]
central main meaning or core meaning	R.A. Budagov
invariant of meaning, general meaning	L.A. Novikov [28]
semantic center	A.A. Ufimtseva [29], E.G. Belyaevskaya [31]
general sign	V.A. Zvegintsev [23]
several common features	E.V. Kuznetsova
oscillation of meanings	Yu.N. Tynyanov [22]
palimpsest superposition of some figurative representations on others	M.B. Gasparov
associative/representative features of the main meaning	D.N. Shmelev [26]
central/nuclear meaning	R.F. Palmer [27]
invariant	Yu.D. Apresyan [24], N.V. Pertsov, B. Norman
lexical prototype	I.K. Arkhipov, S.A. Pesina [7]
lexical invariant, lexical invariant cluster	S.A. Pesina [32; 33]

Source: compiled by Svetlana A. Pesina, Olga N. Sanzharova, Natalia S. Sakharova, Vitaly V. Tomin, Maxim V. Faibushevskii, Natalia N. Tsytsarkina

Currently, researchers are moving away from the unfortunate unpopular term "General Significance". However, the contemporary connectivity theories are also criticized for the fact that the entire contextual word semantics cannot be brought together. But, this is a matter of a good analytical method and painstaking work. In the dictionary entries there are indications of lexical cores existence: 'something resembling… in shape or function', 'something similar to ...'. In this regard, some dictionaries (e.g. the Oxford English Dictionary) made attempts to structure polysemous meanings in accordance with their dominant components. Also L.S. Vygotsky wrote that the meaning of a word always turns out to be a dynamic, fluid, complex formation that has several zones of varying stability. Meaning is only one of these zones "and, moreover, the zone that is the most stable, unified and precise" [10. P. 87].

Conclusions

The presented above proofs in favor of the "list theory" of polysemous words functioning in the lexicon contradict the research in the field of "semantic integrity" of polysemous words. Despite the great interest in the opposite connectivity theory (General Significance phenomenon), the small amount of polysemous words analysis runs counter to the evidence of this phenomenon functioning. Proponents of General Significance have not clarified its functions and actual scope.

The invariant-cluster analysis presented in this article revealed a multi-level structure of the meanings of the word *a key*. The dominant semantic components underlying each figurative meaning of the word were identified. They form its deep semantic network. The metaphorical meanings were grouped into clusters based on common invariant features. The superordinate level was represented by a lexical invariant that covered the semantics of the entire polysemous word.

The formation of a lexical invariant takes place in the process of metaphors generalization and abstraction from specific contextual components along the line of figurative meanings schematization. A new cognitive model emerged, it was an abstract construct.

The results of the study show that the preservation of the semantic integrity of the word structure and the processes of new meanings formation take place on the basis of invariant semantic components. The lexical invariant, formed as a result of repeated use of existing metaphorical meanings, allows the native speakers to effectively navigate the environment under communicative time pressure. Very often one or two dominant basic invariant components are enough to "grasp" the contextual meaning of a metaphor.

The representation of semantic structure in the form of a semantic network of meanings and components interconnected invariantly has a number of significant advantages over the "list theory". The presented analysis (our research includes analyses of hundreds of polysemous words) can significantly complement the theory of general meaning. The definition of lexical clusters can be useful for didactic purposes in determining the internal form of the polysemous words meanings. It is advisable to use lexical invariants in the compilation of educational

dictionaries as the content of lexical clusters. During the lexical invariant formation and functioning, a set of certain cognitive dominants is formed in it, which act as a model of the surrounding reality perception.

References

1. Falcum, I.L., & Vicente, A. (2015). Polysemy: Current Perspectives and Approaches. *Lingua*, 157. https://doi.org/10.1016/j.lingua.2015.02.002 EDN: YCKXKA
2. Tur, V.V. (2020). Identity and Separation of Lexical Meaning (On the Example of the English Semantics Lexemes Tail 'tail'). *Journal of the Belarusian State University. Filologija*, 2, 52–63. (In Russ.). EDN: NFHSXG
3. Kobozeva, I.M. (2024). *Linguistic Semantics*. Moscow: URSS. (In Russ.).
4. Foraker, S., & Murphy, G.L. (2012). Polysemy in Sentence Comprehension: Effects of Meaning Dominance. *Journal of Memory and Language*, 67, 407–425. https://doi.org/10.1016/j.jml.2012.07.010
5. Klein, D.E., & Murphy, G.L. (2001). The Representation of Polysemous Words. *Journal of Memory and Language*, 2(45), 259–282. https://doi.org/10.1006/jmla.2001.2779 EDN: GXTZFL
6. Pesina, S.A., Yusupova, L.G., Kozhushkova, N.V., Baklykova, T.Yu., Golubeva, I.A., & Velikanova, S.S. (2021). Representation of Polysemous Words in Lexicon. *Applied Linguistics Research Journal*, *5*(2), 131–136. https://doi.org/10.14744/alrj.2021.93276 EDN: YBXVUT
7. Pesina, S.A., Zimareva, O.L., & Baklykova, T.Ju. (2019). An Experimental Study of the Semantic Structure of the Word in the Light of the Anthropocentric Approach. *Humanitarian and Pedagogical Research*, *3*(4), 34–38. (In Russ.). EDN: JAGWCE
8. Pesina, S., & Yusupova, L. (2015). Words Functioning in Lexicon. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 192(24), 38–43. EDN: PNIHVT
9. Pesina, S., & Solonchak, T. (2015). Lexicon Core and Its Functioning. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 192(24), 481–485. EDN: SSRRZQ
10. Vygotskij, L.S. (1997). Thinking and Speech. Moscow. (In Russ.).
11. Pesina, S.A., Kiseleva, S.V., Rudakova, S.V., Vinogradova, S.A., Trofimova, N.A., & Novikov, D.N. (2022). Speech communication in terms of cognition. *Revista de Investigaciones Universidad del Quindio*, 34(S3), 82–89. https://doi.org/10.33975/riuq.vol34nS3.1000 EDN: LITIXI
12. Taylor, J.R. (1995). *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. New York: Clarendon Press.
13. Treisman, A.M., & Gelade, G. (1980). Feature-integration theory of attention. *Cognitive Psychology*, 12(1), 97–136. https://doi.org/10.1016/0010-0285(80)90005-5
14. Hodges, J.R., & Patterson, K. (1997). Semantic Memory Disorders. *Trends in Cognitive Sciences*, 1(2), 68–72. https://doi.org/10.1016/S1364-6613(97)01022-X
15. Holmes, G., & Horrax, G. (1919). Disturbances of spatial orientation and visual attention, with loss of stereoscopic vision. *Archives of Neurology and Psychiatry*, 1(4), 385–407. https://doi.org/10.1001/archneurpsyc.1919.02180040002001
16. Brain, W.R. (1941). Visual disorientation with special reference to lesions of the right cerebral hemisphere. *Brain*, 64(3), 244–272. https://doi.org/10.1093/brain/64.3.244
17. Luriya, A.R. (1973). *Neuropsychology of memory*. Moscow: Progress. (In Russ.).
18. Hecaen, H. (1969). Apraxic and agnostic syndromes in right and left hemisphere lesions. In: P.J. Vinken & G.W. Bruyn (Eds.), *Handbook of clinical neurology* (Vol. 4, pp. 290–311). Amsterdam: North-Holland.
19. Jakobson, R. (1985). *Speech Communication*. Moscow: Progress. (In Russ.).
20. Bally, Ch. (1961). *French stylistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
21. Smirnickij, A.I. (1954). To the Question of the Word: The Problem of the Identity of the Word. In: *Transactions of the Institute of Linguistics* (Vol. 4, pp. 88–101). Moscow. (In Russ.).
22. Tynjanov, Ju.N. (1965). *The problem of poetic language. Articles*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

23. Zvegincev, V.A. (1957). *Semasiology*. Moscow: MGU publ. (In Russ.).
24. Apresjan, Ju.D. (1995). *Lexical Semantics. Synonymic Means of Language*. Vol. 1. Moscow: Shkola Jazyki rus. kul'tury. (In Russ.).
25. Kurilovich, E.R. (1962). *Essays on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
26. Shmelev, D.N. (1973). *Problems of Semantic Analysis of Vocabulary (On the Material of the Russian Language)*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
27. Palmer, F.R. (1982). *Semantics*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
28. Novikov, L.A. (2001). *Selected Works. Problems of Language Value*. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
29. Ufimceva, A.A. (1962). *Experience in Learning Vocabulary as a System*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
30. Karaulov, Ju.N. (1976). *General and Russian Ideography*. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: SDCMJZ
31. Beljaevskaja, E.G. (1987). *Word Semantics*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.). EDN: GHQGUM
32. Pesina, S.A., Antropova, L.I., Yusupova, L.G., Zalavina, T.Y., Pustovoitova, O.V., & Terenteva, N.G. (2021). Research of communication as a sign process at the semantic and biocognitive levels. *Universidad Y Sociedad*, *13*(6), 83–88. EDN: KEQDJF
33. Pesina, S.A., & Zimareva, O.L. (2017). Semantic Analysis and Representation of Meanings in the Structure of Polysemous Words. *Issues in Cognitive Linguistics*, 1(50), 146–154. https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-1-146-154 EDN: XRYRNP

Список литературы

1. *Falcum I.L., Vicente A.* Polysemy: Current perspectives and approaches // Lingua. 2015. № 157. https://doi.org/10.1016/j.lingua.2015.02.002 EDN: YCKXKA
2. *Тур В.В.* Тождество и отдельность лексического значения (на примере семантики английской лексемы tail 'хвост') // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2020. № 2. С. 52–63. EDN: NFHSXG
3. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М. : URSS, 2024.
4. *Foraker S., Murphy G.L.* Polysemy in sentence comprehension: effects of meaning dominance // Journal of Memory and Language. 2012. № 67. P. 407–425. https://doi.org/10.1016/j.jml.2012.07.010
5. *Klein D.E., Murphy G.L.* The representation of polysemous words // Journal of Memory and Language. 2001. № 2(45). P. 259–282. https://doi.org/10.1006/jmla.2001.2779 EDN: GXTZFL
6. *Pesina S.A., Yusupova L.G., Kozhushkova N.V., Baklykova T.Yu., Golubeva I.A., Velikanova S.S.* Representation of polysemous words in lexicon // Applied Linguistics Research Journal. 2021. Т. 5. № 2. P. 131–136. https://doi.org/10.14744/alrj.2021.93276 EDN: YBXVUT
7. *Песина С.А., Зимарева О.Л., Баклыкова Т.Ю.* Экспериментальное исследование семантической структуры слова в свете антропоцентрического подхода // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 4. С. 34–38. EDN: JAGWCE
8. *Pesina S., Yusupova L.* Words Functioning in Lexicon // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 192(24). P. 38–43. EDN: PNIHVT
9. *Pesina S., Solonchak T.* Lexicon Core and Its Functioning // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. № 192(24). P. 481–485. EDN: SSRRZQ
10. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М., 1997.
11. *Pesina S.A., Kiseleva S.V., Rudakova S.V., Vinogradova S.A., Trofimova N.A., Novikov D.N.* Speech communication in terms of cognition // Revista de Investigaciones Universidad del Quindio. 2022. Vol. 34. № S3. P. 82–89. https://doi.org/10.33975/riuq.vol34nS3.1000 EDN: LITIXI
12. *Taylor J.R.* Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory. New York : Clarendon Press, 1995.

13. *Treisman A.M., Gelade G.* Feature-integration theory of attention // Cognitive Psychology. 1980. Vol. 12. № 1. P. 97–136. https://doi.org/10.1016/0010-0285(80)90005-5
14. *Hodges J.R., Patterson K.* Semantic memory disorders // Trends in Cognitive Sciences. 1997. № 1(2). P. 68–72. https://doi.org/10.1016/S1364-6613(97)01022-X
15. *Holmes G., Horrax G.* Disturbances of spatial orientation and visual attention, with loss of stereoscopic vision // Archives of Neurology and Psychiatry. 1919. Vol. 1. № 4. P. 385–407. https://doi.org/10.1001/archneurpsyc.1919.02180040002001
16. *Brain W.R.* Visual disorientation with special reference to lesions of the right cerebral hemisphere // Brain. 1941. Vol. 64. № 3. P. 244–272. https://doi.org/10.1093/brain/64.3.244
17. *Лурия А.Р.* Нейропсихология памяти. М. : Прогресс, 1973.
18. *Несаеп Н.* Apraxic and agnostic syndromes in right and left hemisphere lesions // Handbook of clinical neurology / P.J. Vinken, G.W. Bruyn (eds.). Amsterdam : North-Holland, 1969. Vol. 4. P. 290–311.
19. *Якобсон Р.О.* Избранные работы. М. : Прогресс, 11985.
20. *Балли Ш.* Французская стилистика. М. : Прогресс, 1961.
21. *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове: Проблема тождества слова // Труды Института языкознания. Т. 4. М., 1954. С. 88–101.
22. *Тынянов Ю.Н.* Проблема поэтического языка. Статьи. М. : Наука, 1965.
23. *Звегинцев В.А.* Семасиология. М. : МГУ, 1957.
24. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Т. 1. М. : Школв «Языки русской культуры», 1995.
25. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике.М. : Прогресс, 1962.
26. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М. : Наука, 1973.
27. *Палмер Ф.Р.* Семантика. М. : Высшая школа, 1982.
28. *Новиков Л.А.* Избранные работы. Т. 1. Проблемы языкового значения. М. : РУДН, 2001.
29. *Уфимцева А.А.* Опыт изучения лексики как системы. М. : Наука, 1962.
30. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. EDN: SDCMJZ
31. *Беляевская Е.Г.* Семантика слова. М. : Высшая школа, 1987. EDN: GHQGUM
32. Pesina S.A., Antropova L.I., Yusupova L.G., Zalavina T.Y., Pustovoitova O.V., Terenteva N.G. Research of communication as a sign process at the semantic and biocognitive levels // Universidad Y Sociedad. 2021. Vol. 13. № 6. P. 83–88. EDN: KEQDJF
33. *Песина С.А., Зимарева О.Л.* Семантический анализ и репрезентация значений в структуре многозначных слов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1(50). С. 146–154. https://doi.org/10.20916/1812-3228-2017-1-146-154 EDN: XRYRNP

Information about the authors:

Svetlana A. Pesina, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Translation at the Institute of Humanitarian Education, Nosov Magnitogorsk State Technical University (38 Lenin Avenue, Magnitogorsk, Russian Federation, 455000);
ORCID: 0000-0002-3728-2561, Scopus Author ID: 56642709800, ResearcherID: GQA-3089-2022.

Olga N. Sanzharova, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Translation at the Institute of Humanitarian Education, North-West Institute of Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82/1 Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119571);
ORCID: 0009-0006-1249-971X, ResearcherID: JLM-6228-2023.

Natalia S. Sakharova, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Translation at the Institute of Humanitarian Education, Orenburg State University (13 Pobedy Avenue, Orenburg, Russian Federation, 460018);
ORCID: 0000-0002-1770-275X, Scopus Author ID: 57188834928, ResearcherID: AAC-6046-2020.

Vitaly V. Tomin, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Translation at the Institute of Humanitarian Education, Orenburg State University (13 Pobedy Avenue, Orenburg, Russian Federation, 460018);
ORCID: 0000-0002-7679-843X, Scopus Author ID: 57189319730, ResearcherID: A-5148-2016.

Maxim V. Faibushevskii, Dr.Sc. (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Translation at the Institute of Humanitarian Education, Saint Petersburg State University of Economics (30/32 Griboedov canal emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 191023);
ORCID: 0009-0007-3036-1906, ResearcherID: JNR-8231-2023.

Natalia N. Tsytsarkina, Kurgan State University (63/4 Sovetskaya Street, Kurgan, Russian Federation, 640020);
ORCID: 0000-0002-6890-3682, ResearcherID: JNR-8226-2023.

Сведения об авторах:
Песина Светлана Андреевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет имени Носова (455000, Российская Федерация, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, д. 38);
ORCID: 0000-0002-3728-2561, Scopus Author ID: 56642709800, ResearcherID: GQA-3089-2022.

Санжарова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (119571, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82/1);
ORCID: 0009-0006-1249-971X, ResearcherID: JLM-6228-2023.

Сахарова Наталья Андреевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода Института гуманитарного образования, Оренбургский государственный университет (460018, Российская Федерация, г. Оренбург, проспект Победы, д. 13);
ORCID: 0000-0002-1770-275X, Scopus Author ID: 57188834928, ResearcherID: AAC-6046-2020.

Томин Виталий Вячеславович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Института гуманитарного образования, Оренбургский государственный университет (460018, Российская Федерация, г. Оренбург, проспект Победы, д. 13);
ORCID: 0000-0002-7679-843X, Scopus Author ID: 57189319730, ResearcherID: A-5148-2016.

Файбушевский Максим Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романских языков и перевода Института гуманитарного образования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (191023, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30/32);
ORCID: 0009-0007-3036-1906, ResearcherID: JNR-8231-2023.

Цыцаркина Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры кафедра русской и зарубежной филологии гуманитарного института, Курганский государственный университет (640020, Российская Федерация, г. Курган, ул. Советская, д. 63/4);
ORCID: 0000-0002-6890-3682, ResearcherID: JNR-8226-2023.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 101–114
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-101-114
EDN: HSOHLJ

Научная статья / Research Article

Особенности нейминга салонов свадебной моды в русской и китайской лингвокультуре

Ван Шихао[1], О.В. Лазарева[1] ✉, С.А. Баров[2], Цзинь Лянь[2]

[1]Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
[2] Независимый исследователь, *Москва, Российская Федерация*
✉ lazareva-ov@rudn.ru

Аннотация. Имена собственные являются частью каждой языковой системы, т.е. представляют собой языковую универсалию. В лингвокультуре любого этноса имеются наборы онимов, отражающих в диахронии особенности социокультурных изменений, в том числе, его ценностные приоритеты. В российской и китайской лингвокультурах в настоящее время наблюдается изменение тенденций в нейминге экономических объектов, что порождает особый интерес к предмету исследования. От названия торговых объектов и товаров, магазинов, модных салонов, сетей ритейла зависит коммерческая успешность, с чем связана необходимость регулирования и контроля ономастического пространства. Цель исследования — сопоставительный анализ предпочтений в выборе названия свадебного салона в русской и китайской лингвокультурах для установления универсальной и культурно-специфичной мотивации. В качестве материала исследования было проанализировано 200 названий свадебных салонов Москвы и Пекина. Эргономическое пространство в Москве представлено большим количеством наименований салонов свадебной моды, которые образованы по продуктивной модели универбации. Отметим, что в Пекине частотным оказывается такой же способ образования наименований свадебных салонов. Эргонимы в области свадебной моды Москвы и Пекина различаются прагматикой; общим является связь их эффективности с системой ценностей лингвокультуры. Нейминг в области свадебной моды выполняет номинативную, информативную, эстетическую, дифференцирующую, воздействующую, аттрактивную функции. По ключевым компонентам эргонимы Москвы и Пекина можно разделить на несколько групп: эргонимы с антропонимами, эргонимы с литературными компонентами, эргонимы с компонентами-символами; эргонимы, включающие компоненты, указывающие на сферу деятельности; эргонимы с топонимическими компонентами.

Ключевые слова: онимы, ономастическое пространство, эргонимы, универбация

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

© Ван Шихао, Лазарева О.В., Баров С.А., Цзинь Лянь, 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Финансирование: публикация подготовлена в рамках грантовой поддержки научных проектов РУДН 050225-0-000 «Мультимодальный словарь специальной лексики».

История статьи: дата поступления: 23.09.2025; дата приема в печать: 15.10.2025.

Для цитирования: *Ван Шихао, Лазарева О.В., Баров С.А., Цзинь Лянь*. Особенности нейминга салонов свадебной моды в русской и китайской лингвокультуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 101–114. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-101-114 EDN HSOHLJ

The Peculiarities of Naming Wedding Fashion Salons in Russian and Chinese Linguoculture

Van Shihao[1], Olesya V. Lazareva[1] ✉, Sergey A. Barov[2], Jin Lian[2]

[1]RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
[2]Independent researcher, *Moscow, Russian Federation*
✉ lazareva-ov@rudn.ru

Abstract. Proper names are part of each language system, i.e. represent a language universality. In the linguoculture of any ethnic group, there are sets of onyms that reflect the characteristics of sociocultural changes, including its value priorities. In Russian and Chinese linguistics currently there is a change of trends in the naming of commercial entities, which generates special interest in the subject of research. The name of trade facilities and goods, shops, fashion salons, retail chains depends on commercial success, which is related to the need for regulation and control of onomastic space. The aim of the study is to conduct a comparative analysis of preferences in choosing the name of a wedding salon in the Russian and Chinese linguocultures to establish universal and cultural-specific motivation. As a material of the study, 200 names of wedding salons in Moscow and Beijing were analyzed. The ergonymic space in Moscow is represented by a large number of names of wedding fashion salons, which are formed according to the productive model of univerbation. Note that in Beijing the same way of formation of names of wedding halls is frequent. Ergonyms in the area of wedding fashion in Moscow and Beijing are distinguished by their pragmatics; what they have in common is the link between their effectiveness and the value system of the linguoculture. Naming in the field of wedding fashion performs nominative, informative, aesthetic, differentiating, appellative and attractive functions. Based on their key components, the ergonyms of Moscow and Beijing can be divided into several groups: ergonyms with anthroponyms, ergonyms with literary components, ergonyms with symbol components; ergonyms including components indicating a sphere of activity; ergonyms with toponymic components.

Keywords: onyms, onomastic space, ergonyms, univerbation

Authors' contribution: The authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest.

Financing: The publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project No 050225-0-000 "Multimedia dictionary of specialized vocabulary".

Article history: Received: 23.09.2025; accepted: 15.10.2025.

For citation: Van, Shihao, Lazareva, O.V., Barov, S.A., & Jin, Lian. (2026). The Peculiarities of Naming Wedding Fashion Salons in Russian and Chinese Linguoculture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 101–114. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-101-114 EDN HSOHLJ

Введение

Ономастические единицы в современных системах языков являются маркерами социокультурных изменений и в тоже время сохранения национальных особенностей. Большинство онимов в китайском языке восходят к древнейшим временам становления и развития языковой системы. Современная ономастическая система и русского, и китайского языков отражает особенности социально-экономического развития, соответственно, пополняются такие группы онимов как убранонимы, эргонимы, хрематионимы, космонимы, астронимы. Названия предприятий, магазинов, фирм, модных салонов, сетей ритейла становятся не просто смыслоразличительными именованиями, но и брендом, от которого зависит коммерческая успешность. Актуальность исследования обусловлена необходимостью регулирования в сфере нейминга, т.к. существует контроль ономастического пространства города, принимаются законодательные акты, регулирующие ономастическую сферу.

Целью работы является проведение комплексного анализа наименований салонов свадебной моды урбанистического пространства города на примере Москвы и Пекина. Теоретической основой исследования стали работы в области теории ономастики российских [1–20] и китайских [21–25] лингвистов. Материалом исследования стали эргонимы, именующие салоны свадебной моды Москвы (100 единиц) и Пекина (100 единиц).

Система эргонимов, именующих салоны свадебной моды Москвы

Свадебные обряды имеют огромное значение для китайской и русской культур, рассматриваются как начало новой в социальном плане (семейной) жизни. В китайской традиционной культуре брак и рождение детей является незыблемой ценностью, проявлением уважения к предкам, по сути даже долгом каждого по отношению к своей семье и даже обществу (в силу особенно исторически сильных коллективистских устремлений в сознании китайцев). В русской патриархальной культурной традиции вступление в брак также считалось обязательным, семья воспринималась в контексте подобия и продолжения христианской семьи (Бог — отец; Христос — сын, жених; Церковь (верующие) — невеста и т.п.), была социокультурной нормой.

Русский свадебный обряд является одним из важнейших семейных обрядов. Он состоит из множества элементов, среди них: обрядовые песни, причеты, обязательные обрядовые действия невесты, жениха и дружек [26]. Е.Л. Мадлевская отмечает: «Состав участников свадьбы, представлявший многоэтапное действо, был довольно велик. Кроме невесты, жениха и их родителей, обязательными участниками свадьбы были их ближайшие духовные

родственники с обеих сторон — крестные родители жениха и невесты, выполнявшие, как правило, роль сватов и свах. Из кровных родственников важная роль принадлежала брату невесты. Помимо сватов и свах главными свадебными чинами являлись дружка и тысяцкий. Дружка возглавлял поезд жениха, распоряжался свадьбой и следил за соблюдением всех обычаев»[1]. В настоящее время свадьбы в национальном стиле являются данью моде, воспринимаются как нечто эксклюзивное, уникальное, часть молодых людей пытаются повторить древние свадебные традиции, в остальных случаях свадебные обряды универсальны, многие стереотипы в свадебной моде связываются с традициями советского времени и объясняются влиянием западноевропейских лингвокультурных универсалий. Поэтому особое внимание уделяется свадебной одежде, следовательно, растет количество салонов свадебной моды. Выбор удачного наименования позволяет добиться успеха и значительно увеличить прибыль.

Анализ эргонимического пространства города Москвы на примере салонов свадебной моды был реализован на материале ста наименований свадебных салонов, полученных методом сплошной выборки из справочной системы предприятий города. Анализ показал, что эргонимы в области свадебной моды отличаются друг от друга по различным параметрам, в частности, по словообразовательным моделям. Нами отмечены две активных модели образования эргонима:

1) словосочетания разных типов:

– прилагательное + существительное: *Бриллиантовая сказка*, *The Bridal Gallery*;

– существительное + существительное: *Жених в тапочках*, *Vows + Veils*;

– прилагательное + существительное + существительное: *Cherished Moments Couture*;

– аббревиатуры, к которым мы отнесли слова без гласных: *FLWR* ‘Flower’, *CLBR* ‘Celebrate’;

– универбаты: *SVADSTIL*, *BRADELIT*, *SVADLUX*;

2) одиночное слово: *Элегантис*, *Белиссия*.

Для номинации свадебных салонов в Москве отмечается популярность универбации, что объясняется стремлением современного человека к экономии речевых усилий: «Интенция современного человека к речевой экономии, включая экономию речевых усилий, письменных средств, затрат времени на коммуникацию, является основным фактором образования новых слов на основе существующих словосочетаний» [25. С. 52]. В качестве примера приведем следующие именования: *SVADKOM* — свадебный комфорт; *BRIDEBEAU* — Bride’s Beauty.

[1] *Мадлевская Е.Л.* Русский свадебный обряд // Фольклор и фольклористика в СПбГУ. Режим доступа: https://folk.spbu.ru/Reader/madlev.php?rubr=Reader-lectures (дата обращения: 27.08.2025).

По лексико-семантическому основанию эргонимы делятся на пять основных групп в соответствии с компонентным составом: эргонимы с антропонимами; с компонентами — прецедентными феноменами; с компонентами-символами; эргонимы, включающие компоненты, указывающие на сферу деятельности; эргонимы с топонимическими компонентами.

Эргонимы с антропонимами

Эргонимы с компонентами-антропонимами представляют собой наименования торговых объектов, которые включают имена собственные. Наиболее часто в Москве такого рода эргонимы представлены русскими именами, реже — иностранными. Анализ показал, что мужские и детские имена полностью отсутствуют среди номинаций салонов свадебной моды в Москве. Одно наименование представляет собой фамилию: *Shalby*. Остальные (18 наименований) представляют собой женские имена. В их число вошли:

– имена владельцев салонов, дизайнеров, прочие имена, напрямую связанные с бизнесом: *Anastasiya Boksha*, *Arina Bogdanova*, *Nina Sarkisyants*, *Milanovias*;

– женские имена на кириллице: *Аврора*, *Рейна*, *Алия*, *Мирраль*, *Этна*;

– женские имена, написанные латиницей: *Nicole*, *Victoriya*, *Zlata*, *Olga*, *Odeta Wedding*, *Christi wedding*, *Sofia bride*, *Tiffany&Bride*, *Esperance.*

Наиболее частотными антропонимами в структуре эргонимов являются женские имена, что определяется основной целевой аудиторией данной категории организации. Полагаем, что использование женских имен обусловлено красотой их звучания, это придает именованию особую нежность и чувственность. Отмечен пример сочетании женского имени и названия конфеты: *Мэри Трюфель*.

Эргонимы с компонентами — прецедентными феноменами

Эргонимы с компонентами из литературных текстов вызывают положительные ассоциации, чувство связи с культурой. Заметим, что наиболее популярны такие названия в сфере товаров и услуг для детей и чаще всего встречаются в общепите и названиях развлекательных детских центров. Однако в топонимическом пространстве Москвы удалось выявить эргоним *Wonderland*, который, вероятнее всего, связано со сказкой Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» (1865). Данное именование вызывает приятные и теплые эмоции, связанные с чем-то волшебным, загадочным.

Интересным является название салона *Odeta wedding*. В данном случае *Odeta* как антропоним может ассоциироваться с балетом П.И. Чайковского «Лебединое озеро». Именно так звали главную героиню, но вместе с тем, это слово может соотноситься русским кратким прилагательным *одета.*

Эргонимы с антропонимами компонентами-символами

Третья группа наименований состоит из эргонимов с компонентами-символами. Среди подобных наименований московских салонов свадебной моды назовем включающие в себя названия цветов, растений: *Ваниль*, *Пион-Декор*, *Vanilla dream* (англ. ‘ванильная мечта’), *Sakura* (японская слива). Укажем, что в названиях данной сферы используются фитонимы, вызывающих ассоциации с чем-то нежным и легким.

Для наименования свадебных салонов в Москве традиционно используется лексема *лебедь*, нами отмечено название салона *Белый лебедь*. Причем, на наш взгляд, если наименование *Белый лебедь* выглядит гармоничным и традиционным в данной сфере.

В группу эгнонимов, называющих салоны свадебной моды, можно включить названия сезонов и месяцев как символ времени проведения свадьбы: *Весна*, *Vesssna wedding*, *Май май*. Весна считается романтического времени начала чего-то нового.

В топонимическом пространстве Москвы отмечаются эргонимы, содержащие названия драгоценных камней и украшений: *Black Diamond* ‘черный бриллиант’, *Бриллиантовая сказка* и *Diadema* ‘диадема’.

Эргонимы, включающие компоненты, указывающие на сферу деятельности

Ряд номинаций свадебных салонов включают компоненты, указывающие на направленность сферы деятельности:

– продажа платьев: *TOTAL DRESS*, *Dream and Dress*, *YesDress*, *50 платьев*, *Dress&Go*, *La Divina Dress*, *будуарные платья Кати Дорогиной*;

– пошив одежды в ателье: *Sovereign Atelier*;

– стиль: *Art & Stile*, *Retro Romance*;

– прокат одежды: *Arenda wedding fur*, *UniRenter.ru*;

– указание на свадьбу как значимое мероприятие: *wedding* (англ. ‘свадьба’): *Wedding rooms*, *Wedding_keremet*, *Дом свадьбы*, *Mega Day*, *Bosco Ceremony*, *Моя свадьба*, *Свадебный салон Анастасии Сутыриной*, *Свадебный салон*, *Свадебная мечта*, *Волшебная свадьба*, *Свадебные штучки, Wedding rooms*;

– указание на участников свадьбы или свадебные аксессуары: *Дом Невесты*, *Plumage, Prima Bridal*, *Jully Bride*, *Viva Bride*, *Black tie club*, *Blanche Bridal*, *Wonder White*, *White Wave*, *Жених и паника*, *Жених в бегах*, *Жених в шоке*, *Невеста на прокат*, *Невеста в бегах*, *Невеста на грани*, *Фата и фейерверк*, *Кольца и коленца*, *Платье с сюрпризом*.

Эргонимы с топонимическими компонентами

Эргонимы с топонимическими компонентами могут указывать на место расположения салона, но могут использовать просто названия географических объектов, имеющие романтический ореол. Подобные эргонимы могут

использоваться только для привлечения внимания и индивидуализации свадебного салона. Среди таких названий можно назвать: *Валенсия*, *Florintini*, *Монако*, *Валенсия-S*.

К данной группе мы отнесли названия, в которых встречаются номинации типов рельефа: *Лунная долина*, *Лавандовые холмы*, *Солнечный остров*, *Жемчужный риф*, *Лебединое озеро*, *Dreamy Glades* и др.

Система эргонимов, именующих салоны свадебной моды Пекина

Свадебная культура Китая имеет многовековую историю становления и развития, включающую множество ритуалов, восходящих к китайским философским и религиозным верованиям — конфуцианству и древним языческим вероисповеданиям. В разное время среди традиций китайской свадебной церемонии были значимы: обстановка покоев для молодоженов в доме жениха (铺房 pūfáng); поклоны жениха и невесты друг другу после совершения обряда бракосочетания (夫妻对拜 fūqī duìbài); посещение родителей невесты после свадебной церемонии (拜别 bàibié); использование в свадебной церемонии (八抬大轿 bātái dàjiào /轿子 jiàozi) — специального свадебного транспорта, на котором перемещаются молодожены и который несут на руках 8 человек и др. Традиция посещения родителей невесты остались и в настоящее время, как и поклоны жениха и невесты (заметим, что современные свадебные обряды зависят от мировоззрения жениха и невесты). Особо следует отметить, что современная концепция семьи, которая репрезентируется в традиционных свадебных церемониях, изменяется: на первое место выходит демонстрация личных предпочтений. Современные свадебные церемонии во многом напоминают западные свадьбы, а традиционные элементы китайской свадебной культуры подвергаются трансформациям в соответствии с реалиями XXI в.

Эргономическое пространство в Пекине представлено большим количеством наименований салонов свадебной моды, которые, аналогично московским, имеют отличия по форме:

– универбаты: 城市花园婚纱摄影 (CITY GARDEN) ‘Свадебные платья и фотостудия «Городской сад»’, 北遇映画的粉房子 ‘«Розовый дом» свадебные платья и фотостудия Бэй Юй’ (BEIYUSTUDIO), 27° 罗马风情婚纱摄影 (27°Rome)‘Свадебные платья и фотостудия свадебной фотографии «В римском стиле»’, 小小紫房子婚纱摄影‘Свадебные платья и фотостудия «Маленький пурпурный дом»’, 公主嫁到婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Принцесса выходит замуж»’, 紫房子婚纱摄影有限公司 ‘Свадебные платья и фотостудия «Пурпурный дом»’, 北京唯美婚纱婚礼策划礼服馆 ‘Свадебное агенство и магазин свадебных платьев «Красота»’, 挚爱一生婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Любовь на всю жизнь»’, 天地恋人婚纱影楼 ‘Свадебные платья и фотостудия «Влюблённые небо и земля»’,

北京飞鱼婚纱摄影工作室 ‘Свадебные платья и фотостудия «Летающая рыба» в Пекине’, 韩国艺匠‘Свадебный салон и фотостудия «Корейский мастер»’, 我的女孩私人定制婚纱摄影 ‘Свадебные платья на заказ и фотостудия «Мои девочки»’, 纽约纽约时尚婚纱摄影 ‘Модные свадебные платья и фотостудия «Нью-Йорк»’, 巴黎恋人婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Влюблённые в Париж»’, 喜之缘婚庆婚纱儿童摄影 ‘Свадебный салон и детская фотостудия «Счастливая свадьба»’, 屿爱映画婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Остров любви»’.

В Пекине среди эргонимов, образованных по модели универбации, содержащих иноязычные слова, мы можем назвать: 韩国艺匠 Artiz Studio ‘Корейский мастер Artiz Studio’, IVORY·白婚纱礼服精品馆 ‘Бутик белых свадебных платьев IVORY’, DREAM WEAVING 婚纱艺术中心 ‘Центр свадебного искусства DREAM WEAVING’, PM 网红婚纱摄影·Pick up Memory ‘PM Свадебные платья интернет-знаменитостей и фотостудия Pick up Memory’, 罗马映像 FOREVER LOVE 婚纱摄影工作室 ‘Свадебные платья и фотостудия «В Риме FOREVER LOVE»’.

Именования салонов свадебной моды в Пекине, как и в Москве, можно разделить на несколько групп в соответствии с компонентным составом: эргонимы с антропонимами, эргонимы с литературными компонентами, эргонимы с компонентами-символами; эргонимы, включающие компоненты, указывающие на сферу деятельности; эргонимы с топонимическими компонентами.

Эргонимы с антропонимами

В Пекине значительное количество эргонимов с антропонимическими компонентами именуют свадебные салоны. Для китайской лингвокультуры важна индивидуализация, эксклюзивность. Приведем ряд примеров:

– эргонимы с именами владельцев салонов, дизайнеров, и прочими именами, напрямую связанными с бизнесом (на китайском языке): 北遇映画的粉房子 ‘Розовый дом Бэй Юй’, 尚怡婚纱 ‘Свадебные платья Шань И’, 金喜来婚纱婚庆 ‘Свадебные платья Цзин Силай’, 葛澜婚纱礼服专卖店 ‘Магазин свадебных платьев Ге Лан’, 北遇 ‘Бэй Юй’, 雪儿喜沐婚纱 ‘Свадебные платья Сюэр Симу’;

– эргонимы с иностранными именами из сферы культуры: 蒙娜丽莎婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Мона Лиза»’и пр.

Эргонимы с компонентами – прецедентными феноменами

Среди эргонимов *с компонентами – прецедентными феноменами* удалось обнаружить единственное наименование салона свадебной моды Пекина, имеющее историческую отсылку – 唐朝婚纱摄影公司 ‘Свадебные

платья и фотостудия «Династия Тан»’. Данное историческое наименование может указывать на ассортимент продукции, а именно на то, что компания предлагает именно красные традиционные китайские свадебные платья.

Эргонимы с антропонимами компонентами-символами

Большое количество эргонимов, именующих свадебные салоны, включают компоненты-символы, имеющие важное значение для китайской лингвокультуры. В качестве примера приведем следующие названия: 城市花园婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Городской сад»’, 玫瑰星座婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Созвездие роз»’, 北京柚子婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Помело»’.

Для наименования свадебных салонов в Пекине нередко используются номинации птиц и животных: 北京啄木鸟婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Дятел»’, 北京飞鱼婚纱摄影工作室 ‘Свадебные платья и фотостудия «Летающая рыба»’.

Среди наименований времен года и суток мы выделили: 北京巴黎春天婚纱摄影工作室 ‘Свадебные платья и фотостудия «Весна в Париже»’. Наименование «Весна» вызывает нежные ассоциации (в различных словах и выражения иероглиф «весна» 春 используется в переносном смысле, обозная любовь и любовные отношения в разных их проявлениях), а в совокупности с упоминанием с Парижем — чем-то легким, игривым, что, на наш взгляд, отлично подходит для сферы продаж свадебных платьев.

Эргонимы, включающие компоненты, указывающие на сферу деятельности

В последнее время в Китае, как и в России достаточно распространены эргонимы с субъективной направленностью, которые позволяют покупателям по названию магазина определить сферу деятельности магазина. В топонимическом пространстве Пекина находим следующие именования: 紫房子婚纱摄影有限公司 ‘Свадебные платья и фотостудия «Пурпурный дом»’, 新概念婚纱礼服摄影工作室 ‘Свадебные платья и фотостудия «Новые смыслы»’, 屿爱映画婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Остров любви»’, которые отражают торговую направленность магазина и предлагаемый в нем товар.

Эргонимы с топонимическими компонентами

Последняя группа наименований — эргонимы с топонимическими компонентами, включающие следующие виды наименований:

– фактическое местонахождение и/или место производства продукции; также следует отметить, что большая часть географических наименований дублирует эргонимы трех других групп, т.к. способ образования наименования в Китае зачастую предусматривает высокую информативность, поэтому

многие из перечисленных далее именований можно отнести и к другим группам по компонентному составу. Приведем примеры: 北京水晶之恋婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Хрустальная любовь»’, 北京MOLI茉里婚纱 ‘Свадебные платья MOLI’, 北京梵希婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия «Вань Си»’, 北京小房子婚纱摄影‘Свадебные платья и фотостудия «Маленький домик»’, 北京唯美婚纱婚礼策划礼服馆 ‘Свадебное агентство и магазин свадебных платьев «Красота»’, AOLISHA澳利莎婚纱北京高级定制 ‘Свадебные платья на заказ AOLISHA’, 北京沐奇映画婚纱摄影 ‘Свадебные платья и фотостудия Муки’;

– место производства продукции, а также происхождение дизайнера/мастера), как например: 韩国艺匠 Artiz Studio ‘Корейский мастер Artiz Studio’. Следует отметить, что в Китае высоко ценятся корейские товары в сфере красоты, здоровья и моды, поэтому подобные наименования часто используются для привлечения внимания покупателей.

Заключение

На современном этапе развития китайской и русской лингвокультуры ономастика как специальная дисциплина, изучающая онимы различного характера, их функционирование и закономерности образования, является важнейшей частью исследований лингвокультурного пространства. Нейминг как часть ономастики представляет собой особую отрасль научного знания на пересечении лингвистики и маркетинга, которая помогает подобрать объекту яркое и привлекательное наименование, гарантированно повышающее привлекательность и интерес среди потребителей путем воздействия на его сознание.

Анализ свадебных салонов, ведущих свою деятельность в Москве и в Пекине, показывает, что существует значительное совпадение в типах эргонимов русского и китайского языков по типу организации (универбаты) и лексико-семантическим свойствам (разделение на группы по основному компоненту или общему содержанию). Именования салонов свадебной моды в Пекине и в Москве можно разделить на несколько групп в соответствии с компонентным составом: эргонимы с антропонимами, эргонимы с компонентами — прецедентными феноменами, эргонимы с компонентами-символами; эргонимы, включающие компоненты, указывающие на сферу деятельности; эргонимы с топонимическими компонентами.

Московское эргономическое пространство в сфере свадебной моды обладает большей уникальностью и оригинальностью, а пекинское – большей функциональностью и информативностью. Подобное положение вещей связано не только с особенности социокультурного развития носителей русского и китайского языков в последние десятилетия, но и с особенностями функционирования самих этих языков в сознании их носителей.

Список литературы

1. *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. М. : Просвещение, 1983.
2. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного: имя и общество, статус имени собственного, ономастическое пространство и классификация имен, собственные имена в языке и речи, семантика собственных имен. М. : URSS, 2009.
3. *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: вопросы теории и практики. М. : Либроком, 2012.
4. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978.
5. *Королева И.А.* К вопросу о старых прозвищных именах на Руси // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2025. С. 94-97. EDN: SFUBQF
6. *Горбаневский М.В.* Ономастика в художественной литературе: Филологические этюды. М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. EDN: TYAKZI
7. *Супрун В.И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: автореферат дис. ... д-ра филол. н. Волгоград, 2000. EDN: QDWQTD
8. *Бекасова Е.Н., Супрун В.И.* XIX Международная научная конференции «Ономастика Поволжья» // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 2. С. 263–269. EDN: HSTNOB
9. *Васильева Н.В.* Метафорические термины в метаязыке ономастики // Ономастика Поволжья. Материалы XXI Международной научной конференции. Рязань : Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2023. С. 26–30. EDN: GDSOJA
10. *Сызранова, Г.Ю.* Ономастика. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013.
11. *Шмелева Т.В.* Великий Новгород: ономастический портрет: научная монография. Великий Новгород : Печатный Двор, 2020. EDN: FUWGQJ
12. *Шмелева Т.В.* Ономастика. Славянск-на-Кубани : Издательский центр фил. КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2013.
13. *Казнина Е.А.* Современная ономастическая терминология: проблема понимания и перспективы развития // Верхневолжский филологический вестник. 2022 № 3 (30). С. 67–75. https://doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-67-75 EDN: RLQZRC
14. *Баркова Н.Ю.* Подходы к определению термина «ОНОМАСТИКА» // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 50. С. 2732–2736. EDN: NAMDIV
15. *Ананьева Н.Е.* Опыт сопоставительной литературной ономастики (на материале библионимов польского и русского языков // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2024. № 1. С. 67–82. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-01 EDN: PQSEZR
16. *Ковалев Г.Ф.* Элементы автобиографзма в ономастике творчества русских писателей // Имя в пространстве культуры. Коллективная монография к 80-летию профессора Г.Ф. Ковалева. Воронеж : Воронежская областная типография – изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2023. С. 233–249.
17. *Апончук И.И., Сюмэй С., Шутин Ч.* Современная ономастика в российской и китайской культурах // Язык, наука и техника в диалоге культур. материалы Международной студенческой научно-практической конференции. Иркутск : Иркутский национальный исследовательский технический университет, 2021. С. 12–16. EDN: ZCUFKQ
18. *Филиппова Е.П., Шемонаева О.С.* Культурологические и методические аспекты изучения и преподавания ономастики (на примере эргонимов г. Орехово-Зуево) // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2023. № 2. С. 133–141. EDN: UHFFDB
19. *Новоспасская Н.В., Перфильева Н.В., Лазарева О.В., Никашина Н.В.* Эргонимы-названия свадебных салонов на материале русского и английского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2—2(68). С. 158–162. EDN: XWRSWR
20. *Перфильева Н.В., Новоспасская Н.В., Лазарева О.В.* Эффективность коммерческого имени // Вопросы психолингвистики. 2017. № 33. С. 92–107. EDN: ZGQHXH

21. *Чжан Хунин.* Антропонимы как социальный феномен // Материалы XXIII Международной научно-практической конференции «Кирилло-Мефодиевские чтения» (в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 24 мая 2022 г.): сб. статей / гл. ред. М.Н. Русецкая. М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2022. С. 747–750.
22. *Чжан Хунин, Мамонтов А.С.* Женские мифоантропонимы в русских и китайских фразеологизмах // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: сб. статей Международной научно-практической конференции. Москва, 14–15 апреля 2022. М. : РУДН, 2022. С. 440–448.
23. *Вэн Цзятун, Супрун В.И.* Урбанонимические традиции России и Китая: взгляд сквозь века // Социолингвистика. 2022. № 3(11). С. 136–149. https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-11-136-149 EDN: WJADNY
24. *Вэн Цзятун.* Сопоставительный анализ ономастических реалий русского и китайского языков с точки зрения калькирования (тематическая группа названия провинциальных административных территорий) // Ономастика Поволжья: материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рожд. лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля. Оренбург, 11–12 нояб. 2021 г. Оренбург : Оренбургская книга, 2021. С. 34–38.
25. *Ван Ян.* Универбация как продуктивный способ словообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11(53). С. 51–56.
26. *Новоспасская Н.В, Николич Милина*. Концепт свадьба в русском и сербском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 2. С. 31–37. EDN: PXZTNT

References

1. Bogdanov, V.V. (1990). *Speech communication. Pragmatic and Semantic Aspects.* Leningrad: Bondaletov, V.D. (1983). *Russian Onomastics*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.).
2. Superanskaya, A.V. (2009). *Own Lemen Weisen Theory: Name and Society, the Status of a Proper Name, Onomastic Space and Classification of Names, Proper Names in Language and Speech, Semantics of Proper Names*. Moscow: URSS. (In Russ.).
3. Superanskaya, A.V., Podolskaya, N.V., & Vasilyeva, N.V. (2012). *General Terminology: Issues of Theory and Practice*. Moscow: Librocom. (In Russ.).
4. Podolskaya, N.V. (1978). *Dictionary of Russian Onomastic Terminology*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Koroleva, I.A. (2025). On the Question of Old Nickname Names in Russia. In: *Regional onomastics: problems and prospects of research: collection of scientific articles* (pp. 94–97). Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Mascherova. (In Russ.). EDN: SFUBQF
6. Gorbanevsky, M.V. (1988). *Onomastics in Fiction: Philological Studies*. Moscow: Publ. RUDN University. (In Russ.). EDN: TYAKZI
7. Suprun, V.I. (2000). Onomastic Field of The Russian Language and Its Artistic-Aesthetic Potential: Dis Abstract [PhD Thesis]. Volgograd. (In Russ.). EDN: QDWQTD
8. Bekasova, E.N., & Suprun, V.I. (2022). XIX International Scientific Conference “Onomastics of the Volga region”. *Questions of onomastics*, *19*(2), 263–269. (In Russ.). EDN: HSTNOB
9. Vasilyeva, N.V. (2023). Metaphorical Terms in the Metalanguage of Onomastics. In: *Onomastics of the Volga region. Materials of the XXI International Scientific Conference* (pp. 26—30). Ryazan: Ryazan State University. S.A. Yesenina. (In Russ.). EDN: GDSOJA
10. Syzranova, G.Yu. (2013). *Onomastics.* Tolyatti: Togliatti State University Publ. (In Russ.).
11. Shmeleva, T.V. (2020). *Veliky Novgorod: An Onomastic Portrait: A Scientific Monograph*. Veliky Novgorod: Pechatny Dvor. (In Russ.). EDN: FUWGQJ
12. Shmeleva, T.V. (2013). *Onomastic*. Slavyansk-on-Kuban: KubGU publ. in Slavyansk-on-Kuban. (In Russ.).

13. Kaznina, E.A. (2022). Modern Onomastic Terminplogy: The Problem of Understanding and Prospects of Development. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 3(30), 67–75. (In Russ.). https://doi.org/10.20323/2499-9679-2022-3-30-67-75 EDN: RLQZRC
14. Barkova, N.Yu. (2022). Approaches to the Definition of the Term "onomastics". *Innovations. Sciences. Education*, 50, 2732–2736. (In Russ.). EDN: NAMDIV
15. Ananyeva, N.J. (2024) An Essay in Comparative Literary Onomastics (Based on Polish and Russian Biblionyms). *Lomonosov Philology Journal*. *Series 9. Philology*, 1, 67–82. (In Russ.). https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-01- EDN: PQSEZR
16. Kovaleva, G.F. (2023). Elements of Autobiography in the Onomastic of Creativity of Russian Writers. In: *Name in the space of culture*. *A collective monograph dedicated to the 80th anniversary of Professor G. F. Kovalev* (pp. 233–249). Voronezh: E. A. Bolkhovitinova publ. (In Russ.).
17. Aponchuk, I.I., Xiumei, S., & Shutin, Ch. (2021). Modern Onomastics in Russian and Chinese Cultures. In: *Language, science and technology in the dialogue of cultures*. Materials of the International Student Scientific and Practical Conference (pp. 12–16). Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. (In Russ.). EDN: ZCUFKQ
18. Filippova, E.P., & Shemonaeva, O.S. (2023). Culturological and Methodological Aspects in the Study and Teaching of Onomastics (on the Example of the Town of Orekhovo-Zuevo). *Vestnik of State University of Humanities and Technology*, 2, 133–141. (In Russ.). EDN: UHFFDB
19. Novospasskaya, N.V., Perfilyeva, N.V., Lazareva, O.V., & Nikashina, N.V. (2017). Ergonyms-Names of Wedding Salons by the Material of Russian and English. *Philology. Theory & Practice*, 2-2(68), 158–162. (In Russ.). EDN: XWRSWR
20. Perfilyeva, N.V, Novospasskaya, N.V., & Lazareva, O.V. (2017). Effect of the Commercial Name. *Questions of psycholinguistics*, 33, 92–107. (In Russ.). EDN: ZGQHXH
21. Zhang, Huning. (2022). Anthroponyms as a Social Phenomenon. In: *Proceedings of the XXIII International Scientific and Practical Conference "Cyril and Methodius Readings" (within the framework of the International Cyril and Methodius Festival of Slavic Languages and Cultures, May 24, 2022): collection of articles*, Chief editor M. Rusetskaya (Ed.) (pp. 747–750). Moscow: Pushkin Museum of Fine Arts publ. (In Russ.).
22. Zhang, Huning, & Mamontov, A.S. (2022). Female Mythoanthroponyms in Russian and Chinese Phraseological Units. In: *Language as art: functional semantics and poetics: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, April 14–15, 2022* (pp. 440–448). Moscow: RUDN University publ. (In Russ.).
23. Wen, Jiatong, & Suprun, V.I. (2022). Urbanonymic Traditions of Russia and China: A Look through the Centuries. *Sociolinguistics, 3*(11), 136–149. (In Russ.). https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-11-136-149 EDN: WJADNY
24. Wen, Jiatong. (2021). Comparative Analysis of Onomastic Realities of the Russian and Chinese Languages from the Point of View of Calculus (Thematic Group of Names of Provincial Administrative Territories). In: *Onomastics of the Volga region: proceedings of the XIX International Scientific Conference, dedicated to 220th anniversary of his birth. lexicographon, folklore purnytsyant dy ruzon sermadytsyant V.I. Dalen*. Orenburg, E.N. Bekasova, V.I. Suprun, P.A. Yakimov (eds.) (pp. 34–38). Orenburg: Orenburg Book. (In Russ.).
25. Wang, Yang. (2015). Universalization as a Productive Way of Word-Formation. *Philology. Theory & Practice*, 11(53), 51–56. (In Russ.).
26. Novospasskaya, N.V., & Nicolich, Milina. (2012). The Concept of Weddingin Russian and Serbian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 31–37. (In Russ.). EDN: PXZTNT

Сведения об авторах:

Ван Шихао, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: русистика, лингвистическая семантика, эргонимы; *e-mail*: 601247581@QQ.com

Лазарева Олеся Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, ответственный секретарь журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика», Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: сопоставительная грамматика и лексика, язык для специальных целей, семиотика; *e-mail*: lazareva-ov@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-1227-4493; Scopus ID: 57225183694; Researcher ID: AAB-6284-2019; SPIN-код: 3134-3369; Author ID: 627991.

Баров Сергей Андреевич, кандидат политических наук, независимый исследователь; *сфера научных интересов*: контрастивная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: barov1986@mail.ru
ORCID: 0009-0008-4844-1549. SPIN-код: 2325-8802, AuthorID: 620017.

Цзинь Лянь, кандидат филологических наук, независимый исследователь; *сфера научных интересов*: сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание; *e-mail*: 1044558980@qq.com

Information about the authors:

Van Shihao, Postgraduate Student of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198*)*; *Research interests*: Russian Studies, Linguistic Semantics, onyms; *e-mail*: 601247581@QQ.com

Olesya V. Lazareva, PhD in Philology, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, Executive Secretary of Editorial Team of RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: language for special purposes, comparative grammar and lexis, semiotics; *e-mail*: lazareva-ov@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-1227-4493; Scopus ID: 57225183694; Researcher ID: AAB-6284-2019; SPIN-code: 3134-3369; Author ID: 627991.

Sergey A. Barov, PhD in Political Science, Independent researcher (Moscow, Russian Federation); *Research interests*: contrastive linguistics, linguocultural studies; *e-mail*: barov1986@mail.ru
ORCID: 0009-0008-4844-1549, SPIN-code: 2325-8802, AuthorID: 620017

Jin Lian, PhD in Philology, Independent researcher (Moscow, Russian Federation); *Research interests*: Comparative historical, typological and contrastive linguistics; *e-mail*: 1044558980@qq.com

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 115–132
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-115-132
EDN: HUUHHU

Research Article / Научная статья

The Influence of Medieval Ornithonyms on the Kazakh People's Culture and Language

Botagoz M. Suiyerkul[1], Kaldybay A. Kydyrbayev[2]✉, Anar A. Mustafayeva[3], Mergul S. Kulakhmetova[4]

[1]International Educational Corporation, *Almaty, the Republic of Kazakhstan*
[2]Nur-Mubarak Egyptian University of Islamic Culture, *Almaty, the Republic of Kazakhstan*
[3]Al-Farabi Kazakh National University, *Almaty, the Republic of Kazakhstan*
[4]Margulan University, *Pavlodar, the Republic of Kazakhstan*
✉ afira-62@mail.ru

Abstract. The study of ornithonyms, which represent an important layer of our vocabulary, is of significant value for both biological and linguistic sciences. The disappearance of bird names following the loss of the species themselves makes it urgent to fix and preserve them. If biologists strive to preserve fauna, then linguists are responsible for preserving names, since ornithonyms, as well as the stable expressions and paremiological units in which they are used, reflect elements of national consciousness, cultural beliefs and a historically formed worldview. Ornithonyms are not only the names of specific biological objects, but also a valuable linguistic unit capable of reflecting the lexical richness and features of the ethnocultural picture of the world. This article examines the ornithonyms recorded in the medieval Turkic writing monument "Kitab Tarjuman", in comparison with their counterparts in modern Kazakh language. The research includes a lexical and semantic analysis of these units, the identification of their correspondences in related Turkic languages, as well as the study of their use in Kazakh proverbs and sayings. The work is aimed at identifying the continuity of lexical units and preserving the linguistic heritage. The results of the study demonstrate that ornithonyms reflect the ethnocultural picture of the world, national mentality and are valuable for linguistics as structural elements of language, enriching the cognitive, ethnolinguistic and diachronic studies on the Turkic heritage. Linguistic analysis of the Kitab Tarjuman monument makes it possible to recreate the worldview of the ancestors, and proverbs and phraseological units with ornithonyms serve as an important source for studying the cognitive and ethnolinguistic aspects of the language.

Key words: Kitab Tarjuman**,** birds, proverbs and sayings, language perception, Turkic languages

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interest.

Article history: Received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025

© Suiyerkul B.M., Kydyrbayev K.A., Mustafayeva A.A., Kulakhmetova M.S., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

For citation: Suiyerkul, B.M., Kydyrbayev, K.A., Mustafayeva, A.A., & Kulakhmetova, M.S. (2026). The Influence of Medieval Ornithonyms on the Kazakh People's Culture and Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 115–132. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-115-132 EDN HUUHHU

Влияние средневековых орнитонимов на культуру и язык казахского народа

Б.М. Суйеркул[1], К.А. Кыдырбаев[2]✉, А.А. Мустафаева[3], М.С. Кулахметова[4]

[1]Международная образовательная корпорация, *Алматы, Республика Казахстан*
[2]Египетский университет исламской культуры Нур-Мубарак**,** *Алматы, Республика Казахстан*
[3]Казахский национальный университет имени аль-Фараби, *Алматы, Республика Казахстан*
[4]Маргулан университет, *Павлодар, Республика Казахстан*
✉ afira-62@mail.ru

Аннотация. Изучение орнитонимов, представляющих собой важный пласт казахской лексики, имеет значительную ценность как для биологических, так и для лингвистических наук. Исчезновение названий птиц вслед за утратой самих видов делает актуальной задачу по их фиксации и сохранению. Если биологи стремятся к сохранению фауны, то лингвисты несут ответственность за сохранение наименований, поскольку в орнитонимах, а также в устойчивых выражениях и паремиях, в которых они используются, отражаются элементы национального сознания, культурные представления и исторически сложившееся мировоззрение. Орнитонимы представляют собой не только наименование конкретных биологических объектов, но и ценную языковую единицу, способную отразить лексическое богатство и особенности этнокультурной картины мира. В данной статье рассматриваются орнитонимы, зафиксированные в средневековом тюркском памятнике письменности «Китаб Тарджуман», в сопоставлении с их аналогами в современном казахском языке. Исследование включает лексико-семантический анализ этих единиц, выявление их соответствий в родственных тюркских языках, а также изучение их употребления в казахских пословицах и поговорках. Работа направлена на выявление преемственности лексических единиц и сохранение языкового наследия. Результаты исследования демонстрируют, что орнитонимы отражают этнокультурную картину мира, национальный менталитет и ценны для лингвистики как структурные элементы языка, обогащающие когнитивное, этнолингвистическое и диахроническое исследование тюркского наследия. Лингвистический анализ памятника «Китаб Тарджуман» позволяет воссоздать мировоззрение предков, а пословицы и фразеологизмы с орнитонимами служат важным источником для изучения когнитивных и этнолингвистических аспектов языка.

Ключевые слова: Китаб Тарджуман, птицы, пословицы и поговорки, языковое восприятие, тюркские языки

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Suiyerkul B.M., Kydyrbayev K.A., Mustafayeva A.A., Kulakhmetova M.S.* The Influence of Medieval Ornithonyms on the Kazakh People's Culture and Language // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 115–132. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-115-132 EDN HUUHHU

Introduction

Ornithonyms have always been a source of interest as linguistic units to people. At first glance, they are just bird names, but in a more detailed view, the meanings of those words turn out to be multi-layered. In languages with different structures or even relative languages, the ornithonyms have been assigned various associative and symbolic meanings; this is due to people's attraction to birds. The reason lies in the fact that the ability to fly and the wings – which people have dreamt of possessing for eternity – are attributes given to birds.

The objective of this work is to perform a comparative study of the linguistic units that are part of the 'ornithonyms' lexical-semantic group (henceforth referred to as LSG) in the written monument with those in modern Kazakh and other Turkic languages. Also, it aims at taking a closer look at the connotative component, i.e., secondary meaning of ornithonyms in the mentioned languages, their use in a figurative sense; and defining the usage peculiarities of bird names as paremiological units' components. To achieve this goal there is a need for clarifying the contents of the concepts 'lexical-semantic field' and 'lexical-semantic group'. It is also beneficial to classify and group paremiological units with an ornithonym component in Kazakh ethno-linguistic, explanatory and historical dictionaries. Besides, birds are known to have played an important role in the lives and household of Turkic and other nations. Therefore, there are many fables related to birds in our folklore. Some of them are based on religious knowledge.

According to the ancient Turkic Tanir notion, *bird is deemed as the owner of the sky, guardian of the sky, messenger of the heavenly world, the best of all winged creatures*. The above-mentioned descriptions are assumed to be about eagle, pigeon, firebird, it can be deduced that in accordance with early Turks' outlook, *reign and governance* are derived from the eternal sky. Also, **bird** was considered the master and guardian of Tanir the Protector. Among them the most revered was eagle for its vigilance and skillfulness for nomads, therefore they decorated their flags with an *eagle's image* to symbolize dominance.

Currently, the image of a bird is widely used as a symbol in heraldry, politics, in national currencies. It is not a coincidence that they are depicted in the national symbols of many countries, for instance, the soaring eagle on the national flag of the Republic of Kazakhstan is conceived as the undying sign of freedom and independence. The fact that *eagle* which has been known as the traditional symbol of imperial and state governance is reflected in the national emblems of Russia, the USA, in the banknotes of states like Albania, Zambia, the United Arab Emirates, Oman, necessitates a special study of the use and symbolism of the bird image in heraldry [1].

Thus, it is possible to define the role and importance of bird names in the life of the nation, the collective consciousness of different nations in the world with precision, through paying more attention to their connotative meanings along with their denotative meanings. By intercomparing the number of bird names in certain languages one can discover how well the speakers of those languages got to know the world and universe, by looking into superstitions related to birds — how they cherished the nature, by assessing how efficiently they used bird names while naming babies, bringing up kids, evaluating people's behavior, their good and bad actions — how closely they communed with nature. All this, at the end of the day, backs up the importance of unraveling the informative data preserved in the historical memory of an ethnos by analyzing the linguistic data manifested in their written monuments. In this regard, the monument 'Kitab Tarjuman' written in 14th century and the lexical-semantic group "ornithonyms" in the modern Kazakh have been selected as the targets of research.

Materials and Research Methods

The research work applies such methods as compiling, analyzing as well as historical-comparative, lexical-semantic, component-seme analysis, ethno-linguistic, pragma-linguistic, ethno-cultural analysis.

During the study the *comparative method* was widely used to identify similarities or differences between objects and phenomena, as well as to find features that are intrinsic to two or more objects.

The semantic framework of linguistic data in the historical archive written for lexicographic purpose was investigated in comparison with modern Turkic language materials. In particular, special attention was paid to the semantic meaning of bird names in modern Kazakh and Turkish languages and the use of particular ornithonyms in a figurative sense.

The methods of pragmalinguistic and linguocognitive analysis were also partly used to define how the pragmatic load applied to actively used bird names that are often found in sources and firmly grounded in the cognitive consciousness of the linguistic community, increasing their semantic potential.

Attention was also paid to the names of birds in works of art (Khorezmi's 'Love Letter') written in the same historical period as 'Tarjuman' in order to fully reveal the contextual meaning of figurative uses ('parrot in the net'), which have already formed in the system of artistic thought of the medieval linguist.

In general, the study of the text is carried out from a different methodological point of view. Here it is important to point out four key approaches that dominate in modern text linguistics:

1) linguistic ('language-text' relationship aspect);

2) textual (text as an independent structural and semantic integrity, considered as an entity separate from its author);

3) anthropocentric ('author-text-reader' relationship aspect);

4) cognitive ('author-text-non-textual reality' relationship aspect). During the study, we tried to use these methods in a complex way. As a result, it was found

that the cognitive content of the signs that determine the linguo-semiotic patterns inherent in the structural and semantic organization of a poetic text and its multifaceted features directly depends on such methodological priorities as 'time' and 'space' and pre-national linguistic traditions.

The discovery of implicit information and semiotic codes in the historical text can be achieved only through cognitive semantics. In the analysis of internal and external connections in the semantic structure of the word, the changes that occur due to the systematic nature of the language and the symbolic nature of language are determined within the semantic field itself. That is to say, if language is a symbolic system characterized by numerous semantic relations, these relations are especially reflected in the historical poetic texts. Therefore, it is essential to refer to the artwork materials during the research.

Literature Overview

There have been many related studies performed in linguistics with regards to bird names (N.Y. Kostina; K.A. Sakhibullina; M.V. Kutyeva; O.B. Simakova, etc.), books written (J. Babalyqov, A. Turdybayev; A. Margulan; Y. Raushanov), research articles published (Kamil Önal; B.M. Suiyerqul, N.N. Bigeldieva; A.Y. Bolys and others). As this overview illustrates, the bird names system has been considered in the materials of other languages more, however, there have not been many investigations performed from a historical-comparative perspective yet. Therefore, the topicality of this research is related to the following: first, that the lexical-semantic group under analysis plays a big role in the lives of contemporary Turkic nations and is reflected in their languages; secondly, there are few comprehensive researches on the lexical-semantic group 'ornithonyms' and bird names as components of phraseological and paremiological units in the Kazakh and Turkic languages; thirdly, the associative and symbolic meanings of ornithonyms in Turkic languages are diverse and they have not been studied diachronically, this might spark interest in ethno-linguistic and linguo-cultural perspectives.

The theory of semantic field founded in the 20th century drew the attention of scholars to the study of systematic relations in languages. Many research works studying semantic fields as well as units (words and word combinations) — lexical-semantic groups (LSG) unified by a common semantic component[1]. The categorical-lexical core of the group 'Ornithonyms' is a seme 'bird' which is identified and clarified by other (differential) semes in bird names. This group accommodates nouns having the general meaning of "winged, feathered, two-legged, beaked … backboned animals"[2].

Generally, in linguistics there are some difficulties regarding lexical-semantic analyses of words. To perform such analysis, it is required to pay attention to the

[1] Akhmanova, O.S. (2004). *Dictionary of Linguistic Terms.* Moscow: Edititorial URSS. (In Russ.). EDN: QQUQNX

[2] Ozhegov, S.I. (1984). *Russian Dictionary.* Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.).

epidigmatic, paradigmatic and syntagmatic relations between words, lexis stylistic classification, words recordkeeping based on their stylistic features, complex semantic peculiarities and renovations inherent to lexical units, lexical meanings typology. The lexical-semantic analysis of a linguistic unit covers three dimensions of the word. The identification of the semantic structure of a monosemantic or a polysemantic word is called **epidigmatic analysis**, and it unravels the internal semantic structure of the word, determines the relations between its lexical-semantic variations (LSV), types of lexical meaning (LM), meanings figurativeness, lexical-semantic variations' seme structure, the types and methods of their seme-based interactions. Thus, epidigma happens to be a staged comprehensive set of the meanings of a polysemantic word in our language, historically established and derived from each other. The word epidigma includes four meanings: *significative, structural, emotive, denotative meanings*. The significative meaning of a lexical unit is the holistic picture of objective world fragments. It is the notion signified by the word. In dictionaries it is presented as an explanation. *The structural meaning* unfolds through the relations of units to each other. Each unit fixed in the system enters into convergent, intercrossed linear (horizontal), networking or syntagmatic relations, and non-linear (vertical) paradigmatic relations with other units. This allows for distinguishing certain *lexical-semantic variants* of a word. *The emotive meaning* bears a pragmatic nature and indicates the speaker's attitude to words, their meanings as well as their impact on people, their relations established in linguistic usage. *The denotative meaning* (actual meaning) sets various directions of a lexical meaning towards the object it denotes [2].

During the epidigmatic analysis of a word meaning, its integral and differential attributes that differentiate one of its meaning from another and identify the meanings' derivative in-word causalities, will be reviewed, and it will be defined if they are structures consisting of simple units. E.g., **BIRD** — noun. zoology. 1. *Feathered, winged, two-legged, beaked creatures of different shapes that mostly fly.* ... Those who disowned my land, protect my saigas! Do not shoot my *birds*, do not mow my grass! (M. Maqatayev, The Rock). The *bird* flies with its wings and lands with its tail 'proverb). 2. *A bird domesticated or hunted for its beauty, feather, meat and eggs.* Two systems can be employed for attending swimming *birds* and turkeys (poultry keeper)[3].

From this explanation it can be inferred that the bird LSG is divided into the two groups of 'wild birds' and 'domestic birds'. As hunters define, birds are divided into two big groups, created opposite to each other. The first is *permissible birds,* the other is *hoofed birds*[4]. **Permissible birds** are a group of useful birds whose

[3] Kuderinova, K., & Uderbayev, A. (2011). *Dictionary of the Kazakh Literary Language* (Vol. 15). Almaty : Dauir; Malbakov, M., Ongarbayeva, N., Uderbayev, A., etc. (2011). *Dictionary of the Kazakh Kazakh Literary Language* (Vol. 10). Almaty : Dauir.

[4] Margulan, A. *Birds of prey and their natural features*. URL: https://el.kz/content-3317_2578/ (accessed: 5.01.2022). (In Turk.).

meat, eggs can be eaten and soft fur can be utilized. **Hoofed birds** — as they are intuitive, sensitive by nature, they were deemed as the most valuable for hunting with. The birds like *eagle, hawk, falcon* also belong in this group. The Kazakh people classified birds depending on what they eat as 'birds of prey' 'eagle, black kite, eagle-owl, owl, etc.,), used in hunting animals, that eat meat and are not edible, and 'permissible birds' that eat fodder and feeding stuff, i.e., *domestic birds* like hen, goose, duck, turkey and *wild birds*.

Also, interesting facts can be encountered in various legends and tales about the ornithonyms like *swan, pigeon, eagle, owl, swallow,* labelled as revered birds according to the people's mentality. Apart from these, word combinations like 'bird of luck', 'bird of mood', 'bird of dream' associated with flying/alighting activities of the bird, have many connotative meanings. In use they are conceived based on their associative meanings. If we consider fixed linguistic units formed with the involvement of the word 'bird' within a lexical-semantic field, the following is how they are manifested in the modern Kazakh:

Bird of dream. *One's thought, dream.*

Birds in the sky ceased to fly, wind ceased to blow. *It was very quiet, deafening silence was set*.

One had a dog run and a bird fly from beneath of someone. *One scared, freightened someone*.

(stallion) that bit a bird 'bird's tail).

a) *Fast, mobile*;

b) *Eloquent, sharp-tongued, impetuous*;

c) *well-spoken, knowledgeable, articulate.*

Bird of luck. poetic. *Luck is like a bird, it comes flying and lands on one's hands, happiness, rejoice.*

Bird of luck landed on his head. *He has been bestowed with luck and prosperity.*

One did not let a bird fly over someone. *One brought someone up cherishing and indulging him/her.*

One's bird left/flew off his head. *His is no longer lucky, lacks fortune*.

Bird of peace. *Symbol of a peaceful life; dove.*

Bird of wealth. *Wealth, luck*.

Bird of will. poetic. *Power of will, tenacity.*

The rambling/running animal, flying bird. *All animals on earth.*

Permissible birds. hunting. *A group of useful, halal birds the meat and eggs of which can be eaten, soft fur can be utilized*.

Bird of year. a) B*irds which fly away to warm places in autumn and return in spring.* b) *Someone who comes rarely, thus is missed 'guest).*

Bird of poem. Poetic. An i*nspiration for a poem; muse.*

One ran the dog and flew the bird. *Entertained and enjoyed*.

The bird flew off his soul. *One lost his grace, bliss*.

Bird of spirit. poetic. *Precious secret, deeply rooted feeling*.

Bird of reverie. *Dream, thought, goal*.

Congratulations on (winning) your bird. *A wish to a newly married man in the sense of 'Happy wedding!'.*

Hoofed bird. hunting. *Hunter birds, eagle birds*[5].

This list can go on meaning that phraseologisms fixed linguistic units pertaining to birds especially poetical usages are not limited by these. However, our goal is not identifying their quantity, but looking into the content and analyzing their meanings.

The Results of the Study

Bird names were covered to some extent in the work deemed as shared heritage for the modern Turkic nations 'Kitabu majmu' tarjuman turki ua a'djami ua mughuli ua farsi' too. In regard to when the work was written, in its end it is stated it was completed in 1245 on January 28 (in some sources — 1343). The dictionary was written to be placed in Haji Kemal ad-Din's library. The original is kept at the Leiden Academic Library, Netherlands (№ 517)[6].

In 1970 A. Kuryshanov, a Kazakh scholar, in his work "Research on the lexis of the ancient Kipchak written monument of XIII century — the Turkic-Arabic dictionary" based on M.T. Houtsman's study, comprehensively studied the above-mentioned dictionary and translated into Russian [3].

The lexical content of the monument 'Kitab Tarjuman' was classified by the author according to the then template as 'nouns/names' and 'verbs' in two big groups. The first part of the dictionary dedicated to nouns is considerably hefty and as mentioned above, it consists of names classified to 26 chapters based on lexical-semantic meanings. The second part consists of verbs that come by the order of the 27 letters of the Arabic alphabet (no examples for ة and ى). Therefore, it can be asserted that the first part of the dictionary is systematized based on thematic groups while the second part is alphabetized. In both parts Arabic words precede their equivalents in the Turkic language [4]. Only in the part devoted to proper nouns (part 22), vice-versa, the Turkic words follow their Arabic versions.

The bird names targeted in our research are covered on page 6 of the dictionary. It comprises 30 ornithonyms actively used in Turkic languages in the middle ages:

qush — قُوش — qus 'bird';
atmacha toghan — اَطْمَاچَا طُغَانْ — aq tuyghyn 'white hawk';
baiqush — بَايْ قُشْ — baighyz 'owl';
balaban — بَلَبَانْ — qarshygha 'goshawk';
büldirchin — بُلْدِرْچِينْ — bödene 'common quail';
daghyq — دَغِقْ, daquq — دَقُقْ — tauyq 'hen';
deglükech — دَكْلُوكَچ — kezquyryq 'black kite';

[5] Malbakov, M., Ongarbayeva, N., Uderbayev, A. & et al. (2011). *Dictionary of the Kazakh Literary Language* (Vol. 10). Almaty : Dauir. (In Kazakh).
[6] Houtsma, M. T. (1894). *Turkish-Arabic Glossary.* Leiden. (In Germ.).

yabalaq — يَبَلَقْ — japalaq ‘eagle owl’;
yarasa — يَرَسَا — jarghanat ‘bat’;
köverchin — كُوَرْچِينْ — kögershin ‘dove’,
küchigen — كُچْكَنْ — küshigen ‘black vulture’,
qaz — قَازْ — qaz ‘goose’,
qaraqush — قَرَاقُشْ — qaraqus, quzghyn ‘common raven’,
qargha — قَرْغَا — qargha ‘crow’,
qarlaghach — قَرْلَغَاچْ — qarlyghash ‘swallow’,
qartal — قَرْطَلْ — bürkit ‘eagle’,
qylquyryq — قِلْ قُيَرُقْ — qaraquyryq, qylquyryq ‘Palas’s sandgrouse’,
lachyn — لَچِيْن — lashyn ‘peregrine falcon’,
ögeyik — أُكَايِكْ — kepter ‘pidgeon’,
ördek — أُورْدَكْ — üirek ‘duck’,
saghyzghan — صَاغِزْغَان — sayusqan ‘common magpie’,
sercha — سَرْچَا, — sarsha ‘sparrow’,
sunqur — سُنْقُرْ — sunqar ‘falcon’,
syghyrchuq — صِغِرْچُقْ — qara torghay ‘common starling’,
tavshanchyl — طَوْشَانَچِيْلَ, tyshqanshyl ‘keen on mice’ /when the eagle grows old, it hunts on mice;
toghan — طُغَان — tuyghyn ‘hawk’, bird of prey’;
toy — طُيْ — duadaq ‘great bustard’,
turna — طُرْنَا — tyrna ‘grus’,
horus — خُرُوْسْ — qoraz, atesh ‘rooster’
chypchuq — چِيْچُوق — shymshyq ‘siskin’ [5].

Most of the mentioned birds are currently used in the modern Turkic languages with some minor peculiarities. It can be proven by their versions presented in the 15-volume Dictionary of the Kazakh Literary Language[7] as well as in the dictionaries of relative Turkic languages.

Baiqush ‘baighyz ‘little owl’’ — a nocturnal bird with a spotty brown back, whitish motley front, pointed and hooked beak. It is a cavity nester with its nest found in cliff holes and caves [8].

If the peculiarities of ornithonym ‘Baighyz’ in Turkic languages were to be exhibited according to E.V. Sevortian’s etymological dictionary: “1. owl — in all sources except Kabardino-Balkarian, Kyrgyz., Karakalpak, Tatar, Bashkir; eagle-owl — Tatar; small owl — Tatar; 2. Jar-owl ‘bird’ — Kyrgyz, Karakalpak; 3. Barred owl — Bashkir; 4. Poor thing — ‘metaphor’ Kabardino-Balkarian, Kyrgyz, Kazakh, Karakalpak, Tatar, Bashkir” [9]. Traditionally small owl’s crowing was conceived as a bad luck, therefore there have been established different

[7] Kuderinova, K., & Uderbayev, A. (2011). *Dictionary of the Kazakh Literary Language* (Vol. 15). Almaty : Dauir. (In Kazakh).
[8] Kaliyev, G., Bizakov, S., & Nakysbekov, O. (2011). *Dictionary of the Kazakh Literary Language* (Vol. 2). Almaty. (In Kazakh).
[9] Sevortyan, E.V. (1974, 1978). *Etimological Dictionary of Turkic Languages.* ‘Vols. 1–2). Moscow: Nauka. (In Russ.).

superstitions vis-à-vis this bird. As per ethnographers' writings, the Kazakhs would move the house if a small owl perched on it and re-build it somewhere else, or take it as a bad luck and go so far as to burn down that house or even burn it down. "E, baighus-ai (oh, poor thing)", an expression the Kazakhs say when they feel for someone, must have stemmed from this. Another bird which is mentioned in "Kitab Tarjuman", pictured positively in the collective consciousness of the modern Turkic nations is a ***swallow***.

Qarlaghach (qarlyghash (swallow)) —

1. A small black-white bird with long and pointy wings and forked tails.

2. fig. Herald, beginning of the new. This mountain is Marusya's mountain. The eternal land of the first *swallow* of a good life.

3. fig. An initiator of something new, business. One of the first swallows of the Europea science is the famous Roger Backon (D. Kobesov, Undying star). The members of our youth komsomol squad "Edelweiss", too, are one of first swallows who took an initiative in our republic (Knowledge and labor).

4. Fig. expr. Offspring, child, posterity. On his way he stopped by his house and took Sunqar and Mirash (boy name), his two swallows with himself. "My two swallows came, I am thrilled to bits", — saying that Aisha shed tears (Q. Jumaghaliev, White grain).

5. A pen, pencil. Darling, could you lend your *swallow* (pencil) to our boy (Qyzylorda, Aral dialect).

6. An exercise performed while galloping on horseback.

7. A name originated from the bird's name [10].

Swallow — a character of many myths and fairy tales. Our people consider the swallow as sacred to the present. There are legends among people as to why its tail is forked. The swallow is a heavenly bird for Kazakhs. According to those in the know, the chirping swallow appears to sing surahs of the holy Qur'an. The beautiful bird that flies hissing and breaking through air cannot be shot down either with a bullet or with an arrow. If swallows arrive in a rural community, people expect that year to be blessed, prosperous and peaceful. The seniors would forecast weather judging by the way swallows fly. They tend to fly high when the weather is clear and fly low when it is expected to rain. The swallow flying beautifully in the clear sky in an irregular, zigzag pattern is magnificent. They are agile, they hunt and eat their prey that is tiny insects while flying. The person in whose house swallows build nests, does not dismantle it. In old days during one of the Dzungar invasions Tole Biy exposed himself to a risk and would not break down his home to save swallows in it, for which he has been inspiration to this day and he has been honored with the names 'Swallow byi', 'Saint Swallow' by our people. The swallow is also a symbol of beauty [6. P. 282–291].

[10] Ybyrayim, A., Zhanabekova, A., & Rysbergenova, K. (2011). *Dictionary of the Kazakh Literary Language* (Vol. 9). Almaty. (In Kazakh).

There are many epithets, metaphors and linguistic units with the presence of the ornithonyms 'swallow' in the Kazak phraseological stock. We have decided to give some examples below:

Swallow brows — *beautiful curved brows like swallows' wings*. I am always ready to go wherever you send me, how can I not be over the Moon?! Good bye, my gallant elder brother, my confidante younger brother, my dear swallow-browed sister! (T. Aibergenov, I tell you.).

Swallow-voiced — *singing well, with good songs*.

Oh, my swallow-voiced belle friend,
Many a curve are you shaped with.
When and who begot you, dear,
To the luck of the nation?!

Like a swallow's wing — fig. *With a pointed-end shape 'of brows)*. Her eyes must have gotten tired as Janat keeps raising her thin brows shaped like a *swallow's wings* and high forehead (G. Mustafin, Millionaire).

Swallow's friendship — (Turkmen) *negligibly minor help, good deed.* To give at least a tiny help to the best of one's abilities.

It is just a *swallow's friendship* from me (Turkmen).

It is worth mentioning that in our language there is an epithet "*like sprinkling water with a swallow's wings*" as an alternative to this figurative phrase.

The swallow copy — *the first published copy of a book*. In 1981 in February "Kokpar" was released to production. It was approved and signed for publishing. After a month the swallow copy came out (Qadyr Myrza-Ali, Whirlpool).

The next ornithonym that is encountered in "Kitab Tarjuman", used almost in all modern Turkic languages is **ördek**//üirek 'duck'.

Ördek (üirek) — an aquatic bird with palmate feet with the toes being webbed, with a wide beak; dwell both on land and in water [4].

Its equivalent in the Turkmen, Karayim, Karakalpak languages is ördek, in Tatar — ürdak, in Bashkir — öirak, in Kazakh — üirek.

The following examples can be given regarding its use in the modern Kazakh:

The duck flew and goose alighted — *implies a place abundant with water, a free life.* Even a harrier will not stay in a barren land, where there is a lake, there will be *ducks flying and geese alighting* (Bazar Jurau).

The slow duck flies off first — meaning *a person who realizes his plight acts earlier.*

The baffled duck dives back to front — *a baffled person does not know what to do, hence behaves awkwardly*. A duck in a hurry swims back to front.

Relative with a crow's feather, messmate with a duck's feather — *siblings with a year apart, relatives*. Having gone past it, Reached the pasture, My relative with a crow's feather, *Messmate with a duck's feather*, Who I was fed from the same breast with... ('The Belle Jibek')[11].

[11] Kuderinova, K., & Uderbayev, A. (2011). *Dictionary of the Kazakh Literary Language* (Vol. 15). Almaty : Dauir. (In Kazakh).

Another bird name encountered in "Kitab Tarjuman" is **toi//duadaq (bustard)**.

Toi 'duadaq' — *a bird with big wings, thick neck inhabiting desert, steppe areas.* Bustards predominantly dwell on river banks or in lakes or ponds. Kazakh hunters would hunt bustards using nets, snares and with peregrines, falcons. The bustards' meat is delicious, it was valued as fancy food.

However, the bustard is not an easy prey to hunt on. In our language there is a set expression pertaining to its cunningness:

A bustard dunged on one's head (face) — **hunting**. *The bustard defecating on an eagle trying to hunt it and escaping from it by confusing it.*

A bustard happens to have dunged on his head. Oh boy, what an ugly sign from the evil bird during the good event, Shubar! — he laughed again (M. Auezov's work).

With rare exceptions, the bird which cannot be hunted by peregrines is a bustard. It does not escape through its mobility, nor does it fight like geese. Its method of defense is that it waits for the peregrine to approach it to seize and dung on its head and mostly it hits the peregrine's eyes. Having experienced this, the peregrine will not approach it any more (S. Muqanov, the Kazakh community)[12].

This ornithonym has also been utilized in pieces of folk literature.

Flaunted like a bustard — folklore. *A figurative fixed expression to describe the swaying walk of a beautiful girl dressed in decorative clothes that cannot go unnoticed.*

A girl with a choker on
Before a morning prayer,
Holding a golden jug
Walking like a goose with chicks
Flaunting like a bustard,
Putting a fur-coat on her shoulder,
With her face blushing,
Wearing an amulet (the epos Qambar Batyr).

According to a traditional understanding, it was forecasted winter would be mild and warm if bustards stayed in their habitat for winter. In this regard, there is an expression regarding an uncomfortable land to inhabit, used among people:

Not habitable for people, unless bustards will dwell in it — *in the meaning of an inconvenient, semidesert, dry land, bare land.* A place with no grassland, field, high mountain, lake or river, uneven bare ground with some feather-grass, saline, semidesertic pale road is not *habitable for people, unless bustards will dwell in it* (J. Aimauytov's pieces of work).

Through the comparison of the Turkish and Kazakh equivalents of the bird names mentioned in the monument "Kitab Tarjuman…", we realize that they are mostly similar with some minor phonetic differences:

[12] Ashimbayeva, N., & Rysbergenova, K. (2011). *Dictionary of the Kazakh Literary Language* (Vols. 4). Almaty. (In Kazakh).

balaban — qarshygha ‘goshawk’ — *şahin;*
dağıḳ — tauyq ‘hen’ — *tavuk;*
yabalaḳ — japalaq ‘eagle-owl’ — *baykuş;*
karġa — qargha ‘crow’ — *karga;*
karlaġaç — qarlygash ‘nightingale’ — *kırlangıç;*
kaz — qaz ‘goose’ — *kaz;*
köçken — bürkit ‘eagle’ — *kartal;*
köverçin — kögershin ‘dove’ — *güvercin;*
ördek — üirek ‘duck’ — *ördek;*
sunḳur — sunqar ‘falcon’ — *doğan;*
turna — tyrna ‘crane’ — *vinç;*
horus — qoraz ‘rooster’ — *horoz;*
çıpçuḳ — shymshyq/torghay ‘sparrow’ — *serçe*.

Let us now dwell upon the way the ornithonyms shared by the two languages are used within proverbs. For instance:

A *crow* calls its chick “my snow-white”, a *hedgehog* calls its chick “my silky soft”.

The meaning: every person tend to overlook the shortcomings of their offspring, too highly evaluates them. There is a saying in our language with a similar meaning: “Everyone sees theirs (near and dears) as if they are the Moon”. This meaning is reflected in Turkish by contrasting the ornithonyms *vulture* and *falcon*:

***Kuzguna* yavrusu şahin görünür** // a crow/vulture sees its chick as a falcon [7].

A *crow* never pecks another *crow* in the eye.

This saying tells us that people who are colleagues, accomplices, companions and those who share an interest never betray; cover each other’s shortcomings and mistakes. In this connection, the following Turkish saying with a similar meaning comes to mind:

It iti ısırmaz.

Kurt kurdu yemez / A dog does not bite a dog.

A wolf does not eat a wolf [7].

Mehmet Yazgan, a Turkish professor studied the proverbs and sayings in Turkish related to ornithonyms and published a book called “Türk atasözleri, deyimleri ve bilmeceleri” (The Turkish proverbs and sayings) [8]. The work offers Turkish proverbs and sayings with their translations and equivalents in Kazakh.

***Bildircinin* beyliği, arpa biçilene kadar.**

A quail is well-mannered only unti barley is harvested.

As we notice, the version of the naming unit ***quail*** from the monument ‘Tarjuman’ is preserved in the modern Turkish: *Büldirchin* / ***Bildircin***.

If we delve into the saying meaning, it insinuates that people behave absolutely differently in good, peaceful times from how they would behave in difficulties or poverty. When barley is growing in the field, there is plenty of food for a quail and

other birds, there is no contention. However, when barley is ripe and harvested, birds have to eat what is left in the field, so when food shortage comes, birds start fighting with each other to survive. This, kind of, indicates that people's relationships might be different in peaceful times as compared to the times of famine, droughts, war and other crises.

Let us review another Turkic saying:

Bügünkü *tavuk* yarınki *kazdan* iyidir.

The today's *hen* is better than the yesterday's *goose*.

The primary idea here is: there is no telling how tomorrow is going to be, therefore we need to do all good deeds today without delay. The second meaning covered in the proverb semantic field is: the earth is round, any deed has a return. The third implication of this proverb is that one should be content with what he has without living in a dream.

One more saying of the Turkic nations containing ornithonyms:

***Bülbüle* altın kafes zindandır.**

It translates into Kazakh like: **A golden cage is like prison to the *nightingale*.** The bottom line is freedom that is the state which is always craved by people, their nature. It is the eternal aspiration of humans they strive for till death. Freedom is the ability to live as one wishes in accordance with his established life style and times. There is a simile in Kazakh which shares this meaning and goes like "like the parrot in a /golden/cage". It means that "a person, usually woman who has no freedom of action will not be happy with their lives even if they are provided for with everything". E.g., "like a parrot in the cage" and "parrot in the cage": 1) someone who is not independent and shackled by something; 2) a cooped up enemy who is easy to catch.

The image **"a parrot in the cage"** ties the expression plane of this linguistic unit with the content plane "like a parrot in the cage"**.** The reasoning behind this connection comes from the similarity of the locked up person and the cooped up bird in their behaviors and actions [9].

The following saying is of great importance to the two nations who knew the power of words:

***Bülbül* çektiği dili belasıdır.**

The *nightingale's* disaster is its singing.

This is a proverb corresponding to the Kazakhs' "nine of ten troubles are caused by the tongue" or its shorter version "Trouble is caused by the tongue". The bottomline here is: nowadays there is an enemy which has been setting lands on fire, devastating countries, ruining settlements, and the name for that is the tongue. It is known that Allah granted the tongue to humanity as a great blessing [10]. Just like anything has benefits as well as harm, the "uncontrolled tongue" is also known for exposing its owner to big conflicts and hardships. This thought is incorporated in Kazakh proverbs like "The tongue breaks a stone, otherwise it breaks a head", "A rooster crowing unduly ends up with his head severed".

If we gain insight into our past history, we discover numerous proverbs and sayings in the work "Diuani lughat at-Turk" of the ethnographer, Turkology expert, first encyclopedist, scholar Makhmud Qashqari who lived in 11 century. Some of them are still in use.

If the *goose* flies away, the lake will be settled by the *duck* [11].

Goose — a bird bigger and fatter than a duck. With regards to people, this saying means that if a prominent, high-ranking official leaves, a settlement or region will be governed by someone who is younger, less experienced and less ranked in all aspects.

In this respect, we should dwell upon the proverb "**If you eat someone's duck, prepare your own goose**", composed with the participation of these ornithonyms, that is currently in use.

Another wise expression from the past:

Though you are on the watch for *a pheasant*,

Do not forget your *hen* at your house [12].

The meaning of this proverb is concordant with the above-mentioned saying "a crow lost his way of walking / broke his legs trying to copy a goose". This fixed expression implies concepts like *someone doing things that are not natural to himself by imitating someone else,* also *not valuing what one has*. Humans tend to neglect what they have and realize its value, importance after losing it and regret afterwards. This proverb is employed to prevent people from unnecessary copying, rivalry.

Thus, the linguistic units, concepts, stereotypes, templates and symbols exhibiting cultural-national peculiarities are the signs reflecting the universal human culture acquired by a native speaking nation [13].

The language through its cumulative property has ensured a dialogue between ancestors and their current descendants. In this regard, the language phraseological units also play the role of cultural stereotypes. Researchers also include paremiological stock in them, because proverbs and sayings can be deemed as the nation's stereotypical consciousness. Proverbs can be asserted as the language of an ordinary, regular culture established throughout centuries, they cover the native speakers' life principles, main categories and perspectives of their philosophy in a nutshell.

Conclusions

Summing up the above-mentioned information and opinions, based upon the studies of bird names, the study leads to the following findings: 1) 'Bird names' is a special group that has attributes in terms of meaning, etymology as well as specific functionality and style within the macro-group 'Animals'; 2) The widely spread ornithonyms have entered permanent word stocks and contribute to the creation of 'the linguistic picture of the world'; 3) Reviewing ethno-linguistic research matters in conjunction with the nation's background knowledge built on centuries-old experience, will be prioritized in identifying and expounding the attributes of the

linguistic picture of the world and national identity as well as mentality; 4) When reviewing the language from a cognitive viewpoint, a semantic unit is recognized not as a certain meaning of a word, but as a semantic field structured and systematized as per linguistic gestalt (frame); 5) Given that the Turkic nations acquired the hunt, domestication and care of wild birds in household from old ages, breeding birds of prey was considered a type of very important craft. Precedent names in the Kazakh history (the names of famous bird breeders, precedent texts established in association with them, inclusion of eagles in seven treasures); 6) The phraseological and paremiological units created with bird names which involve assessment and a system of values are the essential linguistic material constituting the picture of the world; 7) 'Kitab Tarjuman' is a valuable heritage that depicts the daily lives of the medieval Turkic nations, and provides information about bird names illustrating close connection between the ethnos and nature. By performing a linguistic analysis of certain lexical-semantic groups in it, we can re-create the picture of the world established in the collective consciousness of our forefathers with relative precision, that, in turn, will significantly contribute to the development of diachronic linguistics; 8) Through analyzing the inner form of a language, scrutinizing linguistic and extralinguistic data altogether, it is possible to identify the peculiarities of ethno-specific phraseological units in the language in conjunction with the native speakers' national-cultural peculiarities; 9) Proverbs and sayings containing ornithonyms are part of priceless values as linguistic units describing the paremiological picture of the world in the consciousness of Turkic nations. Their scrutiny in comparison with the materials of other languages and written heritage is yet to be carried out.

References / Список литературы

1. Kostina, N. (2004). *Birds Names as a Specific Group of Words (Based on Russian and English Materials)* [PhD Thesis]. Oryol. (In Russ.). EDN: UIIGVL
Костина Н.Ю. Названия птиц как специфическая группа слов (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. н. Орел, 2004. EDN: UIIGVL
2. Kildibekova, T.A. (1985). *Action Verbs in Modern Russian: the Experience of Functional and Semantic Analysis.* Saratov: Saratov University Publ. (In Russ.).
Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке: Опыт функционально-семантического анализа. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1985.
3. Kuryshanov, A. (1970). *The Study on the Vocabulary of the Old Kypchak Written Artifact of the XIII century. "The Turkic-Arabic Dictionary".* Alma-Ata: Nauka. (In Russ.).
Курышжанов А. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII в. «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата : Наука, 1970.
4. Aubakirova, K., Jubatova, B., Zhiyekbayeva, A., Zhumazhanova, F., & Mustafayeva, A. (2016). Turkic-Arabic Cultural and Linguistic Relations. *Analele University din Craiova, Istorie*, *1*(29)), 133—143. https://www.istoriecraiova.ro/wp-content/uploads/2016/05/2016_1_ANALE_CUPRINS.pdf
5. Toparli, R., Cogenli, S., & Yanih, N. (2000). *Kitab Mecmu Tercuman Turkive Acemi ve Mugali.* Ankara: Turk Dil Kurumu. (In Turk.).

Toparli R., Çögenli S., Yanih N. Kitāb-ı Mecmū‘ı Tercümân-ı Türkî ve ‘Acemî ve Muġalî. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2000.

6. Suiyerkul, B.M., & Bigeldieva, N.N. (2019). Theolinguistic Analysis of Permanent Uses with the Participation of Ornithonyms. *Bulletin of Pavlodar State University*, 1, 282–291. https://vestnik-philological.tou.edu.kz/storage/journals/102.pdf
Сүйеркүл Б.М., Бигелдиева Н.Н. Орнитонимдердің қатысуымен жасалған тұрақты қолданыстарға теолингвистикалық талдау // Павлодар Мемлекеттік университетінің Хабаршысы журналы. 2019. №1. С. 282–291. (In Kazakh).
7. Ondasynov, N. (1997). *Proverbs and Sayings of the Peoples of the East.* Almaty: Mektep publ. (In Kazakh).
Оңдасынов Н. Шығыс халықтарының мақал-мәтелдері. Алматы : Мектеп, 1997.
8. Yazgan, M. (2008). *Turkish Proverbs, Idioms and Sayings.* Almaty: Arys. (In Turk.). EDN: XNXGJP
Yazgan M. Türk ATaSözleri, Deyimleri Ve Bilmeceleri. Алматы : Арыс, 2008. EDN: XNXGJP
9. Suiyerkul, B. (2011). *Linguosemiotic Space in Khorezmi's "Muhabbatnam" (XIV century).* Monograph. Almaty: Dayk-Press. (In Kazakh).
Сүйеркүл Б.М. Хорезмидің «Мұхаббатнамесіндегі» (XIV ғ.) лингвосемиотикалық кеңістік. Монография. Алматы : Дайк-Пресс, 2011.
10. Kulakhmetova, M., Shakharman, A., Mustafayeva, A., & Altybassarova, M. (2017). Religious Discourse in Kazakh: Descriptiona and Structure. *Ponte, International Journal of Sciences and Research, 73*(1), 157–165. https://doi.org/10.21506/j.ponte.2017.1.15 EDN: YZNJPN
11. Yeshtaeva, N. (2017). *Kazakh and Western languages.* Almaty: Kazakh University. (In Kazakh).
Ешmаева Н.А. Қазақ және батыс тілдері. Алматы : Қазақ университеті, 2017.
12. Tumanzhanov, O. (2012). *Proverbs and Sayings of the Peoples of the World.* (A. Alimbayev, Trans.) Almaty: Balausa. (In Kazakh).
Әлем халықтарының мақал-мәтелдері / Ауд. М. Әлімбаев. Құраст. Ө. Тұрманжанов. Алматы : Балауса, 2012. EDN: SUMHNJ
13. Telia, V. (1996). Russian Phraseology. *Semantic, Pragmatic and Cultural Aspects*. Moscow: School Languages of Russian culture. (In Russ.). EDN: SUMHNJ.
Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. EDN: SUMHNJ

Information about the authors:

Botagoz M. Suiyerkul, Dr.Sc. (Philology), Associate Professor, International Educational Corporation (28 Ryskulbekov str., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050043); *Research interests*: discourse analysis, cognitive linguistics, cross-cultural communication; *e-mail*: akbotakoz@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0472-8686, Scopus ID: 57203212949.

Kaldybay A. Kydyrbayev, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Arabic and English Languages, Egyptian University of Islamic Culture "Nur-Mubarak" (73 Al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050012); *Research interests*: medieval manuscripts, Arabic linguistics, cross-cultural communication; *e-mail:* afira-62@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9958-520X, Scopus ID: 57191898782.

Anar A. Mustafayeva, PhD in Philology, Associate Professor, Faculty of Oriental Studies, al-Farabi Kazakh National University (71 al-Farabi Ave., Almaty, Republic of Kazakhstan, 05004); *Research interests*: Kazakh culture, cross-cultural communication, manuscripts in Arabic and medieval Turkic languages; *e-mail:* mustafayeva.anar@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6878-4946, Scopus ID: 56719791900.

Mergul S. Kulakhmetova, PhD in Philology, Professor of the Higher School of Humanity, Margulan University (60 Olzhabay batyr str., Pavlodar, Republic of Kazakhstan, 140000); *Research interests*: discourse analysis, cognitive linguistics, cross-cultural communication; *e-mail*: kmergul@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-9357-415X, Scopus ID: 57189065212.

Сведения об авторах:

Суйеркул Ботагоз Мырзабайкызы, доктор филологических наук, ассоциированный профессор Международная образовательная корпорация (050043, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Рыскулбекова, д. 28); *научные интересы*: тюркское языкознание, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация, лингводидактика; *e-mail*: akbotakoz@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0472-8686, Scopus ID: 57203212949.

Кыдырбаев Калдыбай Арыстанбекулы, кандидат филологических наук, и.о. доцента кафедры арабского и английского языков, Египетский университет исламской культуры Нур-Мубарак (050012, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 73); *научные интересы*: средневековые рукописи, арабское языкознание, межкультурная коммуникация; *e-mail: afira-62@mail.ru*
ORCID: 0000-0002-9958-520X, Scopus ID: 57191898782.

Мустафаева Анар Абдикадиевна, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор факультета востоковедения, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (50040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т. аль- Фараби, д. 71); *научные интересы*: казахская культура, межкультурная коммуникация, рукописи на арабском и средневековых тюркских языках; *e-mail:* mustafayeva.anar@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6878-4946, Scopus ID: 56719791900.

Кулахметова Мергуль Сабитовна, кандидат филологических наук, профессор Высшей школы гуманитарных наук, Маргулан университет (140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Олжабай батыра, д. 60); *научные интересы*: языкознание, когнитивная лингвистика, психолингвистика, межкультурная коммуникация, лингводидактика; *e-mail*: kmergul@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-9357-415X, Scopus ID: 57189065212.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 133–160
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-133-160
EDN: HUYAGF

Научная статья / Research Article

Поворот к человеку в исследованиях содержания языка: результаты, проблемы и перспективы

Тао Цзинь

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ tszin-t@rudn.ru

Аннотация. На фоне развития информационной технологии познание акта осознания (акта генерации знания) становится наиболее актуальной задачей для науки, стремящейся к пониманию человеческого интеллекта. Цель исследования — анализ механизма формирования содержания языка в аспекте его понимания и акте осознания — акте мгновенного (интуитивного) постижения знания. Работа следует принципу междисциплинарности. Основной метод —— дедукция и обратная дедукция. Проанализированы эпистемологические препятствия, из-за которых лингвистика пока не может предложить реализуемые подходы для сведения интуитивного к дискурсивному, чего и требует познание акта осознания. Показано, что структурализм есть наиболее работоспособная познавательная стратегия, полагающая познание объекта путем выделения его составляющих и изучения взаимоотношений и взаимодействия между составляющими. Но для познания акта осознания необходимо отказаться от структурирования самой семантической системы, т.к. структурирование системы в принципе не дает ответ на вопрос, как эта система возникла. Обоснована необходимость отказа от репрезентационализма как причины возникновения эпистемологической петли «мир — человек — язык — культура — мышление — менталитет». Рассмотрен анти-репрезентационализм, находящий отражение во взглядах ученых из разных отраслей, как аргумент в пользу смещения фокуса на интерсубъективность знания. При таком смещении целью лингвистических исследований становится выявление условий объективации субъективного — условий, при которых разные люди осознают СХОЖЕЕ и принимают его за данность. Объектом структурного анализа становятся внутренние модели, сформированные мозгом за счет усиления одних сигналов от органов чувств и подавления других сигналов. Модели задают схему внутреннего, подсознательного внимания и предопределяют генерацию знания. Наблюдаемая вариативность содержания языка делает возможным выделение составляющих у внутренних моделей (побежденных сигналов) и изучение их взаимодействия. Изложены основные принципы такого структурного анализа путем сравнения условно эквивалентных полисемантов.

Ключевые слова: знание, сознание, языковое сознание, структурализм, репрезентационализм, анти-репрезентационализм, интерсубъективность

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.07.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

© Маркелова Т.В., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Тао Цзинь*. Поворот к человеку в исследованиях содержания языка: результаты, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 133–160. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-133-160 EDN HUYAGF

Turning Towards a Human Being in Language Content Research: Outcomes, Problems and Prospects

Tao Tszin ✉

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉ tszin-t@rudn.ru

Abstract. Given the development of information technology, cognition of an act of realization (knowledge generation) is becoming the most urgent task for science striving to understand human intelligence. Accordingly, the outcomes, problems, and prospects of language content research are considered within the framework of the author's idea that the question of the mechanism of language content generation, the question of its understanding, is actually the question of realization, i.e. an act of instant (intuitive) comprehension of knowledge. This research is based on an interdisciplinary approach. Its main method is deduction and inverted deduction. We analyzed epistemological obstacles that yet prevent linguistics from offering feasible approaches for reducing the intuitive to the discursive, which is required to provide cognition of realization. It is demonstrated that structuralism is the most efficient cognitive strategy, which assumes the cognition of an object by identifying its components and studying the interrelations and interactions thereof. To cognize an act of realization, however, we need to abandon the structuring of the semantic system itself, since the structuring system is inherently incapable of giving an answer to the question of how this system arose. We justified the necessity of rejecting representationalism as a cause of the epistemic closure "world — person — language — culture — thought — mentality". Anti-representationalism, reflected in the views of scientists from different scientific fields, is considered as an argument in favor of shifting the focus towards the intersubjectivity of knowledge. With such a shift, the goal of linguistic research is to identify the conditions for objectifying of the subjective, that is, the conditions under which different people realize SIMILAR things and take them for granted. The object of structural analysis is the internal modeling formed by the brain through amplification of some signals from the sensory organs and suppression of other signals. These models define the scheme of internal, subconscious attention and determine the process of knowledge generation. The observed variability of the language content makes it possible to identify the components of internal models (defeated signals) and study their interaction. The basic principles of this structural analysis are described by comparing conditionally equivalent polysemants.

Key words: knowledge, consciousness, linguistic consciousness, structuralism, representationalism, anti-representationalism, intersubjectivity

Conflicts of interests: the author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 23.07.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Tao, Tszin. (2026). Turning Towards a Human Being in Language Content Research: Outcomes, Problems and Prospects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 133–160. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-133-160 EDN HUYAGF

Введение

Современная лингвистика во второй половине XX в. вступила в эпоху семантики. Вместе с фокусированием внимания на содержательной стороне языковых единиц произошло и изменение в понимании цели исследования языка. Это изменение в целом можно охарактеризовать как «поворот к человеку». Оно совпадает с общей тенденцией развития наук в XX в., которая сохраняется и активно осмысливается в наши дни: «…единственный и подлинный предмет лингвистики есть язык, рассматриваемый в себе самом и для себя самого», «лингвистика становится не только наукой о языке, но и наукой о человеке, его сознании, языке и культуре» [1. С. 6]. Следовательно, язык рассматривается сегодня лингвистами в большей степени как наблюдаемый объект, открывающий доступ к познанию ментального, прямо не наблюдаемого. Об этом свидетельствуют сами названия многих монографий, вышедших за последние 30 лет: «Язык и сознание: парадоксальная рациональность» [2], «Язык и естественный интеллект» [3], «The Stuff of Thought: Language as s Window into Human Nature» [4], «Интерпретация мира в языке» [5] и др.

Лингвисты-когнитологи оперируют понятием «знание» вместо «семантика» и обсуждают формат знания (языковые категории как формат знания), типология знания (типы знаний и их репрезентация в языке), представление знаний в языке (категориальный уровень представления знаний в языке, структуры представления знаний в языке) [6—9] и др. Считается, что по данным речевой деятельности возможно реконструировать системы знания, и это позволит объяснить, как и почему единицы естественного языка понимаются в определенной ситуации определенным образом. Это видение может показаться бесспорным. Действительно, для понимания смысла речевого продукта необходимо знание о мире, в частности, осмысление стоящих за словами ситуаций. Однако, если подойти к «знанию» с точки зрения филогенеза и онтогенеза, то сможем ли мы разделить процесс формирования и развития «знания» от процесса появления, осваивания и развития языка? Ответ на этот вопрос, скорее, отрицательный, да и особой практической необходимости в таком разделении мы тоже не видим, т.к. равноценно истинными и одновременно ничего не объясняющими являются суждения «мы понимаем, потому что мы знаем» и «мы знаем, потому что мы понимаем».

Нюансы в оперировании понятиями «знание» и «семантика», на наш взгляд, заключаются в том, что первое коррелируется больше с «содержанием сознания» (т. е. отражает установку исследовать ментальное пространство человека через язык), а второе — с «содержанием языка» (т.е. понятие более ортодоксальное, указывающее на стремление рассматривать язык как конечный объект исследования). Мы не можем утверждать о тождестве этих двух

содержаний, но говорить об их самостоятельном статусе тоже не приходится. Видимо, по этой причине и появилось понятие «языковое сознание», используемое сторонниками русской психолингвистической школы, для которых «поворот к человеку» подразумевает, прежде всего, обращение к реальному человеку с реально функционирующей по законам психики языковой способностью. С точки зрения онтогенеза, мы не можем не быть солидарными с мнением о том, что «с помощью языка как деятельностной структуры происходит постоянное присвоение информации из образа мира данной культуры (через значения в деятельности с культурными предметами) и через общение с конкретными носителями данной культуры (через указание на значения, которые должны храниться в их головах путем превращения индивидуальной мысли во внешнее слово)» [10. С. 248]. Понятие «языковое сознание», таким образом, указывает на социальное и интерпсихологическое свойство языка. Это значит, что через язык исследователи получают доступ к той части содержания сознания, которое можно рассматривать как «общее» для определенного коллектива.

Введение понятий «знание» или «языковое сознание» автоматически не приводит нас к достижению искомой цели объяснить, как и почему единицы естественного языка понимаются в определенной ситуации определенным образом. Вопрос этот тесным образом переплетен с многозначностью в языке — явлением, которое было и остается важнейшим предметом для тех исследователей, которые продолжают оперировать понятием «семантика». В подходе у этих исследователей тоже совершился определенный «поворот к человеку»: на смену традиционной «списочной теории» полисемии пришло общее понимание того, что исследование многозначности в языке не может ограничиваться лишь ее описанием, а должно стремиться к объяснению данного явления. Следовательно, центральным вопросом многозначности становится вопрос о том, почему «семантический объем» определенной языковой единицы именно такой, какой он есть.

Базовыми понятиями, которых сегодня придерживается большинство исследователей при изучении семантики конкретных языковых единиц, являются «семантический переход» и «семантическая деривация». В обзорных статьях Анны А. Зализняк подробно изложено об исторических связях данных понятий с представлением о «семантической эволюции», дано определение «семантического перехода» как процесса появления новых слов, «семантической деривации» — процесса развития семантического объема отдельных слов [11; 12]. Одновременно ученый признает, что «интерпретация некоторой совокупности языковых фактов как реализации определенного семантического перехода есть результат сложной исследовательской работы, включающей применение определенных принципов и методов, но в целом не формализуемой и опирающейся, в конечном счете, на опыт и интуицию исследователя» [11. С. 41]. Нет сомнения, что с этим согласятся и те

исследователи, которые работают в рамках «семантической деривации». И в этом, на наш взгляд, таится уязвимость этих представлений.

Дело в том, что многозначность языковых единиц может стать причиной коммуникативных неудач или особо удачных (остроумных) высказываний, но, как правило, в конкретной ситуации понимание «приходит в голову» мгновенно, т. е. осознание значений для человека не является трудоемким процессом. Контраст между сложностью работы лингвистов и легкостью употребления и понимания языка достаточно честно резюмирован выражением «polysemy paradox» — «The discrepancy between the theoretical problems experts raise on polysemy, and the ease with which it is everyday understood by speakers…» [13. С. 225]. Еще на стадии освоения родного языка ребенок демонстрирует чуткость к полисемантам, угадывая их значения и даже употребляя их в прецедентных высказываниях, значение которых, опять же, может быть угаданным адресатами без особого усилия. Об этом говорят, например, уникальные материалы, собранные и мастерски изложенные К.И. Чуковским в своем произведении «От двух до пяти». Любое слово, любое значение, как мы можем предположить, когда-то зарождалось через прецедентные речевые продукты и закреплялось в языке путем многократного повторения и варьирования прецедентов. Крайне трудно согласиться с тем, что в этих процессах люди синхронно совершают некий «семантический переход» или какую-то мыслительную операцию над каким-то исходным значением. Напрашивается вывод о том, что исследования в рамках «семантического перехода» или «семантической деривации» порождают специфичное лингвистическое знание о содержании языка, но ментальные процессы, обеспечивающие понимание и употребление языка его рядовыми носителями (да и самими лингвистами), эффективно функционируют и без этого специфичного знания, добытого лингвистами в результате трудоемкой исследовательской работы. К этим ментальным процессам гораздо больше подходит понятие «интуиция», главной чертой которой является мгновенное постижение истин, «которые ум признает не на основании доказательства, а просто усмотрением мыслимого в них содержания» [14. С. 5]. Обычно мы можем уловить только момент осознания значения языковых продуктов, а процесс, как мы «приходим» к этому осознанию, остается в темной зоне сознания и именуется нами как «бессознательный» или «подсознательный».

Слово «интуиция» содержится и в приведенной выше цитате Анны А. Зализняк, и это не единичный случай, когда крупные ученые дают должное интуиции как механизму, порождающему новое знание. Среди них немало и представителей естественных наук. Е.Л. Фейнберг, рассматривая «интуицию» как проявление внелогической деятельности интеллекта, которая играет неотъемлемую роль в научной системе, пишет: «Мы считаем несомненным, что полнота познания мира и, в частности, необходимая для этого способность к интуитивному суждению — фундаментальные условия выживания человечества… по мере того как логические операции психики все

больше передаются машине, внелогическая деятельность интеллекта выявляется все ярче» [15. С. 275]. Похожее мнение высказывает и М. Грациано: «Я подозреваю, что постепенный сдвиг в философии от сосредоточения на элементах в потоке сознания к акту осознания некоторым образом связан с развитием за последние полвека компьютерных технологий. С усовершенствованием информационных технологий содержание сознания перестало быть загадкой, а сам акт его осознания, переживания опыта отдалился и кажется неразрешимым» [16. С. 15].

Таким образом, перед наукой сегодня стоит вопрос о том, до какого предела мы в принципе сможем углубить наше знание по отношению к собственному интеллекту? Наиболее сущностная особенность естественного интеллекта стала более очевидной на фоне искусственного интеллекта: естественный интеллект значительно уступает искусственному интеллекту в сохранении, систематизации и обработке информации, но последний если и способен вырабатывать новую информацию, то только на основе обработки имеющихся данных. Ему несвойственна «интуиция» и он не способен генерировать знание «с нуля». Если учесть, что в основе искусственного интеллекта лежат человеческие приемы собирать, обрабатывать имеющиеся знания, то становится ясно, что все сознательные операции над осознанным, т.е. знанием, составляют лишь часть возможностей человеческой когниции. Для следующего шага в понимании самого себя нам будет сложно дальше обходить вопрос «как работает интуиция» и надо предпринимать попытку приблизиться непосредственно к самому акту осознания (акту генерации знания). Несомненно, что для человека сам акт осознания весьма реален, о чем свидетельствует уже сам факт наличия в языке слова «*интуиция*» и близких понятий, таких как «*озарение*», «*чутье*» и т. п., а также выражений типа «*какая-то мысль пришла в голову*», «*внезапно стало ясно, что...*».

Если вернуться к самой лингвистике, то какими бы понятиями ни оперировали исследователи в ходе лингвистических исследований, по сути, во всех случаях мы пока имеем дело с именуемым по-разному результатом акта осознания, и кроме трудоемкости, не существует принципиальной преграды для описания, систематизации или анализа осознанного или осознаваемого, будь это «содержанием» сознания, языка или языкового сознания. Но сможет ли лингвистика внести существенный вклад в познание самого акта осознания?

Наш ответ на этот вопрос — положительный, т.к. язык, будучи наиболее важным маркером человеческого интеллекта, сопровождал и сопровождает возникновение знания, его непрерывную трансформацию и расширение. В некотором смысле язык и есть механизм генерации знания, вопрос о механизме формирования содержания языка и его понимания, по сути, и есть вопрос об акте осознания. В настоящей статье мы попытаемся изложить, какие препятствия мы видим на пути движения лингвистики в этом направлении и какие возможности для познания акта осознания могут открыться при сравнении содержания разных естественных языков, если эти препятствия будут преодолены.

Методология

Исходной точкой наших рассмотрений служит понимание необходимости разделения представлений у лингвистов о механизме формирования содержательной стороны языка от наиболее ярких семантических явлений.

Как мы уже отметили, «поворот к человеку» в лингвистических исследованиях отражает общую тенденцию развития наук. В XX в., по мнению ученых из разных областей, наука пережила «антропологический поворот». Само понятие «поворот», как и многие научные концепции, метафорично, и совершенно естественно, что отсутствует согласие среди теоретиков в том, каким образом следует понимать его суть. На более ранней стадии осмысления этого явления «поворот» понимался как сама попытка «углубления знаний о человеке, обобщения и осмысления прежде разрозненного знания, выявления и обоснования условий его возможности и развития» [17. С. 23]. Сегодня уже становится ясно, что в ходе этого поворота формируются новые взгляды на самые главные вопросы в философии — вопрос о бытии, вопрос онтологии человека [18; 19], совершается революция в философии познания [20], а в философии науки намечается переход от осмысления роста научного знания к осмыслению роли различных научных сообществ в развитии науки, к трактовке «знания как убеждения членов научного сообщества» [21. С. 11]. Данный сдвиг в философии науки для нашего исследования имеет особо важное методологическое значение.

Хорошо известно, что в математике и технических науках широко применяется аксиоматический метод, «однако если в математике аксиоматика разных ее разделов является предметом рассмотрения специального раздела — теории математического вывода, — то в лингвистике проблемы аксиоматики не привлекают особого внимания исследователей» [22. С. 65]. Необходимость прослеживать логическую связь от априорного убеждения ученых (аксиомы или набора аксиом) гуманитарных наук, в частности лингвистов, как нам представляется, становится все более очевидной, если мы изначально сделаем акцент на том, что любое исследование начинается с априорного убеждения самих исследователей, а выводы представляют собой тоже своего рода убеждение, и они в некотором смысле предопределены, так как ни цель исследований, ни исследовательская стратегия и конкретные методы, ни круг рассматриваемых языковых явлений не разделимы с первоначальным априорным убеждением. Если мы видим, что существующие теории, касающиеся механизма формирования содержания языка, пока обходят акт осознания стороной, то это означает, что само априорное убеждение создает эпистемологическое ограничение, и для снятия этого ограничения нужно понять его суть.

Лингвисты, которые занимаются сравнением семантики разных языков, под словом «человек» подразумевают идеализированного представителя своего языка и культуры. «Поворот к человеку» в данном случае, на наш взгляд, отражается в том, что помимо традиционных источников языковых материалов, таких как словари, справочники (фактически это результаты работы

филологов и лингвистов предыдущих поколений по описанию и систематизации семантики), все активнее используются материалы из различных корпусов, т. е. реальные образцы языковых продуктов. И это, безусловно, позволяет нам получить более полные и достоверные данные о семантике языка. По этой причине собранные сведения в ходе подобных работ также рассматриваются нами как основа для более объективной оценки базовых характеристик наблюдаемых семантических явлений.

Рассуждение о перспективах дальнейшего развития исследования содержательной стороны языка также строится на принципе дедукции: будущие результаты исследования зависят от «правдоподобности» нового априорного убеждения, и эта «правдоподобность» должна быть обеспечена соответствием между новым убеждением и наблюдаемой особенностью семантических явлений.

Структурализм как познавательная стратегия: её возможности и ограниченность

В конце 1997 г. была опубликована статья «Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии)» [23]. Название этой статьи В.М. Алпатов охарактеризовал как «симптоматическое»: структурная лингвистика, добившаяся немалых успехов в фонологии, в семантике оказалась в затруднительном положении, поскольку чем сложнее область исследования, тем труднее сводить факты языка к жестким схемам. Одновременно В.М. Алпатов цитировал слова О.Н. Трубачева: «Следует спокойно признать… что в каждом из нас, хоть, наверное, в разной степени, засели зерна структурализма, непротиворечиво согласующиеся с исследовательской практикой… и было бы неблагодарностью отрицать это» [24. С. 84–85]. Почти 20 лет спустя вышла статья А.В. Кравченко с критикой в адрес идеологии структурализма как официальной лингвистической доктрины, в которой автор отметил, что «кризис традиционной лингвистики, в XX в. тяжело и надолго заболевшей структурализмом, затянулся» [25. С. 354].

Действительно, «зерна структурализма» оказались чрезвычайно жизнеустойчивыми: остается незыблемым убеждение в «системности» семантики языка в целом и «системности» сематического объема каждого многозначного слова. А для познания любой системы полагаются выделение ее составляющих и выявление связей между ними, иными словами, само это убеждение уже предопределяет стремление к определению структуры у системы. По этой причине такие понятия, как «сема», «семантическое поле», «семантическая структура», «смысловая структура», «словообразовательное гнездо», «структурно-семантические особенности», «структурная мотивированность языка», «структурный анализ», повсеместно можно встретить в огромном количестве публикаций, вышедших за последние 20–30 лет. Были предложены разные подходы к рассмотрению семантического объема лексики, начиная с инвариантного подхода [26] и подхода, предполагающего наличие

иерархических отношений между значениями в структуре слова [27; 28] до более современного «прототипичного подхода» [29; 30] и упомянутой нами теории «семантический переход» и «семантическая деривация». Все эти подходы, по сути, являются вариациями проявления структурализма: в каждом случае сначала выделяются элементы (значения, лексико-семантические варианты или семантические признаки), а затем изучаются связи между этими элементами. Разница только в том, что связи по-разному понимаются и интерпретируются.

Расставание со структурализмом не состоялось с появлением сторонников когнитивной и психолингвистической направленности. Приступая к познанию «знания», лингвисты-когнитологи ставят вопрос о реконструировании его системы; получая языковые материалы от информаторов, исследователи приступают к их статистической обработке с определением семантических ядра и периферий, т.е. к структурированию семантики. Все эти факты говорят о том, что структурализм — это не столько взгляд отдельных ученых или научных школ прошлого века на язык и их подход к изучению языка, сколько познавательная стратегия, дающая о себе знать всякий раз, как только исследователь определит объект своего исследования.

Структурализм как познавательная стратегия, обладает мощными возможностями, о чем свидетельствует, можно сказать, вся современная наука. Убеждение в «системности» объекта своего исследования у лингвистов отнюдь не уникально, оно присуще представителям современной науки и сопряжено с убеждением об «упорядочиваемости» наблюдаемого многообразия и наличии закономерностей во всем, на что направлена исследовательская деятельность. След этой стратегии можно найти уже в античности, задолго до зарождения понятия о методологии и методах научных изысканий. В частности, слово «материя» происходит от латинского materia, что первоначально значило «строевой лес». Это латинское слово, в свою очередь, является калькой греческого слова ὕλη ‘строевой лес’, которым Аристотель посредством аналогии со всем, изготовленным из этого материала, стал обозначать любую вещественную основу [31. С. 1035]. Образ ‘строевой лес’ подразумевает наличие «структуры» и возможность ее познания путем деления объекта на составляющие и выявление связей между этими составляющими. В эпоху зарождения современной науки в Европе этот древний образ воплотился в «новую философию», суть которой, на наш взгляд, очень точно определил видный биохимик и англиканский священник Артур Пикок: «человек смотрит на мир как на чужой и противоположный себе объект. Такой взгляд на мир повлек за собой процесс абстрагирования, в котором мировые явления и процессы распадались на составляющие. Эти составляющие, в свою очередь, рассматривались как независимые целые, связанные между собой отношениями наподобие юридических законов… Требовался методологически редукционистский подход для ответа на вопросы ‘новой философии’: ‘Какие вещи существуют’ затем ‘В каких отношениях находятся они друг с другом’,

и наконец ‘Какими законами описываются эти отношения’» [32. С. 3–4]. К этому можно добавить, что структурализм как познавательная стратегия достаточно естественен для человека: для нас само понятие «сложное» сопряжено с представлением об множестве составляющих, и потому весьма убедительным кажется, что познать «сложное» означает «разобраться»: как только поймем, какие составляющие существуют, и как они взаимосвязаны и взаимодействуют, то мы поймем, ЧТО ЕСТЬ перед нами и как ОНО работает. Во многих областях и на определенных этапах развития науки это убеждение оправдалось и продолжает оправдываться. Однако с расширением научных знаний становится заметнее и эпистемологическая ограниченность структурализма: физики, определив структуру атома и раскрыв целый мир микрообъектов, не нашли ответ на вопрос о мироздании; биологи расшифровали геномы, но не готовы ответить на вопрос о возникновении жизни. Получается, структурирование системы в принципе не дает ответа на вопрос о том, как эта система возникла.

К этому выводу можно прийти и простым логическим рассуждением. Возьмем, допустим, любое многозначное слово. Еще до того, как приступать к изучению его семантического объема, исследователь уже знает (сознает) его значения, т. е. для него, равно как и до него у разных людей, акт сознания многократно совершался, и значения этого слова уже существуют как данности. Когда мы сознаем значение А и значение Б, то мы можем определить отсутствие или наличие связи между ними, однако само наличие связи никак не подразумевает, что значение Б возникло на основе значения А или наоборот. Убеждение в «системности» содержания языка (или сознания) и его структурирование приведет к тому, что специфичное лингвистическое знание о нем будет уточняться, расширяться и углубляться, но для того, чтобы сделать шаг в сторону к познанию самого акта познания, нужно отказаться от структурирования результата этого акта. И этот шаг станет возможным, скорее, не в результате расставания со структурализмом, поскольку кроме этой познавательной стратегии вряд ли существует работоспособная альтернатива. Соответственно, можно предположить, что для совершения этого шага нужно заново определить объект исследования и попытаться приступить к его познанию путем выделения составляющих и выявления взаимосвязи и взаимодействия между ними.

Репрезентационализм и эпистемологическая петля

В основе репрезентационализма лежит треугольная модель «мир — человек — язык», где «мир» понимается как мир вещей, т. е. некая «реальность», внешняя по отношению к человеку; а «человек» понимается и в смысле его мыслительной способности, и в смысле некоего внутреннего мира, а язык рассматривается как средство репрезентации (специфичного способа отражения), с одной стороны, внешнего мира, а с другой — внутреннего мира. Полагается, что анализ механизма репрезентации может ответить

на вопрос о том, как функционирует язык, и приоткрыть нам тайну мышления. Этот подход хорошо иллюстрируют две монографии, вышедшие в 1988 и 1991 гг.: «Человеческий фактор в языках. Языковая картина мира» — в основном посвящается кругу вопросов языковой репрезентации внешнего мира [33], и «Человеческий фактор в языках. Язык и порождение речи» — посвящена языковой репрезентации внутреннего мира (внутреннего лексикона) [34]. На сегодняшний день репрезентационализм остается мейнстримным, по крайней мере, для русскоязычных исследователей: слово «репрезентация» можно относить к наиболее встречаемым ключевым словам в современных публикациях о языке; активно изучается национальная специфика языковой картины мира; помимо понятий «внутренняя речь», «внутренний лексикон» на помощь исследованию внутреннего мира человека приходят понятия «концепт», «концептосфера». Какие же априорные убеждения стоят за этим подходом?

Репрезентационализм, прежде всего, представляет собой вариант реализации структурализма в смысле познавательной стратегии: для осмысления сложного явления понадобилось выделить отдельные сферы, после чего возможным становится осмысление их взаимосвязей и взаимодействия. Приведем один из примеров такого теоретического осмысления.

Как пишет А.Д. Кошелев, «понимание роли языка и механизмов его функционирования предопределяется ответом на следующий вопрос: что для человека (ребенка) хронологически первично — его концептуальный мир или родной язык? … Принципиальных ответа здесь три. Соответственно, получаем три парадигмы. Первая парадигма исходит из постулата о первичности родного языка, который усваивается ребенком до концептуального мира… Третья парадигма исходит из противоположного постулата: концептуальный мир первичен и изначально (до языка) формируется в мозгу человека (ребенка)… Вторая, промежуточная парадигма исходит из постулата о том, что и концептуальный мир, и язык человека формируются как самостоятельные системы… В основании предложенного исчисления парадигм лежит внелингвистический признак — соотношение языка и мира человека. Однако… полученные таким теоретическим (аксиоматическим) путем три парадигмы задают полезную классификацию, охватывающую широкий класс лингвистических теорий» [35. С. 15—16]. Очевидно, что при постановке вопроса о первичности той или иной системы, исследователи вовсе не ставят под сомнение само предположение о наличии «концептуального мира» в мозгу человека. Собственно говоря, сами понятия «внутренний мир», «внутренняя речь», «внутренний лексикон», «концепт», «концептосфера» предполагают некую систему с содержательной стороной, доступ к которой получаем на самом деле через понимание языка, т.е. благодаря наличию языковой зоны внутри мозга. Сегодня нейронаука дает нам знать, что большая часть активности мозга не контролируется сознанием, однако, как только мы попытаемся фиксировать «о чем я думаю», тут же в сознании появляются слова или фразы,

т.е. сразу подключается язык. Вызывает сомнение, что возможно познавать «внеязыковое состояние» мыслей. Предположение о возможности размежевания мира внутри мозга и языка — лишь методологический прием, попытка умозрительно выстроить некую систему внутри человека, стоящую между предполагаемыми «неязыковыми» потоками мыслей и речью. Причина использования этого приема, на наш взгляд, кроется в том, что на лингвистов оказало сильное влияние развитие информационных технологий.

Сам принцип работы вычислительной машины был сформирован тогда, когда ученые серьезно еще не задавались вопросом о принципах работы человеческого интеллекта. Однако вскоре появилась «компьютерная метафора», предполагающая моделирование работы интеллекта, в частности, языковой способности человека, исходя из того, по какому принципу работает созданная человеком машина. Хорошо отражают «компьютерную метафору» взгляды Н. Хомского и других сторонников генеративной грамматики, предполагающих, что «ключевым компонентом языковой способности в узком смысле является вычислительная система (узкий синтаксис), которая порождает внутренние репрезентации, преобразуя их для сенсорно-моторного интерфейса с помощью фонологической системы и для концептуально-интенционального интерфейса – с помощью (формальной) семантической системы» [36]. «Компьютерная метафора» порождает идею об этапах речемыслительного процесса, о которой в упомянутой выше монографии: «…особое внимание надо уделить анализу трех основных этапов порождения речи: довербального, когда формируется так называемый замысел речи (интенция говорящего) и оценивается обстановка; этапа, связанного с выбором языковых средств, и наконец, последнего этапа, когда происходит сама языковая реализация замысла (озвучивание)» [33. С. 6].

Эти точки зрения хорошо отражают стремление моделировать речемыслительный процесс таким образом, чтобы его смогла воспроизводить машина: первый этап — формирование задачи; второй — выполнение инструкций по подбору данных, которые сохраняются в памяти; третий — выполнение инструкций для вывода выбранных данных в соответствии с задачей. Как мы видим, прагматическая цель научить вычислительную машину понимать и генерировать речевые продукты оказала мощное влияние на формирование исходных взглядов исследователей: образовалась эпистемологическая петля и исследователи совсем упустили из внимания, что человеческий интеллект, скорее, работает совсем по иному принципу хотя бы потому, что усложнение выполняемых задач вовсе не требует наращивания памяти у человека и не требует значительного увеличения употребляемой энергии. Таким образом, если отложить в сторону стремление создать инструкции для вычислительной машины путем выстраивания алгоритма языковой репрезентации данных внутри памяти, то основания для размежевания концептуального мира от языка становятся весьма небесспорными.

Другое априорное убеждение, на котором основывается репрезентационализм, предлагающий рассмотрение взаимосвязей между миром, человеком

и языком, — это убеждение в абсолютной правомерности противопоставления объективно существующего мира (внешнего мира) и человека с его сознанием. Однако это убеждение, на котором стоят классические философские направления — реализм и идеализм — тоже оказывается сегодня не истиной, а лишь познавательной моделью, об этом более подробно ниже.

Самое главное, условность отделения сфер «мир — человек — язык» в свою очередь порождает эпистемологическую петлю. Дело в том, что ни внешний мир, ни внутренний мир, невозможно рассматривать как нечто единое для разных языковых коллективов: лексическая система и ее содержание у естественных языков не совпадает, если язык — это средство репрезентации мира, то и внешний и внутренний миры для разных языковых коллективов тоже разные. Собственно, об этом и пишут исследователи, описывая «характер зависимости результатов лексикализованных интерпретаций внешнего мира от среды бытования конкретного этноса и от структуры человеческого сознания» [37], введя понятие об «этнолингвистической обусловленности» языковой картины мира [38]. А трактовка «мотивированности» языка как взаимообусловленности различными внешними и внутренними факторами («К важнейшим, трактуемым как мотивационные, современные исследователи относят взаимосвязи языка с действительностью, мышлением и психофизиологической организацией человека, с обществом и культурой» [39. С. 151]) лишь признание в невозможности разобраться в клубке «мир — человек — язык — культура — мышление — менталитет».

Чтобы выйти из этой эпистемологической петли, как нам кажется, необходимо сначала найти более обоснованный ответ на вопрос, что мы можем рассматривать как ОБЩЕЕ НАЧАЛО для всех представителей человеческого рода, т.к. это создаст условия для дальнейшего выстраивания причинно-следственной цепочки однонаправленной обусловленности от ОБЩЕГО к языковой, культурной вариативности, к вариативности знания.

Анти-репрезентационализм и проблема субъективности

В течение нескольких столетий успехи физики укрепляли нашу веру в наличие системы объективных законов, которым подчиняются многообразные и кажущиеся нам различными явления, что придало мощные импульсы для пересмотра представления о дуалистическом процессе познания, на котором основывается репрезентационализм. Появляются разные направления анти-репрезентационализма: прямой реализм[1], энактивизм[2], спекулятивный реализм [40], которые сходятся в том, что дистанцирование человека от мира или мира от человека в принципе невозможно; когнитивные процессы

[1] *Грин Б.* Ткань космоса, пространство, время, текстура реальности / пер. с англ. под ред. В.О. Малышенко и А.Д. Панова. М. : ЛИБРОКОМ, 2011.

[2] *Грегори Р.* Разумный Глаз: Как мы узнаём то, что нам не дано в ощущениях / пер. с англ. А.И. Когана. М. : УРСС, 2003; *Фрит К.* Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / пер. с англ. П. Петрова. М. : Астрель: CORPUS, 2011.

не могут быть поняты как абстрактная функциональная (компьютеционистская) система, лишенная конкретного телесного воплощения; когнитивная сфера конституируется динамическим сцеплением мозга, тела и среды, причем под последней следует понимать не только естественную (природную), но и социальную и языковую среду. Сами же физики предлагают моделезависимый реализм: «…наш мозг интерпретирует сигналы, поступающие от органов чувств, и создает модель мира. Когда такая модель удачно объясняет события, мы склонны приписывать ей, а также составляющим ее элементам и концепциям свойство реальности, или абсолютной истины», «невозможно исключить наблюдателя — нас самих — из нашего восприятия мира, которое создается с помощью наших чувств и путем мышления и рассуждения»[3].

В публикациях самих лингвистов идеи анти-репрезентационализма тоже прослеживаются. Отмечая переход от классической науки к неоклассической науке, а затем к постклассической науке как переход от исследования отношения «объект — знание» к исследованию отношения «субъект — объект познания», а затем к исследованию средств познания, А.А. Залевская выразила весьма созвучное с идеями анти-репрезентационализма мнение, только конкретно по отношению к языку: «Возрастание роли субъекта познания требует максимального фокусирования на языке как достоянии пользующегося им человека, включенного в определенное физическое и социальное окружение и переживающего процесс познания и его продукты при постоянном взаимодействии чувственного, рационального и эмоционального аспектов функционирования индивида как целостности, которую нельзя «препарировать», что, к сожалению, делается при отрыве языка от других психических процессов и при игнорировании постоянного взаимодействия тела и разума» [41. С. 4].

Наиболее ярким отражением анти-репрезентационализма у лингвистов, пожалуй, являются работы А.С. Дружинина и его соавторов [42; 43], выдвигающие идею о том, что реальность конструируется человеком в языке и вне конструирования отсутствует для человека. Как пишет А.С. Дружинин, такой подход к реализму в лингвистике радикален, его непросто принять и может быть многим не по душе, но «экология энактивизма открывает новые перспективы в исследованиях семантики и различных дискурсивных практик. Дойти до сути семантической структуры — значит посмотреть на нее как на эмпирическую и концептуальную одновременно. А это значит признать, что слова и другие единицы лингвистического анализа — не просто знание, а часть семантической и сенсомоторной жизни человека, и любой акт их «проживания» (употребления) свидетельствует, прежде всего, о том, что происходит с человеком и в человеке [43. С. 89].

Очевидно, содержательная сторона самого слова «реальность» не совпадает у сторонников репрезентационализма и у сторонников анти-репрезентационализма. Тут мы видим два уровня признания исследователями

[3] *Хокинг С.*, *Млодинов Л.* Высший замысел / пер. с англ. М. Кононовой. М. : АСТ, 2018. С. 11–12; 53.

вездесущей «субъективности». Первый уровень — это признание «субъективности» языка. Собственно, с этим признанием началось предисловие упомянутой нами монографии «Человеческий фактор в языках. Языковая картина мира»: «Существует непреложная истина: абсолютно все, что представлено в языках мира — от мелкой частицы до сложного предложения и многих тысяч самых различных слов, — создано человеком» [33. С. 3]. Но при этом сторонниками репрезентационализма допускается нечто «объективное» вне человека и его языка. Нынешний уровень — это признание «субъективности» знания: для человека существует только его реальность, предел которой он может расширять, но не в состоянии его перешагнуть.

Таким образом, анти-репрезентационализм, по сути, актуализирует на уровне знаний, накопленных за века научно-технического прогресса, две взаимосвязанных проблемы, известных еще с древних времен. Первая проблема — это проблема предела познания, вторая — проблема субъективности.

Понимание о предельности познания можно найти в первых строках древнего китайского трактата «Дао-Дэ цзин», которые гласят: «Не путай прото-Путь с проторенной тропой, не пробуй прот-то Имя вслух произнести. Земля и Небо созданы в безмолвье, все сущее вокруг не отделить от слова. За гранью чувств — неведомая Вечность, узел живых существ — Конечность бытия…»[4], а освещение проблемы субъективности — в известной доктрине древнегреческого философа Протагора «Человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих»[5]. Современные же философы в иных понятиях освещают, по сути, эти же проблемы: «мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности. Мы заперты в корреляции «человек — мир» и можем лишь только описывать универсальные условия субъективности, не будучи при этом способными объяснить, почему условия таковы, каковы они есть» [40. С. 11–12].

Е.Н. Черткова пишет: «граница между субъективным и объективным становится зыбкой, подвижной, скорее напоминает мембрану, а не разделительную линию»[6]. Стадия развития науки, когда превалировало убеждение в абсолютной правомерности противопоставления мира (реальность, действительность) как объекта познания и человека как субъекта познания, пройдена, вместе с ней и завершилась эпоха эйфории от научных достижений, когда считалось, что наука стремится к постижению абсолютной истины и непременно ее добьется. Разрушение абсолютной противоположности

[4] Цит по: Лаоцзы. Дао-Дэ цзин, или Тракт о пути и морали / пер. с др.-кит.; предисл. и послесл. Л.И. Кондрашовой. М.: РИПОЛ классик, 2005. С. 35.

[5] Цит. по: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 375.

[6] Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий : материалы «круглого стола» / В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.В. Катунин, И.Ф. Михайлов, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова, И.О. Щедрина, А.Ф. Яковлева // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5–35.

(разделительной линии) между «субъективностью» и «объективностью» в этих условиях — неизбежно. И так же неизбежным окажется смещение фокуса на вопрос об интерсубъективности: почему какое-то знание, субъективное по природе своего возникновения, воспринимается людьми определенного круга как абсолютно объективное. Упомянутый нами сдвиг в философии науки от осмысления роста научного знания к осмыслению роли различных научных сообществ в развитии науки, к трактовке знания как убеждения членов научного сообщества, который заложил методологическую основу и для настоящей работы, как раз свидетельствует об этом смещении фокуса.

И с этого ракурса идеи анти-репрезентационализма действительно открывают для лингвистики новые возможности и перспективы. Об этом и пойдет речь ниже.

Интерсубъективность со-знания и «коллективность» языковой интуиции

Выдающийся математик и философ Бертран Рассел высказывался о содержании языка следующим образом: «Хотя словарь или энциклопедия дают нам то, что может быть названо официальным или общественно санкционированным значением слова, нет двух людей, которые в своем сознании вкладывают в одно и то же слово одинаковое содержание»[7]. Правдивость этого высказывания подтверждается результатами психолингвистических экспериментальных исследований с целью объективизации понимания языковых единиц обычными носителями языка. Как мы уже отметили, при обработке результатов психолингвистических экспериментов применяются статистические методы, и удается таким образом выделить семантические ядро и периферию у конкретной языковой единицы, что дает исследователям основание судить, какое понимание более типично или менее типично для данного языкового коллектива, но индивидуальность реакции на слова-стимулы остается фактом. По многочисленным публикациям по сравнению семантики языковых единиц из разных языков можно сделать один вывод: абсолютная эквивалентность просто не существует. Более того, достаточно распространено явление, когда смысл, который осознается человеком при употреблении единицы из одного языка, очень сложно осознается в полном объеме с помощью единицы из другого языка. Не редко сталкиваемся и с явлениями лексико-семантических лакун. Содержание каждого языка уникально, несмотря на наличие множества совпадений.

Наблюдаемые семантические явления говорят в пользу анти-репрезентационализма, в свете которого индивидуальность содержания языка естественна и неизбежна: акт осознания, переплетенный с постоянным

[7] *Рассел Б.* История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М. : Академический проект, 2009. С. 78.

переживанием взаимодействия тела и разума, включенного в конкретные условия среды, в которой существует и действует человек, не может быть не индивидуальным, т.е. акт осознания никак не может обеспечивать идентичность его результата. Следовательно, языковая коммуникация между людьми в принципе возможна вовсе не потому, что осознанное одним человеком «передается» другому, а благодаря тому, что акт осознания может быть в определенной степени синхронизированным: в ходе онтогенеза в определенной природной, социальной и языковой среде мозг «форматируется» таким образом, чтобы индивидуальность акта осознания была существенно ограничена.

Механизм синхронизации акта осознания, в принципе, не так уж сложно представить, если учесть, что двигающей силой для запуска познавательных процессов у Homo Sapiens служит, в первую очередь, стремление к выживанию, диктующее, в свою очередь, стремление к пониманию себе подобных для осуществления кооперативных действий. Биологи, например, уже доказали наличие «зеркальных нейронов» — клеток головного мозга, отвечающих за подражание и понимание намерений и способов мышления другого субъекта[8]. Гораздо более древние когнитивные задатки, чем сама языковая способность, обеспечили возможность представителей Homo Sapiens угадывать видение и намерение друг у друга. Язык формировался не в ходе двухстороннего взаимодействия межу индивидуумом со средой, а в ходе сопереживания определенной группой людей их взаимодействия со средой и между собой. При этом язык аккумулирует не только сам коллективный опыт, но и «привычные способы» постижения сути и взаимосвязи между различными видами коллективного опыта, что, в свою очередь, обеспечивает «ментальную наследственность» в ходе освоения языка следующими поколениями.

В этом смысле отнести интуицию, обеспечивающую осознание содержания языка, к «внелогической деятельности интеллекта», не совсем корректно. Логика такой интуиции обеспечивается именно ее «коллективностью»: при выполнении определенных условий разные люди будут осознавать СХОЖЕЕ. В этих условиях схожие продукты акта осознания для осознающих — это ДАННОЕ, реальное и объективное в том смысле, что иное для них НЕ существует.

Весьма полезным в этой связи, на наш взгляд, окажется введение термина «со-знание». Со-знание охватывает весь продукт акта осознания, возможный в рамках одного естественного языка. Со-знание возникает, меняется и развивается вместе с развитием общества, проецируется в содержание языковых единиц, в знание у определенного коллектива о правилах их комбинации и допустимости/не допустимости этих комбинаций. Со-знание интерсубъективно — это то, что обеспечивает функционирование социума и дает возмож-

[8] *Риццолатти Д.*, *Синигалья К.* Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания / пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. М. : Языки славянских культур, 2012.

ность индивидуумам существовать в определенном социуме. Со-знание разных коллективов в принципе не может полностью совпадать по причине того, что условия акта осознания не могут быть идентичными.

Как мы уже убедились, методом обратной дедукции мы можем прослеживать априорные убеждения, при которых те или иные научные знания становятся «объективными» для разных исследователей. Это означает, что если сместим фокус на интерсубъективность со-знания, то выявление условий, при которых разные люди воспринимают «субъективное» содержание по природе своего возникновения за «объективное», будет выполняемой задачей. Определение этих условий вполне может стать существенным шагом вперед в деле познания человеческого интеллекта.

На пути к познанию закономерностей объективизации субъективного

«Все познается в сравнениях». В рамках одного языка, как нам представляется, весьма непросто раскрыть условия формирования интерсубъетивного со-знания в силу того, что ИНОЕ лежит за пределами данного языка и не осознается его носителями. Вариативность же со-знания дает нам шанс понять, почему «коллективная интуиция» может работать в разных направлениях и приводить к разным результатам. Но прежде всего уточним, что мы можем рассматривать в качестве «ОБЩЕГО НАЧАЛА» для всех представителей человеческого рода, которым порождаются вариативные знания.

Антропологи и генетики считают, что история Homo Sapiens началась с когнитивной революции, сопровождаемой возникновением языковой способности, более того, в истории Homo Sapiens была отмечена только одна когнитивная революция. Это значит, что сам механизм формирования со-знания, должно быть, не протерпел изменений в ходе расселения Homo Sapiens по миру, т. е. данный механизм работает одинаковым образом у всех представителей Homo Sapiens. Соответственно, мы можем считать, что сами принципы работы этого механизма и есть то НАЧАЛО, ОБЩЕЕ для всех. И поскольку мы видим, что этот механизм приводит к возникновению разного со-знания, то логично предположить, что в принципах его работы заложен изначально фактор, который не может не порождать вариативность со-знания.

Ключом к этому фактору может служить теория схемы внимания, выдвинутая уже процитируемым нами М. Грациано. Суть этой теории заключается в том, что сознание на самом деле является внутренней упрощенной моделью, сконструированной мозгом при обработке комплекса сигналов, поступивших в мозг через органы чувств. То, что мы осознаем, кардинально отличается от импульсов, которые способны передать органы чувств в рамках сенсомоторных возможностей, обусловленных физиологическими особенностями тела человека. Способность у нервной сети усиливать некоторые сигналы относительно других появилась уже у древних примитивных животных. «Сигналы соревнуются друг с другом, победители усиливаются за счет проигравших, и победившие сигналы затем влияют на движения животного. Это и есть

моделирующая сущность внимания. Наше, человеческое, внимание — просто усложненная версия, состоящая из подобных компонентов» [16. С. 22].

Язык, нет никаких сомнений, имеет отношение только к победившим сигналам и сконструированным мозгом внутренним моделям. Более того, внутри языкового коллектива именно язык становится мощным инструментом для того, чтобы у воспитанных в его среде индивидуумов регулярно побеждали определенные сигналы и сформировался схожий набор внутренних моделей. Но одновременно, вариативность со-знания у разных языковых коллективов так же неизбежна в силу того, что в принципе могут побеждать не всегда только одни и те же сигналы, иными словами, мозг обладает некой свободой при конструировании схемы внимания.

Таким образом, для изучения закономерностей объективации субъективного (условий интерсубъективности) непосредственным объектом исследования становятся внутренние модели, которые контролируют внутреннее (подсознательное) внимание и порождают знание. Наш подход становится работоспособным, если к этим моделям применим структурный анализ, т.е. возможно познать механизм их функционирования путем выделения составляющих компонентов и описания их взаимоотношений и взаимодействий.

Следует отметить, что в лингвистических традициях прослеживается давнее стремление к определению НЕЧТО, «внутреннего» и «идеального», существующего в сознании (или в психике) человека, оперированием которым и обеспечивается продуцирование и понимание речи. Предложены разные термины для обозначения этого НЕЧТО («внутренняя форма» у В. фон Гумбольдта [47], «образ мира» у А.Н. Леонтьева [48], «когнитивная структура» у А.Е. Кибрика [49], «image schema» у М. Джонсона [50] и т.д.). Не совсем совпадают взгляды у разных ученых на сложное переплетение «познание — сознание — язык», но в целом они сходятся в том, что это «идеальное» формируется человеком в ходе его деятельности (или получения опыта).

Исследование «внутренних моделей», можно сказать, является продолжением этих изысканий, но с уточнением. Внутренние модели не рассматриваются нами в рамках идеи о «ментальной репрезентации»[9]. Для нас эти модели, мир (включая и внешний, и внутренний) и язык не находятся в отношениях «репрезентируемое и репрезентирующее». Наоборот, они неразделимы, они «сращены». Работа моделей, скорее, напоминает формулы в математике: при активизации модели генерируется знание, воспринимаемое разными людьми как естественное, точно так, как при заданных параметрах в математической формуле выводится единственный возможный результат. С активизацией моделей одновременно активизируется язык: как только ситуация «схвачена» моделью или моделями, человек готов ее вербализовать. В свою

[9]Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий : материалы «круглого стола» / В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.В. Катунин, И.Ф. Михайлов, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова, И.О. Щедрина, А.Ф. Яковлева // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5–35.

очередь, язык тоже способен активизировать внутренние модели, понимание в ходе коммуникации зависит от того, насколько совпадают активизированные модели у говорящего и воспринимающего. Акт осознания начинается со срабатывания модели, что практически мгновенно приводит человека в состояние «понимание», и на этом акт фактически завершен. «Мир (или знание)» и есть результат срабатывания моделей. Мы предполагаем, что физически модели, скорее, работают за счет устойчивых нейронных связей, которые, если не непосредственно обеспечивают функционирование языка, то по крайней мере, соединены с «языковыми» нейронными связями.

Таким образом, весь объем содержания языка есть реализация познавательного потенциала внутренних моделей. Согласно теории схемы внимания, модели, с которыми «сращены» языковые единицы, должны формироваться за счет обработки поступивших сигналов от органов чувств, в ходе которых одни сигналы подавляются, а другие — усиливаются. Исходя из этого, единицы из разных языков, имеющие якобы похожие или одинаковые «прямые» значения и неэквивалентные по «переносным» значениям, становятся именно теми наблюдаемыми материалами, которые позволяют нам проводить структурный анализ по отношению к внутренним моделям.

Кратко отметим общие принципы этого, возможного, структурного анализа функционирования внутренних моделей.

1. Если со-знание охватывает все ситуации, к которым применима определенная языковая единица и весь объем знания, который возникает или активизируется у носителей данного языка в этих ситуациях, то так называемые «прямые» или «переносные» значения языковой единицы следует рассматривать как продукты попытки систематизации со-знания, как толкование (вторичная вербализация) понимания перцептивных и неперцептивных ситуаций, схваченных внутренней моделью, с которой сращена данная единица. Толкование не открывает множество смысловых нюансов, непосредственно обусловленных генерирующей их внутренней моделью. По этим значениям мы можем лишь реконструировать наиболее типичные ситуации применения исследуемой единицы.

2. Значение НЕ переносится, значение появляется НЕ за счет некой мыслительной операции над другим значением. «Переноситься» может только человек. В момент своего формирования внутренняя модель уже «освобождается» от конкретной перцептивной ситуации (или перцептивного опыта) в том смысле, что сигналы от сенсомоторной системы искажены, абстрагированы и трансформированы, тем самым модель сразу приобретает определенный познавательный потенциал. Наиболее отличительная черта человеческого интеллекта как раз заключается в том, что для него не существует принципиальной разницы между физически ощутимым и чисто воображаемым[10].

[10] Эта особенность доказана экспериментально при применении магнитно-резонансной томографии: при физической манипуляции над физическим предметом и воображаемой манипу-

Применение языковой единицы в перцептивно воспринимаемой ситуации и перцептивно не воспринимаемой ситуации не имеет существенной разницы в том смысле, что во всех ситуациях происходит их схватывание одной и той же внутренней моделью.

3. Неэквивалентность единиц из разных языков по семантическому объему говорит о том, что они сращены с разными внутренними моделями. Совпадение «прямых» значений, скорее, является лишь поверхностным. При более тщательном рассмотрении типов перцептивных ситуаций, к которым применимы эти единицы, должно быть выявлено, какие сигналы наиболее значимы (т.е. какие «победили» при конкуренции с другими сигналами) для той или иной единицы. А сравнение неперцептивных ситуаций может уточнить выделенные сигналы и определить, сохраняется ли их взаимодействие при конструировании (схватывании) новой ситуации. Чисто теоретически можно предположить, что существует еще и градация по значимости у победивших сигналов, т. е. одни являются постоянно действующими и всегда активизируются, а другие — факультативными и активизируются не всегда, и в силу такой более тонкой настройки разные внутренние модели могут конструировать схожие ситуации и порождать схожее знание.

4. Формирование и функционирование внутренней модели предполагает постоянное «нахождение» человека внутри нее. Это дает нам основания предположить, что на процесс «конкуренции» между сигналами может оказать существенное влияние то, как человек позиционирует себя при взаимодействии со средой. По крайне мере, можно различить три когнитивных типа: человек-наблюдающий, человек-действующий и человек-испытывающий. Следовательно, следует обратить внимание на то, что на первый взгляд один и тот же побежденный сигнал может обладать познавательным потенциалом, отличающимся для человека-наблюдающего, человека-действующего и человека-испытывающего. Кроме того, внутри модели могут наличествовать разные позиции, т. е. допускается вариация позиции, «занимаемой» человеком в момент «схватывания» ситуации. Изменение такой позиции внутри модели может значительно повлиять на осознаваемое[11].

ляцией над изображением предмета в мозгу испытуемых активизируются одни и те же области (*Фрит К.* Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / пер. с англ. П. Петрова. М.: Астрель: CORPUS, 2011).

[11] У нас есть некоторые результаты по исследованию функционирования внутренних моделей на основе сравнения показателей направления в русском и китайском языках. Было доказано, что модель работает в эго-вовлеченном режиме: роль, которую может выполнять человек в ходе его взаимодействия со средой, напрямую влияет и на формирование модели, и на сам акт осознания. Так же показано, что параметры, обусловливающие различие при конструировании перцептивных ситуаций, также обусловливают и различие при конструировании неперцептивных ситуаций. А продукты акта осознания могут сильно отличаться в рамках реализации одной и той же модели в результате смены позиции, занимаемой человеком внутри модели и с которой осуществляется определение взаимоотношения между остальными компонентами модели [52–54].

Заключение

Рассматривая содержание языка (сознания или языкового сознания) как продукт акта осознания, мы сфокусировались на проблеме интерсубъективности знания и пришли к выводу, что познать механизм генерации знания путем определения условий интерсубъективности является выполняемой задачей. Этот механизм в принципе не может обеспечивать идентичность результата акта осознания, но древние когнитивные задатки еще до появления языка могли внутри группы тесно взаимодействующих людей синхронизировать модели, сформированные мозгом в результате конкуренции между сигналами, поступающими от сенсомоторных систем тела. Эффект синхронизации многократно усилился после появления языка: единицы естественного языка сращены с внутренними моделями, «ментальная наследственность» между поколениями, таким образом, обеспечивается освоением языка. Синхронизация моделей обеспечивает схожесть продуктов акта осознания, следовательно, определив внутренние модели как объект исследования и применив к ним структурный анализ, мы сможем немного заглянуть в подсознательный процесс, переводя «интуитивное» в дискурсивное.

Мы также убеждены, что механизм генерации содержания языка не отличается от механизма формирования научного знания. Рассмотренные в рамках этой статьи структурализм, репрезентационализм, анти-репрезентационализм, по сути, тоже являются моделями, которые обладают разными познавательными потенциалами и позволяют исследователям прийти к определенным результатам. Конечно, не смотря на важную роль индивидуальной интуиции в науке, ученые всегда стремятся к соблюдению дискурсивной логики суждения. Однако, если смотреть в корень, то и языковая интуиция, и дискурсивная логика функционируют за счет того, что схожие мыслительные операции могут повторяться у разных людей, и результаты этих операций тем самым приобретают для них «объективность». Работоспособность моделей (в виде научных гипотез) в науке проверяется их объяснительной силой при появлении новых данных, а «работоспособность» языковых моделей — самой жизнедеятельностью их создателей.

Исследование закономерностей формирования интерсубъективности, на наш взгляд, имеет особо важное значение для современного мира. Сама постановка вопроса позволяет нам с новой позиции оценивать вариативность языка и культуры у разных народов, а также различия в их социальном строе и историческом пути развития. Вероятно, что вся наблюдаемая вариативность в определенной степени предопределена вариативностью наиболее значимых внутренних моделей. Это означает, что любое навязывание идей, рожденных в одной языковой и культурной среде, представителям другого языка и культуры, обречено на неудачу или приведет к конфликту, если стоящая за ней модель чужда для другого языка и культуры. Это также означает, что для реально эффективного взаимодействия необходимо справиться со сложной

когнитивной задачей: осознать происхождение собственной интерсубъективности и понять основы чужой интерсубъективности. И как мы полагаем, лингвистика сможет внести свой вклад в решение этой задачи.

Список литературы

1. *Маслова В.А.* Современная лингвистика — наука о человеке, его сознании, языке и культуре // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 1. С. 6–11. https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11 EDN: YSHMJJ
2. *Василевич А.П.*, *Зимняя И.А.*, *Леонтьев А.А.* Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. : Просвещение, 1993. EDN: YOTNOU
3. *Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. М. : Academia, 2005. EDN: QRMSYH
4. *Pinker S.* The Stuff of Thought: Language as s Window into Human Nature. London : Penguin books, 2007.
5. *Бабина Л.В.*, *Безукладова И.Ю.*, *Беляевская Е.Г.* и др. Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2017. EDN: YGTCSP
6. *Демьянков В.З.* Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний : сб. науч.-аналитических обзоров. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 1992. С. 39–77. EDN: SMSNYT
7. *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : Издательский дом ЯСК, 2019. EDN: OXLIYG
8. *Беляевская Е.Г.* Интерпретация знаний о мире в языке и ее основные типы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 13(752). С. 9–17. EDN: DVTBKG
9. *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. EDN: RFKRHN
10. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М., Калуга : Институт языкознания РАН, 2011. EDN: QWTTFN
11. *Зализняк А.А.* Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51. EDN: PYYZOH
12. *Zalizniak A.A.* The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22. № 4. P. 770–787. https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787 EDN: YQDOXR
13. *Ervas F.* (Becoming) Experts in Meaning Ambiguities // Humana. Mente Journal of Philosophical Studies. 2015. Vol. 28. P. 225–243.
14. *Асмус В.Ф.* Проблема интуиции в философии и математике. М. : Мысль, 1965. EDN: VQMKVJ
15. *Фейнберг Е.Л.* Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино : Век 2, 2004.
16. *Грациано М.* Наука сознания. Современная теория субъективного опыта. М. : Альпина нон-фикшн, 2021.
17. *Марков Б.В.* Антропологический поворот в философии XX в. // Очерки социальной антропологии. СПб. : Петрополис, 1995. С. 18–29.
18. *Ростова Н.Н.* Антропологический поворот в философии: антропология vs онтология // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 93–98. https://doi.org/10.17223/15617793/456/10 EDN: MXLLIH
19. *Смирнов С.А.* Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск : Офсет-ТМ, 2016. EDN: XGPQNV
20. *Тахтамышев В.Г.* Антропологический поворот в отечественной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2022. № 2(123). С. 46–51. https://doi.org/10.18522/1997-2377-2022-123-2-46-51 EDN: XBZTVW

21. *Огурцов А.П.* Философия науки: двадцатый век : Концепции и проблемы : Философия науки и историография. СПб. : Міръ, 2011.
22. *Беляевская Е.Г.* Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике : сб. науч. трудов. М. : ИНИОН РАН, 2008. С. 64–81. EDN: MWMQDJ
23. *Живов В.*, *Тим-Берлейк А*. Расставаясь со структурализмом (Тезисы для дискуссии) // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 3–14. EDN: PYINGN
24. *Алпатов В.М.* Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики. М. : Альпина нон-фикшн, 2018.
25. *Кравченко А.В.* О вреде структурализма для здоровья общества: язык как экологическая ниша человека // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1(6). С. 354–370. EDN: WELTIZ
26. *Звегинцев В.А.* Семасиология. М. : Изд-во Московского ун-та, 1957.
27. *Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография: Избранные труды. М. : Наука, 1977.
28. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Лексическая семантика. М. : Восточная литература, 1995.
29. *Taylor J.R.* Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford : Oxford University Press, 1989.
30. *Lakoff G.* Classifiers as a reflection of mind // Nouns and categorization: Proceedings of a Symposium on categorisation and noun classification. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1986. P. 13–51. https://doi.org/ 10.1075/tsl.7.04lak
31. *Янзина Э.В.*, *Корнеев О.В.* К вопросу о роли грамматики в создании языка древнегреческой философии // Индоевропейское языкознание и классическая философия. 2015. № 19. С. 1034—1050. EDN: UDNXCX
32. *Пикок А.* Эволюция — тайный друг веры / Пер. с англ. М. : ББИ, 2013. (Серия «Наука и богословие»).
33. *Серебренников Б.А.*, *Кубрякова Е.С.*, *Постовалова В.И.* и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М. : Наука, 1988.
34. *Кубрякова Е.С.*, *Шахнарович А.М.*, *Сахарный Л.В.* Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М. : Наука, 1991. EDN: WYZKZX
35. *Кошелев А.Д.* Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 15–40. EDN: ITVXMV
36. *Hauser M.D.*, *Chomsky N.*, *Fitch W.T.* The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? Science. New Series. 2002. Vol. 298. No. 5598. P. 1569–1579. EDN: EJGRNX
37. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : КДУ, 2011. EDN: QVXNUB
38. *Шимко Е.А.* Этнолингвистическая обусловленность языковой картины мира // Язык и культура. 2013. № 4. С. 185–190. EDN: REFGQV
39. *Хазимуллина Е.Е.* Общая лингвистическая теория мотивации: к постановке проблем // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2(43). С. 144–154. EDN: TPPEND
40. *McDowell J*. Mind and World. Cambridge : Harvard University Press, 1994.
41. *Князева Е.Н.* Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 91–104. EDN: REIGYZ
42. *Иванов Д.В.* Энактивизм и проблема сознания // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 88–104. EDN: WMTOGB
43. *Харман Г.* Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А.А. Писарева. М. : РИПОЛ классик, 2020.
44. *Залевская А.А.* Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. С. 4–12. EDN: LAUKNZ

45. *Дружинин А.С.*, *Фомина Т.А.*, *Поляков О.Г.* Эвфемизмы, дисфемизмы, ортофемизмы и экспериенциальный контекст: холистический взгляд на лингвистическую проблему // Язык и культура. 2020. № 50. С. 23–40. https://doi.org/10.17223/19996195/50/3 EDN: KIZKXC
46. *Дружинин А.С.* Язык и реальность: до или после, вместе или вместо? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 67–93. https://doi.org/10.17223/19986645/69/4 EDN: FYIEKT
47. *Гумбольдт В. фон*. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 2001.
48. *Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды. М. : Моск. психолого-социальн. ин-т; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001.
49. *Кибрик А.Е.* Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2008. №4. С. 51—77. EDN: ITVXNP
50. *Johnson M.* The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
51. *Кубрякова Е.С.*, *Демьянков В.З.* К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4(13). С. 8–16. EDN: IIQYOT
52. *Цзинь Т.* Модели ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ и их метафорический потенциал (на материале русского и китайского языков) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 277–292. https://doi.org/10.17223/18137083/73/19 EDN: GWTDAB.
53. *Цзинь Т.* Семантика как продукт оперирования ментальными моделями (на примере показателей направления вовне в русском и китайском языках) // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3(53). С. 107–127. https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-53-3-107-127 EDN: JBGAAI
54. *Цзинь Т.* Неэквивалентность полисемантов и механизм формирования со-знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 15–36. https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-15-36 EDN: GUWKQK

References

1. Maslova, V.A. (2018). Modern Linguistics — The Science of Man, His Consciousness, Language and Culture. *Humanitarian Vector*, 1, 6–11. (In Russ.). https://doi.org/10.21209/1996-7853-2018-13-1-6-11 EDN: YSHMJJ
2. Vasilevich, A.P., Zimnyaya, I.A., & Leont'ev, A.A. (1993). *Language and Consciousness: Paradoxical Rationality*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.) EDN: YOTNOU
3. Ryabtseva, N.K. (2005). *Language and Natural Intelligence*. Moscow: Academia. (In Russ.). EDN: QRMSYH
4. Pinker, S. (2007). *The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature*. London: Penguin books.
5. Babina, L.V., Bezukladova, I.Yu., Belyaevskaya, E.G., Besedina, N.A., Berzina, G.P., ... & Sharandin, A.L. (2017). *Interpretation of the World in Language: Collective Monograph*. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin publ. (In Russ.). EDN: YGTCSP
6. Demyankov, V.Z. (1992). Cognitivism, Cognition, Language and Linguistic Theory. In: *Language and Structures of Knowledge Representation: Collection of Scientific and Analytical Reviews* (pp. 39–77). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION). (In Russ.). EDN: SMSNYT
7. Boldyrev, N.N. (2019). *Language and the System of Knowledge. A Cognitive Theory of Language*. Moscow: LRC Publ. (In Russ.). EDN: OXLIYG
8. Belyaevskaya, E.G. (2016). Interpretation of the World and Knowledge of the World in the Language and its Main Types of Culture. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(752), 9—17. (In Russ.). EDN: DVTBKG

9. Kubryakova, E.S. (2012). *In Search of the Essence of Language: Cognitive Research*. Moscow: Znak. (In Russ.). EDN: RFKRHN
10. Ufimtseva, N.V. (2011). *Linguistic Consciousness: Dynamics and Variability*. Moscow–Kaluga: The Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences). (In Russ.). EDN: QWTTFN
11. Zaliznyak, A.A. (2013). Semantic Transition as an Object of Typology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2, 32–51. (In Russ.). EDN: PYYZOH
12. Zalizniak, A.A. (2018). The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. *Russian Journal of Linguistics, 22*(4), 770–787. https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-4-770-787 EDN: YQDOXR
13. Ervas, F. (2015). (Becoming) Experts in Meaning Ambiguities. *Humana. Mente Journal of Philosophical Studies*, 28, 225–243.
14. Asmus, V.F. (1965). *Intuition in Philosophy and Mathematics*. Moscow: Mysl' (In Russ.). EDN: VQMKVJ
15. Feinberg, E.L. (2004). *Two Cultures: Intuition and Logic in Art and Science*. Fryazino: Vek 2. (In Russ.).
16. Graziano, M.S.A. (2021). *Rethinking Consciousness. A Scientific Theory of Subjective experience*. Moscow: Al'pina non-fikshn.
17. Markov, B.V. (1995). Anthropological Turn in the Philosophy of the Twentieth Century. In: *Essays on Social Anthropology* (pp. 18–29). Saint Petersburg: Petropolis Ltd. (In Russ.).
18. Rostova, N.N. (2020). An Anthropological Turn in Philosophy: Anthropology vs Ontology. *Tomsk State University Journal*, 456, 93–98. (In Russ.). https://doi.org/10.17223/15617793/456/10 EDN: MXLLIH
19. Smirnov, S.A. (2016). *Anthropological Navigator: Toward the Event Ontology of Human Being*. Novosibirsk: Ofset-TM. (In Russ.). EDN: XGPQNV
20. Takhtamyshev, V.G. (2022). Anthropological Turn in Russian Philosophy. *Humane, Social and Economic Sciences*, 2(123), 46–51. (In Russ.) https://doi.org/10.18522/1997-2377-2022-123-2-46-51 EDN: XBZTVW
21. Ogurtsov, A.P. (2011). *Philosophy of Science: Twentieth Century. Concepts and Problems. Philosophy of Science and Historiography*. Saint Petersburg: Mir. (In Russ.).
22. Belyaevskaya, E.G. (2008). Semantics in three Paradigms of Linguistic Knowledge (Criteria for Choosing a Method). In: *Paradigms of Scientific Knowledge in Modern Linguistics. Series "Theory and History of Linguistics"* (pp. 64–81). Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION). (In Russ.). EDN: MWMQDJ
23. Zhivov, V., & Tim-Berleik, A. (1997). Parting with Structuralism (Talks for Discussion). *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 3–14. (In Russ.). EDN: PYINGN
24. Alpatov, V.M. (2018). *Linguistics: from Aristotle to Computational Linguistics*. Moscow: Al'pina non-fikshn. (In Russ.)
25. Kravchenko, A.V. (2016). On how Structuralism Harms the well-being of Society: Language as the Ecological Niche of Humans. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 1(6), 354–370. (In Russ.). EDN: WELTIZ
26. Zvegintsev, V.A. (1957). *Semasiology*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.).
27. Vinogradov, V.V. (1977). *Lexicology and Lexicography. Selected Works*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
28. Apresyan, Yu.D. (1995). Lexical Semantics. In: *Selected Works* (Vol. I.). Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.).
29. Taylor, J.R. (1989). *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Oxford University Press.
30. Lakoff, G. (1986). Classifiers as a Reflection of Mind. *Nouns and Categorisation*: *Proceedings of a Symposium on Categorisation and Noun Classification* (pp. 13–51). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. https://doi.org/10.1075/tsl.7.04lak

31. Yanzina, E.V., & Korneev, O.V. (2015). Some Comments on the Role of Grammar in Creation of the Language of Ancient Greek Philosophy. *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 19, 1034–1050. (In Russ.). EDN: UDNXCX
32. Peacocke, A. (2004). Evolution: the Disguised Friend of Faith? Selected Essays. Templeton Foundation Press. (Russ. ed.: Pikok, A. (2013). E`volyuciya — tajny`j drug very` Moscow: Izdatel`stvo BBI).
33. Serebrennikov, B.A., Kubryakova, E.S., Postovalova, V.I., Teliya, V.N., & Ufimtseva, A.A. (1988). *The Human Factor in Language: Language and the Picture of the World*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
34. Kubryakova, E.S., Shakhnarovich, A.M., & Sakharnyi, L.V. (1991). *The Human Factor in Language: Language and the Speech Production*. Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: WYZKZX
35. Koshelev, A.D. (2008). On the Principal Paradigms of Studying Natural Languages in The Light of Cognitive Linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 15–40. (In Russ.). EDN: ITVXMV
36. Hauser, M.D., Chomsky, N., & Fitch, W.T. (2002). The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? Science. *New Series*, 298, 5598, 1569–1579. EDN: EJGRNX
37. Kornilov, O.A. (2011). *Language Pictures of the World as Derivatives of National Mentalities*. Moscow: KDU. (In Russ.). EDN: QVXNUB
38. Shimko, E.A. (2013). Ethnolinguistic Conditionality of the Linguistic Picture of the World. *Language and Culture*, 4, 185–190. (In Russ.). EDN: REFGQV
39. Khazimullina, E.E. (2015). General Linguistic Theory of Motivation: to the Statement of the Problem. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2(43), 144–154. (In Russ.). EDN: TPPEND
40. McDowell, J. (1994). *Mind and World*. Cambridge: Harvard University Press.
41. Knyazeva, E.N. (2013). Enactivism as a Conceptual Turn Epistemology. *Voprosy Filosofii*, 10, 91—104. (In Russ.). EDN: REIGYZ
42. Ivanov, D.V. (2016). Enactivism and the Problem of Consciousness. *Epistemology & Philosophy of Science*, *49*(3), 88–104. (In Russ.). EDN: WMTOGB
43. Harman, G. (2018). *Speculative Realism: an Introduction*. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons. (Russ. ed.: Kharman, G. (2020). *Spekulyativnyi realizm*: *vvedenie*. Moscow).
44. Zalevskaya, A.A. (2007). Dynamics of Approaches to Knowledge Problems and Targets for Psycholinguistic Research. *Journal of Psycholinguistics*, 5, 4–12. (In Russ.). EDN: LAUKNZ
45. Druzhinin, A.S., Fomina, T.A., & Polyakov, O.G. (2020). Euphemisms, Dysphemisms, Orthophemisms and Experiential Context: a Holistic View on the Linguistic Problem. *Language and Culture*, 50, 23–40. (In Russ.). https://doi.org/10.17223/19996195/50/3 EDN: KIZKXC
46. Druzhinin, A.S. (2021). Language and Reality: Before or After, In or Instead? *Tomsk State University Journal of Philology*, 69, 67–93. (In Russ.). https://doi.org/10.17223/19986645/69/4 EDN: FYIEKT
47. Gumbol'dt, V. fon. (2001). *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
48. Leont'ev, A.A. (2001). *Language and Speech Activity in General and Pedagogical Psychology: Selected Psychological Works*. Moscow: Moscow University of Psychology and Social Sciences; Voronezh: MODEK. (In Russ.).
49. Kibrik, A.E. (2008) Linguistic Reconstruction of the Cognitive Structure. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 51–77. (In Russ.). EDN: ITVXNP
50. Johnson, M. (1987). *The Body in the Mind: the Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago: University of Chicago Press.
51. Kubryakova, E.S., & Demyankov, V.Z. (2007). On Mental Representations. *Issues of Cognitive Linguistics*, *4*(13), 8–16. (In Russ.). EDN: IIQYOT
52. Tszin, T. (2020). Models of DOWNWARD motion and their metaphorical potential (in Russian and Chinese). *Siberian Journal of Philology*, 4, 277—292. (In Russ.). https://doi.org/10.17223/18137083/73/19 EDN: GWTDAB

53. Tszin, T. (2022). Semantics as a Product of Mental Model Operation (on the Example of Movement Direction outward in the Russian and Chinese Languages). *Journal of Psycholinguistics*, 3(53), 107–127. (In Russ.). https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-53-3-107-127 EDN: JBGAAI
54. Tszin, T. (2022). Nonequivalence of Polysemants and the Mechanism of Forming Co-knowledge. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 15–36. (In Russ.). https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-15-36 EDN: GUWKQK

Сведения об авторе:

Цзинь Тао, кандидат филологический наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: социолингвистика, когнитивная лингвистика, ментальные модели, полисеманты; *e-mail*: tszin-t@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-1949-8817, SPIN-код: 9313-6756, AuthorID: 719998.

Information about the authors:

Tao Tszin, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, the Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya Str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: sociolinguistics, cognitive linguistics, mental representations, policemants; *e-mail*: tszin-t@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-1949-8817, SPIN-код: 9313-6756, AuthorID: 719998.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 161–174
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-161-174
EDN: HVFRFO

Research Article / Научная статья

Ethnopoetic Constants as Semiotic Structures: Functioning in Literary Text

Elmira A. Seitkazy[1], Olga A. Valikova[2]✉, Natalya K. Sarsekeeeva[1], Nazgul T. Yedrenova[1]

[1]Al-Farabi Kazakh National University, *Almaty, the Republic of Kazakhstan*
[2]RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉valikova-oa@rudn.ru

Abstract. Ethnopoetics is an integrative discipline in the humanities, whose main task is to study the national characteristics of specific literatures by appealing to semiotic elements of varying degrees of complexity — archetypes and archetypal motifs, concepts-sensibilities, cultural codes (from spatial to spiritual), and genre structures. All of the above units act as ethnopoetic constants — recurrent and retransmitted concepts that form national linguistic worldviews, manifested in a work of art as a semiotic field of a complex, palimpsestic nature. The purpose of this study is to analyze the ethnopoetic constants of Kazakhstani Russian-language artistic discourse from the point of view of their semiotic affiliation. Particular attention is paid to the consideration of the sensibility concept "EMSHAN" ("wormwood") and its correlation with the archetypal complex "HOME." The material for the study was the eponymous story ("poem in prose") by M. Simashko, narratively organized as a sequence of events possessing the semiotic characteristics of consecutiveness, unity, irreversibility, transformativeness, and the subject's crossing of the semiotic boundary. In the course of the study, we came to the conclusion that ethnopoetic constants are not only formants of the linguistic picture of the world of a particular ethnic group, but also serve as the substrate basis of the aesthetic whole. The taxonomic distribution of ethnopoetic constants is the perspective of this study.

Key words: concept, archetype, cultural code, narrative, Russian-language prose of Kazakhstan

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Seitkazy, E.A., Valikova, O.A., Sarsekeeeva, N.K., & Yedrenova, N.T. (2026). Ethnopoetic Constants as Semiotic Structures: Functioning in Literary Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 161–174. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-161-174 EDN HVFRFO

© Seitkazy E.A., Valikova O.A., Sarsekeeeva N.K., Yedrenova N.T., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Этнопоэтические константы как семиотические структуры: функционирование в художественном тексте

Э.А. Сейтказы[1], О.А. Валикова[2]✉, Н.К. Сарсекеева[1], Н.Т. Едренова[1]

[1]Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, *Алматы, Республика Казахстан*
[2]Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉valikova-oa@rudn.ru

Аннотация. Этнопоэтика — интегративная дисциплина гуманитарного цикла, главная задача которой — исследовать национальное своеобразие конкретных литератур путем апелляции к семиотическим элементам разного уровня сложности — архетипам и архетипическим мотивам, концептам-сенсибилиям, кодам культуры (от пространственного до духовного), жанровым структурам. Все перечисленные единицы выступают как этнопоэтические константы — рекуррентные и ретранслируемые концепты, формирующие национальные языковые картины мира, явленные в художественном произведении как семиотическом поле осложненной, палимпсестной природы. Цель настоящего исследования — проанализировать этнопоэтические константы казахстанского русскоязычного художественного дискурса с точки зрения их семиотической принадлежности. Особое внимание уделяется рассмотрению сенсибилического концепта «ЕМШАН» («полынь») и его корреляции с архетипическим комплексом «ДОМ». Материалом для исследования послужила одноименная повесть («поэма в прозе») М. Симашко, нарративно организованная как последовательность событий, обладающих семиотическими признаками консекутивности, одноактности, необратимости, трансформативности и пересечения субъектом семиотической границы. В ходе исследования мы пришли к выводу, что этнопоэтические константны являются не только формантами языковой картины мира того или иного этноса, но и служат субстратным базисом эстетического целого. Таксономическое распределение этнопоэтических констант — перспектива настоящего исследования.

Ключевые слова: концепт, архетип, культурный код, нарратив, русскоязычная проза Казахстана

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Seitkazy E.A., Valikova O.A., Sarsekeeeva N.K., Yedrenova N.T.* Ethnopoetic Constants as Semiotic Structures: Functioning in Literary Text // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 161–174. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-161-174 EDN HVFRFO

Introduction

The term “ethnopoetics,” which has not yet been codified in Russian-language dictionaries, first began to be actively used in foreign scientific discourse. D. Rotenberg and J. Rotenberg believed that appealing to the ethnic substrate of national cultures contributes to the expansion of the expressive possibilities of language [1. P. 50]. The definition was introduced by Rotenberg in the process of recording and studying the poetry of American Indians; the scholar and his colleagues needed a fundamentally new episteme to analyze the material and

translate it into English. The scholars [2; 3] set themselves the goal of preserving poetic texts that had not been recorded in writing in the English language. The method of "total translation" was used.

H. Jason emphasizes that ethnopoetics is oriented towards linguistics: it is designed to study the qualitative features of oral literature and its mythical subtext [2. P. 273]. This approach is very productive. V.N. Zakharov [4] and O.V. Zyryanov [5] apply it in an ethno-confessional context. In the folklore-mythological aspect, it is used by O.K. Lagunova [6] and A.E. Chernova [7]. The introduction of a new integrative scientific discipline is the merit of V.N. Zakharov, who argues that ethnopoetics should study the national uniqueness of specific literatures [4. P. 6]: "Among the various disciplines that begin with the word ethno-, there is clearly one missing — ethnopoetics, which should study the national characteristics of specific literatures and their place in the global artistic process. It should provide an answer to the question of what makes a given literature national."

Terminological field of ethnopoetics was significantly expanded by V.M. Gatsak, who proposed the concept of ethnopoetic constants [8]. In the works of his followers, ethnopoetic constants are understood as stylistic and plot-narrative coordinates of the depicted folkloric world. O.V. Zyryanov examines the works of Russian classics — A.S. Pushkin, F.M. Dostoevsky, and others — from the perspective of the ethnopoetic approach [5]. K.K. Sultanov has made a significant contribution to the development of this new discipline, insisting on the importance of relying on the principle of typological commonality. It is this principle that allows us to identify the national and individual in the works of regional writers [9; 10]. The researcher discusses the dominant images and symbols in the text, archetypal attitudes, and basic concepts of culture, which serve as evidence of the ontological nature of ethnicity. It is the ethnic substratum of the narrative that represents the cultural code, as well as the axiological elements of national existence. "The works of these scholars use a wide variety of methods for studying ethnopoetics: contextual and intertextual analysis, mythopoetics, motivic and archetypal analysis, concept analysis, narratological and genre studies. Thus, the ethnopoetic approach is applied in a field of research where the search and explanation of how ethnocultural constants are embedded in the text and change its meanings is carried out. Summarizing the experience of the studies conducted, we note that the terminological variability of concepts is due to their interdisciplinary nature, since the main national constants can be spatial, temporal, subject-specific, spiritual, and religious [11. P. 213].

The areas of application of the ethnopoetic approach are quite diverse. One of the promising directions in contemporary humanities is ethnopoetic folklore studies. Nevertheless, a number of scholars ([12–14]) define its place within the circle of linguistic disciplines.

Thus, ethnopoetics is a branch of philology that aims to record, systematize, and analyze those elements of a literary text that appeal to its archetypal substrate and signal its belonging to a particular ethnic "dimension." These elements act as markers, the taxonomic distribution of which has yet to be determined by science.

We see ethnopoetics as a promising area of research, as its tools allow us to take into account the uniqueness of national linguistic worldviews, which are heterogeneous in their composition. When dealing with complex phenomena such as Russian-language literature in Kazakhstan, we must take into account that the linguistic representation of literary material may not fully or partially coincide with the cultural affiliation of the text itself. In this case, the ethnopoetic approach gives us significant results. By immersing ourselves in the national identity of the source culture, we can identify the elements that contribute to the retransmission of ethno-specific content.

The methods used in the analysis are relevant to the task we have set ourselves: first and foremost, these are description and systematization, as well as the combinatorial method, which is a combination of modern concepts that have developed in ethnopoetics. These include the study of the specifics of national literatures [15], national worldviews [16–18], and regional literatures.

Most modern researchers consider thesaurus analysis to be productive — the study of an individual's and collective's conceptological lexicon, which is formed by concepts — "quanta of meaning," mental cells of a person's cognitive space. Concepts, in turn, constitute the cultural code of language, the elements of which allow one to penetrate the national imagination and, when it comes to concepts-sensibilities, the national experience. According to V.I. Zakharov, ethnopoetic constants are concepts that form the national linguistic picture of the world. As a rule, they contain cultural information encoded in specific images and symbols [4].

Results & Discussion

A holistic analysis of a literary text focuses on its palimpsestic nature, permeated with multiple codes. Ethnopoetic constants are semiotically significant elements of literary text. When properly deciphered, they can reveal important information embedded in ontological motifs — retransmitted units of narrative characteristic of the worldview of a particular ethnic group. We reconstruct and describe archetypal concepts of culture, which, according to V.I. Karasik, represent a regulatory parametric/non-parametric phenomenon with the following properties: 1)- generality; 2) emotiveness; 3) recurrence; 4) retransmissibility [19].

In the process of intergenerational transmission, such concepts do not undergo significant semantic modification, as they have a constant core and an adaptive periphery. With a limited repertoire of archetypal concepts, their implementation in the artistic text is characterized by increased variability. Their manifestation occurs at different semiotic levels: motivational; figurative; code.

From a semiotic point of view, motifs are discrete retransmitted units that can be characterized as "plot engines." In A.N. Veselovsky's "Poetics of Plots," a motif is an indivisible semantic whole that cannot be divided into simpler units without losing the unity of its meaning [20]. At the same time, it is noteworthy that a motif is morphologically divisible. It is a narrative formula with certain constituent parts. The variability of the components of a motif does not violate the integrity of its

semantics. The scholar thus insists on the fact that the invariant of the motif determines the semantics of its variants by means of a set of differential features. A complex motif forms a plot. I.V. Silantyev, however, puts forward the hypothesis that the motif is semantically indivisible not from the point of view of logic, but from the point of view of aesthetically significant semantics [21]. V.B. Shklovsky considers the motif as an integral semiotic whole of the plot, themes as units of the plot [22]. A motif as a sign with a plane of expression and a plane of content can be correlated not only with a symbol, but also with an archetype.

An archetype is a pattern of the collective unconscious that accumulates universal human ideas about the world. It is a retranslative concept with a universal core (determined by similar human ideas about the organization of the world order) and a variable, flexible periphery that adapts to specific extralinguistic factors: the habitat of the ethnic community, the climatic conditions of its existence, etc.

Both the motif and the archetype as a regulatory concept semiotically refer to ethnopoetic constants. They represent cultural codes, among which the most significant are: spatial; temporal; object; biomorphic; somatic; spiritual [23]. Ethnopoetic constants can be realized not only in the content of a work, but also at the level of its external representation, in the system of genres as formulas of aesthetically obtained truth. Thus, in S. Sanbaev's story "When They Thirst for Myth"[1], we find a fragment describing a starry night capable of awakening memories of the legendary past of the steppe lands: the hills await the hour when they will come alive again in the old man's stories; the fortress cities and bustling villages will rise again; the legend will breathe life into all living and non-living things, acting as the savior of human memory. This linguistically and poetically significant fragment is accentuated in the last part of the text, which is expressively saturated and semiotically intense: it goes back to the national genre of tolgau, a poem-reflection with a polycentric structure. This rhythmic pattern is determined by an ethno-specific worldview, in which the earth itself is perceived as an endlessly rotating sphere. Its movement is commensurate with the cycles of life-death-life of the Great Steppe, which knows no beginning and no end and exists in a series of natural transformations. Hence the polycentric composition characteristic of reflections-contemplations (tolgau), "weeping for the end of the world" (zhoktau), and kyuy, which main purpose is to harmonize the world. It is no coincidence that in the above fragment, the past comes to life in the words of an old man who is culturally associated with the image of a demiurge, a shaman, a baksy. This has connotations with the image of the great Korkyt, who, in his search for eternal life, invented an instrument sacred to the Kazakh people — the kobyz. The kobyz was created as a counterweight to chaos and death. According to legend, it was made from the skin of a magical camel. As a zoomorphic concept of culture, the camel symbolizes the idea of the unity of the universe, as its external appearance combines elements of the appearance of all known animals. It is no coincidence that in S. Sanbaev's story "White Arwana," it is the camel that symbolizes the motif of

[1] Sanbayev, S. When Myths Are Craving. Almaty: Zhasushy, 1989.

eternal return and appeals to the archetypal complex of "HOME": death in a foreign land is perceived by animals as existentially preferable to life in a foreign land.

Despite the fact that the texts presented are written in Russian, their structure contains an archetypal substrate that forms the aesthetic reality of the artistic whole. Let us try to analyze the archetypal concept of "EMSHAN" in the eponymous story by M. Simashko. The story is a conditional definition. The work is also classified as a "poem in prose," and we find this genre designation more acceptable. The text, which is limited in volume (each paragraph, from 3 to 9 lines, can be considered a "stanza"), is organized according to the principle of polyfragmentarity: each fragment represents an event that arises in the memory of the main character, Beibars. From the point of view of semiotic narratology, an event is an exceptional situation that contributes to the launch of transformational plot twists. Unlike the proposition underlying an everyday situation, an event is single-act, consequential, irreversible, and requires the protagonist to cross a semiotic boundary. The technique of analeptic repetition allows the author to return the protagonist to his past and evaluate it from the height of his acquired experience. The impulse for analeptic "leaps" is provided by the ethnospecific vocative "kuke" — a word that the hero cannot decipher until the very end. The short text is characterized by an "epic expanse" that gravitates toward the genre of the poem, as does the choice of an exceptional historical figure as the acting subject.

The poem touches on a dramatic theme for the steppe people: the destruction of the Kipchak ethnic group during the Mongol conquest and the gradual rise of the slave Beibars in the state of Misr, medieval Egypt. The idea was suggested by O.O. Suleimenov. It is noteworthy that the motif of power does not become transformative for the plot: the hero, faithful to his inner code, remains himself in the ship's hold, in the slave barracks, and on the throne. Life, according to Beibars, is an endless struggle. He despises weak-minded men and tearful women. The only word that instills indelible bitterness in the sultan's soul is *kuke ("father"). Kuke* is a concept-sensibility with a high degree of perceptiveness and sensory perception. In the narrative structure of the story, it plays the role of an analeptic impulse, returning the hero to his past. The events of this past are dramatic. Remembering himself in the saddle, the hero actualizes the motif of the centaur-man, once a Kipchak and carrying within himself echoes of the steppe life. A little slave who killed three people for a piece of bread. A Genoese rower and overseer who chose a new name for himself. A Mamluk warrior bought at a slave market. A great hero who fought the Crusaders. The emir of the sultan himself. A rebel who raised an uprising and took the sultan's place. The series of events that tempered Beibars' soul did not erase the bitter word *"kuke"* from his memory. Only at the end of his life, in the rays of the setting sun, did a flash of memory illuminate the hero: the desert at sunset, a little boy calling out to his dead father, pierced by an arrow, and the fragrance of *emshan* — wormwood.

Kuke-e! The word suddenly tore at his throat. His lips immediately became bitter. And he remembered everything...

This tall, bitter grass smells so good, red from the evening sun. And the red sand turns blacker. And a man lies on the sand, and it is his kuke. And the boy cries and pulls his kuke by his big hand. Only he is afraid to touch the arrow with its black, stiff feathers...

The sand turns black. And everything around turns black. And the smell becomes thicker, and it is so bitter that you cannot lick your dry lips. And green dots are very close in the bitter darkness. There are more and more of them around, and they are getting closer. And he presses himself against the big cold kuke, and he feels warm, and he is not so afraid...

The concept of "EMSHAN" becomes representative of the motif of memory, made explicit in Beibars' decision to drink the cup of poison and reunite with his family forever.

The semiotic nature of the concept of "EMSHAN" is revealed through the pretext of the poem "A Dry Bundle of Steppe Grass," given in the epigraph, which becomes an important intertextual impulse. The reader is presented with the voice of a singer narrating about Khan Syrchan and his brother Otrok. Otrok was defeated by the troops of Vladimir Monomakh and fled to the Caucasus Mountains, where he managed to rise to the rank of Tsar. After Monomakh's death, Syrchan sends a singer to Otrok to "give up everything... To go to his inheritance, to the fragrant steppes." Sensing that his brother would not respond to the songs of his native land, Syrchan ordered the singer to give Otrok a bunch of dry steppe grass — emshan. Having renounced everything, Otrok returns to the free steppes. "EMSHAN" as a phytonymic code of culture and concept-sensibility correlates with the archetype "HOME" — the ontological center of the universe.

Archetypal motifs are rooted in fundamental cultural concepts, such as images of "home," "one's circle," and the like. It is important to emphasize that a motif is not identical to an archetype, but embodies it in a narrative structure. The archetype of "home," one of the most ancient in cultural heritage, is historically closely linked to the idea of "one's own space" or "one's own circle." In the early periods of human development, the boundaries of "one's own" were of exceptional importance. The area that people knew and that ensured their survival was considered sacred. The entire territory beyond its borders was perceived as dangerous and threatening. The concept of "one's own circle" encompassed not only geographical boundaries, but to a greater extent, family ties. The image of "home" in mythological and literary traditions is often filled with archetypal meaning, which is clearly evident in common plots where heroes explore and settle in various places.

An archetype is a model embedded in the collective unconscious, where people's ideas about reality are concentrated. This universal knowledge is passed down from generation to generation. As an element of mental structure, the archetype reflects the generalized, original, and therefore universal ideas of the collective about the world. Its stability is due to the stability of its core meaning. The structure is characterized by a variable, changeable periphery, which is formed under the influence of the historical and geographical context.

The archetype is a phenomenon that affects both the individual and collective aspects of human experience. Despite differences in the geographical location of various ethnic groups, the original living conditions of people were very similar. The formation of communities was a key factor in survival, which led to community members being perceived as "their own," as opposed to "strangers," who became "enemies." In the early periods of human history, belonging to "one's own circle" was considered the highest value. According to C.G. Jung, archetypes are fundamental and common images embedded in the collective unconscious of humanity [24]. Archetypes are organically linked to myths, which embody primitive models of perception of the world. A myth is not just an abstract idea, but a living, emotionally charged reality that is perceived by a person as something urgent and immediate. Mythology is not a system of schemes, but a living, illustrative reflection of existence. Archetypes not only accumulate meanings, but also play an important role in cognition, information transfer, the formation of value orientations, the reflection of relativity, and conceptual thinking.

In the search for archetypal content, turning to mythology and literature proves to be most fruitful. The home is an archetype associated with space. It satisfies the fundamental human needs for security, communication, and a sense of belonging to one's group. The opposition of order and chaos lies at its core.

The term "archetype" was first introduced into scientific discourse by C.G. Jung, who was involved in analytical psychology. It is important to note that the idea of the existence of universal models of collective experience predated Jung's work and can be found in the writings of thinkers such as Philo of Alexandria, Dionysius the Areopagite, Plato, and Augustine. Jung considered archetypes to be analogous to Durkheim's "collective representations," Kant's "a priori ideas," and the "behavior patterns" studied by behaviorists. Jung considered the archetype to be not just a pattern, but a fundamental structure embedded in the collective unconscious and passed down from generation to generation. It is the embodiment of powerful psychic energy that manifests itself in human consciousness. According to Jung, the myths of different cultures are the result of the embodiment of archetypes. He emphasized the metaphorical nature of archetypes, seeing them as multidimensional symbols.

According to archetype theory, all cultural creations of humanity form a single meta-story, where an infinite variety of manifestations reflects a limited number of fundamental life situations structured by archetypal patterns.

In the first half of the twentieth century, there was a tendency to mythologize everyday language and ordinary phenomena, discovering mythological roots in them. Against this backdrop, various concepts were formed that explored the mythological aspect of culture. Among them are: the theory of the incarnation of Apollo in the person of Grigoriev, Odoevsky's historiosophical concept, Solovyov's sophrology, Fedorov's "common cause" project, Florensky's concept of "primary symbols," and Veselovsky's theory of stable motifs. Within the framework of narratology, concepts such as mytheme (Lévi-Strauss), archimotive

(Bremen), and archetypal motif (Meletinsky) have emerged, which help to analyze mythological structures in texts.

Artistic creations are interpreted as systems of codes, continuous semiotic chains, mythocentric constructions reflecting mental models. In scientific discourse, the concepts of "mythopoetics," "mythopoetic subtext," and narrative models in literature are increasingly used.

Human spiritual life finds expression in various forms, among which ritual and myth occupy a special place. Myths from different cultures serve as a kind of repository of archetypes. In linguistics and literary studies, the archetype is closely related to the concept of "motif." An archetypal motif, which is a miniature plot, combines all the key components that drive it. The set of motifs forms a more extensive structure — the plot. Archetypal motifs are often found in literature, such as an encounter with a demonic creature, marriage to a princess, or a journey, notes Meletinsky.

Such renowned researchers as E.M. Meletinsky, V.N. Toporov, B.A. Uspensky, and Y.M. Lotman have studied literary archetypes. However, creating a clear classification system for archetypes proves difficult. Despite this, E.M. Meletinsky attempted to identify several groups of archetypes. Although the researcher did not touch on the topic of spatial archetypes, such as the archetype of home, he emphasized the inextricable link between the description of the world by mythological consciousness and its narration. According to Meletinsky, the key archetypal motif is the conflict between Cosmos and Chaos. The theme of creation is closely intertwined with the concept of time, within which the motif of the hero's journey through space and interaction with different spheres and worlds is highlighted. The hero most often acts outside his home, in the outside world. In contrast to home, the forest is a symbol of "foreign" territory. Meletinsky introduces the term "archetypal motif," which refers to a mini-plot with clearly defined elements (subject, action, and object) that carries a deep universal meaning [25].

Yuri Domansky considers spatial archetypes as a separate category. He groups archetypal motifs according to thematic characteristics: connections with elements of nature, human life cycles, and human location in space. Domansky identifies six basic motifs: motifs related to weather and seasons, orphanhood and widowhood, forests and dwellings. At the same time, he emphasizes that each archetypal motif contains a whole set of semantic associations [26].

In the modern understanding, a spatial archetype is a universal image of space, passed down from generation to generation, which permeates the entire history of human culture. This image is usually based on contrasts, such as "home — forest," "home — road," "home — anti-home." The key element here is the "boundary" — the line separating "self" space from "other."

In the texts we have examined, the potential of the sensibility concept "EMSHAN" proves to be inexhaustible. In terms of narrative structure, the plots are similar: both Beibars and Otrok are ready to choose death in their homeland over life in a foreign land. Beibars returns to the world of his kind, the world of

primordial memory. Otrok, having renounced his title and wealth, experiences social death in order to return home to his native steppe.

It is no coincidence that M.S. Mukhamadiev considers wormwood to be one of the basic concepts of Kazakh linguistic culture and one of the ethno-poetic constants of Kazakh literature. The researcher cites a number of works in which the "wormwood branch" becomes a symbolic image: "A Sprig of Wormwood" by A. Khasanov, "A Branch of Darmina" by R. Nasyrov, "The Bitter Smell of Wormwood" by S. Muratbekov, "Wormwood and Flowers" by D. Doszhanov, "Wormwood" by D. Isabekov, "Yemshan" by M. Simashko, "Wormwood of a Foreign Land" by A. Moskalenko. "For the modern Kazakh novel, the wormwood theme is its own internal theme, which it develops very persistently, revealing the integrity of the concept <...> Wormwood, as a steppe grass, is inextricably linked to the image of the steppe. The steppe, like a mirror, reflects, remembers, and preserves human joys and sufferings" [27. P. 146].

Wormwood is a concept that is used as an axiologem in a number of works of Kazakhstani literature. Hence the conceptual metaphors *of wormwood of memory, wormwood of foreign lands, wormwood of separation, wormwood of reflection.*

In the poetics of the poem in prose "Emshan," the semantics of the title have special significance, being made explicit in the text as a symbolic image that contributes to the development of the author's idea. This axiologem accumulates the features of wormwood-memory; repeating itself in the text, the image acquires the features of a dominant, becoming a symbol of memory of the homeland. It is also symptomatic that Simashko uses the Turkic phytonym *yemshan* as the title. As we can see, the transfer of the image with all its semantic and axiological meanings becomes one of the mechanisms of intercultural dialogue within the artistic text.

Conclusions

Ethnopoetics is a new integrative discipline whose main task is to identify the ethnic uniqueness of regional literatures. Although it currently lacks clear terminological codification, it has nevertheless been widely developed in the works of a number of followers — from the study of folklore motifs to the study of ethnopoetic constants, which are key units of the declared scientific epistemology. Despite the multiplicity of approaches to understanding the text, the main thing remains unchanged: ethnopoetics appeals to those linguistic units that constitute the national specificity of literary text. Ethnopoetic constants can be represented in a system of motifs, archetypes, sensibility concepts, and linguistic and cultural codes — spatial, temporal, biomorphic, etc. They are also realized in the genre structure of a work, as was shown in the example of R. Seisenbaev's work "When Myths Are Longed For".

Ethnopoetic constants are semiotically crystallized in archetypal concepts and motifs. We have examined the ethnopoetic constant "EMSHAN" ("wormwood") in the text of the poem of the same name by M. Simashko, which realizes the motif of memory, correlating with the intertextual complex of themes set out in the epigraph

of the work. “EMSHAN” is a sensorial (perceptual, sensual) concept that goes back to the archetypal complex “HOME” — a spatial pattern that signifies the idea of “ONE’S OWN CIRCLE.” Archetypes are one of the forms of representation of the ethno-poetic constant, and their study provides us with essential cultural information.

Ethnopoetic constants are semiotic structures of varying degrees of complexity. Their taxonomic distribution has yet to be determined by science. Nevertheless, their study is hermeneutically productive when we are dealing with a text of increased semiotic complexity — for example, a transcultural Russian-language text of a palimpsestic nature.

References

1. *Rotenberg J.,& Rotenberg D* (1983). *Symposium of the Whole: A Range of Discourse Toward an Ethnopoetics*. California: University of California Press.
2. Jason, H. (2000). *Motif, Type, and Genre: A Manual for Compilation of Indexes & a Bibliography of Indices and Indexing*. Helsinki: Suomal. tiedeakat.
3. Tedlock, D. *Ethnopoetics*. URL: http://writing.upenn.edu/epc/authors/tedlock/syllabi/ethnopoetics.html (accessed: 15.10.2025).
4. Zakharov, V.N. (1998). Orthodox Aspects of the Ethnopoetics of Russian Literature. In: *Gospel text in Russian literature of the 18th–20th centuries.* / V.N. Zakharov. (Ed.) (pp. 5–30). Petrozavodsk: Petrazavodsk State University publ. (In Russ.). EDN: RUYKBH
5. Zyryanov, O.V. (2018). Introduction to the Ethnopoetics of Russian Classical Literature. Moscow: Flinta; Yekaterinburg: Ural University Publ. (In Russ.).
6. Lagunova, O.K. (2008). The Phenomenon of Creativity of Russian-Speaking Nenets and Khanty Writers of the Last Third of the 20th Century (E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi): dis. abstract [PhD Thesis]. Saint Petersburg. (In Russ.). EDN: ZNMRWP
7. Chernova, A.E. (2008). Ethnopoetic Constants of the Image of the Russian Land in the Lyrics of N. Rubtsov. In: *Philologia nova. Linguistics and literary criticism: a collection of articles by young* researchers, M.V. Sandakov, D.N. Chernigovskaya, O.V. Redkin (eds.) (pp. 164–169). Kirov: Vyatka State University Publ. (In Russ.).
8. Gatsak, V.M. (2000). Northern Ethnopoetic Constants. In: *Folk culture of the Russian North. Living tradition: Proceedings of the republican school-seminar*, N.V. Drannikova, Yu.A. Novikov (eds.) (Iss. 2, pp. 7–10). Arkhangelsk: Publishing house of Pomor State University. (In Russ.).
9. Sultanov, K.K. (2006). Identity and Context. Ethnic and Artistic in the Literatures of the North Caucasus. In: *Word and wisdom of the East. Literature. Folklore.* Culture, N.I. Nikulin. (Ed.) (pp. 233—242). Moscow: Nauka. (In Russ.). EDN: PTYRUQ
10. Sultanov, K.K. (2008). “Labyrinth of Couplings”. Ethnic — National — Artistic. In: *History of National Literatures. Rereading and Rethinking*, R.F. Yusufov (Ed.) (pp. 150–161). Moscow: Nasledie. (In Russ.).
11. Kolchikova, N.L., & Prishchepa, V.P. (2020). Ethnopoetic Approach to the Study of Contemporary Literature of Sayano-Altai (Based on Tuvan and Khakass Poetry). *New Research of Tuva*, 3, 210–227. (In Russ.). https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.15 EDN: GAEZOU
12. Tabakova, Z.P. (2014). Ethnopoetics: Subject of Research and Ethnopoetic Analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 7(336), 198–206. (In Russ.). EDN: SNRPBF
13. Tolstoy, N.I. (1995). *Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics*. Moscow: Indrik. (In Russ.).

14. Tolstaya, S.M. *Ethnolinguistics: Current State and Prospects*. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja. html (accessed: 15.10.2025) (In Russ.).
15. Likhachev, D.S. (1973). *Development of Russian Literature of the 10th-17th Centuries*. Leningrad: Nauka. (In Russ.). EDN: VQOIAP
16. Gachev, G.D. (1988). *National Images of the World*. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russ.). EDN: VSHFSP
17. Alefirenko, N.F., Golovaneva, M.A., Ozerova, E.G., & Chumak-Zhun, I.I. (2012). *Text and Discourse*. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.).
18. Sheshunova, S.V. (2017). *National Image of the World and Intercultural Communication in the Works of I.S. Shmelev*. Moscow: Lenand. (In Russ.). EDN: XYLPGE
19. Karasik, V.I. (2007). *Language Keys*. Volgograd: Paradigma. (In Russ.).
20. Veselovsky, A.N. (1940). *Historical Poetics*. Leningrad: Iskusstvo. (In Russ.).
21. Silantiev, I.V. (2002). Motive as a Problem of Narratology. *Criticism and Semiotics*, 5, 32–60. (In Russ.). EDN: TNEAWL
22. Shklovsky, V.B. (1983). *About the Theory of Prose*. Moscow: Sovietskii pisatel'. (In Russ.).
23. Sabitova, Z.K. (2013). *Linguoculturology*. Moscow: FLINTA. (In Russ.). EDN: SDTMHF
24. Jung, G.K. (1991). *Archetype and Symbol*. Moscow: Renaissance. (In Russ.).
25. Meletinsky, E.M. (1972). Semantic Organization of Mythological Narrative and the Problem of Creating a Semiotic Index of Motifs and Plots. In: *Text and Culture. Works on Sign Systems* (Iss. 16, pp. 115–125). (In Russ.).
26. Domansky, Yu.V. (2001). *The Meaning-Forming Role of Archetypal Meanings in Literary Texts*. Tver: Tver State University. (In Russ.). EDN: TJSQZZ
27. Mukhamadiev, Kh.S. (2015). The Concept of Nature, or "A Sprig of Wormwood". In: *National Images of the World in Contemporary Literature of Kazakhstan* (pp. 139–155). Almaty: Kazak University publ. (In Russ.).

Список литературы

1. *Rotenberg J., Rotenberg D.* Symposium of the Whole: A Range of Discourse Toward an Ethnopoetics. California : University of California Press, 1983.
2. *Jason H.* Motif, type and genre: A manual for compilation of indexes & a bibliography of indices and indexing. Helsinki : Suomal. tiedeakat., 2000.
3. *Tedlock D.* Ethnopoetics. Режим доступа: http://writing.upenn.edu/epc/authors/tedlock/syllabi/ethnopoetics.html (дата обращения: 15.10.2025).
4. *Захаров В.Н.* Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX в. : сб. науч. тр. Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет, 1998. Вып. 2. С. 5–30. EDN: RUYKBH
5. *Зырянов О.В.* Введение в этнопоэтику русской классической литературы М. : Флинта ; Екатеринбург : Уральский университет, 2018.
6. *Лагунова О.К.* Феномен творчества русскоязычных ненецких и хантыйских писателей последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2008. EDN: ZNMRWP
7. *Чернова А.Е.* Этнопоэтические константы образа Русской земли в лирике Н. Рубцова // Philologia nova. Лингвистика и литературоведение : сб. ст. молодых исследователей / М.В. Сандаков, Д.Н. Черниговская, О.В. Редкин. Киров : Вятский государственный университет, 2008. С. 164–169.
8. *Гацак В.М.* Северные этнопоэтические константы // Народная культура Русского Севера. Живая традиция : материалы респ. шк.-семинара / отв. ред. Н.В. Дранникова, Ю.А. Новиков. Архангельск : Поморский государсивенный университет, 2000. Вып. 2. С. 7–10.
9. *Султанов К.К.* Идентичность и контекст. Этническое и художественное в литературах Северного Кавказа // Слово и мудрость Востока. Литература. Фольклор. Культура : сб. ст. / отв. ред. Н.И. Никулин. М. : Наука, 2006. С. 233–242. EDN: PTYRUQ

10. *Султанов К.К.* «Лабиринт сцеплений». Этническое — Национальное — Художественное // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая : сб. ст. / отв. ред. Р. Ф. Юсуфов. М. : Наследие, 2008. Вып. 2. С. 150–161.
11. *Колчикова Н.Л., Прищепа В.П.* Этнопоэтический подход к изучению современной литературы Саяно-Алтая (на материале тувинской и хакасской поэзии) // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 210–227. DOI: 10.25178/nit.2020.3.15 EDN: GAEZOU
12. *Табакова З.П.* Этнопоэтика: предмет исследования и этнопоэтический анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 7(336). С. 198–206. EDN: SNRPBF
13. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995.
14. *Толстая С.М.* Этнолингвистика: современное состояние и перспективы. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html (дата обращения: 15.10.2025).
15. *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Л. : Наука, 1973. EDN: VQOIAP
16. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. М. : Советский писатель, 1988. EDN: VSHFSP
17. *Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жун И.И.* Текст и дискурс. М. : Флинта; Наука, 2012.
18. *Шешунова С.В.* Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И.С. Шмелева. М. : Ленанд, 2017. EDN: XYLPGE
19. *Карасик В.И.* Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007.
20. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Л. : Искусство, 1940.
21. *Силантьев И.В.* Мотив как проблема нарратологии // Критика и семиотика. 2002. № 5. С. 32–60. EDN: TNEAWL
22. *Шкловский В.Б.* О теории прозы. М. : Советский писатель, 1983.
23. *Сабитова З.К.* Лингвокультурология. Москва : Флинта, 2013. EDN: SDTMHF
24. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991.
25. *Мелетинский Е.М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Текст и культура. Труды по знаковым системам, 1972. Вып. 16. С. 115–125.
26. *Доманский Ю.В.* Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Тверь : Твер. госуниверситет, 2001. EDN: TJSQZZ
27. *Мухамадиев Х.С.* Концепт природы, или «Веточка полыни» // Национальные образы мира в современной литературе Казахстана. Алматы : Казак университеті, 2015. С. 139–155.

Information about the authors:

Elmira A. Seitkazy, Deputy Head of the Department of Russian Philology and World Literature for Academic, Methodological, and Educational Work, Al-Farabi Kazakh National University (71 l-Farabi Ave, Almaty, the Republic of Kazakhstan, 050040); *Research interests*: language theory, theory and methods of teaching Russian language and literature, literary criticism, Russian literature; *e-mail:* elmira_26_83@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3793-984X.

Olga A. Valikova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: translingualism, translingual literature, Russian language, artistic bilingualism *e-mail*: valikova-oa@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0945-9937, SPIN-code: 5375-2387, AuthorID: 935823.

Natalya K. Sarsekeeeva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University (71 al-Farabi Ave, Almaty, the Republic of Kazakhstan, 050040); *Research interests*: language theory, literary studies, Russian literature, and contemporary literary development in Kazakhstan; *e-mail*: Sarsekeeva1403@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-2234-4341. SPIN-code: 9942-8784, AuthorID: 1331986.

Nazgul T. Edrenova, Deputy Head of the Russian Philology and World Literature Department for Academic, Methodological, and Educational Work, Al-Farabi Kazakh National University (71 al-Farabi Ave, Almaty, Republic of Kazakhstan, 050040); *Research interests*: language theory, literature teaching methods, literary criticism, and Russian literature; *e-mail*: nedrenova5@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6877-2344. SPIN-code: 3551-7214, AuthorID: 1329537.

Сведения об авторах:

Сейтказы Эльмира Амангельдиевна, заместитель заведующей кафедрой русской филологии и мировой литературы по учебно-методической и воспитательной работе, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр-т. аль-Фараби, д. 71); *сфера научных интересов*: теория языка, теория и методика преподавания русского языка и литературы, литературоведение, русская литература; *e-mail:* elmira_26_83@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3793-984X.

Валикова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: транслингвизм, транслингвальная литература, русскоязычие, художественный билингвизм; *e-mail*: valikova-oa@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-0945-9937, SPIN-код: 5375-2387, AuthorID: 935823.

Сарсекеева Наталья Канталиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71); *сфера научных интересов*: теория языка, литературоведение, русская литература, новейший литературный процесс Казахстана; *e-mail*: Sarsekeeva1403@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-2234-4341. SPIN-код: 9942-8784, AuthorID: 1331986.

Едренова Назгуль Тлепбергеновна, заместитель заведующего кафедрой русской филологии и мировой литературы по учебно-методической и воспитательной работе, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (050040, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71); *сфера научных интересов*: теория языка, методика преподавания литературы, литературоведение, русская литература; *e-mail*: nedrenova5@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6877-2344. SPIN-код: 3551-7214, AuthorID: 1329537.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 175–185
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

CORPUS STUDIES

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-175-185
EDN: IFCSHC

Research Article / Научная статья

From Energy Giant to Ecological Partner: Discursive Strategies and Semantic Prosody in the Construction of Russia's Climate Image

Dongli Feng[1], Yunsheng Ju[2]✉

[1]Shandong University, *Jinan, The People's Republic of China*
[2] Shanghai International Studies University, *Shanghai, The People's Republic of China*
✉ zhengzhengjuju@163.com

Abstract. A corpus-based critical discourse analysis of Xinhua News Agency materials from 2020 to 2024 is devoted to the media's representation of Russia's climate policy. The aim of the study is to fill a gap in existing scientific works, which mainly focus on Russia's climate policy from the point of view of international relations or environmental sciences, ignoring the systematic analysis of media discourse in formation "climatic identity" of Russia. Utilizing the Factiva database, a specialized corpus was compiled and analyzed via AntConc 3.5.9, applying Fairclough's three-dimensional critical discourse analysis framework (textual, discursive, and social practice levels). Findings reveal that Chinese media consistently portray Russia as a strategic partner in climate governance, emphasizing international cooperation, economic development, policy measures, ecological conservation, and energy transition. The positive framing aligns with China's national climate strategy and reflects Russia's growing geopolitical influence as both a major emitter and carbon sink. The study contributes to understanding how media discourse constructs cross-border ecological narratives, offering insights into the interplay between national policies, global climate governance norms, and Sino-Russian strategic relations.

Keywords: corpus analysis, climate change, ecological discourse, China, Russia, critical discourse analysis

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: The authors stated that there were no conflicts of interest.

Article history: Received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

© Feng Dongli, Ju Yunsheng, 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

For citation: Feng, Dongli, & Ju, Yunsheng. (2026). From Energy Giant to Ecological Partner: Discursive Strategies and Semantic Prosody in the Construction of Russia's Climate Image. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 175–185. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-175-185 EDN IFCSHC

От энергетического гиганта к экологическому партнеру: дискурсивные стратегии и семантическая просодия в построении климатического образа России

Дунли Фэн[1], Юньшэн Цзю[2]✉

[1]Шаньдунский университет, Цзинань, *Китайская Народная Республика*
[2]Шанхайский международный университет иностранных языков, *Шанхай, Китайская Народная Республика*
✉ zhengzhengjuju@163.com

Аннотация. Корпусный критический дискурс-анализ материалов информационного агентства Синьхуа за период с 2020 по 2024 г. посвящен представлению в СМИ климатической политики России. Цель исследования — восполнить пробел в существующих научных работах, которые преимущественно фокусируются на климатической политике России с точки зрения международных отношений или наук об окружающей среде, игнорируя систематический анализ медийного дискурса в формировании «климатической идентичности» России. С использованием базы данных Factiva был составлен специализированный корпус текстов; с помощью AntConc 3.5.9 и трехмерной структуры критического дискурсивного анализа Фэрклафа (текстовый, дискурсивный и уровень социальной практики) был проведен его анализ. Результаты исследования показывают, что китайские СМИ последовательно изображают Россию как стратегического партнера в управлении климатом, акцентируя внимание реципиентов на таких аспектах, как международное сотрудничество, экономическое развитие, политические меры, охрану окружающей среды и энергетический переход. Позитивный подход соответствует национальной климатической стратегии Китая и отражает растущее геополитическое влияние России как крупного источника выбросов и поглотителя углерода. Исследование способствует пониманию того, как медийный дискурс конструирует трансграничные экологические нарративы, предлагая понимание взаимодействия между национальной политикой, глобальными нормами управления климатом и стратегическими отношениями между Китаем и Россией.

Ключевые слова: корпусный анализ, изменение климата, экологический дискурс, Китай, Россия, критический дискурс-анализ

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Feng Dongli, Ju Yunsheng.* From Energy Giant to Ecological Partner: Discursive Strategies and Semantic Prosody in the Construction of Russia's Climate Image // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 175–185. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-175-185 EDN IFCSHC

Introduction

In recent years, Russia has actively accelerated its engagement in global climate governance. In 2021, the Russian government approved the "2050 Low-Carbon Development Strategy," enshrining the goal of carbon neutrality within the framework of long-term state policy for the first time. As the world's fourth-largest emitter of CO_2 and simultaneously the possessor of vast forest reserves — natural carbon sinks — Russia is implementing measures such as legislative protection of the Arctic ecology and energy system reform, thereby strengthening its role as a key player in Eurasian climate policy.

In this context, there is a growing number of publications in Chinese media dedicated to Russia's climate agenda. *Xinhua News*, as an influential international outlet, reflects in its materials not only the development of the Chinese-Russian strategic partnership in the environmental sphere but also the configuration of forces within the global environmental discourse. Existing research mainly focuses on analyzing Russian climate policy within the context of international relations or emission data from an ecological perspective; however, the question of how media construct Russia's "climate identity" through discursive practices remains underexplored.

In this study, a specialized corpus was created based on a sampling of *Xinhua* publications from 2020 to 2024, retrieved from the Factiva database. Using the AntConc 3.5.9 tool and Fairclough's (2003) three-dimensional model of critical discourse analysis, a multi-faceted analysis was conducted — at the levels of text, discursive practice, and social context — to examine the mechanisms forming the ecological discourse regarding Russia's climate policy in Chinese media. This study aims to contribute to a better understanding of Russia's role in the global climate narrative within the context of intercultural communication.

Literature review

The theory of Critical Discourse Analysis (CDA), proposed by Fairclough [1. P. 17], views discourse as a social practice that not only reflects social reality but also actively participates in constructing social relations and reproducing power structures. The primary objective of this theory lies in revealing the complex interplay between discourse, ideology, and power, aiming to critically analyze how social inequality and relations of dominance are maintained through language.

Methodologically, CDA develops several research approaches, such as N. Fairclough's three-dimensional model [2], R. Wodak's discourse-historical approach [3], T.A. Van Dijk's socio-cognitive analysis [4], P. Chilton's discourse space theory [5], and P. Cap's proximization theory [6]. The present study employs the three-dimensional analysis model proposed by N. Fairclough [2. P. 141], specifically:

Textual Analysis: Focusing on lexical choice, semantic nuances, and grammatical structure to analyze the explicit expression of discourse;

Discursive Practice: Analyzing the processes of text production, distribution, and consumption to reveal the strategic nature of discourse;

Social Practice: Placing discourse within the macro-social context to investigate how it interacts with ideologies and power structures.

As a key sphere for a country's self-positioning and the formation of its external image, media attracts significant scholarly attention. In international corpus-based studies of media politics, emphasis is placed on gender politics [7], the migration crisis [8; 9], and other topics. In Chinese research, attention is focused on areas such as the "Belt and Road" Initiative [10], diplomatic discourse [11; 12], economic narratives [13], and sports culture [14].

In recent years, with the increasing relevance of global climate governance, research on climate discourse and ecolinguistics has developed rapidly. While corpus-based analysis of climate change has become an important research direction [15; 16], studies examining national climate image through three-dimensional discursive strategies remain insufficient, especially in the context of a systemic critical analysis of climate discourse in non-Western media (e.g., Chinese state media). The present study aims to fill this gap by utilizing Fairclough's three-dimensional model and news samples from *Xinhua News Agency* to analyze the mechanisms of climate discourse construction by Chinese media and the factors determining them.

Research Design

This study utilizes the Factiva Dow Jones database to compile a corpus of data from an authoritative Chinese media source—Xinhua News Agency—covering the period from January 1, 2020, to December 31, 2024. Xinhua was selected as the source for this research due to its status as one of China's most authoritative and influential news agencies, providing extensive and in-depth coverage of critical events both domestically and abroad. As a global issue, climate change is actively covered by Xinhua, which not only monitors domestic trends in climate change but also actively reports on the progress of international climate governance efforts—particularly regarding the climate situation in Russia—providing reports characterized by both depth and breadth of coverage.

The year 2020 was chosen as the starting point for data collection because it marked a significant shift in Russian policy. In early 2020, the Russian government published the draft of the "Long-term Strategy for Low-Carbon Economic Development" and the draft of the "National Adaptation Plan for Climate Change." Subsequently, the Federal Government approved the "National Action Plan for Adaptation to Climate Change for the First Stage (until 2023)," which clearly defined specific measures for the 2020–2022 period. This marked the beginning of systematic planning for a long-term climate strategy in Russia. Consequently, this study adopts early 2020 as the baseline to examine how Chinese media report on Russia's climate policy.

Data collection employed a search query combining the terms "climate change" and "Russia," resulting in a corpus of Chinese climate discourse related to Russia. The data were cleaned and sorted using EmEditor, after which 685 valid texts (totaling 679,459 tokens) were filtered for analysis. For the segmentation of Chinese texts and Part-of-Speech (POS) tagging, the CorpusWordParser tool was utilized. The textual analysis was conducted using the corpus analysis software AntConc 3.5.9.

The research methodology follows a three-stage process: it begins with textual analysis using word frequency and semantic nuances; proceeds to the analysis of discursive practice, covering the processes of text production, distribution, and consumption; and concludes with social analysis at the macro-social level, investigating the factors influencing Chinese media reports on Russia's climate policy.

The objective of this study is to answer the following three research questions:

1) What topics are addressed in Chinese media materials regarding climate change related to Russia?

2) What is the stance of Chinese media in covering issues of climate change in Russia?

3) What factors influence the themes and positions of Chinese media regarding climate change in Russia?

Results and Discussion

Text Analysis

Word Frequency Analysis. In this study, data were processed using the AntConc 3.5.9 software to conduct a word frequency analysis, from which the 30 most frequently occurring words were selected. Based on their thematic content, these words were classified into five categories. This categorization facilitated the identification of the primary themes within the Chinese media's climate discourse regarding Russia: international cooperation, economic development, policy measures, ecological protection, and energy structure.

Table 1. **High-frequency words related to Russia in the context of climate change**

Category	High-frequency words
International Cooperation	China, international, global, BRICS, world, sides, initiative, Europe
Economic Development	economy, promotion, green, development, trade
Policy Measures	government, policy, strategy, mechanism
Ecological Protection	ecology, construction, Arctic, protection, governance, biology, ocean
Energy Structure	energy, security, technologies, renewable energy, hydrogen energy

Source: compiled by Dongli Feng & Yunsheng Ju.

First and foremost, the frequent appearance of keywords such as "China," "Russia," "USA," and "BRICS countries" indicates Russia's significant role in

global climate governance, as well as bilateral climate cooperation between Russia and China within the framework of the concept of a "Community with a Shared Future." These words demonstrate not only the attention of Chinese media to climate change issues in Russia but also the active participation of both Russia and China in international climate governance, along with their roles in global climate politics. Mentions of the global scale and BRICS underscore the efforts of both nations to promote multipolar cooperation in combating climate change.

Regarding economic development, words such as "economy," "promotion," and "green" point to the significance of the development of Russia's green economy and its sustainable transformation amidst global efforts to achieve goals of carbon neutrality and carbon peaking. Carbon emissions are closely linked to countries' energy structures and their economic development strategies. As a major player in the world energy market, Russia exerts significant influence on the global oil and natural gas markets. Within the framework of Sino-Russian cooperation on climate change, China not only aims to reduce carbon emissions but also actively develops joint efforts in the green economy, including carbon trading and trade in clean products. Through technology exchange and cooperation, China hopes to draw upon Russia's valuable experience in energy transformation and facilitate joint development in renewable and clean energy technologies for mutually beneficial cooperation.

Regarding policy measures, the frequent use of keywords such as "policy" and "government" highlights the constant attention of Chinese media to Russia's measures and actions in combating climate change. In recent years, Russia has adopted plans to reach peak carbon emission levels in key industries and sectors, as well as a range of supporting measures, constituting a crucial step in the global transformation toward low-carbon development. Russia's climate policy also serves as an important reference for the development of climate policies in China.

In the field of ecological and environmental protection, words such as "ecology," "construction," "Arctic," and "protection" emphasize that Chinese media cover not only the problem of climate change itself but also Russia's strategic plans and actions regarding ecological protection. Of particular importance is the National Project "Ecology" implemented by the Russian government, which includes a series of measures and policies aimed at strengthening and improving the ecological situation in Russia. Chinese media also pay attention to Russia's efforts to preserve marine biodiversity and maintain stability in the Arctic region. Given that Russia possesses vast forest and wetland resources with rich biodiversity, these ecosystems play a key role in the process of carbon sequestration, contributing to mitigating the impact of global climate change.

Regarding the adjustment of the energy structure, high-frequency words such as "technologies," "renewable energy," and "hydrogen energy" show the deep attention of Chinese media to the process of energy transformation in Russia. These reports clearly demonstrate how the Russian government prioritizes the diversification of the energy structure and highlight the achievements made in clean

energy, such as wind and solar power. Detailed reporting by Chinese media on these issues not only reflects the shared interests of China and Russia in climate governance and energy transformation but also underscores the broad potential for their cooperation in this vital sphere.

Semantic Prosody Analysis. Semantic prosody is a consistent semantic impression that arises from the influence of collocates on a node word [17]. The semantic prosody of a word can be determined by analyzing the characteristics of its collocates, which allows for the distinction between positive and negative prosody [18].

In this study, the word "Russia" is utilized as the node word for analyzing semantic prosody. The 30 most frequently occurring nouns, verbs, and adjectives associated with this keyword are examined to analyze the attitude of Chinese media toward Russia's climate issues. This facilitates a more accurate understanding of the potential for cooperation between China and Russia in the fields of climate governance and energy transformation. The results of the analysis indicate that Chinese media reports on Russia's climate issues exhibit a pronounced positive semantic prosody. High-frequency collocates, such as "cooperation" and "development," confirm this finding.

Table 2. **Frequently occurring words collocated with "Russia"**

Parts of Speech	High-frequency words
Nouns	China, USA, country, government, relations, cooperation, economy, international, problem, Europe, India, Foreign Minister, strategy, BRICS
Verbs	development, publish, promote, strengthen, support, respond, achieve, provide, depend, conduct
Adjectives	important, common, new, bilateral, main, necessary

Source: compiled by Dongli Feng & Yunsheng Ju.

The data in Table 2 demonstrate that Chinese media, when covering Russia's climate issues, utilize high-frequency words exhibiting a clear positive orientation.

An analysis of the high-frequency nouns associated with "Russia" revealed that the majority are names of countries and international organizations, such as "China," the "USA," "India," and "BRICS." This indicates Chinese media's attention to multilateral cooperation between China and Russia, as well as the pivotal role of both nations in global climate governance. Frequent words such as "relations," "Foreign Minister," and "strategy" further underscore the importance of Russia's strategic coordination in international climate diplomacy.

Moreover, high-frequency verbs such as "development," "promotion," and "strengthening" confirm a positive assessment of Russia's measures in climate governance. Meanwhile, adjectives like "important," "common," and "bilateral" reinforce the strategic significance of Sino-Russian cooperation in the climate sphere, highlighting the high level of consensus and complementary advantages between the two countries regarding this issue. High-frequency words such as

"important" and "necessary" further emphasize the imperative of deepening climate cooperation between China and Russia.

Thus, from the perspective of semantic prosody analysis, Chinese media utilize a range of positive semantic elements to systematically construct a positive image of Russia as a reliable partner in climate cooperation.

Analysis of Discursive Practice

According to Fairclough [6], discursive practice encompasses the processes of text production, distribution, and consumption. The analysis of discursive practice involves interpreting the production and dissemination of discourse. This study primarily focuses on the sources of discourse and the modes of its dissemination.

Sources of Discourse. Regarding the sources of discourse, the materials utilized in this study originate from an official media platform—*Xinhua News Agency*, which publishes news for an international audience. This determines the high level of authority of its language, which strives for objectivity and accuracy. The articles frequently cite official sources, such as government statements, speeches by leaders, reports from international organizations, and expert opinions, thereby reinforcing the credibility and authority of the presented data.

The articles repeatedly reference joint statements by Chinese and Russian leaders on climate cooperation, as well as international documents such as the *United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC)*. Through this official discursive system, the persuasiveness, objectivity, and reliability of the reporting are enhanced. This renders the constructed image of Russia more receptive to the readership.

Modes of Dissemination. As an authoritative international media outlet, *Xinhua* exerts significant influence on international public opinion regarding global climate issues. Its system of professional reporting presents Russia's key role in global climate governance and shapes perceptions within the international community concerning Russian environmental policy.

Through scientifically grounded agenda-setting and professional discourse construction, *Xinhua*'s reports objectively demonstrate Russia's significant achievements in the fight against climate change. These materials are grounded in detailed data and authoritative sources, emphasizing Russia's actual accomplishments in key areas of international climate governance, such as energy transformation and ecological protection. These reports successfully construct the image of Russia as a responsible global player in climate governance.

An analysis of the concordance lines containing the keyword "Russia" and their context revealed that special attention in the reports is paid to Russia's top-level institutional design in the field of climate governance and innovative measures in the process of green low-carbon transformation, including achievements in the development of clean energy technologies and biodiversity protection. The reports also examine in detail Russia's unique contribution to the protection of the Arctic ecology, including advanced experience in glacier monitoring and biodiversity conservation.

On the one hand, these materials, based on facts, have enriched international perceptions of Russian ecological practices, effectively strengthening Russia's role in the global environmental governance agenda and ensuring international recognition of its climate policy and actions. On the other hand, these reports highlight Russia's constructive role as a significant participant in global climate governance, reinforcing its positive image within the international system of environmental governance.

Analysis of Social Practice

Fairclough's discourse theory [6] emphasizes that discourse is not merely a representation of social reality but also an active social practice that is not only constrained by a specific social structure but also participates in the formation and transformation of social relations. Based on this premise, the framing of *Xinhua*'s reporting on Russia's climate governance is subject to a multitude of interacting factors:

The Guiding Influence of China's Climate Governance Strategy

As an official authoritative Chinese media outlet, *Xinhua* ensures that its reports on Russia's climate issues—in terms of topic selection, narrative stance, and discursive strategies—closely align with China's political objectives in global climate governance. China's strategic needs regarding energy transformation and the development of a green and low-carbon economy contribute to *Xinhua*'s intensified focus on Russian policies. This enables the provision of informational support and recommendations for domestic climate policy formulation.

Russia's Climate Governance Practice. Given Russia's status as a global energy power, its climate policy, application of low-carbon technologies, and ecological protection measures directly influence the structure of international climate governance. *Xinhua*'s reports not only reflect Russia's policy moves regarding emission reduction commitments and carbon market mechanisms but also, through discursive construction, demonstrate the tangible results of its actions in combating climate change, thereby shaping Russia's positive role in global environmental governance.

Normative Pressure from the International Climate Governance System. With the deepening of international climate mechanisms, such as the *United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC)* and the *Paris Agreement*, the normative frameworks of global climate governance are becoming increasingly reinforced. *Xinhua*'s reports must take into account the public expectations of the international community regarding climate actions. Consequently, materials concerning Russia emphasize its progress in fulfilling obligations while simultaneously employing discursive strategies to respond in a balanced manner to potential doubts within the international community regarding Russian environmental policy, thereby contributing to the formation of a global consensus on climate governance.

Thus, *Xinhua*'s reporting on the climate situation in Russia is not merely the transmission of information but a product of discourse formed under the influence of China's internal political needs, Russian climate governance practice, and international climate norms. This discursive practice serves not only the strategic goals of China's international communication but also objectively participates in shaping Russia's image in global climate governance. This multidimensional process of discourse construction reflects the strategic considerations of Chinese media when covering global environmental issues.

Conclusions

This study employed corpus-assisted Critical Discourse Analysis to explore the construction of Russia's climate identity in Xinhua News Agency reports (2020–2024). The analysis yields three key insights based on Fairclough's model.

First, at the textual level, Xinhua utilizes a consistently positive semantic prosody. Through keywords such as "cooperation" and "green development," the media reframes Russia not merely as a traditional energy exporter but as a proactive participant in global climate governance. Second, regarding discursive practice, the extensive use of intertextuality and authoritative sources legitimizes Russia's ecological policies, effectively counterbalancing critical Western narratives. Finally, at the level of social practice, this discourse aligns with the strategic imperatives of the Sino-Russian partnership, reflecting shared goals in energy security and multipolar governance.

In conclusion, Chinese media discourse acts as an active agent in international relations. By constructing a constructive national image for Russia, it not only validates Russia's low-carbon transition but also facilitates deeper bilateral cooperation, offering a vital non-Western perspective in the global climate debate.

References

1. Fairclough, N. (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. Routledge.
2. Fairclough, N. (1992). *Discourse and Social Change*. Polity Press.
3. Wodak, R. (2001). The Discourse-Historical Approach. In: R. Wodak & M. Meyer (eds.), *Methods for Critical Discourse Analysis* (pp. 63–95). Sage.
4. Van Dijk, T. A. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. Sage.
5. Chilton, P. (2004). *Analyzing Political Discourse: Theory and Practice*. Routledge.
6. Cap, P. (2013). *Proximization: The Pragmatics of Symbolic Distance Crossing*. John Benjamins.
7. Baker, P., & Levon, E. (2015). Picking the Right Cherries? A Comparison of Corpus-Based and Qualitative Analyses of News Articles about Masculinity. *Discourse & Communication, 9*(2), 221–236. https://doi.org/10.1177/1750481314568542
8. Baker, P., Gabrielatos, C., Khosravinik, M., Krzyzanowski, M., McEnery, T., & Wodak, R. (2008). A Useful Methodological Synergy? Combining Critical Discourse Analysis and Corpus Linguistics to Examine Discourses of Refugees and Asylum Seekers in the UK Press. *Discourse & Society, 19*(3), 273–306. https://doi.org/10.1177/0957926508088962 EDN: JRKJXB

9. Piguet, E. (2013). From “Primitive Migration” to “Climate Refugees”: The Curious Fate of the Natural Environment in Migration Studies. *Annals of the Association of American Geographers, 103*(1), 148–162.
10. Liu, M. (2020). A Study on the Cognitive Changes of the “Belt and Road” in Mainstream Japanese Newspapers: A Corpus-Based Critical Discourse Analysis. *Foreign Language Teaching and Technology, 5*, 108–113. (In Chinese).
11. Hu, K., & Tian, X. (2018). A Study of the Image of Chinese Diplomacy in the English Translation of Chinese Diplomatic Discourse: A Corpus-Based Study. *Chinese Foreign Languages, 15*(6), 79–88. (In Chinese).
12. Liu, P., & Dong, G. (2024). A Comparative Study on the Construction of China’s Image in Press Conferences of Chinese and U.S. Foreign Ministries: A Corpus-Based Critical Discourse Analysis. *News and Communication Review, 77*(2), 106–118. (In Chinese).
13. Li, J. (2018). Corpus-Assisted Analysis of the Construction of China’s Economic Discourse in British Media. *Foreign Language Journal, 3*, 52–57. (In Chinese).
14. Liu, H., & Chen, S. (2023). The Interpretation of China’s National Image in the Context of Russian Media: A Case Study of the Reporting on the Beijing Winter Olympics. *Chinese Russian Teaching, 42*(3), 10–20. (In Chinese).
15. Auge, A. (2022). From Scientific Arguments to Scepticism: Humans’ Place in the Greenhouse. *Public Understanding of Science, 31*(2), 179–194. https://doi.org/10.1177/09636625211035624 EDN: CNYRFP
16. He, W., & Cheng, M. (2023). Study of the Discourse of External Propaganda in the Construction of Ecological Civilization in the New Era and the Formation if National Ecological Image. *Foreign Language Teaching and Technology, 4*, 84–91, 125. (In Chinese).
17. Louw, B. (1993). Irony in the Text or Insincerity in The Writer? The Diagnostic Potential of Semantic Prosodies. In: M. Baker, G. Francis & E. Tognini-Bonelli (eds.), *Text and Technology* (pp. 157–176). John Benjamins.
18. Stubbs, M. (1996). *Text and Corpus Analysis*. Blackwell.

Information about the authors:

Feng Dongli, PhD in Philology, Shandong University (Jinan, The People’s Republic of China, 200083); *Research interests*: corpus analysis, ecological discourse; *e-mail*: kaqiuha@163.com
ORCID: 0009-0009-3547-2335

Ju Yunsheng, PhD in Philology, Deputy Director of the Russian Research Center, Shanghai International Studies University, (550, Bldg. 2 Dalianxi Road, Shanghai, The People’s Republic of China, 200083); *Research interests*: corpus analysis, ecological discourse; *e-mail*: zhengzhengjuju@163.com
SPIN-code: 6447-6040, AuthorID: 1139850.

Сведения об авторах:

Фэн Дунли, доктор филологических наук, Шаньдунский университет (200083, Китайская Народная Республика, г. Цзинань,); *сфера научных интересов*: корпусные исследования, экологический дискурс; *e-mail*: kaqiuha@163.com
ORCID: 0009-0009-3547-2335

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук, заместитель директора Российского исследовательского центра, Шанхайский университет иностранных языков (200083, Китайская Народная Республика, г. Шанхай, ул. Даляньсилу, № 550, зд. 2); *сфера научных интересов*: корпусные исследования, экологический дискурс; *e-mail*: zhengzhengjuju@163.com
SPIN-код: 6447-6040, AuthorID: 1139850.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 186–204
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-186-204
EDN: IFYKYM

Research Article / Научная статья

A Generic Structure Analysis of Arabic and English Response Letters to Complaints

N. Derki ✉

University Mustapha Stambouli of Mascara, *Mascara, People's Democratic Republic of Algeria*
✉ derkinoureddine@yahoo.com

Abstract. Our study aims to examine the generic structure of responses letters to complaints in Arabic and English. A corpus of 80 letters was collected from Algerian Arabic users, EFL learners as well as American and British native speakers of English. The researcher provided the participants with three complaint situations and they were required to choose only one situation and write a response letter to it. The results revealed that response letters to complaints in Arabic and English adhere to the same generic structure composed of seven moves and twenty-one steps. It was found that several factors particularly culture and the correspondents' social rank significantly influence the overall structure of complaint letters.

Keywords: Algeria, Genre analysis, Response to complaints, Speech act

Conflict of interests: The author stated that there were no conflicts of interest.

Article history: Received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Derki, N. (2026). A Generic Structure Analysis of Arabic and English Response Letters to Complaints. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 186–204. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-186-204 EDN IFYKYM

Структурный анализ типичных ответных писем на жалобы на арабском и английском языках

Н. Дерки ✉

Университет Мустафы Стамбули в Маскаре, *Маскара, Алжирская Народная Демократическая Республика*
✉ derkinoureddine@yahoo.com

Аннотация. Целью исследования является изучение общей структуры ответных писем на жалобы на арабском и английском языках. Был собран корпус из 80 писем от алжирских пользователей арабского языка, изучающих английский как иностранный, а также американских и британских носителей

© Derki N., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

английского языка. Исследователь предложил участникам три ситуации с жалобами, и им было предложено выбрать только одну и написать по ней ответное письмо. Результаты показали, что ответные письма на жалобы на арабском и английском языках придерживаются одной и той же общей структуры, состоящей из семи ходов и двадцати одного шага. Было установлено, что несколько факторов, в частности культура и социальный статус корреспондентов, существенно влияют на общую структуру писем с жалобами.

Ключевые слова: Алжир, жанровый анализ, ответ на жалобы, речевой акт

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Derki N.* A Generic Structure Analysis of Arabic and English Response Letters to Complaints // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 186–204. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-186-204 EDN IFYKYM

Overview

Complaints and complaint responses can be seen as a two-part exchange where the two parts are functionally dependent. If we perceive complaining as the first part, then the response to a complaint can be seen as the second part. With the current age of digitalization, most complaints and responses are done through emails and websites. This, however, does not discard the importance of letter-writing. While going through the available literature, there seems to be little research out there — at least to our knowledge — which specifically examines the generic structure of Arabic and English response letters to complaints. The majority of work has focused on the marketing aspect of responses in terms of the relationship between the management and the customer (eg. [1–3]). The attention to actual linguistic realization in this strand of research is limited. These studies mainly focus on the types of organizational responses as well as on the most effective response types in terms of customer outcomes, such as satisfaction with complaint handling, and their boundary conditions (e.g., employee empathy has a more positive impact when a low versus high compensation amount is offered to the customer, [4]), but less so on the importance of language use in complaint responses and on potential implications of genre-specific conventions.

We would like to address these gaps by paying attention to the conventional letter-writing setting and by performing a genre/move analysis [5: 6] to look into rhetorical and linguistic patterns of the Arabic and English response letters to complaints. Comparing between two languages would enable us to provide new insights into this genre. Furthermore, it will help in formulating more specific teaching recommendations on complaint handling via letters in terms of (discourse) structure.

Literature Review

Only a few studies have focused on responses to complaints. For instance, M. Frescura [7] compared how four participants responded to complaints. Participants were grouped into native speakers of Standard Italian living in Italy,

native speakers of Canadian English living in Toronto, speakers of Italian as a Community Language residing in Toronto, and Italian as a Second Language. Roleplay was used to elicit data that was later on recorded and analyzed. The overall results revealed seven semantic formulas for reactions to complaints performed by the native speakers of Italian and English, namely: denial, apology, explanation, appeal, acknowledgment of responsibility, offer of repair, and promise of forbearance.

Response to Written Complaint

Only two studies have focused on the generic structure of written complaint responses. Y. Zhang and C. Vásquez [8] investigated the generic structure of hotel responses to customer complaints posted on the popular travel website TripAdvisor. The researchers analyzed 80 hotel replies posted in response to online consumer complaints. Results revealed that replies tend to be highly formulaic and conventionalized. The researchers identified the following moves (58:60): 1) Express gratitude: this move serves to thank consumers for various actions related to their hotel experience; 2) Apologize for sources of trouble; 3) Invitation for a second visit; 3) Opening pleasantries (addressing the customer): dear guest/customer; 4) Proof of action: it serves as a reassurance for consumers that actions have been taken regarding the content in the reviews; 5) Acknowledge complaints/feedback: this move acknowledges and makes some reference to the customers' message; 6) Refer to customer reviews; 7) Closing pleasantries (yours sincerely); 8) Avoidance of reoccurring problems; 9) Solicit response.

The study concluded that hotel personnel tended to emphasize a corporate, rather than personal, identity when constructing responses to complaints in the set of responses. A. Thumvichit and C. Gampper [9] conducted a similar study but more profound in their analysis. They started by organizing the moves into three categories based on the recurring elements: obligatory, conventional, and optional moves. Furthermore, they postulated that each move encompasses several steps as in (5:10): 1) Salutation; 2) Acknowledging feedback (Expressing gratitude, valuing feedback, Expressing regret/concern/apology); 3) Brand positioning (Stating hotel's commitment, Confirming hotel's standard); 4) Dealing with complaints (Explaining causes of the incident, reporting action taken, Admitting mistakes; 5) Concluding remarks (Expressing gratitude, expressing regret/concern/apology, asking for a return visit, soliciting direct contact, promising to improve service; 6) Closing (Sign off, Signature, Job title, Contact information, Affiliation).

More recently, R. Van Herck et al. [4] analyzed the discourse structure of organizational email responses to customer complaints in a business-to-consumer context. They focused on rhetorical and linguistic patterns of this genre and compared it to related customer service genres. Data comprised 150 authentic English email responses to customer complaints from companies active in the UK. Results identified 6 moves and 19 sub-moves categorized into typical (*Greeting*, *Gratitude*, *Conclusion*, and *Sign-off/Signature*) and conventional sub-

moves (*Apology* and *Explanation)*. This genre sets itself apart from others as it consists of a unique blend of interpersonal and transactional strategies as a response to negative feedback to avoid standardized, vague, and impersonal realizations of interpersonal moves.

Even though most studies are concerned with online complaints, they provided a detailed framework for the generic structure of written complaint responses. In fact, as part of their recommendations, all the researchers proposed that such a framework is applicable for other genres such as traditional letters, as is the case with our research [8. P. 63—62; 9. P. 16].

Notice that the studies reviewed have indicate**d** that the available works focus primarily on spoken modes of responses. The bulk of work conducted on written responses, however, was dedicated to explore strategies and generic structure of responses through online channels like emails, blogs and websites. We notice also that no study has investigated such genre in the Arab context, hence, our study aims to bridge such gap by comparing the response letters among Arabic and English users. To this extent, the present study aims to answer the following research questions: 1) What is the generic structure of response letters to complaints in Arabic and English? 2) What are the similarities and differences between Arabic and English in responding to complaint letters?

Methodology

Sample of the Study. The sample consisted of 120 participants divided equally into three groups: Arabic users, EFL learners and native English speakers. All participants were undergraduate university students (19—25 years old) majoring in different fields. They were selected randomly regardless of their social class and gender.

Data Collection and analysis. The researcher proposed three hypothetical situations where the variable of social distance was manipulated (ranging from high to low). Participants were required to choose only one situation and write a complaint about it. The data collected was analyzed both quantitatively and qualitatively. Using Swales' [6] and Bhatia's [5] approach of genre analysis, the researcher investigated the construction of complaint letters with special attention to the moves and strategies used in each genre.

Theoretical framework. Genre analysis is a specific form of discourse analysis and focuses on "the study of specialized writing in academic, professional and institutional contexts" [10. P. 210]. There are different approaches to genre analysis, but for our purposes, we restrict ourselves to the English for Specific Purposes approach (for an overview, see [10]. Swales [6. P. 58] defines genre as "a class of communicative events, the members of which share some set of communicative purposes." He elaborates: "Exemplars of a genre exhibit various patterns of similarity in terms of structure, style, content and intended audience" [6. P. 58]. This rationale can be demonstrated by conducting a move analysis. A move

is “a discoursal or rhetorical unit that performs a coherent communicative function in a written or spoken discourse” [6. P. 228].

Each move, i.e., each communicative function or intention, can be realized by the combination of one or more elements, called rhetorical strategies by Bhatia [5], steps by Swales [6], or sub-moves by others. In addition to the identification of specific moves, the typical linguistic features of each discourse unit are described as well, such as grammatical features (tense, voice, and aspect), phrase types, and word choice of each (sub)move. Hence, following Swales’ [6] and Bhatia’s [5] approach of genre analysis, we investigated the construction of responses letters to complaints with special attention to the linguistic signals used in each move.

Results and Discussion

The data analysis has revealed that responses to complaints as a genre also reflect a specific sequence of information, organizational pattern, or moves in Bhatia's terms, particularly seven moves including 18 steps. This, however, does not entail that each letter corresponds rigidly to this organizational model. Table 1 highlights the frequency rate of moves as used by each group.

Contact information, namely the name or job title of the sender and the receiver:

(1) مدير الخطوط الجوية الجزائرية
..... :الى السيد*(Arabic users) / mudyr al khutot al jawia al jza'eryh ila asayed:*
..... */* (Director of Algerian Airlines To Mr. ……)
(2) Rafik S., To Mr ……. *(EFL learners)*
(3) Abraham J., G.M of the Twin Towers Hotel *(Natives)*

Most responses comprised contact information, particularly the sender’s first or last name (or both). When responding to a customer, respondents add the addressee’s names to show solidarity, especially among the Algerian sample. On the other hand, when addressing the neighbor, most participants opted out of this step move or settled with their names to introduce themselves. Arabic users integrated such a step move relatively more with (12) instances compared to (11) and (8) instances for EFL learners and natives.

Address comprises the place where the response was issued, like:

(4) ...../ ..... / ..... الجزائرفي*(Arabic users) / aljza'er fy/* (/Algiers in …/…../……../)
(5) Mascara, Algeria *(EFL learners)*
(6) Lewes Road Brighton, BN4 4AT *(Natives)*

The majority of addresses provided only the province where the response was produced. Such a step was used significantly more when the writer responded to a customer than to a neighbor to give it a sense of formality. We noticed a similarity in the addresses structure among the Algerian sample. As such, both Arabic users and EFL learners tend to include the date besides the address, as shown in examples (4) and (5) above. Only natives provided a more detailed address (see example 6) when responding to a customer. The highest frequency was found among Arabic users with (9) instances, followed by natives (7) and EFL learners (5) instances.

Table 1. **Component moves of Arabic and English response letters**

Moves	Step-moves	Group		
		ALG	EFL	Native
1. Heading	a. Contact information	12	11	8
	b. Address	9	5	7
	c. Date	14	7	4
	d. Phone/e-mail	5	6	3
2. Subject	a. Introducing the topic	22	17	14
3. Salutation	a. Greeting	33	40	38
4. Acknowledging feedback	a. Expressing gratitude	3	9	11
	b. Valuing feedback	4	7	12
	c. Expressing regret/concern/apology	14	21	11
5. Dealing with complaint	a. Explaining causes of the incident	24	23	20
	b. Reporting action taken	11	7	16
	c. Admiting mistakes	9	12	10
	d. Challenging the claim	0	0	5
6. Concluding remarks	a. Expressing gratitude	4	5	8
	b. Expressing regret/concern/apology	9	11	12
	c. Offering compensation	14	16	11
	d. Soliciting direct contact	16	13	12
	c. Promise to improve service	7	9	10
7. Closing	a. Signing off	14	16	12
	b. Signature	3	2	1
	c. Affiliation	4	7	5

Source: compiled by N. Derki.

Date which refers to when the letter was issued, as in:

(7) 12/06/2020 *(EFL learners and Arabic users)*
(8) Date: июль 2, 2026 *(Natives)*

The only variance at the level of this step was seen in the way a date was written. Algerians preferred using digits, while natives delivered the date using letters. Arabic users outperformed the rest of the groups with (14) instances compared to (7) for EFL learners and (4) for natives.

Heading. Like the complaint letter, respondents usually start their response with a heading containing at least one of the following steps:

Phone and/email which are used to make sure communication is maintained, for instance,

(9) ..... :رقم هاتف *(Arabic users)* */hatif rakm/* (Phone number)
(10) Tel/Fax 2235 2449 *(Both EFL learners and natives)*

Such a step move was also prominent when the addressee is a customer to maintain direct contact with him/her. However, respondents tend to provide their phone numbers inside the letter when addressing their neighbors, highlighted in the subsequent moves (soliciting direct contact). This was the least used step move, with EFL learners having the highest rate of (6) instances followed by Arabic users (5) and natives (3).

Subject. This component move is simple in structure as it comprises two to four words describing the goal behind writing the letter. We can distinguish between three forms of subject moves, namely:

Extended subject where the respondents use more words to accomplish this move like:

(11) موضوع: اعتذار *(Arabic users) / mawduʕ: iʕtidar/* (Subject: apology)
(12) Subject: Apology *(Both EFL learners and natives)*

Simple subject where the minimal words are used to convey the same meaning, for instance:

(13) الرد *(Arabic users) /arrad/* (Response)
(14) Response *(Both EFL learners and natives)*

The simple or reduced subject typically occurred when responding to a neighbor, while the extended subject was reserved for responding to a customer. Such preference reflects the influence of the addressee's social rank on the structure of a given move. This move was used significantly more among the Algerian sample, with Arabic users having the highest rate (22) instances followed by EFL learners (17) and natives (14).

Salutation. The third move is to establish the relationship between the complainee and the complainer. Like the complaint letter, it comprises endearment terms like *'dear'* and the name or the receiver's title or the Arabic equivalent *'azizi*

...' (my dear …). Other times, the salutation is expressed directly with no endearment terms like:

(15) السلام عليكم ورحمة الله تعالى وبركاته *(Arabic users) / asalamu ʕalaykum warahmatu alali tʕala wabarakatuh/* (Peace be upon you, and may God's mercy and blessings be upon you)

(16) Good morning Mr. … *(EFL learners)*

(17) To whom it may concern *(Natives)*

As highlighted in the complaint letters, some cultural aspects, namely religion, often influence how Algerians (Arabic users) construct their salutation component move. As highlighted in example 15, the expression '*asalamo 3alaykom*' (peace be upon you) is used to start the letter. Such expression is widely used during everyday interaction since it indicates respect, and Algerian Arabic users often integrate it in their writings.

When addressing an individual whose credentials are missing, natives and non-natives use contrasting strategies. For instance, Arabic users adopt politeness markers like '*akhi lkarim*' (my dear brother) as a tool for salutations to give a sense of solidarity to their response. On the other hand, natives use the expression (to whom it may concern), which is relatively neutral. Such move was used at a high-frequency rate where EFL learners were found to use it in all their letters with (40) instances compared to (38) for natives and (34) for Arabic users.

Acknowledging feedback. In this component move, the responder signals that the customer's comments are acknowledged. Such a move is crucial to stay engaged with clients and let them know that their feedback is well taken care of. This can be done via a variety of steps, mainly:

Expressing gratitude: It is which used to acknowledge the feedback reflected in the complaint letter, as in;

(18) **نود أن نشكرك** على رسالتك بخصوص المشكلة التي واجهتك مؤخرا مع شركتنا *(Arabic users) /nawadu an nashkurak ʕela risalatik bikhusos almushkila alty wajahtka muekhran mʕa shrikatina/* (We would like to thank you for your message regarding the problem you recently had with our company)

(19) **Thank you** for letting us know about your experience with Tassili Airlines. *(EFL learners)*

(20) **I would like to thank you** for your lovely letter, and I would like to sincerely apologize for what happened. *(Natives)*

All participants used this step move similarly with slight differences in frequency where natives used such step in (11) instances followed by EFL learners (9) and Arabic users (3).

Valuing feedback: It is used to acknowledge customers' feedback and reassure the complainer that his/her complaint is essential and it will be taken seriously, like:

(21) ان ملاحظاتكم وتقييمكم المستمر **ذو أهمية قصوى** بالنسبة لنا لأنها تساعدنا على تحسين خدماتنا *(Arabic users) /ina mulahadatikum wataqyimakum almustamir du ahamyiha quswa binisba*

lana lianha tsaʕiduna ʕala tahsyn khadmatina / (Your feedback and continuous evaluation are of the utmost importance to us as they help us improve our services)

(22) We believe **it is your right** to demand for better service *(EFL learners)*

(23) Our organization strives to be the best in the business and it is **thanks to remarks like yours** that we will reach our goals. *(Natives)*

Valuing feedback generally takes the form of thanking the complainer for remarks and claiming that such remarks would benefit the complainee. Much of this step move was found when responding to customers (hotel and airline companies), but it has a lower frequency when addressing a neighbor. Natives used such steps significantly more with (12) instances, followed by EFL learners (7) and Arabic users (4).

Expressing regret/remorse: The writer uses expressions of regret, concern, or apology to assure the reviewer that the complaint concern the respondent:

(24) أن نسمع عن تجربتك غير السارة مع شركتنا **يؤسفنا جدًا** *(Arabic users) /yu'esifuna jidan an nasmaʕa ʕen tajribatika ghyar asarah mʕa shrikatina /* (We are very sorry to hear about your unpleasant experience with our company)

(25) **We are sorry** to hear that your stay at our establishment did not meet your expectations**.** *(Both EFL learners and natives)*

All participants showed remorse by apologizing (sorry) to make the addressee aware that what happened was not intentional. Such a step can be considered among the significant moves in responses to complaints considering its high rate of occurrence. EFL learners used this step significantly more with (21) instances compared to (14) for Arabic users and (11) for natives.

Dealing with the complaint. The fifth move is dealing with complaints which constitutes the crucial part of this genre [9. P. 7]. This move is employed to handle customers' complaints by using a variety of steps like explaining causes of the incident, admitting mistakes, and reporting action taken:

Explaining causes of the incident can be seen when the writer brings up information and/or pieces of evidence to elucidate the incident. This can be as simple as stating what happened. The writer may also depict another side of the story to inform the customer that there is a reason behind the incident, for instance:

(26) تحت إصلاحات تخص الفندق بأكمله، هذا ما سبب نقص في خدماتكم **نحن الآن** *(Arabic users) / Naḥnu al-āna taḥta iṣlāḥāt takhṣṣu al-funduq bi-akmilih, hādhā mā sabba naqṣ fī khidamātikum. /* (We are currently under renovations concerning the entire hotel, which is what caused the shortage in your services)

(27) **The reason why** he [the employee] was always leaving his station was to verify with other employees the arrival time of the plane. Please accept our sincere apologies. *(EFL learners)*

(28) **I have** run a quick investigation to find out the reasons that led to this error and I came to the conclusion that it's due to a system malfunction. *(Natives)*

This step represents the response's core, where the respondent tries to explain how and why the problem occurred. Results showed that a high rate was found among Arabic users (24) and natives (23) instances compared to (20) for EFL

learners. Most participants, especially Algerians maintained the human error as the primary source of the problem. Assuming responsibility generates a feeling of professionalism and helps gain the customer back. Other participants, especially natives claimed their systems to be the source of the problem to avoid threatening their reputation.

Reporting actions taken: It is used to report what the respondent has done to address the incident, for example:

(29) ونحيطك بأنه **تم اتخاذ الإجراءات** لإصلاح الخدمة ونعدكم انه لن يتكرر ما حدث مجددا *(Arabic users) /w nuhytuka bianhu tama itikhadu alejra'at leslah alkhidmah w naʕedkum anahu lan yatakrr ma hadth mujddan /* (We inform you that measures have been taken to repair the service and we promise that this will not happen again)

(30) **We have** temporarily suspended him [the employee] until we get to the bottom of the story *(EFL learners)*

(31) Make sure that **we will** punish those who were responsible [for your inconvenience]. *(Natives)*

Reporting the action taken would help soothe the complainer. Such a step was used remarkably more by natives with (16) instances compared to Arabic users (11) and EFL learners (7). We noticed that most occurrences were found in the first and second situations. However, when addressing a neighbor, a different step move was used (promise a good behavior), which will be discussed below.

Admitting mistakes: where the respondents acknowledge that they are the source of the problem and then apologize for it:

(32) نود أن نعتذر عن المشكلة التي **سببناها لك** *(Arabic users) /nawadu an naʕeatdir ʕen almushklh alty sbbnaha lak/* (We would like to apologize for the trouble we caused you)

(33) Let us first express our **sincere apologies** about the misunderstanding that occurred. *(EFL learners)*

(34) **We are sorry** to hear that your stay at our establishment did not meet your expectations. *(Natives)*

All participants approached this step move similarly where an apology is used to acknowledge their mistakes. EFL learners used such step in (12) instances in contrast to (10) for natives and (9) for Arabic users.

Challenging the claim: The writer provides counter-arguments as highlighted in the below examples:

(35) **Why don't you come face me** like a man and stop writing me like some high school teenagers do. *(Natives)*

(36) I just want to tell you that **this was not me** I actually borrowed my apartment to my friends because I was out of town. *(Natives)*

(37) **I am on my property** and I can do whatever I want. *(Natives)*

In such a step, the writer challenges the complaint by either ignoring the issue or counterarguing. Most instances were found when responding to a neighbor, as highlighted in examples (35–37) above. We noticed that participants used a

confronting tone in most cases, making this step move, often impolite. Only natives used this step move with (5) instances **compared to the other two groups.**

Concluding remarks. Concluding remark is the sixth move in responses to complaints where the responder finalizes his/her message. Often, the message concludes using expressions that leave the reader with a positive impression and aims to promote service recovery and image protection. This move includes several sub-moves, particularly:

Expressing gratitude: Before closing the message, the writer may express his/her second gratitude to create the last positive impression, as in:

(38) وفي الأخير **نشكركم** على ملاحظاتكم وتقييمكم المستمر *(Arabic users) /w fy al akhyr nshkurukum ʕela mluahzatikum wa taqyymikum almustamir/* (And finally, we thank you for your comments and continuous evaluation)
(39) Again, we **thank you** for your kind remarks. *(EFL learners)*
(40) Once again, I just want to **thank you** for reminding me *(Natives)*

All participants used such step similarly, with natives having a relatively high rate (8) followed by EFL learners (5) and Arabic users (4).

Expressing regret/concern/apology: similar to the previous step-move discussed earlier, the writer seeks to leave a good impression, like:

(41) وفي الأخير تقبلوا منا **أخلص عبارات الاعتذار** *(Arabic users) /wafi alakhyri taqbalu mina akhlasa ʕebarat al iʕetidar/* (Finally, accept our sincerest apologies)
(42) Once again, **we are incredibly sorry** about what happened *(EFL learners)*
(43) **I apologize** again for the inconvenience. *(Natives)*

Like the step found in the component move dealing with the complaint, the writer aims to confirm his/her regret, which may reassure the complainer that the problem will be solved. Natives used such a step slightly more with (12) instances compared to EFL learners (11) and Arabic users (9).

While expressing regret refers to the feeling of sadness about something that an individual did or did not do, admitting mistakes explicitly links the respondent to the problem. Both step moves, however, encompass an apology aimed to repair the relationship.

Offering a compensation: The writer suggests a variety of options to fix the problem as in

(44) سيكون لك الحق في الحصول على إقامة من الدرجة الأولى إذا سافرت معنا مرة أخرى **كتعويض** *(Arabic users)/kataʕwyd sayakun laka alhqu fy alhusuli ʕela iqamah min adarjah al ula eda safarta mʕena marah ukhra/* (As compensation you will be entitled to first class accommodation if you travel with us again)
(45) **You will get** a 20 per cent off on your next ticket *(EFL learners)*
(46) **We will refund** the entire amount of your stay, and credit your credit your card (100 USD), as a compensation for the disappointment you experienced. *(Natives)*

This step was used exclusively when addressing a customer. The compensations proposed ranged from simple discount to full refund. Arabic users and EFL learners were reasonable in their offers providing gift cards, discounts and

refund of the original sum. Natives, however, were more generous in the sense that occasionally they provided extra offers in addition to the complete refund. Conversely, participants offered invitations to a particular event (party or coffee shop) as a good gesture when responding to a neighbor as in:

(47) أريد **منك حضور وليمة** صغيرة على شرف المصالحة بيني و بينك. *(Arabic users) /urydu minka hudur walymah saghyrh ʕela sharifi almusalaha bayny wa baynaka/* (I want you to attend a small feast in honor of the reconciliation between you and me.)

(48) **I would love to invite** you on a cup of coffee as an apology token *(EFL learners)*

(49) Listen, **you are invited** to this weekend's party, maybe you can chill and have some fun *(Natives)*

EFL learners used this step more with (16) instances, followed by Arabic users (14) and natives (11).

Soliciting direct contact: It realized in the conclusion part of the message. This step firmly serves two primary communicative purposes. It offers a private channel of communication and a way to recover the relationship between the respondent and complainer. The writer simply asks the customer to contact him/her directly through telephone or email, and thus a phone number and/or an email address are provided, as in:

(50) ارجو منكم عدم التردد في **التواصل** مع خدمة العملاء إذا كان عندكم اي استفسارات *(Arabic users) /arju minkum ʕedm ataradud fy atawasul mʕe khidmat al ʕumla' eda kana ʕendkm ay istifsarat/* (Please do not hesitate to contact customer service if you have any questions)

(51) **Please contact** our customer services for further information. *(EFL learners)*

(52) Here is my phone number 555-14-214, please **call me.** *(Natives)*

Such step was used slightly more by Arabic users (16) followed by EFL learners (13) and natives (12).

Promising to improve: It occurs right before closing the message, where the writer promises to improve the area of service that the customer complains about. For the last time, the writer reassures that the unpleasant experience will not occur again, as in:

(53) **سيتم** تعويضكم عن كل الأضرار مع ضمان تصحيح كل الأخطاء التي قد تنجم من جديد *(Arabic users) /sayatimu ʕ'ewydukum ʕen kuli al adrar mʕe daman tasehyh kul al akhta' alty qad tanjum mn jdyd/* (You will be compensated for all damages while ensuring that all errors that may arise will be corrected again)

(54) I would also like to inform you that **we will take extra measures** to make sure that such errors **don't happen again** in the future. *(EFL learners)*

(55) **We will make sure** that such incident **does not occur again** *(Natives)*

This step was used mainly when responding to customers, especially EFL learners and natives. When responding to their neighbor, however, the writer would promise not to commit the mistake again and improve his/her behavior as highlighted below:

(56) من اليوم فصاعدا **لا يوجد** حفلات وموسيقى وصخب */mina alyawmi fasaʕedan la yujad haflat w musyqa wa sakhab/*(From today onwards there will be no parties, music and hustle)
(57) **I promise** you that **I will be** as respectful as I can be
(58) **I promise** you that **from now forward** I will mind my manners.

Such a step was used almost equally with a slight advantage for natives (10) instances compared to (9) for EFL learners and (7) for Arabic users

Closing. The last move which appeared in our corpus is that of closing. It is used to signal the end of the letter. It is expressed through a variety of steps, particularly:

Signing off as in

(59) تقبلو احر التحيات *(Arabic users) /taqabalu aahar atahyat/* (Accept our best regards)
(60) Best regards *(Both EFL learners and natives)*

Such a step was commonly used by almost all participants, especially EFL learners with (16) instances, followed by Arabic users (14) and natives (12). However, most of the occurrences were found in responses addressed to a customer. Since the response aims to recover the excellent image of the institution (hotel or company), signing off was added to maintain the formal aspect of the letter. On the other hand, most letters addressed to a neighbor lacked such a step simply because the respondents did not consider it essential.

Signature, which adds a bit of formality to the response, for instance:

(61) الامضاء *(Arabic users) /al imda'/* (signature)

This step was the least used, especially among natives (1) instance, while Arabic users had EFL learners slightly higher rate of (3) and (2) instances, respectively.

(62) Signature *(Both EFL learners and natives)*

Affiliation where the writer may include his/her corporate affiliation in the closing part, like:

(63) ..... السيد مدير فرع *(Arabic users) /asayrd mudyr farʕe ..... /* (Branch manager)
(64) General manager + signature *(Natives)*

This step was used exclusively for responses addressed to the customer to give them a sense of professionalism. EFL learners outperformed the rest of the participants with (7) instances, followed by natives (5) and Arabic users (4) instances. Table 2 below summarizes the moves and step moves used by each group throughout the three situations.

Table 2 above highlights some similarities and differences between the three groups. Some component moves like: salutation and dealing complaints were used significantly more than other moves by all participants. As far as the first situation is concerned, all three groups show a high tendency to include the salutation and dealing with complaint moves. Similarly, moves like concluding remarks were less strongly used, with EFL learners slightly outperforming the rest of the participants.

The only difference was at the level of heading and subject where natives were found to use them relatively less than the Algerian sample.

Table 2. **Frequency of moves and step moves in response letters**

Category	Heading	Subject	Salutation	Acknowledging feedback	Dealing with complaint	Concluding remarks	Closing
Situation 1							
ARB%	65	60	100	60	100	60	60
EFL %	70	50	100	45	100	65	70
NS %	55	40	100	80	100	80	70
Situation 2							
ARB%	70	45	100	45	100	50	40
EFL %	40	60	100	40	100	70	50
NS %	35	50	100	60	100	60	50
Situation 3							
ARB%	40	20	100	40	100	30	15
EFL %	30	30	100	10	100	40	10
NS %	25	10	80	20	100	40	10

Source: compiled by N. Derki

In the second situation, we notice the frequency starts to decline, especially at the heading level, acknowledging feedback and closing. Despite the relative balance use of most moves among the participants, only headings were significantly less used by natives. In the third situation, we notice a significant decline in the frequency of moves, especially at the heading, subject, acknowledging feedback, concluding remarks, and closing. To this extent, we can assume that the addressee's social rank plays an essential role in structuring the response as the number of moves used starts to decrease, and fewer component moves are used.

Responses to complaints in Arabic and English were found to follow a specific generic structure encompassing seven moves: heading, subject, salutation, acknowledging feedback, dealing with the complaint, concluding remarks and closing. Extending A. Thumvichit and C. Gampper's [9] framework, the heading and subject were recognized as new moves in addition to the step move challenging the claim which was exclusively used by natives when responding to their neighbor's complaints.

Table 2 highlights the overall frequency of each move across the three groups, and using A. Thumvichit and C. Gampper's [9] typicality scale, we conclude the following:

Obligatory. Using Thumvichit and Gampper's (2019) definition (a cut-off point of 90%), only two moves can be regarded as obligatory: salutation and dealing

with complaints since they appear in every complaint letter with a (100%) frequency rate.

Conventional. Since the cut-off point for conventional moves was set at 70% based on Thumvichit and Gampper's (2019) framework, we notice that no move qualify for such term since all the remaining moves were used less than (70%).

Optional. Based on the results, five moves qualify for this term: heading, subject, acknowledging feedback, concluding remarks and closing. Algerians outperformed the natives in terms of headings and subject with an average of (58%) for Arabic users compared to (46%) for EFL learners and natives (38%). Similarly, Arabic users outperform the rest in terms o subject move with (41%) compared to EFL learners (40%) and natives (30%). Natives, on the other hand, tended to use only acknowledging feedback more than the others with (53%) compared to (48%) for Arabic users and (31%) for EFL learners. As far as the closing component move, there was a slight difference for EFL learners and natives (43%) compared to (38%) for Arabic users.

To sum up, our analysis revealed that responses to complaints in Arabic and English have similar generic structure. Our results showed that moves in response letters are categorized into obligatory (salutation and dealing with a complaint) and optional (heading, subject, acknowledging feedback, and closing). Although concluding remarks were used on a slight high frequency, we cannot consider it as conventional since it does not fully meet the requirement. Our analysis also highlights some new moves not found in previous research, mainly the heading and subject and the step move (challenging the claim). This step was used mainly by natives when responding to their neighbor's complaints.

Equivalently, there were some similarities and differences at the level of response letters. Starting with the linguistic signals corresponding to each step move highlighted in Table 3 below, the subsequent section delves discusses the main insights

Similar to complaints, the Algerian participants relied on introductory terms while structuring the heading and subject component moves. Unlike complaints, a new element was recorded which that of (name of organization). Such term is used exclusively when the writer is responding on behalf of an establishment (airline company or hotel). We notice that natives outperformed Algerians at this level. To compensate this, we noticed that the first personal (we) was used relatively more among EFL learners than among natives.

At the level of contact information, we noticed how natives provided email information which was totally absent among EFL learners. This can be explained if we reflect on the influence of society. In Algeria for instance, most institutions favor direct contact through mobile rather than emails. Such preference, naturally, influenced the participants' choice of what communication channel to add in the heading.

Table 3. **Linguistic signs of response letters**

Moves and step moves	Word combination		Frequency		
	English	Arabic	ARB	EFL	NA
Heading					
Contact information	From (name + surname)	من السيد	8	3	1
	Name + surname	صفة عمل المرسل	4	6	3
	Name of an organization			2	4
Address	Building number	رقم البناية + الشارع	2	1	5
	Province	اسم المقاطعة	7	4	2
Date and place	State or province	اسم المقاطعة في	4	4	3
	Day/month/year	يوم/شهر/سنة	10	3	1
Phone/e-mail	Mobile	هاتف	3	6	1
	Fax	فاكس	1	0	0
	E-mail	اميل	1	0	2
Subject					
Introducing the topic	Subject: apology	**الرد**	6	3	0
		موضوع: اعتذار	11		
	Response letter	الموضوع: رد على شكوى	3	7	6
	Response	**الموضوع**: طلب اعتذار	2	5	8
Salutation					
Greeting	Dear,	تحية طيبة أما بعد،	24	30	17
	Dear + name	السلام عليكم،	9	6	13
Acknowledging feedback					
Expressing gratitude	Thank you for	نود أن نشكرك	1	4	7
	Taking the time to	أشكركم على هذه الرسالة	1	1	2
	We appreciate your	شكرا على وقتك	1	3	2
Valuing feedback	Your feedback helps us	ذو أهمية قصوى	3	3	8
	Thanks to your feedback	مهم	1	4	4
Expressing regret/apology	Sorry to hear	يؤسفنا جدًا أن نسمع	8	11	1
	Sorry for your trouble	ارجوا أن تقبل أسفنا	5	1	3
	Please accept our apologies	**ونريد انا نعرب عن اعتذارنا**	1	10	7
Dealing with complaint					
Explaining causes of the incident	The thing is	حيث ان	12	2	8
	We had	عندما تحققنا وجدنا	2	10	7
	It was not	نحيطكم علما	10	9	5
Reporting action taken	In order to	وناكد انه	7	2	8
	We have	لقد تم	1	5	3
	For this, we	لقد باشرنا	3	0	4
Admitting mistakes	Please accept our apology	نعتذر عن المشكلة التي سببناها لك	4	4	1
	I am sorry	اعترف بالأخطاء البادرة منا	2	5	4
	Sorry, that	اعترف بأنني مخطئ	3	3	5
Challenging the claim	I do not believe	ملكتي الخاصة	1	0	4
	I am within my right	لا دخل لأي أحد في شؤوني	1	0	1

End of Table 3

Moves and step moves	Word combination		Frequency		
	English	Arabic	ARB	EFL	NA
Concluding remarks					
Expressing gratitude	Thank you	نشكرك	4	3	5
	Once again, thank you			2	3
Expressing regret/concern/apology	Once again, we are incredibly sorry	تقبلوا منا أخلص عبارات الاعتذار	9	10	9
	I apologize again			1	2
Offering compensation	It will be credited to your	كتعويض	3	1	3
	As a compensation	سوف يتم تعويضكم	7	8	2
	Please accept this	مستعدين للتعويض عنك	4	9	4
Soliciting direct contact	Please contact us	يرجى عدم التردد في الاتصال بنا	8	4	1
	Please call me	ارقامنا تحت تصرفكم وقتما شئتم.	5	2	1
	Contact our customer service	**الرجاء الاتصال بنا**	3	6	9
Promise to improve service	Becoming better	تصحيح كل الأخطاء	2	5	3
	I'll make it a better place	من اليوم فصاعدا لا يوجد	2	0	2
	improve our service further	وأعدك ألا يتكرر	3	4	5
Closing					
Signing off	Best regards	تقبلوا أحر التحيات	4	11	4
	Sincerely	تحيات	9	1	3
	Yours sincerely	شكرا	2	4	5

Source: compiled by N. Derki.

Once again, we notice how Arabic users have the tendency to borrow expressions from their culture 'assalamo alaykom' to fulfill the communicative purpose of certain step like the salutation.

Another important remark was at the level of challenging the claim. We already highlighted that natives were more willing to challenge the complaint than the Algerians. There was a difference in the way each group expressed such step. While Arabic users were somehow polite, 3 instances out of 4 were extremely impolite among the natives as they introduced profane expressions (curses).

We noticed that the two-words subject had the highest rate. That is because participants wanted to highlight the goal of the letter in a precise and concise manner. We noticed that such step move was used mainly by natives as they thanked the writer directly unlike Arabic users. Such an attitude can be traced back to the natives' high pragmatic awareness. Sometime the language influences the way certain step moves are structured. For examples when soliciting direct contact, the same meaning which is expressed in 8 words can be said in 4 words. this is mainly because compared to Arabic, English is more concise.

Similar to complaints, the responses were found to be influenced by various factors particularly culture and social distance. Such an influence appears in how certain moves are constructed. For instance, Algerian Arabic users often integrate some religious expressions in moves like the opening and explaining. The social distance between the sender and the receiver was also found to influence the overall appearance of the response. Such claim was verified when considering the responses addressed to a customer compared to those addressed to a neighbor. Since a happy customer means good business, all responses (from the Airline company and the hotel) were formal and filled with politeness markers. However, impoliteness was recorded in the third situation as some of the natives challenged the claims in the complaints and used profane language in the process. The subsequent section will delve deeper into how our participants used mitigation to save their face while responding.

Conclusions

The present research was the first attempt, according to the researcher's knowledge, to explore the generic structure of Arabic response letters to complaints. By comparing the Algerian Arabic users and English natives, our analysis revealed that responses to complaint letters written in Arabic and English generally adhere to the same generic principles. Our results have identified the heading and subject as two new component moves. Our results have also shown that moves within responses to complaint letters can be obligatory or optional. Similarities in structuring a particular move were traced back to the conventionality of letter writing. Differences, however, were related to cultural beliefs, sociological and psychological factors.

References

1. Gelbrich, K., & Roschk, H. (2011). A Meta-Analysis of Organizational Complaint Handling and Customer responses. *Journal of Service Research*, *14*(1), 24–43. https://doi.org/10.1177/1094670510387914
2. Orsingher, C., Valentini, S., & de Angelis, M. (2010). *Journal of the Academy of Marketing Science*, *38*(2), 169–186. https://doi.org/10.1007/s11747-009-0155-z
3. Van Vaerenbergh, Y., Varga, D., De Keyser, A., & Orsingher, C. (2019). The Service Recovery Journey: Conceptualization, Integration, And Directions For Future Research. *Journal of Service Research*, *22*(2), 103–119. https://doi.org/10.1177/1094670518819852
4. Van Herck, R., Decock, S., & Fastrich, B. C. (2022). A Unique Blend of Interpersonal and Transactional Strategies in English Email Responses to Customer Complaints in a B2C Setting: A Move Analysis. *English for Specific Purposes*, 65, 30–48. https://doi.org/10.1016/j.esp.2021.08.001
5. Bhatia, V.K. (1993). *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings*. London: Longman.
6. Swales, J.M. (1990). *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Frescura, M. (1995). Face Orientations In Reacting To Accusatory Complaints: Italian L1, English L1, and Italian as a Community Language. *Pragmatics and Language Learning*, 6, 79–108.

8. Zhang, Y., & Vásquez, C. (2014). Hotels' Responses to Online Reviews: Managing Consumer Dissatisfaction. *Discourse, Context and Media*, 6, 54–64. https://doi.org/10.1016/j.dcm.2014.08.004
9. Thumvichit, A., & Gampper, C. (2019). Composing Responses to Negative Hotel Reviews: A Genre Analysis. *Cogent Arts & Humanities*, *6*(1), 1629154. https://doi.org/10.1080/23311983.2019.1629154
10. Hyland, K. (2011). Disciplines and Discourses: Social Interactions in the Construction of Knowledge. In: D. Starke-Meyerring, A. Paré, N. Artemeva, M. Horne, and L. Yousoubova (eds.) *Writing in the Knowledge Society (*pp. 193–214*)*. West Lafayette: Parlor Press and The WAC Clearinghouse.

Information about the authors:

Noureddine Derki, PhD in Linguistics, Professor (Assistant), University Mustapha Stambouli of Mascara (2, Route Mamounia, Mascara, People's Democratic Republic of Algeria, 9000305); *Research interests*: Genre analysis, Speech act; *e-mail:* derkinoureddine@yahoo.com
ORCID: 0000-0003-4282-1416.

Сведения об авторах:

Нуреддин Дерки, доктор филологических наук, доцент, Университет Мустафы Стамбули в Маскаре (9000305, Алжирская Народная Демократическая Республика, г. Маскара, ул. Мамуния, д. 2); *сфера научных интересов*: жанровый анализ, речевые акты; *e-mail*: derkinoureddine@yahoo.com
ORCID: 0000-0003-4282-1416.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 205–220
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-205-220
EDN: IIALJY

Научная статья / Research Article

Риторические стратегии и языковые особенности репрезентации справедливости в российских социальных сетях

М.В. Григорьева, Е.Н. Соколова ✉, А.Г. Смирнов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», *Москва, Российская Федерация*
✉ e.sokolova@hse.ru

Аннотация. В условиях цифровизации общественного дискурса социальные сети стали важнейшей площадкой для выражения мнений о справедливости — одной из центральных моральных ценностей современного общества. Однако значение этой категории нередко варьируется, а формы ее языковой репрезентации остаются малоизученными. Цель исследования — проанализировать, через какие риторические стратегии и языковые особенности пользователи русскоязычных социальных сетей артикулируют понятие справедливости. Эмпирической базой послужил корпус из более 70 тысяч сообщений из российских социальных сетей (сентябрь 2023 — сентябрь 2024), собранный с помощью системы Brand Analytics. Применялись методы тематического моделирования (LDA), кластеризации (k-means) и качественного анализа с опорой на теории прагматики, оценки и критической стилистики. Выявлены ключевые стратегии артикуляции справедливости: рационально-нормативные обращения к праву и морали; эмоционально окрашенные воззвания, включая гиперболу, сарказм и иронию; пародирование официального дискурса; апелляции к культурным кодам. Преобладающая тональность — негативная, отражающая фрустрацию и недоверие, но сохраняющийся идеал справедливости. Артикуляция справедливости в социальных сетях представляет собой риторическую борьбу за смысл, демонстрируя как ценностную значимость категории, так и кризис ее институционального воплощения. Понимание этих стратегий позволяет точнее фиксировать общественные настроения и может служить ориентиром для диалога между государством и обществом.

Ключевые слова: дискурс, ценности, ирония, цифровая коммуникация

Вклад авторов: Соколова Е.Н. — разработка методологии исследования; Смирнов А.Г. — сбор и подготовка корпуса данных; Григорьева М.В. — анализ данных и подготовка текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

© Григорьева М.В., Соколова Е.Н., Смирнов А.Г., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Финансирование: Статья подготовлена в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № ФИ-2025-83 «Современные технологии социально-политической коммуникации»).

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Григорьева М.В., Соколова Е.Н., Смирнов А.Г.* Риторические стратегии и языковые особенности репрезентации справедливости в российских социальных сетях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 205–220. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-205-220 EDN IIALJY

Rhetorical Strategies and Linguistic Features of "Justice" Representation in Russian Social Media

Maria V. Grigorieva, Ekaterina N. Sokolova ✉, Alexander G. Smirnov

National Research University Higher School of Economics, *Moscow, Russian Federation*
✉ e.sokolova@hse.ru

Abstract. In the digital age social media have become a central space for expressing moral values, with "justice" being one of the most frequently invoked concepts. However, the semantic nuances and rhetorical articulations of this category remain underexplored. This study aims to examine how the notion of justice is articulated by Russian-speaking social media users through rhetorical strategies and linguistic devices. The empirical basis consists of over 70,000 user-generated messages collected from Russian social media platforms between September 2023 and September 2024. Data was filtered using a core of 38 stable linguistic markers and processed with Latent Dirichlet Allocation (LDA), k-means clustering, and qualitative discourse analysis. The analytical framework incorporates theories of pragmatics, evaluative language, and critical stylistics. Key strategies identified include normative appeals to law and morality, emotionally charged statements, hyperbole, sarcasm, irony, and cultural references. The discourse is predominantly marked by a negative tone reflecting distrust and frustration, while the ideal of justice remains an important moral reference. The articulation of justice in digital environments reveals both the enduring importance of this value and the growing skepticism toward its institutional realization. Understanding these rhetorical strategies provides insight into public sentiment and offers potential tools for more effective communication between institutions and society.
Keywords: discourse, values, irony, digital communication

Authors' contribution: Ekaterina N. Sokolova — development of research methodology; Alexander G. Smirnov — collection and preparation of data corpus; Maria V. Grigorieva — analysis of data and preparation of the article text.

Conflict of interests: The authors stated that there were no conflicts of interest.

Financing: The article was prepared at the National Research University Higher School of Economics as part of a government-funded research project of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FI-2025-83 «Modern Technologies of Socio-Political Communication»).

Article history: Received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Grigorieva, M.V., Sokolova, E.N., & Smirnov, A.G. (2026). Criteria of Conflictogenic World-Modeling in Anonymous Political Discourse of Telegram. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 205–220. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-205-220 EDN IIALJY

Введение

В современном мире идеи социальной справедливости чрезвычайно популярны и регулярно фигурируют в речах политиков, гражданских активистов, СМИ и даже в повседневном общении в социальных сетях: по некоторым данным, социальная справедливость возглавляет список наиболее востребованных ценностей в разных странах — как в устоявшихся демократиях, так и в государствах, стремящихся к демократическим идеалам[1]. Вместе с тем содержание этого понятия нередко вариативно и зависит от контекста. В России идея справедливости тесно связана с запросом на равенство и борьбой с социальным неравенством, что отражается даже в политическом дискурсе, например, понятия равенство и справедливость часто объединяются в риторику социальной справедливости в официальных выступлениях [1].

С развитием цифровых коммуникаций дискуссии о справедливости во многом переместились в социальные сети и онлайн-сообщества. Цифровая среда предоставляет гражданам новые площадки для выражения мнений о том, что является справедливым или несправедливым, вне рамок традиционных медиа. Интернет-коммуникации способны не только трансформировать ценностные ориентации молодежи, усиливая либеральные ценности (например, свободу самовыражения), но и одновременно поддерживать значимость коллективистских ценностей — доверия, солидарности, равенства [2]. В условиях возросшей роли социальных сетей как пространства общественных дебатов важно понять, как именно пользователи говорят о справедливости: через какие выражения и риторические стратегии артикулируют понятие справедливости.

Цель данного исследования — проанализировать артикуляцию справедливости в российском сегменте социальных сетей на основе тематического кластера справедливость и равенство, собранного в результате машинного анализа массива онлайн-контента в период с сентября 2023 по сентябрь 2024 г. Этот кластер был выделен с помощью методов тематического моделирования и кластерного анализа текста, что позволило сгруппировать сообщения, объединенные упоминанием справедливости и смежных понятий.

В настоящей работе предпочтение отдается термину артикуляция ценностей, поскольку он подчеркивает не только факт выражения тех или иных моральных установок, но и активный процесс их смыслового. Артикуляция в этом контексте следует понимать в рамках критической дискурсивной тради-

[1] Perception of social justice and changes in its meaning // Eurasian Research Institute. Режим доступа: https://www.eurasian-research.org/publication/perception-of-social-justice-and-changes-in-its-meaning/?lang=ru (дата обращения: 01.08.2021).

ции, где она означает привязку понятий к определенным социальным значениям и позициям [3]. В отличие от более нейтральных терминов, таких как репрезентация или выражение, артикуляция фиксирует момент борьбы за смысл — попытку закрепить за понятием справедливости определенную характеристику в условиях конкуренции дискурсов.

Теоретическая рамка артикуляции справедливости в соцсетях

В исследовании применялся междисциплинарный подход, сочетающий инструменты прагматики, лингвистики и критической стилистики. Такой подход позволил отразить, через какие речевые и стилистические средства пользователи социальных сетей выстраивают представления о справедливости. Теоретическую основу анализа составляют труды Пола Грайса, Дирдры Уилсон и Дэна Спербера, Джеймса Мартина и Питера Уайта, а также Лесли Джеффрис и Джин Фэнсток, формирующие три аналитические перспективы: прагматическую, оценочную и риторико-стилистическую.

С точки зрения прагматики использовались идеи Пола Грайса о кооперативном принципе и коммуникативных максимах [4; 5], а также теория релевантности, разработанная [6] и дополненная в более поздней версии [7]. Эти теории объясняют, как пользователи создают иронические, саркастические или гиперболические высказывания, намеренно нарушая коммуникативные нормы (четыре максимы: максима качества, максима количества, отношения и способа) и активируя у получателя процессы смысловой догадки (принцип релевантности). Подобные стратегии особенно характерны для цифрового дискурса, где смысл зачастую формируется не через прямое высказывание, а через намек, обобщение, преувеличение или риторический вопрос.

Второй теоретический опорой становится Appraisal Theory, разработанная в рамках системно-функциональной лингвистики [8]. Эта теория предлагает классификацию языковых выражений по трем основным категориям: *affect* (эмоциональные реакции), *judgement* (оценка действий и морали) и *appreciation* (оценка явлений и объектов). В социальных сетях такие оценочные стратегии становятся способом артикулировать личную или коллективную позицию по поводу несправедливости, выразить одобрение или возмущение, в том числе через фигуры преувеличения и стилистически маркированные конструкции.

Наконец, анализу риторических стратегий способствует обращение к трудам по критической стилистике [9] и современной риторике [10]. Эти подходы позволяют выявить, как через гиперболу, иронию, цитаты, аллюзии и риторические вопросы в тексте формируются не только эмоции, но и символические границы, определяющие, кто свой, а кто чужой в пространстве обсуждения справедливости. Это также перекликается с теорией Рут Водак о том, что дискурсивные стратегии артикуляции ценностей включают в себя апелляции к эмоциям, оппозиционные бинарности, а также повторение устойчивых символических формул, придающих значимость обсуждаемым идеям

[11]. Это особенно заметно в поляризованных онлайн-дискуссиях, где справедливость может выражаться как через жесткие моральные оценки, так и через ироничную подачу.

Стратегии языковой артикуляции справедливости в соцсетях

Анализ научных публикаций показывает, что в русскоязычных социальных сетях сложился ряд типовых стратегий, с помощью которых пользователи и публичные акторы артикулируют понятие справедливости. Лингвистические стратегии выражения можно условно разделить на рационально-аргументативные и эмоционально-экспрессивные (в том числе иронические).

К первым относятся обращения к универсальным принципам и нормам. В дискуссиях на общественно значимые темы часто встречаются ссылки на равенство всех перед законом, неотъемлемые права и социальные гарантии, что отражает традиционные представления о справедливости как о равноправии и соблюдении правил[2]. Например, обсуждая судебные решения или действия властей, пользователи нередко апеллируют к конституционным принципам и идее законности, указывая, что по справедливости должно быть иначе. Таким образом, формируется нормативная риторика, где справедливость выступает мерилом правильности социальной организации. Другая рациональная стратегия — делиберативное обсуждение: часть пользователей пытается аргументированно рассуждать о справедливом устройстве общества, приводя данные, сравнения и логические доводы. Однако, как показал анализ онлайн-дебатов, качество такой аргументации преимущественно невысокое [12]. О.Г. Филатова и Д.В. Волковский отметили, что даже по острым вопросам (дело оппозиционера А. Навального) дискуссии при внешней диалогичности страдают низким уровнем аргументации и культуры общения. Иными словами, призывы к справедливости в соцсетях не всегда подкрепляются развернутым логическим обоснованием, чаще ограничиваясь декларациями и лозунгами.

Вторую группу составляют эмоционально окрашенные стратегии, отражающие субъективное переживание несправедливости. Российские интернет-коммуникации изобилуют выражениями возмущения, негодования по поводу вопиющей несправедливости — будь то в конкретном случае (судебный приговор, коррупционный скандал) или в целом в обществе [13]. Данная стратегия служит для мобилизации сочувствия и привлечения внимания к проблеме: эмоциональное высказывание резонирует с аудиторией, вызывая отклик и распространение (репосты, комментарии солидарности). Как отмечают исследователи, язык справедливости в сети насыщен повседневными аргументами и моралистическими оценками, что затрудняет строго научное разграничение, но свидетельствует о вовлеченности массового сознания [14].

[2] Социальная справедливость: мониторинг // Аналитический обзор ВЦИОМ. 27.02.2024 г. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-spravedlivost-monitoring (дата обращения: 04.05.2025).

Пользователи также используют иронию и сарказм. В современной онлайн-среде идеи справедливости нередко транслируются в шутливой либо пародийной форме. По наблюдениям Е.Г. Овчинникова-Лысенко, за последние десятилетия выражение темы социальной справедливости в медиа прошло путь от публицистических статей и журналистских расследований до юмористического контента, мемов и видеороликов в Интернете [15]. Юмор и ирония позволяют пользователям говорить о серьезных проблемах (социальное неравенство, несправедливые решения) в приемлемой и вирусной форме. Такой пародийно-обличительный жанр фактически выполняет функцию общественной критики, делая сложные темы более доступными для восприятия [15]. Научный интерес представляет то, что шутливые форматы не отменяют серьезности послания: за иронией скрывается требование к изменениям и призыв вернуться к подлинной справедливости.

Отметим стратегию заверения в справедливости, характерную для официальных каналов. В ответ на общественные настроения государственные институты в соцсетях иногда используют риторику обеспечения справедливости — отчитываются о мерах социальной поддержки, реформах ради справедливого распределения благ и т.д. Такой дискурс может рассматриваться как разновидность упомянутого дискурса прикрытия [16], когда на языковом уровне декларируется приверженность справедливости, однако аудитория нередко воспринимает это скептически. Тем не менее, факт, что официальные аккаунты вынуждены оперировать категорией справедливости, подтверждает общественный запрос на нее.

Риторическая репрезентация идей справедливости варьируется от серьезно-аналитической до саркастически-меметической. Серьезные посты и статьи (например, в жанре блога-расследования) стремятся к морализаторскому тону: авторы выступают как «голос совести», апеллируя к чувствам справедливости читателей и призывая к исправлению ситуации. Для подкрепления позиции приводятся конкретные примеры несправедливости — это могут быть личные истории жертв, цифры неравенства, ссылки на авторитетные мнения. Такой нарратив справедливости персонализирует проблему, вызывая эмпатию и негодование, что побуждает аудиторию к цифровому участию (комментированию, петиций, репостам). Одновременно существует противоположный полюс — цинично-ироничная репрезентация, когда пользователи, разочарованные постоянным отсутствием справедливости, высказываются с горькой иронией (у нас все справедливо: своим — все, остальным — закон и т.п.). Эта форма риторики отражает фрустрацию и недоверие, о которой пишут исследователи: идея социальной справедливости дискредитируется, превращаясь в объект сарказма, но тем не менее остается в центре внимания масс [16].

Отдельно следует отметить, что в последние годы наблюдается попытка конструктивного онлайн-дискурса вокруг справедливости. Речь о сообществах и инициативах, которые используют соцсети для обсуждения путей

достижения более справедливого общества – от волонтерских движений до экспертных групп. В таких пространствах риторика более прагматична: вместо обвинительного пафоса или абстрактных лозунгов участники обсуждают конкретные реформы (например, введение справедливого распределения бюджета, повышение судебных пошлин). Несмотря на общее неблагоприятное фоновое звучание (поляризация мнений, троллинг), цифровая среда предоставляет возможности для делиберации — при условии модерирования и соблюдения норм общения [12]. Факт, что подобные площадки существуют, говорит о запросе части аудитории на осмысленный разговор о справедливости, выходящий за рамки крика возмущения.

Анализ литературы показывает, что артикуляция справедливости в русскоязычном цифровом дискурсе — явление сложное, имеющее глубокие культурные корни и разнообразные проявления. При этом цифровая среда привносит свои. С одной стороны, соцсети дают голос требованию справедливости, демократизируя дискурс и высвечивая проблемы, которые ранее могли замалчиваться. Языковые стратегии — от рациональных апелляций к закону до эмоциональных воззваний — позволяют разным группам донести свою правду о том, что есть справедливость. С другой стороны, интернет-дискурс нередко обостряет противоречия: происходит упрощение риторики до мемов и слоганов, поляризация справедливых и несправедливых позиций, что усложняет достижение консенсуса. Тем не менее, научные исследования сходятся во мнении, что даже в условиях такого напряженного дискурса общественная потребность в справедливости не теряет актуальности — напротив, она становится мерилом, через которое граждане оценивают социальную реальность и легитимность институтов. В этом смысле изучение артикуляции справедливости в социальных сетях — не только академическая задача, но и вклад в понимание направления общественных настроений и потенциальных точек роста для диалога между властью и обществом на языке справедливости.

Методология

Для анализа были использованы данные, собранные из российского сегмента социальных сетей с помощью системы мониторинга Brand Analytics. Исходный корпус формировался на основе свыше 2 млн сообщений, опубликованных в период с сентября 2023 по сентябрь 2024 г. Для фокусировки на высказываниях, содержащих ценностные ориентации, применялась предварительная лексико-семантическая фильтрация: выборка сообщений осуществлялась по ядру из 38 устойчивых языковых формул, идентифицированных на основе анализа фокус-групп и глубинных интервью. Эти формулы (например, *для меня важно*, *я горжусь*, *я считаю главным*) служили индикаторами ценностной артикуляции и позволяли отобрать сообщения, в которых пользователи осмысляют или декларируют ценности.

После предобработки (удаления спама, дублей, стоп-слов, нормализации и лемматизации) был проведен автоматический тематический анализ

методом Latent Dirichlet Allocation (LDA). При моделировании было выявлено большое число тем (5 000). Полученные темы были затем агрегированы в 25 содержательных кластеров ценностей с помощью комбинации векторных представлений слов (Word2Vec) и кластеризации методом k-средних (k-means). Кластеры были интерпретированы и валидированы экспертно. В данной статье основное внимание уделяется кластеру справедливость и равенство, который в общем массиве данных представлен более чем 70 тыс. сообщений, и включающему темы, связанные с идеями честности, равноправия, моральной справедливости, социальной ответственности и нарушенного правосудия.

Все цитаты, приводимые в разделе анализа, взяты непосредственно из корпуса пользовательских сообщений. Они приведены дословно (с незначительными правками орфографии при необходимости) и служат иллюстрациями типичных высказываний о справедливости. При интерпретации цитат учитывался контекст их публикации (например, реакция на конкретную новость или ситуация, обсуждаемая в треде), однако в целях обобщения внимания в анализе сосредоточено на содержании высказываний, а не на отдельных событиях.

Риторические стратегии и языковые особенности

Существенную роль играет то, как пользователи выражают свои мысли о справедливости. Анализ показал, что обсуждения данной ценности богаты разнообразными риторическими приемами. Ниже выделены наиболее характерные стратегии, сопровождаемые примерами из корпуса данных.

Одной из типичных манер обсуждать справедливость в сети является ироничное преувеличение или насмешливое употребление высоких слов. Сарказм проявляется и в мелочах: фраза *ну где справедливость?* может употребляться как полушутливый возглас при любом негодовании. В сочетании с интернет-мемами подобные реплики превращаются в устойчивые шуточные конструкции. Иногда ироничные восклицания *где справедливость?* обыгрываются в формате интернет-мемов, выступая средством комического выражения негодования. Эта стратегия в полной мере соответствует стратегиям, выявленным на этапе литературного обзора, и демонстрирует, как ирония позволяет пользователям снизить накал обсуждения тяжелых тем, выразить свое отношение косвенно. Однако частое употребление сарказма также указывает на скрытую фрустрацию: не видя возможности изменить ситуацию, люди предпочитают посмеяться над несправедливостью, тем самым как бы примиряясь с ее неизбежностью: *Какое же лицемерие. Где же справедливость? Ау!*; *Справедливость — она как бы есть, но как бы и нет.*

В собранном корпусе данных также часто встречается вопросительная конструкция *разве справедливо, что...?*. Она служит одновременно и для выражения эмоционального несогласия, и для вовлечения аудитории в оценку ситуации. Задавая вопрос, автор поста апеллирует к моральному чувству

читателей, предполагая очевидный отрицательный ответ. Например: *Разве справедливо, что пенсионеры вынуждены экономить на еде, тогда как чиновники получают премии?* — явный призыв к осуждению несправедливости. Формально автор спрашивает, но, по сути, утверждает, что это несправедливо: *Скажите, где тут справедливость?*; *Где справедливость?*; *Это справедливо, что врач получает меньше, чем блогер?*

Многие высказывания о справедливости используют предельные обобщения: *никогда*, *всегда*, *везде*, *сплошная несправедливость* и т.п. Полярные оценки (*все плохо* — или, реже, *все хорошо*) придают речи эмоциональность. Они позволяют автору мгновенно дать понять свое отношение. При этом даже пользователи, стремящиеся к аргументированной позиции, нередко прибегают к гиперболам, чтобы подчеркнуть остроту проблемы. Абсолютизация выполняет роль усилителя аргумента: *У нас никогда не было справедливости*; *Справедливости в этом мире нет*; *одни получают все, другие — ничего*; *НЕТ справедливости в этом мире!!*; *Как всегда, страдают обычные люди.*

В обсуждениях справедливости встречаются отсылки к пословицам, литературе и поп-культуре. Например, известная поговорка *правда восторжествует* (часто заменяется словом *справедливость восторжествует*) употребляется то в серьезном, то в ироничном ключе. В исследуемом корпусе зафиксированы случаи, когда участники дискуссии пародируют казенный стиль: *В конце концов справедливость обязательно восторжествует* ☺. Здесь происходит передразнивание клише — официально-оптимистичное высказывание вставлено в неформальный контекст, что создает эффект сарказма. Часто упоминается идея воздаяния — например, в виде кармы или фразы *все возвращается,* что указывает на распространенную веру в восстановление справедливости по высшим законам. Такие отсылки и цитирования служат своего рода аргументом к традиции, попыткой подкрепить свое понимание справедливости авторитетом культурного наследия: *Справедливость восторжествует*; *Надеемся, что справедливость восторжествует… хех*; *пусть ему вернется*; *карма настигнет.*

Редко обсуждения справедливости обходятся без оценочных слов. В речи пользователей постоянно встречаются определения: *честный, подлый, наглый, заслуженный, непомерный, возмутительный* и т.д. Например: *Это возмутительно и несправедливо!*, *Он честно заработал — и так с ним обошлись, где же справедливость?*. Частотность негативно окрашенных эпитетов отражает преобладающий тональность дискурса — возмущение и негодование. Позитивная лексика (*справедливое решение*, *праведный поступок*) встречается в корпусе гораздо реже, что может свидетельствовать о тематическом перекосе: люди чаще обсуждают случаи *нарушения* справедливости, чем примеры ее соблюдения. В целом эмоциональная насыщенность языка говорит о том, что для многих пользователей вопрос справедливости не абстрактен, он затрагивает их ценностные чувства и потому эмоционально выражается: *Это возмутительно!*; *законы должны быть для всех!*; *честно*

заработал – а его… — (подобные фразы с эпитетами честный, несправедливый, наглый широко представлены в массиве); часто встречаются оценки вроде *стыдно, позор, обидно, не по-человечески.*

Подводя итог, можно сказать, что риторика обсуждений справедливости в социальных сетях варьируется от саркастического подтекста до предельно серьезного, гневного тона. Выбор стратегии зависит от конкретного сообщества и повода: ирония более свойственна молодежным и развлекательным площадкам, тогда как в группах социальной направленности (пенсионеры, политические активисты) преобладает прямое возмущение и призывы к восстановлению справедливости. Однако вне зависимости от формы выразительности, сама ценность справедливости остается центральным ориентиром, вокруг которого строится моральное обсуждение ситуаций. Пользователи в своих постах постоянно ссылаются на справедливость как на высший критерий, апеллируя к нему даже в шуточной форме — что подчеркивает глубоко укорененное значение этой ценности.

Результаты анализа позволяют сделать несколько важных выводов о том, как массовое сознание транслирует идею справедливости в цифровой коммуникации. Во-первых, обращает на себя внимание преобладание негативной повестки: справедливость чаще обсуждается через призму ее отсутствия, нарушения или недостижимости: *Справедливости нет и не будет*; *У них все можно, а нам — ничего*; *чиновники себе все позволяют*; *бесполезно надеяться*; *Как всегда, сильным все, остальным — крохи*; *наверху можно все.*

Большая часть выявленных нарративов — это истории о несправедливости (социальной, правовой, бытовой) и эмоциональные реакции на нее. Данный факт согласуется с общесоциологическими данными о том, что запрос на справедливость в современном российском обществе во многом обусловлен ощущением несправедливого устройства социальных отношений (неравенства, привилегий элит и т.п.)[3]. Можно сказать, что онлайн-дискурс выполняет функцию выхода накопленного негодования: люди используют социальные сети, чтобы выговориться о наболевших несправедливостях, найти единомышленников в своем возмущении, пусть даже в шуточной форме. Это перекликается с тезисом о борьбе за определение справедливости [17], а в цифровой сфере эту борьбу ведут не только элиты, но и рядовые граждане, пытаясь утвердить свою трактовку того, что справедливо, через публичное осуждение того, что они считают несправедливым.

Сетевой дискурс о справедливости отличается поляризацией эмоциональных тонов — от цинизма до утопического идеализма. С одной стороны, широкое распространение сарказма и мемов, обыгрывающих отсутствие справедливости, указывает на определенную апатию и циничное смирение с несправедливостью. Фразы *справедливости нет и не будет* (*справедливости*

[3] Perception of social justice and changes in its meaning // Eurasian Research Institute. Режим доступа: https://www.eurasian-research.org/publication/perception-of-social-justice-and-changes-in-its-meaning/?lang=ru (дата обращения: 01.08.2021).

нет, *все схвачено*, *так быть не должно*, *почему никто не отвечает?*, *это должно быть наказано*) набирают популярность именно потому, что резонируют с массовым опытом разочарований.

Это может быть интерпретировано в русле теории выученной беспомощности: когда люди не верят в возможность перемен, они предпочитают иронизировать, чем пытаться действовать. С другой стороны, наличие яростных призывов к наказанию виновных, апелляций к морали, религиозных обличений зла говорит о сохраняющемся идеалистическом запросе на справедливость. Многие участники дискуссий явно не готовы мириться с положением дел и требуют восстановить справедливость, даже если не вполне верят в успех. Такая двойственность — сочетание разочарования и надежды — хорошо заметна в наших данных. Она отражает сложный психологический статус справедливости как ценности: ее важность не подвергается сомнению, но вера в ее достижимость неустойчива. Тем не менее, сама форма частого обращения к понятию (даже в отрицании) подтверждает, что справедливость остается ключевым моральным ориентиром. Как отмечают Н.А. Трубина и Л.Р. Миркушина, даже в цифровую эпоху молодое поколение не отвергает традиционные моральные ценности [18] — наше исследование показывает, что они скорее выражают эти ценности через новые каналы и стили коммуникации.

Обнаруженные риторические стратегии могут свидетельствовать о формировании особого сетевого дискурса справедливости. Его черты — персонализация и эмоциональность — соответствуют общей тенденции цифровой коммуникации [19]. В соцсетях обсуждение ценностей приобретает форму обмена личными историями, вместо отвлеченных дискуссий о принципах мы видим конкретные нарративы: *вот случай — разве это справедливо?*; *разве это справедливо?*; *такой случай — а всем все равно*.

Такая повествовательная природа дискурса способствует вовлечению аудитории и может усиливать эффект эхо-камер: люди собираются в сообществах, где разделяют схожее возмущение одними и теми же примерами несправедливости, подкрепляя коллективное убеждение в том, что все плохо. Это согласуется с известными исследованиями, показывающими, что социальные сети склонны усиливать эмоциональный резонанс и однобокость восприятия [20]. В нашем случае, если пользователь присоединяется к группе, постоянно транслирующей месседж о тотальной несправедливости (например, группа оппозиционно настроенных граждан или сообщество активных родителей), он вероятно будет все больше убеждаться в этом взгляде, практически не сталкиваясь с альтернативными примерами.

Наконец, результаты данного исследования имеют практическое значение для понимания общественных настроений. Онлайн-репрезентации справедливости можно рассматривать как барометр, отражающий уровень удовлетворенности или неудовлетворенности населения ключевыми аспектами жизни. Преобладание негативных нарративов о нарушении справедливости

указывает на наличие запроса на изменения. Как показывали опросы, справедливость входит в число тех ценностей, которые российская молодежь хочет бы видеть реализованными в государственной политике[4]. *Как всегда, кто поближе к кормушке — тому и справедливость. А нам остается ждать милости*; другой замечает: *Что за суд такой, где у богатого свои законы, а у нас свои*. Подобные реплики иллюстрируют, как онлайн-дискурс фиксирует болезненные точки общественного недовольства. Понимание используемой гражданами риторики может быть полезно для повышения эффективности общественной коммуникации: чтобы быть услышанными, институтам важно говорить на том же языке — языке справедливости, равных прав и признания проблем. Один из пользователей пишет об этом прямо: *Пока власть не начнет слушать, о справедливости говорить смешно*. Таким образом, цифровой дискурс не только выражает эмоции, но и транслирует конкретные ожидания, с которыми может и должна соотноситься социальная политика.

В данной работе представлен всесторонний анализ того, как категория справедливости артикулируются в русскоязычных социальных сетях, на примере тематического кластера «справедливость и равенство». Опираясь на методы автоматизированного выделения тем и качественного анализа содержимого пользовательских сообщений, мы выявили основные риторические приемы, через которые пользователи осмысляют справедливость.

Риторика обсуждений отмечена высоким эмоциональным напряжением и обилием стилистических фигур — сарказма, вопросов, гипербол. Это показывает, что справедливость — не абстрактное понятие, а живая ценность, вызывающая сильные эмоции. В то же время ироничные и циничные интонации говорят о разочарованности: значительная часть общества не верит в реализуемость справедливости и потому говорит о ней с усмешкой: *Справедливости нет и не будет, смиритесь.*

Заключение

Таким образом, онлайн-репрезентация справедливости отражает сложный общественный феномен: сочетание неизменной значимости этой ценности с кризисом доверия к ее воплощению в жизни. Полученные результаты согласуются с рядом теоретических предпосылок (например, о роли справедливости как морального фундамента и о влиянии цифровой среды на обострение ценностных противоречий) и дополняют их конкретикой живого языка и мнений.

Необходимо признать ряд ограничений, которые следует учитывать при интерпретации выводов. Во-первых, выборка сообщений хотя и обширна, но не гарантирует полной представительности для всего российского интернета. Были охвачены главным образом крупные платформы и открытые группы;

[4] Justice overtook superpowerness // RBC. Режим доступа: https://www.rbc.ru/newspaper/2023/12/05/656d9d649a79473c15b1fdd4 (дата обращения: 02.06.2025).

голоса тех, кто не высказывается публично или присутствует в закрытых сообществах, могли остаться неуслышанными. Во-вторых, присутствует эффект платформенной специфики: особенности алгоритмов и аудитории конкретных соцсетей влияют на тональность и тематику дискурса. В-третьих, эффект эхо-камер и сегментации аудитории в сети приводит к тому, что отдельные группы пользователей придерживаются сходных мнений, мало взаимодействуя с оппонентами. Мы не дифференцировали дискурсы разных идеологических сегментов; в будущем более точное разделение (например, сравнение провластного и оппозиционного дискурса о справедливости) могло бы дать дополнительные инсайты. Наконец, технические ограничения тематического моделирования таковы, что некоторые тонкие контексты могли выпасть из поля зрения: алгоритм группирует тексты по часто совместно употребляемым словам, поэтому сообщения с нетривиальной лексикой или редкими могли не попасть в кластер, хотя тоже относятся к теме справедливости.

Перечисленные ограничения открывают перспективы для дальнейших исследований. Также интересным шагом было бы провести динамический анализ: как менялось обсуждение справедливости в разные годы и под влиянием каких событий (например, экономических кризисов, выборов, социальных потрясений).

Справедливость в цифровом общественном мнении — это своего рода индикатор социальных настроений. Ее репрезентация в соцсетях сигнализирует не только о том, что думают люди, но и о том, как они чувствуют и говорят о базовых нормах общежития. Наше исследование показало, что в российском онлайн-пространстве справедливость продолжает играть роль важнейшего ориентира, оставаясь при этом спорной и болезненной темой. Эта двойственность — одновременно почтение к идеалу и разочарование в реальности — задает тон многим публичным дискуссиям и, несомненно, будет влиять на социально-политические процессы в стране. Понимание того, как люди артикулируют запрос на справедливость, важно для ученых, занимающихся ценностями и коммуникацией, а также для практиков — от государственных деятелей до общественных лидеров — стремящихся наладить диалог с обществом на языке, которому оно доверяет.

Список литературы

1. *Гаврилова М.В.* Концепт Справедливость в новейшем русском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2006. № 17. С. 77–87. EDN: JVKJSH
2. *Кожевников А.М., Масликов В.А.* Современные исследования влияния интернет-коммуникаций на формирование ценностных ориентаций молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 149–158. EDN: HZCNCX
3. *Hall S.* Signification, Representation, Ideology: Althusser and the Post-Structuralist Debates // Critical Studies in Mass Communication. 1985. Vol. 2. № 2. P. 91–114.
4. *Grice H.P.* Logic and Conversation // Syntax and Semantics / P. Cole, J.L. Morgan (Eds.). Vol. 3, P. 41—58. New York : Academic Press, 1975. https://doi.org/10.1163/9789004368811_003
5. *Grice H.P.* Studies in the Way of Words. Harvard : Harvard University Press, 1989.

6. *Sperber D., Wilson D*. Relevance: Communication and Cognition. Harvard : Harvard University Press, 1986.
7. *Wilson D., Sperber D.* Meaning and Relevance. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
8. *Martin J.R., White P.R.R.* The Language of Evaluation: Appraisal in English. Palgrave Macmillan. Chippenham and Eastbourne : Great Britain by Antony Rowe Ltd, 2005.
9. *Jeffries L.* Critical Stylistics: The Power of English. Basingstoke; New York : Palgrave Macmillan, 2010.
10. *Fahnestock J.* Rhetorical Style: The Uses of Language in Persuasion. Oxford : Oxford University Press, 2011.
11. *Wodak R.* The discourse-historical approach // Methods of Critical Discourse Analysis, R. Wodak, M. Meyer (Eds.). California : SAGE Publications, Ltd, 2001. P. 63–94. https://doi.org/10.4135/9780857028020.n4
12. *Filatova O., Volkovskii D*. Online Deliberation on Social Media as a Form of Public Dialogue in Russia // Internet and Modern Society 2021: Proc. Int. Conf. IMS 2021. Saint. Petersburg : CEUR Workshop Proceedings, 2021. P. 146–156.
13. *Качалова О.В.* Скандализация правосудия в социальных сетях: поле битвы или площадка для диалога? // Судья. 2024. № 8 (164). С. 40–44. https://doi.org/10.52433/18178170_2024_08_40 EDN: XNPQNQ
14. *Троцук И.В.* Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 218–249. https://doi.org/10.17323/1728-192X-2019-1-218-249 EDN: VDBBSR
15. *Овчинников-Лысенко Е.Г.* Способы отражения социальной справедливости в СМИ и новых медиа России // Теория и практика общественного развития. 2025. № 1. С. 103–109. https://doi.org/10.24158/tipor.2025.1.12
16. *Розин В.М.* Дискурс социальной справедливости: критический анализ // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 41–51. EDN: SBTPZV
17. *Честнов И.Л.* Концепт справедливости в постклассическом правопонимании // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 35–50. EDN: QBKCDR
18. *Трубина Н.А., Миркушина Л.Р.* Трансформация моральных ценностей в цифровой коммуникации // Вестник МГПУ, серия Философские науки. 2022. № 3(43). С. 44–56. https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.4 EDN: WEEHNU
19. *Papacharissi Z*. Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics. Oxford : Oxford University Press, 2015.
20. *Sunstein C.R.* Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton : Princeton University Press, 2017. https://doi.org/10.1086/696988

References

1. Gavrilova, M.V. (2006). The Concept of “Justice” in Contemporary Russian Political Discourse. *Political Linguistics*, 17, 77–87. (In Russ.). EDN: JVKJSH
2. Kozhevnikov, A.M., & Maslikov, V.A. (2020). Modern Studies on the Impact of Internet Communications on Youth’s Value Orientations. *Sociology*, 1, 149–158. (In Russ.). EDN: HZCNCX
3. Hall, S. (1985). Signification, Representation, Ideology: Althusser and the Post-Structuralist Debates. *Critical Studies in Mass Communication*, *2*(2), 91–114. URL: https://www.academia.edu/43501212/Signification_Representation_Ideology_Althusser_and_the_Post_Structuralist_Debates (accessed: 09.05.2025).
4. Grice, H.P. (1975). Logic and Conversation. In: *Syntax and Semantics* / P. Cole, & J.L. Morgan (Eds.), Vol. 3, (pp. 41–58). New York: Academic Press. https://doi.org/10.1163/9789004368811_003
5. Grice, H.P. (1989). *Studies In The Way Of Words*. Harvard: Harvard University Press.

6. Sperber, D., & Wilson, D. (1986). *Relevance: Communication and Cognition*. Harvard: Harvard University Press.
7. Wilson, D., & Sperber, D. (2012). *Meaning and Relevance*. Cambridge: Cambridge University Press. URL: https://retoricaepragmatica.wordpress.com/wp-content/uploads/2019/02/deirdre-wilson-dan-sperber-meaning-and-relevance-2012-cambridge-university-press.pdf (accessed: 09.06.2025). https://doi.org/10.1017/CBO9781139028370
8. Martin, J.R., & White, P.R.R. (2005). *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. Palgrave Macmillan. Chippenham and Eastbourne: Great Britain by Antony Rowe Ltd.
9. Jeffries, L. (2010). *Critical stylistics: The Power of English*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan.
10. Fahnestock, J. (2011). *Rhetorical Style: The Uses of Language in Persuasion*. Oxford: Oxford University Press.
11. Wodak, R. (2001). The discourse-historical approach. In: *Methods of Critical Discourse Analysis*. / R. Wodak, M. Meyer (Eds.) (pp. 63–94). California: SAGE Publications, Ltd, 2001. https://doi.org/10.4135/9780857028020.n4
12. Filatova, O., & Volkovskii, D. (2021). Online Deliberation on Social Media as a Form of Public Dialogue in Russia. In: *Internet and Modern Society 2021: Proceedings of the International Conference IMS 2021,* (pp. 146–156). St. Petersburg: CEUR Workshop Proceedings
13. Kachalova, O.V. (2024). *Scandalization of Justice and Social Media: A Battlefield or a Place for Dialogue?* // Sudya, 8(164), 40–44. (In Russ.). https://doi.org/10.52433/18178170_2024_08_40 EDN: XNPQNQ
14. Trotsuk, I.V. (2019). Justice in Sociological Discourse: Semantic, Empirical, Historical and Conceptual Inquiries. *Sociological Review*, *18*(1), 218–249. (In Russ.). https://doi.org/10.17323/1728-192X-2019-1-218-249 EDN: VDBBSR
15. Ovchinnikov-Lysenko, E.G. (2025). Ways of representing social justice in Russian media and new media. *Theory and Practice of Social Development*, 1, 103–109. (In Russ.). https://doi.org/10.24158/tipor.2025.1.12
16. Rozin, V.M. (2014). Discourse of Social Justice: A Critical Analysis. *Voprosy Filosofii*, 3, 41—51. (In Russ.). EDN: SBTPZV
17. Chestnov, I.L. (2013). The Concept of Justice in Postclassical Legal Understanding. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, (2)307, 35–50. (In Russ.). EDN: QBKCDR
18. Trubina, N.A., & Mirkushina, L.R. (2022). Transformation of Moral Values in Digital Communication. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 3(43), 44–56. (In Russ.).https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.43.3.4 EDN: WEEHNU
19. Papacharissi, Z. (2015). *Affective Publics: Sentiment, Technology, and Politics*. Oxford University Press. Oxford: Oxford University Press, 2015. URL: http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/44049/1/4.pdf (accessed: 02.06.2025).
20. Sunstein, C.R. (2017). *Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media*. Princeton: Princeton University Press. https://doi.org/10.1086/696988

Сведения об авторах:

Григорьева Мария Владимировна, старший преподаватель факультета креативных индустрий, Школа коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (109028, Российская Федерация, г. Москва, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, стр.1); *сфера научных интересов*: интегрированные коммуникации; *e-mail*: mariya.grigoreva@hse.ru
ORCID: 0009-0007-2413-7721; SPIN-код: 7313-9899, AuthorID: 1315901.

Соколова Екатерина Никитична, канд. полит. наук, заведующая проектно–учебной лаборатории политических коммуникаций Школы коммуникаций факультета креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (109028, Российская Федерация, г. Москва, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, стр.1); *сфера научных интересов*: конфликтология, политология; *e-mail*: e.sokolova@hse.ru
ORCID: 0009-0007-3188-707X; SPIN-код: 5523-1570, AuthorID: 1319510.

Смирнов Александр Георгиевич, доцент факультета креативных индустрий, Школа коммуникаций, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (109028, Российская Федерация, г. Москва, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, стр.1); *сфера научных интересов*: управление проектами, копирайтинг, PR; *e-mail*: ag.smirnov@hse.ru
ORCID: 0009-0004-8079-9808; SPIN-код: 6890-7000, AuthorID: 424382.

Information about the authors:

Maria V. Grigorieva, Senior Lecturer of the Faculty of Creative Industries, School of Communications, National Research University Higher School of Economics (8/2 bld.1 Maly Trekhsvyatitelsky Lane, Moscow, Russian Federation, 109028); *Research interests*: Integrated communication; *e-mail*: mariya.grigoreva@hse.ru
ORCID: 0009-0007-2413-7721; SPIN-code: 7313-9899, AuthorID: 1315901.

Yekaterina N. Sokolova, PhD in Political Sciences, Head of the Design and Training Laboratory of Political Communications School of Communications, the Faculty of Creative Industries, National Research University Higher School of Economics (8/2 bld.1 Maly Trekhsvyatitelsky Lane, Moscow, Russian Federation, 109028); *Research interests*: conflictology, political science; *e-mail:* e.sokolova@hse.ru
ORCID: 0009-0007-3188-707X; SPIN-code: 5523-1570, AuthorID: 1319510.

Alexander G. Smirnov, Associate Professor of the Faculty of Creative Industries, School of Communications, National Research University Higher School of Economics (8/2 bld.1 Maly Trekhsvyatitelsky Lane, Moscow, Russian Federation, 109028); *Research interests*: project management, copywriting, PR; *e-mail*: ag.smirnov@hse.ru
ORCID: 0009-0004-8079-9808; SPIN-code: 6890-7000, AuthorID: 424382.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 221–235
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-221-235
EDN: IIAPDR

Научная статья / Research Article

Лингвистические аспекты исследования алекситимии

Е.А. Горобец

Казанский (Приволжский) федеральный университет, *Казань*, *Российская Федерация*
✉ Elena.Gorobets@kpfu.ru

Аннотация. Алекситимия представляет собой специфический когнитивный статус, который характеризуется трудностями осознания и экстериоризации, в том числе вербальной, эмоций и физических ощущений. В течение последних пятидесяти лет алекситимия активно изучается представителями различных специальностей, поскольку представляет собой междисциплинарный феномен и имеет очень высокую клиническую значимость, в первую очередь в связи с ее коморбидностью с неврологическими, соматическими и психическими заболеваниями. Цель исследования: анализ психо- и нейролингвистических работ, связанных с алекситимией, и обсуждение различных современных точек зрения на механизмы, лежащие в основе осознания и вербализации эмоций и ощущений у информантов с высоким уровнем алекситимии. Охарактеризованы лексические и грамматические особенности их речи (специфика номинации, восприятия единиц с метафорическим переносом, частеречной обработки, структуры высказываний, прагматические характеристики), особенности обработки вербальной и невербальной информации, связанной с эмоциями и ощущениями, отмечается наличие комплексных трудностей когнитивной обработки эмоций, связанных не только с языковыми аспектами проблемы, затрагиваются проблемы алекситимии у подростков. Обсуждены изменения в области измерения уровня алекситимии (постепенное движение от опросников, представляющих собой самоотчет, к автоматической диагностике с помощью компьютерных программ), представлены перспективные направления исследования алекситимии.

Ключевые слова: психолингвистика, интероцепция, перцепция, вербализация, эмоция, ощущение

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

© Горобец Е.А., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Финансирование: Работа выполнена за счет гранта Академии наук РТ, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан» (соглашение от 16.12.2024 № 12/2024-ПД).

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Горобец Е.А.* Лингвистические аспекты исследования алекситимии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 221–235. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-221-235 EDN IIAPDR

Linguistic Aspects of Alexithymia Research

Elena A. Gorobets ✉

Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan*, *Russian Federation*
✉ Elena.Gorobets@kpfu.ru

Abstract. Alexithymia is a specific cognitive state characterized by difficulties in consciously identifying and expressing one's emotions, as well as externalizing emotional and physical sensations. Over the past fifty years, alexithymia has been actively studied by researchers in various fields, as it is an interdisciplinary phenomenon with obvious clinical significance, primarily due to its comorbidity with neurological, somatic, and psychiatric disorders. The aim of this study is to analyze psycho- and neurolinguistic research on alexithymia, discuss contemporary perspectives on the mechanisms underlying emotion and sensation awareness and verbalization in individuals with high alexithymia levels, and characterize the lexical and grammatical features of their speech. (specificity in nomination, perception of units with metaphorical components, part-of-speech processing, utterance structure, pragmatic characteristics), features of processing verbal and non-verbal information related to emotions and sensations. The authors note the presence of complex difficulties in the cognitive processing of emotions associated not only with the linguistic aspects of the problem, and touch upon the problem of alexithymia in adolescents. Changes in the field of measuring the level of alexithymia (a gradual move from questionnaires representing self-reports to automatic diagnostics using computer programs) are discussed, and promising areas of alexithymia research are presented.

Keywords: psycholinguistics, linguistics, vocabulary, grammar, perception, verbalization, emotion, sensation

Conflict of interests: The author declares no conflict of interest.

Funding: The work was carried out at the expense of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young Candidates of Science (postdocs) for the purpose of defending a doctoral dissertation, carrying out research work, and also performing work functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan" (agreement dated 16.12.2024 No. 12/2024-PD).

Article history: Received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025

For citation: Gorobets, E.A. (2026). Linguistic Aspects of Alexithymia Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 221–235. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-221-235 EDN IIAPDR

Введение

Алекситимия традиционно рассматривается как специфический когнитивный статус индивида, испытывающего значительные трудности осознания и экстериоризации своих эмоциональных переживаний, ощущений, впечатлений, сложности разграничения телесных ощущений и чувств [1–3]. Согласно традиционным представлениям, алекситимичная личность концентрируется преимущественно на внешних событиях и действиях, игнорируя психоэмоциональную составляющую. В исследованиях последних лет наблюдается все более явственно выраженная тенденция к характеристике алекситимии как субклинического состояния и как значимого фактора риска развития психосоматических заболеваний, нейропсихиатрического синдрома, фактора риска психопатологий, связанных с эмоциями [4; 5].

Несмотря на очевидную клиническую значимость, механизмы, лежащие в основе снижения эмоциональной чувствительности при алекситимии, описаны в настоящее время достаточно избирательно. Одно из направлений исследований предполагает, что алекситимия возникает из-за неточного или какого-либо нетипичного восприятия внутренних телесных сигналов (интероцепции), которые дают информацию об аффективном состоянии человека [6; 7]. Однако одних интероцептивных сигналов недостаточно для объяснения всего спектра человеческих эмоциональных переживаний, важны и процессы экстериоризации, в большинстве из которых задействованы языковые механизмы, которые пока изучены недостаточно [8]. Подчеркивается, что внутренние и внешние сигналы интерпретируются по-разному мужчинами и женщинами при определении своих телесных и эмоциональных состояний [9].

Положительная связь между интероцептивной чувствительностью и личностной тревожностью частично опосредована алекситимией, и у лиц, которые подвержены наибольшему риску клинически значимого уровня личностной тревожности, наблюдаются как значительно более высокие уровни интероцептивной чувствительности, так и алекситимии [10], при этом интероцепция у людей с высоким уровнем алекситимии часто является искаженной (они сообщают не о том, что действительно ощущается, либо не сообщают об этом вообще).

Согласно теории концептуального акта эмоций [11; 12], различные ощущения и эмоции воспринимаются посредством автоматического процесса категоризации. Постоянный поток изменений в нейрофизиологическом состоянии организма классифицируется, что приводит к ощущению различных категорий эмоций, и сбой в процессе категоризации приводит к алекситимии [11]. Ключевую роль как в формировании, так и в осуществлении процесса

категоризации играет язык, поскольку именно в его категориях осуществляется приобретение и использование концептуальных знаний об эмоциях [8]. Языковая гипотеза развития алекситимии предполагает опосредованное языком нарушение в развитии дискретных эмоциональных концепций из неоднозначных аффективных состояний. Именно язык помогает их конкретизировать, придавая им четкие эмоциональные вербальные обозначения [13], совокупность которых формирует представление о концепции самой эмоции и помогает ее распознавать в дальнейшем [14–16]. В последующем это отражается на когнитивной регуляции эмоций. Согласно данным D.A.Preece и соавторов, группы информантов с высоким, средним и низким уровнем алекситимии используют разные когнитивные и поведенческие стратегии регуляции эмоций. При высоком уровне реже применяются адаптивные стратегии регуляции (когнитивная переоценка, решение проблем и поиск социальной поддержки), чаще — дезадаптивные (подавление экспрессии, поведенческое отстранение, игнорирование) [17]. Подчеркивается, что самоотчеты о различных психологических состояниях более непосредственно коррелируют с физиологическими изменениями у мужчин, чем у женщин [9].

Исследования связи алекситимии с прагматикой показывают, что высокий уровень алекситимии связан с более низкой скоростью обработки утверждений, однако утверждать, что здесь нет экстрафакторов, сложно, поскольку прагматические трудности могут указывать не только на языковой дефицит, но и на более широкое нарушение социального взаимодействия [16; 18].

Особенности речи информантов с высоким уровнем алекситимии

Лингвистический анализ — один из важных методов, который помогает работать с алекситимичными личностями в условиях клинической практики, в особенности с учетом того, что для диагностики многих заболеваний, в особенности неврологических, обязательным является вербальный отчет пациента о его ощущениях [19; 20]. В последние десятилетия активизируется изучение лингвистических механизмов в выявлении алекситимии и в терапевтической работе с пациентами [21–23].

Вклад в анализ вербальной экстериоризации патологических ощущений, значимых для клинической практики, а именно боли, депрессии, тревоги и головокружения, был внесен казанскими лингвистами. На материале лингвистических экспериментов и образцов свободной речи 750 взрослых информантов с уровнем алекситимии по 20-пунктовой Торонтской шкале алекситимии (TAS-20) [24] более 61 (высокий уровень, позволяющий относить личность к алекситимичной), а также 72 подростков с высоким уровнем алекситимии, была осуществлена уровневая характеристика устной речи, проанализирована эффективность используемых в клинической практике диагностических шкал для данной выборки, разработана серия диагностических инструментов. Выявлены лексические и грамматические особенности речи информантов с алекситимией, которые описаны в серии публикаций

(подробный перечень см. в [2]). В более ранней литературе имеются данные о том, что у алекситимичных пациентов наблюдались и интонационные нарушения — апросодия, которая, в свою очередь, придавала их речи «аффективную ровность» [25], однако зарегистрированные особенности просодии в большой выборке не дают достаточных оснований для того, чтобы связать их именно с алекситимией. Судя по данным немногочисленных публикаций на эту тему, в отношении просодических нарушений при алекситимии есть отдельные кейс-исследования: помимо уже упомянутой работы P. Marty, статья G.Fricchione и E.Howanitz [26], в которой речь идет об одном пациенте с моторной апросодией и высоким уровнем алекситимии. Есть ряд работ, где устанавливается связь между просодическими нарушениями, алекситимией и какой-либо коморбидной патологией. Так, например, выявлены просодические нарушения у пациентов с шизотипическим расстройством личности, у которых был высокий уровень алекситимии [27], но именно данная коморбидность не позволяет отнести причину просодических нарушений именно к алекситимии. Особого внимания заслуживают экспериментальные исследования K.S. Goerlich, A. Aleman, S. Martens [28] по восприятию разных типов просодии (электрофизиологический ответ на эмоциональную речь у 60 женщин с высоким уровнем алекситимии) и K.S. Goerlich-Dobre, J. Witteman, N.O. Schiller [29] и др. (гемодинамическая активность трех областей просодической сети: верхней височной извилины, нижней лобной извилины и миндалины, исследованная с помощью fMRI у 22 информантов), в результате которых выявляется, что алекситимия связана со «смазанным», притупленным восприятием различных просодических вариантов эмоционально окрашенной речи (радостная интонация, злобная и т.д.). В исследованиях M. Swart, R. Kortekaas, A. Aleman выявляется сниженная скорость ответа на эмоциональную речь, однако авторы полагают, что разница несущественная и не формирует структуру дефицита при алекситимии, в отличие от того факта, что люди с высокими показателями когнитивного компонента алекситимии более склонны к стратегиям подавления эмоций, чем к стратегиям переоценки [30]. Данные машинной обработки, осуществленной T. Meaney и соавторами, свидетельствуют о возможности делать ряд выводов по характеристикам голоса информантов [31], но данных за специфичность именно просодических характеристик пока недостаточно.

Проведена серия экспериментов, связанных со спецификой номинации у алекситимичных личностей. Выявлено, что в сферах, не относящихся к вербализации эмоций и чувств, речь алекситимичных пациентов не является обедненной; статистически значимых данных, свидетельствующих о том, что именно алекситимия является причиной небогатого словарного запаса у ряда пациентов, получено не было. Трудности номинации относятся в большей степени к сниженной скорости реакции, нежели к проблемам коммуникативного плана. Тесты на литеральную беглость показывают результаты, аналогичные тестам на семантическую беглость [2]. К аналогичным выводам

приходят H. Hobson с соавторами: взаимосвязь между трудностями с идентификацией чувств и вербальной беглостью речи предоставляет лишь ограниченные доказательства роли языковых функций в развитии алекситимии, поскольку в субтестах на литеральную и семантическую беглость задействованы далеко не только речевые процессы [8]. Эмоциональная детализация (точность описания эмоций и ощущений) у информантов с высоким уровнем алекситимии, безусловно, ниже, чем у информантов с низким уровнем, в особенности ярко это видно у подростков; взрослый человек в ходе эксперимента не всегда может признать, что он просто не понимает значения того или иного слова, называющего определенную эмоцию или физическое состояние, подростки делают это легко (ощущения при диспепсии характеризуют как тошноту, дурноту как боль и т.д.) [32; 33].

Изучение обработки единиц с метафорическим переносом, в частности пословиц и поговорок, показало отсутствие статистически значимой разницы в их восприятии, из чего следует, что тезис об отсутствии «образности» мышления является спорным. Из ранней литературы на данную тему не вполне ясно, чем измерялась образность мышления при формировании такого вывода и не касалась ли эта образность только лексики, называющей чувства, эмоции и ощущения. Примечательно, что метафорические переносы, которые представлены одной лексемой, воспринимаются информантами с алекситимией тяжело, через наводящие вопросы и посредством сравнительных конструкций, однако переносный план высказываний, представленных предложениями различных типов, воспринимался в целом на одном уровне с неалекситимичными информантами. Сама структура пословицы, по всей видимости, подсказывает смысл неясных единиц, чего не происходит, когда информант имеет дело с одиночной лексемой [2]. В целом однословные дескрипторы при высоком уровне алекситимии воспринимаются значительно хуже, чем сравнительные обороты и дескрипторы-фразы. Пациенты с алекситимией более успешно воспринимают мини-описания из 2–3 предложений, чем однословный дескриптор без контекста.

Выявлены различия в обработке частей речи информантами с высоким и низким уровнем алекситимии. С точки зрения лингвоперсонологии соотношение частотности единиц, принадлежащих к разным частям речи, дает представление о типе языковой личности [34]. Единицы разных частей речи активизируют различные структуры мозга; в современной психолингвистике части речи рассматриваются как один из способов вербального познания действительности и как инструмент интерпретации этой действительности [35], что открывает важные перспективы изучения специфики их восприятия группами информантов с различным когнитивным статусом. Для алекситимичных личностей характерен операциональный тип мышления, высокий коэффициент глагольности и низкий коэффициент признаковости [2].

На специфику структуры высказываний пациентов с алекситимией указывают также K.S. Lee и соавторы, H. Hobson и соавторы, при этом

исследователи приходят к выводу о том, что алекситимия сама по себе не ведет к грамматическому обеднению речи, но в обратную сторону механизм работает: наличие проблем с речью (вследствие ее изначального недоразвития либо приобретенного в течение жизни) приводит к высокому уровню алекситимии [8; 16]. Вопрос о взаимосвязи речевых расстройств в литературе последних лет обсуждается очень активно; всё же не до конца понятно, каким образом можно быть уверенными в том, что уровень алекситимии у людей с приобретенными нарушениями речи и расстройствами речевого развития можно измерить с помощью вербальных шкал: наличие речевых расстройств затрудняет адекватный самоотчет [2]. Перспективными являются исследования, в которых изучается риск развития алекситимии у подростков, у которых в детстве были трудности речевого развития. О ранних факторах, способствующих развитию алекситимии, известно немного (в первую очередь в силу того, что уровень алекситимии определяется посредством шкалы самоотчета, применимой только с 10 лет). Языковая гипотеза алекситимии предполагает, что языковые нарушения играют первостепенную роль в предрасположенности детей с нарушениями речи к развитию алекситимии; тем не менее, лонгитюдные данные, отслеживающие перспективную связь между языковой функцией и алекситимией, немногочисленны. K.S. Lee, C. Catmur, G. Bird и соавторы исследовали перспективную связь между развитием речи в детстве и алекситимическими чертами в подростковом возрасте. Результаты показали, что у мальчиков низкий уровень развития грамматических навыков в 5–6 лет может быть связан с высоким уровнем алекситимии в подростковый период, но анализ данной взаимосвязи надо продолжать в более широких выборках [36].

Осуществляются также исследования, связанные с особенностями письменной речи у пациентов с алекситимией. В одном из таких англоязычных проектов анализировались образцы письма информантов с высоким уровнем алекситимии с помощью программного обеспечения Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC) [37]. Было обнаружено, что те, кто набрал больше баллов по шкале TAS-20, использовали меньше аффективных слов и слов с негативной модальностью (необходимо учитывать, что это исследование имеет ограничения: в нем приняли участие 35 женщин, проходящих лечение у специалистов по репродуктивным технологиям, что делает выборку специфической по целому ряду параметров) [38]. Другое исследование показало, что те, кто набрал больше баллов по шкале TAS-20, использовали меньше слов, выражающих эмоции, и менее разнообразный набор таких слов, но при этом не имели общего дефицита словарного запаса по сравнению с теми, кто набрал меньше баллов [39], что согласуется с данными анализа устной речи, приведенными выше.

Исследовательская группа из Военного института физической культуры и Новосибирского государственного медицинского университета независимо от других исследовательских групп, проанализировав русскоязычные тексты

на заданную тему, приходит к выводам о том, что общим независимо от принадлежности к этносу является лингвокогнитивный уровень языковой личности, в то время как на вербально-семантическом уровне морфологические и пунктуационные маркеры перестают быть значимыми [40].

Роль формата проведения исследования имеет значение, поскольку «форма эксперимента оказывает влияние на структуру ассоциативного поля: письменная форма формирует ассоциативное поле как гетерогенную структуру, и его лексическое разнообразие создается за счет периферии; устная форма формирует ассоциативное поле как гомогенное поле, где большое лексическое единообразие достигается за счет ядра» [41], и это необходимо учитывать при проведении исследований.

Алекситимичные личности, как правило, испытывают проблемы на уровне смыслового или семантического синтаксирования, не справляясь с выбором внутренних слов по значению и выбором самих слов, если они касаются эмоциональной сферы. Нарушение взаимодействия между эмоционально-образными компонентами и логическими связями, из которых состоит высказывание, приводит к тому, что человек может неправильно воспринимать те или иные единицы, соответственно, могут появляться и трудности в вербализации. Следствием является низкий процент понимания дескрипторов ощущений у пациентов с алекситимией. В семантической модели их речи наблюдается сжатость и сухость изложения, отсутствует колоритность и иносказательность, выражена неспособность к градации признаков, что проявляется, допустим, в непонимании разницы между дескрипторами «теплый», «горячий», «жгучий» применительно к боли («это все одно и то же»), сложности в балльной (от одного до десяти) оценке собственных негативных ощущений, проблемы с оценкой по шкале Лайкерта (часто выбирается вариант «Затрудняюсь ответить») — а именно по такому принципу и построено большинство клинических опросников для выявления уровня боли, тревоги и депрессии.

В целом ряде исследований отмечается склонность личностей с алекситимией к использованию негативной эмоциональной лексики, что может отражать негативно смещенное семантическое извлечение эмоциональных концепций [16], однако у этой проблемы есть и другая сторона: в связи с высокой степенью клинической значимости проблемы речь информантов с алекситимией изучается преимущественно в контексте наличия у них каких-либо заболеваний и жалоб на них [2], что исследования позитивной лексики не предполагает. Данное направление представляется перспективным, и отдельные результаты в этой сфере уже получены. Так, выявлено, что алекситимия влияет на осознание и экстериоризацию негативных эмоций в большей степени по сравнению с позитивными [42].

Также в последние несколько лет активизируются проекты, связанные с возможностью цифрового выявления уровня алекситимии. Необходимость обусловлена клиническим запросом, поскольку коморбидность алекситимии

с разными видами психопатологии очень высока. Ограничение исследований заключается в том, что уровень алекситимии, в сущности, измеряется только шкалами самоотчета (хотя и разными; в общей сложности насчитывается 11 инструментов [2], наиболее часто применяется упомянутая выше шкала TAS-20; широкое использование приобретает также шкала Perth Alexithymia Questionnaire (PAQ), разработанная в 2018 году [43; 44], в настоящее время осуществляется ее адаптация для носителей русского языка [45]). Подчеркивается, что необходимы более объективные методы измерения и идентификации алекситимии в клинических выборках. Так, исследование T. Meaney и соавторов показало, что фенотипы лица, голоса и речи, включенные в модели машинного обучения, могут представлять собой многообещающую альтернативу для выявления лиц с посттравматическим стрессовым расстройством, страдающих алекситимией. В исследовании приняли участие 56 человек, для извлечения из записей лицевых, голосовых и языковых характеристик использовалось специализированное программное обеспечение, далее применялись модели классификации машинного обучения (экстремальный градиентный бустинг [XGBoost]), которые обучались и тестировались в рамках 5-кратной вложенной перекрестной проверки на предмет их способности классифицировать алекситимию [31]. Перспективой является масштабирование данного проекта и проверка гипотезы в других выборках.

Особенности обработки невербальной информации информантами с высоким уровнем алекситимии

Информанты с высоким уровнем алекситимии признают, что они не понимают даже «внутри себя, без слов», что именно происходит, какие ощущения они испытывают. J. Nemiah описывает следующую ситуацию: пациент может плакать, но, когда его спрашивают о причине слез, он не отмечает у себя наличие чувства печали или грусти. Соответственно, пациент не может объяснять, почему он плачет [46]. Часть информантов склонна утверждать, что «внутри себя, без слов» они отличают одно ощущение от другого, но назвать это словами слишком сложно. В соответствии с этим в клинической практике обсуждается целесообразность введения визуальной и звуковой невербальной опоры в процесс диагностики пациентов с высоким уровнем алекситимии, однако не все тонкости ощущений и эмоций можно адекватно изобразить паравербально. Кроме того, данные по восприятию эмоциональных просодических компонентов неоднородны, а результаты экспериментов по мимическим шкалам (например, мимической шкале боли) свидетельствуют о низком уровне эффективности их использования в данной выборке [2. С. 111–112], в литературе также описаны трудности обработки информации, связанной с выражением лиц, при высоком уровне алекситимии [47–50].

Исследования, посвященные усвоению невербальных знаков алекситимичными личностями, показывают, что людям с высоким уровнем алекситимии трудно адекватно классифицировать выраженные невербальными

средствами негативные эмоции, в особенности печаль, грусть, уныние, вследствие чего делаются выводы о сочетанном характере (совместное влияние алекситимии и аффективных состояний) нарушения восприятия невербальных знаков [51].

Помимо исследований, связанных с самоотчетом, осуществляются эксперименты, нацеленные на объективизацию выводов в данной области, в частности с использованием айтрекинга. Так, T. Suslow с соавторами изучили взаимосвязь между алекситимией и визуальной обработкой выражений лица у пациентов с клинической депрессией. В задании «лицо в толпе» сравнивались поведение взгляда и время реакции 20 пациентов с алекситимией и 19 пациентов без алекситимии, страдающих депрессией. В качестве целевых и отвлекающих стимулов демонстрировались выражения лица разных людей: гневные, счастливые и нейтральные. Выявлено, что алекситимия сопровождается нарушениями визуальной обработки множественных лицевых эмоций при клинической депрессии и, вероятно, связана с замедленным временем реакции и длительным сканированием после первой фиксации взгляда на целевом лице [52].

По данным исследований с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии, в котором изучались особенности восприятия лиц с нейтральным выражением в сравнении со счастливыми, сердитыми и испуганными лицами выявлено, что у лиц с высоким уровнем алекситимии меньшая чувствительность к восприятию выражения гнева на лице. Перцептивные изменения могут отражать нарушение автоматического распознавания или интеграции сигналов социального гнева в процессы оценки и могут способствовать проблемам в межличностных отношениях, связанным с алекситимией [53].

В целом важным представляется тот факт, что при высоком уровне алекситимии страдает не только вербальная экстериоризация [54]. Результаты исследований в данной области позволяют предположить, что алекситимия связана с нарушением и вербального, и невербального распознавания эмоциональных стимулов, соответственно, характерный признак алекситимии – трудность в выражении эмоций словами – может быть маркером более общего нарушения способности к обработке эмоциональной информации [55].

Заключение

Приобретение и использование концептуальных знаний об эмоциях происходит посредством языка, и в случае высокого уровня алекситимии происходит нарушение формирования эмоциональных концепций из различных аффективных состояний в силу дефицита осознания этих ощущений и, соответственно, их вербальной экстериоризации. Алекситимия касается не только языковой сферы: на невербальном уровне аналогичная обработка также является затрудненной. Лингвистическое исследование речи пациентов с высоким уровнем алекситимии показывает, что специфичность когнитивной

обработки проявляется в сфере лексики и семантики, а также на грамматическом уровне языка. Специфика переработки лексической информации у информантов с алекситимией затрагивает не только лексико-семантические группы, в которые входят перцептивные единицы, но и иные семантические пласты, влияет на скорость актуализации пассивного словарного запаса и формирует специфику восприятия отдельных частей речи и грамматических конструкций.

В настоящее время перспективными для исследования алекситимии являются такие направления, как нейролингвистическое, психолингвистическое, паралингвистическое, актуально изучение вопросов специфики восприятия речи и ее порождения у алекситимичных личностей, важными представляются исследования в области взаимосвязи специфических речевых нарушений и алекситимии.

References / Список литературы

1. Brel, E.Yu. (2018). *Alexithymia in Health and Disease: Psychological Structure and Prevention Options* [PhD Thesis]. Tomsk. (In Russ.). EDN: ZDGCVV
   Брель Е.Ю. Алекситимия в норме и патологии: психологическая структура и возможности превенции: дисс. … д-ра психол. наук. Томск, 2018. EDN: ZDGCVV
2. Gorobets, E.A. (2025). *Neurolinguistic and Psycholinguistic Analysis of Alexithymic Patients' Speech*: monograph. Kazan: Vestfalika. (In Russ.).
   Горобец Е.А. Нейролингвистический и психолингвистический анализ речи алекситимичных пациентов: монография. Казань : Вестфалика, 2025.
3. Sifneos, P.E. (1973). The Prevalence of "Alexithymic" Characteristics in Psychosomatic Patients. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 22, 255–262. https://doi.org/10.1159/000286529
4. Gorobets, E.A., & Esin, R.G. (2025). Alexithymia — Traditional and Advanced Studies. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, *124*(10), 36–41. (In Russ.). https://doi.org/10.17116/jnevro202512510136
5. Preece, D.A., Petrova, K., Mehta, A., Sikka, P., & Gross, J.J. (2024). Alexithymia or General Psychological Distress? Discriminant Validity of the Toronto Alexithymia Scale and the Perth Alexithymia Questionnaire. *Journal of Affect Disorders*, *1*(352), 140–145. https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.01.271 EDN: XZKBMN
6. Brewer, R., Cook, R., & Bird, G. (2016). Alexithymia: A General Deficit of Interoception. *Royal Society Open Science*, 3, 150664. https://doi.org/10.1098/rsos.150664 EDN: XZKBMN
7. Ernst, T., Chang, L., Jovicich, J., Ames, N., & Arnold, S. (2002). Abnormal Brain Activation on Functional MRI in Cognitively Asymptomatic HIV Patients. *Neurology*, *59*(9), 1343–1349. https://doi.org/10.1212/ 01.wnl.0000031811.45569.b0
8. Hobson, H., Hogeveen, J., Brewer, R., Catmur, C., Gordon, B., Krueger, F., Chau, A., Bird, G., & Grafman, J. (2018). Language and Alexithymia: Evidence for the Role of the Inferior Frontal Gyrus in Acquired Alexithymia. *Neuropsychologia*, 111, 229–240. https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2017.12.037
9. Mendia, J., Zumeta, L.N., Cusi, O., Pascual, A., Alonso-Arbiol, I., Díaz, V., & Páez, D. (2024). Gender Differences in Alexithymia: Insights from an Updated Meta-Analysis. *Personality and Individual Differences*, 227, 112710. https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112710 EDN: DAYGIL
10. Palser, E.R., Palmer, C.E., Galvez-Pol, A., Hannah, R., Fotopoulou, A., & Kilner, J.M. (2018). Alexithymia Mediates the Relationship between Interoceptive Sensibility and Anxiety. *PLoS One*, *13*(9), e0203212. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0203212

11. Barrett, L.F. (2006). Solving the Emotion Paradox: Categorization and the Experience of Emotion. *Society for Personality and Social Psychology*, *10*(1), 20–46. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr100 EDN: JPBPYF
12. Lindquist, K.A., MacCormack, J.K., & Shablack, H. (2015). The Role of Language in Emotion: Predictions from Psychological Constructionism. *Frontiers in Psychology*, 6, 1–17. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00444
13. Lindquist, K.A. (2017). The Role of Language in Emotion: Existing Evidence and Future Directions. *Current Opinion in Psychology*, 17, 135–139. https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.07.006
14. Brooks, J.A., Shablack, H., Gendron, M., Satpute, A.B., Parrish, M.H., & Lindquist, K.A. (2017). The Role of Language in the Experience and Perception of Emotion: A Neuroimaging Meta-Analysis. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, *12*(2), 169–183. https://doi.org/10.1093/scan/nsw121
15. Oosterwijk, S., Lindquist, K.A., Anderson, E., Dautoff, R., Moriguchi, Y., & Barrett, L.F. (2012). States of Mind: Emotions, Body Feelings, and Thoughts Share Distributed Neural Networks. *NeuroImage*, *62*(3), 2110–2128. https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2012.05.079
16. Lee, K.S., Murphy, J., Catmur, C., Bird, G., & Hobson, H. (2022). Furthering the Language Hypothesis of Alexithymia: An Integrated Review and Meta-Analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 141, 104864. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2022.104864 EDN: CWKOZU
17. Preece, D.A., Mehta, A., Petrova, K., Sikka, P., Bjureberg, J., Becerra, R., & Gross, J.J. (2023). Alexithymia and Emotion Regulation. *Journal of Affect Disorders*, 324, 232–238. https://doi.org/10.1016/j.jad.2022 EDN: VYCXVP
18. Pisani, S., Murphy, J., Conway, J., Millgate, E., Catmur, C., & Bird, G. (2021). The Relationship between Alexithymia and Theory of Mind: A Systematic Review. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 131, 497–524. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2021.09.036 EDN: HCMBWV
19. Esin, R.G., Gorobets, E.A., Galiullin, K.R., & Esin, O.R. (2014). Alexithymia — Baseline Trends of Research. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 12, 148–150. (In Russ.). https://doi.org/10.17116/ jnevro2014114121148-151EDN: TIWRXZ
Есин Р.Г., Горобец Е.А., Галиуллин К.Р., Есин О.Р. Алекситимия — основные направления изучения // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2014. № 12. С. 148–150. https://doi.org/10.17116/jnevro2014114121148-151 EDN: TIWRXZ
20. Gorobets, E.A., Esin, R.G., & Volskaya, Yu.A. (2022). Interdisciplinary Study of Alexithymia. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, *164*(1–2), 180–196. (In Russ.). https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.180-196 EDN: RKFLXB
Горобец Е.А., Есин Р.Г., Вольская Ю.А. Междисциплинарное изучение алекситимии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. № 1–2. С. 180–196. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.180-196 EDN: RKFLXB
21. Cameron, K., Ogrodniczuk, J., & Hadjipavlou, G. (2014). Changes in Alexithymia Following Psychological Intervention: a Review. *Harvard Review of Psychiatry*, *22*(3), 162–178. https://doi.org/10.1097/HRP.0000000000000036
22. Di Trani, M., Mariani, R., Renzi, A., Greenman, P.S., & Solano, L. (2018). Alexithymia According to Bucci's Multiple Code Theory: A Preliminary Investigation with Healthy and Hypertensive Individuals. *Journal of Psychology & Psychotherapy*, *91*(2), 232–247. https://doi.org/10.1111/ papt.12158
23. Luminet, O., & Nielson, K.A. (2025). Alexithymia: Toward an Experimental, Processual Affective Science with Effective Interventions. *Annual Review of Psychology*, *76*(1), 741–769. https://doi.org/10.1146/annurev-psych-021424-030718 EDN: GGQCKE
24. Starostina, E.G., Taylor, G.D., Quilty, L., Bobrov, A.E., Moshnyaga, E.N., Puzyreva, N.V., Bobrova, M.A., Ivashkina, M.G., Krivchikova, M.N., Shavrikova, E.P., & Bagby, R.M. (2010). A New 20-item Version of the Toronto Alexithymia Scale: Validation of the Russian

Language Translation in a Sample of Medical Patients. *Social and Clinical Psychiatry*, *20*(4), 31–34. (In Russ.). EDN: NAVPKP
Старостина Е.Г., Тэйлор Г.Д., Квилти Л.К., Бобров А.Е., Мошняга Е.Н., Пузырева Н.В., др. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. 20. № 4. С. 31–34. EDN: NAVPKP

25. Marty, P., & Uzan, M.M' (1963). De la Pensée Opératoire. *Revue Française de Psychanalyse*, 27, 345–356.
26. Fricchione, G., & Howanitz, E. (1985). Aprosodia and Alexithymia — a Case Report. *Psychotherapy and Psychosomatics*, *43*(3), 156—160.
27. Dickey, C.C., Vu, M.A.T., & Voglmaier, M.M. (2012). Prosodic Abnormalities in Schizotypal Personality Disorder. *Schizophrenia Research*, *142*(1–3), 20–30. https://doi.org/10.1016/j.schres.2012.09.006
28. Goerlich, K.S., Aleman, A., & Martens, S. (2012). The Sound of Feelings: Electrophysiological Responses to Emotional Speech in Alexithymia. *PLoS ONE*, *7*(5), e36951. https://doi.org/ 10.1371/journal.pone.0036951
29. Goerlich-Dobre, K.S., Witteman, J., & Schiller, N.O. (2014). Blunted Feelings: Alexithymia is Associated with a Diminished Neural Response to Speech Prosody. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, *9*(8), 1108–1117. https://doi.org/10.1093/scan/nst075
30. Swart, M., Kortekaas, R., & Aleman, A. (2009). Dealing with Feelings: Characterization of Trait Alexithymia on Emotion Regulation Strategies and Cognitive-Emotional Processing. *PLoS ONE*, *4*(6), e5751. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0005751
31. Meaney, T., Yadav, V., Galatzer-Levy, I., & Bryant, R. (2025). Using Digital Phenotypes to Identify Individuals with Alexithymia in Posttraumatic Stress Disorder: Cross-Sectional Study. *JMIR Ment Health*, 12, e83575. https://doi.org/10.2196/83575
32. Gorobets, E.A. (2025). Verbal Description of Pain by Adolescents with High Levels of Alexithymia. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 167 (4), 131–142. (In Russ.). https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.4.131-142 EDN: TRTSYY
Горобец Е.А. Специфика вербального описания боли подростками с высоким уровнем алекситимии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 167. № 4. С. 131–142. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.4.131-142 EDN: TRTSYY
33. Gorobets E. (2025). Specificity of Cognitive Processing of Dizziness Descriptors in Adolescents with High Levels of Alexithymia. *Philology and Culture*, 4 (82), 26–31. https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-82-4-26-31. (In Russ.)
Горобец Е.А. Специфика когнитивной обработки дескрипторов головокружения подростками с высоким уровнем алекситимии // Филология и культура. 2025. № 4 (82). С. 26—31. https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-82-4-26-31 EDN: YJYHMP
34. Golovina, T.A. (2012). Cognitive and Linguopersonological Approaches to the Study of Parts of Speech. In: *Functional-Cognitive Analysis of Linguistic Units and Its Applicative Potential*. *Collected Papers* (pp. 92–93). Barnaul: AlgtGPA. (In Russ.). EDN: WNUCDT
Головина Т.А. Когнитивный и лингвоперсонологический подходы к исследованию частей речи // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: тр. и матер. междунар. конф. (Барнаул, 5–7 октября 2011 г.). Барнаул : АлтГПА, 2012. С. 92–93. EDN: WNUCDT
35. Kubryakova, E.S. (2004*). Language and Knowledge. Toward Acquiring Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in Understanding the World*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury. (In Russ.).
Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004.

36. Lee, K.S., Catmur, C., & Bird, G. (2025). Childhood Language Development and Alexithymia in Adolescence: an 8-year Longitudinal Study. Development and Psychopathology, *37*(3), 1165–1175. https://doi.org/10.1017/S0954579424001007
37. Boyd, R.L., Ashokkumar, A., Seraj, S., & Pennebaker, J.W. (2022). *The Development and Psychometric Properties of LIWC-22*. University of Texas at Austin.
38. Renzi, A., Mariani, R., Di Trani, M., & Tambelli, R. (2020). Giving Words to Emotions: the Use of Linguistic Analysis to Explore the Role of Alexithymia in an Expressive Writing Intervention. *Psychotherapy Research*, *23*(2), 452. https://doi.org/10.4081/ripppo.2020.452
39. Wotschack, C., & Klann-Delius, G. (2013). Alexithymia and the Conceptualization of Emotions: A Study of Language use and Semantic Knowledge. *Journal of Research in Personality*, *47*(5), 514–523. https://doi.org/10.1016/j.jrp.2013.01.011
40. Galkina, S.G., Lasovskaya, T.Yu., & Pupkova, E.O. (2021). Verbalization of Cognitive Processes in Texts of Alexithymic Bilinguals. *Philology: Scientific Researches*, 12, 1–10. (In Russ.). https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.12.37087 EDN: PPSYYP
Галкина С.Г., Ласовская Т.Ю., Пупкова Е.О. Вербализация когнитивных процессов в текстах алекситимиков-билингвов // Филология: научные исследования. 2021. № 12. С. 1–10. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.12.37087 EDN: PPSYYP
41. Bochkareva, E.V. (2020). Literature and Modernity. In: *Proceedings of the Scientific Conference*. Part 2: *Linguistics* (pp. 9–15). Perm: Perm State Pedagogical University publ. (In Russ.).
Бочкарева Е.В. Словесность и современность // Материалы научной конференции 23–24 ноября 2000 г. Ч. 2: Лингвистика. Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 2000. С. 9–15.
42. Suslow, T., & Donges, U.S. (2017). Alexithymia Components Are Differentially Related to Explicit Negative Affect But Not Associated with Explicit Positive Affect or Implicit Affectivity. *Frontiers in Psychology*, 8, 1758. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01758
43. Preece, D., Becerra, R., Robinson, K., Dandy, J., & Allan, A. (2018). The Psychometric Assessment of Alexithymia: Development and Validation of the Perth Alexithymia Questionnaire. *Personality and Individual Differences*, 132, 32–44. https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.05.011
44. Preece, D.A., Petrova, K., Mehta, A., Sikka, P., & Gross, J.J. (2024). Alexithymia or General Psychological Distress? Discriminant Validity of the Toronto Alexithymia Scale and the Perth Alexithymia Questionnaire. *Journal of Affect Disorders*, 352, 140–145. https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.01.27 EDN: FXSORT
45. Larionow, P., Preece, D.A., Khokhlova, O.Yu., & Iakovleva, M.V. (2023). Assessing Alexithymia: Psychometric Properties of the Russian Version of the Perth Alexithymia Questionnaire. *Clinical Psychology and Special Education*, *12*(1), 43–65. https://doi.org/10.17759/cpse.2023120103 EDN: CRZSOX
46. Nemiah, J.C. (1975). Denial Revisited: Reflections on Psychosomatic Theory. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 26, 140–147.
47. Phillips, M.L., Young, A.W., Senior, C., Brammer, M., Andrew, C., Calder, A.J., Bullmore, E.T., Perrett, D.I., Rowland, D., Williams, S.C., Gray, J.A., & David, A.S. (1997). A Specific Neural Substrate for Perceiving Facial Expressions of Disgust. *Nature*, 389(6650), 495–488. https://doi.org/10.1038/39051
48. Jessimer M., & Markham, R. (1997). Alexithymia: A Right Hemisphere Dysfunction Specific to Recognition of Certain Facial Expressions? *Brain and Cognition*, *34*(2), 246–258. https://doi.org/10.1006/brcg.1997.0900
49. Kano, M., Fukudo, S., Gyoba, J., Kamachi, M., Tagawa, M., Mochizuki, H., Itoh, M., Hongo, M., & Yanai, K. (2023). Specific Brain Processing of Facial Expressions in People with Alexithymia: An H2 15O-PET study. *Brain*, 126(Pt 6), 1474–1484. https://doi.org/10.1093/brain/awg131. PMID: 12764066
50. Jongen, S., Axmacher, N., Kremers, N.A., Hoffmann, H., Limbrecht-Ecklundt, K., Traue, H.C., & Kessler, H. (2024). An Investigation of Facial Emotion Recognition Impairments in

Alexithymia and its Neural Correlates. *Behavioural Brain Research*, 271, 129–139. https://doi.org/10.1016/j.bbr.2014.05.069

51. Bayot, M., Pleyers, G., Kotsou, I., Lefèvre, N., Sauter, D.A., & Vermeulen, N. (2014). Joint Effect of Alexithymia and Mood on the Categorization of Nonverbal Emotional Vocalizations. *Psychiatry Research*, *216*(2), 242–247. https://doi.org/10.1016/j.psychres.2013.12.007
52. Suslow, T., Günther, V., Hensch, T., Kersting, A., Bodenschatz, C.M. (2021). Alexithymia Is Associated With Deficits in Visual Search for Emotional Faces in Clinical Depression. *Frontiers in Psychiatry*, 12, 668019. https://doi.org/10.3389/fpsyt.2021.668019 EDN: GRQZTC
53. Rosenberg, N., Ihme, K., Lichev, V., Sacher, J., Rufer, M., Grabe, H.J., Kugel, H., Pampel, A., Lepsien, J., Kersting, A., Villringer, A., & Suslow, T. (2020). Alexithymia and Automatic Processing of Facial Emotions: Behavioral and Neural Findings. *BMC Neuroscience*, *21*(1), 23. https://doi.org/10.1186/s12868-020-00572-6 EDN: ECURRA
54. Wagner H., & Lee, V. (2008). Alexithymia and Individual Differences in Emotional Expression. Journal of Research in Personality, *42*(1), 83–95.
55. Lane, R.D., Sechrest, L., Reidel, R., Weldon, V., Kaszniak, A., & Schwartz, G.E. (1996). Impaired Verbal and Nonverbal Emotion Recognition in Alexithymia. *Psychosomatic Medicine*, 58(3), 203–210. https://doi.org/10.1097/00006842-199605000-00002

Сведения об авторе:

Горобец Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, ведущий научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», заведующий Центром патологии речи Медико-санитарной части Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *e-mail*: Elena.Gorobets@kpfu.ru
ORCID: 0000-0002-3859-5543, SPIN-код: 1702-2146, ResearcherID N-7983-2013: Scopus ID: 56414621100.

Information about the author:

Elena A. Gorobets, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Leading Researcher, Neurocognitive Research Laboratory, Head of the Center for Speech Pathology at University Clinic, Kazan (Volga region) Federal University (18 Kremlyovskaya Str., Kazan, Russian Federation, 420008); *e-mail*: Elena.Gorobets@kpfu.ru
ORCID: 0000-0002-3859-5543, SPIN-code: 1702-2146, ResearcherID N-7983-2013: Scopus ID: 56414621100.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 236–249
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-236-249
EDN: IIRTMS

Научная статья / Research Article

Уровни глагольной репрезентации бенефактивности

Л.А. Фурс, К.А. Финаев ✉

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, *Тамбов, Российская Федерация*
✉ fin.k.a@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования — определение уровней глагольной репрезентации бенефактивности в английском языке. Исследование позволило установить, что область бенефактивных глаголов не является однородной, что проявляется в репрезентации глаголами базового уровня гештальтно выделенных концептуальных характеристик бенефактивности: «получение преимущества», «получение выгоды», «предоставление помощи», «улучшение положения». На субординатном уровне категоризации бенефактивности глаголами объективируется только одна из выделенных характеристик. Установлено также, что на этом уровне конкретизируется способ бенефактивного действия, что приводит к формированию оценки с акцентированием соответствия реализуемого бенефактивного действия моральным нормам и принципам. Определено также, что для английских бенефактивных глаголов характерна высокая частотность употребления в процессах категоризации бенефактивности, что подчеркивается разнообразием концептуальных областей, в контексте которых осмысляется бенефактивность. Это такие области, как экономика, безопасность, деятельность человека, речевые действия человека, образование, право, социальные отношения, спорт, международные отношения, межличностные отношения. В ходе фактологического анализа выявлено также, что участники бенефактивного действия — бенефактор и бенефициар — могут быть представлены в структуре предложения как эксплицитно, так имплицитно. В случае имплицитной представленности они интерпретируются на основе метонимического переноса в контексте той концептуальной области, в которой осмысляется бенефактивное действие. Перспектива данного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть применены в изучении уровневой глагольной репрезентации бенефактивности на материале других языков, а также в анализе уровней глагольной репрезентации других явлений действительности.
Ключевые слова: базовый уровень глагольной репрезентации, субординатный уровень, концепт, концептуальная область, бенефактор, бенефициар, объект бенефактивного действия

Вклад авторов: Фурс Л.А. — концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных, написание текста; Финаев К.А. — сбор и обработка материалов.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

© Фурс Л.А., Финаев К.А., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Фурс Л.А., Финаев К.А.* Уровни глагольной репрезентации бенефактивности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 236–249. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-236-249 EDN IIRTMS

Levels of Benefaction Verb Representation

Liudmila A. Furs, Kirill A. Finaev ✉

Derzhavin Tambov State University, *Tambov, Russian Federation*
✉ fin.k.a@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to determine the levels of verbal representativeness in English. The study has established that the class of beneficial verbs is not homogeneous, which is manifested in the representation of basic-level verbs of gestaltingly highlighted conceptual characteristics of beneficial activity: «receiving benefits», «receiving benefits», «providing assistance», «improvement». In contrast, at the subordinate level of categorization, verbs objectify only one of the highlighted characteristics. It has also been established that at this level, the manner of the benefactive action is specified, leading to the formation of an evaluation that emphasizes the conformity of the realized benefactive action to moral norms and principles. Furthermore, it has been determined that English benefactive verbs are characterized by high frequency of use in the processes of benefaction categorization, which is emphasized by the diversity of conceptual domains within which benefaction is conceptualized. These domains include economics, security, human activity, human speech acts, education, law, social relations, sports, international relations, and interpersonal relations. Through factual analysis, it has also been revealed that the participants of a benefactive action — the benefactor and the beneficiary — can be represented in the sentence structure both explicitly and implicitly. In the case of implicit representation, they are interpreted based on metonymic transfer within the context of the conceptual domain in which the benefactive action is understood. The findings have implications for cross-linguistic studies of benefactive constructions and the analysis of verbal level representation of other real-world phenomena.

Keywords: basic level, subordinate level, concept, conceptual domain, benefactor, beneficiary, object of a benefactive action

Authors' contribution: Liudmila A. Furs — concept and design of research, analysis of data obtained, writing text; Kirill A. Finaev — collection and processing of materials.

Conflict of interests: The authors stated that there were no conflicts of interest.

Article history: Received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Furs, L.A., & Fineev, K.A. (2026). Levels of Benefaction Verb Representation. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 236–249. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-236-249 EDN IIRTMS

Введение

Выдвижение принципа экспланаторности в фокус внимания исследователей, изучающих языковые факты в русле когнитивного подхода, связано с анализом глубинных, непосредственно не наблюдаемых структур (об экспланаторности подробнее см.: [1]). В этой связи М. Бирвиш отмечает, что важно не только описать материал, но и объяснить «как человек оперирует ментальными репрезентациями» [2. P. 666]. Существенным является и высказывание

Р. Лэнекера о том, что значение выражения не может быть сведено к объективной характеризации ситуации, описываемой высказыванием, так как не менее важным является и ракурс, выбираемый наблюдателем при анализе ситуации и ее осмыслении. Полная семантическая характеристика того или иного языкового выражения устанавливается на основе «таких факторов, как уровень конкретности восприятия ситуации, фоновые данные, относительная выделенность конкретных единиц и выбор точки зрения (перспективы) на описываемую сцену» [3. P. 315]. Данные положения свидетельствуют о важности системного подхода в анализе различных явлений и учете процедур обработки информации в ходе их осмысления. Системность в данной работе понимается как свойство, обозначающее внутреннюю упорядоченность, взаимосвязь и целостность объектов и процессов, что отличает систему от простой совокупности элементов. Наряду с системным подходом в исследовании реализуется также и когнитивный подход к анализу бенефактивности, что позволит раскрыть когнитивную основу этого комплексного явления.

Цель и методы исследования

Цель данного исследования заключается в определении уровней репрезентации бенефактивности английскими глаголами, что предполагает решение следующих исследовательских задач: 1) выявление концептуальной основы бенефактивности; 2) установление уровней категоризации бенефактивности; 3) описание особенностей репрезентации бенефактивности английскими глаголами. Решение поставленных задач позволит описать взаимодействие когнитивных и языковых структур в конструировании бенефактивности в английском языке, раскрыть гибкость сознания человека в обработке такого знания с дальнейшей его репрезентацией в языке. Объектом исследования выступают английские глаголы как средства репрезентации бенефактивности, а предметом исследования являются уровни глагольной репрезентации бенефактивности в английском языке.

Основными методами исследования выступают концептуально-дефиниционный анализ и когнитивно-дискурсивный анализ. На основе концептуально-дефиниционного анализа определяются характеристики концепта BENEFACTION. Когнитивно-дискурсивный анализ направлен на установление особенностей репрезентации бенефактивности в дискурсе.

Уровневая репрезентация бенефактивности английскими глаголами

В процессах категоризации как способа познавательной деятельности человека, вслед за Э. Рош, принято разграничивать базовый, субординатый и суперординатный уровни категоризации [4]. Категории базового уровня снабжают человека достаточной информацией об объекте, так как в концептах этого уровня характеристики объектов представлены целостно или гештальтно. Единицы этого уровня, как указывает исследователь, частотны,

структурно просты и исключительно информативны, так как они включают максимальное представление о рассматриваемом объекте [4].

Согласно Н.Н. Болдыреву, базовый уровень категоризации — «это максимально достаточный уровень обобщения, необходимый для того, чтобы члены категории легко воспринимались по сходным общим очертаниям, а одиночный ментальный образ мог отражать всю категорию в целом» [5. С. 129]. Интерес представляет и точка зрения У. Крофта и А. Круза, подчеркнувших, что на базовом уровне может быть сформирован «четкий визуальный образ» [6. P. 83]. По мнению исследователей, на суперординатном уровне категории обладают меньшим набором определяющих характеристик по сравнению с категориями базового уровня. На этом уровне представлено знание в абстрагированном виде. В свою очередь, категории субординатного уровня демонстрируют низкую степень общности и низкую степень включения в класс. Они обладают четко идентифицируемыми и очень подробными характеристиками, а также многочисленными индивидуальными особенностями [Р. С. 85—86]. Характерно, что в процессах категоризации события, репрезентируемого глаголами, по мнению Н.Н. Болдырева, выделяются только базовый и субординатный уровни [7]. Ученый также отмечает, что в реальной коммуникации глагол, помимо типовых знаний о событии в виде составляющих его элементов и их характеристик, также «включает в себя переменный компонент, позволяющий адаптировать типовые знания к конкретному событию и открывающий, таким образом, широкие возможности для его глагольной интерпретации и представления на разных уровнях обобщения: базовом и субординатном». В наибольшей степени интерпретирующий потенциал глагола проявляется на субординатном, конкретизирующем общие знания о событии, уровне [7. С. 14].

Другим ключевым понятием данного исследования является понятие бенефактивности. Содержательный план бенефактивности определен на основе концептуально-дефиниционного анализа таких лексем, как *to benefit* и *beneficial*. В ходе проведенного анализа установлены следующие характеристики бенефактивности:

– получение преимущества (to get an advantage from something[1]);
– получение выгоды (to derive benefit[2]);
– предоставление помощи (producing helpful effects[3]);
– улучшение положения (to improve life in some way[4]).

[1] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[2] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[3] *Merriam-Webster Dictionary*. Режим доступа: https://www.merriam-webster.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[4] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).

Необходимо отметить, что с учетом «реляционной природы глаголов», заключающейся в профилировании связи между различными участниками события [8. С. 104], а также принимая во внимание замечание Ч. Филлмора о том, что семантика глагола проецирует фрейм события [9. С. 28–36], представляется логичным выделение в бенефактивном событии таких участников, как бенефактор (тот, кто является источником (причиной) осуществляемого бенефактивного действия) и бенефициар (тот, кто получает выгоду или преимущество от реализуемого действия). При этом значимость в ходе осмысления бенефактивного события имеет также передаваемый материальный или абстрактный объект.

С учетом выделенных концептуальных характеристик бенефактивности установим глаголы, которые представлены на базовом уровне категоризации бенефактивного события.

Базовый уровень репрезентации бенефактивности

На базовом уровне репрезентации бенефактивности гештальтно, иными словами, как единое целое, представлены все ее концептуальные характеристики: получение преимущества; получение выгоды; предоставление помощи; улучшение положения. Средствами репрезентации бенефактивности на базовом уровне выступают глаголы *to benefit*, *to profit*, *to gain.* В ходе проведения фактологического анализа интерес представляет также установление концептуальных областей, в контексте которых реализуется бенефактивность на базовом уровне, и характер объекта бенефактивного действия.

Обратимся к анализу конкретных примеров:

*Investors **will benefit** because our advisers will be able to offer high quality advice*[5].
*The new tax laws **will clearly benefit** those on low wages*[6].
*Many oil companies **benefited** from the rising price of crude oil*[7].
*The United States also **benefits** from the company's Starlink system of satellites*[8].

В данных примерах гештальтно указывается на комплекс получаемых преимуществ, которые заключаются в получении финансовой выгоды и улучшении положения в связи с предоставленной помощью, а в качестве области, в которой реализуется бенефактивное действие выступает «экономика». Объектом бенефактивного действия является консультация специалиста (*high quality advice*), налоговый закон (*tax laws*), рост цен (*the rising price*). В последнем случае объект осмысляется на основе отношений по смежности

[5] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[6] *Oxford Learner's Dictionary*. Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[7] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[8] *Merriam-Webster Dictionary*. Режим доступа: URL: https://www.merriam-webster.com. (дата обращения: 28.10.2025).

«спутник — связь», а бенефактивный эффект представлен за счет акцентирования ассоциации «получение преимущества и выгоды в осуществлении навигационной связи и улучшение положения водителей с помощью надежной службы навигации». Областью бенефактивного действия является «безопасность».

Характерно, что концептуальная область «экономика» выступает контекстом для осмысления бенефактивных действий, репрезентируемых также глаголами *to profit* и *to gain*:

Traders ***can profit*** *by buying the stocks back later at lower prices*[9].
Many companies ***will profit*** *from the fall in interest rates*[10].
The firm is hoping ***to gain*** *an advantage over its competitors*[11].

В качестве области бенефактивного действия может выступать и «деятельность человека»:

She ***profited*** *from his vast experience*[12].
He ***benefited*** *from the advice*[13].
I feel that I ***have*** **benefited** *greatly from her wisdom*[14].

Здесь бенефактивный объект представлен интеллектуальным продуктом (*his vast experience*, *the advice, her wisdom*), воспользовавшись которым бенефициар получает много преимуществ.

В следующем примере бенефактивное действие реализуется в области «речевые действия человека»:

Both sides ***have benefited*** *from the talks*[15].

Еще одной сферой реализации бенефактивности служит «образование», осмысляемое как огромное преимущество в получении финансовой выгоды и улучшения своего социального статуса:

I've had the benefit *of a good education*[16].
We tried ***to profit*** *by our mistakes*[17].

[9] *Collins Online Dictionary*. Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[10] Там же.
[11] *Oxford Learner's Dictionary*. Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[12] *The Free Dictionary*. Режим доступа: https://freedictionary.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[13] Там же.
[14] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[15] *Collins Online Dictionary*. Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[16] *Oxford Learner's Dictionary*. Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[17] Там же.

Во втором примере этой группы образование интерпретируется за счет метонимического переноса «неправильный поступок — следствие», в результате которого создается ассоциация «совершая ошибки, мы учимся корректному поведению».

Значимость в осмыслении бенефактивности имеет и концептуальная область «право»:

*Farmers **are profiting** from the new legislation*[18].

В этом случае бенефициаром выступают фермеры, получающие выгоду и преимущества от нового законодательства.

*I **profited** enormously from working with her*[19].
*Students **can gain** valuable experience by working on the campus radio or magazine*[20].

Здесь активизируется концептуальная область «социальные отношения», в рамках которой бенефициар получает выгоду и преимущества за счет приобретения профессионального опыта.

Таким образом, анализ фактического материала подтвердил базовый статус глаголов *to benefit*, *to profit*, *to gain* в процессах репрезентации бенефактивности, осмысляемой целостно как ‘получение желаемого позитивного актива’. Этот обобщающий образ бенефактивности представлен в таких концептуальных областях, как «экономика», «безопасность», «право», «образование», «деятельность человека», «речевые действия человека», «социальные отношения». На основе данных областей определяется статус бенефактора и бенефициара, осмысляемый посредством метонимического переноса «область действия — деятель», что, в свою очередь, указывает на роль процедурного знания в обработке информации о различных аспектах бенефактивности (подробнее о процедурном знании см.: [10]). Объектом бенефактивного действия выступает определенный ценный актив в виде материальной выгоды (доход, прибыль, денежная масса) или абстрактной сущности (опыт, совет, мудрость, представляющие собой интеллектуальный продукт). В ряде случаев объект бенефактивного действия интерпретируется на основе аналогии по смежности, выступающей примером процедурного знания. В результате реализации бенефактивного действия бенефициар оказывается «в лучшей позиции», «в выигрыше», «более сильным» или «более богатым».

Субординатный уровень репрезентации бенефактивности

На субординатном уровне, как правило, репрезентируется характеристика ‘получение выгоды’, которая конкретизируется на основе контекста концептуальной области, в котором осмысляется бенефактивность:

[18] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[19] Там же.
[20] Там же.

*The airline **will acquire** a 49 percent share of its rival*[21].
*We **acquire** much of our world knowledge through education*[22].

В первом примере активизируется концептуальная область «экономика», а бенефактор и бенефициар представлены конкурирующими компаниями в области воздушных перевозок. Объектом бенефактивного действия выступают ценные бумаги компании. Во втором случае бенефактор и бенефициар осмысляются на основе метонимического переноса в виде отношений «образовательная деятельность — участники», а объектом бенефактивного действия является интеллектуальный продукт.

*Did you **get** a present for your mother*?[23]

Здесь активизируется концептуальная область «социальные отношения». Объектом бенефактивного действия выступает материальный объект (подарок). Характерно, что в этом случае в структуре предложения представлены позиции как бенефактора, так и бенефициара.

*He **received** an award for bravery from the police*[24].
*Members of Parliament **received** a 4.2 percent pay increase this year*[25].

Глагол *to receive* в первом примере репрезентирует характеристику ‘получение преимущества’, осмысляемую как преимущество на фоне других за счет получения награды, а во втором ‘получение выгоды’ в виде увеличения заработной платы. При этом в первом примере выражены эксплицитно и бенефактор, и бенефициар, а во втором — бенефактор осмысляется на основе отношений по смежности «организация — администрация».

*She **achieved** her objective of qualifying for the US Olympic team*[26].
*I am hopeful that we **can achieve** peace eventually, but it is not going to be easy*[27].

В этих примерах достижение успеха интерпретируется как достижение преимущества. В качестве контекста выступают концептуальные области «спорт» и «международные отношения». Объектом бенефактивного действия в обоих случаях выступает интеллектуальный продукт (квалификация и договор). Характерно, что в этих примерах бенефактор и бенефициар осмысля-

[21] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[22] *Sentence Dictionary*. Режим доступа: https://sentencedict.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[23] *Oxford Learner's Dictionary*. Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[24] Там же.
[25] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[26] Там же.
[27] Там же.

ются на основе метонимического переноса «спорт — участники» и «международные отношения — участники». При этом в спорте бенефактор характеризуется отсутствием желания отдавать преимущество, и только напряженная борьба приводит к желаемому результату. В последнем случае конфликтующие стороны квалифицируются как бенефактор и бенефициар в ходе сложных переговоров с взаимными уступками, поэтому в этом случае данные роли варьируются в зависимости от предоставляемых преимуществ другой стороне.

*Coffee exports **earn** Brazil many millions of dollars a year*[28].
*She **earned** a reputation as a hard worker*[29].

Глагол *to earn* репрезентирует характеристики «получение выгоды» в виде увеличения бюджета страны (пример 1) и «получение преимущества» в виде хорошей репутации (пример 2). Участники бенефактивного действия определяются на основе контекста концептуальных областей «экономика» и «социальные отношения».

*The boxer **won** the match by knockout*[30].

Здесь бенефактивность осмысляется в контексте концептуальной области «спорт» и предполагает получение преимущества за счет победы над соперником.

Глагол *to collect* репрезентирует характеристику «предоставление помощи»:

***We're collecting** for local charities*[31].
***They collected** donations for a fund to help military families*[32].
***We're collecting** money for the homeless*[33].

В данных примерах представлены эксплицитно и бенефактор, и бенефициар. Объект бенефактивного действия осмысляется в контексте концептуальной области «социальные отношения» и может быть интерпретирован как денежная масса и материальный объект.

Следующие примеры репрезентируют характеристику «получение выгоды» за счет ущемления прав других:

---

[28] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[29] *The Free Dictionary*. Режим доступа: https://freedictionary.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[30] *Merriam-Webster Dictionary*. Режим доступа: URL: https://www.merriam-webster.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[31] *Oxford Learner's Dictionary*. Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[32] *Collins Online Dictionary*. Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[33] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).

*Retailers could **profiteer** through imposing surcharges*[34].
*A City businessman **swindled** investors out of millions of pounds*[35].
*The gift shop in Paris **overcharged** me by €10*[36].
*The bank hit me with a £140 charge and two days later they **gouged** me another £85*[37].
*He **exploited** Black musicians for personal gain*[38].

Негативный фокус оценки формируется за счет указания на несправедливый способ получения прибыли (*to profiteer* — to make a lot of money in an unfair way; *to swindle* — to get money dishonestly from someone by deceiving or cheating them; *to overcharge* — to charge an excessive price for something; *to exploit* — to use someone or something unfairly for your own advantage[39]; *to gouge* — to raise prices unfairly[40]). Бенефактивность в этих примерах репрезентируется в контексте концептуальной области «экономика» и «социальные отношения» (последний пример) в виде несправедливого обогащения за счет других.

Аналогичный оценочный фокус представлен и в следующем примере:

***He cheated** the elderly couple out of their property*[41].

В этом примере глагол *to cheat* своей семантикой указывает на получение нечестного преимущества путём нарушения правил. Получаемая выгода в виде приобретения имущества нечестным путем подчеркивает аморальность реализованного бенефактивного действия. При этом активизируется концептуальная область «межличностные отношения».

Проведенный фактологический анализ позволяет обобщить полученные результаты в виде следующей таблицы (табл.).

[34] *Merriam-Webster Dictionary*. Режим доступа: URL: https://www.merriam-webster.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[35] *Collins Online Dictionary*. Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[36] Там же.
[37] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. (дата обращения: 28.10.2025).
[38] *Collins Online Dictionary*. Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com. (дата обращения: 28.10.2025).
[39] *Cambridge Dictionary*. Режим доступа: https://dictionary.cambridge.org. дата обращения: 28.10.2025).
[40] *Oxford Learner's Dictionary*. Режим доступа: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com. дата обращения: 28.10.2025).
[41] *Merriam-Webster Dictionary*. Режим доступа: URL: https://www.merriam-webster.com. дата обращения: 28.10.2025).

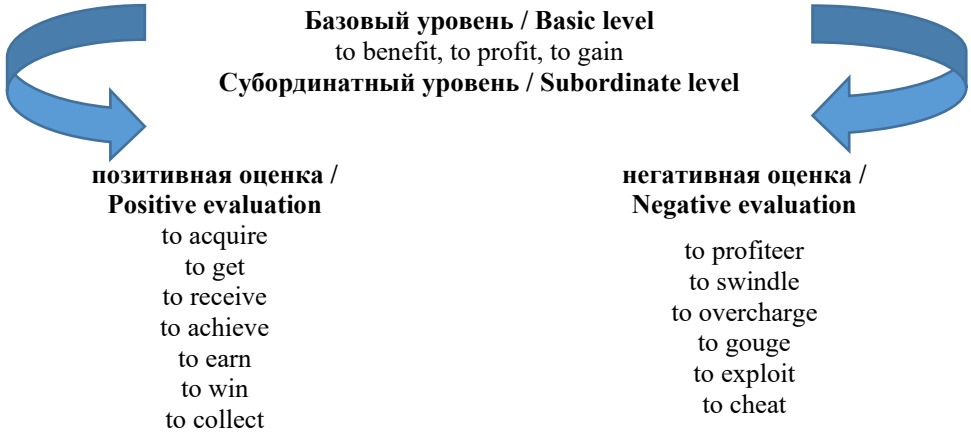
Репрезентация бенефактивности английскими глаголами
Benefaction Representation by English Verbs

Глаголы, репрезентирующие бенефактивность / Verbs Representing Benefaction	**Концептуальные области / Conceptual Areas**	**Объект бенефактивного действия / Beneficial Effect Object**
Базовый уровень / Basic Level		
to benefit	экономика, безопасность, деятельность человека, речевые действия человека, образование	интеллектуальный продукт, денежная масса, служба навигации
to profit	экономика, деятельность человека, образование, право, социальные отношения	денежная масса, интеллектуальный продукт, закон
to gain	экономика, социальные отношения	денежная масса, интеллектуальный продукт
Субординатный уровень / Subordinate Level		
to acquire	экономика, образование	ценные бумаги, интеллектуальный продукт
to get	социальные отношения	материальный объект
to receive	социальные отношения, экономика	материальный объект, денежная масса
to achieve	спорт, международные отношения	интеллектуальный продукт
to earn	экономика, социальные отношения	денежная масса, интеллектуальный продукт
to win	спорт	материальный объект
to collect	социальные отношения	денежная масса, материальный объект
to profiteer	экономика	денежная масса
to swindle	экономика	денежная масса
to overcharge	экономика	денежная масса
to gouge	экономика	денежная масса
to exploit	социальные отношения	денежная масса
to cheat	межличностные отношения	материальный объект

Источник: составлено Л.А. Фурс, К.А. Финаевым.
Source: compiled by Liudmila A. Furs, Kirill A. Finaev.

Данные таблицы свидетельствуют, что из глаголов базового уровня категоризации бенефактивности наиболее частотными являются глаголы *to benefit* и *to profit*, так как они задействованы в репрезентации бенефактивности в большем количестве концептуальных областей по сравнению с глаголом *to gain.* Данные глаголы репрезентируют все концептуальные характеристики бенефактивности целостно. Глаголы субординатного уровня категоризации бенефактивности репрезентируют только одну концептуальную характеристику и представлены, как правило, в контексте одной концептуальной области, в некоторых случаях в двух областях, что свидетельствует о их низкой востребованности для репрезентации бенефактивности.

С учетом полученных результатов существенным является моделирование схемы уровневой репрезентации бенефактивности английскими глаголами в следующем виде (рис.).

Уровни глагольной репрезентации бенефактивности
***Источник*: составлено Л.А. Фурс, К.А. Финаевым.**
Levels of benefaction verb representation
***Source*: compiled by Liudmila A. Furs, Kirill A. Finaev.**

Конкретизация бенефактивного значения на субординатном уровне достигается за счет уточнения концептуальной характеристики, представленной в обобщенном виде как «получение ценного актива», а также посредством формирования оценки способа реализации бенефактивного действия.

Заключение

Как показал проведенный анализ английских бенефактивных глаголов данная область не является однородной, так как в случае с глаголами базового уровня выделенные концептуальные характеристики бенефактивности, такие как «получение преимущества», «получение выгоды», «предоставление помощи», «улучшение положения» репрезентируются гештальтно, в то время как на субординатном уровне категоризации бенефактивности глаголами объективируется только одна из выделенных характеристик. К тому же на этом уровне конкретизируется способ бенефактивного действия, что приводит к формированию оценки с акцентированием соответствия реализуемого бенефактивного действия моральным нормам и принципам. В целом, для английских бенефактивных глаголов характерна высокая частотность употребления в процессах категоризации бенефактивности, что подчеркивается разнообразием концептуальных областей, в контексте которых осмысляется бенефактивность. Это такие области, как экономика, безопасность, деятельность человека, речевые действия человека, образование, право, социальные отношения, спорт, международные отношения, межличностные отношения.

Следует отметить также, что участники бенефактивного действия — бенефактор и бенефициар — могут быть представлены в структуре предложения как эксплицитно, так имплицитно, когда они интерпретируются на основе метонимического переноса в контексте той концептуальной области, в которой осмысляется бенефактивное действие.

Полученные результаты подтверждают значимость системного и когнитивного подходов, заявленных в качестве основных в данном исследовании. За счет когнитивного подхода установлена концептуальная основа бенефактивности, а применение системного подхода позволило определить уровневую иерархию глагольной репрезентации бенефактивности.

Перспектива данного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть применены в изучении уровневой глагольной репрезентации бенефактивности на материале других языков, а также в анализе уровней глагольной репрезентации других явлений действительности.

Список литературы

1. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. М. : Флинта : Наука, 1995. С. 144–238.
2. *Bierwisch M.* Linguistik als Kognitive Wissenschaft: Erlauterungen zu einem Forschungsprogramm // Zeitschrift fur Germanistik. 1987. Vol. 8. № 6. P. 641–766.
3. *Langacker R.W*. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1990.
4. *Rosch E.H.* Cognitive Representation of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975. Vol. 104. № 3. P. 192–233.
5. *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М. : ЯСК, 2018. EDN: YYCNWP
6. *Croft W., Cruse A*. Cognitive Linguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
7. *Болдырев Н.Н*. Интерпретирующий потенциал глагола в языковом конструировании знаний о мире // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 1. С. 5–16. https://doi.org/10.20916/1812-3228-2025-1-5-16 EDN: MBIODM
8. *Croft W*. Syntactic Categories and Grammatical Relations: the Cognitive Organization of Information. Chicago : The University of Chicago Press, 1991.
9. *Fillmore Ch.* The Case for Case Reopened // Syntax and Semantics. (Vol.8). Grammatical Relations. P. Cole, J.M. Sadock (Eds.). New York : Academic Press, 1977. P. 59–81.
10. *Фурс Л.А.* Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 74–78. https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-2-74-78 EDN: YVJDLK

References

1. Kubryakova, E.S. (1995). Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th century (An Attempt At Paradigmatic Analysis). In: *Language and science at the end of the 20th century* (pp. 144–238). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
2. Bierwisch, M. (1987). Linguistik als Kognitive Wissenschaft: Erlauterungen zu einem Forschungsprogramm. *Zeitschrift fur Germanistik*, *8*(6), 641–766.
3. Langacker, R.W. (1990). Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.

4. Rosch, E.H. (1975). Cognitive Representation of Semantic Categories. *Journal of Experimental Psychology: General, 104*(3), 192–233.
5. Boldyrev, N.N. (2018). *Language and the System of Knowledge. Cognitive Theory of Language*. Moscow: Languages of the Slavic Cultures. (In Russ.). EDN: YYCNWP
6. Croft, W., Cruse, A. (2004). *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Boldyrev, N.N. (2025). Interpretive Potential of the Verb in the Linguistic Construction of Knowledge about the World. In: *Issues of cognitive linguistics*, 1, 5–16. (In Russ.). https://doi.org/10.20916/1812-3228-2025-1-5-16 EDN: MBIODM
8. Croft, W. (1991). *Syntactic Categories and Grammatical Relations: the Cognitive Organization of Information*. Chicago: The University of Chicago Press.
9. Fillmore, Ch. (1977). The Case for Case Reopened. In: *Syntax and Semantics*, 8: Grammatical Relations. P. Cole, J.M. Sadock (Eds.) (pp. 59–81). New York: Academic Press.
10. Furs, L.A. (2018). Interaction of Cognitive and Metacognitive Levels in the Formation of Complex Knowledge. Issues of Cognitive Linguistics, 2, 74–78. (In Russ.). https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-2-74-78 EDN: YVJDLK

Сведения об авторах:

Фурс Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики факультета истории, политологии и филологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33); *сфера научных интересов*: когнитивный синтаксис, оценочная категоризация, когнитивно-дискурсивный анализ; *e-mail*: liudmila.furs@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0353-748X; Scopus Author ID: 57189616704; SPIN-код: 1278-7454; Researcher ID: KFS-0984-2024.

Финаев Кирилл Андреевич, аспирант кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики факультета истории, политологии и филологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33); *сфера научных интересов*: когнитивный синтаксис, оценочная категоризация, когнитивно-дискурсивный анализ; *e-mail*: fin.k.a@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-7005-8683; SPIN-код: 4499-1529; Researcher ID: ORJ-4810-2025.

Information about the authors:

Liudmila A. Furs, Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Foreign Philology and Applied Linguistics, Faculty of History, Political Science and Philology, Derzhavin Tambov State University (33 Internatsionalnaya Str., Tambov, Russian Federation, 392000); *Research interests*: cognitive syntax, evaluative categorization, cognitive-discourse analysis; *e-mail*: liudmila.furs@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0353-748X; Scopus Author ID: 57189616704; SPIN-code: 1278-7454; Researcher ID: KFS-0984-2024.

*Kirill A. Finaev***,** PhD student at the Department of Foreign Philology and Applied Linguistics, Faculty of History, Political Science and Philology, Derzhavin Tambov State University (33 Internatsionalnaya Str., Tambov, Russian Federation, 392000); *Research interests*: cognitive syntax, evaluative categorization, cognitive-discourse analysis; *e-mail*: fin.k.a@yandex.ru
ORCID: 0009-0005-7005-8683; SPIN-code: 4499-1529; Researcher ID: ORJ-4810-2025.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 250–265
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-250-265
EDN: ILOPHI

Научная статья / Research Article

Внешняя детерминанта как показатель дифференциации системы времен разноструктурных языков

Г.Ф. Лутфуллина

Казанский государственный энергетический университет, *Казань, Российская Федерация*
✉ gflutfullina@mail.ru

Аннотация. Научная новизна практического рассмотрения влияния внешней детерминанты на языковую систему заключается в том, что впервые концепция внешней и внутренней детерминант, предложенная Г.П. Мельниковым, получает объяснение на примере системы времен разноструктурных языков. Цель исследования — демонстрация практического применения принципа внешней детерминанты на примере анализа системы времен четырех языков: русского, английского, французского и татарского. Полученные результаты показали отражение внешней детерминанты на морфологическом уровне. У агглютинативного татарского языка систем времен адаптировалась к внешней детерминанте — необходимости разграничения наблюдаемого членами коллектива события и сообщения о прошедших событиях, информация о которых получена из чужих уст. У французского, русского и английского языков как номинативных с событийным коммуникативным ракурсом систем времен адаптировалась к внешней детерминанте — необходимости сообщения об актуальном событии или неактуальном давно прошедшем событии путем дифференциации завершенности / процессности. У флективного синтетического французского языка дополнительно завершенность разграничивается на основе дистантности от настоящего момента в целях выделения свежих, недавних событий для трансляции. У флективного синтетического русского языка данная дифференциация реализуется на уровне семантики глагола — делением всех на глаголы совершенного и несовершенного вида. У флективного аналитического английского языка представлена дифференциация процессности по признаку временной исчерпанности (наличия интервала), контактности с моментом настоящего (длительности). Грамматикализации подвергаются наиболее общие абстрактные значения языковой системы, значение завершенности / незавершенности на коммуникативном уровне соответствует актуальности / неактуальности информации. Процессность сопряжена со значением актуальности события — оно еще происходит или происходило в момент времени, который можно идентифицировать. Завершенность соотносится со значением неактуальности — событие исчерпало себя во времени, а также в случае предельных глаголов достигло внутреннего предела. Событийный ракурс строится на обмене информацией о незавершенных и завершенных событиях.

Ключевые слова: французский язык, английский язык, русский язык, татарский язык

© Лутфуллина Г.Ф., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Заявление о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 13.09.2025; дата приема в печать: 15.12.2025.

Для цитирования: *Лутфуллина Г.Ф.* Внешняя детерминанта как показатель дифференциации системы времен разноструктурных языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 250–265. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-250-265 EDN ILOPHI

The Role of External Determinants in the Differentiation of Tense Systems Across Language Types

Gulnara F. Lutfullina ✉

Kazan State Power Engineering University, *Kazan, Russian Federation*
✉ gflutfullina@mail.ru

Abstract. The scientific novelty of the practical consideration of the influence of external determinants on the language system lies in the fact that for the first time the concepts of external and internal determinants, proposed by G.P. Melnikov, are explained using the example of tense system of languages of different structural types. The aim of the study is to demonstrate the practical application of the principle of external determinants by analyzing the system of four languages: Russian, English, French and Tatar. The results showed the reflection of the external determinant at the morphological level. In the agglutinative Tatar language, the tense system reflects the external determinant — the need to distinguish between a witnessed event and a report about past events based on secondhand information. In the French, Russian and English as nominative-accusative languages with an event-based communicative perspective, the tense systems have adapted to the external determinant — the need to communicate about an actual event or an irrelevant long-past event by differentiating between completeness / processivity. In the synthetic inflectional French language, the perfective aspect is further differentiated based on distance from the present moment, which serves to single out recent events in narration. In the inflective synthetic Russian language, this differentiation is realized at the level of verb semantics — by dividing all verbs into perfective and imperfective ones. In the inflective analytical English language, differentiation of processivity is presented on the basis of temporal exhaustion (the presence of an interval), contact with the present moment (duration). The most general abstract meanings of the language system are subject to grammaticalization; the meaning of completeness/incompleteness at the communicative level corresponds to the relevance/irrelevance of information. Processivity is associated with the meaning of the event's relevance — it is still happening or was happening at a moment in time that can be identified. Completeness is related to the meaning of irrelevance — the event has exhausted itself in time, and in the case of limiting verbs, has reached its internal limit. The event perspective is based on the exchange of information about unfinished and completed events.

Key words: French language, English language, Russian language, Tatar language

Conflict of interests: The author declares no conflict of interest.

Article history: Received: 13.09.2025; accepted: 15.12.2025.

For citation: Lutfullina, G.F. (2026). The Role of External Determinants in the Differentiation of Tense Systems Across Language Types. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 250–265. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-250-265 EDN ILOPHI

Введение

Исследователь языка как системы сталкивается с ее противоречиями и задается вопросом о ее границах и о зависимости системы от того, что выходит за ее пределы, «но без чего она не может существовать» [1. С. 141]. Согласно мнению В.Н. Денисенко, язык нельзя «познать сам по себе, в себе и для себя, не выходя за его пределы и не обратившись к его создателю и носителю — человеку» [1. С. 141]. В этих словах закладывается необходимость обращения к внешним факторам детерминации языкового строя. Однако для получения значимых результатов необходима системность, наличие системного подхода. «Системный подход и достоверен, и экономен. Увидеть системообразующее начало — значит через немногое объяснить много» [2. С. 173].

В настоящее время особую актуальность приобретает изучение системы языков с учетом внешней детерминанты как типологического критерия. Важно подчеркнуть, что в научной литературе чаще всего представлены работы, в которых вопросы типологии раскрываются на основе структурных особенностей языков. Изучение внешней детерминированности внутренней системы языка позволяет не только определить особенности функционирования, но способствует выделению внутренней детерминанты, необходимой для понимания.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в лингвистических вузах при изучении спецкурсов и спецсеминаров по общему языкознанию и типологии. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий.

В современной лингвистической науке уже представлен пласт научной литературы, в которой описывается опыт типологии на материале разных языков. Целью данного исследования является демонстрация практического применения принципа внешней детерминанты на примере анализа системы времен четырех языков: русского, английского, французского и татарского. Нами определены условия для формирования внешней детерминанты рассматриваемых языков в соответствии с характеристиками Г.П. Мельникова и проанализированы системы временных форм языков на основе внешней детерминанты. Основными методами анализа стали описательно-аналитический и сопоставительный методы. На основе описательно-аналитического метода проводится описание и анализ системы временных форм языков. Сопоставительный метод нужен для определения явлений изоморфизма и алломорфизма.

Концепции семантической классификации временных форм

Г.П. Мельников заложил основы системной типологии и, в частности, принцип мерности ее объектов. Согласно его точке зрения, принцип мерности означает, что «характеристики изменения качественных и количественных

свойств языка могут использоваться как основания для типологического сопоставления языков лишь в тех случаях, когда выявлены границы меры процесса становления языковой системы» [3. С. 66–68]. Данный принцип охватывает более частные, введенные Г.П. Мельниковым принципы: принцип существования типологических параметров, принцип полноты и целостности типологических рассмотрений языковых систем, принцип целочастности развития и существования системной типологии языков, принцип триадичности характеристик объектов системной типологии.

Принцип триадичности предполагает распределение характеристик по трем разрядам: 1) исходные, раскрывающие внутренние интенции языка; 2) причастные, раскрывающие факторы, действующие извне; 3) предельные, возникающие в результате исчерпания процесса [3. С. 69]. Принцип детерминантности развития языковых систем предполагает, что внутренняя детерминанта языка и весь грамматический строй адаптированы к внешней языковой детерминанте. Принцип хронотопической гомономии — единообразие структур взаимосвязи, взаимодействия и взаиморасположения компонентов языковых систем как в процессе их становления, так и в развитом состоянии, то есть в диахронии и синхронии. На примере татарского языка, в частности, показано, что если взять за объект анализа порядок присоединения морфем к корню для формообразования слова, то этот порядок будет таким же, каким он был в истории языка.

Внешняя детерминанта позволяет рассмотреть языковой тип не только как гармонично согласованную систему, но и как систему, специфика согласования которой осознается как заданная извне [3. С. 79].

М.А. Рыбаков дополнил концепцию системной типологии и выполнил типологический анализ категории падежа [4. С. 100–127] на основе концепции системной типологии Г.П. Мельникова. Он также уточнил базовые понятия:

Внешняя детерминанта — типовые условия общения и коммуникативно значимые особенности языкового коллектива: размер, однородность и степень близости индивидуальных сознаний его членов [4. С. 91]. *Внутренняя детерминанта* — наиболее устойчивая, системно значимая черта языкового строя. *Номинативный ракурс* — типичный способ подачи содержания ситуации в высказывании. *Коммуникативный ракурс* — типичные сюжеты сообщений, аспекты высказываний и способы изображения (однообразные / разнообразные) [4. С. 91].

Согласно мнению М.А. Рыбакова для флективных языков базовой является событийная детерминанта, а внешней детерминантой будет мегаколлектив, в то время как семантико-синтаксический тип будет событийным. Для агглютинирующих языков типична признаковая детерминанта, но результативно-признаковый ее вид присущ агглютинативным номинативным языкам, включая татарский язык. Внешней детерминантой будет макроколлектив, а семантико-синтаксический тип будет результативно-признаковый [4. С. 91].

О.И. Валентинова указывает, что флективность как исходная детерминанта английского, во многом утрачена. Синтетизм для французского также является исходной детерминантой, но не текущей [5. С. 86].

П.В. Дурст-Андерсен предложил свою типологию языков на основе семантического подхода [6]. Он выделяет языки, ориентированные на говорящего (speaker-based language), и ментальные конструкции. Согласно его точке зрения, в турецком и в татарском языках различие фраз *Ваза на столе* и *На столе ничего нет* предполагает, что говорящий не видел деятельности, но реконструировал события [6. С. 33]. Частица *-дыр* татарского языка выражает косвенное, опосредованное восприятия, являясь маркером эпистемической модальности. Временные формы определенного и неопределенного прошедшего разграничиваются на основе прямой или косвенной засвидетельствованности события [7. С. 34].

Далее П.В. Дурст-Андерсен рассматривает языки (reality-languages), ориентированные на реальность и на разные ментальные модели. *Кто-то несет вазу* — воспринимаемый факт, каузирующий *появление вазы на столе* в последующем. Это пример ментальной реконструкции. Перед носителем русского языка обязательно стоит выбор вида — или репрезентируется действие, как состояние, каузированное деятельностью, или репрезентируется его реализация. Данные языки символизируют внешнюю или внутреннюю организацию действительности. Во французском языке имперфект может заменять перфект и преподносить событие как образ [6].

К последнему типу относятся языки, ориентированные на слушающего и ментальные архивы (hearer-based languages). В ментальном архиве может хранится целый фильм о краже часов или только снимок результата — наличия часов. В английском языке перфект репрезентирует событие как последнее известие (flash news) *I have stolen a watch* — показывая фотографию. Репрезентация flash back предполагает употребление имперфекта — подробный рассказ — прокручивание фильма кражи. Основным критерием является актуальность/ неактуальность событий [6].

Как можно убедиться попытки создания семантической типологии систем временных форм не теряют своей актуальности. Предложенное нами объяснение базируется на следующих определениях.

Л.А. Новиков исходит из идеи антонимии как репрезентации противоположенности в языке [8. С. 638]. Антонимия в грамматической семантике является универсальным явлением [9. С. 122]. Однако для системы времен важна контрарная противоположенность, при которой происходит разграничение континуумов [8. С. 660]. Традиционно выделяются континуумы прошлого и будущего, разграниченные моментом настоящего.

Момент настоящего един и репрезентирован всего одной временной формой в русском, французском и татарском языках. Только в английском присутствует дифференциация настоящего неактуального и процессного.

Континуум будущего модален, не определен ввиду его нереальности, поэтому различие временных форм будущего строится: на категоричности в татарском языке, на завершенности / процессности в русском и английской языках, на дистантности во французском языке (имеется ввиду Future Immediat).

Континуум прошлого вариативен, и именно он несет в себе отражение внешней детерминанты и явно отмечен внутренней детерминантой.

Типология грамматический показателей категории времени анализируется во Всемирном атласе языковых структур (htttp://wals.info) на материале выборки в 1023 языка, среди которых обнаруживаются:

1) языки, имеющие в плане прошлого: никакие различия по удаленности 94, с наличием 2–3 различий по удаленности и даже с наличием 4 и более различий (хотя 88 не обладают формой прошедшего времени;

2) языки, имеющие в плане будущего: флективное будущее 110, несклоняемое будущее 112;

3) языки с грамматической маркировкой вида 101 и без маркировки 121.

В системной теории предикации Г.П. Мельникова объясняется важное для интерпретации типологии временных форм понятие: «Предикант подвергается воздействию со стороны предикатора и видоизменяется, преобразуется в результат этого воздействия, превращаясь в предикат. Предикация — это процесс преобразования предиканда в предикат при помощи предикатора» [3. С.112]. В теории предикации Г.П. Мельникова Т.В. Липатова разграничивает номинативный смысл высказывания (возникающий в сознании при восприятии высказывания), номинативный актуализированный смысл (соотнесенный с внеязыковой картиной мира слушающего) и коммуникативный актуализированный смысл (соотнесенный с коммуникативным замыслом говорящего) [3. С. 123–124]. Именно актуальность связана с глагольными категориями завершенности / процессности события. Категория завершенности / процессности может быть определена как фреквенталия или часто встречающаяся типологическая характеристика по определению М.А. Рыбакова [4. С. 434].

В ряде работ проблема таксономизации и дифференциации временных форм на основе категориальных признаков рассматривается лишь в отдельно взятых аспектах. Б. Исаксон исследует лингвистическую реальность, стоящую за последовательными временами [10]. И.Х. Топал изучает особенности воспроизведения повествовательных времен [11]. П. Катаринелла, С. Крам, О. Коломбо, М.А. Хусейн посвятили свой труд выражению темпоральной последовательности в современном общении формами времени [12]. Р. Акарапун, К. Анувонг рассматривают временные формы как детерминанты владения языком [13]. Р. Маркес исследует сослагательные времена в рамках логических пространств [14]. Ш.И. Толыева обращается к вопросу классификации лингвистических явлений [15].

Обсуждение и результаты

1. Типы языков

Для иллюстрации мы взяли: 1) агглютинативный номинативный язык — ***татарский*** язык; 2) номинативные языки, среди которых синтетические флективные языки с развитыми средствами формообразования — ***русский*** и ***французский*** языки, а также аналитический язык с преобладанием соответствующих форм — ***английский*** язык.

2. Внешние и внутренние детерминанты

Наиболее существенные факторы, влияющие на направление языкового развития, становятся основой для формулировки внешней детерминанты языкового типа. Попробуем соотнести типичные внешние детерминанты, определенные в работах Г.П. Мельникова, с выбранными нами типами языков. Характеристики событийной и признаковой доминант позволяют интерпретировать и объяснять аспектуально-темпоральные характеристики системы временных форм на морфологическом уровне.

Внешняя детерминанта определяет внутреннюю. Понятие внутренней детерминанты Г.П. Мельникова, дополнено и конкретизировано последователями детерминативной грамматики. С позиций системной лингвистки, «главная тенденция» языка, его своеобразие — это основная внутренняя характеристика языка как адаптивной системы, его внутренняя детерминанта. Именно она определяет, детерминирует особенность всех конкретных единиц и ярусов языка в их системной взаимосвязи [16]. Внутренняя детерминанта — это особенность внутренней формы высказываний, которая характеризуется традиционной перспективой изображения социализированной информации. Ею определяется формирование грамматических категорий [17].

Татарский язык является примером достаточно большого, однородного языкового коллектива, так как татары вели кочевой образ жизни, переезжали с пастбища на пастбища с табунами своих лошадей. Татарские племена могут служить примером племен кочевников, которые часто могут вступать в контакты с другими племенами. Татары в целом представляли собой больший коллектив, части которого были отрезаны друг от друга значительную часть года, например, зимой в поисках лучших пастбищ. В течение этого периода времени накапливается социальный опыт в сознании представителей языкового коллектива, с которым возникает необходимость поделиться. И когда часть членов коллектива отрывается временно от своего племени, то именно информация о положении дел и о приобретенном опыте интересует их в первую очередь, то есть является поводом для коммуникации. Согласно Г.П. Мельникову, таким образом избирается коммуникативный ракурс, который становится внутренней детерминантой. Повествование о пережитом опыте в рассматриваемых коммуникативных условиях, когда нужно изобразить «диахронный срез» оказывается важным.

Если изначально стадиально первичной признается инкорпорирование — использование словопредложений, то следующим становится эргативный строй с агглютинацией, который мы рассматриваем на примере татарского языка. «Типичными ситуациями как сюжетами сообщений в языковом коллективе, в которых принимает участие небольшое число партиципантов, являются динамические события, характеризующиеся временным взаимодействием, изменением состояний, осуществлением определенных действий» [3. С. 113]. Однако большая часть событий не протекает на глазах части коллектива ввиду кочевого образа жизни, хотя коллектив и невелик. Типичные расхождения в объеме знаний о событиях разрешались сообщением о событии с известными собеседникам партиципантами.

По мнению Г.П. Мельникова, получателя информации в рассматриваемых типе коллектива чаще всего интересуют сведения об изменении признака. Несмотря на событийность изобразительного сюжета, на его динамичность, он остается статичным на уровне его языкового изображения, чем обеспечивается преемственность техники описания обстановки в процессе формирования эргативного строя или агглютинативного типа. Нас будут интересовать именно особенности морфологического уровня. Эргативные конструкции наиболее устойчивы для изображения результатов недавно прошедших событий [3. С. 113].

Г.П. Мельников рассматривает внешние факторы развития и внутреннюю детерминанту языков агглютинативного строя, которые мы применяем и к татарскому языку. Потребность языкового коллектива заключалась в необходимости получить сведения об интегрированном результирующем состоянии, сложившемся за довольно длительный период времени. Дискретный режим языкового общения с длительными периодическими перерывами складывается у больших кочевых народов, к которым относится татарский народ. Используемые агглютинативным языком техники, с их регулярностью и правильностью, однотипностью и простотой были необходимы, так как длительные перерывы в общении могли привести к накоплению расхождений в языковых навыках. В условиях кочевого скотоводства и, следовательно, прерывного общения в высказываниях речь идет о хорошо известных обоим коммуникантам объектах и субъектах. Складывается *признаковый ракурс* изображения, так как обсуждаются новые качественные характеристики известных носителей. В условиях общения, благоприятных для агглютинации, слушающий заинтересован в сведениях о признаках, изменившихся за истекший период, но у известных объектов и субъектов.

Русский и французский языки соответствуют той стадии, когда коллектив разросся настолько, что наблюдение за протекающими событиями для всех его членов одновременно достаточно часто оказывается недоступным [3. С. 116] и возникает регулярная потребность комментировать события в той их фазе, когда они еще не исчерпаны. На этой стадии приобретаются черты, специфичные для номинативного строя или флективных синтетических

языков. Весь строй языка видоизменяется в этом направлении, чтобы облегчить средства описания событийных сюжетов в динамическом, а не в признаковом аспекте. Эффективное общение возможно при представлении динамического, развивающегося события. Славянские и французский народы вели оседлый образ жизни, компактно проживали на одной территории, занимались возделыванием земли и животноводством. Флективный строй оптимизируется для передачи информации не об известном объекте или субъекте ввиду обширности коллектива, а о целом классе.

Английский язык и его носители также представляли собой большой коллектив, где личное знакомство уже не могло быть реализовано всеми. Язык становился сложнее, но должен был обеспечивать надежность многократной передачи информации без искажений. «Техника передачи должна была основываться на принципах, предусматривающих возможность проверки совпадения того, что хотел выразить говорящий, с тем, что понял слушающий» [3. С. 116]. Вследствие перечисленных факторов целесообразным становится именно *событийный коммуникативный ракурс.* Номинативные конструкции формируются для передачи актуально протекающих событий.

3. Отражение внешней детерминанты на морфологическом уровне

Информация о времени может трактоваться как служебное средство конкретизации абстрактных смыслов словоформ или как объективная характеристика описываемого события [16].

У татарского языка как агглютинативного присутствует признаковый коммуникативный ракурс, который конкурирует с зарождающимся событийным (так как и в татарском языке уже четкое разделение процессности / завершенности). Признаковый ракурс представлен в эвиденциальной маркировке временных форм.

Для событийного ракурса основополагающим является презентация событий на основе дифференциации процессности и завершенности. Во всех трех флективных языках этот критерий является центральным для дифференциации временных форм. Однако во всех трех языках этот критерий дополняется своими значениями.

Процессность сопряжена со значением актуальности события — оно еще происходит или происходило в момент времени, который можно идентифицировать. Завершенность соотносится со значением неактуальности — событие исчерпало себя во времени, а также в случае предельных глаголов достигло внутреннего предела. Событийный ракурс строится на обмене информацией о незавершенных и завершенных событиях. Грамматикализации подвергаются наиболее общие абстрактные значения языковой системы, в данном случае значение завершенности / незавершенности, которое на коммуникативном уровне соответствует актуальности / неактуальности информации.

Татарский язык характеризуется следующей системой временных форм:

– 1 форма настоящего временного периода (Хәзерге заман),

– 5 форм прошлого временного периода: *претерит* (Билгеле Үткән заман), *два вида перфекта* (Нәтиҗәле / Билгесез Үткән заман), *плюсквамперфект* (Алдан Үткән заман), *два вида имперфекта* (Дәвамлы Үткән заман, Кабатлаулы Үткән заман),

– 2 формы будущего временного периода (Билгеле киләчәк заман, Билгесез киләчәк заман).

Во-первых, нужно отметить, что обеспечение простоты ретрансляции информации при дискретном общении достигалась агглютинацией — системой однозначных морфем, присоединяющих к корню в строгой иерархии и привносящих только свое одно значение в семантику слова.

Во-вторых, сообщение о событиях, относящихся к объектам и субъектам, которые могут быть всем известны ввиду малочисленности коллектива, устранило необходимость артиклей.

Во-третьих, во всех языках дифференциация временных форм развита в плане прошлого, но критерии разграничения разные. В татарском языке Билгеле Үткән заман / определенное прошедшее время и Билгесез Үткән заман / неопределенное прошедшее время разграничиваются на основе категории эвиденциальности: первая форма выражает перцептивно воспринятые события, вторая представляет полученную информацию о событиях, но не наблюдаемых лично. Система времен адаптировалась к внешней детерминанте — необходимости разграничения наблюдаемого членами коллектива события и сообщения о прошедших событиях, информация о которых получена из чужих уст.

Хотя остальные 3 формы прошедшего времени традиционно передают хронологию — предшествование Алдан Үткән заман / предпрошедшее, а также процессность — Дәвамлы Үткән заман / продолженное прошедшее. Специфика татарского языка заключается в существовании специальной формы для выражении цикличности, постоянства, повтора событий — Кабатлаулы Үткән заман / повторяющееся прошедшее.

Интерес также представляет собой дифференциация временных форм будущего, которая разграничивает определенность или неопределенность прогнозов и предсказаний: Билгеле киләчәк заман / определенное будущее, Билгесез киләчәк заман / неопределенное будущее.

Агглютинативные языки получают следующие характеристики в работах учеников Г.П. Мельникова: 1) косвенное указание на время через отношение действующего лица к действию; 2) высокий уровень недифференцированности между формантами времени и атрибутивности при глагольных основах; 3) отсутствие категории вида [16]. Основой детерминации агглютинативных языков формулируется тенденция к максимальной коллекционности словоформ. Словоформа при детерминанте коллекционности собирается из ее

компонентов — морфем не для узуальных смыслов, известных собеседникам до акта говорения, а непосредственно для выражения актуальных смыслов сообщения. Любая информация о каком-либо аспекте этих смыслов, очевидная для слушающего из контекста или из ситуации общения, перестает нуждаться в языковом ее выражении [16].

Французский язык как флективный синтетический язык характеризуется следующей системой временных форм:

– 1 форма настоящего временного периода (Présent),

– 5 форм прошлого временного периода: *претерит* (Passé simple), *перфект* (Passé composé), *два вида плюсквамперфекта* (Plus-que-parfait, Passé Antérieur), *имперфект* (Imparfait),

– 1 форма будущего временного периода (Futur simple).

Во-первых, сообщение о событиях, относящихся к объектам и субъектам, которые не могут быть лично известны ввиду обширности коллектива обусловило использование артиклей во французском и английском языках.

Во-вторых, развитая система окончаний женского рода и множественного числа позволяет обеспечить согласование предиката с субъектом (в случае вспомогательного глагола être) и субстантива с прилагательным, что создает более тесную связь между членами предложения несмотря на прямой порядок слов. Событийный коммуникативный ракурс сообщения о событии жестко детерминирован и синтаксически, и морфологически.

В-третьих, значение процессности выражает форма имперфекта, которой противопоставлены две формы со значением завершенности (претерит и перфект). Для французского языка важна дифференциация временной дистантности от момента настоящего (претерит) и контактности с ним (перфект). Разграничение форм на основе связи с настоящим моментом: претерит выражает события, полностью погруженные в прошлое, без связи с настоящим моментом, а перфект — события, недавно случившиеся. Специфика французского языка заключается в существовании специальных форм для выражения непосредственного будущего и прошедшего, которые указывают на локализацию в ближайшей зоне настоящего.

Мы можем выстроить следующую градацию завершенности: самое ближайшее к настоящему моменту (Passe Immediat), далее контактное (Passe Compose), далее дистантное, неконтактное (Passe Simple). Это позволяет сделать вывод о временной дискретности завершенности.

Система времен адаптировалась к внешней детерминанте — необходимости разграничения завершенных и незавершенных событий, но с дифференциацией их временной дистантности от момента настоящего и и контактности с ним. Важно было в общении разграничивать актуальные свежие и неактуальные давние событий в целях выделения недавних для трансляции. Формы прошедшего времени Плюсквамперфект традиционно передают хронологию — предшествование. Для французского языка важно подчеркнуть

актуальность событий. В настоящее время наблюдается жесткая дифференциация письменных сверхсложных временных форм и устных.

Русский язык как флективный синтетический имеет 5 временных форм:

– 1 форма настоящего временного периода,

– 2 формы прошлого временного периода: *перфект* совершенное прошедшее, *имперфект* несовершенное прошедшее,

– 2 формы будущего временного периода: совершенное будущее и несовершенное будущее.

Во-первых, русский язык детерминирован категорией рода, которая обеспечивает согласование на всех уровнях, дополнительно подкрепляемое согласованием по числу и падежу, что позволяет менять порядок слов в высказывании в соответствии с коммуникативной интенцией говорящего — информационной структурой: сначала тема, потом рема.

Во-вторых, вся глагольная система пронизана жестким разделением глаголов на совершенные и несовершенные, то есть процессность / завершенность оказываются центральными категориями, которые определяют существование соответствующих форм прошедшего и будущего.

В русском языке эта дифференциация является центральной даже на уровне семантики — разделение на глаголы совершенного и несовершенного вида.

Дополнительные базовые черты временной системы русского языка были выделены в работах отечественных языковедов. Согласно мнению О.И. Валентиновой, В.Н. Денисенко и М.А. Рыбакова в русском языке появление категории вида было подготовлена появлением степеней длительности действия. Данные категории взаимозависимы: в зависимости от семантики корня и наличия префиксом на той или иной стадии проходит граница вида, разделяющая ряд длительностей глаголов на зоны двух видов [17]. Систем времен адаптировалась к внешней детерминанте — к представлению событий в процессе их реализации или в их завершении. Семантика актуальности сообщаемой информации воплотилась в данном разграничении [18]. В русском языке *время* является определенной *формально-грамматической категорией.* Указание на *время* протекания события, отсчитываемое от момента говорения, становится желательной *служебной* информацией, что приводит к выработке специальной категории [19; 20]. По мнению Калпана Сандарам Сай, детерминантой русского языка выступает селекционность. Селекционность словоформ и вытекающая отсюда их предварительная заготовленность, делающая возможным связь этих словоформ лишь с узуальными смыслами, приводит к тому, что такие "заготовки" оказываются наиболее приспособленными для отражения содержания лишь самых типичных описываемых ситуаций [16]. В качестве базовых отмечаются следующие характеристики: 1) прямое, формальное соотнесение называемого действия с моментом говорения и неразрывность средств выражения относительного времени; 2) высокий уровень дифференцированности между формантами времени

и атрибутивности при глагольных основах; в) развитая бинарная категория вида [16].

Английский язык как флективный аналитический характеризуется следующей системой временных форм:

– 2 формы настоящего временного периода: Present Simple, Present Continuous,

– 6 форм прошлого временного периода: *претерит* (Past Simple), *перфект* (Present Perfect, Present Perfect Continuous), *плюсквамперфект* (Past Perfect)], *имперфект* (Past Continuous, Past Perfect Continuous,

– 2 формы будущего временного периода: Future Simple, Future Continuous.

Во-первых, сообщение информации о классе объектов и субъектов определяет наличие артиклей для дифференциации известного и незнакомого.

Во-вторых, строгий порядок слов устраняет необходимость согласования, так как взаимосвязь слов задается их взаимным расположением.

В-третьих, разграничение процессности и завершенности во всех временных планах: настоящее простое (Present Simple) и процессное (Present Progressive), прошедшее простое (Past Simple) и процессное (Past Progressive), будущее простое (Future Simple) и процессное (Future Progressive). Причем значение процессности дифференцируется в плане прошедшего на два вида: простая процессность (Past Progressive) и перфектная процессность с указанием интервала (Past Perfect Progressive перфектный имперфект), контактная перфектная процессность, актуальная на момент настоящего (Present Perfect Progressive). Мы наблюдаем дифференциацию значения процессности.

Однако при этом еще традиционно выражается хронология — предшествование формой Past Perfect.

Система времен адаптировалась к внешней детерминанте — к представлению событий в их процессности или в их завершенности. Для английского языка важно подчеркнуть результат / завершенность или процессность, которая опять дифференцируется на основе временной исчерпанности (наличие интервала), контактности с моментом настоящего (длительности).

Заключение

Отражение внешней детерминанты на морфологическом уровне видится с следующем:

У агглютинативного татарского языка систем времен адаптировалась к внешней детерминанте — необходимости разграничения наблюдаемого членами коллектива события и сообщения о прошедших событиях, информация о которых получена из чужих уст.

У французского, русского и английского языков как номинативных с событийным коммуникативным ракурсом систем времен адаптировалась к внешней детерминанте — необходимости сообщения об актуальном событии

или неактуальном давно прошедшем событии путем дифференциации завершенности / процессности.

У флективного синтетического французского языка дополнительно завершенность разграничивается на основе дистантности от настоящего момента в целях выделения свежих, недавних событий для трансляции.

У флективного синтетического русского языка данная дифференциация реализуется на уровне семантики глагола — делением всех на глаголы совершенного и несовершенного вида.

У флективного аналитического английского языка представлена дифференциация процессности по признаку временной исчерпанности (наличия интервала), контактности с моментом настоящего (длительности).

Список литературы

1. *Денисенко В.Н.* Моделирование системы языка // Системный взгляд как основа филологической мысли. М. : ЯСК, 2016. С. 137–168.
2. *Валентинова О.И.* Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов // Системный взгляд как основа филологической мысли. М. : ЯСК, 2016. С. 171–241.
3. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: принципы, методы, модели. М. : Наука, 2003.
4. *Рыбаков М.А.* Развитие представлений о типологическом сходстве языков: от многомерной классификации Э. Сепра до системной типологии Г.П. Мельникова // Системный взгляд как основа филологической мысли. М. : Изд. дом ЯСК, 2016. С. 17–131.
5. *Валентинова О.И., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А.* Забытые парадигмы языкознания: системология Г.П. Мельникова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. № 5. С. 85–91. EDN WLZZGZ.
6. *Дурст-Андерсен П.В.* Ментальная грамматика и языковые супертипы // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 30–42.
7. *Лутфуллина Г.Ф.* Репрезентация ситуации восприятия временными формами английского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2(34). С. 23–32. https://doi.org/10.17223/19986645/34/3. EDN TRJYNH.
8. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Т. 1. М. : Наука, 2001.
9. *Липатова Т.В.* Системная лингвистика о необходимости разграничения предикативных процессов и этапов номинативной предикации // Языковая системология к 85-летию Г.П. Мельникова: материалы кнференции. М. : РУДН, 2013. С. 122–131.
10. *Isaksson Bo. The Verb in Classical Hebrew: The Linguistic Reality behind the Consecutive Tenses*. Cambridge: Open Book Publ., 2024. https://doi.org/10.11647/OBP.0414
11. *Topal Ibrahim Halil.* Action Research Communicative Activities for Written and Spoken Production of Narrative Tenses in English // Journal of Effective Teaching Methods. Vol. 2. Iss. 4. P. 121–138. https://doi.org/eiki/10.59652/jetm.v2i4.363
12. *Catarinella P.*, *Kram S.*, *Colombo O.*, *Husain M.A.* Reshaping Language Dynamics: Italian Verb Tenses and their Consecutio Temporum in Contemporary Communication // International Journal of Research and innovation in Social Science. Special Issue on Education. 2025. Vol. IX. Iss. IIIS. P. 1777–1795. https://doi.org/10.47772/IJRISS.2025.903SEDU0136
13. *Vajirakachorn P., Ratasuk A., Anuwong K.* Determinants of English Language Proficiency: A Multifaceted Analysis Panomporn Vajirakachorn // Emerging Science Journal. 2023. Vol. 7. Special Iss. P. 264–270. http://dx.doi.org/10.28991/ESJ-2023-SIED2-020%0d.
14. *Marques Rui.* Logical Spaces and Subjunctive Tenses // Languages. 2024. Vol. 9. Iss. 11. P. 334. https://doi.org/ 10.3390 languages9110334.

15. *Toliyeva Sh.I.* The issue of classification of linguistic expertise // Proceedings of International Conference “Innovations in Science and Education System”. Dehli, 2025. P. 288–291. https://eijmr.org/conferences/
16. *Калпана Сандарам Сай.* Глагольно-именные категории в системе русского языка в сопоставлении с тамильским : дисс. … канд. фил. н. М. : РУДН, 1982.
17. *Valentinova O.I, Denisenko V.N., Rybakov M.A.* Russian verb categories of aspect and degree of duration systemic analyses // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS (pp. 404–412). London. http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2021.09.44
18. *Валентинова О.И., Рыбаков М.А., Екшембеева Л.В.* Детерминантная грамматика русского языка как академическая грамматика нового типа // Русистика. 2023. Т. 21. № 2. С. 228–241. http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-2-228-241 EDN: VLIEIB
19. *Валентинова О.И., Рыбаков М.А.* Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков (часть вторая) // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 3. С. 234–244. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-3-234-244 EDN: BZPPCT

References

1. Denisenko, V.N. (2016). Modeling the Language System. In: *A Systems View as a Basis for Philological Thought* (pp. 137–168). Moscow: YASK. (In Russ.).
2. Valentinova, O.I. (2016). A systems Approach to the Study of Text and Style: Justification of the Causal Typology of Texts. In: *A Systems View as a Basis for Philological Thought* (pp. 171–241). Moscow: YASK. (In Russ.).
3. Melnikov, G.P. (2003). *Systemic Typology of Languages: Principles, Methods, Models.* Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Rybakov, M.A. (2016). Development of Ideas about the Typological Similarity of Languages: from the Multidimensional Classification of E. Sepra to the Systemic Typology of G.P. Melnikov. In: *A Systemic View as the Basis of Philological Thought* (pp. 17–131). Moscow: YASK. (In Russ.).
5. Valentinova, O.I., Preobrazhensky, S.Yu., & Rybakov, M.A. (2016). Forgotten Paradigms of Linguistics: Systemology of G.P. Melnikov. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education,* 5, 85–91. (In Russ.). EDN: WLZZGZ
6. Durst-Andersen, P.V. (1995). Mental Grammar and Language Supertypes. *Voprosy Jazykoznanija*. 6, 30–42 (In Russ.).
7. Lutfullina, G.F. (2015). Representation of the Situation of Perception by Temporal Forms of the English Language. *Tomsk State University Journal of Philology,* 2(34), 23–32. (In Russ.). https://doi.org/10.17223/19986645/34/3 EDN: TRJYNH
8. Novikov, L.A. (2001). *Selected Works.* Vol. 1. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Lipatova, T.V. (2013). Systemic Linguistics on the Need to Distinguish between Predicative Processes and Stages of Nominative Predication. In: *Language systemology for the 85th anniversary of G.P. Melnikova: proceeding* (pp. 122–131). Moscow: RUDN University publ. (In Russ.).
10. Isaksson, Bo. (2024). *The Verb in Classical Hebrew: The Linguistic Reality behind the Consecutive Tenses.* Cambridge: Open Book Publ. https://doi.org/10.11647/OBP.0414
11. Topal, Ibrahim Halil (2022). Action Research Communicative Activities for Written and Spoken Production of Narrative Tenses in English. *Journal of Effective Teaching Methods*, *2*(4), 121–138. https://doi.org/eiki/10.59652/jetm.v2i4.363
12. Catarinella, P. Kram, S., Colombo, O., & Husain, M.A. (2025). Reshaping Language Dynamics: Italian Verb Tenses and their Consecutio Temporum in Contemporary Communication*. International Journal of Research and innovation in Social Science. Special Issue on Education*, *IX*(IIIS), 1777–1795. https://doi.org/10.47772/IJRISS.2025.903SEDU0136

13. Vajirakachorn, P., Ratasuk, A., & Anuwong, K. (2023). Determinants of English Language Proficiency: A Multifaceted Analysis. *Emerging Science Journal*, 7, 264–278. https://doi.org/10.28991/ESJ-2023-SIED2-020
14. Marques, Rui. (2024). Logical Spaces and Subjunctive Tenses. *Languages, 9*(11), 334. https://doi.org/ 10.3390 languages9110334
15. Toliyeva, Sh.I. (2025). The Issue of Classification of Linguistic Expertise. In: *Proceedings of International Conference Innovations in Science and Education System* (pp. 288–291). Dehli. https://eijmr.org/conferences/
16. Kalpana, Sundaram Sai. (1982). *Verb-Nominal Categories in the System of the Russian language in comparison with Tamil* [PhD Thesis]. Moscow: RUDN University publ. (In Russ.).
17. Valentinova, O., Denisenko, V., & Rybakov, M. (2021). Russian Verb Categories of Aspect and Degree of Duration Systemic Analyses. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS* (pp. 404–412). London. (In Russ.). https://doi.org/10.15405/epsbs
18. Valentinova, O.I., Rybakov, M.A., & Ekshembeeva, L.V. (2023). Determinant Grammar of the Russian Language as an Academic Grammar of a New Type. *Russian Language Studies*, *21*(2), 228–241. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2618-8163-2023-21-2-228-241 EDN: VLIEIB
19. Valentinova, O.I., & Rybakov, M.A. (2021). Logic of Determinant Analysis of Agglutinative and Inflectional Languages (part two). *Polylinguality and Transcultural Practices*, *18*(3), 234–244. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-3-234-244 EDN: BZPPCT

Сведения об авторе:

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков Института цифровых технологий и экономики, Казанский государственный энергетический университет (420066, Российская Федерация, г. Казань, ул. Красносельская, д. 51); *сфера научных интересов*: темпоральность, эвиденциальность, аспектуальность, полиситуативность, квантификация, системы временных форм, сопоставительная грамматика; *e-mail:* gflutfullina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1572-5314, SPIN-код: 9879-1962, AuthorID: 688897.

Information about the author:

Gulnara F. Lutfullina, Dr.Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Institute of Digital Technologies and Economics, Kazan State Power Engineering University (51 Krasnoselskaya Str., Kazan, Russian Federation, 420066); *Research interests:* temporality, evidentiality, aspectuality, polysituational, quantification, systems of tense forms, comparative grammar; *e-mail:* gflutfullina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1572-5314, SPIN-code: 9879-1962, AuthorID: 688897.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 266–280
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-266-280
EDN: IPFBXZ

Research Article / Научная статья

Analysis of the Educational Form of Academic Style Based on School Physics Textbooks

Anna A. Romanenko, Christina P. Zhikulina ✉, Mikhail A. Rybakov, Igor P. Vasilyuk

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉ zhikulina-kp@rund.ru

Abstract. The evolution of the variety of scientific style in educational literature is examined using the material of Russian school textbooks on physics of the 19th–21st centuries. The object of the study is the linguistic features of physics textbooks by Nikolay T. Shcheglov (1834), Constantine D. Kraevich (1880), and the author's team led by Alexander V. Peryshkin (1960) and Lev E. Gendenstein (2012). In the context of modern digital reality, the analysis expands to include texts generated by neural networks (ChatGPT, Gemini, Alice), which have become a new source of information for students. The relevance of the research is determined by the need to study the dynamics of functional styles under the influence of sociocultural and educational transformations. The aim is to determine the vector of change in the scientific style, based on Russian educational and academic literature from different eras. Within the framework of this study, style is understood as the principle and method of selecting linguistic material. The novelty lies in the comparative linguistic analysis of educational texts separated by historical periods, which allows identifying trends in the development of scientific style. The results of the research show a steady trend towards a decrease in terminological saturation, reduction of the volume of educational material and explanations of rules in modern texts of textbooks. It is also possible to note the penetration of features of publicistic, conversational and official styles in a modern textbook, which loses the key characteristics of the scientific styles, unlike physics textbooks of the XIX–XXI centuries. The analysis of the text of neural networks shows us a logical continuation of the trend: scientific-spontaneous style with high degree of simplification, metaphorically and further reduction in terminological density.

Key words: functionals styles of language, terminology, educational literature, school textbook, neural network, artificial intelligence

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interest.

Financing. The publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 050225-0-000 "Multimedia dictionary of specialized vocabulary".

© Romanenko A.A., Zhikulina Ch.P., Rybakov M.A., Vasilyuk I.P., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Article history: received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025

For citation: Romanenko, A.A., Zhikulina, Ch.P., Rybakov, M.A., & Vasilyuk, I.P. (2026). Analysis of the Educational Form of Academic Style Based on School Physics Textbooks. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 266–280. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-266-280 EDN IPFBXZ

Анализ учебной разновидности научного стиля на материале школьных учебников по физике

А.А. Романенко, К.П. Жикулина ✉, М.А. Рыбаков, И.П. Василюк

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ zhikulina-kp@rund.ru

Аннотация. Эволюция разновидности научного стиля в учебной литературе рассмотрена на материале российских школьных учебников по физике XIX–XXI вв. Объект исследования — языковые особенности учебников по физике Н.Т. Щеглова (1834), К.Д. Краевича (1880), авторского коллектива под руководством А.В. Пёрышкина (1960) и Л.Э. Генденштейна (2012). В контексте современной цифровой реальности анализ расширяется до рассмотрения текстов, генерируемых нейронными сетями (такими как ChatGPT, Gemini, «Алиса»), которые становятся новым источником информации для школьников. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения функциональных стилей под влиянием социокультурных и учебно-педагогических трансформаций. Цель исследования — установить вектор изменения научного стиля, опираясь на российскую учебно-научную литературу различных эпох. В рамках данного исследования под стилемпонимается принцип и метод выборки языкового материала. Новизна заключается в сравнительном лингвистическом анализе учебных текстов, разделенных историческими периодами, что позволяет выявить тенденции развития научного стиля. Результаты исследования демонстрируют устойчивую тенденцию к снижению терминологической насыщенности, сокращению объема учебного материала и объяснений правил в современных текстах учебных пособий. Также можно отметить проникновение черт публицистического, разговорного и официально-делового стилей в современный учебник, который, в отличие от учебников по физике XIX и XX вв., утрачивает ключевые характеристики научного стиля. Анализ текстов нейросетей показывает, что они являются логическим продолжением данной тенденции: их ответам свойственен гибридный научно-разговорный стиль с высокой степенью упрощения, метафоричности и дальнейшим снижением терминологической плотности.

Ключевые слова: функциональные стили языка, терминология, учебная литература, школьный учебник, нейронные сети, искусственный интеллект

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке НИР № 050225-0-000 «Мультимодальный словарь специальной лексики», выполняемую на базе кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, РУДН».

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Romanenko A.A.*, *Zhikulina Ch.P.*, *Rybakov M.A., Vasilyuk I.P.* Analysis of the Educational Form of Academic Style Based on School Physics Textbooks // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 266–280. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-266-280 EDN IPFBXZ

Introduction

The school physics textbook presents unique material for observing the transformation of the canonical structure of the scientific style in modern realities. Combining scientific precision with pedagogical accessibility is one of the primary tasks of school textbook. However, maintaining a balance between it is not a constant phenomenon [1. P. 42–45]. How was the language of science changed over the past century and a half century? Which features of the scientific style are being lost, and which are being acquired through the evolution of school educational program, language and society? This study proposes to examine the problem through the lens of historical linguistics.

The subject of research is the formal features of the scientific style, the degree of manifestation of objectivity, logicality, informativeness, factual accuracy, and the dynamics of terminological density in texts.

The aim is to determine the vector of change in the scientific style, based on Russian educational and academic literature from different eras. Within the framework of this study, *style* is understood as the principle and method of selecting linguistic material.

M.N. Kozhina defines a functional type of speech, or a functional variety of language, as a (1) «общественно осознанная речевая разновидность, обладающая специфическим характером (своей речевой системностью), сложившимся в результате реализации особых принципов отбора и сочетания языковых средств», это разновидность, соответствующая той или иной социально значимой сфере общения и деятельности, соотносительной с определенной формой сознания, — наука, искусство, право и т.д.» ‘socially recognized speech variety, possessing a specific character (its own speech system), formed as a result of the implementation of special principles for the selection and combination of linguistic means’[1]. In Russian linguistics, the problem of functional language varieties has been considered in the research of M.M. Bakhtin [2. P. 237–280], V.V. Vinogradov [3; 4], V.G. Kostomarov [5. P. 16–32], O.B. Sirotinina[2], and others.

Modern scholarship identifies five functional styles: scientific (objectivity, logically, informativeness, and factual accuracy), official (imperativeness,

[1] Kozhina, M.N. (2006). Functional style (functional variety of language, functional type of speech). In*: Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* (pp. 581–583). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.). P. 60–87.

[2] Sirotinina, O.B. (2006). Colloquial style. Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka (pp. 319–321). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.). P. 319–321.

precision, absence of emotionally charged lexicon), public (evaluative nature, emotionality, logically, exhortation), literary (imagery, emotionality, use of expressive means, and colloquial (emotionality, expressiveness, informality) [6; 7].

All functional styles exist in a state of unstable equilibrium. Features of any functional style can be found in a text belonging to any type. The relationship between functional styles in texts changes depending on shifts in public consciousness. Russian scholar has notably drawn attention on this, for instance, O.I. Valentinova in "The bureaucratization of society — the bureaucratization of language" [8. P. 63—65], and T.A. Milekhina in the conference report "Oral business speech: dynamics of renewal and development trends (Business meeting in 2012 and 2023)" [9. P. 139—140].

Practical significance lies in the fact that the conclusions of the research can be applied in the teaching of the Russian language, stylistics, and communication theory to demonstrate the evolution of the scientific style. The findings can also serve as methodological recommendations for authors of school physics textbooks, aimed at preserving a balance between traditional methods: accessibility of presentation and scientific rigor.

Methodology and Research Materials

The following methods were employed in the study: *a comparative method* to contrast the terminology and stylistic features of the textbook under examination; *linguistic* and *qualitative* analysis to identify stylistic peculiarities, analyze sentences, and investigate the use of conjunctions; *stylistic analysis* to determine the dominant functional styles in school physics textbooks from different historical periods; *contrastive analysis* to examine the evolution of the terminological apparatus.

The research material comprised school physics textbook: (1) N.T. Shcheglov "Foundational principles of physics" (the first edition — 1834) — publishing during the reign of Nicholas I; (2) K.D. Kraevich "Physics textbook: a course for secondary educational institutions" (the seventh edition — 1880) — published during the reign of Alexander II; (3) A.V. Peryshkin, E.Y. Minchenkov, V.V. Krauklis "Physics: textbook for the 6th grade of secondary school" (the second edition from 1960) — published in the USSR; (4) L.E. Gendenstein, A.B. Kaydalov "Physics: textbook for the 7th grade in two parts" (the third edition — 2012) — published in modern Russia.

Additionally, a comparison with texts generated in a scientific style by popular neural networks, or large language models, is used: ChatGPT-4.5 (2025)[3], Gemini 1.5 Pro ('Google') (2025),[4] YandexGPT-5.1 Pro ('Yandex') (2025)[5].

[3] ChatGPT-4.5. URL: https://openai.com/index/introducing-gpt-4-5/ (accessed: 10.06.2025).
[4] Gemini 1.5 Pro. URL: https://gemini.google.com/?hl=ru (accessed: 17.09.2025).
[5] YandexGPT-5.1 Pro. URL: https://ya.ru/ai/gpt?ysclid=mhnayd05to265630578 (accessed: 15.09.2025).

Discussion and Results of theSstudy

On the Target Audience of the Selected Textbooks

These educational texts were intended for middle and high school students. In the 19th century, children were admitted to educational institutions such as district schools, also known as the schools of the country (*uezdnye uchilishcha*), parish schools (*prikhodskie uchilishcha*), and gymnasiums at the age of 10–11 years old. However, according to the «Charter for Gymnasiums, District and Parish Schools» published in 1828, physics was taught in the parish schools only. The objectives of gymnasium education were following: «to prepare students for university studies and to provide them with the means for a proper upbringing» (Figure 1).

Гл. IV.—*О Гимназіяхъ.*

§ 134. Уурежденіе Губернскихъ Гимназій имѣетъ цѣль двоякую: доставить способы приличнаго по званію ихъ воспитанія тѣмъ изъ молодыхъ людей, кои не намѣрены, или не могутъ продолжать ученіе въ Университетахъ; а готовящихся вступить въ оные, снабдить необходимыми для сего предварительными знаніями.

§ 143. Курсъ ученія въ Губернскихъ Гимназіяхъ раздѣляется на 7 классовъ; для каждаго назначается по одному году.

§ 144. Въ оныхъ преподаются: 1) Законъ Божій, Священная и Церковная Исторія. 2) Россійская Грамматика, Словесность и Логика. 3) Языки: Латинскій, Нѣмецкій и Французскій. 4) Математика до коническихъ сѣченій включительно. 5) Географія и Статистика. 6) Исторія. 7) Физика. 8) Чистописаніе, Черченіе и Рисованіе.

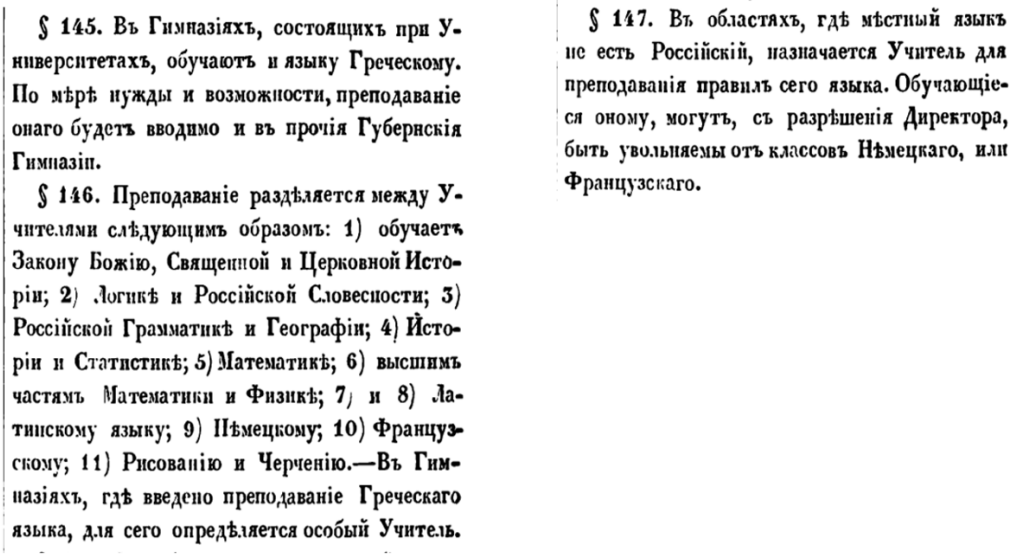
Figure 1. The charter of the gymnasiums and schools of the county and parish, which are in the department of the universities of St. Petersburg, Moscow, Kazan and Kharkov, 1828
Source: Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. Vol. 2. The reign of Emperor Nicholas I. 1825—1855. Department one. 1825–1839. Saint Petersburg: Type. The Russian Academy of Sciences, 1864. P. 176–177.

The gymnasium program spanned seven years. In accordance with the aforementioned “Charter for Gymnasiums, District and Parish Schools”, the curriculum comprised a variety of subjects (Figure 2).

The study of physics typically started in the 6th grade of the gymnasium and continued for two years. Therefore, the senior grades, for which N.T. Shcheglov’s textbook “Foundational principles of physics” (1834) was recommended, consisted of adolescents aged 16–17 (Figure 3).

In 1871, a new charter for educational institutions was ratified. According to the new charter, the duration of gymnasium education was extended from seven to eight years. That time the curriculum of the eight-year gymnasium included Divinity, Russian with Church Slavonic and Literature, Fundamentals of Logic, Latin and Greek, Mathematics, Mathematical Geography, German, French, and Penmanship as well. Physics was likewise taught in the senior grades; consequently,

the «Physics textbook: a course for secondary educational institutions» by K.D. Kraevich was written for young people aged 16–18.

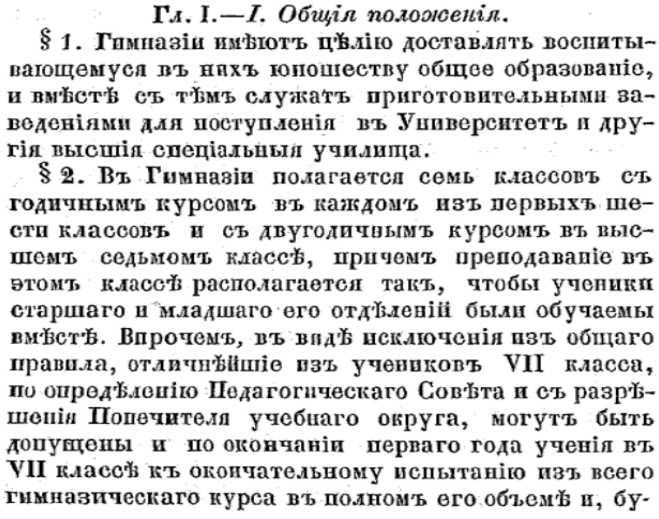
§ 145. Въ Гимназіяхъ, состоящихъ при Университетахъ, обучаютъ и языку Греческому. По мѣрѣ нужды и возможности, преподаваніе онаго будетъ вводимо и въ прочія Губернскія Гимназіи.

§ 146. Преподаваніе раздѣляется между Учителями слѣдующимъ образомъ: 1) обучаетъ Закону Божію, Священной и Церковной Исторіи; 2) Логикѣ и Россійской Словесности; 3) Россійской Грамматикѣ и Географіи; 4) Исторіи и Статистикѣ; 5) Математикѣ; 6) высшимъ частямъ Математики и Физикѣ; 7) и 8) Латинскому языку; 9) Нѣмецкому; 10) Французскому; 11) Рисованію и Черченію.—Въ Гимназіяхъ, гдѣ введено преподаваніе Греческаго языка, для сего опредѣляется особый Учитель.

§ 147. Въ областяхъ, гдѣ мѣстный языкъ не есть Россійскій, назначается Учитель для преподаванія правилъ сего языка. Обучающіеся оному, могутъ, съ разрѣшенія Директора, быть увольняемы отъ классовъ Нѣмецкаго, или Французскаго.

Figure 2. The charter of the gymnasiums and schools of the county and parish, which are in the department of the universities of St. Petersburg, Moscow, Kazan and Kharkov, 1828

Source: Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. Vol. 2. The reign of Emperor Nicholas I. 1825–1855. Department one. 1825–1839. Saint Petersburg: Type. The Russian Academy of Sciences, 1864. P. 178.

Гл. I.—*I. Общія положенія.*

§ 1. Гимназіи имѣютъ цѣлію доставлять воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ приготовительными заведеніями для поступленія въ Университетъ и другія высшія спеціальныя училища.

§ 2. Въ Гимназіи полагается семь классовъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ изъ первыхъ шести классовъ и съ двугодичнымъ курсомъ въ высшемъ седьмомъ классѣ, причемъ преподаваніе въ этомъ классѣ располагается такъ, чтобы ученики старшаго и младшаго его отдѣленій были обучаемы вмѣстѣ. Впрочемъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, отличнѣйшіе изъ учениковъ VII класса, по опредѣленію Педагогическаго Совѣта и съ разрѣшенія Попечителя учебнаго округа, могутъ быть допущены и по окончаніи перваго года ученія въ VII классѣ къ окончательному испытанію изъ всего гимназическаго курса въ полномъ его объемѣ и, бу-

Figure 3. The charter of gymnasiums and progymnasiums of the Ministry of Public Education 1871

Source: Collection of resolutions on the Ministry of Public Education. Vol. 5. The reign of Emperor Alexander II. 1871—1873. Saint Petersburg: Type. V. S. Balashev, 1877. P. 431.

In the USSR, children were enrolled in school at age of seven, where they completed a ten-year program. The study of physics started in the sixth grade; this led us to the conclusion that the target audience of "Physics: textbook for the 6th grade of secondary school" by A.V. Peryshkin, E.Y. Minchenkov, V.V. Krauklis consisted of 12–13-years-old adolescents.

In the modern Russian school system pupils begin their educational process, which spans eleven years, at the age of six or seven. The teaching of physics typically starts in the 7th grade, although it may be introduced a year earlier in gymnasiums and lyceums. Thus, the target audience for the «Physics: textbook for the 7th grade in two parts» by L.E. Gendenstein, A.B. Kaydalov consists of students from 12 to 14 years old.

On the formal characteristics of the scientific style found in the selected textbooks fragments

Here are four main formal characteristics of the scientific style: objectivity, logicality, informativeness and factual accuracy (Table 1).

Table 1. **Characteristics of the scientific style**

Characteristic	Explanation
Objectivity	Presenting the object as it exists, independently of the subject; an impartial presentation of information
Logicality	A sequential, consistent, well-reasoned presentation of information
Informativeness	Saturation of the presentation with a sufficient amount of information about the object
Factual Accuracy	Correct presentation of facts about the object: providing information that does not contradict reality, avoiding understatements and exaggerations

Source: compiled by Anna A. Romanenko.

We found in all selected fragments commonly used, general vocabulary. However, the total number and the usage of scientific terms in these texts was different. For instance, in the textbook by N.T. Shcheglov, the analyzed preface fragment introduces students to fundamental concepts of physics and contains eight scientific terms, such as *matter*, *substance*, *physical body*, *forces*, *phenomena*, *properties of bodies*, *physical world*, *nature.*

The introduction to K.D. Kraevich's textbook informs students about inventions which, according to the author's point of view, significantly influence the development of scientific research methods and practical applications. It contains ten scientific terms, such as *law, Gram magnetoelectric machine, Gram dynamoelectric machine*, *gas liquefaction*, *Regnault device*, *Stehrer magnetoelectric machine*, *Forteny barometer.*

The school physics textbook written by A.V. Peryshkin, E.Y. Minchenkov, V.V. Krauklis, does not have a separately preface or an introduction part. However, its first chapter, much like the introduction in N.T. Shcheglov's textbook,

familiarizes students with the fundamental concepts of physics. This fragment contains ten scientific terms: *physical body*, *body, substance*, *physical phenomena*, *movement of bodies*, *sound phenomena*, *thermal phenomena*, *electrical phenomena*, *magnetic phenomena*, *light phenomena.*

In contrast to the three previous textbooks, the preface in the modern textbook does not present any information on the essence of the subject being studied, nor does it contain any details regarding to the fundamental concepts of physics. We couldn't identify a single scientific term in this text fragment. Authors preferred to use neutral vocabulary, formal collocations and business vocabulary, such as: *second-generation standard*, *requirements of the standard*, *two tiers of subject's study — basic and advances*, *corresponds to the basic level.* This preface discusses the textbook's compliance with the requirements set by the school administration or other higher authorities (Table 2).

Table 2. **Terms used in introduction part**

Parts of textbooks (Introduction)	Terminology	Total number of terms
N.T. Shcheglov "The initial foundations of physics" (1834)	matter, substance, physical body, forces, phenomena, properties of bodies, physical world, nature	8
K.D. Kraevich "Textbook of physics. The course of secondary educational institutions" (1880)	law, Gram magnetoelectric machine, Gram dynamoelectric machine, mercury pump, Mendeleev barometer, gas expansion coefficient, gas liquefaction, Regnault device, Stehrer magnetoelectric machine, Forteny barometer	10
A.V. Peryshkin, E.Ya. Minchenkov, V.V. Krauklis, G.K. Karpinsky "Physics. Textbook for the 6th grade of secondary school" (1960)	physical body, body, substance, physical phenomena, movement of bodies, sound phenomena, thermal phenomena, electrical phenomena, magnetic phenomena, light phenomena	10
L.E. Gendenstein, A.B. Kaidalov "Physics. Textbook for 7th grade in two parts" (2012)	Terms related to the branches of physics have not been found	0

Source: compiled by Anna A. Romanenko

In the fragment from chapters related to the topic "Substances and Bodies" across all analyzed textbooks, neutral lexicon is likewise employed; however, the quantity of terms differs substantially. For instance, whereas the fragment from the Shcheglov's textbook contains twenty-two terms, the corresponding fragment from the modern textbook contains only five terms. What can be clearly seen is the dominance of common vocabulary and a decrease in terminological saturation in the modern scientific text (Table 3).

As it is clearly seen from the table, the terms **body** and **substance** are used in all texts, that is logically related to the main topic "Bodies and Substances". Terms

such as **liquid, gas, gaseous state,** and **solid body** are often used in all textbook fragments except the modern one, as the modern textbook provides no information on the states of bodies or the properties of their constituent substances.

Table 3. **Terms used in chapters, related to the topic «Substances and Bodies»**

Parts from textbooks	Terminology	Total number of terms
N.T. Shcheglov "The initial foundations of physics" (1834)	substance, body, weighed matters, non-weighed substances, heat, light, electricity, solid body, gaseous body, drop-liquid body, internal forces, external forces, extension, impermeability, borehole, divisibility, formalism, self-efficacy, moveability, expandability, elasticity, mutual attraction	22
K.D. Kraevich "Textbook of physics. The course of secondary educational institutions" (1880)	substance, matter, body, visible world, simple bodies, elements, physical body, natural body, solid, hardness, movable, body condition, liquid, fluidity, gaseous state, gas, volume, pneumatic machine	18
A.V. Peryshkin, E.Ya. Minchenkov, V.V. Krauklis, G.K. Karpinsky "Physics. Textbook for the 6th grade of secondary school" (1960)	solid, body, liquid, volume, gaseous substance, gas, state of substance, property of substance, solid state, liquid state, gaseous state, casting	12
L.E. Gendenstein, A.B. Kaidalov "Physics. Textbook for 7th grade in two parts" (2012)	physical body, body, substance, mechanical phenomena, interaction	5

Source: compiled by Anna A. Romanenko

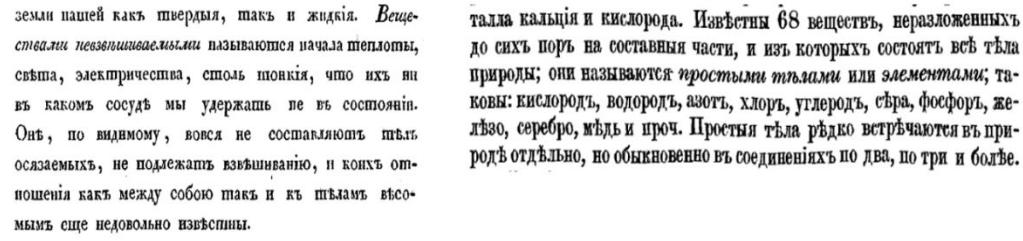
However, the remaining terminology used in the 19th-century textbooks differs from that of the mid-20th century and the modern period. Among the obsolete of semantically altered terms, we could identify the following lexical units: *самонедейственность* 'self-inactivity', *скважность* 'porosity', *капельно-жидкое тело* 'drop-liquid body', *естественное тело* 'natural body', *удободвижимый* 'easily movable', *взвешивание материи* 'weighable matter' and *ожижение* 'liquefaction'.

In terms of terminological density, the 19th-century textbooks are nearly equal. In contrast, the use of terminology is highly limited in the modern textbook. The Soviet textbook occupies an intermediate position.

This discrepancy can be explained by the fact that the 19th-century textbooks provide the most detailed exposition of one of the initial topics in the physics course, whereas the information in the modern textbook is presented very concisely, briefly. The students' age must also be taken into consideration: the textbooks by N.T. Shcheglov and A.K. Kraevich were intended for an elder audience, a feature linked to the structure of the educational system in the Russian Empire, whereas the textbooks published in the USSR and modern Russia were written and modified for middle school students.

The analyzed fragments of school physics textbooks exhibit a high level of objectivity

By focusing on the properties of the described substances, N.T. Shcheglov and K.D. Kraevich consciously avoid the use of evaluative language. Furthermore, they explicitly acknowledge that certain substances and their properties, at the time of the textbook's compilation, might not have been fully studied — a formulation absent from both Soviet and contemporary school physics textbooks. In contrast, the authors of the latter present scientific facts as definitive, omitting any indication for the student that research methodologies are subject to ongoing development and refinement (Figure 4).

земли нашей какъ твердыя, такъ и жидкія. *Веществами невзвѣшиваемыми* называются начала теплоты, свѣта, электричества, столь тонкія, что ихъ ни въ какомъ сосудѣ мы удержать не въ состояніи. Онѣ, по видимому, вовсе не составляютъ тѣлъ осязаемыхъ, не подлежатъ взвѣшиванію, и конхъ отношенія какъ между собою такъ и къ тѣламъ вѣсомымъ еще недовольно извѣстны.

талла кальція и кислорода. Извѣстны 68 веществъ, неразложенныхъ до сихъ поръ на составныя части, и изъ которыхъ состоятъ всѣ тѣла природы; они называются *простыми тѣлами* или *элементами*; таковы: кислородъ, водородъ, азотъ, хлоръ, углеродъ, сѣра, фосфоръ, желѣзо, серебро, мѣдь и проч. Простыя тѣла рѣдко встрѣчаются въ природѣ отдѣльно, но обыкновенно въ соединеніяхъ по два, по три и болѣе.

Figure 4. Parts from school physics textbooks.
Source: N.T. Shcheglov "Foundational principles of physics". Saint Petersburg. Typ. H. Ginze, 1834; Textbook of physics: course of secondary educational institutions: with many political aspects in the text and lithographed tables / comp. K. Krajevich. 10th ed., revision and supplement. Saint Petersburg: V. Bezobrazov's Type and Comp., 1889. P. 3.

Assessing the level of evaluative language in the excerpt from the modern school physics textbook is challenging, as the material is presented concisely, using simple, common vocabulary and a limited number of scientific terms. Logically and coherence in the presentation of material are observed in only two of the four analyzed textbook excerpts: namely, those by N.T. Shcheglov and K.D. Kraevich. In these school physics textbooks, the authors introduce several concepts and then proceed to elaborate on each one sequentially, following the order of its introduction. The exposition consistently moves from the general to the specific.

A.V. Peryshkin, E.Y. Minchenkov, V.V. Krauklis, and G.K. Karpinsky adhere to the expository method — from the general to specific. They first list the states of matter in nature and then provide a characterization for each state. In contrast, the authors of the modern school physics textbook deviate from this described expository principle. As noted previously, L.E. Gendenstein and A.B. Kaidalov present the material briefly, direct students to other sections of the textbook for additional information on the topic, and, without first explaining the properties and types of bodies and substances, proceed directly to a discussion of how these bodies interact.

Neural Network Assistants as a New Source of Knowledge

The analysis of the evolution of the language of Russian school textbooks and other school subjects should be considered in the context of modern realities, where digital assistants and large language models (LLM) became a source of information for students. It means that neural networks are forming a new channel of communication between the scientific knowledge and the student. Unlike the static text of school textbook, neural networks present interactive and dynamic responses to user requests, adjusted to the context [10].

From a terminological perspective, the responses of neural networks to physics questions exhibit a hybrid character. Its simultaneously engage with scientific terminology embedded within training corpora — which includes canonical textbooks — while demonstrating a marked preference for conversational and public discourse styles. This stylistic inclination aligns neural networks more closely with the approach of modern educational materials, such as the textbooks of L.E. Gendenstein. Furthermore, driven by an impetus toward the visualization and annotation of content, LLM frequently demonstrate a tendency to reduce terminological density and effacing of canonical features of the traditional scientistic style [11]. Traditional models classify text genres by identifying common patterns in vocabulary, meaning, grammar and discourse [12].

Consequently, neural network assistants exemplify and amplify a broader trend in educational materials: a shift from an objective, logically structured, and terminologically dense exposition toward a more simplified, hybrid style. The following examples of AI-generated text illustrate this shift.

Example 1

Request to ChatGPT: (1) *Объясни, что такое электрический ток?*

Response of ChatGPT: (2) *Представь себе реку. Вода в ней течет потому, что есть уклон. Электрический ток — это тоже своего рода река, только течет в ней не вода, а крошечные заряженные частицы — электроны. Они бегут по проводнику, например, по медному проводу, когда мы подключаем его к батарейке…* ‘Imagine a river. The water in it flows because there is a slope. An **electric current** is also a kind of river, but what flows in it is not water, but tiny **charged particles** — **electrons**. It runs along a **conductor**, for example, a copper wire, when we connect it to a battery’[6].

While scientific terms such as *electric current*, *charges particles*, *electrons* and *conductor* are present, it is embedded within a domestic analogy (e.g., *river, slope*). This framing blurs the boundaries of a strict terminological field. In a conversational style, such analogies have served as auxiliary illustrative tools, but it is not typically positioned as the foundational basis of an explanation. The text’s objectivity is further diminished by its reliance on metaphorical expressions. Although a logical sequence is present, it lacks rigor; notably, the introduction of a

[6] ChatGPT-4.5. URL: https://openai.com/index/introducing-gpt-4-5/ (accessed: 10.06.2025).

concept should be followed by its formal definition, a convention not observed in generated text.

Example 2

Request to Gemini ('Google'): (3) *Сформулируй второй закон Ньютона.*

Response of Gemini ('Google'): (4) *Второй закон Ньютона — это фундаментальный принцип, который буквально управляет движением в нашей Вселенной. Если просто, то он говорит вот что: ускорение тела прямо пропорционально силе, которая на него действует, и обратно пропорционально его массе. Проще говоря, чтобы сильнее разогнать объект, нужно сильнее толкнуть…* 'Newton's second law is a fundamental principle that literally governs motion in our universe. **Simply put**, it **states that** the acceleration of an object is directly proportional to the net force acting on it and inversely proportional to its mass. In other words, to accelerate an object more, you need to push it harder…'[7].

The contextual framing diverges from canonical scientific writing. The text incorporates features of a public style, such as the phrase *буквально управляет движением в нашей Вселенной* 'literary drives the movement in our universe', which creates an effect of heightened significance. A twofold simplification is evident: first, using colloquial vocabulary and phrasing (e.g., *говорит вот что* 'it states that'); second, through explicit metacommentary like *если просто* 'simply put', which signals a conscious departure from a rigorous scientific register toward a popular-science style. Consequently, objectivity is compromised by inclusion of emotional and evaluative expressions. The traditional scientific style typically avoids such epithets in its exposition, making the mode of presentation distinctly different from the established canonical texts.

Example 3

Request to Alice ('Yandex'): (5) *Почему небо голубого цвета, с физической точки зрения?*

Respond of Alice ('Yandex'): (6) Солнечный свет, который кажется нам белым, на самом деле состоит из лучей разного цвета, как радуга. *Проходя через атмосферу, этот свет сталкивается с молекулами воздуха. И вот тут самый важный момент: голубые и синие лучи рассеиваются сильнее всего, потому что у них короткая длина волны…* 'Sunlight, which appears white to us, it composed of rays of different colors, like a rainbow. As it passes through the atmosphere, this light collides with air molecules. And here is the most important point: blue and indigo rays are scattered the most because it has a short wavelength…'[8].

While key scientific terms are present (e.g. *солнечный свет* — 'sunlight', *атмосфера* — 'atmosphere', *молекулы воздуха* — 'air molecules', *длина волны* — 'wavelength', etc.), it is not presented as formal definitions. The text

[7] Gemini 1.5 Pro. URL: https://gemini.google.com/?hl=ru (accessed: 17.09.2025).

[8] YandexGPT-5.1 Pro. URL: https://ya.ru/ai/gpt?ysclid=mhnayd05to265630578 (accessed: 15.09.2025).

further incorporates lexical items and syntactic structures characteristics of colloquial register, as seen in phrase such as, *И вот тут самый важный момент* — 'here is the most important point'. This approach diminishes objectivity using evaluative and emotionally charged constructs. Although the presentation follows a logically and inquiry-based structure — moving from general principles to specific instances — it represents a simplified form of exposition that diverges from the expected rigor of the scientific style.

Conclusions

Thus, it can be established that 19th-century school physics textbooks (e.g., N.T. Shcheglov "Foundational principles of physics" (1834) and K.D. Kraevich "Physics textbook: a course for secondary educational institutions" (1880)) most fully conform to the criteria of the scientific style. The Soviet-era school physics textbooks "Physics for the 6th grade of secondary school" (1960) by A.V. Peryshkin, E.V. Minchenkov, V.V. Krauklis, and G.K. Karpinsky exhibits features if publicistic and colloquial styles, yet it remains a didactic variety of scientific literature. In contrast, the contemporary school physics textbook "Physics for the 7th grade in two parts" (2012) by L.E. Gendenshtein and A.B. Kaydalov cannot be characterized as scientific.

The responses generated by LLM have a hybrid style — a scientific-colloquial or *neuro-popular* register. Its primary aim is not merely to inform within the framework of scientific discourse, but to provide an interactive explanation, borrowing features of live communication, such as one might experience with a tutor. This presents a logical continuation of the evolution if the didactic style towards greater accessibility.

References / Список литературы

1. Gelfman, E.G. (2012). Analysis of Problem Texts in School Physics Textbooks. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 119(4), 42–45. (In Russ.). EDN: OXLDFN
2. Bakhtin, M.M. (1979). The Problem of Speech Genres. In: *Estetika tvorchestva. Iskusstvo* (pp. 237—280), Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
3. Vinogradov, V.V. (1955). Results of the Discussion on Stylistics Issues. *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 60–87. (In Russ.).
4. Vinogradov, V.V. (1961). Russian Speech, Its Study and Questions of Speech Culture. *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 3–19. (In Russ.).
5. Kostomarov, V.G. (1967). Stylistic «mixing» in the Language of Newspapers. *Voprosy kul'tury rechi*, Moscow: Nauka, 16–32. (In Russ.). EDN: TZYTVL
6. Koroleva, T.A. (2023). On the Concept of «Functional Style» in Modern Linguistics. *Fundamental and Applied Research: Problems and Results*, 5, 91–97. (In Russ.).
7. Vinokur, T.G. (1968). On the Study of Functional Styles of the Russian Language of the Soviet Era. In: T.G. Vinokur & D.N. Shmelev (eds.), Razvitie funktsional'nykh stiley sovremennogo russkogo yazyka (pp. 3–12). Moscow: Nauka (In Russ.).
8. Valentinova, O.I. (2010). The Bureaucratization of Society — The Bureaucratization of Language. *Russian Speech*, 6, 63–65. (In Russ.). EDN: NOGMNB
9. Milyokhina, T.A. (2024). Oral Business Speech: Dynamics of Updating Trends and Development (business meeting in 2012 and 2023). Abstracts of the reports of the VII

International Conference «Culture of Russian Speech», Grotovsky readings. Institute of Russian Language. V.V. Vinogradova RAS, Moscow, 5–7 march 2024, (pp. 139–140). Moscow. (In Russ.).
10. Zhao, Z. et al. (2024). Recommender Systems in the Era of Large Language Models (llms). *IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering*, *36*(11), 6889–6907. https://doi.org/10.48550/erXiv.2307.02046
11. Brian, S. (2025). *What are Lexical Density and Lexical Diversity?* ReadabilityFormulas.com. URL: https://readabilityformulas.com/what-are-lexical-density-and-lexical-diversity (accessed: 15.05.2025).
12. Solnyshkina, M.I., Shoeva, G.N., & Kosova, K.O. (2024). Towards a Taxonomy of Textbooks as a Genre: The Case of Russian Textbooks. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *15*(3), 872–894. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-872-894 EDN: IICRRK

Библиографический список

1. *Гельфман Э.Г.* Анализ текстов заданий школьных учебников физики // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 4(119). С. 42–45. EDN: OXLDFN
2. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика творчества. М. : Искусство, 1979. С. 237–280.
3. *Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
4. *Виноградов В.В.* Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // Вопросы языкознания. 1961. № 4. С. 3–19.
5. *Костомаров В.Г.* Стилистические «смешения» в языке газеты // Вопросы культуры речи. М. : Наука, 1967. С. 16–32. EDN: TZYTVL
6. *Валентинова О.И.* Бюрократизация общества — бюрократизация языка // Русская речь. 2010. № 6. С. 63–65. EDN: NOGMNB
7. *Королева Т.А.* О понятии «Функциональный стиль» в современной лингвистике // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2023. № 5. С. 91—97.
8. *Винокур Т.Г.* Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи // Развитие функциональных стилей современного русского языка / под ред. Т.Г. Винокур, Д.Н. Шмелева. М. : Наука, 1968. С. 3–12.
9. *Милёхина Т.А.* Устная деловая речь: динамика обновления тенденции и развития (деловое совещание в 2012 и 2023 году) // Тезисы докладов VII Международной конференции «Культура русской речи», Гротовские чтения (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, 5–7 марта 2024). М., 2024. С. 139–140.
10. *Zhao Z.* et al. Recommender systems in the era of large language models (llms) // IEEE Transactions on Knowledge and Data Engineering. 2024. Т. 36. №. 11. P. 6889–6907. https://doi.org/10.48550/erXiv.2307.02046
11. *Brian S.* What are Lexical Density and Lexical Diversity? 2025. ReadabilityFormulas.com. Режим доступа: https://readabilityformulas.com/what-are-lexical-density-and-lexical-diversity (дата обращения: 15.05.2025).
12. *Solnyshkina M.I., Shoeva G.N., Kosova K.O*. Towards a Taxonomy of Textbooks as a Genre: the Case of Russian Textbooks // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 872–894. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-3-872-894 EDN: IICRRK

Information about the authors:

Anna A. Romanenko, PhD student at the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: semantics, philosophy of science, history of linguistics, modern Russian language, artificial intelligence; *e-mail*: 1142240188@rudn.ru

Christina P. Zhikulina, PhD in Philology, Assistant of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: artificial intelligence, cognitive science, voice assistance, neural networks, modern Russian language; *e-mail*: zhikulina-kp@rund.ru
ORCID: 0000-0003-2488-4616; SPIN-code: 5871-9336, Scopus Author ID: 59236754500.

Mikhail A. Rybakov, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: grammatical semantics, history of linguistics, linguistic typology, semiotics; *e-mail*: rybakov-ma@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9444-3889; Scopus Author ID: 57200527717; ResearcherID: D-6900-2019. SPIN-code: 6890-7000, AuthorID: 424382.

Igor P. Vasilyuk, PhD in Philology, PhD in Technical Sciences, Rector's Office Advisor, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: history of linguistics, linguistic typology, linguoculturology; *e-mail*: vasiliuk_ip@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-2858-7822; Scopus ID: 57203865460; SPIN-code: 5024-6126; AuthorID: 286130.

Сведения об авторах:

Романенко Анна Андреевна, аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: семантика, философия науки, история языкознания, современный русский язык, искусственный интеллект; *e-mail*: 1142240188@rudn.ru

Жикулина Кристина Петровна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: искусственный интеллект, когнитивистика, голосовые помощники, нейронные сети, современный русский язык; *e-mail*: zhikulina-kp@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-2488-4616; SPIN-код: 5871-9336, Scopus Author ID: 59236754500.

Рыбаков Михаил Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: грамматическая семантика, история языкознания, лингвистическая типология, семиотика*; e-mail*: rybakov-ma@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-9444-3889; Scopus Author ID: 57200527717; ResearcherID: D-6900-2019. SPIN-код: 6890-7000, AuthorID: 424382.

Василюк Игорь Петрович, кандидат филологических наук, кандидат технических наук, советник при ректорате Российского университета дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: история языкознания, лингвистическая типология, лингвокультурология; *e-mail:* vasiliuk_ip@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-2858-7822; Scopus ID: 57203865460; SPIN-код: 5024-6126; AuthorID: 286130.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 281–302
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DISCOURSES STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-281-302
EDN: IWLWTU

Research Article / Научная статья

Populist Discourse versus Democratic Appeals: An Analysis of the Rhetorical Strategies of Trump and Harris

Habibullah Pathan[1] ✉, **Oksana I. Aleksandrova**[2]

[1]Sohar University, *Sohar, Sultanate of Oman*
[1]RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉ hpathan@su.edu.om

Abstract. Language plays a powerful role in shaping public opinion. The purpose of this research is to examine the influence of Donald Trump and Kamala Harris during the 2024 U.S. presidential election campaign, with a specific focus on their impact on indecisive voters in swing states. It aims to reveal the dynamics of how populist discourse and strategy communication can shape voter perceptions and decisions in high-stakes elections. This research strategy was a mixed-method approach combining qualitative thematic analysis with quantitative evaluations. Speeches were collected from YouTube then, transcribed by using the software Note-GPT, to find out the patterns in discourse, followed by thematic coding to do the exact textural analysis. Rhetorical approaches vary significantly, according to the result strategies. Trump's populist narrative leverages nationalism, economic revival, and border security, often couched with an "Us versus them" ideology that was designed to exploit the social divides and incite voter worries. Appealing to voters' frustrations and worries, his emotionally charged direct tone effectively galvanized support. In contrast, Harris centered on an optimistic and inclusive tone about the principles of democracy in her speech, delivered with hope aimed at fostering unity and motivating them to take action as a collective power. The study highlights the breakthrough of new evidence that different rhetorical approaches influence voter engagement, in different ways. Harris aimed to bridge the divisions and champion collective democratic ideals, while Trump's strategy stressed divisiveness, polarization, and urgency. These findings highlight the importance of tailored messaging in influencing voter behavior, public opinion, and electoral outcomes. With its *valuable* implications for future campaign tactics, this study provides a systematic insight into the interplay between rhetoric, emotional appeal, and strategic voter involvement.

© Pathan H., Aleksandrova O.I., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Keywords: agenda setting theory, political communication, undecided voters, democratic appeals, nationalism, salience of issue, electoral campaigns

Authors' contribution: The authors contributed equally to this article and preparation of the article text**.**

Conflict of interests: The authors stated that there were no conflicts of interest.

Funding: This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 050751-0-000.

Article history: received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Pathan, H.*,* & Aleksandrova, O.I. (2026). Populist Discourse versus Democratic Appeals: An Analysis of the Rhetorical Strategies of Trump and Harris*. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 17(1), 281–302. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-281-302 EDN IWLWTU

Популистский политический дискурс vs демократические призывы: анализ риторических стратегий Д. Трампа и К. Харрис

Хабибулла Патхан[1], О.И. Александрова[2]

[1]Сохарский университет, *Сухар*, *Султанат Оман*
[2]Российский университет дружбы народов, *Москва*, *Российская Федерация*
✉ hpathan@su.edu.om

Аннотация. Язык играет важную роль в формировании общественного мнения. Цель данного исследования — проанализировать речи Дональда Трампа и Камала Харрис во время президентской избирательной кампании в США 2024 г. и их воздействие на нерешительных избирателей в ключевых штатах; выявить динамику того, как популистский политический дискурс и коммуникативные стратегий могут формировать представления о ресурсах и решениях, принимаемых в ходе выборов. В качестве исследовательской стратегии использовался смешанный метод, сочетающий качественный тематический анализ с количественными оценками. Речи кандидатов были проанализированы и собраны на портале YouTube, затем расшифрованы с помощью программного обеспечения Note-GPT для выявления закономерностей в дискурсе, после чего было проведено тематическое кодирование для точного текстового анализа. Риторические подходы значительно различаются в зависимости от используемых стратегий. Популистская риторика Трампа использует национализм, экономическое возрождение и безопасность границ, часто облекая это в идеологию «мы против них», призванную эксплуатировать социальные разногласия и разжигать опасения избирателей. Обращаясь к разочарованиям и тревогам избирателей, его эмоционально заряженный прямой тон эффективно мобилизовал поддержку. В отличие от него, Харрис в своей речи сосредоточилась на оптимистичном и инклюзивном тоне, посвященном принципам демократии, с надеждой на укрепление единства, и мотивацию к действиям как коллективной силы. Исследование подчеркивает прорыв в обнаружении новых доказательств того, что различные риторические подходы по-разному влияют на вовлеченность избирателей. Харрис стремилась преодолеть разногласия и отстаивать коллективные демократические идеалы, в то время как стратегия Трампа делала упор на разобщенность, поляризацию и срочность. Эти выводы подчеркивают важность целенаправленной коммуникации в воздействии на поведение избирателей, общественное мнение и результаты выборов. Имея полезные последствия для будущих избирательных кампаний, это исследование предоставляет систематическое понимание

взаимодействия между риторикой, эмоциональным призывом и стратегическим вовлечением избирателей.

Ключевые слова: теория формирования повестки дня, политическая коммуникация, неопределившиеся избиратели, демократические призывы, национализм, актуальность проблемы, избирательные кампании

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта № 050751-0-000 Системы грантовой поддержки РУДН.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Pathan H.*, *Aleksandrova O.I.* Populist Discourse versus Democratic Appeals: an Analysis of the Rhetorical Strategies of Trump and Harris // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 281–302. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-281-302 EDN IWLWTU

Introduction

In democratic elections, language plays a powerful role in shaping public opinion and it also influences voter behavior. Rhetoric plays a crucial role in influencing the Undecided voters who are influencers in determining the outcomes of the elections. Politicians use a variety of rhetorical methods carefully to design their speeches to persuade motivate, and inform the audience, while they also employ a great rhetorical strategy to address the issues of the electorate at large as well as to appeal to their larger cultural and ideological beliefs. In today's political debate, populist language is the most popular and powerful instrument. Rhetoric emphasizes a division between ordinary people and the elite ones that are being perceived to act and betray their misguided priorities. It uses the issues of economic injustice, often also highlighting the grievances, the cultural identity, and the national pride to speak to voters on an emotional level, by presenting themselves as the politicians, who appeal to the masses, by portraying as the saviors of everyday, common, and ordinary people, using these stories to create a sense of solidarity with their audience, in their pursuit of providing answers to their complex problems.

A prototypical populist in the United States, Donald Trump,[1] is a defining figure. He utilized his speech and approach effectively during his presidential campaign, especially in the strike areas where the support was uncertain and unpredictable. He uses rhetoric capitalizing on themes such as people's anxieties about immigration, their economic downturn, and political disenchantment, to win over those who were still to resonate with the undecided voters. Among the swing and undecided voters who are essential in deciding the results it has played a pivotal role in persuading them.

[1] Trump, D.J. (2020). *Speech at Energy Independence Rally*. Retrieved from [official campaign archives or publication]; Trump, D. J. (2020). *Speech on Immigration and Border Policy*. Retrieved from [official campaign archives or publication].

In contemporary political discourse, populist rhetoric serves as a significant pedagogical tool by highlighting the gulf between the public and the elite groups who are perceived to act against the people's interest. Economic injustice, cultural identity, and national pride are all emotions that are sparked by the sentimental conversation of politics. By portraying themselves as a champion of ordinary citizens they also employ narratives to foster the connection between their constituents and to cultivate a sense of solidarity behind their easy-to-implement policies and ideas. Nuanced issues in the master of American Populism, Donald Trump skillfully used his tactic throughout his presidential campaigns, especially in swing states where issues like economic decline, immigration, and political dissatisfaction were prevalent.

In democratic processes, language plays a crucial instrument role that influences public opinion, decision-making, and the creation of alternatives that connect with a certain audience within the democratic processes. The political use of populist rhetoric, especially the tactics that are used by Donald Trump, to sway the undecided voters in swing states, was very prominent in his electoral campaigns.

In the United States the battleground areas among voters are highly unpredictable that leads to the unexpected election results which are already hotly fought within populist rhetoric, often producing surprising outcomes. These states often have heterogeneous populations with diverse social and cultural backgrounds. Indecisive voters may find public announcements that provide essential information about the experiences and aims which are crucial in public decision-making. Donald Trump's speeches in the 2016 and 2020 campaigns demonstrate his ability to address the populace's rhetoric of public concerns regarding economic stability, immigration and perceived government inefficiency. By offering a comprehensive and thorough examination, this research contributes to the literature and populist rhetoric. By investigating the relation to undecided voters in competitive states, this study also integrates a mixed-methods approach, combining qualitative and quantitative analysis, to understand how populist language has been used in recent political campaigns.

The results highlight the importance of emotional resilience, the prominence of concerns, and identity-based appeals in shaping voter-related behavior. The research highlights the broader implications of public discourse for democratic participation. The study provides valuable insights into the dual nature of populist, offering benefits for communication professionals and scholars in political science and linguistics.

In recent years, populist groups have surged particularly in Europe. Populist movements not only question the model of liberal democracy but also possess significant potential for political polarization. It is imperative to thoroughly investigate the factors that contribute to their growth. The academic community now widely agrees that research on populism should focus not only on political actors but also on communication methodology, especially in relation to the mass media [1–3]. The mass media serve as a crucial intermediary between politics and

its people. It provides the public with information, while influencing the condition of competition reporting on populist party communication, this media coverage may constitute tangible endorsement for these parties as it. Since this coverage provides them with a national stage from which they can spread populist stances and gain recognition and legitimacy [4]. Against this backdrop, it is assumed that the media provide a notably conductive atmosphere for covering populist actors and messages because of a close link between population and news worthiness.

The notion of swing states is crucial for understanding the impact of rhetorical strategies on electoral outcomes. Characterized by their political heterogeneity and close electoral margins, swing states are the focus of significant campaign attention. Undecided voters in these regions are particularly susceptible to persuasive rhetoric as they contend with a wide range of personal, economic and social concerns. Trump used populist language to transform voter displeasure into support, capitalizing on their discontent with the status quo. For Harris, democratic appeals to address voter concerns were a strategy that sought to allay voter fears while simultaneously encouraging optimism and resiliency. Examining these contrasting methods delivers valued visions into the subtleties of political message and electoral behavior.

Research Questions:

1. How did Donald Trump and Kamala Harris[2] use populist rhetoric to tackle significant voter apprehensions in key states throughout their individual campaigns?

2. What rhetorical methods based on populist speech were more successful in influencing undecided voters in swing states for Donald Trump and Kamala Harris?

3. How does the populist rhetoric used by Donald Trump and Kamala Harris vary regarding emotional appeal, issue framing, and voter involvement in swing states?

Significance of Research:

The research offers critical insights into the role of political communication in shaping voter behavior, particularly among the indecisive voters in competitive states. Comparing Donald Trump's populist rhetoric with Kamala Harris's democratic appeals elucidates, how divergent rhetorical approaches affect voter perceptions. This research contributes to the field of political communication and the study of linguistic influence on public opinion and voter mobilization. The study enhances political communication and provides practical applications for strategies aiming to craft effective messaging understanding of how rhetoric in democratic participation can lead to escalating division.

[2] Harris, K. (2020). *Address at Democratic National Convention*. Retrieved from official campaign archives or publication; Harris, K. (2020). *Victory Speech: The Fight for Freedom*. Retrieved from official campaign archives or publication.

Literature Review

For these swing states, the most important matters that shall determine the outcome of the 2024 U.S. Presidential Election include immigration and reproductive rights and border security-which are really pivotal issues in determining voters' choices. And to swing states like Arizona, candidates Donald Trump and Kamala Harris are battling hard to win over undecided voters and Electoral College seats. Arizona once was a largely Republican region but became Democratic in 2020. This region is still a battleground because of its demographic makeup and an immigration issue[3].

Kamala Harris advocates comprehensive immigration reform, including initiatives like bolstering border security through high-tech detection technology, increasing the number of border officers, and providing an earned road to citizenship for illegal immigrants. She also emphasizes the necessity of family and employment-based visas to enhance the integration of immigrants into the U.S. economy. On the other hand, Donald Trump's immigration policy is much more stringent. His approach includes the removal of undocumented immigrants, deployment of troops along the border, and reinstatement of policies like "Remain in Mexico," which sends asylum applicants to spend their duration awaiting in Mexico until their cases are resolved. Immigration policy agendas of Trump mirror the overarching rhetoric that claims immigration translates to higher costs in terms of shelter, health, and education[4]. The divergent immigration strategies of the two candidates underline larger national debates over the economic and social implications of immigration, as both candidates try to calibrate their policies to the concerns of swing-state voters.

The 2016 U.S. presidential election was a pivotal moment in political discourse, with Donald Trump's campaign utilizing populist language as a crucial strategic tool for engaging voters, particularly in contested regions. His rhetoric defined by a direct and even contentious appeal to "the people" versus "the elite", became a defining feature of his political identity. This research further explores the role of populist language in Trump's ability to sway undecided voters in key states, drawing on studies from political psychology communication, and electoral behavior. The research examines critically how populist rhetoric resonates with certain voter groups and demographics the factors that amplify its appeal and the media's involvement in disseminating such language.

Populism is a political philosophy that delineates a dichotomy between "the people" and "the elite" often casting the former as virtuous, the latter as corrupt or out of touch with needs of the common folk [3]. Populist rhetoric is categorized by its clarity, emotional appeal, and directness often framing complex issues in a way

[3] According to CBS News, a poll conducted in May 2024 demonstrated that a large percentage of citizens in Arizona saw issues with immigration/border security as top concerns, and 52% reported recent immigration from Mexico has made life worse[3] (Al Jazeera, May 2024. URL: https://www.aljazeera.com/ (accessed: 12.03.2025)).

[4] Al Jazeera, May 2024. URL: https://www.aljazeera.com/ (accessed: 12.03.2025).

that is accessible to the broad audience. According to [5] populism is inherently performative, reliant on symbolic language that resonates with individuals' perceived anxieties. In the case of Donald Trump, his speeches often featured anti-establishment rhetoric perceptions of media bias and an emphasis on restoring power to ordinary Americans.

Trump's use of populist rhetoric is often seen as a crucial component in his appeal to disaffected voters. His messages were tailored to resonate with working-class people who felt left behind by economic globalization political elites and shifting social standards [6]. According to [7], populist rhetoric can successfully create a sense of political crisis by rallying those who feel alienated from the political process and offering them a candidate who promises "to take their country back."

The importance of undecided voters in the battleground areas has been a critical focus in electoral studies. As these voters are often the decisive factors in tight elections, in the 2016 elections, swing states including Pennsylvania, Michigan, Wisconsin, and Ohio were crucial to Trump's win. According to [8], uncertain voters are generally characterized by political ambiguity, a lack of clear political ideology, or dissatisfaction with their status. These voters are often perceived as vulnerable to persuasive messages especially when such messaging aligns with their perceived complaints or fears.

Trump's appeal to indecisive voters in key areas may be understood through the lens of the "outsider" candidate strategy. According to [9], outsider candidates like Trump benefit from their perceived ability to confront the political system, portraying themselves as advocates for the "common man" against the elite. His rhetoric, which framed the election as a war between the people's will and the corrupt system, struck a chord with those dissatisfied with the mainstream politicians.

H. Arendt posits that populist movements often emerge during periods of social turmoil, when people see that their cultural or economic status is being undermined by elites or external forces [10]. Psychological studies indicate that populist rhetoric appeals suggest to those experiencing economic insecurity or cultural threat. Trump's campaign leveraged these feelings by framing issues like immigration trade and unemployment as existential threats to the American way of life. This discourse often invokes a the sense of collective identity that has been shown to active emotional responses in voters who see themselves as marginalized with the political system.

Moreover, populist rhetoric frequently resonates with the concept of system justification theory [11] which suggests that individuals perceiving threats from social or economic transformations will endeavor to re-establish the sense of order by supporting candidates who promise to return society to its former state. Trump's focus on making America great again resonated with voters, who felt that America's culture and economic fabric were being distorted especially in battleground areas that are being affected by the industrialization and economic collapse that results in

widespread job losses. By framing the election as a choice between the revival of American greatness and preservation of the existing system, Trump's populist language successfully activated the anxieties of undecided voters, increasing their propensity to support his campaign.

G. Mazzoleni asserts that the media is crucial in propagating populist messages both by framing political discourse, in ways that highlight the dichotomy between "the people" and "the elite" and by providing a forum for populist candidates to engage with large audiences. The media's role in amplifying populist discourse has been a central focus of political communication [4].

A. Krouwel et al. assert that populist rhetoric may affect voting behavior by increasing political polarization, reinforcing in group identities, and galvanizing disenchanted voters [12]. Trump's populist rhetoric not only galvanized his supporters but also influenced undecided voters by presenting a clear and compelling alternative to the political establishment.

Populist language has been shown to engender a perception of political crisis, increase feelings of urgency and fear. E. Laclau observes that populism often flourishes via the establishment of "an enemy" which may include political elite, immigrants, or global institutions [5]. In case of Trump, his rhetoric frequently targeted immigrants, seeing them as a threat to American employment and culture.

C. Mudde categorizes this populism's fundamental assumption as a worldview that they dichotomizes society into "the people" versus "the elite" — framing strategy that Donald Trump utilized extensively throughout his campaign [3]. This populist discourse was important to Trump's appeal for indecisive voters particularly in swing states where many voters felt eliminated by the political establishment. Trump's use of nationalist language highlighting an "America first" agenda directly addressed issues related to globalization, job security, and national identity J.E. Oliver et al. [13] and R. Inglehart and P. Norris [14].

D.A. Fridkin and P.J. Kenney [15] state that the people concerned about their own economic position respond to simple straightforward articulation of what they want. Populism in Trump's practice allowed him to connect with such supporters because it that promotes a straightforward and simple manner of communication. For this reason, Trump's statements — such as "America first," "We will keep jobs in America," and "America will win again" [7] — resonated with voters facing economic troubles. A single aspect of this particular populism is the ability allowing to understand how... and why Trump managed to win over the unfilled portion of the area tally polls.

Trump's media relations were also instrumental for Trump in a way that they extended his populist statements and encouraged undecided voters. Trump used social media, because it helped him avoid traditional media participants and speak directly to voters, which played into his anti-establishment message [16].

The populist discourse of Trump was strategically aimed at logical and undecided voters prevailing in the swing states. According to research conducted by N. Gidron and B. Bonikowski [17], it is perhaps the most crucial states for this kind of message, which advocates populism and economic nationalism because of

the complexity of their economies. There is evidence that populist language improves voters' mobilization efforts as well as turnout, and more so in the case of polarized elections.

As M. Rooduijn cites [18], disengaged voters are the raw number for every change fanatical populism and this will bring politically, energy due to the relief of anticipated experiences. This is similar with Trump's in 2016 that he has an audience who when not only galvanised his followers but also drew in the undecided, especially in economically violent and competitive battleground regions.

Populism, while effective in garnering voters, is criticized for reducing details and increasing polarization. P. Taggart notes the danger of populism where the rhetoric translates complex political issues as 'pro' or 'anti', which may lead some segments of voters to be marginalized and further widen the gap in society [19]. This argument becomes stronger when exploring Trump who was accustomed to populism that used quite abusive language creating a dichotomy of 'us and them' of his supporters and the political elite, particularly in matters of immigration. This form of polarization is counterintuitive and even more so in the course of a highly charged political race, an effect that could occur in the event where voters feel slighted or attacked by such language. This is more so when it comes to the election held in 2020 in which the pandemic and the BLM movement only led to an increase in aggression in politics. The studies in the current paper provide a good foundation needed to understand the role of populist engaged discourse in the behavior of uncertain voters especially in swing states. Trump, the first American President of the 21st century, can owe part of his recognition in the twists of 2016 and 2020 elections due to his use of populism geared towards the economic and the cultural concerns of the people. However, a gap still exists regarding how particular elements of populist language such as emotionality and ease of expression cope with undecided voters in particular spatial contexts. Further studies should focus on the specific mechanisms of populist communication's impact on undecided voters, stressing the role of media and social media in amplifying this type of populism.

Existing literature also notes that although populist discourse may achieve success in mobilizing certain segments of voters, there are also difficulties for the populist such as widening certain social gaps and eliciting backlash. Understanding these mechanisms will be important for future studies of populism as it's a political tool in electioneering today, especially in terms of the intense competition expected in key states.

Research Gap

Existing research of populist discourse in isolation neglects comparisons with alternative approaches like democratic arguments. Research on the impact of these divergent strategies influence undecided voters, especially in key states, is scarce. Moreover, most of the research neglects the localized concerns of these regions and interaction between populist and democratic discourse. This research examines the techniques of Trump and Harris's speech strategies within the same electoral

context providing a detailed knowledge of voter behavior and dynamics of political communication.

Research Methodology

This research takes a **mix-method approach** combining the qualitative and quantitative content analysis to explore the role of **Agenda Setting Theory** elements in Kamala Harris concession speech and Donald Trump's speeches. The recent research draws on the principles of agenda setting theory as a framework. This study analyzes Trump and Harris for their emphasis on democratic ideals, equality, resilience and call to action. By combining these methods, the study aims to capture both the depth and frequency of important rhetorical themes in the speech by integrating various approaches.

With the help of pertinent media criticism, the study revolves Kamala Harris and Donald Trump's whole concession speech that they gave in their presidential campaigns. Phrases, sentences and paragraphs used as analyzable units to enable the exact thematic categorization of the transcribed speech and associated information. These units but then examine to identify the polarization of key issues in line with agenda setting theory to assess the units and determine the importance and reasoning of important concerns. **Transcripts of speeches** with supplementary commentary snippets for context and interpretation make up the main data set. The speech was transcribed using the **note GPT software** capturing all of the linguistic subtleties the content was subsequently segmented into smaller sections to follow for in-depth theme analysis.

The coding analysis was conducted on speech using the framework of agenda setting theory focuses on predefined categories such as:

1. **Issues of Salience:** Drawing attention to important democratic concerns
2. **Voter Concerns**: Tackle the motivating or emotive parts
3. **Tone:** Analyzing positive and negative rhetorical elements

Sub-codes, such as **SI-Democracy** and **VC-Empowerment**, were used to capture nuanced themes. The speech first divided into the matrix segments to ensure the independent analysis of each segment to facilitate the separate examination of each section. The speech was structured according to the determined themes. The data were grouped in **Microsoft Excel** for clarity also used to calculate the frequency and theme pattern visualization were also done in Excel.

To ensure the **credibility of the analysis** several measures were taken a single researcher performed the coding manually. However, the Framework was tested on a subset of data to find definitions and to improve coded reliability, codes were aligned with agenda setting theory to capture salient and publicly recognized topics, ensuring that they are radically valid. **Transparency** was maintained by documenting all coding decisions and allowing other researchers to replicate and validate our findings.

Some **limitations** are recognized in this research. Manual coding may introduce research bias; however, it is less and when a systematic approach is used

in addition. The research is limited to a few speeches. Further studies could benefit from analyzing multiple speeches to offer a comprehensive understanding. Using agenda setting theory as a Framework, this critical approach allowed into substance and frequency of topics in Harris and Trump's speeches illuminating their rhetorical methods.

Analysis & Discussion

Table 1. **The Role of Populist Language in Swaying Undecided Voters in Swing States**

Code	Frequency	Proportion, %	Code	Frequency	Proportion, %
T+, CA-Unity	17	21.25	Si-Border, SI-Immigration	1	1.25
T+, VC-Promotional	15	18.75	T. El-Resources	1	1.25
VC-Nationalist, T+	5	6.25	El-Resources, T-	1	1.25
VC-Promotional, T+	5	6.25	EI-Resources	1	1.25
T- VC-Criticism	4	5.00	SI-Identity, T-	1	1.25
SI-Border, VC-Nationalist	2	2.50	SI-Police, T-	1	1.25
VC-Nationalist	2	2.50	T-, SI-Absorption	1	1.25
SI-Security, T+	2	2.50	SI-Judiciary, T-	1	1.25
SI-Immigration, T-	2	2.50	SI-Abortion, T-	1	1.25
T- SI-Democracy	2	2.50	SI-Abortion, T+	1	1.25
VC-Battleground	1	1.25	SI-Federalism, T+	1	1.25
VC-Promotional	1	1.25	EI-Healthcare, VC-promotional	1	1.25
Et-Governance	1	1.25	T-, CA-Contrast	1	1.25
CA-Unity	1	1.25	VC-Criticism	1	1.25
CA-Unity, T	1	1.25	T+, SI-Security	1	1.25
El-Economy, T+	1	1.25	SI-Governance, T-	1	1.25
SI-Police, VC-Nationalist	1	1.25			

Source: compiled by Habibullah Pathan.

The predominant codes are **T+, CA-Unity (21.25%) and T+, VC-Promotional (18.75%)** (see Table 1), indicating a strong focus on unity and promotional content in the examined text. The analysis of the frequency and proportion of thematic codes in the document uncovers essential insights into the rhetorical and narrative priorities of the text. The persistent occurrence of **VC-Nationalist, T+ (6.25%)** highlights an emphasis on nationalism intertwined with promotional rhetoric. These codes embody an aspirational vision of advancement, especially through the framing of achievements as historic and

unparalleled. By emphasizing, the document appeals to audiences desiring a sense of belonging and purpose.

Conversely, negative codes such as **T-, VC-Criticism (5%), and T-, SI-Democracy (2.5%), and EI-Resources, T+ (1.25%),** indicate specific policy priorities.

Overall, the document employs a combination of affirmative promotion of nationalist unity and other strategies that are being used to build up an inclusive yet aspirational narrative in this paper. Currently, the movement's position against this strategy critiques this strategy to validate the stance against dissent. The distribution of codes demonstrates a conscious balance between expressing optimism and tackling perceived difficulties that lead to a captivating and multifaceted narrative. During his campaign addresses Donald Trump demonstrated the strategic use of populist rhetoric design to swing voters in swing states. Populist discourse is often based on direct emotions and grounded in nationalist sentiments. This discourse shows how Trump's speech emphasized his approach to discussing major issues appealing to people's sentiments. And it is establishing a shared identity to analyze how his speech highlighted the most distinctive concerns.

An examination of rhetorical tactics, especially in relation to the salience isseue, and voter alignment, and emotional resonance sheds light on the impact of populist language on Donald Trump's ability to persuade hesitant voters in swing states. A fundamental component of his method of communication is the most populist language defined by direct appeals to ordinary people versus the elite.

Emphasizing salient issues:

Trump's speeches routinely emphasized economic and social concerns with high relevance to swing states. His emphasis on "*fixing borders*" and "*bringing jobs back*" *designated* (SI-Border and EI-Jobs) clearly responded to the issues that are prominent in the states like Pennsylvania and Wisconsin, which have significant working class populations and demographics. His allusions to *"liquid gold"* (oil and gas reserves) emphasized the economic potential of resource abundance (EI- Resources), resonating with areas reliant on energy sectors.

Through the consistent emphasis on the themes such as make "America great again" and "*we are going to fix everything about our country*", Trump established himself as a problem solver, aligning his rhetoric with concerns of undecided voters, matching his discourse with the apprehensions of indecisive voters in need of tangible remedies. A fundamental aspect of Trump's discourse was his ability to concentrate on the themes that resonated most with the battleground state states. In areas like Pennsylvania and Wisconsin, where manufacturing and energy sectors are crucial, Trump's emphasis on economic recovery and job creation was particularly effective. The codes SI-Border, VC-Nationalist (2.5%), and EI-Resources (1.25%) exemplify this emphasis. For instance, use of *"liquid gold"* (oil and gas reserves) and the assurance of energy independence emphasized the region's economic significance with the statements and assertions such as

"we possess more liquid gold oil and gas than any nation globally, more than Saudi Arabia more than Russia" (EI- Resources). Besides economic concerns Trump addresses immigration as a subject that often provokes intense sentiments in battleground areas. His promise *"To seal those borders while allowing people to come into our country legally"* (SI-borders) appealed to those who saw border security as a crucial issue. This close match with voter concerns allowed him to frame complex issues in simple, approachable language, making his proposals comprehensible to undecided voters.

Moreover, by celebrating the victories in battleground areas like North Carolina and Pennsylvania Trump carefully underlined the significance of these regions stating *"we have won the battleground states and this will allow us to make America great again"* (VC-Battleground). This persistent focus on pivotal states not only validated the significance of their voters, but also cultivated a feeling of pride and confidence among them.

Voter Alignment and Nationalist Appeals:

An important element of Trump's populist discourse was his ability to align his vision with the values and concerns of various voter demographics. His recurrent allusions to "*winning battleground states*" like North Carolina, Georgia, and Pennsylvania (VC- Battleground) revealed his strategic targeting of undecided voters in these critical regions. By recognizing the "Heart and Soul of this movement", he created a sense of collective identification and strength among his followers (CA-Unity). Nationalism significantly influenced Trump's speech, shown by the prevalence of VC-Nationalist, T+ (6.25%) and VC-Promotional, T+ (6.25%). Moreover, Trump's rhetorical focus on American exceptionalism, encapsulated in phrases like "Golden Age of America" and "Unprecedented Mandate", communicated hope and pride. This convergence with nationalistic beliefs resonated deeply in battleground states where voters want a leader who advocates for American values and economic revitalization.

A key characteristic of Trump's populist rhetoric theory was its resonance to nationalism and collective identity. Trump's emphasis on togetherness was also significant. The predominant code, T+, CA-Unity (21.25%), highlighted his efforts to cultivate a cohesive identity among his followers. He frequently evoked the idea of reinstating America's grandeur, linking his campaigns with ambition and desires of his audience. Statements such as, *"This is the most important job in the world, and I will govern by a simple motto: Promises made, Promises kept"* (VC-Promotional, T+) emphasized his commitment to people and reinforced the impression that his leadership was a mission for national betterment.

Inclusivity became another critical element of Trump's messages, despite his polarizing reputation, his speeches often emphasized unity among diverse voter groups. He characterized his coalition as including *"Young and old, men and women, rural and urban,,,uniting citizens of all backgrounds around a common core"* (VC-Nationalist, T+). By portraying his movement as inclusive

representative, Trump hoped to engage hesitant voters from many groups who sought a unifying figure.

Emotional and Aspirational Tone:

A hallmark of Trump's speeches was their emotional impact accomplished via both affirmative and adverse framing. Positive codes like **T+** were prevalent, contributing **to 21.25%** of the total, while negative codes like **T- and VC-Criticism (5%)** offered contrast. Statements such as "*This is the most important job in the world and it will govern by a simple Moto,* "Promises made promises kept", projected confidence and reliability among them. These aspirational messages resonated with uncertain voters by offering a picture of individual and communal achievement. Conversely, Trump's criticism of adversaries and external threats utilized and "**Us versus them**" narrative. For example, his unfavorable portrayal of immigration policy shown in SI-immigration **T+ (2.5%)** depicted migrants as a societal strain, foe example, with Statements like *"Crime here is up and through the roof".* The term migrant crime polarized audiences but resonated with people who saw immigration as a danger to economic and social stability. This dichotomy of ambitious and aggressive speech effectively mobilized undecided voters by portraying Trump as both a guardian and a visionary.

Mobilization through calls to action:

Trump's speeches often included explicit invitations to action, encouraging people to reclaim authority over destinies. Codes like **VC-Promotional and T+ (6.25%)** exemplified his capacity to galvanize collaborative efforts. His assertion will forever be remembered as the day the American populace reclaimed authority over their nation, invigorated voters by framing their participation as transformative. This rhetorical strategy not only motivated the undecided voters but also established them as an essential to the movement's success. The recognition of the voter donations further strengthens their connection. Statements like *"The millions of diligent Americans have been the heart and soul of this movement"* **(T+ CA-Unity)** validated the supporters' efforts and cultivated loyalty by fostering cultivating Camaraderie and a collective objective, Trump effectively mobilized his audience to act resolutely in his favor.

Contrasts and the "Us versus them" negative dichotomy account:

Populist discourse often uses contrast to depict contrast depict or frame opponents as threats to the common good, Trump skillfully used this tactic as reflected in codes T-, VC-criticism (5%), and SI-Democracy 2.5%. His attacks on policy changes exemplified by his statement such as "Everything she believed three years ago is out the window, painted his opponents as inconsistent and opportunistic". By presenting himself as a resolute leader, Trump attracted those desiring sincerity and conviction. This discourse included his deliberations on government and security codes like SI-Governance, T-, and SI-Security, T+, highlighted his ability to address the national challenges, while admonishing the perceived shortcomings of his adversaries. These contrasts reinforced his reputation as a resolute leader, capable of restoring order and prosperity.

Examination of frequency and proportion:

The frequency and percentage of codes indicate Trump's strategic focal points **T+, CA-Unity (21.25%), and T+, VC-Promotional (18.75%)** dominate, highlighting focus on cohesion and positivity. These codes demonstrate his capacity to cultivate loyalty and inside action via affirmative framing. In contrast, negative codes like **T-, VC-Criticism (5%) and T-, SI-Democracy (2.5%),** exemplify his competitive approach to addressing opposition and in dealing with external challenges. Infrequently used Codes, such as **SI-border VC-nationalist (2.5%),** voter apprehensions appeal to specific voter concerns such as border security and energy Independence. These targeted communications enhance the overarching themes of nationalism and collective identity reinforcing Trump's alignment with the concerns of swing states.

In conclusion, Donald Trump's populist rhetoric significantly influenced undecided voters in swing states by addressing their immediate concerns, cultivating emotional connection, and establishing a sense of collective purpose. By concentrating on these prominent problems, such as job creation, immigration and resource management Trump connected with voters on a personal level, with the Americans. His inspirational speech and strategic distinction from opponents enhanced his appeal. The frequency analysis reveals between positive promotion and critical contrast, enabling Trump to successfully inspire and organize people by blending nationalism, unity, and emotional engagement. These findings align with prior multimodal corpus analyses, which underscore the power of language to shape audience engagement and meaning across diverse communicative contexts [20]. Trump's populist discourse not only struck a chord with undecided voters, but also enfranchised them as active contributors to his vision for America's future. This multi-dimensional approach proved instrumental in securing his influence in the key states.

Kamala Harris's Speech Analysis:

Table 2. **Frequency Count and Proportion of Codes**

Code	Frequency	Proportion, %
T+ (Positive Tone)	22	29.73
CA-Unity	7	9.46
CA-Action	6	8.11
CA-Inspiration	3	4.05
CA-Gratitude	1	1.35
SI-Democracy	6	8.11
SI-Constitution	4	5.41
SI-Rights	4	5.41
SI-Security	1	1.35
VC-Promotional	16	21.62
VC-Empowerment	4	5.41
Total	**74**	**100.00**

Source: compiled by Habibullah Pathan.

So, this study indicates that **positive tone T+**, predominates Kamala Harris's concession speech accounting for approximately **30%** of the coded components, highlighting her strategic focus on optimism and hope notable. Secondary themes like promotional appeals, **VC-promotional and Unity, CA-Unity** and its course motivating the rhetoric and calls for collective solidarity constituting **21.62%** and **9.46%** respectively. The speech also reflects her dedication to democratic ideals and equality with such as democracy, **SI-Democracy and Human Rights SI-Rights** together accounting for more than **13%** of the topic while gratitude and security are minor themes. Their inclusion supports the overriding objective of bolstering democratic integrity and social welfare. Overall, the speech effectively balances inspiration, solidarity, and resilience positioning her capitulation as a catalyst for ongoing growth and public involvement.

Kamala Harris's concession speech illustrates the intentional use **of Agenda Setting Theory** in political communication. Harris adeptly highlights the themes of democracy, resilience, equality, and collaborative action. Harris effectively frames publicly discourse, and posits a shared vision shared vision for the future, the use of exotic appeals and motivational rhetoric insurance that these ideas profoundly connect with her audience, fostering hope, unity, and ongoing participation. This method emphasizes her values but also illustrates the influence of language in shaping society's goals and maintaining civic engagement throughout the difficult periods.

Frequency analysis and quantitative insights:

The frequency analysis of courses that are used in Kamala Harris speeches offers according to insides into the themes that she emphasized most, principal conclusions from frequency analysis;

1. Predominant Code: T+ (Affirmative Tone)

- The positive tone appears 22 times, representing 29.73% of total codes.
- This underscores the significance of hope, resilience, and unity in Harris's rhetoric, especially in addressing the emotional impact of her election setback.

2. Secondary themes:

- **VC-Promotional (21.62%):** Harris's recurrent motivational appeals characterized by an exhortation for presidency and hope reflect her focus on posting communal resilience.
- **CA-Unity (9.46%)** and **SI-Democracy (8.1%):** These codes illustrate her emphasis on unity and democratic values in shaping public objectives.

3. Lesser emphasis:

Codes such as CA-Gratitude (1.35%) and SI-Security (1.35%) are in frequently indicate that while present, these things are subordinate to the overarching objectives of fostering of action and democratic trust the predominance of positive terminal and Advertising material reflects Harris's efforts to maintain morale among her supporters. Her unwavering emphasis on unity and democratic ideals demonstrates her intention to position these as central components in public debate compatible with the Agenda-Setting Framework.

Salience of Issue:

Enhancing fundamental democratic values, Harris promotes democratic integrity and constitutional government especially in recognizing the peaceful transition of power. Harris argues that accepting the election results is essential to American democracy, Harris positions democratic values as the cornerstone of her message and posturing confidence in institutions. *"Our allegiance is to the Constitution of the United States not to a president or to a political party"* **(SI-Constitution, T+).** She underscores the impartial role of constitutional principles in governance separating democracy from partisan affiliations. These topics comprising (13.52%) of total codes align with agenda setting theory of democracy and trust institutions during a politically turbulent era.

Framing Resilience and Hope:

Harris employs affirmative and positive tone to foster resilience and optimism with motivational appeals constituting a significant element of her address. *"The fight for our freedom will take a hard work.... but it is always worth it"* **(VC-promotional, T+).** This presents obstacles as surmountable through collective effort appalling to perseverance. *"Only when it is dark enough can you see the stars...let us fill the sky with the light of optimism and faith"* **(VC-Promotional, T+).** Through metaphorical imagery, Harris frames hardship as a catalyst for progress. The combined percentage of 51.35% for positive tone and advertising Appeals reflects a strategic focus on emotional salience cultivating an environment of optimism and determination this alliance with agenda setting theory of focusing public attention on Collective determination and Forward Thinking action.

Advocacy for equality and rights:

Equality and justice are central themes in Harris' addresses underscoring society'e advancement, as a collective goal. *"We will never give up the fight for freedom, opportunity, fairness, and dignity for all people"* **(SI-Rights, T+).** Harris establishes equality as a national imperative, framing it as intrinsic to the nation's principles. *"You have power. Don't ever listen when anyone tells you… something is impossible, we see empowerment"* **(T+)**. Addressing younger generation Harris encourages embrace both personal and community agency It prioritizes equality and empowerment as seen in **(10.82%) of codes** highlighting these themes as central to her vision for the nation's future. This framing resonates with Agenda Setting Theory by emphasizing themes of inclusion, social progress and a call to action.

Engaging Collaborative Endeavor

It integrates numerous calls to actions encouraging her audience to stay involved in civic affairs. *"Do not disappear… this is time to roll up our sleeves to organize, mobilize, and stay engaged"* **(CA-Action, T+).** Harris emphasizes the importance of proactive engagement in fostering social advancement. *"Let this courage be our inspiration to fight for justice to fight for themselves to fight for others"* **(SI-Inspiration, T+).** She uses practical examples to motivate the action and dedication. Harris has a distinct intention to engage her audience, as seen in

21.62% of the codes related to calls to action which aligns with Agenda Setting Theory and focuses on shaping public priorities and behavior.

Emotional Tone and Its Role in Agenda Setting

Harris's constant use of **positive tone 29.73%** effectively unifies the audience, contextualizing public problems with a broader narrative of resilience and Hope. This strategy enhances her rapport with supporters, ensuring her priorities, democracy, equality and action remain pivotal in public conversation. The combined qualitative and quantitative analysis of Kamala Harris's speeches underscores the strategy coherence of the language with the tenets of Agenda Setting Theory. Harris adaptively articulates themes of democracy, resilience, and equality as fundamental to her vision of the future. The frequency of codes further highlights a harmonious blend of an optimistic tone, motivational pleas and calls to action. The prevalence of codes underscores her focus on optimism and civic involvement, demonstrating her ability to inspire both hope and action among her supporters. This approach reflects the power of political communication in molding public discourse and maintaining collective determination in the face of challenges. The research integrates qualitative insights with quantitative data, offering a total comprehensive understanding of Harris's rhetorical strategies and their correspondence to wider social concerns.

Which rhetorical methods rooted in populist discourse were most effective in swaying undecided voters in swing states for Donald Trump and Kamala Harris?

Rhetorical strategies embedded in populist discourse for Donald Trump and Kamala Harris to uncertain voters in key states. One of the key principles of Donald Trump's strategies was to highlight the prominent problems such as economic recovery and border security. Trump won over supporters who felt ignored by the conventional political discourse by speaking in accessible language and addressing these problems head-on. For instance, he focused on own particular goals like energy-independence and employment development by saying that "*we possess more liquid gold oil and gas, than any nation globally, more than Saudi Arabia, more than Russia*". Pennsylvania and other energy dependent states were receptive to his speech on this regional economic potential. His resolute stance on immigration was reflected in his commitment to "*seal those borders while allowing people to come into our country legally*". This links a complex topic to fears about open borders.

On the other hand, Kamala Harris's speeches were characterized as more inclusive and aspirational hopeful and united tone was aimed at fostering collective unity. The principles of democracy, equality, and perseverance were central to her populist rhetoric speeches. As she embraced the phrase the struggle for our freedom will take hard work but it is invariably worthwhile", portrayed obstacles as solvable issues by collaborative endeavors. This underscores her dedication to fight for equality and institutional integrity, in addition to her call to "*roll up your sleeves*", to organize, mobilize, motivate, and engage proactive voter involvement which is

in line with the Agenda-Setting theory's recommendation for maintaining a civic engagement of their communities.

To what extent did the use of populist language by Donald Trump and Kamala Harris differ in terms of emotional appeal, issue framing, and voter engagement in swing states?

The emotional appeal and voter agreement of Donald Trump and Kamala Harris were markedly different in their use of populist language. There was a notable difference between these languages involving these characteristics. Trump's nationalist tone that was used in his speeches emphasized the emotional appeal through both positive and negative framing, while he confidently made claims like "*Promises made, promises kept*" and portrayed the immigration as a societal burden with the statement, "This crime here is up and through the roof". He polarized the "Us versus them" narrative and the combination of aspirational and confrontational tone enabled him to appeal to undecided voters by presenting himself as a leader with a vision, a protector against enemies, using a mix of his aggressive and inspirational rhetoric.

Conversely, Harris's comments leaned heavily on optimism and inclusivity, highlighting her commitment to resiliency and democratic principles. High frequency use of affirmative positive language exemplified by "*Only when it is dark enough can you see the stars... let us fill the sky with the light of optimism and faith*", positioned diversity as a stimulus for advancement. While Trump's speech often identified particular dangers, Harris emphasized collective agency stating, *"You have power, don't ever listen when anyone tells you something is impossible".* This approach resonated with a diverse audience, promoting cohesion and optimism via a constructive presentation of matters, such as equality and human rights.

Regarding voter engagement Trump's populist rhetoric stimulated the voter involvement while portraying participation as a revolutionary and transformative, claiming, *"This will forever be remembered as the day the American populace reclaimed authority over their nation".* Harris, in contrast, used inclusive language to promote teamwork asserting, *"Let this courage be our inspiration to fight for justice, to fight for themselves, to fight for others"*, by humanizing a feeling of pride and reputation among the supporters, she united her vision with their values. This inclusive call to action highlighted her dedication to sharing values, concentrating on long-term resilience and civic connection.

In summary, Trump's discourse relied on direct emotional appeals and nationalist themes, while both leaders used populist techniques to engage people, emphasizing loyalty and urgency. Harris's approach was more ambitious and comprehensive, emphasizing unity, equality, and institutional integrity to captivate a diverse audience. These dissimilarities underline how both modified their rhetoric to resonate with specific voter concerns, hesitations, and interests in frontline states.

Conclusions

According to the findings of the study, populism played a significant role in Donald Trump's ability to convince and decide voters in swing states by addressing their immediate concerns, fostering emotional connections, and building a sense of collective identity. Trump's language used the straightforwardness, simplicity, and emotional resonance that are hallmarks of populism to align his discourse with the objectives of these important voting segments. The topics of economic recovery immigration restriction and national pride are encapsulated through codes in speeches like (T+, CA-Unity (21.25%), and T+, VC- Promotional (18.75%). By framing his vision as a shared mission to a common goal to "make America great again", he crafted a narrative that resonated deeply with the audience seeking inclusive and aspirational, which connected strongly with audiences who were looking for answers and validation.

To strike a balancedoes strategic use of positive rhetoric was tempered by opposing negative portrayals of opponents and external threats. This was visible in codes such as **T**- and VC-Criticism (5%). This duality of hopeful aspiration and oppositional critique- is his capacity to present himself as both a unifier and a problem-solution. He offered unsure voters a compelling reason a compelling reason to align with his vision This combination of optimistic ambition of optimistic ambition and oppositional criticism eating forced by evocative language such *as "liquid gold" and "unprecedented mandate"* solidified his appeal, especially in areas that have considerable populations of working-class people reliant on manufacturing and energy Industries. Trump's populist language not only connected with undecided voters by addressing their specific anxieties and goals, but it also gives them the ability to view themselves as an active participants to the success of his movement. By blending emotional engagement with the targeted issue, relevance from successfully engaged people as a result he was able to secure the supporters in swing states and highlight the enduring influence and the lasting power of populism in modern political discourse.

On the contrary, Kamala Harris's populist rhetoric helped her appeal to indecisive voters especially in battleground states by addressing issues that directly tackle the daily life concerns like healthcare, economic stability and social justice. She spoke of common good her inclusive rhetoric of the people versus Elite dysfunction helped her to connect with diverse demographics and bridge ideological divides. Kamala Harris used populist rhetoric to explain the complicated political issues, into relatable actionable terms which may persuade in the indecisive people, wanting clarity and representation. Additionally, her emphasis on Unity and Grassroots empowerment build voter trust and agency encouraging them to align with her vision of progress and equality agenda. Her populism, empathy and inclusivity-based discourse appeal to people in swing state moral and practical concerns.

The populist language of Donald Trump and Kamala Harris exhibited distinct strategies in emotional appeal problem framing, and voter involvement that

highlights the political ideologies and approaches to address the voter's concern. Trump used a forceful nationalist discourse that matched emotionally intensity with polarized framing, capitalizing on themes of economic revival, "border security", and "America first" principles to mobilize undecided voters through a sense of urgency and exclusivity. Conversely, Kamala Harris adopted an inclusive and aspirational tone invoking common ideals of unity, democracy and resilience. Her use of optimism and positive language framed societal challenges as collective opportunities for progress, motivating and inspiring people, and appealing for sustained civic engagement. Harris's focus on institutional integrity and equality resonated with a broader, more diverse audience, cultivating a feeling of optimism and empowerment.

Ultimately, the rhetorical strategies of both leaders demonstrate the efficacy of populist speech to mobilize voter engagement in swing states, although via markedly different approaches. Trump's emotionally charged issues and quick appeals contrasted with Harris's uniting and value-oriented remarks, highlights the nuanced role of populism in contemporary American political campaigns and underscores its intricate significance. Both strategies are customized for their target audience highlighting the significance of rhetorical choices in persuading indecisive voters in pivotal electoral landscapes.

References

1. Aalberg, T., Esser, F., Reinemann, C., Strömbäck, J., & De Vreese, C. (2017). *Populist Political Communication in Europe*. New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315623016
2. Mazzoleni, G., Stewart, J., & Horsfield, B. (2003). *The Media and Neo-Populism: A Contemporary Comparative Analysis*. Santa Barbara: Praeger.
3. Mudde, C. (2004). The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition, 39*(4), 541–563. https://doi.org/10.1111/J.1477-7053.2004.00135.X
4. Mazzoleni, G. (2003). *The Media and the Growth of Populist Movements*. In: K. L. McDonald & T. S. Duvall (eds.) *Populist Political Strategy in the West* (pp. 57–75). Boulder: Westview Press. https://doi.org/10.1057/9780230592100_4
5. Laclau, E. (2005). *The Populist Reason*. London — New York: Verso.
6. Hochschild, J.L. (2016). *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. New York: The New Press.
7. Moffitt, B. (2016). *The Global Rise of Populism: Performance, Political Style, and Representation*. Redwood City: Stanford University Press. https://doi.org/10.1080/23340460.2021.1918015
8. Ansolabehere, S., & Schaffner, B.F. (2014). *The 2014 Congressional Election in Perspective: The Role of Money, Candidates, and Political Parties*. Washington: Brookings Institution Press.
9. Gidron, N., & Hall, P.A. (2017). Populism and Political Change. *Annual Review of Political Science*, 20, 475–497.
10. Arendt, H. (1951). *The Origins of Totalitarianism*. Cleveland and New York.
11. Jost, J.T., et al. (2004). Political Ideology: Its Structure, Functions, and Elective Affinities. *Annual Review of Psychology*, 55, 307–337. https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163600
12. Krouwel, A., et al. (2017). The Appeal of Populism: A Study of Voter Behavior in Western Europe. *Journal of Political Ideologies*, *22*(2), 215–236.

13. Oliver, J.E., & Rahn, W. M. (2016). Rise of the Trumpenvolk: Populism in the 2016 Election. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, *667*(1), 189–206.
14. Inglehart, R., & Norris, P. (2016). *Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash*. Harvard Kennedy School.
15. Fridkin, D.A., & Kenney, P.J. (2011). The Influence of Candidate Personality on Voter Decision Making. *Political Behavior*, *33*(1), 53–79.
16. Bos, L., et al. (2020). The Media's Role in Amplifying Populist Rhetoric. *International Journal of Communication*, 14, 456–474.
17. Gidron, N., & Bonikowski, B. (2013). Varieties of Populism: Literature Review and Research Agenda. *Journal of Political Ideologies,* 18(1), 55–76. https://doi.org/*10.2139/ssrn.2459387*
18. Rooduijn, M. (2018). *The Populist Radical Right in Europe: A Comparative Analysis of 15 Countries*. Routledge.
19. Taggart, P. (2000). *Populism: A Critical Text*. Macmillan.
20. Khalid, M., Alvi, U.F., Pathan, H., & Soomro, M.A. (2024). Exploring cosmic realms through corpus linguistics: Unraveling multiverse concepts in Everything Everywhere All at Once. *Corpus Pragmatics*, 8, 391–419. https://doi.org/10.1007/s41701-024-00175-0 EDN: KNIPGG

Information about the authors:

Habibullah Pathan, PhD in Philology, Research Professor of the Faculty of Language Studies, Sohar University (Al Jameah str., Sohar, *Sultanate of Oman,* 3111); *Research interests*: technology Integration in TESOL, corpus linguistics, critical discourse analysis; *e-mail*: Hpathan@su.edu.om
ORCID: 0000-0003-3425-3594, Scopus Author ID: 57221613434; ResearcherID: AAV-7602-2020.

Oksana I. Aleksandrova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the General and Russian Linguistics Department of the Faculty of Philology, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: discourse analysis, semantics and semiotics, cognitive linguistics, sociolinguistics; *e-mail*: alexandrova-oi@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7246-4109, Scopus Author ID: 57200073938, ResearcherId: Q-7339-2016, SPIN-код: 1858-5107.

Сведения об авторах:

Патхан Хабибулла, кандидат филологических наук, профессор факультета языкознания, Сохарский университет (3111, Султанат Оман, г. Сохар, ул. Аль-Джамиа); *сфера научных интересов*: интеграция технологий в методику преподавания английского языка как иностранного, корпусная лингвистика, критический дискурс-анализ; *e-mail*: Hpathan@su.edu.om
ORCID: 0000-0003-3425-3594, Scopus Author ID: 57221613434; ResearcherID: AAV-7602-2020.

Александрова Оксана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: дискурс-анализ, семантика и семиотика, когнитивная лингвистика, социолингвистика; *e-mail*: alexandrova-oi@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-7246-4109, Scopus Author ID: 57200073938, ResearcherId: Q-7339-2016, SPIN-код: 1858-5107.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 303–321
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-303-321
EDN: IWYUNQ

Научная статья / Research Article

Парадигмы развития дискурса в социокоммуникативных группах: макросистемная модель

С.А. Амелькин[1], Б.И. Шапиро[2], А.И. Горожанов[3] ✉, О.И. Писарик[3]

[1] Московский институт электронной техники, *Москва, Российская Федерация*
[2]Институт вычислительных технологий SP-Rhyme, *Берлин, Федеративная Республика Германия*
[3]Московский государственный лингвистический университет, *Москва, Российская Федерация*
✉ a_gorozhanov@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — анализ развития дискурса в парадигмах, которые различаются характером генерирующих процессов (рациональным, социальным, игровым). Авторы формулируют четыре задачи исследования: описать игровую парадигму развития дискурса, дифференцировав ее от формальной и социальной парадигм; определить условия формирования игровых миров и картин мира как моделей социокоммуникативных процессов; выявить специальные системы кодов и методов их использования в ходе игровой деятельности; определить возможности реализации творческой интенции в ходе развития индивидуальных картин мира и объективных дискурсов. Большое внимание уделяется интеллектуальным настольным играм, в рамках которых моделирование коммуникативного пространства способствует развитию интуитивного мышления, созданию новых задач, выявлению новых областей знания, выходу за рамки концепций, созданию новых типов дискурса. Новизна работы заключается в том, что в ней впервые применяется междисциплинарный подход к решению проблемы понимания генезиса дискурса как макросистемного объекта теории языка. При этом в качестве методологической базы привлекается широкий спектр работ из области лингвистики, математики, физики, литературоведения, информатики, теории игр и психологии творчества. Методами исследования послужили системный анализ, моделирование и синтез. В результате делается вывод о том, что в эпоху глобальной цифровизации рутинный расчет приходит на смену творческой интенции, навязывая обществу формальную модель развития дискурса. Напротив, для эффективного освоения новых типов информационных пространств и новых измерений семиосферы необходимо больше внимания уделять настольным играм, стимулирующим развитие творческой активности и подготавливающим индивидов к ситуациям реального общения в различных социокоммуникативных группах.
Ключевые слова: социокоммуникативная группа, макросистема, игра, моделирование

© Амелькин С.А., Шапиро Б.И., Горожанов А.И., Писарик О.И., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Амелькин С.А., Шапиро Б.И., Горожанов А.И., Писарик О.И.* Парадигмы развития дискурса в социокоммуникативных группах: макросистемная модель // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 303–321. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-303-321 EDN IWYUNQ

Paradigms of Discourse Development in Socio-Communicative Groups: Macrosystemic Model

Sergey A. Amelkin[1], Boris I. Shapiro[2], Alexey I. Gorozhanov[3] ✉, Oxana I. Pisarik[3]

[1]Moscow Institute of Electronic Technology, *Moscow, Russian Federation*
[2]SP-Rhyme Institute for Computer Technologies, *Berlin*, *the Federal Republic of Germany*
[3]Moscow State Linguistic University, *Moscow, Russian Federation*
✉ a_gorozhanov@mail.ru

Abstract. The paper analyses distinct paradigms of discourse development, which differ in the nature of generating processes (rational, social, gaming). The authors formulate four research objectives: to describe the game paradigm of discourse development, differentiating it from the formal and social paradigms; to determine the conditions for the formation of game worlds and worldviews as models of socio-communicative processes; to identify special systems of codes and methods for their use in the course of gaming activities; to determine the possibilities for the realization of creative intention in the course of the development of individual worldviews and objective discourses. The research methods are system analysis, modeling and synthesis. Much attention is paid to intellectual board games, in which the modeling of the communicative space contributes to the development of intuitive thinking, the creation of new tasks and areas of knowledge, going beyond concepts, expanding semantics and creating new types of discourse. The novelty of the work lies in the fact that for the first time it uses an interdisciplinary approach to solving the problem of understanding the genesis of discourse as a macrosystem object of the theory of language. At the same time, a wide range of works from the field of linguistics, mathematics, physics, literary criticism, computer science, game theory and the psychology of creativity are involved as a methodological basis. It is concluded that in the era of global digitalization, routine calculation is replacing creative intention, imposing on society a formal model for the development of discourse. On the contrary, in order to master new types of information spaces and new dimensions of the semiosphere effectively, it is necessary to pay more attention to board games that stimulate the development of creative activity and prepare individuals for situations of real communication in different socio-communicative groups.

Key words: socio-communicative group, macrosystem, game, modeling

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Conflict of interests: the authors stated that there were no conflicts of interest.

Article history: received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025

For citation: Amelkin, B.I., Shapiro, S.A., Gorozhanov, A.I., & Pisarik, O.I. (2026). Paradigms of Discourse Development in Socio-Communicative Groups: Macrosystemic Model. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 303–321. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-303-321 EDN IWYUNQ

Введение

Построение личностной картины мира осуществляется в процессах прямой и опосредованной коммуникации. Коммуникация включает передачу информации с помощью некоторой системы кодов, восприятие и интерпретацию информации и, как результат, построение или развитие на основе интерпретаций системы логически взаимосвязанных предикаций и концептов, формирующих картину мира. Принято различать рациональный, интуитивный и эмоциональный способы интерпретации информации [1]. Эволюция индивидуальных картин мира и генерация в ходе эволюционных процессов нового знания, создание на основе нового знания текстов, верифицируемых в рамках социума — социокоммуникативных групп, ведет к развитию объективных семантических полей в различных видах дискурса [2], в семиосфере которых и происходят процессы коммуникации.

Современные ученые справедливо отмечают, что способы интерпретации информации неразрывно связаны друг с другом и дополняют друг друга [3; 4]; они определяют развитие объективных дискурсов в рамках соответствующих им парадигм [5]. Так, можно утверждать, что естественнонаучная (формальная) парадигма развития дискурса формируется при доминанте рационального способа интерпретации информации, а социальная — при доминанте эмоционального или в ходе взаимопроникновения рационального в эмоциональный.

Подчеркнем, что рациональный способ интерпретации информации обеспечивает прагматическое преимущество при жестко регламентированных условиях принятия решений. Формальная логика, однозначность терминологии, ориентированной на классификации, способствуют, в соответствии с принципом положительной обратной связи, ужесточению регламентации (вплоть до алгоритмической) коммуникативных связей, рационализации и формализации объективных видов дискурса и систем кодов, поддерживающих процессы коммуникации и собственно социокоммуникативное взаимодействие.

Принято считать, что эмоциональный способ эффективен в социальных коммуникативных системах, где уровень регламентации традиционно низок, а возможности социализации определяются способностью личности к децентрации, эмпатии и психологической разумности. Если рациональный способ интерпретации информации способствует формальному развитию дискурса, то эмоциональный — функциональному.

Третий путь, творческое развитие дискурса, определяется интуитивным способом интерпретации информации и его взаимопроникновением в рациональный и эмоциональный способы. Парадигмой развития дискурса,

соответствующей интуитивному способу, является игровая или модельная парадигма. Игровая парадигма развития дискурса требует подробного описания и, где это возможно, формализации.

На основании вышеизложенного сформулируем следующие задачи нашего междисциплинарного исследования: 1) описание игровой парадигмы развития дискурса в сравнении с формальной и социальной парадигмами; 2) определение условий формирования игровых миров и картин мира как моделей социокоммуникативных процессов; 3) выявление специальных систем кодов и методов их использования в ходе игровой деятельности; 4) определение возможностей реализации творческой интенции в ходе развития индивидуальных картин мира и объективных дискурсов.

Безусловно, анализ возможностей развития дискурса не может быть проведен в рамках одного научного направления. Такой анализ требует разработки интегративной теоретико-методологической исследовательской базы, основанной на изучении данных гуманитарных и естественных наук: лингвистики (теория языка, анализ дискурса), педагогики, экономики, математики (системный анализ и исследование операций), физики (теория макросистем), информатики (теория алгоритмов, метавычисления).

Классификация парадигм развития дискурса

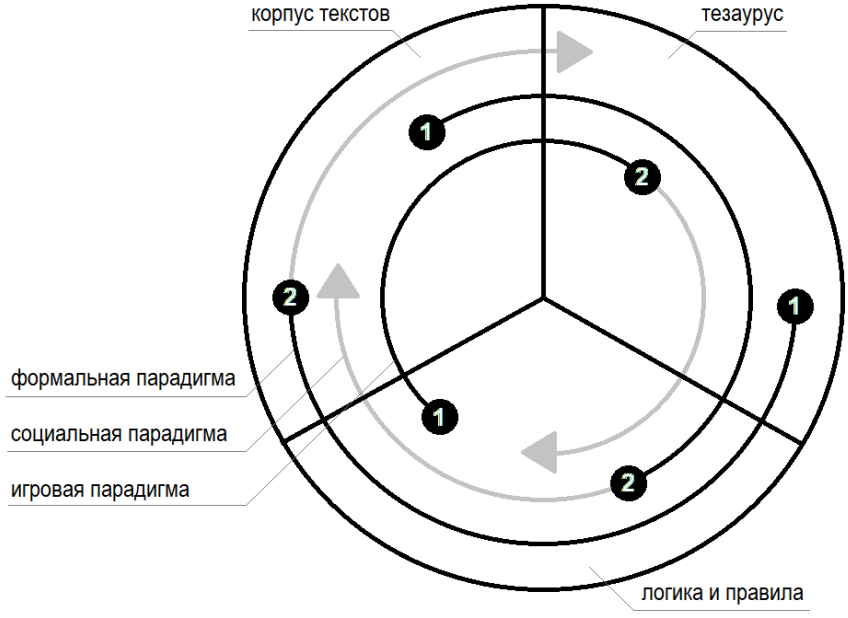
Понятие парадигмы широко используется в философии науки, как образец, норма рациональной научной деятельности, принятая и безоговорочно поддерживаемая научным сообществом [6]. Рациональность и присущий ей формализм интерпретации информации — не единственный способ развития знания, развития дискурса как формы артикуляции знания, по этой причине понятие парадигмы следует расширить на верифицированную в социокоммуникативной группе, вовлеченной в дискурс, норму действий или событий. При этом нормативность действий естественно охватывает дискурс, регламентируя тем самым его развитие.

Парадигмы развития дискурса и способы интерпретации информации взаимосвязаны. В.И. Карасик отметил, что «дискурс — это единство текста и коммуникативной ситуации, объясняющей ту дозу подтекста, которую мы можем из текста извлечь» [7. С. 22]. Суперструктура дискурса включает: 1) корпус текстов, включающих множество концептов и семантические отношения между ними; 2) тезаурус, формирующий систему кодов; 3) логические правила вывода и связей между предикациями и концептами [8].

Для иллюстрации суперструктуры дискурса представим направление и принципы развития дискурса в рамках различных парадигм в виде рисунка (см. рисунок 1):

В рамках каждой из парадигм развитие дискурса обеспечивается творческой интенцией участников социокоммуникативной группы. Однако само понятие «творчество» может быть интерпретировано различным образом. Подробно определение творческого процесса рассмотрено в трудах разных

ученых [9; 10]. Формальный подход к творчеству предполагает существование множества критериев таких, что выполнение их определяет решение, как творческое. К таким критериям относят степень новизны, степень реконструкции понимания универсума, общественная ценность и другие [9]. Однако, мы полагаем, что наличие большого количества критериев непродуктивно, прежде всего потому, что сам список их субъективен: он зависит от мнения, личных предпочтений предлагающего такой список эксперта.

Направление и порядок развития дискурса в различных парадигмах. Цифрами отмечены номера этапов развития

Источник: исследование С.А. Амелькина, Б.И. Шапиро, А.И. Горожанова, О.И. Писарик.

Direction and order of discourse development in different paradigms. The numbers indicate development stages

Source: compiled by Sergey A. Amelkin, Boris I. Shapiro, Alexey I. Gorozhanov, Oxana I. Pisarik.

Один из вариантов определения творчества, релевантный для нашего исследования, предложен Н. Абаньяно: «выход за границы, преодоление», развитый В.А. Петровским в концепцию «неадаптивной активности» [9]. С.В. Максимова рассматривает творчество, как «активность, направленную на изменение ситуации или изменение самого субъекта, его отношения к ситуации при отсутствии определенного прогноза желательных результатов такой активности» [10. С. 11], иными словами при принципиальной новизне, где новизна определяется созданием, генерацией нового знания, в отличие от поиска и выбора задач, методов и решений из уже известного их списка.

В модели развития дискурса такую новизну следует рассматривать, как создание верифицируемого текста, восприятие и интерпретация которого

изменяет картины мира участников социокоммуникативной группы. Выделим три направления творческой интенции, характерных для социокоммуникативных групп: 1) поиск новых задач и методов их решения, выразительных средств для создания новых решений и текстов на основе выбранных методов и средств (выход за рамки инструкций); 2) поиск новых задач и создание новых методов их решений и выразительных средств: жанров, школ и пр. (выход за рамки традиций); 3) создание новых задач и областей знания (выход за рамки концепций).

В каждом из указанных направлений процессы творческой интенции связаны с нарушением синхронных правил, пересмотром тезауруса, формированием новых текстов и структуры текста в дискурсе. Результатом творческой интенции на разных уровнях обязательно должно быть изменение картины мира участника социокоммуникативной группы, вовлеченной в дискурс или самого объективно существующего дискурса. Такое изменение предопределяет вывод информационных процессов из комфортной области, что, очевидно, формирует риск перехода социокоммуникативной группы в комминативное состояние [5], затрудняет процессы верификации, так как синагонные процессы верификации инициируются творческим решением участников социокоммуникативной группы относительно самой группы и самих себя. Как пишет В.И. Карасик, «общение, содержанием которого является заведомо неверифицируемая и не принимаемая на веру информация, следует признать фикциональным» [11. С. 17]. Таким образом, обеспечение комфортности коммуникации приводит к идеальной резистенции и презумпции фикциональности результатов диахронных процессов.

Парадигмальная логика, включающая операции, связанные с развитием дискурса и картин мира участников социокоммуникативных групп, не может быть истинностностной. Согласно идее Б.И. Шапиро, если действие совершено в соответствии с парадигмой, то оно совершено правильно, если действие неправильно, и мы знаем или можем узнать, как правильно оно должно было быть совершено, то парадигма нарушена, но узнаваема. Если парадигма нарушена, то такой диахронный процесс может быть верифицирован и включен в парадигму[1].

Таким образом, парадигмы развития сами могут быть нестационарны, именно поэтому мы рассмотрим подробнее синхронный процесс развития дискурса и связь парадигм развития с функциональными измерениями дискурса.

Формальная парадигма развития дискурса

Формальная парадигма предполагает формулирование логических правил вывода на базе тезауруса однозначно воспринимаемых терминов

[1] *Шапиро Б.И.* Понятие и другие инструменты познания. Лекции в Университете города Переславля 26–28.01.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/playlist?list=PLU60YzfYSgZ4bwCYcZtgUmSlgehpQm2fd (дата обращения: 30.12.2021).

и основополагающих положений. Тексты, формирующие дискурс, не допускают вариативного толкования и могут быть верифицированы либо по критерию согласованности с аксиоматическим базисом (фундаментальные теории), либо с результатами экспериментов (феноменологические теории). В рамках формальной парадигмы идет развитие как естественных наук и математики, так и процессов цифровизации. Доминирование формальной парадигмы, естественной в условиях глобального внедрения вычислительных средств как медиаторов коммуникации, приводит к снижению роли и возможностей эмоционального и интуитивного мышления. Тексты заменяются программами [12], цифровые формальные системы кодов расширяются даже на поэтическое творчество: «новые комбинаторные и визуальные жанры распространяются все шире, изменяя само представление о поэзии»[2]. Так, представляя проект «Компьютерные методы исследования художественного текста», реализуемый в НИУ ВШЭ, его научный руководитель Е.В. Казарцев указал, что «основная задача исследований — объяснить силу художественного текста с помощью точных методов»[3] (см. также [13]).

Вопреки трендам доминирования формальной парадигмы следует отметить, что художественная и творческая значимость формализации текстов сомнительна, реальные достижения тонут в информационном и рыночном шумах. Помимо этого, сам рациональный способ интерпретации не формализуем настолько, чтобы превратить его в рутинную работу, которую можно переложить на вычислительное устройство, так как он «является сложным когнитивным процессом, где читатель выступает активным действующим лицом, которое способно осуществить толкование текста с опорой на знания о мире, о языке и пользовании языком» [14. С. 9]. По этой причине «интерпретация с использованием цифровых ресурсов весьма далека от интерпретации литературоведа или специалиста в области межъязыковой и межкультурной коммуникации» [14. С. 9]. Именно поэтому процесс взаимодействия человека и компьютера с одной стороны приводит ко все более сложным алгоритмам обработки данных, что асимптотически приближает вычислительные устройства к возможности интерпретации формальных текстов, а с другой — ведет к упрощению дискурсивных и когнитивных практик человека, надеющегося создать тексты, которые могут быть интерпретируемы компьютером.

Формализация языка, стремление к однозначной интерпретации, исключение речевых средств передачи эмоций существенно обедняют художественные тексты, несмотря на имманентно открывающиеся пути расширения системы кодов: гипертекст, мультимодальность, интерактивность, что

[2] *Оборин Л.* Фларф, поэглы и спамоэзия: как это делается // Литература. Обзор OpenSpace.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://os.colta.ru/literature/events/details/18062/?print=yes (дата обращения: 01.12.2021).

[3] *Казарцев Е.В.* В чем сила слова: ученые и студенты ВШЭ будут исследовать поэтические тексты компьютерными методами // Портал НИУ ВШЭ. Магистерская программа «Системы управления и обработки информации в инженерии». [Электронный ресурс] Режим досупа: https://hse.ru/ma/engineering/news/402852591.html (дата обращения: 01.12.2021).

проявляется, в частности, включением в текст эмотиконов. Научные и другие специальные тексты также лишаются своей жанровой специфики — принудительная однозначность терминологии сопровождается жесткими, вплоть до тавтологий, классификациями [15].

Тем не менее, создание однозначно интерпретируемой системы кодов в рамках рационального метода познания, разработка вычислительных алгоритмов интерпретации текстов постулируются как естественный путь развития в условиях глобального поворота к цифре, возможности формальной парадигмы представляются неограниченными и единственно научными. Из этого следует, что только методы, основанные на формальной парадигме, достойны для анализа любого дискурса, только формальный язык обеспечивает корректность изложения.

Развитие дискурса, в соответствии с формальной парадигмой, на первом этапе приводит к формированию корпуса текстов, фиксирующего результаты вывода формальной теории. Следующий этап начинается с дополнения и изменения тезауруса в соответствии с корпусом текстов и возникшими в ходе предыдущего этапа развития новыми задачами. Дискурс — это синергетическая структура, функционирование которой разворачивается в трех измерениях: физическом (объективном), социальном (субъективном) и личностном (сумъективном — под сумъектом будем понимать личность как элемент социальной макросистемы, принимающий решения, определяющие свое отношение к другим элементам этой макросистемы, но прежде всего — к самому себе)[4]. Такие решения не являются алгоритмически определенными и прогнозируемыми, а генерируются личностью на основе знания, основанного рациональной, интуитивной и эмоциональной интерпретации информации, формирующей личностную картину мира — Под сумъектом будем понимать личность как элемент социальной макросистемы, принимающий решения, определяющие свое отношение к другим элементам этой макросистемы, но прежде всего — к самому себе. Такие решения не являются алгоритмически определенными и прогнозируемыми, а генерируются личностью на основе знания, основанного рациональной, интуитивной и эмоциональной интерпретации информации, формирующей личностную картину мира[5]). Следовательно, формальную парадигму развития дискурса логично отнести к объективному измерению.

При оценке возможностей творческого осмысления процессов развития дискурса в рамках формальной парадигмы следует учесть, что логика дискурса призвана поддерживать все ранее верифицированные предикации.

[4] *Шапиро Б.И.* Понятие и другие инструменты познания. Лекции в Университете города Переславля 26—28.01.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/playlist?list=PLU60YzfYSgZ4bwCYcZtgUmSlgehpQm2fd (дата обращения: 30.12.2021).

[5] *Шапиро Б.И.* Понятие и другие инструменты познания. Лекции в Университете города Переславля 26—28.01.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/playlist?list=PLU60YzfYSgZ4bwCYcZtgUmSlgehpQm2fd (дата обращения: 30.12.2021).

На этом основании творческие интенции в формальной парадигме развития направлены только на поиск и решение новых задач за рамками уже включенных в корпус текстов инструкций.

Социальная парадигма развития дискурса

Социальная парадигма предполагает формирование тезауруса и свода правил вывода предикаций на основе корпуса текстов, что приводит к семантической неоднозначности терминов и к нечеткости правил, однако позволяет объединить в рамках одного дискурса различные мнения и концепции. Социальная парадигма не дает возможности формализовать получаемые в ходе коммуникативных процессов предикации, логика вывода может зависеть от контекста и пресуппозиций и не включать истинностные значения высказываний [8], однако именно в рамках социальной парадигмы может развиваться коммуникативная деятельность, направленная на эмоциональные, эстетические, этические и эмпатические переживания, в том числе на «художественное наслаждение, что не есть чистая рецепция, но требует высочайшей деятельности психики» [16]. В рамках социальной парадигмы значение читателя, интерпретирующего текст, существенно выше, чем для формальной парадигмы. Процесс верификации текста зависит от его способности изменить картину мира читателя, а не только от формального соответствия логическим правилам.

Процесс поиска *своего* читателя нередко занимает годы. Упоминаются случаи, когда неизвестная или коммерчески провальная работа становилась значимым культурным событием через несколько лет. Так, один из основополагающих трудов по термодинамике, «Размышления о движущей силе огня и о машинах, способных развивать эту силу» Сади Карно, получил известность и признание спустя десять лет после издания, благодаря комментариям (интерпретации) Э. Клапейрона [17]. При этом исходный текст работы отнюдь не является формальным, наоборот, работа написана на естественном языке и не включает строгих математических выкладок. Именно по этой причине она вполне допускает различные интерпретации, а дискуссии относительно различных толкований этого текста продолжаются до сих пор [18; 19]. В отличие от формальной парадигмы, в рамках которой создаются искусственные априорные языки, социальная парадигма позволяет использовать для развития дискурса возможности естественного языка и повседневной логики [20].

Развитие дискурса в соответствии с социальной парадигмой на первом этапе завершается формированием логики и правил аргументации. Эволюция логического построения текстов порождает новые виды жанров или в результате возникновения новых форм и способов коммуникации, например развития интернет-коммуникации, глобальных тенденций к гибридизации может наблюдаться смешение стилистики и жанров [21; 22]. Развитие новых жанров на следующем этапе развития дискурса стимулирует появление новых текстов.

В отличие от формальной парадигмы тезаурус в социальной парадигме развития дискурса существенно зависит от индивидуальных картин мира участников социокоммуникативных групп, обменивающихся информацией в рамках данного дискурса. Именно это условие определяет активное участие читателя в процессе смыслового наполнения текста. Однако в масштабе всей социокоммуникативной группы энтропия интерпретаций снижается: способы понимания определяются сложившейся в социокоммуникативной группе «уже готовой структурой знания, в том числе заложенной в используемом тезаурусе, таким образом языковая семантика служит средством контроля над мышлением и способствует утверждению идей автора текста» [23] или господствующей в социокоммуникативной группе направления интерпретации идей автора текста.

Социальная парадигма соответствует социальному (субъективному) измерению функционирования дискурса, на котором осуществляется выбор, но не генерация решений о преобразовании объективного мира и объективных видов дискурса.

Выбор возможностей генерации новых текстов на уровне компиляции известных смыслов ограничен. Творческая интенция участников социокоммуникативных групп направлена не только на создание новых смыслов как новых текстов, воздействующих на действительность и преобразующих ее в том числе за счет эмоционального воздействия на личность, но и создание новых смыслов как новых жанров [24], что связано с открывающимися возможностями коммуникации на объективном — развитие технологий и социума — и на субъективном — эволюция стилей мышления — уровнях. Так, возможности виртуального пространства позволяют создать новый жанр цифровой поэзии[6] [25], а изменение семиотических кодов, обусловленное поиском подлинных ценностей и стремлением человека к идеалам — объединить жанры исторического романа и детектива в новый жанр, например, ретродетектив [22].

Таким образом, творчество в социальной парадигме развития дискурса включает генерацию как решений, так и методов и выразительных средств для решений новых задач, что стимулирует выход за пределы существующих инструкций и традиций.

Игровая парадигма развития дискурса

Игровая парадигма основана на приоритете правил, логики действий и коммуникации. Процессы коммуникации, реализуемые в соответствии с этими правилами (партии игры), составляют корпус текстов, для записи которого требуется создание специальной системы кодов (редко — целого языка,

[6] *Явцева А.* Фантастическая digital-поэзия и где она обитает // Портал "Культурь!". [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://journal.cbs-vao.ru/fantasticheskaya-digital-poeziya (дата обращения: 01.12.2021).

чаще — только терминологии и нотации). Игры не являются уникальным представителем данной парадигмы развития дискурса, но так же, как математика для формальной парадигмы, а искусство — для социальной, они наиболее четко отражают специфику развития дискурса. На этом основании для иллюстрации игровой парадигмы естественно выбрать игры, в частности — настольные игры.

Правила игры в качестве отправной точки игровой деятельности формируют игровой мир и определяют модель пространства-времени и множество допустимых решений для каждого игрока в этом мире. Модели пространства-времени могут быть непрерывными и дискретными, ограниченными и неограниченными. Наиболее распространенными являются дискретные и ограниченные модели игрового пространства-времени: ограниченная доска, разделенная на определенное количество полей или пунктов, где могут быть расположены фигуры — персонажи игры, ходы игроков: ввод или действие уже введенных фигур, делаются в заданной очередности, и их количество установлено правилами. Таким образом, игровое время представляет собой дискретный набор точек. Время, необходимое игроку для подготовки хода, может быть также ограничено, но непосредственной связи между реальным временем игроков и временем игры, как правило, не существует. Таким образом, и пространство, и время в подобной модели оказываются дискретными и ограниченными: большая часть традиционных настольных игр — шахматы, шашки, го, рендзю, сянци, маджонг — соответствуют именно такой модели. Однако эта модель не является единственно возможной, примеры настольных игр с различными типами моделей пространства-времени представлены ниже (табл.).

Примеры настольных игр с различными моделями пространства-времени
Examples of Board Games with Different Spacetime Models

		Пространство / Space			
		Дискретное / Discrete		**Непрерывное / Continuous**	
		Ограниченное/ Limited	**Неограниченное/ Unlimited**	**Ограниченное/ Limited**	**Неограниченное/ Unlimited**
Время / Time	**Дискретное / Discrete**	Шахматы, шашки, го и др.	Крестики-нолики на неограниченном поле, тороидальные шахматы	Карром	D&D («Подземелья и драконы»)
	Непрерывное Continuous	Задачи шахматной композиции, пасьянсы, лото	Конструкторы, пазлы, игра «Жизнь»	«Паника в лаборатории», игры миниатюр	Словесные ролевые игры

Источник: исследование С.А. Амелькина, Б.И. Шапиро, А.И. Горожанова, О.И. Писарик.
Source: compiled by Sergey A. Amelkin, Boris I. Shapiro, Alexey I. Gorozhanov, Oxana I. Pisarik.

Классификация игр может быть проведена по многим другим признакам: по количеству игроков, по степени кооперации игроков, по типу используемых предметов, по характеру игры, по наличию случайной составляющей, по начальной позиции и многим другим параметрам. Запись игровой партии позволяет анализировать коммуникативные процессы, протекающие в ходе игры. Чтобы корректно записать игру, требуется специальная система кодов. Например, для записи ходов в шахматах, бросков игральных костей в D&D или GURPS разрабатывается специальная нотация, развитие которой может привести к появлению специализированного символического языка. При этом коды могут быть интерпретируемы как единственно возможным способом, так и с некоторой свободой выбора. В ряде случаев результат записи игры выходит за рамки игровой коммуникации и становится предметом искусства, научного анализа или служит решению образовательных задач.

Эволюция игр — это, прежде всего, изменение их логики, целей и моделей, формирующих игровой мир. Эволюция затрагивает как игры, находящиеся в процессе становления, так и традиционные настольные игры. Так, Е.Я. Гик рассмотрел[7] игры, претендующие на эволюцию шахматной игры: цилиндрические, сферические и тороидальные шахматы, шахматы со случайной начальной расстановкой фигур (шахматы Фишера или шахматы-960), шахматы на нестандартных досках (шахматы Гарднера и шахматы Капабланки), шахматы с нестандартными фигурами: жирафом, грифоном, альфилом, мудрецом, канцлером.

Существенное изменение правил шахматной игры, возникшее на ранних этапах ее истории, привело к новой настольной игре — создание и решение задач и этюдов в шахматном игровом мире — шахматной композиции. Возможное изменение правил также связывают с эстетической стороной игры. Э. Ласкер высказал интересное сравнение: «Шахматисты под воздействием хорошей игры начинают чувствовать переживания шахматных фигур. Оба грезят и пребывают в царстве сказки. События в сказке развиваются в зависимости от того, что переживают и рассказывают шахматные фигуры в моменты отдыха или активных действий»[8].

Изменение игрового мира на уровне логики и правил игры — это второй этап развития дискурса в рамках игровой парадигмы. Необходимость таких изменений характерна как для традиционных игр, так и для игр с еще небогатой историей. В настоящее время активно развиваются игры, в которых могут меняться не только правила, но и цель самой игры. Постулируемая цель игры (выигрыш) может не совпадать с установленными внутри игрового мира целями игроков (например, красота игры), что ярче всего выражено в настольных играх с ролевой системой взаимодействия[9], таких как Munchkin,

[7] *Гик Е.Я.* Занимательные математические игры. М. : Знание, 1987.

[8] *Ласкер Э.* Учебник шахматной игры. М. : Физкультура и спорт, 1980. С. 265.

[9] Для традиционных игр именно ролевая составляющая, именно персонификация фигур, может привести к изменению цели игры [25]. Вопрос персонификации, одушевления фигур

но также встречается и в традиционных играх. В некоторых играх типа манкала дурным тоном считается выигрыш за счет лишения противника всех зерен, т.е. в рамках игрового мира обрекая противника на голодную смерть. В таком случае конкурентные стратегии игры сменяются на кооперативные, что определяется не правилами, но личными приоритетами игроков в ходе их игровой коммуникации. Использование homerules — правил, принимаемых сообществом игроков в ходе отдельной игровой партии, становится традиционным метаправилом для ряда настольных игр с ролевым взаимодействием игроков, что существенно повышает динамичность игры. При этом применение homerules возможно только при достаточно высоком уровне доверия между игроками и мастером игры.

Развитие игры невозможно без эволюционных, а иногда и революционных изменений их логических оснований. Такие изменения возможно осуществить только за счет генерации новых, не предусмотренных существующей логикой игры, решений. Именно поэтому игровая парадигма соответствует личностному, сумъективному измерению функционирования дискурса, на котором личность генерирует и принимает решения относительно самой себя.

Моделирование коммуникативного пространства в игре позволяет абстрагироваться от большого количества несущественных для игровых целей взаимодействий, находить аналогии между игровыми позициями и возможными состояниями систем в реальном мире, что развивает интуитивную форму мышления, тем самым способствуя творческим озарениям. Творческая интенция в игровой парадигме не ограничена: даже в традиционных играх, таких как шахматы, возможно изменить и правила, и логику, и даже саму концепцию игры. Так, в «Алисе в Зазеркалье» сознательно нарушена очередность ходов[10], введена неведомая рокировка королев[11], а последствия персонификации фигур, лишь отчасти рефлексируемые Л. Кэрроллом[12], более явно проступающие в «Защите Лужина» В.В. Набокова, и особенно ярко показанные в «Гарри Поттере и философском камне» Дж. К. Роулинг, вообще меняет

волновал и писателей, и кукольных дел мастеров, и шахматистов (ср. оценку Э. Ласкера, приведенную выше). В качестве примера можно привести разбор шахматной партии из экранизации книги Дж. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень», где хорошо показано, как изменение цели игры влияет на принятые в ходе игры решения: *Кукалева В.* Шахматы. Разбор партии из фильма «Гарри Поттер и философский камень». Нужна ли жертва Рона Уизли? // Eurosport. Шахматы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eurosport.ru/chess/story_sto8056856.shtml (дата обращения 01.12.2021).

[10] Вольное обращение Л. Кэрролла с шахматными правилами нашло противников в среде профессиональных шахматистов. Например, М.Д. Лидделл в 1910 г. предложил «правильную» партию по мотивам приключений Алисы в Зазеркалье: *Liddell D.M.* Alice // British Chess Magazine. 1910. May (vol. 30). P. 181–184.

[11] *Кэрролл Л.* Алиса в стране чудес. Алиса в Зазеркалье. М. : Наука, 1991.

[12] Алиса — чуждый для Зазеркалья персонаж, гость в этом виртуальном пространстве, и все жители этого мира стараются проводить Алису к формальной цели, королевской короне и, тем самым, выпроводить ее обратно. В то же время формальная цель игры здесь мало кому интересна, и именно это обеспечивает реалистичность повествования.

представление об этой игре. Игра, на наш взгляд, единственная форма деятельности человека, где возможности вычислительной техники не расширяют, а наоборот, удерживают, стесняют творческую интенцию. Однако, несмотря на возрастающие возможности визуализации и новые модальности передачи информации, обеспечиваемые современными информационными технологиями, настольные игры переживают сейчас пик популярности.

Творчество в игровой парадигме позволяет выйти за рамки инструкций, традиций и даже самой концепции игры, расширяя игровые формы в научную, общественную, профессиональную и все остальные виды деятельности человека. Именно такая свобода творчества, часто не претендующая на объективную новизну, но изменяющая интенциональную карту и картину мира личности, обеспечивает ее самовыражение. «Лишение человека творческой деятельности, – по словам К. Маркса, — приводит к отчуждению человека от мира, от своей деятельности и, в конечном счете, – от себя самого. Преодолеть отчуждение возможно, лишь став субъектом своей деятельности» (цит. по [10]), то есть сумъектом.

Условия формирования игрового мира как модели коммуникации

Игры создаются как модели коммуникативных процессов и содержат элементы кооперации, коллаборации и конкуренции в задачах, возникающих в ходе хозяйственной, экономической, военной, научной и других видах деятельности. «Игра по отношению к культуре народа занимает особенное место, она представляет собой нечто стоящее над нормативной культурой. Если культура – это признание нормы, то игра — непризнание нормы» [26. С. 166]. Но игра — это не только модель коммуникативных процессов, игра — одна из форм коммуникации как «сложного социального взаимодействия» [27]. Игровое пространство не ограничивается полем игры, оно включает игроков, возможных зрителей, комментаторов и других интересующихся ходом игры людей, формируя вокруг игроков коммуникативное пространство. Игра включает решения игроков относительно: 1) изменения ситуации, т.е. воздействия на объект игры; 2) изменения состояния других игроков — воздействия на субъектов игры; 3) изменения целей и критериев своего состояния (коррекции стратегии) — воздействия на самого себя как игрока; 4) изменения правил игры — воздействия на природу игры [28].

Изменение правил игры направлено как в сторону абстрагирования, что наглядно демонстрируют традиционные настольные игры, где стратегии, моделирующие реальные процессы (например, конкуренцию в игре «Жизнь»), упрощаются до перекладывания фишек на размеченной доске, так и в сторону усложнения (например, в шахматах, где теория игры разработана настолько подробно, что требуются усложнения, позволяющие проявить творчество на ранних стадиях игры[13]).

[13]Такие усложнения предлагались ведущими шахматистами мира. В качестве иллюстрации можно привести шахматную партию Х. Р. Капабланка — Г. Мароци на доске 16×12

Упрощение игрового мира приводит к возможности генерации личностью, воспринимающей процесс игры, смыслов в каждой позиции и движении фигур, и следовательно, к возникновению абстрактного динамического искусства, где развитие игровой ситуации рассматривается, как невербальный коммуникативный акт, характеризующийся значительным эстетическим потенциалом. Кроме того, упрощение игрового мира позволяет формализовать процесс игры как путем создания математической модели самой игры, так и путем формального описания коммуникативных процессов, протекающих в ходе игровой практики. Здесь мы наблюдаем взаимосвязь между интуитивным, эмоциональным и рациональным способами интерпретации информации и взаимовлияющие друг на друга процессы упрочения этой взаимосвязи и абстрагирования логики игры.

Математическая модель игры позволяет оценить предельные возможности творческой интенции в процессе игрового взаимодействия. Формальное описание на уровне статистического анализа фиксирует процесс творчества на уровне выхода за рамки инструкций, моделирование процессов эволюции правил игры требует специального формализованного подхода.

Заключение

Культура игр является неотъемлемой частью общей культуры социума. Развитие культуры игр, в том числе настольных, не только обеспечивает осознание человеком своей принадлежности к социуму, но и формирует потребность творческой активности. Игра расширяет возможности генерации решений, увеличивает степень свободы в отношении императивных и граничных зон дискурса, обеспечивая модель взаимодействий, которая может быть реализована в реальном мире. Глобальная цифровизация, приводящая к замене творческой интенции рутинным расчетом, стремления к красоте решения формальным выигрышем, репутации рейтинговыми показателями, сопровождается парадигмальными ограничениями на развитие интуитивного и эмоционального способов интерпретации информации, а следовательно, десоциализацией и деградацией личности. Взаимодействие и взаимопроникновение формальной, социальной и игровой парадигм развития видов дискурса в различных областях знания — единственный рациональный путь освоения новых типов информационных пространств.

Список литературы

1. *Маничев С.А., Смолко С.А.* Эмоциональные компоненты рационального и интуитивного стиля мышления при принятии управленческих решений // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 12. Вып. 3. С. 38–50. EDN: UMZYYJ
2. *Безкоровайная Г.Т.* Семантическое поле как фрагмент национальной языковой картины мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка.

с удвоенным комплектом фигур или разработанные Р. Фишером шахматы-960: *Гик Е.Я.* Занимательные математические игры. М. : Знание, 1987.

Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 2. С. 413–419. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-413-419 EDN: YTONNL
3. *Хурматуллин А.К.* Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. № 6. С. 31–37. EDN: KYWGPH
4. *Степин В.С., Елсуков А.Н., Голдберг Ф.Н.* Методы научного познания // Гуманитарный портал: Концепты. Центр гуманитарных технологий. 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gtmarket.ru/concepts/6874 (дата обращения: 05.12.2021).
5. *Абрамов С.М., Амелькин С.А., Гагарина Л.Г., Гусейнова И.А., Корнилова Е.Н.* Разработка безбарьерной коммуникативной среды в реальном и виртуальном видах пространства // Меди@льманах. 2021. № 1 (102). С. 16–23. https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.1.2021.1623 EDN: QNXRGF
6. *Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Рыбаков М.А.* Актуальные направления современной лингвистики с позиций системного подхода. Некоторые размышления об итогах научной стажировки в РУДН «Общая и частная методология филологической науки» 2019 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 918–933. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-918-933 EDN: WDUTVQ
7. *Карасик В.И.* Игровой билингвизм: типы и характеристики // Российский журнал исследований билингвизма. Билингвизм на пересечении научных исследований. 2021. № 1. С. 21–30. EDN: YKKUDD
8. *Van Dijk T.A., Kintsch W.* Strategies of Discourse Comprehension. Chap. 6. Macrostrategies. N.Y. : Academic Press, 1983. P. 189–206.
9. *Ильин Е.П.* Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2009. EDN: QXYQIH
10. *Максимова С.В.* Творчество: созидание или деструкция. М. : Ridero, 2020.
11. *Карасик В.И.* Перформативность: факт и действие // Текст — дискурс — картина мира. Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 1. Воронеж : Истоки, 2005. С. 13–23.
12. *Овчинникова И.Г., Угланова И.А.* Компьютерное моделирование вербальной коммуникации. М. : Флинта. Наука, 2009. EDN: QUJVOT
13. *Казарцев Е.В., Пронин Д.Д.* Основы цифровой филологии: методы и принципы компьютерного анализа текста. СПб. : Политехника, 2024. EDN: FRZLTO
14. *Горожанов А.И., Гусейнова И.А.* Прикладные аспекты анализа и интерпретации текстов (на материале немецкого и русского языков). Казань : Бук, 2021. EDN: UNZHVK
15. *Бодяко А.В.* Развитие методологии учетно-контрольных процессов в условиях цифровой экономики // Управление. 2020. № 8 (1). С. 47–56. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-1-47-56 EDN: KKMBAN
16. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М. : Искусство, 1986.
17. *Мацарский В.* Сади Карно, гениальный неудачник // Троицкий вариант — Наука. 2021. № 14 (333). С. 10.
18. *Агапьев Б.Д.* Теплород и энтропия в курсе общей физики // Физическое образование: от прошлого к будущему. СПб. : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017. С. 92–95. EDN: YQFCRF
19. *Andresen B.* Current Trends in Finite-Time Thermodynamics // Angewandte Chemie International Edition. 2011. № 50 (12). P. 2690–2704. https://doi.org/10.1002/anie.201001411 EDN: OBCJQH
20. *Касавин И.Т.* Язык повседневности: между логикой и феноменологией // ИнтелРос: Интеллектуальная Россия. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://intelros.ru/subject/figures/kasavin-ilya-teodorovich (дата обращения: 01.12.2021).
21. *Гусейнова И.А.* Сценарии и стратегии гибридизации жанров в институциональном дискурсе // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. М. : МГЛУ, 2011. С. 162–197. EDN: YANYAP
22. *Guseinova I.A., Kosichenko E.F., Gorozhanov A.I.* Urban Semiotics in Retro-Detective Prose: a Tour of the 19th Century Moscow // Advances in social science, education and humanities

research: Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference “The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment” (ISMGE 2019), Volgograd, 23–29.05. 2019. Volgograd : Atlantis Press, 2019. P. 226–231. EDN: CZCZKO
23. *Булыгина Т.В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. EDN: RBBSFH
24. *Фадеева Г.М., Гусейнова И.А.* Литературные тексты: от восприятия к коммуникации. М. : МГЛУ, 2013. EDN: XXGOPD
25. *Можейко М.А.* Шахматы как означающее: эволюция означаемого в средневековой культуре // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. № 2. С. 64–79. https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-64-79 EDN: PUJDRW
26. *Кулемзин В.М.* Игра в жизни и жизнь в игре // Вестник ТГУ. 2003. № 276. С. 164–166. EDN: OJNPDZ
27. *Левада Ю.А.* Игровые структуры в системах социального действия // Системные исследования: методологические проблемы. М. : Наука, 1984. С. 269–281.
28. *Григорьева В.С.* Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: ТГТУ, 2007. EDN: JMCKVF

References

1. Manichev, S.A., & Smolko, S.A. (2015). Emotional Components of Rational and Intuitive Thinking Style in Management Decision Making. *SPbSU Bulletin*, *12*(3), 38–50. (In Russ.). EDN: UMZYYJ
2. Bezkorovaynaya, G.T. (2017). Semantic Field as a Fragment of National World Language Picture. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *8*(2), 413–419. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-413-419 EDN: YTONNL
3. Khurmatullin, A.K. (2009). The Concept of Discourse in Modern Linguistics. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*, *151*(6), 31–37. (In Russ.). EDN: KYWGPH
4. Stepin, V.S., Elsukov A.N., & Goldberg, F.N. (2021). Methods of Scientific Knowledge. *Humanitarian portal: Concepts. Center for Humanitarian Technologies* [Electronic resource]. URL: https://gtmarket.ru/concepts/6874 (accessed: 05.12.2021). (In Russ.).
5. Abramov, S.M., Amelkin, S.A., Gagarina, L.G., Guseinova, I.A., & Kornilova, E.N. (2021). Development of a Barrier-Free Communicative Environment in Real and Virtual Types of Space. *Medi@lmanakh*, 1(102), 16–23. (In Russ.). https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.1.2021.1623 EDN: QNXRGF
6. Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., & Rybakov, M.A. (2021). Topical Trends of Modern Linguistics with the Positions of the Systemic Approach. Some Thoughts on the Results of a Scientific Internship at RUDN University “General and Specialized Methodology of Philological Science”, 2019. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 12*(3), 918–933. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-918-933 EDN: WDUTVQ
7. Karasik, V.I. (2021). Game Bilingualism: Types and Characteristics. *Russian Journal of Bilingual Studies.* Bilingualism at the Intersection of Scientific Research, 1, 21–30 [Electronic resource]. URL: https://bilingualism.ru/s123456780015170-8-1/ (accessed: 29.12.2021). (In Russ.).
8. Van Dijk, T.A., & Kintsch, W. (1983). *Strategies of Discourse Comprehension*. Ch. 6. Macrostrategies. N.Y.: Academic Press. P. 189–206.
9. Ilyin, E.P. (2009). *Psychology of creativity and giftedness*. Saint Petersberg: Piter. (In Russ.). EDN: QXYQIH
10. Maksimova, S.V. (2020). *Creativity: creation or destruction*. Moscow: Ridero. (In Russ.).
11. Karasik, V.I. (2005). Performativity: Fact and Action. In: *Text — Discourse — Picture of the World. Interuniversity Collection of Scientific Papers* (Vol. 1, pp. 13–23). Voronezh: Istoki. (In Russ.).

12. Ovchinnikova, I.G., & Uglanova, I.A. (2009). *Computer Modeling of Verbal Communication*. Moscow: Flinta. Nauka, (In Russ.). EDN: QUJVOT
13. Kazartsev, E.V., & Pronin, D.D. (2024). *Fundamentals of Digital Philology: Methods and Principles of Computer Text Analysis*. Saint Petersburg: Polytechnic. (In Russ.). EDN: FRZLTO
14. Gorozhanov, A.I. & Guseynova, I.A. (2021). *Applied Aspects of Text Analysis and Interpretation (based on the Material of German and Russian Languages)*. Kazan: Buk. (In Russ.). EDN: UNZHVK
15. Bodiako, A.V. (2020). Development of Methodology of Accounting and Control Processes in the Digital Economy. *Management*, 8(1), 47–56. (In Russ.). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2020-1-47-56 EDN: KKMBAN
16. Vygotsky, L.S. (1986). *Psychology of Art*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
17. Matsarsky, V. (2021). Sadi Karno, a Brilliant Loser. *Troitsky variant – Science*, 14(333), 10. (In Russ.).
18. Agapyev, B.D. (2017). Heat and Entropy in the Course of General Physics. In: *Physical Education: from Past to Future*, proceedings (pp. 92—95). Saint Petersburg: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University publ. (In Russ.). EDN: YQFCRF
19. Andresen, B. (2011). Current Trends in Finite-Time Thermodynamics. *Angewandte Chemie International Edition*, 50(12), 2690–2704. https://doi.org/10.1002/anie.201001411 EDN: OBCJQH
20. Kasavin, I.T. (2020). The Language of Everyday Life: Between Logic and Phenomenology. *IntelRos: Intellectual Russia* [Electronic resource]. URL: https://intelros.ru/subject/figures/kasavin-ilya-teodorovich (accessed: 01.12.2021). (In Russ.).
21. Guseynova, I.A. (2011). Scenarios and Strategies of Genre Hybridization in Institutional Discourse. In: *Linguistic Creativity in the Dynamics of Semiotic Interactions* (pp. 162–197). Moscow: MSLU publ. (In Russ.). EDN: YANYAP
22. Guseinova, I.A., Kosichenko, E.F., & Gorozhanov, A.I. (2019). Urban Semiotics in Retro-Detective Prose: a Tour of the 19th Century Moscow. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2019)* (pp. 226–231). Volgograd: Atlantis Press. EDN: CZCZKO
23. Bulygina, T.V. (1997). *Linguistic Conceptualization of the World (based on the Material of Russian Grammar)*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.). EDN: RBBSFH
24. Fadeeva, G.M., & Guseynova, I.A. (2013). *Literary Texts: from Perception to Communication*. Moscow: MSLU publ. (In Russ.). EDN: XXGOPD
25. Mozheyko, M.A. (2021). Chess as a Meaning: Evolution of a Significant in Medieval Culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2, 64–79. (In Russ.). https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-64-79 EDN: PUJDRW
26. Kulemzin, V.M. (2003). Game in Life and Life in the Game. *Tomsk State University Journal*, 276, 164—166. (In Russ.). EDN: OJNPDZ
27. Levada, Yu.A. (1984). Game Structures in Social Action Systems. In: *System Research: Methodological Problems* (pp. 269–281). Moscow: Nauka. (In Russ.).
28. Grigorieva V. S. (2007). *Discourse as an Element of the Communicative Process: Pragmalinguistic and Cognitive Aspects*. Tambov: TSTU publ. (In Russ.). EDN: JMCKVF

Сведения об авторах:

Амелькин Сергей Анатольевич, кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник Института системной и программной инженерии и информационных технологий, Московский институт электронной техники (124498, Российская Федерация, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1); *сфера научных интересов*: вычислительные макросистемы, системы обработки больших данных; *e-mail*: amelkin@ist.education
ORCID: 0000-0002-4004-7159, SPIN-код 3631-1548, AuthorID: 9632, Scopus ID 6602286922, ResearcherID: B-9238-2014.

Шапиро Борис Исаакович, Президент и директор по науке, Институт вычислительных технологий SP-Rhyme (D-10785, Федеративная Республика Германия, г. Берлин, Клукштрассе, д. 25); *сфера научных интересов*: вычислительные макросистемы, системы обработки больших данных.
ORCID: 0000-0002-7827-6205, SPIN-код: 8951-9701, AuthorID: 44859.

Горожанов Алексей Иванович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка, факультет немецкого языка Московский государственный лингвистический университет (119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1); *сфера научных интересов*: иностранные языки, компьютерное обучение, электронное обучение, смешанное обучение, облачные вычисления, информатика; *e-mail*: a_gorozhanov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2280-1282, SPIN-код: 1753-4920, AuthorID: 592980; Scopus ID: 57221193252, ResearcherID: U-2569-2018.

Писарик Оксана Ивановна, младший научный сотрудник лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московский государственный лингвистический университет (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1); *научные интересы*: профессиональный дискурс, цифровой тезаурус; *e-mail*: ksyfrolova93@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7081-9263, SPIN-код 9808-2097.

Information about the authors:

Sergey A. Amelkin, Associate ProfessoPhD in Technical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of System and Software Engineering and Information Technology, Moscow Institute of Electronic Technology (1 Shokina sq., Moscow, Zelenograd, Russian Federation, 124498); *Research interests*: computational macrosystems, big data processing systems; *e-mail*: amelkin@ist.education
ORCID: 0000-0002-4004-7159, SPIN-code 3631-1548, AuthorID: 9632, Scopus ID 6602286922, ResearcherID: B-9238-2014.

Boris I. Shapiro, President & Scientific Director, SP-Rhyme Institute of Computational Technologies (25 Kluckstrasse, Berlin, the Federal Republic of Germany, D-10785,); *Research interests*: computing macrosystems, big data processing systems.
ORCID: 0000-0002-7827-6205, SPIN: 8951-9701, AuthorID: 44859.

Alexey I. Gorozhanov, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor at the Department of Grammar and History of the German Language, Faculty of German, Moscow State Linguistic University (38, Bldg. 1, Ostozhenka Str., Moscow, Russian Federation,119034); *Research interests*: Foreign Languages, CALL, E-Learning, Blended-Learning, Cloud Computing, Computer Science; *e-mail*: a_gorozhanov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2280-1282, SPIN: 1753-4920, AuthorID: 592980; Scopus ID: 57221193252, ResearcherID: U-2569-2018.

Oxana I. Pisarik, Junior Research Assistant at the Laboratory for Fundamental and Applied Issues of Virtual Education, Moscow State Linguistic University (38 Ostozhenka St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 119034); *Research interests*: professional discourse, digital thesaurus; *e-mail*: ksyfrolova93@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7081-9263, SPIN 9808-2097.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 322–335
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-322-335
EDN: IYDGMY

Научная статья / Research Article

Жанровые характеристики поликодового текста медицинского дискурса на материале медицинского плаката и карикатуры

Н.М. Дугалич ✉, С.П. Ермолаева, А.М. Куприянова, Н.М. Никонов

Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
✉ dugalich-nm@rudn.ru

Аннотация. Медицинская лингвистика выработала особый жанровый ряд, который обладает сложившимися характеристиками, повторяющимися в медицинском дискурсе в разных лингвокультурах. Целью исследования стало определение конститутивных характеристик двух жанров медицинского дискурса — медицинского плаката и карикатуры на медицинскую тему, реализованных поликодовыми текстами на материале английского и китайского языков. Сопоставительный анализ, проведенный на материале карикатуры и медицинского плаката на английском и китайском языках, показал, что устойчивыми жанровыми характеристиками медицинского плаката являются реализация информационной функции, ограниченная тематика, тезисная организация текста, дублирование вербальной информации визуальной с использованием рисунков и схем, цветового кода; карикатуры на медицинскую тему продолжают традиции европейской политической карикатуры и высмеивают профессиональные и личные качества врача, трудности взаимодействия врача и пациента, страх пациента перед лечением, противостояние платной и бесплатной медицины и медицину как социальный институт. Отмечено использование кода цвета и прецедентных визуальных феноменов. Вербальный компонент представлен преимущественно диалоговой формой коммуникации. Визуальный компонент может быть реализован скетчем или детализированным рисунком.

Ключевые слова: китайский язык, английский язык, сопоставительное исследование, медицинская лингвистика

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта № 050751-0-000 Системы грантовой поддержки РУДН.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

© Дугалич Н.М., Ермолаева С.П., Куприянова А.М., Никонов Н.М., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Дугалич Н.М., Ермолаева С.П., Куприянова А.М., Никонов Н.М.* Жанровые характеристики поликодового текста медицинского дискурса на материале медицинского плаката и карикатуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 322–335. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-322-335 EDN IYDGMY

Genre Characteristics of Polycode Texts in Medical Discourse: an Analysis of Posters and Cartoons l

Natalia M. Dugalich ✉, Svetlana P. Ermolaeva, Anastasia M. Kupriyanova, Nikita M. Nikonov

RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉ dugalich-nm@rudn.ru

Abstract. Medical linguistics has developed a distinct genre with established characteristics that recur in medical discourse across various linguistic cultures. This study aims to identify the constitutive features of two genres of medical discourse — the medical poster and the medical cartoon — as realized through polycode texts in English and Chinese. A comparative analysis of the medical poster and cartoon in English and Chinese revealed that the stable genre characteristics of the medical poster include the implementation of an informational function, a limited thematic scope, a thesis-based textual structure, the duplication of verbal information through visual means (drawings and diagrams), and a consistent color code. Medical cartoons, continuing the tradition of European political caricature, serve to satirize the professional and personal qualities of doctors, the complexities of doctor-patient interaction, patient anxieties regarding treatment, the dichotomy of paid versus free healthcare, and medicine as a social institution. The use of color code and precedent-based visual phenomena is also noted in cartoons. Their verbal component is primarily realized through dialogic communication while the visual component ranges from simple sketches to detailed illustrations.

Keywords: Chinese language, English language, comparative research, medical linguistics

Authors' contribution: The authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Conflict of interests: The authors stated that there were no conflicts of interest.

Funding: This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 050751-0-000.

Article history: Received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Dugalich, N.M., Ermolaeva, S.P., Kupriyanova, A.M., & Nikonov, N.M. (2026). Genre Characteristics of Polycode Texts in Medical Discourse an Analysis of Posters and Cartoons. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 322–335. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-322-335 EDN IYDGMY

Введение

Медицинский дискурс — это институциональный дискурс, в котором определены коммуниканты врач и пациент, целью общения является оказание медицинской консультации или помощи; рамками общения становится медицинское учреждение. Вслед за В.И. Карасиком [1] и Л.С. Шуравиной [2]

лингвистические описания реализации медицинского дискурса подчеркивают: 1) принадлежность врача к особой социально-профессиональной группе как носителя особых норм поведения (прежде всего, медицинской этики) и общения (медицинская терминология); 2) складывающуюся систему жанров; 3) систему символов (красный крест, белый халат) [3—6].

Изучение медицинского дискурса реализовано в таких направлениях, как: 1) выбор коммуникативных стратегий и тактик в устном и письменном медицинском дискурсе, которые осуществляются в парах врач—пациент и врач—врач [7; 8]; 2) характеристика образа врача в текстах медицинского дискурса [9; 10]; 3) описание жанровой представленности [11] и конституционных признаков разных подвидов и жанров медицинского дискурса [6]; 4) анализ текстов медицинского дискурса [3; 4; 12]; анализ медицинской терминосистемы [13—17] и др.

Целью предлагаемого исследования стало определение конститутивных характеристик двух жанров медицинского дискурса — медицинского плаката и карикатуры на медицинскую тему, реализованных поликодовыми текстами [18], на материале английского и китайского языков.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования стали медицинские плакаты на английском (100) и китайском (100) языках, полученные методом сплошной выборки из сети Интернет; критерии отбора — наличие визуального и вербального рядов, тематическая, вербальная и символьная принадлежность к медицинскому дискурсу. Методика анализа медицинской карикатуры и медицинского плаката основана на послойном рассмотрении поликодового текста [19] и его лингвокультурном анализе [20; 21].

Результаты исследования

Исследование показало, что

1) медицинский плакат является сложившимся жанром медицинского дискурса, характеризуется реализацией информационной функции и тематически доминирующим комплексом освещаемых проблем: профилактика инфекционных и неинфекционных заболеваний, медицинское обучение, в том числе, санитарным нормам и правилам здорового образа жизни, а также экстренной помощи при несчастных случаях. Лексико-грамматические характеристики медицинского плаката определены как преимущественно тезисная организация объемного текста; употребление однородных членов предложения с частотным использованием обобщения; использование императивов. Визуальный уровень медицинского плаката представлен использованием рисунков, схем и специализированных графических средств, а также дублированием текстовой информации графической. Для медицинского плаката важным является использование кода цвета и символьного ряда и включение статистических данных;

2) карикатура на медицинскую тему характеризуется как авторский поликодовый текст, предметом высмеивания в котором выступают различные аспекты коммуникации врача и пациента. Ее проблемное поле разворачивается вокруг таких тем, как профессиональные и личные качества врача, трудности взаимодействия врача и пациента, страх пациента перед лечением, противостояние платной и бесплатной медицины и медицина как социальный институт. Карикатура на медицинскую тему демонстрирует связь с традицией политической карикатуры в использовании схематизации, кода цвета и прецедентных визуальных феноменов. Вербальный компонент представлен преимущественно диалоговой формой коммуникации. Визуальный компонент может быть реализован скетчем или детализированным рисунком.

Дискуссия

Медицинский плакат принадлежит к прикладной печатной графике, приблизительно до середины XX в. плакаты являлись наиболее популярным агитационным средством и имели распространение во многих странах и в широком спектре сфер жизни, так как включали не только изображение идеи, но и ее сжатую запоминающуюся формулировку. Плакат являлся одним из важнейших инструментов формирования общественного мнения и кроме информации мог иметь аксиологическую характеристику [12].

Проведенное исследование показало, что медицинские плакаты на английском и китайском языках информируют пациентов о важности профилактики инфекционных заболеваний (например, рис. 1c); представляют собой тексты медицинского обучения, в том числе, санитарным нормам (например, рис. 1a) и правилам здорового образа жизни (например, рис. 1b), а также экстренной помощи при остром начале заболеваний, ведущих к инвалидизации и смерти (например, рис. 1d). Данная тематика отмечена как универсальная для двух корпусов примеров.

Тексты медицинских плакатов отличаются значительным объемом, организованы преимущественно в виде развернутых тезисов, что определяет их лексико-грамматические характеристики:

1) абзацное членение, каждый фрагмент текста посвящен конкретному симптому или причине возникновения заболевания, например, 登革热症状体征 人被带有登革热病毒的蚊子叮咬后3–15天内发病，主要症状:突发高热,持续3–7天; “三痛” (剧烈头痛,眼**眶**痛,肌肉**关**节痛);“三红”(面、颈、胸部潮红); 出疹; 皮下, 牙**龈** 少量出血; 乏力及恶心,**呕**吐等。 ‘Симптомы и признаки лихорадки денге. Лихорадка денге развивается в течение 3–15 дней после укуса комара, переносящего вирус денге. Основные симптомы включают: внезапное повышение температуры, длящееся 3–7 дней; «три боли» (сильная головная боль, боль в глазах, а также боль в мышцах и суставах); «три покраснения» (покраснение лица, шеи и груди); сыпь; незначительное кровотечение из

подкожной ткани десен; слабость, тошнота и рвота’. В данном фрагменте плаката на китайском языке об остром трансмиссивном инфекционном заболевании, причиной которого является вирус денге, можно отметить употребление однородных членов предложения (*слабость*, *тошнота* и *рвота*), обобщающих членов (*основные симптомы*: *повышение температуры*, *три боли*, *три покраснения*), которые, в свою очередь, сведены к следующему уровню обобщения (*три боли*: *головная боль*, *боль в глазах*, *боль в мышцах и суставах*) (рис. 1*c*);

2) использование императивов: 1. 清除蚊虫孳生地, 如通过翻盆例罐, 防止积水,倒干露天的缸、罐、瓮、瓶,废旧轮胎内积水, 并侧放防止积水或者放置在室内环境。2. 堵塞,如用泥土、石头等物堵塞或填充水坑, 洼地、废弃的池塘和沟果,防止积水孳生蚊虫。3. 通畅排水系统, 防止排水系统积水而孳生蚊虫。4. 隔离和封闭蚊虫孳生场所, 如在储水容器,水井等可能的蚊虫孳生场所, 应制作各类合适的盖子,防止蚊虫孳生 ‘1. Устраните места размножения комаров, например, переворачивая емкости чтобы предотвратить скопление воды, слейте воду из находящихся на улице кувшинов, банок, баков, бутылок, старых покрышек и поставьте их на бок, чтобы предотвратить скопление воды, или храните их в помещении. 2. Засыпьте или заделайте лужи, углубления, заброшенные пруды и канавы грязью, камнями или другими материалами, чтобы предотвратить застой воды, в которой размножаются комары. 3. Обеспечьте беспрепятственную дренажную систему для предотвращения скопления воды и размножения комаров. 4. Изолируйте и загерметизируйте места размножения комаров, например, сделав подходящие крышки для емкостей с водой, колодцев и других потенциальных мест размножения комаров’ (см. рисунок 1*c*);

3) медицинский плакат содержит медицинские термины: 动脉硬化 ‘атеросклероз’, 糖尿病 ‘диабет’, 冠心病 ‘ишемическая болезнь сердца’, 高血脂病 ‘гиперлипидемия’, 高粘滞血症 ‘синдром повышенной вязкости крови’, 肥胖病 ‘ожирение’, 颈椎病 ‘шейный спондилез’, в том числе, как в указанном примере, в котором данные термины перечислены как причины инсульта (см. рис. 1*d*);

4) визуальный уровень медицинского плаката представлен использованием специализированных графических средств, например, изображение часов в колпаке для сна и z как символа храпа дублирует и обобщает абзац в медицинском плакате на английском языке о здоровом образе жизни: *Get enough sleep each night to improve mood, memory, and overall health* ‘Спите достаточно каждую ночь для улучшения настроения, памяти и общего здоровья’ (см. рис. 1*a*);

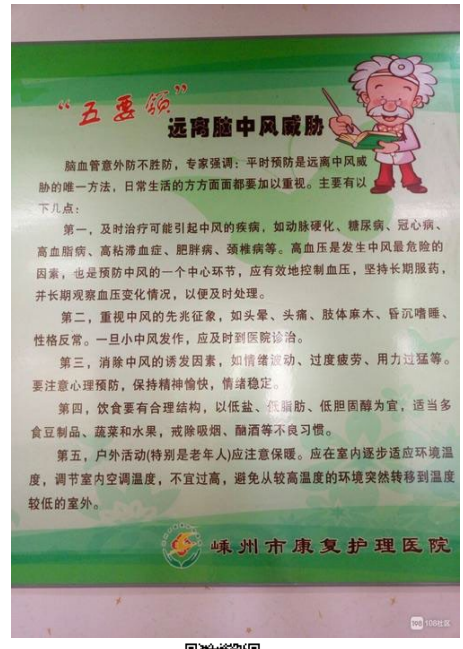
1a

1b

1c

1d

Рис. 1. Примеры медицинских плакатов на английском и китайском языках
Источник: составлено Н.М. Дугалич, С.П. Ермолаевой, А.М. Куприяновой, Н.М. Никоновым.

Figure 1. Examples of medical posters in English and Chinese
Source: compiled by Natalia M. Dugalich, Svetlana P. Ermolaeva, Anastasia M. Kupriyanova, and Nikita M. Nikonov.

5) для медицинского плаката важным является использование

– **кода цвета**, например, зеленый цвет имеет значение ‘жизнь’, ‘здоровье’ в медицинском плакате на английском языке о здоровом образе жизни и в китайском плакате о профилактике инсульта (см. рис. 1*d*);

– **символьного ряда**, например, изображение ходунков маркирует пациентов с ограничениями в движении вследствие инвалидизации или возраста (см. рисунок 1*b*); капли как символа чистой воды (см. рис. 1*a*).

Культурно-специфическими чертами медицинского плаката на китайском языке является избыточное употребление рисунков, сопровождающих основной текст плаката, которые выполнены в мультипликационном стиле и представляют собой изображения европейцев, например, изображение девочки-медсестры на медицинском плакате о лихорадке денге (см. рис. 1*c*) или врача-офтальмолога в образе дедушки-врача в тексте об инсульте (см. рисунок 1*d*). Важно отметить детализированность рисунков китайского медицинского плаката, например, изображение уличных емкостей различных объемов (бочка, таз, ведро) как потенциальных мест, в которых разводятся комары, переносящие лихорадку денге (см. рис. 1*c*).

Для медицинского плаката на английском языке характерным являются заголовки абзацев, в которых в одном слове или словосочетании выражена основная идея абзаца, например, *SAFETY* в отрывке о соблюдении медицинских стандартов при оказании медицинских услуг гражданам (см. рис. 1*b*). Также хотелось бы отметить включение в визуальную часть медицинских плакатов на английском языке ценности других сфер жизни, например, изображение людей разных этнических групп (см. рис. 1*b*) как символ толерантности.

Исследование показало, что карикатура на английском и китайском языках демонстрирует большую степень сближения, чем медицинский плакат, т.к. в карикатуре на китайском языке прослеживается использование европейской традиции политической карикатуры. Так, герои изображаются в интерьере медицинского учреждения, который обозначен с помощью одного или двух предметов (например, стол и кресло на рис. 2*b*; стойка с красным крестом и кресло на рис. 2*c*). Мимика и кинесика героев детализирована; используется небольшое количество цветов, шрифтовое варьирование, различное расположение надписей и пузырей с репликами героев; на части карикатур не отмечена визуальная связь с определенным этносом (см. рис. 2*c*). Анализ картотеки авторов подтверждает необходимость базовых медицинских знаний для дешифровки комической интенции автора карикатуры [22].

Необходимо отметить, что символы-предметы являются обязательным атрибутом визуального ряда карикатуры и позволяют сразу определить для читателя условия общения героев: для медицинского дискурса наиболее распространенными становятся белый халат (см. рис. 2*a*, *b*, *d*, *e*, *f*); синий хирургический костюм (см. рис. 2*c*); медицинская кушетка (см. рис. 2*d*, *e*, *f*); медицинский бандаж (см. рис. 2*a*); фонендоскоп (см. рис. 2*e*).

Универсальной является также тематическая основа карикатуры: высмеиваются такие аспекты коммуникации врача и пациента, как

1) *коммуникативная неудача*, в частности, при употреблении врачом терминов, непонятных пациенту, и наоборот (см. рис. 2*b*, *d*). Так, в карикатуре (см. рис. 2*f*) представлена коммуникативная неудача в общении врача и пациента, построенная на языковой игре, основанной на актуализации разных лексико-семантических вариантов многозначного глагола:

run III v[1]

1. бежать, бегать

8. (быстро) распространяться

Врач задает пациенту с морбидным ожирением вопрос: *Does obesity run in your family?* ‘В вашей семье есть случаи ожирения?’ — Пациент отвечает: *Nobody runs in my family* ‘В моей семье никто не бегает’. Ответ пациента основывается на использовании ЛСВ$_1$ глагола *to run* ‘бежать, бегать’; вопрос врача содержит сочетание ЛСВ$_2$ глагола *to run* ‘распространяться’ и медицинского термина *obesity* ‘ожирение’, возникает языковая игра.

2) организация оказания медицинской помощи (см. рисунки 2*b*, *e*), в том числе, платная медицина. Так, на рис. 2*b* изображен прямой конфликт врача и пациента, основанный на огромном счете, выставленном пациенту — 检查费 ‘плата за обследование’ — который включает список разнообразных, возможно, немотивированных исследований и трехдневный отдых: 核磁共振xx ‘МРТ’, 血常规 ‘общий анализ крови’, 细胞检测 ‘цитологическое исследование’, 休息三天 ‘отдохнуть 3 дня’ и др.;

3) а также профессиональные качества врача в дихотомии *внимательный врач* и *врач-непрофессионал* (см. рис. 2*a*, *e*); страх пациента (см. рис. 2*b*, *d*).

Вербальный компонент представлен преимущественно диалоговой формой коммуникации, выраженной имплицитно (пациент в ответ на реплику врача показывает на пришитую на место руки ногу — см. рис. 2*a*) и эксплицитно (на карикатуре представлены реплики двух персонажей — см. рис. 2*a*, в частности, врач изображен китайцем с характерной формой лица; см. рис. 2*b* — пациент одет в распространенный в Китае китель).

Имплицитное выражение диалога предполагает вынесение в вербальный компонент карикатуры реплики, которая является продолжением разговора за кадром или комментария-реакции на действия коммуникантов, произведенные как результат предшествующего общения: *When I said I wanted a second opinion on my prognosis, this isn’t exactly what I meant* ‘Когда я сказала, что хочу получить второе мнение по поводу своего прогноза, я имела в виду не совсем это’ — т.е. в рамках предшествующего разговора пациента и врача

[1] *Мюллер В.К.* Новый Большой англо-русский словарь / под ред. С.И. Карантирова. М. : Дом славянской книги, 2025. Т. 3. С. 122.

пациентом было высказано пожелание получения *prognosis* – ЛСВ1 ‘*мед*. прогноз, предсказание дальнейшего течения болезни’[2].

prognosis

1. *мед*. прогноз, предсказание дальнейшего течения болезни

2. 1) предсказание, прогноз; 2) прогностика

Читатель карикатуры может догадаться, что врач как участник коммуникации предполагает употребление пациентом ЛСВ2 ‘предсказание’, т.е. немедицинского значения лексической единицы *prognosis.* Возникает коммуникативная неудача, на которую указывает приглашение в палату гадалки, в руках которой хрустальный шар — символическое указание на ее род занятий и на вид гадания (*scrying*) – увидеть будущее человека.

2a

2b

2c

2d

2e

2f

Рис. 2. Примеры карикатуры на медицинскую тему на английском и китайском языках

Источник: составлено Н.М. Дугалич, С.П. Ермолаевой, А.М. Куприяновой, Н.М. Никоновым.

Figure 2. Examples of medical cartoon in English and Chinese

Source: compiled by Natalia M. Dugalich, Svetlana P. Ermolaeva, Anastasia M. Kupriyanova, and Nikita M. Nikonov.

[2] *Мюллер В.К.* Новый Большой англо-русский словарь / под ред. С.И. Карантирова. М. : Дом славянской книги, 2025. Т. 2. С. 777.

Жанровой характеристикой карикатуры на медицинскую тему становится использование в вербальном компоненте медицинских терминов, например, 核磁共振 ‘МРТ’, CT ‘КТ сканирование’, 多普勒 ‘доплерография’, B 超 ‘УЗИ в режиме В’, 心电图 ‘ЭКГ’ и терминологических сочетаний: 肝功 ‘функция печени’, 医疗错误 ‘врачебная ошибка’, 误诊 ‘ошибочный диагноз’; *obesity* ‘ожирение’; *prognosis*’ *мед*. прогноз, предсказание дальнейшего течения болезни’ и др.

Визуальный компонент может быть реализован скетчем (см. рис. 2*e*) или детализированным рисунком (см. рис. 2*a*). Код цвета в карикатуре выступает, главным образом, для расстановки акцентов, так, например, подписи могут быть выполнены красным цветом (см. рис. 2*a*, *c*). Для визуального уровня поликодового текста карикатуры характерно использование прецедентных феноменов, прежде всего, цивилизационного уровня. Так, например, на рис. 2*a*, *c* как указание на избыточность медицинских исследований с целью увеличения цены лечения назначения врача представлены в виде свитков. Свиток является одной из древнейших форм книги и представляет собой узкую полоску скрепленных между собой листов, свернутых в рулон, и известен со времен древней египетской цивилизации.

Специфической чертой карикатуры на английском языке является частотное использование языковой игры; в китайской карикатуре комическая интенция выражается через конфликт ситуации.

Заключение

Исследование показало, что к настоящему времени сложилась система жанров медицинского дискурса, в том числе, имеющих форму поликодового текста. Медицинский плакат и карикатура на медицинскую тему демонстрируют устойчивую реализацию таких характеристик, как указание на дискурсивную принадлежность на уровне вербального и визуального компонента, выполнение информационной функции медицинским плакатом и комической функции карикатурой на медицинскую тему; присутствие диалога разных типов между врачом и пациентом; тематическая приверженность в рамках двух лингвокультур; использование терминологических лексических средств и оформление вербального компонента согласно жанру; присутствие медицинской символики на рисунке. Перспективы исследования мы видим в анализе культурно-специфических черт рассмотренных жанров медицинского плаката и карикатуры на медицинскую тему, а также в поиске и анализе медицинских плакатов о китайской народной медицине.

Список литературы

1. *Карасик В.И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. EDN: UGQAMP

2. *Шуравина Л.С.* Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). С. 65–67. EDN: QBKTYU
3. *Мишланова С.Л., Уткина Т.И.* Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты). Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2008. EDN: UUKYMD
4. *Stepanova E.S.* Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 174–183. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183 EDN: XOETEB
5. *Гончаренко Н.В.* Суггестивность медицинского дискурса // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. №2 (26). С. 12–16. EDN: KBXPKP
6. *Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М., Никонов Н.М.* Жанровые характеристики медицинского плаката о диабете // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 308–339. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-308-339 EDN: LEJLOD
7. *Жура В.В.* Речевые стратегии врача в устном медицинском дискурсе // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3–2. С. 59–61. EDN: PEIUQB
8. *Барсукова М.И., Шешнева И.В., Рамазанова А.Я.* Рискогенность общения врача и пациента: коммуникативный аспект // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3 (76). С. 486—487. EDN: ZYTTQD
9. *Кочеткова Т.В., Барсукова М.И., Ремпель Е.А., Рамазанова А.Я.* Медицинский дискурс : специфика профессиональной коммуникации врача // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 466–468. EDN: XUNFTF
10. *Kuzembayeva G.A., Maigeldiyeva Z.M., Maydangalieva Z.A.* The Perception of Medical Doctors on the Part of Hindu, Russian and Kazakh Linguoculture Bearers: Association Experiment // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 567–580. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-567-580 EDN: LNGFUD
11. *Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В.* К вопросу о жанровой палитре медицинского дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 7 (196). С. 43–47. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-133-137 EDN: VKVRDI
12. *Сараева Е.Е., Детинко Ю.И.* Информационный медицинский плакат о профилактике COVID-19 в мультимодальном аспекте: средства воздействия на аудиторию // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. № 1 (225). С. 49–57. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-49-57 EDN: OWDJZA
13. *Вавилова К.*Ю. Образование офтальмологических терминов в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории практики. 2019. №12 (12). С. 231–235. https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.45 EDN: GRSCZR
14. *Волкова С.А.*, *Кичигин И.А.*, *Аржанников М.Ю.* Трудности перевода английской медицинской терминологии на русский в гинекологии // Scientist. 2023. № 4 (26). С. 34–40. EDN: GQKWEA
15. *Zvereva E.V.* Neology Process in the Era of the COVID-19 Pandemic: Spanish and French Media and Social Networks Discourse // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 364–381. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-364-381 EDN: MSZPNB
16. *Урумиду В.Г.* Новые слова в греческом и русском языках в период пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 123–134. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-123-134 EDN: QHZGLV

17. *Mohammed S.* Inconsistency of Translating Medical Abbreviations and Acronyms into the Arabic Language // Training, Language and Culture. 2022. Т. 6. № 3. P. 67–77. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77 EDN: PIYKZX
18. *Новоспасская Н.В., Дугалич Н.М.* Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 298–311. https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311
19. *Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М.* Методика анализа креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23. № 1. С. 127–133. https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133 EDN: YTFDRF
20. *Белова М.А., Шаклеин В.М.* Лингвокультурологический анализ текстов карикатур // Русистика. 2012. № 2. С. 19–24. EDN: NKMDLN
21. *Новоспасская Н.В., Хаддад А., Колмыкова Я.* Культурно-специфические черты социальной экологической рекламы на арабском и казахском языках // Филология: научные исследования. 2023. № 6. С. 9–25. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.6.40833 EDN: DOQCZM
22. *Godzinevskaya S.P.* Features of the Polycode Text of the Medical Discourse Caricature // Иностранный язык в профессиональной сфере: педагогика, лингвистика, межкультурная коммуникация : сб. материалов конфереции, 29–31 октября 2024 г. М. : Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2025. P. 234—238. EDN: JHXBFX

References

1. Karasik, V.I. (2002). *Language circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena. (In Russ.). EDN: UGQAMP
2. Shuravina, L.S. (2013). On Typology of Medical Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 37 (328), 65–67. (In Russ.). EDN: QBKTYU
3. Mishlanova, S.L., & Utkina, T.I. (2008). *Metaphor in Popular Scientific Medical Discourse (Semiotic, Cognitive-Communicative, Pragmatic Aspects)*. Perm: Perm State National Research University publ. (In Russ.). EDN: UUKYMD
4. Stepanova, E.S. (2022). Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *13*(1), 174–183. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183 EDN: XOETEB
5. Goncharenko, N.V. (2008). Suggestiveness in Medical Discourse. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 2(26), 12–16. (In Russ.). EDN: KBXPKP
6. Ebzeeva, Yu.N., Dugalich, N.M., & Nikonov, N.M. (2024). Genre Characteristics of a Medical Poster about Diabetes. *Polylinguality and Transcultural Practices*, *21*(2), 308—339. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-308-339. EDN: LEJLOD
7. Zhura, V.V. (2007). Speech Strategies in Oral Medical Discourse. *Almanack of Modern Science and Education*, 3–2, 59–61. (In Russ.). EDN: PEIUQB
8. Barsukova, M.I., Sheshneva, I.V., & Ramazanova, A.Ya. (2019). Riskiness of Doctor-Patient Interaction: Communicative Aspect. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*, 3(76), 486–487. (In Russ.). EDN: ZYTTQD
9. Kochetkova, T.V., Barsukova, M.I., Rempel, E.A., & Ramazanova, A.Ya. (2018). Medical Discourse: Specifity of Professional Communication of a Doctor. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*, 3(70), 466–468. EDN: XUNFTF
10. Kuzembayeva, G.A., Maigeldiyeva, Z.M., & Maydangalieva, Z.A. (2022). The Perception of Medical Doctors on the Part of Hindu, Russian and Kazakh Linguoculture Bearers: Association Experiment. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *13*(2), 567–580. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-567-580 EDN: LNGFUD

11. Kositskaya, F.L., & Matyukhina, M.V. (2018). On the Question of the Speech Genre Differentiation of the French Scientific Medical Discourse. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 7(196), 43–47. (In Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-133-137 EDN: VKVRDI
12. Sarayeva, E.E., & Detinko, Yu.I. (2023). Multimodal Specifics of Covid-19 Poster: Impact on the Audience. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 1(225), 49–57. (In Russ.). https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-1-49-57 EDN: OWDJZA
13. Vavilova, K.Yu. (2019). Ophthalmological Terms Formation in the English Language. Philology. Theory & Practice, 12(12), 231–235. (In Russ.). https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.45 EDN: GRSCZR
14. Volkova, S.A., Kichigin, I.A., & Arzhannikov, M.Yu. (2023). Difficulties in Translating English Medical Terminology into Russian in Gynecology. *Scientist*, 4(26), 34–40. (In Russ.). EDN: GQKWEA
15. Zvereva, E.V. (2022). Neology Process in the Era of the COVID-19 Pandemic: Spanish and French Media and Social Networks Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *13*(2), 364–381. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-364-381 EDN: MSZPNB
16. Ouroumidou, V.G. (2023). New Words in Greek and Russian During the COVID-19 Pandemic. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *14*(1), 123–134. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-123-134 EDN: QHZGLV
17. Mohammed, S. (2022). Inconsistency of Translating Medical Abbreviations and Acronyms into the Arabic Language. *Training, Language and Culture*, *6*(3), 67–77. https://doi.org/10.22363/2521-442X-2022-6-3-67-77 EDN: PIYKZX
18. Novospasskaya, N.V., & Dugalich, N.M. (2022). Terminological System of the Polycode Text Theory. *Russian Language Studies*, *20*(3), 298–311. https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311 EDN: DOQCZM
19. Ebzeeva, Yu.N., & Dugalich, N.M. (2018). Methodology for Analyzing Creolized Text of Political Cartoon in the Arabic and French Languages. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, *23*(1), 127–133. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133 EDN: YTFDRF
20. Belova, M. A., & Shaklein, V. M. (2012). Linguistic and Culturological Analysis of Caricature Texts. *Russian Language Studies*, 2, 19–24. (In Russ.). EDN: NKMDLN
21. Novospasskaya, N.V., Haddad, A., & Kolmykova, Ya. (2023). The Cultural Aspects of Ecological Non-Commercial Advertisements in Arabic and Kazakh. *Philology: Scientific Researches*, 6, 9–25. (In Russ.). https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.6.40833 EDN: DOQCZM
22. Godzinevskaya, S.P. (2025). Features of the Polycode Text of the Medical Discourse Caricature. Proceedings of "Foreign Language in the Professional Sphere: Pedagogy, Linguistics, Intercultural Communication" Conference, October 29–31, 2024 (pp. 234–238). Moscow: Russian State University named after A.N. Kosygin (Technologies. Design. Art) publ., 2025. EDN: JHXBFX

Сведения об авторах:

Дугалич Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета, заведующая кафедрой иностранных языков медицинского института, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: поликодовый текст, медицинский дискурс, смеховые жанры; *e-mail*: dugalich-nm@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-1863-2754, SPIN-код: 2458-7744, AuthorID: 613580, ResearcherID: K-8404-2017; Scopus ID: 57194526936.

Ермолаева Светлана Петровна, ассистент кафедры иностранных языков медицинского института, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: поликодовый текст, медицинский дискурс, карикатура, смеховые жанры; *e-mail*: godzinevskaya-sp@rudn.ru
ORCID 0009-0009-6188-7403, SPIN-код: 3902-4215, AuthorID: 1299093.

Куприянова Анастасия Михайловна, ассистент кафедры иностранных языков медицинского института, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: поликодовый текст, медицинский плакат, медицинский дискурс; смеховые жанры; *e-mail*: kupriyanova-am@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-5623-6264, SPIN-код: 3309-4707, AuthorID: 1289272.

Никонов Никита Михайлович, ассистент кафедры иностранных языков медицинского института, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: поликодовый текст, медицинский дискурс; смеховые жанры; *e-mail*: nikonov-nm@rudn.ru

Information about the author:

Natalia M. Dugalich is a PhD in Philology, Associate Professor at the Foreign Languages Department, Faculty of Philology; Head of Foreign Languages Department, Institute of Medicine, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation,117198); *Research interests*: polycode text, medical discourse, humor genres; *e-mail*: dugalich-nm@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-1863-2754, SPIN-code: 2458-7744, AuthorID: 613580, ResearcherID: K-8404-2017; Scopus ID: 57194526936.

Svetlana P. Ermolaeva, is an Assistant at Foreign Languages Department, Institute of Medicine, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation,117198); *Research interests*: polycode text, medical discourse, humor genres, caricature; *e-mail*: godzinevskaya-sp@rudn.ru
ORCID 0009-0009-6188-7403, SPIN-code: 3902-4215, AuthorID: 1299093.

Anastasia M. Kupriyanova, is an Assistant at Foreign Languages Department, Institute of Medicine, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation,117198); *Research interests*: polycode text, medical discourse, poster, humor genres; *e-mail*: kupriyanova-am@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-5623-6264, SPIN-code: 3309-4707, AuthorID: 1289272.

Nikita M. Nikonov is an Assistant at Foreign Languages Department, Institute of Medicine, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: polycode text, medical discourse, humor genres; *e-mail*: nikonov-nm@rudn.ru.
.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 336–350
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-336-350
EDN: IZFITY

Обзорная статья / Review

Специфика перевода медицинских опросников на татарский язык

Р.Р. Замалетдинов ✉, **А.А. Вагапова**

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет, *Казань, Российская Федерация*
✉ sovet.rus16@mail.ru

Аннотация. Цель исследования — комплексный анализ проблемы перевода стандартизированных опросников для оценки состояния здоровья на языки народов Российской Федерации и их кросс-культурной адаптации. Невзирая на активные лингвистические исследования в разных областях, практический опыт и научные публикации по переводу и валидации медицинских инструментов (шкал, опросников, батарей тестов) на языках народов РФ остаются крайне ограниченными. В работе систематизированы методологические подходы к решению данной задачи, находящейся на стыке медицины, лингвистики и культурологии. Особое внимание уделяется специфике медицинского перевода, требующего от специалиста не только языковых компетенций, но и глубоких знаний в предметных областях, затрагиваемых в инструментарии. Детально рассмотрены типичные лингвистические трудности, а также необходимость учёта экстралингвистических факторов. На примере татарского языка авторы иллюстрируют специфические вызовы, связанные с особенностями формирования медицинской терминологии и вербализации эмоциональных концептов, из чего следует, что такая работа может быть выполнена только междисциплинарным коллективом. Разработка качественных адаптированных переводов опросников для оценки состояния здоровья на языки народов РФ является критически важным условием для обеспечения равного доступа к медицинской помощи и участию в исследованиях, позволяя избежать систематического исключения из научного дискурса пациентов, не владеющих русским языком.

Ключевые слова: кросс-культурная адаптация, медицинский перевод, языки народов Российской Федерации, психометрическая валидация, татарская медицинская терминология

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Академии наук Республики Татарстан по проекту №25-28-20404, https://rscf.ru/project/25-28-20404/

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

© Замалетдинов Р.Р., Вагапова А.А., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Замалетдинов Р.Р., Вагапова А.А.* Специфика перевода медицинских опросников на татарский язык // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 336–350. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-336-350 EDN IZFITY

Specifics of Translating Medical Questionnaires into Tatar Language

Radif R. Zamaletdinov ✉, Alsu A. Vagapova

Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan, Russian Federation*

✉ sovet.rus16@mail.ru

Abstract. Purpose of the study is a comprehensive analysis of the problem of translating standardized health assessment questionnaires into the languages of the Russian Federation and their cross-cultural adaptation. Despite active linguistic research in various fields, practical experience and scientific publications on the translation and validation of medical instruments (scales, questionnaires, and test batteries) into the languages of the Russian Federation remain extremely limited. This paper systematizes methodological approaches to solving this problem, which lies at the intersection of medicine, linguistics, and cultural studies. Particular attention is paid to the specifics of medical translation, which requires specialists not only linguistic competence but also in-depth knowledge of the subject areas covered by the instruments. Typical linguistic difficulties are examined in detail, as well as the need to consider extralinguistic factors. Using the example of the Tatar language, the authors illustrate the specific challenges associated with the development of medical terminology and the verbalization of emotional concepts, which suggests that such work can only be accomplished by an interdisciplinary team. The development of high-quality, adapted translations of health assessment questionnaires into the languages of the peoples of the Russian Federation is critical to ensuring equal access to medical care and participation in research, while avoiding the systematic exclusion of patients who do not speak Russian from scientific discourse.

Key words: cross-cultural adaptation, medical translation, languages of the peoples of the Russian Federation, psychometric validation, Tatar medical terminology

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text**.**

Conflict of interests: the authors stated that there were no conflicts of interest.

Fundings. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation and Tatarstan Academy of Sciences, project No. 25-28-20404, https://rscf.ru/project/25-28-20404/

Article history: received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Zamaletdinov, R.R., & Vagapova, A.A. (2026). Specifics of Translating Medical Questionnaires into Tatar Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 336–350. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-336-350 EDN IZFITY

Введение

Лингвокультурологическая адаптация стандартизированных опросников для оценки состояния здоровья на языки коренных народов Российской Федерации представляет собой комплексную междисциплинарную проблему на стыке медицины, лингвистики и культурологии. Научно-практическая база

для полноценной психометрической валидации таких инструментов на языках народов РФ в научной литературе практически не описана, в отличие от обилия работ по переводу инструментов на русский язык и их последующей адаптации в русскоязычных выборках.

Рост мультикультурных исследований обуславливает необходимость кросс-культурной адаптации опросников, которая выходит за рамки простого перевода и направлена на достижение концептуального, а не только языкового соответствия с учетом языковых и культурных особенностей целевой популяции. Данный обзор систематизирует методологические подходы, эмпирический опыт и лингвистические исследования, формирующие основу для решения данной задачи.

Медицинский перевод

Медицинский перевод занимает особое место в системе специального перевода в силу прямой вовлеченности в вопросы здоровья и прав пациентов. Его актуальность диктуется интернационализацией медицины и развитием узких специализаций, что требует от переводчика не только мастерства в области его лингвистической специальности, но и глубокого погружения в медицинскую тематику. Как отмечает М.В. Ширинян, это «узкоспециализированный вид перевода, для выполнения которого требуется переводчик, владеющий не только соответствующим иностранным языком, но и специальной терминологией» [1. С. 298].

Современная медицинская терминология — это обширная макросистема, для которой ключевыми являются системность, однозначность и стилистическая нейтральность. В процессе перевода возникают достаточно общие проблемы.

1. Синонимия, подрывающая однозначность. Её появление провоцирует параллельное использование греко-латинских и англосаксонских терминов (*uterus — womb*) или различий в классификации (*желудочно-кишечный тракт — gastrointestinal / digestive tract / alimentary canal*).

2. Аббревиатуры и сокращения, требующие точного контекстуального анализа, поскольку одна аббревиатура может иметь несколько значений (*BPD — bipolar disorder*, *biparietal diameter*). Для их передачи используются стратегии заимствования, транслитерации, описательного перевода или создания эквивалентной аббревиатуры на языке перевода (*ЦНС → CNS*).

Для передачи иностранных сокращений на русский язык применяется ряд основных стратегий: прямое заимствование — использование исходной аббревиатуры с сохранением латинского написания; транслитерация — побуквенная передача графического облика сокращения средствами русского алфавита; транскрипция — передача звуковой формы иностранной аббревиатуры; описательный перевод — используется при отсутствии устоявшегося краткого эквивалента; полная расшифровка сокращения переводится на русский язык.

Также актуальна замена эквивалентным русским сокращением — создание новой аббревиатуры из русскоязычных терминов или использование уже существующей (например, англ. *m* (*meter*) → рус. *м — метр*) [1. С. 302].

3. «Ложные друзья переводчика» (*angina — стенокардия*, а не *ангина*), анализ происхождения которых детально представлен в научной литературе.

4. Эпонимы (термины, образованные от имен собственных), создающие трудности из-за национальной специфики.

5. Неполнота лексикографических ресурсов и различия в единицах измерения, требующие адаптации показателей.

Для достижения адекватности при переводе терминологии с английского языка переводчик применяет различные трансформации: добавление (для компенсации компрессии английского языка), описательный перевод и лингвокультурную адаптацию, необходимую для учета стилистических норм.

Кроме того, медицинский перевод требует учета экстралингвистических факторов: норм профессиональной коммуникации, включая хеджирование и социальный контекст, различий в системах здравоохранения, в случае перевода опросников для школьников и студентов — и в системах образования, как это, например, потребовалось при переводе и адаптации Child Anxiety Life Interference Scale (CALIS), включающей в себя 5 шкал, предполагающих получение информации от самого ребенка, от родителя и от учителя [2; 3].

Е.Е. Сухарева рассматривает социальный контекст в рамках социального перевода, подчеркивая роль переводчика как посредника, который должен предотвращать конфликты, вызванные межкультурными различиями в коммуникативных ситуациях. Переводчик должен преодолевать не только языковой, но и социально-культурный барьер, обладая знанием национальной специфики системы здравоохранения [4. С. 115]. Стоит отметить, что ситуация взаимодействия «врач — пациент» имеет достаточно много особенностей, в том числе сложности установки адекватного контакта. Вопросы и ответы врача должны быть понятны пациенту. Если англоязычные опросники переводится на иные языки с сохранением лингвокультурологических особенностей того социума, для которого они были разработаны, их эффективность в ином социокультурном контексте может существенно отличаться от оригинальной версии.

Таким образом, медицинский перевод предстает как деятельность, требующая от специалиста не только языковых навыков и владения трансформациями, но и предметных знаний, понимания контекста и способности к культурно адекватному воспроизведению текста.

Стандартизированные подходы к кросс-культурной адаптации опросников

Зарубежным стандартом де-факто является руководство D.E. Beaton, в котором описан поэтапный процесс адаптации, включающий прямой/обратный перевод и когнитивное интервью.

На первом этапе необходимо создать первоначальный перевод, осуществленный двумя независимыми переводчиками (Т1 и Т2). Первый осведомлен о концепциях, измеряемых опросником (например, врач или методист), что гарантирует эквивалентность с клинической и измерительной точки зрения. Второй не знает концепций опросника и не имеет медицинского образования — он выявляет скрытые значения, двусмысленности, что даёт представление о живом языке целевой популяции.

Далее происходит синтез переводов, в котором создается единая версия, обсуждаются расхождения и находится консенсус.

Третьим шагом является обратный перевод, в котором два независимых переводчика, для которых исходный язык является родным, переводят синтезированную версию (Т12) обратно на исходный язык, не видя оригинала. Получаются ВТ1 и ВТ2. Данный шаг позволит выявить грубые несоответствия.

Четвертый этап заключается в работе экспертного комитета, который сравнивает все версии (оригинал, Т1, Т2, Т12, ВТ1, ВТ2), чтобы создать предфинальную версию для полевого тестирования [5. P. 3188].

Также авторы выделяют критерии эквивалентности, по которым необходимо оценивать качество перевода.

1. Семантический (соответствует ли семантика слов оригиналу, не искажен ли смысл вследствие различий в грамматических конструкциях).

2. Идиоматический (как перевести идиомы и разговорные выражения, например: *feeling downhearted and blue*).

3. Опытный (отражает ли пункт реальный жизненный опыт целевой культуры, например: целесообразен ли вопрос о трудностях пользования вилкой, если в культуре используют палочки).

4. Концептуальная (одинаково ли понимаются концепции в разных культурах).

Также отмечается, что уровень понимания текста должен соответствовать 12-летнему возрасту [5. P. 3189]. На пятом этапе происходит тестирование предфинальной версии, а на шестом — документация предоставляется разработчикам [5. P. 3189].

Важно понимать, что успешная кросс-культурная адаптация не гарантирует сохранения психометрических свойств оригинала, поскольку культурные особенности могут изменить сложность отдельных пунктов, что повлияет на валидность и надежность инструмента, поэтому после адаптации обязательно проведение психометрической валидации новой версии.

Соблюдение этого трудоемкого процесса позволяет избежать систематических ошибок в исследованиях, исключающих пациентов, не владеющих языком оригинала, и обеспечивает сравнимость данных в международных исследованиях.

В отечественной практике эти принципы системно реализуются в работах по адаптации на русский язык. Например, в работе А.А. Новика, посвященной исследованию качества жизни, полностью дублируется алгоритм,

предлагаемый D.E. Beaton. Однако авторы представляют свою вариацию видов эквивалентности перевода: функциональная (соответствие значения вопросов); структурная — соответствие структуры шкал и формата ответов; операционная — соответствие способа получения информации (например, обращение «Вы» вместо «Я»)[1].

Важным аспектом работы является указание, что кросс-культурная адаптация направлена на достижение не языкового, а концептуального соответствия, что особенно критично при переносе инструмента в иную культурную среду. Этот тезис становится ключевым при работе с языками, обладающими уникальной картиной мира.

Одним из примеров является адаптация шкалы AOFAS-AHS, проведенная В.А. Фомичевым. Авторы не только прошли все этапы перевода, но и провели полную психометрическую валидацию, включая оценку надежности (ICC = 0,83) и конструктной валидности. Они также указали на ограничение: их русскоязычная версия может быть непонятна для нерусскоязычного населения РФ.

В работе можно выделить несколько лингвистических приемов.

• Локализация понятий. Например, «street block» переведён не буквально («квартал»), а через среднюю длину в метрах («100 метров»), так как в США длина квартала нестандартна.

• Уточнение терминов. В вопрос о боли добавлена локализация («в области голеностопного сустава и пятки»). Раскрыто понятие «средства дополнительной опоры».

• Культурная адаптация термина. Модуль «Alignment» переведён не как «выравнивание», а как «деформация и опороспособность», что более понятно русскоязычным пациентам в контексте патологии [6. С. 83].

Опыт адаптации инструмента, чувствительного к культурному контексту, описан А.М. Шишковой. При адаптации опросника AWS («Areas of Worklife Survey») выяснилось, что такие конструкты, как «контроль» и «справедливость», имеют иную факторную структуру в российской выборке, что указывает на их культурную специфичность [7. С. 120]. Этот вывод напрямую предупреждает о рисках прямого перевода опросников на языки народов РФ без последующей глубокой психометрической перепроверки.

В.А. Лазаренко при переводе и культурно-лингвистической адаптации опросника Charing Cross Venous Ulceration Questionnaire (CCVUQ) отмечает необходимость в перестраивании формулировок исходного текста. Например:

• Изменения в формулировках для удобства понимания. Например: *I have pain from my ulcer — Я испытываю боль в моей язве* или *How TRUE or FALSE... — Насколько соответствуют правде....*

[1] Руководство по исследованию качества жизни в медицине. 2-е издание / под ред. акад. РАМН Ю.Л. Шевченко. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 57—80. С. 58.

• Изменения в вариантах ответов с сохранением смысла, но с учетом национальной специфики [8. P. 281—282].

Междисциплинарной группой казанских лингвистов, неврологов, психологов и специалистов по психометрике переведена на русский язык, адаптирована и валидизирована серия инструментов, связанная с диагностикой боли, депрессии и тревоги в разных возрастных группах: Опросник центральной сенситизации [9; 10], CALIS [3; 11], Опросник алекситимии для детей [12], Шкала депрессии, тревоги и стресса DASS-42 [13].

Одним из ценных для Республики Татарстан примеров перевода опросника является работа А.Т. Файзутдиновой по переводу Chiari Symptom Profile (CSP). Мальформация Киари I типа (МК1) характеризуется разнообразной и малоспецифичной клинической картиной, что существенно затрудняет диагностику и оценку тяжести состояния. Республика Татарстан является регионом с повышенной распространенностью данной патологии. Единственный существующий специализированный инструмент оценки симптомов — опросник Chiari Symptom Profile (CSP) — был валидирован лишь для англоязычной популяции и пациентов со степенью дислокации миндалин мозжечка (ДММ) ≥5 мм, что ограничивало его применение. Были разработаны и лингвистически адаптированы согласно международным рекомендациям (ISPOR) русская и татарская версии CSP. Всем участникам проводили стандартный неврологический осмотр с подсчетом балла и заполнение опросника. Статистический анализ включал оценку надежности (коэффициент α Кронбаха) и дискриминантной валидности (U-критерий Манна-Уитни). Адаптированные версии опросника продемонстрировали высокую надежность: значение α Кронбаха варьировало от 0,750 до 0,936 в исследуемых группах. Суммарный балл по CSP был достоверно выше у пациентов основной группы (51±22 балла), чем в контроле (30±21 балл; $p<0,05$), что свидетельствует о хорошей дискриминантной валидности. Важным результатом стало то, что группа пациентов МК0 (48±23 балла) также значимо отличалась от контрольной, но не от группы МК1, подтверждая клиническую и патогенетическую близость этих состояний. При этом стандартный неврологический осмотр не выявил различий между группой МК0 и контролем, в отличие от опросника CSP, который оказался более чувствителен к «мягкой» и субъективной симптоматике [14].

Татароязычные версии Опросника центральной сенситизации (Үзәк сенситизация сораулыгы) и Госпитальной шкалы тревоги и депрессии (Шомлану һәм депрессиянең (торгынлыкның) госпиталь шкаласы), разработанные в рамках проекта Российского научного фонда и Академии наук Республики Татарстан, дают возможность проводить диагностику уровня центральной сенситизации, депрессии и тревоги у татароязычных пациентов, что является важным вкладом в клиническую практику [16]. Также на татарский язык переведены еще 18 диагностических инструментов, которые в настоящее время проходят апробацию в клинической практике.

Перевод медицинских опросников на языки народов РФ остается скорее методологическим вызовом, чем сложившейся практикой. Несмотря на существование прочной методологической основы и успешного опыта адаптации на русский язык, решение этой задачи требует консолидированных усилий лингвистов, психологов, неврологов и специалистов в области статистической обработки медицинских данных. Такая работа является необходимым условием для обеспечения равного доступа к качественной медицинской помощи и участию в исследованиях для всех народов России, позволяя избежать систематической ошибки, исключающей пациентов, не владеющих языком оригинала.

Особенности перевода с английского языка на татарский язык

Татарская медицинская терминология, хотя и считается сложившейся, формировалась во многом стихийно и далека от идеала. Для нее, как отмечает Р.Р. Шамсутдинова, «характерны многозначность, синонимия, вариативность, наличие громоздких, неточных и даже ошибочных терминов» [16]. Поскольку медицинская наука развивается интенсивно, появляется много вариантов одного и того же термина при отсутствии универсального.

Существуют медицинские терминологические русско-татарские и татарские словари [16], однако доминирующее количество современных шкал и опросников создается на английском языке, а англо-татарских медицинских словарей в настоящее время нет, хотя предпринимаются попытки изучения специфики сопоставительного изучения данного пласта терминологии. Соответственно, при переводе опросников на татарский язык невозможно полностью полагаться на лексикографические источники, содержащие медицинскую терминологию. Это объясняется не только фактом отсутствия детально разработанного терминологического аппарата, но и целевой аудиторией опросников: хотя в Республике Татарстан распространён билингвизм, уровень владения татарским языком в разных районах Республики не одинаков. Ряд терминов на татарском языке, присутствующий в словарях, среднестатистическому носителю татарского языка просто неизвестен. В ряде случаев гораздо более эффективно предъявить пациенту русский термин: во-первых, точного аналога на татарском часто не оказывается, во-вторых, татарский вариант может оказаться многозначным, в-третьих, пациент татарской версии никогда не слышал, а с русскоязычным вариантом, как правило, сталкивался.

Так, например, при переводе Шкалы депрессии, тревоги, стресса (Depression, Anxiety, Stress Scale, DASS-42) [13] возникли значительные трудности при переводе пункта *Мне было трудно расслабиться*; при клинической адаптации Опросника центральной сенситизации [9; 10] на татарском языке возникли трудности с использованием анатомической терминологии: *У меня боли в челюсти* ‘Минем тешказнасы авырта’ и пункт 25 *У меня боль в тазовой области* ‘Минем очасөяге өлкәсе авырта’. Переведено всё верно, но ряд

пациентов-носителей татарского языка таких слов на татарском не знает, потому что в бытовой речи они не используются [17].

Р.Р. Шамсутдинова отмечает, что основной массив татарских медицинских терминов составляют устойчивые словосочетания (терминосочетания). Эти сочетания обладают семантической цельностью и образуются путем конкретизации абстрактного понятия через его признак, свойство, действие или отношение. Например, *баш эйләнү* ‘головокружение’ = *баш* ‘голова’ + *эйләнү* ‘кружиться’; *үпкә кабару* ‘воспаление легких’ = *үпкә* ‘легкие’ + *кабару* ‘вздутие, воспаление’.

Р.Р. Шамсутдинова предлагает два вида классификации терминов. Первая — по структурному признаку: 1) простые терминосочетания, состоящие из минимального количества компонентов: *тән тиресе кычыту* ‘кожный зуд’, *баш миенә кан йөгерү* ‘кровоизлияние в мозг’; 2) многокомпонентные образования, появившиеся преимущественно в результате переводов с русского или с других языков: *баш мие артерияләре капчыксыман аневризмәсе* ‘аневризма сосудов головного мозга’ [16. С. 187].

Вторая классификация опирается на лексико-семантический критерий составных терминов: название органа/части тела + название болезни/состояния: *баш авырту* ‘головная боль’, *борын канау* ‘кровотечение из носа’; название болезни/симптома + название болезни/симптома: *тәнкә кутырлы бизгәк* ‘сифилитическая лихорадка’; название причины болезни + название болезни: *суалчан авырулары* ‘гельминтозы’, от *суалчан* ‘червь’ и т.д. [16. С. 183].

Отдельно рассматриваются термины, возникшие при переводе и являющиеся полукальками (один компонент — заимствование, другой — татарское слово). Р.Р. Шамсутдинова выделяет три подгруппы:

1. Название местности/края + название болезни: *Азия вабасы* ‘азиатская холера’, *монгол таплары* ‘монгольские пятна’.

2. Собственное имя + слово *авыру* ‘болезнь’: *Боткин авыруы* ‘болезнь Боткина’, *Паркинсон авыруы* ‘болезнь Паркинсона’.

3. Профессионализм + название болезни/органа: *жырчылар төене* ‘узелки певцов’, *пыела оркучеләр катарктасы* ‘катаракта стеклодувов’ [16. С. 84].

Попытки структурировать и упорядочить медицинскую терминологию татарского языка все же не исключают ее несовершенств, именно поэтому важно оценить весь пласт лексических средств языка. Также необходимо отметить, что при переводе различных опросников с английского языка чаще всего используется доступная среднестатистическому носителю языка лексика, особенно если эти опросники описывают эмоции или болевые ощущения.

Эмоции представляют собой специфический класс психических состояний и процессов. Они возникают на основе актуальных потребностей индивида и находят отражение в вербальных и невербальных формах как непосредственное переживание. Вербальная репрезентация эмоций является

идиоэтническим феноменом, формирующимся преимущественно под влиянием экстралингвистических факторов. В силу этого его изучение проводится в рамках лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов.

Под эмоциональным концептом понимается структурно сложное ментальное образование, имеющее этнокультурную природу. В процессах коммуникации и рефлексии такой концепт функционально замещает объекты реальности, которые вызывают у человека субъективное, эмоционально окрашенное отношение.

Следует отметить, что концепты, связанные с отрицательными эмоциями (такими как гнев, печаль, отвращение), отличаются более высокой степенью вербализации в языке по сравнению с концептами положительных эмоций. Объясняется это тем, что негативные переживания в большей степени ассоциируются с внешними, поддающимися наблюдению реакциями и проявлениями.

Следовательно, национально-культурная языковая картина мира представляет собой исторически обусловленную систему концептуализации и языкового выражения действительности, свойственную определённому этносу. Она служит отражением коллективного менталитета, значимых социальных установок и характерологических черт, сложившихся в специфических природных, социально-экономических и временных условиях существования данного народа [18. С. 6].

Р.Р. Шамсутдинова приводит достаточно большой перечень эмоциональной лексики, используемой в татарском языке, подчеркивая, что их положительные и отрицательные характеристики в языковом сознании носителя татарского языка связаны с концептами «верх» и «низ» («наверху» позитивные, «внизу» негативные) [16].

Концепт страха вербализуется, во-первых, рядом близких по семантике лексем (*курку*, *шүрләү*, *өркү, шомлану*, *борчылу*), а также обширным пластом фразеологических единиц, дифференцирующих различные степени интенсивности этого чувства — от тревоги до паники [19. С. 172], что значимо для клинической практики.

Согласно «Толковому словарю татарского языка», лексема *курку* обладает следующими значениями: «1. Поддаваться ощущению бессилия и беспомощности перед опасностью; 2. Не выстоять при определенных условиях; 3. Ритор. Отказаться от большой возможности, сославшись на незначительную трудность или отрицательные эмоции»[2]. В исследовании Ф.И. Урманче отмечается взаимосвязь страха с соматическими компонентами *йөрәк* ‘сердце’ и *кот* ‘душа’ — автор полагает, что в основе этой метафоры лежит архаичное мифологическое представление о способности сердца перемещаться внутри тела. Для выражения страха также задействуются соматизмы *буын* и *тез* ‘колени’, как в оборотах *буын калтырау / тез калтырау* ‘коленки

[2] *Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: өч томда* [Толковый словарь татарского языка: в трех томах]. Т. 2. Казань : Татар. кит. нәшр., 1979. С. 193.

дрожат'. Высшая степень страха — ужас — характеризуется крайней степенью возбуждения, немотой и ознобом, что отражено во фразеологизме (*куркудан*) *телсез калу* 'лишиться дара речи'[3].

Вербализация эмоций через пространственную метафору предполагает не только вертикальную ось («верх — низ»), но и горизонтальную проекцию сознания. В татарском языке последняя может выражаться с помощью концепта *йөрәк* 'сердце', когда передаётся его перемещение с привычного места и последующее возвращение. Так, «состояние сильного страха или волнения описывается фразой *«йөрәк урыннан купты»* (*«сердце сошло с места»*), а возвращение к спокойствию после благополучного исхода — *«йөрәк урынына утырды»* (*«сердце вернулось на место»*)» [17. С. 16—17].

Для характеристики нейропатической боли весьма важными представляются способы языковой реализации признаков *горячее/холодное*, поскольку эти дескрипторы традиционно используются для диагностики. В исследовании О.В. Забавновой выявлено, что в татарской языковой картине мира признак *горячий* используется чаще для отрицательных характеристик, чем для положительных, а признак *холодный* — почти всегда для отрицательных; таким образом, в медицинских опросниках данная лексика будет восприниматься адекватно как признак той или иной патологии [19. С. 18].

Сравнительный анализ эмоциональных концептов и способов их вербализации в разных языках выявляет универсальные и культурно-специфические особенности вербализации эмоций. Обнаруженные тенденции коренятся в национальном менталитете их носителей и обязательно должны учитываться при разработке инструментов для клинической практики, которые направлены на вербализацию ощущений пациента.

Заключение

Процедура перевода и культурной адаптации медицинских инструментов (опросников) на языки народов Российской Федерации в настоящее время представляет собой скорее методологическую проблему, нежели устоявшуюся практику. Хотя существуют надёжные методики и адаптации на русский язык, опыта перевода на другие языки РФ не так много. Реализация подобных проектов требует консолидации специалистов в области лингвистики, медицины и этнографии. Данная работа необходима в междисциплинарном ключе и значима как для лингвистики, так и для медицинской практики, поскольку она нацелена на устранение системного смещения, связанного с языковым барьером. Использование родного языка при проведении диагностики позволяет минимизировать искажения результатов, связанные с языковым барьером, и обеспечить более точную оценку состояния респондентов.

[3] *Урманче Ф.И.* Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек : 3 томда. [Татарская мифология. Энциклопедический словарь : в 3 томах]. Т. 2. Казань: Мәгариф, 2009. С. 159.

Список литературы

1. *Ширинян М.В., Шустова С.В.* Трудности медицинского перевода и способы их преодоления при обучении студентов неязыковых вузов // Язык и культура. 2018. № 43. С. 295–316. https://doi.org/10.17223/19996195/43/18 EDN: YTUQNF
2. *Lyneham H.J., Sburlati E., Abbott M.J., Rapee R.M., Hudson J.L., Tolin D.F. & Carlson S.E.* Psychometric Properties of the Child Anxiety Life Interference Scale (CALIS) // Journal of Anxiety Disorders. 2013. Vol. 27. Iss.7. P. 711—719.
3. *Есин Р.Г., Есин О.Р., Горобец Е.А.* Диагностика боли, головокружения, тревоги и депрессии у алекситимичных пациентов: руководство для врачей. Казань : изд-во Казан. ун-та, 2019.
4. *Сухарева Е.Е., Черникова Н.С.* Проблемы перевода медицинского дискурса в контексте социального перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 115–120. EDN: TGLQQL
5. *Beaton D.E., Bombardier C., Guillemin F., Ferraz M.B.* Guidelines for the Process of Cross-Cultural Adaptation of Self-Report Measures // Spine. 2000. Vol. 25. Iss. 24. P. 3186—3191.
6. *Фомичев В.А. Сорокин Е.П., Коновальчук Н.С., Пашкова Е.А., Середа А.П.* Кросс-культурная адаптация и валидация русскоязычной версии шкалы Американской ассоциации хирургов стопы и голеностопного сустава AOFAS-AHS // Травматология и ортопедия России. 2023. Т. 29. № 4. С. 78—86. https://doi.org/10.17816/2311-2905-16494 EDN: EEQIPO
7. *Шишкова А.М., Бочаров В.В., Васильева Н.Г., Цыганкова Е.С., Вукс А.Я.* Кросс-культурная адаптация методики «Сферы профессиональной жизни» (Areas of Worklife Survey, AWS) на русскоязычной выборке медицинских работников онкологического стационара // Консультативная психология и психотерапия. 2025. Т. 33. № 1. С. 106–126. https://doi.org/10.17759/cpp.2025330106 EDN: WVGNBM
8. *Lazarenko V.A., Antonov A.E., Kidakoev R.Z.G, Smith J.J., Silina L.V.* Validation of the Charing Cross Venous Ulceration Questionnaire in Russia // Journal of Venous Disorders. 2018. Vol. 12. Iss. 4. P. 280—283. https://doi.org/10.17116/flebo201812041280 EDN: YOLZET
9. *Есин О.Р., Горобец Е.А., Хайруллин И.Х., Есин Р.Г., Гамирова Р.Г., Шамсутдинова Р.Ф., Федоренко А.И., Фасхутдинова А.Т., Хакимова А.Р.* Опросник центральной сенситизации — русскоязычная версия // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. Т. 120. № 6. С. 51—56. https://doi.org/10.17116/jnevro202012006151 EDN: NRFAWQ
10. *Есин О.Р., Есин Р.Г., Горобец Е.А., Хайруллин И.Х., Макаричева Э.В., Гамирова Р.Г., Шамсутдинова Р.Ф.* Психометрическая валидация русскоязычной версии опросника центральной сенситизации для подростков 14—17 лет // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2021. Т. 121. № 11–2. С. 72–76. https://doi.org/10.17116/jnevro202112111272 EDN: OYEAUJ
11. *Есин О.Р., Мамонтова А.В., Горобец Е.А.* Программа диагностики тревоги у лиц школьного и дошкольного возраста (CALIS). Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2023681309, 12.10.2023. Заявка № 2023668258 от 01.09.2023.
12. *Горобец Е.А., Есин О.Р., Мамонтова А.В.* Опросник алекситимии для детей. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2025687709, 15.10.2025. Заявка № 2025685933 от 26.09.2025. EDN: NOJEAD
13. *Фаттахов И.М., Горобец Е.А., Хайруллин И.Х., Есин Р.Г.* Русскоязычная версия шкалы депрессии, тревоги и стресса // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2025. Т. 125. № 5. С. 103–107. EDN: UUTBEW
14. *Файзутдинова А.Т., Богданов Э.П., Саковец Т.Г, Хабибрахманова М.М., Хайруллов М.А., Филимончева С.В., Анисимов В.И., Ахунова А.Г., Давлетшина Р.И., Рахимуллина Р.И., Семушина Д.Ф., Мамедов Х.И., Ахметова А.Р., Сафина З.И.* Опросник клини-

ческой симптоматики мальформации киари: перспективы применения у взрослых пациентов в Республике Татарстан // Практическая медицина. 2024. Т. 22. № 4. С. 160–164. https://doi.org/10.32000/2072-1757-2024-4-160-164 EDN: XNPQZP

15. *Есин Р.Г., Замалетдинов Р.Р., Фатыхова А.Ф., Гамирова Р.Г., Горобец Е.А., Мардугалямова М.В.* Уровень центральной сенситизации, тревоги и депрессии у пациентов в раннем восстановительном периоде ишемического инсульта // Медицинский совет. 2025. Т. 19. № 22. С. 40–47. EDN: GNREJU
16. *Шамсутдинова Р.Р.* Медицинская терминология в татарском языке : дисс. … на соискание уч. ст. к.филол.н. Казань, 2020.
17. *Замалетдинов Р.Р., Фатыхова А.Ф., Есин Р.Г.* Сложности перевода на татарский язык диагностических инструментов: DASS-42, Опросник центральной сенситизации, Шкала Кэрролла для оценки постинсультной депрессии // Международные Бодуэновские чтения: труды и материалы научной конференции (Казань, 21–22 октября 2025 г.): в 2 томах / под общ. ред. А.А. Токсубаевой, Э.А. Исламовой. Казань : из-во Казанского университета, 2025. Т. 1. С. 51–53.
18. *Забавнова О.В.* Языковые средства выражения эмоций на основе метафоризации в татарском и английском языках : автореферат дисс. … на соискание уч. ст. к.филол.н. Казань, 2016. EDN: ZQCCAJ
19. *Исмагилова Л.И.* Репрезентация эмоционального состояния «страх» в татарской фразеологии // Modern Studies of Social Issues. 2020. Т. 12. № 5. С. 169–177. https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-5-169-177 EDN: KDXACP

References

1. Shirinyan, M.V., & Shustova, S.V. (2018). Difficulties in Medical Translation and Ways to Overcome them when Teaching Students of Non-Linguistic Universities. *Language and Culture*, 43, 295–316. (In Russ.). https://doi.org/10.17223/19996195/43/18 EDN: YTUQNF
2. Lyneham, H.J., Sburlati, E., Abbott, M.J., Rapee, R.M., Hudson, J.L., Tolin, D.F. & Carlson, S.E. (2013). Psychometric Properties of the Child Anxiety Life Interference Scale (CALIS). *Journal of Anxiety Disorders*, *27*(7), 711–719.
3. Esin, R.G., Esin, O.R., & Gorobets, E.A. (2019). *Diagnostics of Pain, Dizziness, Anxiety, and Depression in Alexithymic Patients: A Manual for Physicians*. Kazan: Kazan University Press. (In Russ.).
4. Sukhareva, E.E., & Chernikova, N.S. (2014). The Problems of Medical Discourse Translation in the Context of Social Translation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 115–120. (In Russ.). EDN: TGLQQL
5. Beaton, D.E., Bombardier, C., Guillemin, F., & Ferraz, M.B. (2000). Guidelines for the Process of Cross-Cultural Adaptation of Self-Report Measures. *Spine*, *25*(24), 3186–3191.
6. Fomichev, V.A., Sorokin, E.P., Konovalchuk, N.S., Pashkova, E.A., & Sereda, A.P. (2023). Cross-Cultural Adaptation and Validation of the Russian-Language Version of the American Orthopaedic Foot and ANKLE Society Ankle-Hindfoot Scale (AOFAS-AHS). *Traumatology and Orthopedics of Russia*, *29*(4), 78–86. (In Russ.). https://doi.org/10.17816/2311-2905-16494 EDN: EEQIPO
7. Shishkova, A.M., Bocharov, V.V., Vasilyeva, N.G., Tsygankova, E.S., & Vuks, A.Ya. (2025). Cross-Cultural Adaptation of the Areas of Worklife Survey (AWS) on the Russian-Speaking Sample of Oncology Hospital Medical Workers. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, *33*(1), 106–126. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/cpp.2025330106 EDN: WVGNBM
8. Lazarenko, V.A., Antonov, A.E., Kidakoev, R.Z.G., Smith, J.J., & Silina, L.V. (2018). Validation of the Charing Cross-Venous Ulceration Questionnaire in Russia. *Journal of Venous Disorders*, *12*(4), 280–283. https://doi.org/10.17116/flebo201812041280 EDN: YOLZET

9. Esin, O.R., Gorobets, E.A., Khairullin, I.Kh., Esin, R.G., Gamirova, R.G., Shamsutdinova, R.F., Fedorenko, A.I., Faskhutdinova, A.T., & Khakimova, A.R. (2020). Central Sensitization Inventory — A Russian Version. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, *120*(6), 51–56. (In Russ.). https://doi.org/10.17116/jnevro202012006151 EDN: NRFAWQ
10. Esin, O.R., Esin, R.G., Gorobets, E.A., Khairullin, I.Kh., Makaricheva, E.V., Gamirova, R.G., & Shamsutdinova, R.F. (2021). Psychometric Validation of the Russian Version of the Central Sensitization Inventory in Adolescents (14–17 Years Old). *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, *121*(11–2), 72–76. (In Russ.). https://doi.org/10.17116/jnevro202112111272 EDN: OYEAUJ
11. Esin, O.R., Mamontova, A.V., & Gorobets, E.A. (2023). *Anxiety Assessment Program for School- and Preschool-Aged Individuals (CALIS)*. Computer Program Registration Certificate RU 2023681309, October 12, 2023. Application No. 2023668258 dated September 1, 2023. (In Russ.).
12. Gorobets, E.A., Esin, O.R., & Mamontova, A.V. (2025). *Alexithymia Questionnaire for Children*. Computer Program Registration Certificate RU 2025687709, October 15, 2025. Application No. 2025685933 dated 09/26/2025. (In Russ.). EDN: NOJEAD
13. Fattakhov, I.M., Gorobets, E.A., Khairullin, I.Kh., & Esin, R.G. (2025). Depression Anxiety Stress Scale (Russian Language Version). *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, *125*(5), 103–107. EDN: UUTBEW
14. Fayzutdinova, A.T., Bogdanov, E.P., Sakovets, T.G., Khabibrakhmanova, M.M., Khairullov, M.A., Filimoncheva, S.V., Anisimov, V.I., Akhunova, A.G., Davletshina, R.I., Rakhimullina, R.I., Semushina, D.F., Mamedov, Kh.I., Akhmetova, A.R., & Safina, Z.I. (2024). Questionnaire of Clinical Symptoms of Chiari Malformation: Prospects for Use in Adult Patients in the Republic of Tatarstan. *Practical Medicine*, *22*(4), 160–164. (In Russ.). https://doi.org/10.32000/2072-1757-2024-4-160-164 EDN: XNPQZP
15. Esin, R.G., Zamaletdinov, R.R., Fatykhova, A.F., Gamirova, R.G., Gorobets, E.A., & Mardugalyamova, M.V. (2025). Levels of Central Sensitization, Anxiety, and Depression in Patients after Ischemic Stroke in the Early Recovery Period. *Medical Council*, *19*(22), 40–47. (In Russ.). EDN: GNREJU
16. Shamsutdinova, R.R. (2020). *Medical Terminology in the Tatar Language* [PhD Thesis]. Kazan. (In Russ.).
17. Zamaletdinov, R.R., Fatykhova, A.F., & Esin, R.G. (2025). Difficulties in Translating Diagnostic Instruments into Tatar: DASS-42, Central Sensitization Inventory, The Carroll Rating Scale for Depression. In: *International Baudouin Readings: Proceedings and Materials of the Scientific Conference* (Kazan, October 21–22, 2025) in 2 vols., A.A. Toksubaeva, E.A. Islamova (eds.) (Vol. 1. pp. 51–53). Kazan: Kazan University Publ. (In Russ.)
18. Zabavnova, O.V. (2016). *Linguistic Means of Expressing Emotions based on Metaphorization in the Tatar and English Languages* [PhD Thesis]. Kazan. (In Russ.). EDN: ZQCCAJ
19. Ismagilova, L.I. (2020). Representation of the Emotional State "FEAR" in Tatar Phraseology. *Modern Studies of Social Issues*, *12*(5), 169–177. (In Russ.). https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-5-169-177 EDN: KDXACP

Сведения об авторах:

Замалетдинов Радиф Рифкатович, директор Института филологии и межкультурной коммникации, главный научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *сфера научных интересов*: медицинский перевод, психометрическая валидация, татарская медицинская терминология; *e-mail*: sovet.rus16@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2692-1698, SPIN-код: 4027-8784, AuthorID: 324793.

Вагапова Алсу Азатовна, исследователь НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *сфера научных интересов*: медицинский перевод, психометрическая валидация, татарская медицинская терминология; *e-mail*: al_vagapova@mail.ru
ORCID: 0009-0000-0622-9787.

Information about the authors:

Radif R. Zamaletdinov, Director of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Chief Researcher of the Research Laboratory of Neurocognitive Research, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya Str, Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: medical translation, psychometric validation, Tatar medical terminology; *e-mail*: *e-mail*: sovet.rus16@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2692-1698, SPIN-code: 4027-8784, AuthorID: 324793.

Alsu A. Vagapova, Researcher at the Research Laboratory of Neurocognitive Research, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlevskaya Str, Kazan, Russian Federation, 420008); *Research interests*: medical translation, psychometric validation, Tatar medical terminology; *e-mail*: al vagapova@mail.ru
ORCID: 0009-0000-0622-9787.

.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 351–360
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-351-360
EDN: JARDUJ

Научная статья / Research article

Полидискурсивность и семантические категории

В.Д. Шевченко[1,2,3] ✉, М. Ашраф[1,4], Х.А. Ахмед[1,5]

[1]Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, *Самара, Российская Федерация*
[2]Самарский государственный технический университет, *Самара, Российская Федерация*
[3]Приволжский государственный университет путей сообщения, *Самара, Российская Федерация*
[4]Университет Синда, *Джамшоро, Пакистан*
[5]Государственный магистерский колледж, *Пасрур, Пакистан*
✉ vds@ssau.ru

Аннотация. Актуальность проведенного исследования обусловлена значительным влиянием, оказываемым медиадискурсом на все сферы жизнедеятельности общества. Медиадискурс оказывает особое персуазивное воздействие на реципиента, обращаясь к наиболее значимым проблемам и вопросам. Поскольку все области жизнедеятельности человека оказываются тесно связанными, это часто находит отражение в медиадискурсе, в рамках которого наблюдается пересечение, взаимодействие разных дискурсов, возникающее в результате соположения знаков различных дискурсов. Это приводит к рассмотрению определенной ситуации или объекта, репрезентированных посредством знаков, через призму другой ситуации, объекта, знаки которых относятся к другому историческому периоду, культуре, народу и т.д. Взаимодействие знаков приводит к взаимодействию между когнитивными моделями ситуаций, репрезентируемыми знаками: некоторые из их составляющих становятся доминантными, что, в свою очередь, приводит к выражению основополагающих категорий бытия и акциональности. Цель исследования заключается в анализе явления полидискурсивности, посредством которого происходит взаимодействие между знаками разных дискурсов, их когнитивными структурами и которое, в свою очередь, выделяет семантические категории. Материалом исследования послужил медиатекст, опубликованный на сайте американского журнала National Geographic. В ходе исследования были использованы метод дискурс-анализа, метод семиотического анализа и метод словарных дефиниций. Авторы приходят к выводу о том, что включение знаков других дискурсов в состав медиадискурса делает его полидискурсивным, в результате чего возникает многоаспектная репрезентация определенного объекта или события. Знаки других дискурсов также способствуют тому, что определенный объект одновременно рассматривается с точки зрения разных дискурсов. Языковые знаки, выделяющие в процессе взаимодействия дискурсов определенные составляющие когнитивных моделей ситуаций, также являются средствами выражения категорий бытия и акциональности, которые становятся доминантными в рамках медиадискурса.

© Шевченко В.Д., Ашраф М., Ахмед Х.А., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: медиадискурс, бытие, акциональность, знаки дискурсов

Вклад авторов: Шевченко В.Д. — концепция и дизайн исследования, сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; Ашраф М. — анализ полученных данных, написание текста; Ахмед Х.А. — анализ полученных данных, написание текста.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: *Шевченко В.Д., Ашраф М., Ахмед Х.А.* Полидискурсивность и семантические категории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 351–360. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-351-360 EDN JARDUJ

Poly-Discursiveness and Semantic Categories

Viacheslav D. Shevchenko[1,2,3] ✉, Muhammad Ashraf[1,4], Hafiz Akeel Ahmad[1,5]

[1]Samara National Research University, *Samara*, *Russian Federation*
[2]Samara State Technical University, *Samara*, *Russian Federation*
[3]Volga State Transport University, *Samara*, *Russian Federation*
[4]University of Sindh, *Jamshoro*, *Pakistan*
[5]Government Graduate College, *Pasrur*, *Pakistan*

✉ vds@ssau.ru

Abstract. The topicality of the undertaken research is determined by significant influence exerted by media discourse on all spheres of society. Media discourse has a special persuasive effect on the recipient, addressing pressing issues. Since all areas of human life are closely interconnected, this is often reflected in media discourse, within the framework of which there is an intersection and interaction of different discourses, resulting from the juxtaposition of signs belonging to various discourses. This results in the consideration of a certain situation or object through the prism of another situation, object, the signs of which belong to a different historical period, culture, people, etc. The interaction of signs leads to interaction between cognitive models of situations represented by signs: some of their components become dominant, which, in turn, leads to the expression of the fundamental categories of existence and actionality. The purpose of this study is to analyze the phenomenon of poly-discursiveness — an interaction between the signs of different discourses and their cognitive structures, which, in turn, expresses the fundamental semantic categories. The research was undertaken on the basis of a media text published on the National Geographic website. During the study, the method of discourse analysis, the method of semiotic analysis and the method of dictionary definitions were employed. The authors come to the conclusion that the inclusion of signs of other discourses into the media discourse makes it poly-discursive, resulting in a multidimensional representation of a certain object or event. Signs of other discourses also contribute to the fact that a certain object is simultaneously considered from the points of view of different discourses. Linguistic signs, which underline certain components of cognitive models of situations in the process of discourses' interaction, are also means of expressing the categories of existence and actionality, which become dominant within the framework of media discourse.
Keywords: media discourse, existence, actionality, discursive signs.

Authors' contribution: Viacheslav D. Shevchenko — concept and design of research, collection and processing of materials, analysis of obtained data, writing of text; Muhammad Ashraf — analysis of obtained data, writing of text; Hafiz Akeel Ahmad — analysis of obtained data, writing of text.

Conflicts of interest: the authors declare no conflicts of interest.

Article history: received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025.

For citation: Shevchenko, V.D., Ashraf, M., & Ahmad, H.A. (2026). Poly-Discursiveness and Semantic Categories. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 351–360. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-351-360 EDN JARDUJ

Введение

В настоящее время наблюдается тенденция к пересечению, взаимодействию между различными областями знаний и жизнедеятельности человека. В науке данная тенденция находит отражение в междисциплинарном подходе к изучению явлений. На наш взгляд, некоторые профессиональные области и относящиеся к ним дискурсы всегда обладали такой особенностью, что обусловлено целями и характеристиками участников этих дискурсов. Одной из таких областей является, на наш взгляд, медиадискурс, охватывающий практически все составляющие жизни человека. Но, обращаясь к определенному явлению и событию, журналисты как участники медиадискурса всегда использовали знаки иных дискурсов, означаемое которых способствовало актуализации специальных знаний, что помогало представить рассматриваемый объект или явление в разных ракурсах.

Присутствие знаков иных дискурсов в составе медиадискурса, причем присутствие совершенно уместное, помогает журналисту достичь своей цели, заключающейся в информировании и убеждении читателя. Данные знаки, подругому репрезентирующие какой-либо объект, событие или явление, либо представляющие его с точки зрения других участников, становятся, таким образом, средствами аргументации и способствуют формированию многоаспектного представления об объекте в сознании реципиента. В процессе аргументации знаки, относящиеся к другим дискурсам, являются, на наш взгляд, основаниями для тезиса-утверждения, принятие которого адресатом стремится достичь аргументатор [1].

Определение полидискурсивности

Обращение к различным областям жизни человека и использование знаков, относящихся к ним, приводит к полидискурсивности — одновременному присутствию нескольких типов дискурса в рамках одного дискурса [2], благодаря чему достигается многоаспектное отражение не только определенных объектов и событий, не только доминантных составляющих когнитивных моделей репрезентируемых ситуаций, но и репрезентация таких основополагающих семантических категорий, как «бытие» и «акциональность».

Категории бытия и акциональности

По мнению исследователей, «идея бытия (существования) занимает важное место в духовном мире человека с тех пор, как он стал выделять себя из

окружающего мира»[1]. Категория бытия имеет непосредственное отношение к языку. Как полагает И.В. Андреева, «основным средством анализа сущности категории бытия и способом выражения представлений о бытии является язык» [3. С. 5]. Акциональность, согласно точке зрения С.Г. Татевосова, «представляет собой семантическую характеристику, которая описывает глагольные предикаты естественного языка в таких терминах, как “стативность”, “динамичность”, “предельность” или “пунктуальность”» [4. С. 108].

Данные категории присутствуют, на наш взгляд, во всех дискурсах, но в рамках медиадискурса им придается особое значение, поскольку медиадискурс нацелен на отражение современных событий бытия [5; 6].

Рассмотрим примеры реализации полидискурсивности в медиадискурсе, т.е. включения фрагментов различных дискурсов в состав медиадискурса. Тексты статей содержат множество знаков, репрезентирующих другие дискурсы; современный медиадискурс невозможно представить без присутствия в нем знаков различных ситуаций, социальных практик, событий и т.п., поскольку он охватывает все сферы жизни общества и создает некую модель мира, структура которой зависит от целого ряда обстоятельств и целей, которыми руководствуются журналисты. Посвящая статью какой-либо теме, журналисты неизбежно обращаются к событиям прошлого, ситуации, существующей в вымышленном художественном мире, политическим, экономическим событиям и т.д., что придает медиадискурсу полидискурсивный характер.

Знаки исторического дискурса в составе медиадискурса

Обратимся к примеру медиатекста, содержащего знаки других дискурсов, функция которых состоит в информировании и убеждении читателя:

> (1) *People have lived in dread of monsters since time immemorial. Who wouldn’t be terrified of flesh-eating beasts? Or blood sucking night stalkers? Or zombies reanimated from the grave? This is the stuff of nightmares, though typically there are good explanations behind the horrors. Or are there? <…> Belief in vampires is nothing new. Tales of these nightmarish creatures — whose single bite of their pearly fangs turns their victims into cold, heartless beasts of the dark — date back to at least the Bronze Age. The Assyrians in 4000 B.C., for example, dreaded the edimmu, vampire-like spirits* (National Geographic).

Данный медиатекст, посвященный представлениям людей о вымышленных существах, содержит прежде всего знаки исторического дискурса, обозначающие темпоральные характеристики описываемой ситуации и выполняющие персуасивную функцию, поскольку информация о времени события подтверждает авторскую точку зрения и служит основанием для тезиса.

Знаками исторического дискурса, на наш взгляд, являются языковые единицы, обозначающие эпоху истории человечества (*Bronze Age*), народ, живший в древности (*The Assyrians*), исторические даты (*4000 B.C., in 1725,*

[1] Категории бытия и обладания в языке / отв. ред. В.Н. Ярцева. М. : Наука, 1977. С. 68.

zombie flick of 1968, 17th- and 18th-century Haiti, in 1791, by the 19th century, 1764 France, the mid-1760s, in 1765), древнее государство (*ancient Sumeria*). Несмотря на то, что помимо числительных, обозначающих даты и временные периоды, анализируемые знаки исторического дискурса также включают этнонимы и топонимы, тем не менее, все они, по нашему мнению, являются средствами выдвижения такой ситуативной составляющей взаимодействующих в рамках масс-медиа дискурсов, как «ВРЕМЯ». Благодаря этому данный компонент становится доминантным в репрезентируемых моделях ситуаций, относящихся к взаимодействующим дискурсам. Мы полагаем, что он непосредственно связан с категорией бытия, средствами выражения которой также являются знаки исторического дискурса. На наш взгляд, восприятие данной категории реципиентом через знаки исторического дискурса способствует тому, что человек помещается в центр бытия и оказывается, таким образом, одновременно и в прошлом, и в настоящем.

Выдвижение составляющей «ВРЕМЯ» происходит с целью продемонстрировать наличие представлений о данных существах в разные эпохи и в разных точках пространства, что является основанием для тезиса, т.е. средством убеждения читателя. Таким образом, данные примеры также содержат средства выражения еще одной фундаментальной категории — пространства, что вполне логично, поскольку «бытие всегда мыслится в некотором месте» [7. С. 10].

Поскольку бытийное предложение связывают три компонента: локализатор (обстоятельство места, указывающее на область бытия), бытийный глагол и имя бытующего предмета[2], выводимое посредством инференции суждение о существовании вымышленных существ в разные эпохи и в разных точках пространства является средством выражения категории бытия. Локализатор при этом оказывается неразрывно связанным с временны́м компонентом.

Знаки этнографического и фольклорного дискурсов в составе медиадискурса

Анализируемый медиатекст (фрагмент медиадискурса) также содержит знаки этнографического, а также фольклорного дискурсов, представляющие собой иноязычные наименования вымышленных существ (*edimmu, vampire-like spirits, Dracula, the Italian stregoni benefici, the Polish wili, a loogaroo, the Chinese jiangshi, nachzehrer, vetala, zombies*), наименования людей, занимающихся оккультными практиками (*bokors, voodoo kings*), наименования самих оккультных практик (*the practice of voodoo*), наименования предметов и материалов, используемых в этих практиках (*voodoo dolls, a coup de poudre*), антропонимы, номинирующие представителей разных этносов (*Peter Plogojowitz, Jeanne Boulet*), топонимы, которые в отличие от вышеуказанных примеров обозначают место проживания определенного этноса (*Kisilova, Serbia,*

[2] *Арутюнова Н.Д.* Бытийные предложения // Энциклопедия «Русский язык». М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 57–59.

the village of Saint-Étienne-de-Lugdarès), а также место, которому приписывается наличие вымышленного существа (*Transylvania*). В рамках медиатекста знаки этнографического и фольклорного дискурсов выделяют такие компоненты когнитивных моделей ситуаций, как «УЧАСТНИКИ», «ПРЕДМЕТЫ» и «МЕСТО», что, в свою очередь, приводит к выражению категории бытия, поскольку данные составляющие характерны для бытийного предложения, также выводимого на основе медиатекста посредством инференции.

Знаки кинодискурса в составе медиадискурса

Средствами выражения категории бытия также являются, на наш взгляд, и входящие в состав медиадискурса знаки кинодискурса:

> (2) *George A. Romero's low-budget Night of the Living Dead zombie flick of 1968 proved to be as surprisingly successful as it was grim, and the movie spawned a craze for zombie films. While Romero may have shot new life into the undead, the idea of zombies dates back centuries, notably to 17th- and 18th-century Haiti* (National Geographic).

Основным знаком кинодискурса является название фильма (*Night of the Living Dead*), включающее единицы, обозначающие вымышленных существ; при помощи данного и других знаков кинодискурса, номинирующих персонажей фильма (*zombie flick, zombie films*), выделяются компоненты «УЧАСТНИКИ» и «ВРЕМЯ» репрезентируемых когнитивных моделей ситуаций [8; 9].

Знаки художественного дискурса в составе медиадискурса

Используя знаки других дискурсов в составе медиадискурса, автор создает полидискурсивность, благодаря которой осуществляется не только многоаспектное отражение определенных объектов и событий, например, с точки зрения разных эпох и культур, но и отражение вымышленных существ с точки зрения разных дискурсов, например, художественного и мифологического, в рамках которых данные существа наделяются особыми характеристиками, значимыми для коммуникантов-участников соответствующих дискурсов. В подобных случаях объекты рассматриваются через призму разных типов мышления, характерных для участников того или иного дискурса, например, художественного [10; 11] или мифологического мышления [12].

Рассмотрим специфику включения знаков художественного дискурса в состав медиадискурса:

> (3) *It's not certain when legends of the first were wolves appeared, but scholars point to ancient Sumeria and The Epic of Gilgamesh, the oldest known Western prose, in which Gilgamesh jilts a potential lover because she has turned her previous mate into a wolf* (National Geographic).

В данном примере знаками художественного дискурса являются языковые единицы, обозначающие название древнего художественного

произведения (*The Epic of Gilgamesh*), персонажей данного произведения (*Gilgamesh, a potential lover*), действия, производимые персонажами (*jilts, because she has turned*), объект действия (*a potential lover, her previous mate*) и результат действия (*into a wolf*). Используемые в составе медиадискурса знаки художественного дискурса выделяют такие ситуативные составляющие взаимодействующих дискурсов, как «УЧАСТНИКИ» и «ДЕЙСТВИЯ», выступая одновременно в качестве средств выражения категории акциональности.

Знаки мифологического дискурса в составе медиадискурса

Интерес также представляет пример включения знаков мифологического дискурса в состав публицистического:

> (4) *Werewolves also turn up in Greek mythology with the legend of Lycaon who was turned into a wolf when he angered the god Zeus* (National Geographic).

В составе медиадискурса мифологический дискурс представлен знаками, обозначающими мифологических персонажей (*Lycaon, Zeus*), и действия, произведенные ими (*he angered the god Zeus, Lycaon who was turned into a wolf*). При этом данные знаки также выдвигают компоненты «УЧАСТНИКИ» и «ДЕЙСТВИЯ» когнитивных моделей ситуаций, репрезентированных во взаимодействующих дискурсах, и являются средствами выражения категории акциональности. Об этом свидетельствует то, что глагольные предикаты, описывающие действия персонажей художественных произведений и мифов, обладают семантическими признаками предельности, т.е. показывают результирующее состояние персонажей, причем предельность одного действия предшествует предельности другого действия, являясь его причиной (*Lycaon who was turned into a wolf when he angered the god Zeus*).

Включение знаков художественного и мифологического дискурсов в состав медиадискурса приводит к рассмотрению вымышленного существа как персонажа художественного или мифологического произведения, в то время как в медиатексте также содержится информация о том, что во многих странах люди считали данных существ реальными. Таким образом, посредством феномена полидискурсивности достигается многоаспектное представление вымышленных существ, т.е. одновременное рассмотрение их через призму художественного, мифологического и одновременно с этим аналитического мышления, которое читатель задействует, будучи участником медиадискурса.

Заключение

Включение знаков других дискурсов в состав медиадискурса делает его полидискурсивным, приводит к присутствию нескольких дискурсов в одном. Результатом данного процесса является многоаспектная репрезентация определенного объекта или события, например, вымышленное существо репре-

зентируется в рамках медиадискурса так, как его представляли в разных странах и в разные эпохи. Знаки других дискурсов также способствуют тому, чтобы объект одновременно рассматривался именно с точки зрения разных дискурсов, например, с точки зрения участников разных дискурсов, обладающих определенными характеристиками, такими как специфические типы мышления.

Знаки других дискурсов, обозначающие компоненты когнитивных моделей ситуаций, контрастируют со знаками принимающего медиадискурса и именно данный контраст выделяет эти компоненты, делает их доминантными. Проведенный анализ показал, что языковые знаки, выделяющие в процессе взаимодействия дискурсов некоторые составляющие, также являются средствами выражения категорий бытия и акциональности, которые становятся доминантными в рамках медиадискурса. Значимость данных категорий для медиадискурса обусловлена прагматическими целями журналиста, который стремится передать свое видение действительности и событий, происходящих в ней, обращаясь при этом к репрезентации объекта в рамках другого дискурса и используя языковые средства такой репрезентации в качестве средств аргументации.

Список литературы

1. *Алексеев А.П.* Аргументация. Познание. Общение. М. : Изд-во МГУ, 1991. EDN: VTIFUL
2. *Белоглазова Е.В.* О вариативности проявления дискурсной гетерогенности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 15–19. EDN: NBILNX
3. *Андреева И.В.* Понятие бытийности в зарубежной лингвистике // Приволжский научный вестник. 2013. Т. 2. № 8 (24). С. 5–8. EDN: RBQBGD
4. *Татевосов С.Г.* Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 108—141. EDN: HSAMYX
5. *Беляков М.В., Максименко О.И.* Проблема семантических сдвигов в современном русском языке: корпусное исследование на примере новостного медиадискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 174–194. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-174-194 EDN: EJFXLT
6. *Хабаров А.А.* Моделирование дискурсивной реальности глобального кризиса: опыт медийной репрезентации пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 4. С. 1168–1191. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1168-1191 EDN: UQQILZ
7. *Иванова С.В.* Вербализация бытийности и акциональности: мир как путь и как действие в нарративе американского кантри // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 2. С. 7–14. https://doi.org/10.18721/JHSS.14201 EDN: GKCDMQ
8. *Anisimov V.E., Anisimova E.D.* Localization of the French Linguoculture Concepts in the English-Language Film Discourse through the Intertextuality // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 499–519. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-499-519 EDN: NYXZNH

9. *Евграфова Ю.А.* Информационный обмен в одностороннем экранном дискурсе: особенности кодирования и декодирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 313–328. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-313-328 EDN: QKMSPC
10. *Карих В.В., Агеева А.А.* Художественное мышление как феноменологическая категория // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. № 1. С. 248–251. EDN: YKOGYB
11. *Шевченко Е.С., Герченова Д.В.* Семиотика художественного языка В. Набокова в свете теории символизации Н. Гудмена // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 4. С. 40–47. https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-40-47 EDN: OZNSYG
12. *Вейнберг И.П.* Человек в культуре древнего ближнего востока. М. : Наука, 1986.

References

1. Alekseev, A.P. (1991). *Argumentation. Cognition. Communication*. Moscow: Moscow State University publ. (In Russ.). EDN: VTIFUL
2. Beloglazova, E.V. (2010). On Variation of Discursive Heterogeneity Manifestation. *Tomsk State University Journal*, 332, 15–19. (In Russ.). EDN: NBILNX
3. Andreeva, I.V. (2013). The Notion of Existence in Foreign Linguistics. *Privolzhskiy Nauchniy Vestnik*, *2*(8(24)), 5–8. (In Russ.). EDN: RBQBGD
4. Tatevosov, S.G. (2005). Actionality: Typology and Theory. *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 108–141. (In Russ.). EDN: HSAMYX
5. Belyakov, M.V., & Maksimenko, O.I. (2024). The Problem of Semantic Shift in Modern Russian: Corpus Research on the Example of a News Media Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *15*(1), 174–194. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-174-194 EDN: EJFXLT
6. Khabarov, A.A. (2024). Modelling. the Discursive Reality of the Global Crisis: the Experience of Media Representation of the Covid-19 Pandemic. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *15*(4), 1168–1191. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-4-1168-1191 EDN: UQQILZ
7. Ivanova, S.V. (2023). Verbalization of Existence and Actionality: The World Viewed as Road and Action in American Country Music Narrative. *Terra Linguistica*, *14*(2), 7–14. (In Russ.). https://doi.org/10.18721/JHSS.14201 EDN: GKCDMQ
8. Anisimov, V.E. & Anisimova, E.D. (2024). Localization of the French Linguoculture Concepts in the English-Language Film Discourse through the Intertextuality. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *15*(2), 499–519. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-499-519 EDN: NYXZNH
9. Yevgrafova, Yu.A. (2024). Liaison in Irreciprocal Screen Discourse: Properties of Encoding and Decoding. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *15*(2), 313–328. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-313-328 EDN: QKMSPC
10. Karikh, V.V., & Ageeva, A.A. (2017). Artistic Thinking as A Category of Phenomenology. *Academic Research: Pedagogy and Psychology*, 1, 248–251. (In Russ.). EDN: YKOGYB
11. Shevchenko, E.S., & Gerchenova, D.V. (2023). Semiotics of V. Nabokov's Artistic Language in The Light of N. Goodman's Theory of Symbolization. *Semiotic Studies*, *3*(4), 40–47. (In Russ.). https://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-4-40-47 EDN: OZNSYG
12. Veinberg, I.P. (1986). *Human Being in Culture of Ancient Middle East*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34); профессор кафедры иностранных языков, Самарский государственный технический университет (443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, д. 244); профессор кафедры лингвистики, Приволжский государственный университет путей (443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, д. 2В); *сфера научных интересов*: теория дискурса, дискурсивная типология, медиадискурс, взаимодействие дискурсов; *e-mail*: vds@ssau.ru
ORCID: 0000-0001-6357-2477; SPIN-код: 6968-6433.

Ашраф Мухаммад, доцент кафедры английского языка, Университет Синда (76080, Пакистан, Джамшоро, Аллама И.И., Кази Кампус); аспирант кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34); *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, теория дискурса, медиадискурс, когнитивные модели; *e-mail*: ashraf.kaloi@usindh.edu.pk
ORCID: 0009-0007-2076-1316.

Ахмед Хафиз Акил, заведующий кафедрой английского языка, Государственный магистерский колледж (51480, Пакистан, Пасрур); аспирант кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, д. 34); *сфера научных интересов*: когнитивная лингвистика, теория дискурса, художественный дискурс, когнитивные модели; *e-mail*: denubeamazon@gmail.com
ORCID: 0009-0008-8666-0398.

Information about the authors:

Vyacheslav D. Shevchenko, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, head of Department of English Philology, Samara National Research University (34 Moskovskoye shosse, Samara, Russian Federation, 443086); Professor of Foreign Languages Department, Samara State Technical University (244 Molodogvardeyskaya street, Samara, Russian Federation, 443100); Professor of the Department of Linguistics, Volga State Transport University (2B Svobody street, Samara, Russian Federation, 443066); *Research interests*: discourse theory, discursive typology, media course, interaction of discourses; *e-mail*: vds@ssau.ru
ORCID: 0000-0001-6357-2477; SPIN code: 6968-6433.

Ashraf Muhammad, Associate Professor of English Language, University of Sindh, (76080, Pakistan, Jamshoro, Allam I.I., Kazi Campus); Post-graduate student of the Department of English Philology, Samara National Research (34 Moskovskoye shosse, Samara, Russian Federation, 443086); *Research interests:* cognitive linguistics, discourse theory, media studies, cognitive models; *e-mail:* ashraf.kaloi@usindh.edu.pk

ORCID: 0009-0007-2076-1316.

Hafiz Akeel Ahmad, Head of the Department of English Language, Government Graduate College (Pasrur, Pakistan, 51480); Post-graduate student of the Department of English Philology, Samara National Research University (34 Moskovskoye shosse, Samara, Russian Federation, 443086); *Research interests:* cognitive linguistics, discourse theory, artistic discourse, cognitive models; *e-mail:* denubeamazon@gmail.com
ORCID: 0009-0008-8666-0398.

.

RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics
2313-2299 (Print), ISSN 2411-1236 (Online)
2026 Vol. 17 No. 1 361–381
Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА
http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-361-381
EDN: JCEFBZ

Научная статья / Research article

Национальная специфика концептов ТУЫСҚАН / РОДСТВЕННИК в казахской и русской картинах мира

В.Б. Куриленко[1], И.И. Просвиркина[1], Н.М. Дмитриева[2], Ж.М. Майгельдиева[3]

[1]Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*
[2]Оренбургский государственный университет, *Оренбург, Российская Федерация*
[3]Кызылординский университет имени Коркыт Ата, *Кызылорда*, *Республика Казахстан*
✉ kurilenko-vb@rudn.ru

Аннотация. Целью сравнительно-сопоставительного анализа концептов РОДСТВЕННИК и ТУЫСҚАН в русской и казахской национальных картинах мира стало выявление национальной специфики их макро- и микроструктур и организации их семантического пространства. В исследовании представлены вербализаторы, позволяющие сравнить значимость данных концептов в мировидении русских и казахов и определить этнокультурную ценность. Исследование проведено с помощью различных методов, в том числе с помощью инструментов искусственного интеллекта. Сделан вывод о том, что для казахов концепт ТУЫСҚАН является основой организации социума, а в языковом сознании русских с концептом РОДСТВЕННИК произошла девальвация, во многом вызванная «цивилизационной турбулентностью» прошлого столетия.

Ключевые слова: национальная концептосфера, национальная картина мира, русский язык, казахский язык

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Конфликт интересов: авторы заявили об отсутствии конфликтов интересов.

История статьи: дата поступления: 21.11.2025; дата приема в печать: 5.12.2025.

Для цитирования: *Куриленко В.Б., Просвиркина И.И., Дмитриева Н.М., Майгельдиева Ж.М.* Национальная специфика концептов ТУЫСҚАН / РОДСТВЕННИК в казахской и русской картинах мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 361–381. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-361-381 EDN JCEFBZ

© Куриленко В.Б., Просвиркина И.И., Дмитриева Н.М., Майгельдиева Ж.М., 2026
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

National Specifics of the Concepts РОДСТВЕННИК ‘RELATIVE’ / TUYSҚAN in Kazakh and Russian Worldview

Viktoria B. Kurylenko[1] ✉, Irina I. Prosvirkina[1], Natalya M. Dmitrieva[2], Zhannat M. Maygeldieva[3]

[1]RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
[2]Orenburg State University, *Orenburg, Russian Federation*
[3]Kyzylordinsky University named after Korkyt Ata, *Kyzylorda, the Republic of Kazakhstan*

✉ kurilenko-vb@rudn.ru

Abstract. A comparative analysis of the concepts RODSTVENNIK ‘relative’ and TUYSҚAN in the Russian and Kazakh national worldviews revealed the national specificity of their macro- and micro-structures and the organization of their semantic space. The study presents verbalizers that allow us to compare the significance of these concepts in the worldviews of Russians and Kazakhs and determine their ethnocultural value. The study was conducted using various methods, including artificial intelligence tools. It is concluded that for Kazakhs, the concept TUYSҚAN is the foundation of social organization, while in the linguistic consciousness of Russians, the concept RODSTVENNIK ‘relative’ has been devalued, largely due to the “civilizational turbulence” of the last century.

Keywords: national conceptual sphere, national worldview, Russian, Kazakh

Authors’ contribution: The authors contributed equally to this article and preparation of the article text**.**

Conflict of interests: The authors stated that there were no conflicts of interest.

Article history: Received: 22.11.2025; accepted: 5.12.2025.

For citation: Kurylenko, V.B., Prosvirkina, I.I., Dmitrieva, N.M., & Maygeldieva, J.M. (2026). National Specifics of the Concepts РОДСТВЕННИК ‘RELATIVE’ / TUYSҚAN in Kazakh and Russian Worldview. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 17*(1), 361–381. (In Russ.). https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-361-381 EDN JCEFBZ

Введение

Актуальность исследования связана с анализом одного из ключевых понятий национальной картины мира, в частности казахской и русской. Родственник, род, родство, родственные связи, — значимые категории, определяющие национальное своеобразие Космо-Психо-Логоса народа. Для всех народов важным фактором единения является связь с родом, но у каждого народа, по мнению Г.Д. Гачева, единение имеет разные основы [1]. Характеристики концепта ТУЫСҚАН, специфичные для лингвокультуры казахов, на наш взгляд, мало исследованы в казахском научном дискурсе [2–6]. Довольно глубоко изучена данная категория в русском семантическом пространстве: В.В. Виноградов [7], С.М. Толстая [8], Ю.С. Степанов [9–12] и др., но мало внимания уделено сравнительно-сопоставительному анализу, в частности казахского концепта ТУЫСҚАН и русского *родственник*. Вместе с тем именно «столкновение, обоюдопознание национальных образов мира» [1] позволяет

выявить «национальные акценты» в концептосферах и, следовательно, в понимании, интерпретации и объективации окружающего мира.

В этой связи целью настоящей статьи является сравнительно-сопоставительный анализ концептов ТУЫСҚАН и *родственник*, выявление общего и национально-специфичного в их структуре, содержании, дискурсивных реализациях, определение их роли в социально-культурных практиках русских и казахов.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать значимые научные исследования, позволяющие определить национальные особенности концептов ТУЫСҚАН/*родственник*; применить различные инструменты для анализа концептов (в том числе инструменты Национального корпуса русского языка (НейроКРЯ, Скетч); Semantic similarity of words), выявить сходство и различие в современном понимании концептов *туысқан/родственник* в казахской и русской национальных картинах мира.

Источниковую базу исследования составляют лексикографические тексты, тексты Национального корпуса русского языка. В работе также использованы результаты исследований концепта ТУЫСҚАН, представленные в научных трудах [2; 5; 6]. Методологический базис исследования составили ведущие идеи концепции Космо-Психо-Логоса Г.Д. Гачева [1], семантико-семиотического анализа концептов Ю.С. Степанова [9–12]; идеи к анализу языковых единиц, изложенные в работах когнитивистов, в частности А.Д. Кошелева [13].

«Философия имени» концептов РОДСТВЕННИК/ТУЫСҚАН в русской и казахской культуре по материалам словарей и исследований ученых

Как известно, исследования концепта осуществляются на основе различных подходов (лингвистического, когнитивного, культурологического, лингвокультурологического). Для нашего исследования важно, что концепты — это категории мыслительные, то есть «…ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [14], и категории, отражающие национальную картину мира в семантическом пространстве языка [10]. Концепты [15] образуют концептосферу национального сознания, и их репрезентацию мы можем наблюдать, только исследуя семантическое пространство языка [9]. Семантическое пространство, по мнению Ю.С. Степанова, трехмерно: одно из этих измерений — семантика — связано со значением лексических единиц, поэтому анализ концепта РОДСТВЕННИК / ТУЫСҚАН мы начнем непосредственно с выяснения корневого значения имени концепта, то есть «с философии имени» [9].

В качестве объекта анализа нами выбран концепт РОДСТВЕННИК, являющийся одновременно универсальным и ценностным для любой культуры, в частности, русской и казахской. Выбор данного концепта обусловлен,

во-первых, тем, что в научных исследованиях ведущих российских ученых (В.В. Виноградов [7], В.И. Карасик [14], З.Д. Попова, И.А. Стернин [15], Ю.С. Степанов [11; 12] и др.) концепт РОДСТВЕННИК по сравнению с концептом РОД исследован недостаточно глубоко.

Во-вторых, слово *родственник* является производным от слова *род* и входит в словообразовательное гнездо с такими словами, как: *родство, родня, родовой, родной, родиться* и т.д. (в русском языке насчитывается более 50 однокоренных слов). На рис. 1 представлено словообразовательное гнездо слова *родственник*, в котором собраны однокоренные слова с сильной семантической связью. Как посчитал инструмент искусственного интеллекта, наиболее близкими являются слова *род, народ, природа, родина, родитель, родной, родиться, рождение,* что и не вызывает сомнения.

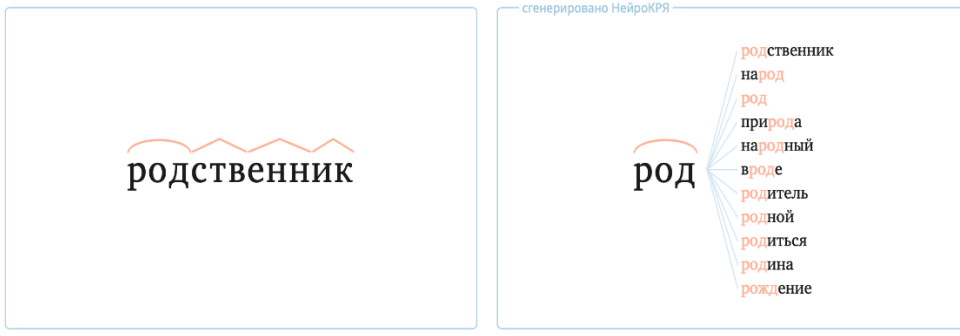

Рис. 1. Словообразовательное гнездо, сгенерированное НейроКРЯ
Источник: исследование авторов В.Б. Куриленко, И.И. Просвиркиной, Н.М. Дмитриево, Ж.М.Майгельдиевой

Figure 1. Word nest generated by NeuroKRYA
Source: compiled by Viktoria B. Kurylenko, Irina I. Prosvirkina, Natalya M. Dmitrieva, Zhannat M. Maygeldieva

В русском языке слово *родственник* представлено во всех толковых словарях с очень схожим толкованием, например, в словаре Д.Н. Ушакова это «…человек, находящийся в родстве с кем-нибудь…»[1]. В словаре С.И. Ожегова, кроме значения, идентичного предыдущему, — это уже «человек, которому покровительствуют, помогают из милости…»[2]. Толковый словарь под ред. Т.Ф. Ефремовой фиксирует еще одно переносное значение слова: «Тот, кто близок по духу, привычкам, убеждениям…»[3].

И, в-третьих, как свидетельствует фиксация новых значений слова *родственник* в русских толковых словарях XX и XXI вв., происходит семантический сдвиг в значении анализируемой лексической единицы, меняется ее смысл под воздействием различных исторических, социальных факторов,

[1] *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка. М. : Хит книга, 2020.
[2] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М. : ООО Издательство «Мир и Образование», 2005.
[3] *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. Т. 1. М. : АСТ, Астрель, 2005.

что, естественно, наводит на мысль о трансформации данного концепта в русской национальной картине мира и изменении ментального сознания носителей языка, эмоционального оценочного переосмысления родственных связей.

В казахском языке слово *туысқан* является производным от слова *туыс* (знач.: ‘побратим, родич, родня, родственник, сородич, родственный’ и является однокоренным с такими словами, как: *туып-өскен* ‘уроженец, родимый’, *туысаралық* ‘межродовой’, *туысқан-туған* ‘родственники’, *туысқандық* ‘родственность, родство, близость, родственный’ и т.д.[4].

В казахском языке слово *туысқан*, согласно однотомному большому толковому словарю казахского языка имеет три значения: *туысқан* 1. *Бір атадан өрбіген ұрпақтар, туыстас, бауырлас адамдар* ‘потомки от одного предка, родственники, братья и сестры’. 2. *Бірі мен бірін ортақ мақсаттар қосқан әртүрлі халықтар, одақтас елдер* ‘разные народы, страны-союзники, объединенные общими целями’. 3. *Таныс не таныс емес адамдарға меңзей айтылатын қаратпа сөз* ‘неофициальное слово, обозначающее людей, которых вы знаете или не знаете’[5]. Таким образом, согласно данным казахско-русского словаря, слово *туысқан* имеет следующие значения: ‘близкий; братский; родственник; братья; родня’[6]. И как мы можем судить, так же, как и в русском языке, семантически восходит к слову *род/туыс.*

Философия данного имени и в русской, и в казахской национальных картинах мира, как нам кажется, близки. С одной стороны, в исследованиях ученых, которые посвящены анализу казахской языковой картины мира, подчеркивается обобщающий смысл лексической единицы *туысқан.* С другой стороны, *туысқан* как лексическая единица не просто является ядром концепта, но и притягивает все языковые единицы, обозначающие дифференциацию по родовым отношениям: близкие родственники, родственники со стороны отца/матери, вместе рожденные, кровные родственники; кровные родственники через одного предка и др. [5].

Для казахской культуры быть частью рода, иметь связь с корнями является важнейшей частью взаимоотношений. В казахской культуре близкими считаются те люди, которые прежде всего связаны кровными узами (со стороны отца или матери), имеют одних предков, общую родословную: *туысқан-туған родственники по роду*. Однако исследователи концепта *туысқан* отмечают, что понятие *родственник по роду* (*туысқан туған*) находится в дальней зоне семантического пространства, хотя, на наш взгляд, имеет важное значение для понимания концепта в целом. Также в семантическое пространство концепта *туысқан* входит еще несколько микроконцептов, играющих важную роль для глубины понимания данной категории. Прежде

[4] *Бектаев Қ.* Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. 1995. Режим доступа: https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Бектаев_%20Большой%20казахско-руский%20русско-казахский%20словарь.pdf?ysclid=m7xbfsuies42540312 (дата обращения: 12.02.2024). С. 448.

[5] Қазақ сөздігі (Қазақ тілінің біртомдық үлкен түсіндірме сөздігі) / Құраст.: Н. Уәли, Ш. Құрманбайұлы, М. Малбақов, Р. Шойбеков және т.б. Алматы: Дәуір баспасы, 2013. С. 1284.

[6] Там же. С. 440.

всего, это микроконцепт, обозначающий родственника по территориальному признаку *ел-жұрт* ‘народ одной страны’. В русской языковой картине мира близкий смысл имеет слово — *земляк*, которое с концептом РОДСТВЕННИК объединяется через лексему *брат*, так как последнее слово может употребляться и по отношению к ‘рожденному на одной земле’ и по отношению к кровному родственнику, и по отношению к духовно близкому человеку.

Также в исследованиях, посвященных анализу лексических единиц, репрезентирующих концепт *туысқан,* важное место занимают работы ученых об особой системе родственных связей, которая основана на родовых группах *ру* ‘род’[7], *рулас* ‘родич, соплеменник’[8], *тек* ‘род, порода’[9], *жүз* ‘родоплеменные объединения казахов’[10]. Лексические единицы, указывающие на принадлежность к определенному роду (*ұлы жүз* ‘старший род’, *орта жүз* ‘средний род’, *кіші жүз* ‘младший род’), *әулет* (слово арабского происхождения, в переводе на русский ‘династия; поколение; потомство; род; семья’)[11], *тума* ‘генетический, родич’[12], *тумалас* ‘сродни, родственный’[13], называют родственниками выходцев одной династии, поколения, семьи (*тумалас жандар* родственные души/люди’). Данные лексические единицы используются для называния близких родственников — людей, ведущих свое происхождение от общего предка или имеющих какую-то сопричастность (через брачные связи, усыновление) к этому предку, а также связанных традициями, обычаями и территорией. Традиции, ритуалы, обычаи (*ру*, *әулет*) передаются из поколения в поколение и являются фундаментальным фактором в социальной организации казахского общества. *Ру*, *әулет* обеспечивает поддержку и защиту всем членам, регулирует отношения между людьми внутри и вне, то есть регулирует права и обязанности людей в обществе. *Ру*, *әулет* — это не замкнутая система: люди могут иметь связи с разными *ру* и различными людьми через своих родителей, родственников, друзей. Это система, в которой группы людей живут, работают, поддерживают друг друга, сохраняют свои традиции. Таким образом, отличительным является то, что в казахской культуре имеется много лексических единиц, репрезентирующих сложные родственные связи, которые регулируются системой *ру*, *әулет.* Данные лексические единицы позволяют понять, что в казахской культуре родственниками можно считать людей, которые объединены не только происхождением, но и историей, традициями, общими интересами и территорией.

---

[7] *Бектаев Қ.* Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. 1995. Режим доступа: https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Бектаев_%20Большой%20казахско-руский%20русско-казахский%20словарь.pdf?ysclid=m7xbfsuies42540312 (дата обращения: 12.02.2024). С. 636.
[8] Там же. С. 391.
[9] Там же. С. 439.
[10] Там же. С. 211.
[11] Там же. С. 73.
[12] Там же. С. 448.
[13] Там же. С. 448.

Казахские ученые при анализе концепта *родство,* однокоренного с концептом *родственник,* выделяют дифференциальные лексемы: пол (мужской/женский), характер (линия) родства (кровное родство/свойство), линию родства (векторная) (прямое родство родство/боковое родство; восходящее/нисходящее), степень родства (1-е поколение/2-е поколение и т.д.); родовую соотнесенность (по мужскому полу/по женскому полу); возраст по отношению к говорящему лицу (старше/младше) [5. С. 46]. Данные дифференции отражают национальную специфику концепта *туысқан* в казахской картине мира как лингвокультурного феномена.

В казахской науке исследования о территории (земле) занимают особое место и объясняют сакральность данного микроконцепта и его связь через *родство* с *родиной*. Так, исследователи пишут: «Понятие “Родина” многогранно. Оно включает в себя не только место рождения, но и страну происхождения, общину, место проживания нации. Это понятие, с одной стороны, включает в себя коллективное бессознательное, архетипы и мифологические образы; с другой стороны, оно обобщает результаты социального конструктивизма»)[14] [4. С. 250].

Неоценимое значение в повседневной жизни казахов, в основе своей кочевников, играет земля и отношение к ней. *Әркімнің өз жері — жұмақ* ‘Родимый край для каждого — рай’. *Туған жердей жер болмас, туған елдей ел болмас* ‘Нет земли лучше родины своей, лучше, чем на родине нет людей’, — гласят казахские пословицы [9]. Отметим, что священным смыслом наполнено не только слово ж*ер*, но и все слова, семантически связанные с ним, например, *жұмақ* ‘рай’, *ел* ‘*родина*’[15] и др. Это роднит русских и казахов, так как земля в русской ментальности также свята, *земля — мать, Родина-мать*. В отношении к земле заключена еще одна точка пересечения русского и казахского миропонимания.

Таким образом, на основе исследований ученых мы можем сделать вывод, что русское *родственник* и казахское *туысқан* семантически и ментально связаны, в первую очередь, с представлениями о земле как матери, Родине, единой для всех родственников. Однако наличие в казахской культуре такого понятия, как *ру*, значительно расширяет поле казахского концепта ТУЫСҚАН, так как включает в число родственников людей, объединенных историей, традициями, общими интересами, территорией.

[14] Оригинальный текст: The concept of “Homeland” is multifaceted. It includes not only the place of birth, but also the country of birth, the community, the place of residence of the nation. Thisconcept, on the one hand, includes the collective unconscious, archetypes and mythologicalimages; on the other hand, it generalizes the result of social constructivism

[15] *Бектаев Қ.* Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. 1995. Режим доступа: https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Бектаев_%20Большой%20казахско-руский%20русско-казахский%20словарь.pdf?ysclid=m7xbfsuies42540312 (дата обращения: 12.02.2024).

Анализ концепта РОДСТВЕННИК с помощью инструмента Semantic similarity of words

Мы обратились к цифровым инструментам анализа, которые позволяют определить понимание имени концепта РОДСТВЕННИК современными носителями русской культуры. Институтом языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук разработан инструмент Semantic similarity of words[16], который на базе русского языкового корпуса находит семантически близкие слова, то есть формирует семантическое пространство концепта, в нашем случае концепта РОДСТВЕННИК. Использование цифровых инструментов позволяет сделать анализ «независимым» от личности исследователя и показать его структуру, а также систему и иерархию понятий, формирующих семантическое поле концепта РОДСТВЕННИК. На рис. 2 представлены результаты работы инструмента Semantic similarity of words, который позволяет сделать следующие выводы.

Сравнивая семантическое пространство концепта РОДСТВЕННИК, представленное иерархией родственных отношений в идеографическом словаре русского языка[17] с семантическим пространством, зафиксированным инструментом Semantic similarity of words, мы пришли к выводу, что они существенно различаются.

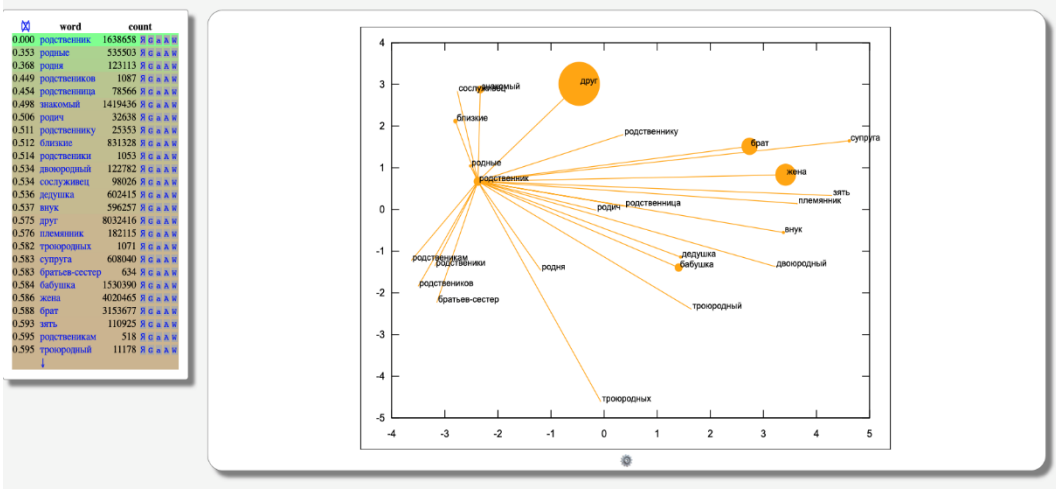

Рис. 2. Результаты работы инструмента Semantic similarity of words с концептом РОДСТВЕННИК

Источник: исследование авторов В.Б. Куриленко, И.И. Просвиркиной, Н.М. Дмитриево, Ж.М.Майгельдиевой.

Figure 2. Results of the Semantic Similarity of Words tool with the concept RELATIVE

Source: compiled by Viktoria B. Kurylenko, Irina I. Prosvirkina, Natalya M. Dmitrieva, Zhannat M. Maygeldieva

[16] Режим доступа: https://www.juls.savba.sk/semä_en.html (дата обращения: 12.02.2024).

[17] *Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка. 1995. Режим доступа: http://rus-yaz.niv.ru/doc/ideographic-dictionary/index-208.htm#208 (дата обращения 09.09.2024).

В идеографическом словаре русского языка О.С. Баранова[18] сформированы слова, как отмечает автор, по близости их употребления: 1) наименования родственников, близких по крови, родственников одного рода (*брат*, *сестра*, *дядя*, *тётя*, *племянник* и т.д.), 2) наименования родственников со стороны жены (*сноха*, *невестка*, *тесть*, *шурин* и т.д.), 3) наименования родственников со стороны мужа (*зять*, *свёкор*, *золовка*, *деверь* и т.д.). А инструмент Semantic similarity of words выстраивает иерархию на основе современного ценностного восприятия носителями языка. Ближний круг семантического пространства русского концепта *родственник* составляют друг, жена, брат, бабушка, то есть, не только люди, объединенные кровным родством (*брат, бабушка*), но и те, кто связаны духовными скрепами (*друг, жена*). Хотелось бы отметить, что очертания семантического сдвига, который явно просматривается в семантическом пространстве концепта *родственник*, представленного инструментом Semantic similarity of words, находим уже в исследованиях ученых А. Вежбицкой [16], А.Д. Шмелёва [17], О.А. Араповой [18], М.А. Хизовой [19], Ару Адема [20] и др. в связи с анализом концепта *друг*. Исследователи, рассматривая разные аспекты данного концепта, подчеркивают его важную роль для носителя русской культуры и для тех связей, которые устанавливаются между близкими людьми и которые формируются в национальной картине мира современного носителя русского языка. Например, А. Вежбицкая, анализируя тексты русских классиков, отмечает особую функцию слова *друг* в русской национальной картине мира. Друг в понимании русского человека — это тот, кому можно доверить сокровенные мысли, кто придет на помощь и поддержит в трудную минуту [16. 108—116]. Как мы можем судить по результатам анализа инструмента Semantic similarity of words, в семантическом пространстве современного носителя русского языка слово *друг* занимает более важную позицию по сравнению с лексической единицей *родственник* (*родственники*).

Не менее значимым в системе родственных связей оказывается и роль слова *жена* (по данным Semantic similarity of words — на втором месте после слова *друг*). Исследование Н.Н. Занегиной в какой-то мере объясняет, почему для современного носителя русского языка некровный родственник (жена) стоит в ряду близких родственников. Проведенное ученым анкетирование показало, что многие респонденты назвали ближайшим родственником жену (мужа) и аргументировали свой выбор примерно так: муж и жена «одно целое», «самые родные», «самые близкие», «родственные души», «семья», «по закону», «родственник по любви» [21].

Подтверждение двойственного восприятия родственности как по крови, так и по духу нашло отражение в изменении лексического значения именований «брат» и «сестра». Учитывая, что русская культура сложилась в русле мощного влияния православия, обратимся к данным церковнославянского

[18] *Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка. 1995. Режим доступа: http://rus-yaz.niv.ru/doc/ideographic-dictionary/index-208.htm#208 (дата обращения 09.09.2024).

языка как первоисточника исконных смыслов. Г. Дьяченко приводит, например, семь значений лексемы «брат», среди которых, помимо прямого значения, встречаются такие варианты толкования: «…всякий сродник (соотечественник, соплеменник, родственник)», «…брат по праву благочестия, или участник того же благословения небесного о Христе Ходатае…» [22. С. 27]. Имеется в виду монастырская братия, люди, объединенные едиными взглядами, убеждениями. Также встречается «…брат по праву … соседства…» [22. С. 27], то есть земляк, хороший знакомый, близкий по территории. Данный момент, как было указано выше, роднит русское понимание родственника (в данном случае лексической единицы *брат*) с миропониманием казахов.

В толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова отмечены два дополнительных значения: «фамильярное или дружеское обращение к лицу мужского пола, <…> члена религиозного братства, монаха»[19]; «близкий, единомышленник, друг, свой»[20]. В последнем определении, на наш взгляд, уже наблюдается семантический сдвиг, указывающий на перераспределение значений, потому что ‘близкий, единомышленник, друг, свой’ не включает связь по крови. Это расширительное значение также сближает миропонимание носителей русского языка с национальной картиной мира казахов, где через *ру* в число родственников объединяются люди одной истории, традиции, территории.

Вернемся к анализу русских словарных дефиниций. С.И. Ожегов приводит два значения с пометой «высокое»: «человек, близкий другому по духу, по деятельности, вообще кто-нибудь близкий» и «единомышленник, товарищ в каком-нибудь общем деле»[21]. Примечательно, что именно в советский период в словарях четко фиксируется значение, связанное с родством по духу. Словарь русского языка, например, указывает у слова *брат* четыре значения, разделяя высокое «всякий человек, объединенный с говорящим общими интересами, положением, условиями, единомышленник в чем-л.; собрат» и «фамильярное и дружеское обращение к мужчине, юноше, мальчику», а также «член религиозного братства; монах»[22]. (Похожее толкование зафиксировано и в словаре нашего столетия, например, *брат* — «тот, с кем объединяют, сближают общие интересы, условия жизни и т.п.; единомышленник, собрат»[23].

Подобную семантическую трансформацию можно отметить и в семантике слова *сестра*: «женщина, объединенная с кем-либо общими интересами, положением, условиями», далее «женщина близкая, любящая, духовно родственная кому-либо» и отдельно «член женского религиозного братства, монахиня»[24].

---

[19] *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь русского языка. М. : Хит книга, 2020.
[20] Там же.
[21] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М. : ООО Издательство «Мир и Образование», 2005.
[22] *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка. Т. 1. М. : Русский язык, 1985. С. 39.
[23] *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. Т. 1. М. : АСТ, 2005.
[24] *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка. Т. 1. М. : Русский язык, 1985. С. 39.

Для казахского народа, насколько мы можем судить по результатам исследований казахских ученых [2], важны семейные ценности, но в центре данной социальной ячейки у казаха всегда находится ребенок (*бала, бөпе, жас бала, нәреста, перзент, сәби*)[25], который осознается как носитель рода, продолжатель рода, наследник *ізбасар*[26], *мирасқор, мұрагер, тұяқ*[27], *текті жалғастырушы, мұрагер*[28]. Научные исследования о казахской семье как модели родственных связей основываются на анализе прецедентных текстов, прежде всего пословиц [6], в которых представление о семье формируется благодаря терминам родства (*брат*, *сестра*, *племянник* и т.д.), причем входящих как в ближнюю, так и в дальнюю периферию концепта ТУЫСҚАН.

Таким образом, семантическое пространство современного русского концепта РОДСТВЕННИК по данным инструмента Semantic similarity of words только частично совпадает с данными, представленными в словарях: «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю.Н. Караулова[29]; «Русский семантический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой[30], «Идеографический словарь русского языка» под ред. О.С. Баранова[31]. Современный носитель русского языка и русской культуры считает, что духовно близкие люди приравниваются к тем людям, с которыми их связывают кровные узы или брачные отношения, а часто духовные узы, духовная близость важнее, ближе, роднее. В казахской же культуре основой семьи, ее ядром, является наследник, то есть тот, кто «кровью» связан с родом, тот, кто является носителем генома данного рода.

Анализ концепта *родственник* с помощью инструментов Национального корпуса русского языка

Для анализа концепта *родственник* мы использовали инструменты Национального корпуса русского языка (НКРЯ), которые позволяют создать «Портрет слова». Проанализируем только некоторые его элементы.

На рис. 4 представлен фрагмент «Портрета слова», который сгенерирован инструментом НейроКРЯ (НКРЯ), представляющим модель автоматической разметки (разработана Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН) и представляет, по сути, ядро современного семантического

[25] *Бектаев К.* Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. 1995. Режим доступа: https://altaica.ru/LIBRARY/turks/Бектаев_%20Большой%20казахско-руский%20русско-казахский%20словарь.pdf?ysclid=m7xbfsuies42540312 (дата обращения: 12.02.2024). С. С. 633.
[26] Там же. С. 631.
[27] Там же. С. 579.
[28] Там же. С. 579.
[29] Караулов Ю.Н., Чекасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф Русский ассоциативный словарь : в 3 томах. М. : АСТ, 2003.
30 Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, под общ. ред. Н. Ю. Шведовой : в 2 томах. – М. : Азбуковник, 2000.
[31] *Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка. 1995. Режим доступа: / http://rus-yaz.niv.ru/doc/ideographic-dictionary/index-208.htm#208 (дата обращения 09.09.2024).

пространства концепта *родственник.* Данный инструмент позволяет трансформировать представления о мире, причем извлекая из различных текстов, помещенных в НКРЯ, не только те лексические единицы, которые осмыслены носителем языка, но и те, которые лежат в области бессознательного (семантические ассоциаты), поэтому, на наш взгляд, данная выкладка (рис. 3) представляет когнитивно-семантическое пространство русской национальной картины мира, в которое, в основном, входят однокоренные слова (только два слова из одиннадцати не являются однокоренными (слово племянник восходит к слову племя (род). По-видимому, тяготение к роду, как к объединяющей основе по-прежнему содержится в национальной картине мира современного носителя русского языка.

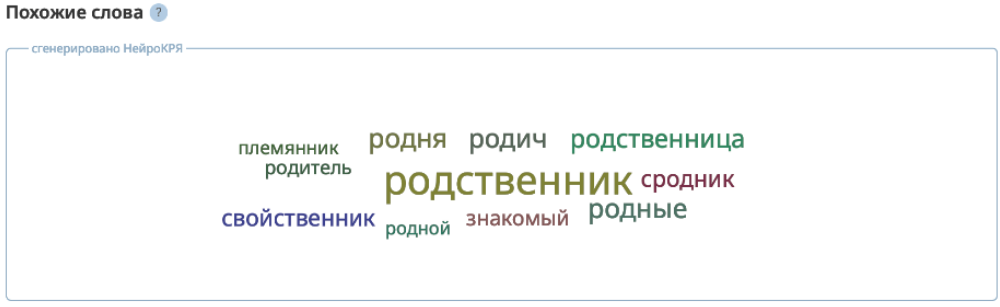

Рис. 3. Фрагмент «Портрета слова», созданного инструментом НейроКРЯ (НКРЯ)
Источник: исследование авторов В.Б. Куриленко, И.И. Просвиркиной, Н.М. Дмитриево, Ж.М. Майгельдиевой.

Figure 3. A fragment of the “Portrait of a Word” created by the NeuroKRYA
Source: compiled by Viktoria B. Kurylenko, Irina I. Prosvirkina, Natalya M. Dmitrieva, Zhannat M. Maygeldieva.

Спорным является слово свойственник, потому что образовано от слова *свой*, которое, конечно, не является однокоренным слова *род*, но образовано от слова, входящего в устойчивую парадигму «*свой — чужой*», подробно описанную в научных исследованиях. *Свойственник* — это человек, который не связан «кровными узами», но близок через родню, это родственники жены или мужа по отношению друг к другу. Мы думаем, что семантическое наполнение слова *свойственник* сравнимо с казахским «родственник по кости». Микроконцепт *знакомый* восходит, как известно, к глаголу *знать* и свидетельствует о том, что в круг родных людей современный носитель русского языка может включать тех, с кем не связан кровью, отношениями через родственников, но кого хорошо знает, понимает, кто близок по духу.

На рис. 4 представлен фрагмент «Портрета слова», который создан приложением «Скетч» (НКРЯ) и помогает понять оттенки значения слова благодаря его контекстному использованию. Контекстное значение слова определяется частотными коллокациями (сочетаниями) и их синтаксическими связями.

Семантическое пространство концепта *родственник* наполняется дополнительными эмоциональными значениями (благодаря частотным коллокациям), характеризующим духовную близость, потому что с родственником можно посидеть (собраться, навестить, созвать), у него можно погостить (съехаться, приютить). Очень важна степень близости родственника (дальний, отдаленный, близкий, ближайший, ближний, кровный). От родственника можно получить помощь или помочь ему (влиятельный, богатый, бедный; прописать). В основном, со словом *родственник* связаны положительные эмоции и почти не наблюдается дифференциация по крови или по духу. Можно только понять, что близость «по духу» превалирует над связью «по крови» (единичная коллокация).

Скетчи ?

родственник Существительное

Определения		*Сказуемые*		*Глаголы с прямым дополнением*		*Глаголы с косвен*
1. дальний	10,08	1. приезжать	5,88	1. навестить	7,27	1. отправлять
2. близкий	9,96	2. собраться	5,77	2. навещать	7,13	2. раздавать
3. ближайший	8,77	3. навещать	5,48	3. проведать	6,68	3. раздать
4. ближний	7,71	4. приехать	5,29	4. разыскивать	6,52	4. разрешать
5. кровный	7,49	5. гостить	5,17	5. разыскать	6,44	5. завещать
6. бедный	7,42	6. съехаться	5,17	6. повидать	6,13	6. отсылать
7. влиятельный	7,09	7. присутствовать	5,11	7. созвать	5,92	7. выдавать
8. многочисленный	7,05	8. приютить	5,09	8. прописывать	5,87	8. передаватьс
9. богатый	6,84	9. съезжаться	5,03	9. перетащить	5,63	9. высылать
10. отдаленный	6,76	10. жить	4,98	10. поминать	5,25	10. переслать

Рис. 4. Фрагмент «Портрета слова», созданного «Скетч» НКРЯ
Источник: исследование авторов В.Б. Куриленко, И.И. Просвиркиной, Н.М. Дмитриево, Ж.М. Майгельдиевой.
Figure 4. A fragment of the "Portrait of the Word" created by the NKRY "Sketch"
Source: compiled by Viktoria B. Kurylenko, Irina I. Prosvirkina, Natalya M. Dmitrieva, Zhannat M. Maygeldieva.

Таким образом, представленный цифровыми инструментами «Портрет слова» включает ядро концепта *родственник* (*родня*, *родич*, *родственница*, *сродник*, *родные*, *знакомый*, *родной*, *свойственник*, *родитель*, *племянник*), а также коннотации, основанные на синтаксических связях вербализаторов концепта РОДСТВЕННИК.

Анализ концепта *туысқан* с помощью инструменто в Қазақ тілінің ұлттық корпусы

Для анализа концепта *туысқан* мы в качестве инструментов исследования использовали «Сөз портреті» 'Портрет слова' и «Сөз статистикасы» 'Статистика слова', предлагаемые Қазақ тілінің ұлттық корпусы (Национальным корпусом казахского языка), которые позволяют создать образ слова

туысқан на основе собранных на сегодняшний день различных текстов на казахском языке. В структуру Қазақ тілінің ұлттық корпусы входят различные подкорпусы: поэтический, терминологический, рекламный, диалектный, фразеологический и т.д. Таким образом, инструменты «Сөз портреті» и «Сөз статистикасы» дают довольно полное представление о семантическом поле концепта *туысқан*. Проанализируем только некоторые элементы, вычлененные нами с помощью вышеназванных инструментов. На рис. 5 представлен фрагмент «Сөз портреті», сгенерированный инструментом «Сөз портреті», который представляет все значения лексической единицы *туысқан,* обнаруженные в современном казахском языке. Қазақ тілінің ұлттық корпусы фиксирует следующие значения, извлеченные из основного корпуса: 1. Бір атадан өрбіген ұрпақтар, туыстас, бауырлас адамдар ‘потомки, родственные, братские люди, рожденные от одного предка’. 2. а у ы с. Бірі мен бірін ортақ мақсаттар қосқан әр түрлі халықтар, одақтас елдер ‘разные народы, союзные страны, которые добавляли друг другу общие цели’. 3. а у ы с. э м о ц. Таныс не таныс емес адамдарға меңзей айтылатын қаратпа сөз ‘неофициальное слово, которое произносится с намеком на знакомых или незнакомых людей’.

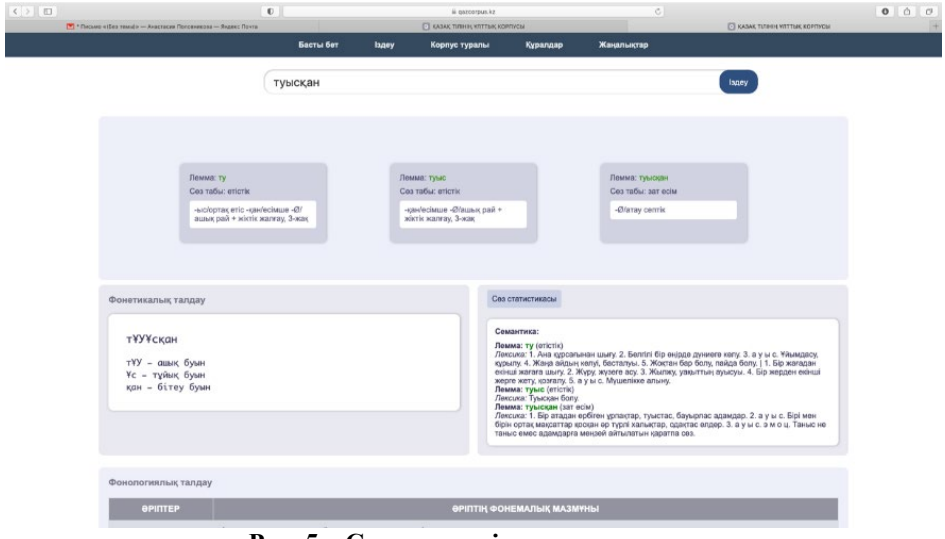

Рис. 5. «Сөз портреті» слова *туысқан*

Источник: исследование авторов В.Б. Куриленко, И.И. Просвиркиной, Н.М. Дмитриево, Ж.М.Майгельдиевой.

Figure 5. “Søz Portrait” of the words tuyskan

Source: compiled by Viktoria B. Kurylenko, Irina I. Prosvirkina, Natalya M. Dmitrieva, Zhannat M. Maygeldieva.

Как можем судить, Қазақ тілінің ұлттық корпусы зафиксировал те же самые значения, что и русско-казахский словарь. Инструмент «Сөз статистикасы» позволяет определить смысловые ассоциаты слова *туысқан* (рис. 6), которые дополняют семантическое пространство казахской национальной картины мира и определяют смысловую глубину понятия *туысқан*.

«Сөз статистикасы» слова *туысқан* «Сөз статистикасы» слова *тұқым*

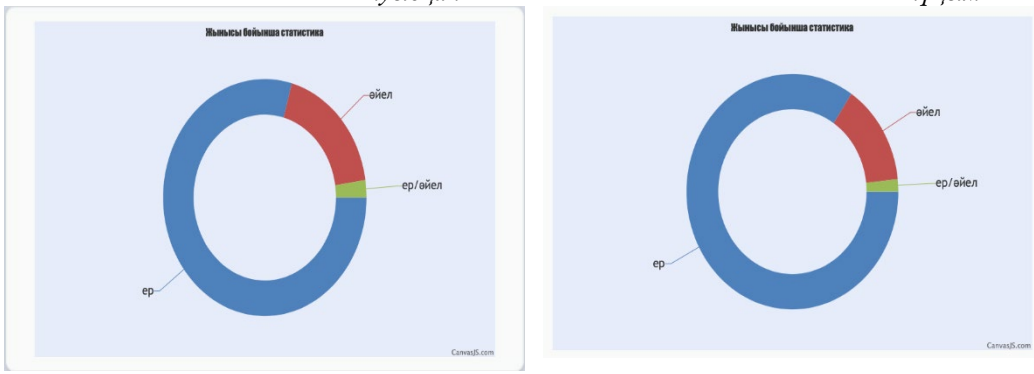

Рис. 6. «Сөз статистикасы» слов *туысқан* и *тұқым*
Источник: исследование авторов В.Б. Куриленко, И.И. Просвиркиной, Н.М. Дмитриево, Ж.М.Майгельдиевой.
Figure 6. "Sөz statistics" of the words tuyskan and tukym
Source: compiled by Viktoria B. Kurylenko, Irina I. Prosvirkina, Natalya M. Dmitrieva, Zhannat M. Maygeldieva

В этом отношении, на наш взгляд, важна статистика, указывающая на тесную связь слова *туысқан* с мужским началом (ер): родственные связи определяются, прежде всего по мужчине, который ассоциируется со стержнем рода, его основой, и, конечно, с ребенком мужского пола, который станет преемником обычаев и культуры рода (рис. 6).

Инструменты «Сөз портретi» и «Сөз статистикасы» позволяют понять, что прародитель (*ата-баба*) — это ключевая лексическая единица, связанная с понятием *туысқан* и *туыс* (род) в казахской языковой картине мира. Неслучайно «Сөз статистикасы» предлагает идентичные модели слов *туысқан* и *тұқым* (рис. 6). По-видимому, тяготение к роду как к объединяющей основе по-прежнему сохраняется в национальной картине мира современного носителя казахского языка.

Анализ концепта *родственник / туысқан* с помощью ChatGPT4

ChatGPT4 — это нейросеть, вернее, модель, которая способна решать различные задачи, в том числе и лингвистического анализа. Преимущество данного инструмента заключается в том, что генерация вербализаторов концептов создается на основе всех текстов, которые присутствуют в сети. Так как концепт представляет собой некий мыслительный образ, который мы можем вербализовать с помощью языковых средств, вполне допустимо сравнить его с «портретом», тем более что данная метафора уже встречается в научном обороте (например в НКРЯ). ChatGPT4 создает «Портрет слова» на основе различных подходов, и прежде всего когнитивного: Н.Н. Болдырев [23], А.Д. Кошелев [13] и др.

Вначале нейросеть предлагает определение слова – имени концепта, образующее ядро концепта:

родственник — слово, звучащее теплотой и одновременно несущее в себе целый мир взаимоотношений. Это слово, которое может быть как источником радости и поддержки, так и причиной боли и разочарования.

туысқан — слово, звучащее глубоко и загадочно, словно тайна, которую хранит вековая история.

Определение, составленное нейросетью, отражает смысловую и эмоциональную экспрессию концептов *родственник / туысқан*. На наш взгляд, очень точно определяет противоречивость данного концепта в русской национальной картине мира и устойчивость, традиционность *туысқан* в национальной картине мира казахов.

Расширяются и закрепляются некоторые оттенки смысловых и ассоциативных связей, возникающие на основе взаимодействия со словами, входящими в семантическое пространство концептов.

Взаимодействие с другими словами

Семья: синоним, составляющий основу понятия *родственник*.

Любовь, забота, поддержка: часто встречаются в контексте, описывая положительные стороны отношений.

Ссора, конфликт, разочарование: говорят о сложных моментах, которые бывают в каждой семье.

Кровь, род, генетика: указывают на биологические связи, объединяющие родственников.

Отбасы: синоним, описывающий ядро рода, место, где зарождаются и крепнут родственные связи.

Тарих, рухани, ұлт: часто встречаются в контексте, говоря об исторических корнях, духовной связи и национальной идентичности.

Ұрпақ, жалғастыру, дәстүр: отображают продолжение рода, передачу знаний и обычаев будущим поколениям.

Жер, туған жер, атамекен: свидетельствуют о привязанности к земле, к месту, где родился и живет род.

Как мы можем видеть, основой концептов *родственник / туысқан* по определению нейросети являются *семья / отбасы* (семья по результатам перевода онлайн-словаря). Но инструмент искусственного интеллекта не предлагает определения данных лексических единиц, а трактует понятие через ассоциативные связи с оценочными лексическими единицами. Понятие, которое предлагает нам нейросеть, существенно отличается, потому что оно сгенерировано на основе скрытых в подсознании носителей языка смыслов, заложенных в различных текстах (художественных, текстов СМИ, научных и др.). Для казахского семантического пространства *отбасы* является очагом зарождения рода, хранителем родственных связей. Если основу русского семантического пространства составляют вербализаторы, отражающие систему взаимоотношений (*любовь, забота, поддержка, ссора, конфликт, разочаро-*

вание), то для казахского семантического пространства характерны вербализаторы, отражающие непрерывную связь поколений, которая определяется сохранением культурно значимых знаний и духовных ценностей народа (*передача знаний и обычаев будущим поколениям*). Примечательно, что, по данным нейросети, биологическое родство отмечается в русском национальном сознании как приоритетное, а для казахов важна привязанность к земле, к территории, к месту рода, к происхождению рода.

Таким образом, список слов, взаимодействующих с концептами РОДСТВЕННИК / ТУЫСҚАН, подчеркивают национальную специфичность русского и казахского концептов. Если ТУЫСҚАН включает в свое семантическое пространство прежде всего слова со значением ‘место, где зарождаются и крепнут родственные связи’ и ‘продолжение рода’, то русское РОДСТВЕННИК подчеркивает тип отношений между людьми: любовь, забота, ссора, конфликт, что еще раз акцентирует наше внимание на семантическом сдвиге в понимании имени концепта современными носителями языка.

Интересны в портрете слова, созданном программой ChatGPT4, и общие сенсорные свойства (цвет, форма, материал) концептов РОДСТВЕННИК / ТУЫСҚАН, некоторые из которых, например, цвет, существенно интерпретированы нейросетью.

Сенсорные свойства концепта *родственник*	**Сенсорные свойства концепта *туысқан***
Цвет: теплый, золотистый, как осенние листья, напоминающие о семейных традициях и истории.	*Цвет*: темно-зеленый, как хвоя древних деревьев, символизирующая прочность и выносливость.
Форма: округлая, как семейный круг, объединяющий всех в единое целое.	*Форма*: спиральная, как ДНК, соединяющая всех членов рода в единое целое.
Материал: ткань, прочная и мягкая одновременно, как крепкие семейные узы, которые могут растягиваться, но не рваться.	*Материал*: камень, твердый и нерушимый, отражающий незыблемость родственных связей.

В итоге на основании собранных текстов ChatGPT4 определил «характер», то есть наиболее устойчивые признаки концептов *родственник* / *туысқан*.

«Характер» концепта РОДСТВЕННИК	**«Характер»** концепта ТУЫСҚАН
Сложный: включает в себя множество оттенков — от глубокой любви и заботы до недопонимания и конфликтов.	*Сдержанный*: не торопится раскрывать себя, но в глубине скрывает неисчерпаемую силу.
Непредсказуемый: как погода, может быть солнечным и ясным, а может — бурным и грозовым.	*Мудрый*: сохраняет память о предках, передавая ценности и традиции из поколения в поколение.
Долговечный: с годами только крепнет, как старое дерево, которое пережило множество бурь.	*Мощный*: объединяет людей в единую силу, способную преодолеть любые препятствия.

Приведенные искусственным интеллектом черты поэтичны, но они действительно близки семантике концептов: отмечена сложность, неоднозначность и долговечность русского концепта, а также его семантическая девальвация («непредсказуемый») и национальная, свойственная казахам сдержанность и трепетное отношение к памяти предков, а также мощь концепта, скрепляющего народ социально и ментально.

Заключение

Таким образом, в современной казахской культуре главной единицей общественной организации традиционно остается семья. В семейный круг включаются кровные родственники, приемные дети, близкие друзья, то есть, все, кто считается частью этой семьи, кто чтит ее традиции и соблюдает законы социального бытия (уважение к старшим, солидарность, взаимопомощь). Основой семьи считается *ер* мужчина (точнее — ребенок мужского пола), родоначальник, сохраняющий и передающий обычаи и культуру рода. С семьи начинается род, ру, родина (территория), а они, в свою очередь, определяют мироустройство и коммуникативно-культурное взаимодействие казахов, что составляет смысловое наполнение концепта *туысқан*.

В современной русской культуре *родственник* – это человек, который не обязательно входит в ближний круг кровного родства. Носитель русского языка часто в круг родственников вводит и тех, которые не связаны «кровью»: крестные, друзья – те, кого считают родственными, близкими на основе общих интересов, общих взглядов, то есть «по духу». Конечно, урбанизация современного общества влияет на качество родственных связей, на разобщенность людей, но, тем не менее, в русском культурном пространстве родственные связи определяются в большей степени духовными скрепами.

Концепт РОДСТВЕННИК / ТУЫСҚАН в обеих культурах характеризуется тем, что в определенные моменты (например, когда человеку плохо) именно родственники становятся поддержкой и опорой: в казахской культуре те, с кем связан кровью, кланом (родом), традициями, взаимовыручкой; в русской культуре — те, кто близок «по духу», по эмоциональным ощущениям.

Перспективы данной работы авторы видят в использовании ее результатов и исследовательских стратегий при сравнительно-сопоставительном анализе других близких концептов, формирующих ядро национальных картин мира русских и казахов

Список литературы

1. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия: космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИ-ДИК, 1999. EDN: XBXDGX
2. *Агаркова О.А., Мезенцева А.В.* Концепт «семья» в казахской национальной культуре // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=19317 (дата обращения: 29.10.2024). EDN: VIEVMD

3. *Нурманова Ж.К.* Особенности терминологии родства в казахском языке// Молодой ученый. 2019. № 17(255). С. 261—263. EDN: WCWFBK
4. *Olzhabayev B.K., Soylemez O.* The concept and conceptual field of "homeland" in Kazakh folklore // Keruen. 2024. Vol. 83. № 2. P. 249–259. https://doi.org/10.53871/2078-8134.2024.2-19 EDN: TNWKIZ
5. *Жанпеисова Н.М.* Концепт мать/ана в картине мира казахско-русских билингвов (опыт контрастивно-лингвокультурологического анализа) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2005. № 2. С. 44–51. EDN: RTTICJ
6. *Аманбаева Г.Ю., Аширбекова Г.Н.* Ментальная концептосфера как объект сопоставительного исследования // Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология». 2010. № 4(60). С. 15–18.
7. *Виноградов В.В.* История слов. М. : Толк, 1994.
8. *Толстая С.М.* Аксиология родства в свадебном фольклоре (русско-сербские сопоставления) // Категория родства в языке культуре. М. : Индрик, 2009. С. 148–158.
9. *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики философии искусства. М. : Наука, 1985.
10. *Степанов Ю.С.* Язык и Метод. К современной философии языка. М. : Языки русской культуры, 1998.
11. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки русской культуры, 1997. EDN: QOFIUL
12. *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянских культур, 2007. EDN: SUQHZX
13. *Кошелев А.Д.* Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М. : ЯСК, 2017.
14. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004.
15. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М. : АСТ – Восток – Запад, 2007. EDN: RUFSVD
16. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянской культуры, 2001. EDN: SUMHVV
17. *Шмелев А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002.
18. *Арапова О.А.* Концепт «Дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ : дисс. … канд. филол. наук. М. , 2005.
19. *Хизова М.А*. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах : дисс. … канд. филол. наук. М., 2005.
20. *Ару Адем*. Языковая репрезентация концепта «дружба» в русской речи : дисс. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2021.
21. *Занегина Н.Н.* Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания : автореф. дисс. … канд. филол. н. М., 2011.
22. *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. М. : Отчий дом, 2001.
23. *Болдырев Н.Н., Федяева Е.В.* Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 686–703. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703 EDN: LVSSMM

References

1. Gachev G.D. (1999). *National images of the World. Eurasia: The Cosmos of a Nomad, a Farmer and a Mountaineer. Moscow*: Institute of DIK. (In Russ.).
2. Agarkova, O.A., & Mezentseva, A.V. (2015). The Concept “FAMILY” in the Kazakh National Culture. *Modern problems of science and education*, 1-1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=19317 (accessed: 29.10.2024). (In Russ.). EDN: VIEVMD

3. Nurmanova, J.K. (2019). Peculiarities of Kinship Terminology in the Kazakh Language. *Molodoy uchenyy*, 17(255), 261–263. (In Russ.). EDN: WCWFBK
4. Olzhabaev, B., & Soylemez, O. (2024). The Concept and Conceptual Field of “Homeland” in Kazakh Folklore. *Keruen*, *83*(2), 249–259. https://doi.org/10.53871/2078-8134.2024.2-19 EDN: TNWKIZ
5. Zhanpeisova, N.M. (2005). The Motherland Concept in the World Picture as Seen Toc \O “1-3” \H \Z by Kazakh/Russian Bilingual People (Comparative and Cultural Linguistic Analysis). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2, 44–51. (In Russ.). EDN: RTTICJ
6. Amanbayeva, G.Yu., & Ashirbekova, G.N. (2010). Mental Conceptosphere as an Object of Comparative Research. *Bulletin of Karaganda University Series “Philology”*, 4, 15–18. (In Russ.).
7. Vinogradov, V.V. (1994). *History of words*. Moscow: Tolk. (In Russ.).
8. Tolstaya, S.M. (2009). Axiology of Kinship in Wedding Folklore (Russian-Serbian Comparisons). In: *The Category of Kinship in Language and Culture* (pp. 148–158). Moscow: Indrik. (In Russ.).
9. Stepanov, Yu.S. (1985). *In the Three-Dimensional Space of Language. Semiotic Problems of Linguistics and Philosophy of Art*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
10. Stepanov, Yu.S. (1998). *Language and Method. Toward a Contemporary Philosophy of Language*. Moscow: Languages of Russian Culture. (In Russ.).
11. Stepanov, Yu.S. (1997). C*onstants. Dictionary of Russian Culture. a Research Experienc*e. Moscow: Languages of Russian Culture. (In Russ.). EDN: QOFIUL
12. Stepanov, Yu.S. (2007). *Concepts. The Thin Film of Civilization*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. (In Russ.). EDN: SUQHZX
13. Koshelev, A.D. (2017). *Essays on the Evolutionary-Synthetic Theory of Language*. Moscow: YASK. (In Russ.).
14. Karasik, V.I. (2004). *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena. (In Russ.).
15. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Cognitive Linguistics.* Moscow: AST – Vostok – Zapad. (In Russ.).
16. Vezhbitskaya, A. (2001). *Understanding Cultures through Keywords*. Moscow: Language of Slavic Culture. EDN: SUMHVV
17. Shmelev, A.D. (2002). *the Russian Linguistic Model of the World: Materials for the Dictionary*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
18. Arapova, O.A. (2005). *The Concept of “Friendship”: A Systemic and Functional-Cognitive Analysis* [PhD Thesis]. Moscow. (In Russ.).
19. Khizova, M.A. (2005). *The Concept of “friendship” in Russian and English Linguocultur*es [PhD Thesis]. Moscow.
20. Aru, Adem. (2021). *Linguistic Representation of the Concept of “Friendship” in Russian* [Phd Thesis]. Nizhniy Novgorod. (In Russ.).
21. Zanegina, N.N. (2011). *The Concept of “family” in the Russian Literary Language and the Principles of its Description* [Phd Thesis]. Moscow. EDN: QHITFJ
22. Dyachenko, G. (2001). *The Complete Church Slavonic Dictionary*. Moscow: Father's House.
23. Boldyrev, N.N., & Fedyaeva, E.V. (2023). Cognitive Research Methods in Linguistics: Conceptual-Inferential Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, *14*(3), 686–703. https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-3-686-703 EDN: LVSSMM

Сведения об авторах:

Куриленко Виктория Борисовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка № 5 Института русского языка, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6);

сфера научных интересов: национальная концептосфера, национальная картина мира, семантика; *e-mail*: kurilenko-vb@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-3638-9954, SPIN-код: 1106-3582, AuthorID: 361944, ResearcherID: A-6179-2017, Scopus ID: 56809505200.

Просвиркина Ирина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); *сфера научных интересов*: национальная концептосфера, национальная картина мира, семантика; *e-mail*: prosvirkina_ii@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-4052-28-53, SPIN-код: 1902-0432, AuthorID: 415628.

Дмитриева Наталья Михайловна, доктор филологических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка филологического факультета, Оренбургский государственный университет (460018, Российская Федерация, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13); *сфера научных интересов*: национальная концептосфера, национальная картина мира, семантика; *e-mail*: dmitrieva1977@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5860-5374, SPIN-код: 6643-6050, AuthorID: 312470.

Майгельдиева Жаннат Мусабековна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Кызылординский университет имени Коркыт Ата (120014, Республика Казахстан, г. Кызылорда, ул. Айтеке би, д. 29А); *сфера научных интересов*: национальная концептосфера, национальная картина мира, семантика; *e-mail*: jmussabek@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1297-274X, Scopus: 57191418034, SPIN-код: 5825-1084, AuthorID: 870378.

Information about the authors:

Viktoria B. Kurilenro, Dr.Sc. (Pedagogical Sciences), Head of the Department of Russian Language No. 5, Institute of the Russian Language, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation117198); *Research interests*: national conceptual sphere, national worldview, semantics; *e-mail*: kurilenko-vb@rudn.ru
ORCID:0000-0003-3638-9954, SPIN-code: 1106-3582, AuthorID: 361944, ResearcherID: A-6179-2017, Scopus ID: 56809505200.

Irina I. Prosvirkina, Dr.Sc. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of Russian Language No. 2, Institute of the Russian Language, RUDN University (6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation117198); *Research interests*: national conceptual sphere, national worldview, semantics; *e-mail*: prosvirkina_ii@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-4052-28-53, SPIN-code: 1902-0432, AuthorID: 415628.

Natalya M. Dmitrieva, Dr.Sc. (Philology), Docent, Associate Professor at the Department of Russian philology and methods of teaching Russian at the Faculty of Philology, Orenburg State University (13 Pobedy Ave., Orenburg, Russian Federation); *Research interests*: national conceptual sphere, national worldview, semantics; *e-mail*: dmitrieva1977@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5860-5374, SPIN-code: 6643-6050, AuthorID: 312470.

Zhannat M. Maigeldiyeva, PhD in Philology, Associate Professor of Department of Russian Language and Literature, Korkyt Ata Kyzylorda University (29A Aiteke bi str., Kyzylorda, Republic of Kazakhstan, 120014); *Research interests*: national conceptual sphere, national worldview, semantics; *e-mail*: jmussabek@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1297-274X, Scopus: 57191418034, SPIN-code: 5825-1084, AuthorID: 870378.

.